ЧТЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать третья.

Выпускъ I.

Изданія подъ редакціею

Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейзиндера. Пушкинская № 20
1912.

ЧТЕНІЯ

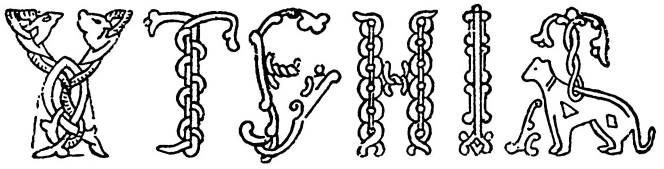
ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать третья.

КІЕВЪ 1912 г.

Е. ПАВЛЕНКОВ.



УТРЕНІЯ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

НЕСТОРА ЛѢТОПИСЦА.

Книга двадцать третья.

Выпускъ I.

Издана подъ редакціею

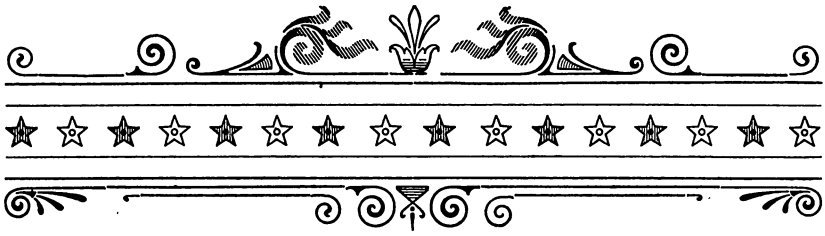
Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы.

КІЕВЪ.
Типо-литографія Т. Г. Мейнандера. Пушкинская № 20.
1912.

Печатано по постановленію Совѣта Историч. Общества Нестора-лѣтописца
Предсѣдатель Общества *Ю. Кулаковскій.*

Отдѣлъ 1.

Лѣтопись дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца.



Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ 39-мъ году его существованія, съ 27-го октября 1910 г. по 27-е октября 1911 г.

Въ день памяти своего покровителя преп. Нестора-лѣтописца, Историческое Общество имѣетъ честь представить слѣдующій Отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 39-й годъ своего существованія, т. е. съ 27-го октября 1910 года по 27-е октября 1911 года.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27-му октября 1910 года Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 155 членовъ: 25 почетныхъ, 124 дѣйствительнымъ и 6 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ въ отчетномъ году Общество лишилось 2 членовъ— поч. члена Василія Ивановича Сергѣевича и д. члена Павла Игнатьевича Житецкаго.

Ученое имя В. И. Сергѣевича пользуется столь почетной извѣстностью, что нѣтъ надобности перечислять тѣ нѣсколько десятковъ ученыхъ работъ и изданій, которыми обогатилъ русскую науку почившій. Изъ ряда его изслѣдованій, отличавшихся всегда свѣжестью и оригинальностью выводовъ, и написанныхъ прекраснымъ, яснымъ и

образнымъ языкомъ, достаточно упомянуть такія капитальныя работы, какъ: 1) *„Вѣче и Князь“*, вышедшая въ свѣтъ въ 1867 г. и впервые установившая правильную схему государственнаго строя древней Руси; 2) *„Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ“* (1875 г.),—трудъ, посвященный преимущественно опредѣленію юридической природы земскихъ соборовъ; 3) *„О Екатерининской законодательной комиссіи“* (1878 г.), гдѣ авторъ обстоятельно разсмотрѣлъ дѣятельность и объяснилъ причины неудачъ Екатерининской комиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія; 4) *„Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“*, выдержавшія, начиная съ 1883 г., рядъ изданій и 5) *„Русскія Юридическія Древности“*.

Помимо цѣлаго ряда большихъ изслѣдованій и болѣе мелкихъ статей, составляющихъ выдающееся явленіе русской исторической литературы, В. И. Сергѣевичъ обогатилъ послѣднюю изданіемъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ объ Екатерининской комиссіи, наполнившихъ собою 5 огромныхъ томовъ „Сборника Императ. Русскаго Историческаго Общества“.

Покойный состоялъ почетнымъ членомъ многихъ русскихъ ученыхъ учрежденій и обществъ, а также почетнымъ членомъ Кіевскаго, Юрьевскаго и Харьковскаго университетовъ. И тѣмъ пріятнѣе Обществу Нестора-лѣтописца отмѣтить то особое отношеніе, которое къ нему покойный проявлялъ.

Вотъ что писалъ онъ по поводу своего избранія къ бывшему секретарю Общества проф. М. Н. Ясинскому: „Съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ я Ваше письмо отъ 15 марта с. г. Очень Вы меня обрадовали. Мнѣ особенно пріятно сдѣлаться почетнымъ членомъ *Историческаго* (NB курсивъ автора письма) Общества Нестора-лѣтописца и не по тому одному, что изученіе нашихъ лѣтописей въ теченіе многихъ лѣтъ было любимѣйшимъ моимъ занятіемъ. Избирая меня своимъ п. членомъ, Историческое Общество Нестора-лѣтописца признаетъ этимъ, что *я трудился въ области нашей*

исторіи, а это не всѣмъ извѣстно...“ А затѣмъ, когда въ 1904 г. В. Н. Сергѣевичъ издалъ Русскую Правду, то на обложкѣ изданія при своемъ имени изъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ титуловъ помѣстилъ лишь одинъ: „почетный членъ Историч. Общ. Нестора-лѣтописца“.

Уроженецъ Кременчуга, питомецъ Полтавской семинаріи и Кіевской Духовной Академіи, а затѣмъ Университета св. Владиміра, Павелъ Игнатьевичъ Житецкій долгіе годы своей жизни и дѣятельности провелъ въ Кіевѣ, гдѣ сталъ однимъ изъ популярнѣйшихъ, крупнѣйшихъ мѣстныхъ педагоговъ и ученыхъ. Глубокая, разносторонняя эрудиція у него соединялась съ широтой мысли и тѣмъ особымъ чувствомъ преклоненія предъ стариной и народностью, которое свойственно лучшимъ нашимъ филологамъ-гуманистамъ. Своими учеными трудами, доставившими ихъ автору высокое званіе члена-корреспондента Имп. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ и поч. доктора Университета св. Владиміра, покойный особенно много сдѣлалъ для научной исторіи малорусскаго языка; напомнимъ его описаніе знаменитой Пересопницкой рукописи, очеркъ звуковой исторіи м.-р. нарѣчія, очеркъ литературной исторіи м.-р. нарѣчія въ XVII ст., и др. Въ области м.-р. поэзіи онъ впервые ясно представилъ процессъ образованія м.-р. народныхъ думъ („Мысли о народныхъ м.-р. думахъ“) и связалъ появленіе „Энеиды“ Котляревскаго съ предшествующей м.-р. литературой XVIII в. („Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея въ связи съ обзоромъ м.-р. литературы XVIII в.“).

Новыхъ членовъ прибыло 8; изъ нихъ д. членовъ 7: проф. Нѣжинскаго Института Г. А. Ильинскій, пр.-доц. Университета св. Владиміра В. П. Клингеръ, полковникъ Мих. Конст. Дитерихсъ, профессорскіе стипендіаты по каѳедрѣ р. языка и словесности А. С. Грузинскій и В. И. Масловъ, окончившія Кіевскія Высшія Женскія Курсы В. П. Адріанова и С. А. Щеглова; членъ-корреспондентъ 1—В. С. Кульженко.

Слѣдовательно, къ концу отчетнаго года въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца числился всего 161 членъ: 24 почетныхъ, 130 дѣйствительныхъ, и 7 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ 82, а именно 6 почетныхъ, 73 дѣйствительныхъ и 3 члена-корреспондента находятся на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ.

Изъ состава Бюро Общества выбылъ библіотекарь и помощникъ секретаря д. чл. И. М. Каманинъ; его мѣсто занялъ чл.-корр. В. А. Абрамовичъ. Такимъ образомъ, Бюро Общества къ концу отчетнаго года состояло изъ: предсѣдателя, поч. чл. Ю. А. Кулаковскаго, товарища предсѣдателя, д. чл. А. В. Стороженко, казначея, д. чл. Г. Г. Павлуцкаго, секретаря д. чл. А. М. Лободы, библіотекаря и помощника секретаря В. А. Абрамовича.

Совѣтъ Общества состоялъ изъ 1) вышепоименованныхъ членовъ Бюро Общества; 2) членовъ-учредителей—поч. членовъ В. С. Иконниковъ и Н. И. Петрова; 3) членовъ по избранію: поч. членовъ Г. Е. Аѳанасьева и М. Ф. Владимирскаго-Буданова, д. членовъ М. В. Довнаръ-Запольскаго, В. З. Завитневича, И. М. Каманина, В. И. Щербины, М. Н. Ясинскаго.

Изъ нихъ членами редакціоннаго Комитета являются члены Бюро и поч. члены М. Ф. Владимирскій-Будановъ и В. С. Иконниковъ.

Засѣданій Совѣта въ отчетномъ году было 3.

Свѣдѣнія по кассѣ Общества.

Приходъ.

1) Остатокъ отъ прошлаго года къ 27 октября 1910 г. . . . . 5141 р. 57 к.
(Въ томъ числѣ: билетъ въ 1000 р., билетъ въ 2660 р. и наличными 1481 р. 57 к.).
2) Членскіе взносы за отчетный годъ (отъ 39 лицъ) . . . . . 204 р. — к.

3) Пособіе отъ казны	800 р. — к.
4) Доходъ съ % бумагъ и % по текущему счету	185 р. 2 к.
5) Отъ продажи изданій Общества	42 р. 65 к.
Итого. . .	6373 р. 24 к.

Расходъ.

1) На изданіе 1 и 2 вып. XXII кн. „Чтеній“ .	613 р. 41 к.
2) На устройство засѣданій	83 р. 5 к.
3) Прислугѣ	95 р. — к.
4) Канцелярскіе и мелочные расходы	82 р. 40 к.
Итого. . .	873 р. 86 к.

Остатокъ къ 27 октября 1911 года.

1) Неприкосновеннаго капитала	билетъ въ	1000 р. — к.
	билетъ въ	2800 р. — к.
2) Наличными деньгами		1699 р. 38 к.
Всего. . .		5499 р. 38 к.

Свѣдѣнія о состояніи Библіотеки Общества.

Къ 27-му октября 1910 г. въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ имѣлось 3286 названій въ 7222 томахъ и брошюрахъ; въ теченіе отчетнаго года поступило 153 названія въ 382 томахъ и брошюрахъ; въ настоящее время имѣется 3439 названій въ 7604 томахъ и брошюрахъ.

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Общества Нестора-лѣтописца выражалась прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докла-

дывались и обсуждались научныя сообщенія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Засѣданій такихъ въ отчетномъ году было 13 (противъ 15 прошлаго года); изъ нихъ 11 очередныхъ, 1 торжественное, соединенное съ засѣданіемъ Кіевскаго Юридическаго Общества, въ память 50-лѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и 1 годичное. На нихъ сдѣлали доклады слѣдующія 23 лица (противъ 25 прошлаго года): Н. П. Василенко, И. М. Каманинъ, А. М. Лобода, В. И. Масловъ, П. П. Смирновъ (по 2 доклада); Г. Е. Аѳанасьевъ, С. Т. Голубевъ, В. Е. Данилевичъ, Л. П. Добровольскій, М. В. Довнаръ-Запольскій, А. А. Жилинъ, Г. А. Ильинскій, Ю. А. Кулаковскій, В. С. Кульженко, Б. Г. Курцъ, Г. А. Максимовичъ, В. Н. Малининъ, С. И. Масловъ, Г. Г. Павлуцкій, Н. И. Петровъ, А. И. Сонни, А. І. Степовичъ, Н. М. Цытовичъ (по 1 докладу). Всего докладовъ было сдѣлано 28 (противъ 35 за прошлый годъ). Нѣкоторое уменьшеніе по сравненію съ прошлыми годами числа докладовъ и докладчиковъ объясняется поздвимъ открытіемъ засѣданій послѣ лѣтнихъ вакацій.

Что касается содержанія сдѣланныхъ въ обществѣ докладовъ, то оно представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Часть докладовъ вызвана была тѣми тяжелыми утратами, какія въ отчетномъ году понесло Общество, русская наука и литература. Такъ, память скончавшихся поч. чл. В. И. Сергѣевича и д. чл. П. И. Житецкаго была почтена докладами д. членовъ В. Е. Данилевича и С. И. Маслова; гр. Л. Н. Толстому были посвящены поминки поч. члена Ю. А. Кулаковскаго и д. чл. А. М. Лободы.

Затѣмъ рядъ докладовъ былъ обусловленъ знаменательными юбилеями истекшаго отчетнаго года, преимущественно 50-лѣтіемъ освобожденія крестьянъ. Эта великая реформа была предметомъ докладовъ, сдѣланныхъ въ особомъ, торжественномъ собраніи гг. М. В. Довнаръ-Запольскимъ (Экономическія условія зарожденія и паденія крѣпостного права), Г. Е. Аѳанасьевымъ (Условія разложенія крѣпостного права), А. А. Жилинымъ (Общій ходъ реформы)

и Н. М. Цытовичемъ (Положеніе 19-го февр. 1861 г.), а также обширныхъ сообщеній Н. П. Василенко о ходѣ крестьянской реформы въ Черниговской и Полтавской губ. Столѣтіе существованія Общества Любителей Россійской Словесности при И. Московскомъ Университетѣ было отмѣчено докладомъ В. И. Маслова; пятидесятилѣтію смерти К. С. Аксакова и двадцатипятилѣтію смерти И. С. Аксакова былъ посвященъ докладъ Г. А. Максимовича.

Приближающая 200 лѣтняя годовщина рожденія Ломоносова отмѣчается докладомъ В. Н. Малинина въ нынѣшнемъ годичномъ собраніи.

Археологіи Южной-Руси, въ частности г. Кіева и его окрестностей, касались доклады: Л. П. Добровольскаго (Къ вопросу о древнихъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Кіева) и С. Т. Голубева (Спорные вопросы древней топографіи г. Кіева—мѣсто древней церкви св. Ѳеодора).

Изъ области южнорусской исторіи и литературы И. М. Каманинъ представилъ 1) общее освѣщеніе договоровъ Б. Хмельницкаго съ Москвой, Польшей и Швеціей и 2) нѣсколько новыхъ матеріаловъ изъ бумагъ П. А. Кулиша.

По исторіи Московской Руси П. П. Смирновъ доложилъ 1) „Новую челобитную московскаго купечества о выселеніи иноземцевъ въ 1627 г.“ и 2) „Окладной списокъ гостей гостинной и суконной сотенъ 1652 г., а Б. Г. Курцъ познакомилъ собраніе съ личностью Кильбургера и его сочиненіемъ о русской торговлѣ третьей четверти XVII в.

Исторія русской литературы была представлена докладами Г. А. Ильинскаго о Бычковскомъ Златоструѣ XI в., А. М. Лободы объ интересѣ къ классицизму въ рус. жизни и литературѣ въ первую половину XVIII ст. и В. И. Маслова, отмѣтившаго новую балладу конца XVIII или начала XIX в. о Вадимѣ Новгородскомъ и французскій оригиналъ произведенія Жуковскаго: „Мой другъ, хранитель ангелъ мой!..“

Искусства, русскаго и византійскаго, касались доклады Г. Г. Павлуцкаго (Мазаика мечети Кахріе-Джами въ Кон-

стантинополѣ) и В. С. Кульженка (Историческая выставка архитектуры въ Петербургѣ въ 1911 г.).

Западныхъ и южныхъ славянъ касались доклады: Н. И. Петрова, доложившаго „краткое извѣстіе объ австрійскихъ сербахъ", составленное въ 1781 г. Ир. Фальковскимъ, и А. І. Степовича, отмѣтившаго „новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ", а именно появленіе въ 1910 г. въ Бѣлградѣ, подъ ред. Кошутича, изданіе: „Руски примери текстове, напомене, речникъ".

Наконецъ, общій фольклоръ былъ представленъ докладомъ А. И. Сонни, представлявшимъ изложеніе и разборъ книги Замтера о родинныхъ, крестинныхъ и похоронныхъ обрядахъ.

Кромѣ устройства засѣданій съ чтеніемъ докладовъ, Общество издаетъ „Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора-лѣтописца", гдѣ печатаются доклады и матеріалы, представляемые въ Общество. Въ отчетномъ году Общество выпустило 1 и 2 вып. XXI кн. „Чтеній" и заканчиваетъ печатаніемъ 3-й вып. той же книги.

Наконецъ Общество, въ лицѣ своихъ членовъ, принимало участіе въ трудахъ XV Археологическаго съѣзда въ Новгородѣ, а также привѣтствовало телеграммой торжественное празднованіе 100-лѣтняго юбилея Общества Любителей Россійской Словесности при Имп. Московскомъ Университетѣ.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора-лѣтописца съ 27-го октября 1910 г. по 27-е октября 1911 г.

I. Засѣданіе 14-го ноября 1910 г.

а) Г. Предсѣдатель **Ю. А. Кулаковскій**, открывая засѣданіе, произнесъ вступительное слово посвященное *„Памяти гр. Л. Н. Толстого“* и пригласилъ собравшихся почтить память его вставаніемъ.

Напечатано въ XXII кн. „Чтеній“.

б) Секретарь **А. М. Лобода** прочелъ докладъ о томъ же писателѣ.

Напечатанъ въ XXII кн. „Чтеній“.

в) Д. чл. **Г. Г. Павлуцкій** доложилъ сообщеніе: *„Мозаики мечети Кахріе-Джами въ Константинополѣ“*.

Напечатано въ жур. „Искусство, Живопись, Графика и Художественная печать“ за 1911 г., № 5.

Слушали: заявленіе д. чл. И. М. Каманина о сложеніи имъ съ себя, по болѣзни, обязанностей библіотекаря и помощника секретаря.

Постановили: выразить И. М. Каманину сожалѣніе по поводу оставленія имъ должности библіотекаря и пом. секретаря Общества и принести горячую благодарность за по-

несенные имъ для Общества долголѣтніе труды; просить чл.-кор. Владимира Антоновича Абрамовича принять на себя обязанности библіотекаря и помощника секретаря Общества.

II. Засѣданіе 28-го ноября 1910 г.

Открывая засѣданіе предсѣдатель Ю. А. Кулаковскій отмѣтилъ смерть поч. чл. профес. *В. И. Сергѣевича* и предложилъ присутствующимъ почтить память его вставаніемъ.

а) Затѣмъ былъ доложенъ докладъ поч. чл. **Н. И. Петрова:** *„Краткое извѣстіе объ австрійскихъ сербахъ, составленное въ 1781 г. Ир. Фальковскимъ“.*

б) Г. **Г. А. Ильинскій** сдѣлалъ докладъ: *„О Бычковскомъ Златоструѣ XI в.“*

III. Засѣданіе 12-го декабря 1910 г.

а, Д. чл. **В. Е. Данилевичъ** посвятилъ свое чтеніе *„Памяти В. И. Сергѣевича“.*

б, Д. чл. **А. М. Лобода** сдѣлалъ докладъ на тему: *„Къ исторіи классицизма въ Россіи первой половины XVIII ст.“*

Напечатано въ „Serta Borytheniса“, Кіевъ, 1911 г.

IV. Засѣданіе 30-го января 1911 г.

а, Д. чл. **С. Т. Голубевъ** подвергъ разсмотрѣнію *„Спорные вопросы древней топографіи г. Кіева—(мѣстоположеніе церкви св. Ѳеодора)“.*

б, Д. чл. **П. П. Смирновъ** разсмотрѣлъ *„Окладной списокъ гостей гостинной и суконной сотенъ 1632 г.“*

Окладной списокъ гостей гостинной и суконной сотенъ торговыхъ людей 1632 г. былъ составленъ въ Разрядѣ по даннымъ Большой Казны по случаю сбора подводъ для нуждъ Столичной арміи. Указъ о сборѣ подводъ былъ данъ 21 іюня 1632 г.

Окладной списокъ состоитъ изъ относящихся къ дѣлу указовъ, окладныхъ лѣствицъ 1) для гостей, дѣтей ихъ и племянниковъ 2) для гостинной и суконной сотенъ вмѣстѣ, причемъ отмѣчается количество слѣдуемыхъ съ каждой рубрики подводъ. Затѣмъ идутъ имянные перечни: 1) гостей, 2) гостинныхъ дѣтей и племянниковъ, отцы которыхъ умерли, 3) старыхъ тяглецовъ гостинной сотни, которые написаны (очевидно, въ спискѣ) 1619 г., 4) дѣтей старыхъ тяглецовъ гост. сотни, отцы которыхъ померли, а тягло платятъ по отцовскому окладу, 5) торговыхъ людей гостинной сотни, которыенаписаны въ окладномъ спискѣ 1629 г., но умерли, постриглись и 1 сталъ въ дьяконы,—жены ихъ и дѣти въ окладъ не помѣщены 6) новыхъ торговыхъ людей, взятыхъ въ гост. сотню въ 1625 и 1628 году, 7) взятыхъ въ сотню въ 1630 г., положенныхъ въ тягло особо, 8) умершихъ новыхъ торговыхъ людей, дѣти которыхъ не положены въ окладъ.

Наконецъ: 9) торговыхъ людей суконной сотни по окл. списку 1631 г. 10) оскудѣвшихъ и потому не платящихъ тяглецовъ суконной сотни и 11) тяглецовъ, взятыхъ въ суконную сотню въ 1630 г., но въ Москву еще не явившихся.

Списокъ даетъ возможность установить количество, имена и относительную податную мощность 3 высшихъ группъ московской буржуазіи къ 1632 г.

Намъ извѣстно, что при Ѳедорѣ Ивановичѣ:

1) въ гост. сотнѣ было гостей и торговыхъ людей лучшихъ, молодшихъ и худыхъ . . . . . 358 ч-къ
2) въ суконной . . . . . 250 „

Въ 1649 г. 1) гостей было . . . . . 13 „
2) гостиной сотни . . . . . 158 „
3) суконной сотни . . . . . 116 „

По списку, въ 1632 г. 1) гостей . . . . . 13 „ (+2 гостинныхъ дѣтей).

2) гост. сотни . . . 175 ч-къ
(до 1625 г.—125 ч-къ, до 1630+27, въ 1630 г.+23)
3) суконной сотни . 128 „
(въ 1631 г. 105 семей+6 оскудѣвшихъ+18 взятыхъ въ 1630 г.).
Изъ этого числа не жили въ Москвѣ и не имѣли въ ней дворовъ: гост. сотни 30 ч-къ, суконной 6 ч-къ.

Такимъ образомъ, списокъ подтверждаетъ взглядъ Соловьева на постепенный упадокъ этихъ организацій.

Разныя окладныя скалы для гостей, гост. и сук. сотенъ не даютъ возможности говорить о различіи въ степени тяжести обложенія этихъ группъ: тождественныя рубрики обоихъ окладовъ обложены одинаковой ставкой (1 подвода съ 6 алтынъ), повидимому они, къ тому же, не были составлены ad hoc, а являлись списками постоянныхъ (старосты указываютъ, съ чего платили охудавшіе тяглецы), и т. о. окладной списокъ 1632 г. является обычнымъ общимъ окладомъ для гостей, гостинной и суконной сотенъ, составленнымъ, вѣроятно, въ 1629 (для гостей и гост. сотни) и въ 1631 г. для суконной сотни.

Высшей статьей списка было 350 денегъ, низшей—1/2 деньги, т. о. среди сотенъ было большое имущественное неравенство (1—до 700).

Оклады 1/2—10 денегъ охватываютъ 178 ч-къ (изъ нихъ гост. сотня 76, суконная 102)
11—20 „ 58 ч-къ (4 гостя, 35 гост. и 19 сук.)
21—40 „ 28 (3+19+6)
41—100 „ 38 (5+33 гост. сотни)
101—350 „ 9 (3+6 гост. сотни).

Такимъ образомъ въ высшихъ окладахъ 350—100 денегъ оказываются только 3 гостя да 7 ч-къ гост. сотни, и въ низшихъ 100—1/2 д. всѣ остальные 301 ч-къ тяглецовъ.

Раздѣленіе списка по чинамъ несомнѣнно основывается на состоятельности:

гости 15 ч-къ платятъ . . . 350—12 денегъ
гост. сотня 185 ч-къ платятъ . 240— 2 „
суконная сотня 128 „ . 30—1/2 „

Слѣдовательно, богатый гость въ $1^1/_2$ раза богаче торговца гостинной и болѣе чѣмъ въ 10 разъ суконной сотенъ. Онъ же богаче самаго бѣднаго гостя почти въ 30 разъ, гост. сотни въ 175 и суконной въ 700 разъ.

Низшіе разряды гост. и сук. сотенъ сливаются со столичной бѣднотой: среди нихъ въ спискѣ мы находимъ „кисельника", „стригальника", „мыльника", „кваснika", „портного мастера" (гост. сотня); шапочниковъ, кожевниковъ, сусленикoвъ, мясниковъ, рыбниковъ, калачниковъ, портныхъ, сапожниковъ—въ суконной.

Про нѣкоторыхъ списокъ замѣчаетъ: „живетъ въ Ярославлѣ въ наймѣхъ" (гост. сотни), двое ушли въ крестьяне за патріарха (сук. сотни), трое охудали и бродятъ межъ дворъ (сук. сотни съ 1 и съ 1/2 д.), одинъ (съ 1/2 деньги) отданъ патріаршему попу за долги и т. п.

На верху списка зато были крупные капиталы: самый состоятельный гость, Григорій Микитниковъ, напр., ежегодно, въ 1626—30 г.г., подвозилъ къ Архангельску товару (кожи) на 10—40 тысячъ р., т. е. на 120.000—480.000 р. на наши деньги. Якимъ Патокинъ (гость съ 200 денегъ) въ 1634 г. долженъ былъ уплатить 1400 р. пятинныхъ денегъ, т. е. его наличная движимость была оцѣнена въ 700 р. (съ 85—100 т. р.). Принимая для пятины пропорціональную по окладному списку разверстку, мы будемъ имѣть, что должны были въ 1634 г. уплатить

гости 7.140 р.,—ихъ капиталъ 35.700 р.
гост. сотня 23.800 р. „ „ 119.000 „
сук. сотня 6.440 р. „ „ 32.200 „

т. е. весь оборотный капиталъ высшей Московской буржуазіи, въ 30-хъ годахъ XVII в. равнялся приблизительно 186.900 р. или въ рубляхъ 1882 г. (по Ключевскому) не менѣе $2^1/_4$ милліоновъ рублей.

V. Засѣданіе 13-го февраля 1911 г.

а, Д. чл. **Г. А. Максимовичъ** посвятилъ свой докладъ *„Памяти К. и И. Аксаковыхъ“*.

По поводу этого доклада нѣсколько дополненій сдѣлалъ В. С. Иконниковъ.

Сущность этого доклада заключается въ слѣдующемъ:

Характерными чертами Константина Аксакова являются—необыкновенная чистота его души и высоко-христіанская нравственность. Онъ былъ цѣломудреннымъ дѣвственникомъ до конца своихъ дней, а неправды не говорилъ даже въ шутку. Любовь къ родителямъ была у него поразительная, тоска по умершемъ отцѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сломила его могучій организмъ и свела его въ могилу.

Любовь къ русскому народу и родинѣ была у него удивительно глубокая, онъ по народному одѣвался, жилъ и молился. Его религіозность была глубоко искренняя,—умирая, онъ поразилъ своего исповѣдника, греческаго священника, своимъ высокимъ христіанствомъ. „Праведникъ умеръ“, говорилъ тотъ. Въ житейскомъ отношеніи онъ былъ совершенный младенецъ, проза жизни не коснулась его чистой души.

Будучи столь далекимъ отъ дѣйствительной жизни, онъ жилъ въ мірѣ идей. Идейное, научное и художественное творчество заполняло всю его жизнь. Но эта отдаленность отъ жизни сказалась и на характерѣ его творчества,—оно было удивительно отвлеченное и теоретичное. Будучи глубокимъ знатокомъ русской литературы и исторіи, Конст. Аксаковъ оставилъ большое научное наслѣдіе.

Въ своихъ трудахъ по русской исторіи К. Аксаковъ особенно выдвинулъ два начала, ставшихъ основой славянофильскаго ученія, это—община и народность. Но эти начала были также отвлеченными, не тѣми, съ которыми оперируетъ теперь историческая наука. Подъ общиной онъ понималъ

не союзъ людей съ какой-либо цѣлью политической или экономической, а союзъ безъ всякой цѣли, союзъ христіанскій, „это дѣйство любви“, союзъ только нравственный.

Столь отвлеченнымъ былъ у К. Аксакова и народъ. Это не былъ тотъ народъ, который онъ такъ любилъ, и за который такъ душевно страдалъ, а народъ далекаго прошлаго, который онъ идеализировалъ. По своимъ индивидуальнымъ качествамъ, общественнымъ, научнымъ и политическимъ понятіямъ К. Аксаковъ былъ типичнымъ представителемъ „первыхъ славянофиловъ“ и главнымъ ихъ теоретикомъ въ исторической части ихъ ученія.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ былъ такимъ же благороднымъ и чистымъ, какъ и его старшій братъ Константинъ Сергѣевичъ, но всю страстность своей души, всю энергію своего характера онъ посвятилъ служенію обществу, проявляя ихъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Онъ не разъ мѣнялъ свою служебную карьеру, ища мѣстъ, гдѣ бы онъ могъ быть наиболѣе полезенъ народу и обществу. И онъ нашелъ его—въ публицистикѣ. Долго и мощно звучалъ его голосъ, привлекая вниманіе не только родной страны и всего славянства, но и цѣлой Европы.

Своимъ умнымъ, острымъ и вѣскимъ словомъ онъ защищалъ интересы русскаго народа и всего славянства.

По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ славянофиломъ, но не такимъ отвлеченнымъ, какъ его братъ, а практическимъ, проводившимъ въ жизнь и дѣло идеи народности и славянства. Оба брата Аксаковы оставили глубокій слѣдъ въ русской наукѣ, литературѣ и жизни, ихъ идеи еще не умерли, ихъ слово еще не забыто.

6, Д. чл. **И. М. Каманинъ** доложилъ сообщеніе: „*Изъ бумагъ П. А. Кулиша (Письмо къ графу П. А. Протасову 18 ноября 1846 г.)*“.

Въ настоящемъ засѣданіи избраны въ дѣйствительные члены: *Александръ Сергѣевичъ Грузинскій, Михаилъ Кон-*

стантиновичъ Дитерихсъ, Григорій Андреевичъ Ильинскій и *Василій Ивановичъ Масловъ,* и въ члены-корреспонденты: *Василій Степановичъ Кульженко.*

VI. Засѣданіе 19-го февраля 1911 г.

Въ настоящемъ торжественномъ соединенномъ засѣданіи Историческаго Общества Нестора-лѣтописца и Кіевскаго Юридическаго Общества, состоявшемся по поводу 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ, были произнесены рѣчи: д. чл. *М. В. Довнаръ-Запольскимъ,* поч. чл. *Г. Е. Афанасьевымъ, А. А. Жилинымъ* и *Н. М. Цытовичемъ.*

VII. Засѣданіе 13-го марта 1911 г.

а, Д. чл. **С. И. Масловъ** посвятилъ свой докладъ *„Памяти П. И. Житецкаго“,* въ которомъ отмѣтилъ важнѣйшіе факты жизни покойнаго и далъ краткій обзоръ его научной и общественной дѣятельности.

б, Д. чл. **А. И. Сонни** сдѣлалъ сообщеніе: *„О первоначальномъ смыслѣ нѣкоторыхъ родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ“.*

По поводу этого доклада возникъ оживленный обмѣнъ мнѣній между членами: М. В. Довнаръ-Запольскимъ, В. З. Завитневичемъ, В. С. Иконниковымъ, Ю. А. Кулаковскимъ, А. М. Лободой и Д. В. Туткевичемъ.

VIII. Засѣданіе 27-го марта 1911 г.

а, Д. чл. **Н. П. Василенко** прочелъ докладъ: *„Къ исторіи реформы 19-го февраля 1861 года въ Черниговской и Полтавской губ.“*

б, Д. чл. **П. П. Смирновъ** разсмотрѣлъ *„Новое челобитье Московскаго купечества о высылкѣ иноземцевъ, 1627 г.“*

Напечатано въ этой книгѣ „Чтеній“.

IX. Засѣданіе 24-го апрѣля 1911 г.

а, Д. чл. **А. І. Степовичъ** сдѣлалъ докладъ на тему: *„Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ („Руски примери", Бѣлградъ 1910 г., ред. Кошутича)".*

Докладчикъ, сдѣлавъ сначала краткій историческій обзоръ изданій, предназначающихся для непосредственнаго ознакомленія читателей съ инославянскими произведевіями, остановился затѣмъ на прекрасномъ недавно вышедшемъ трудѣ извѣстнаго сербскаго ученаго Рад. Кошутича „Руски примери" (3 книги Бѣлградъ 1910 г.).

Три книги, составляя, по мысли автора, одно цѣлое, связаны между собою служеніемъ общей цѣли и потому даже не продаются порознь. Въ первой книгѣ помѣщены снабженные ударе ніями „тексты", т. е. 67 болѣе или менѣе цѣльныхъ произведеній въ стихахъ и прозѣ 18 лучшихъ русскихъ писателей, начиная съ Пушкина, (22 + 290 стр.); во второй книгѣ (225 стр.) находимъ примѣчанія („напомене"), представляющія дѣльный историко-литературный комментарій къ текстамъ, сдѣланный съ тою тщательностію, какую мы привыкли до сихъ поръ видѣть только въ работахъ, посвященныхъ изученію и изслѣдованію древнихъ текстовъ... Наконецъ въ третьей книгѣ, на протяженіи почти 400 стр. напечатаны разнообразныя, съ большимъ знаніемъ дѣла и добросовѣстностью сдѣланныя сербскія толкованія 20000 русскихъ словъ и выраженій; эти толкованія имѣютъ въ виду дать сербу полную возможность отчетливо и совершенно правильно понять русскіе тексты, которые безъ такихъ толкованій не всегда могутъ быть надлежаще усвоены сербскимъ читателемъ уже хотя бы вслѣдствіе одного того, что есть много русскихъ словъ, по написанію и происхожденію тожественныхъ съ сербскими, но по значенію отъ нихъ отличающихся и потому способныхъ ввести читателя, не вооруженнаго соотвѣтственнымъ объяснительнымъ аппаратомъ,

въ непріятныя и тяжелыя недоразумѣнія; и это обстоятельство не можетъ не отразиться на правильности и точности пониманія текстовъ...

Въ общемъ изученіе кропотливаго труда г. Копутича производитъ впечатлѣніе необычайной научной добросовѣстности и трудолюбія автора. Въ краткомъ сообщеніи очень трудно раскрыть всѣ невидныя на первый взглядъ достоинства его сложной муравьиной работы; нужно самому видѣть его книги, врыться, такъ сказать, въ нихъ, вчитаться въ эти дѣльныя, полныя глубокой начитанности, примѣчанія, составляющія, какъ сказано уже, отдѣльную книгу въ 225 стр., изучить разнообразныя толкованія тѣхъ 20000 словъ, которыя заключаютъ въ себѣ еще множество другихъ мелкихъ выраженій, и только тогда поймешь, чего стоило почтенному ученому исполнить такую работу, сколько потребовалось отъ него энергіи, силъ и знаній, сколько, наконецъ, вложено въ нее любви... И нельзя не пожелать отъ всей души, чтобы и у другихъ славянъ поскорѣе нашлись труженики, столь же способные и столь же готовые потрудиться беззавѣтно для дѣла славянской взаимности, славянскаго книжнаго общенія, и особенно для возможно широкаго распространенія среди славянъ русскаго литературнаго языка, которому несомнѣнно предстоитъ въ недалекомъ будущемъ великая роль междуславянскаго языка, а слѣдовательно и одного изъ всемірныхъ.

6, Г. **Б. Г. Курцъ** сдѣлалъ сообщеніе: *„Кильбургеръ и его сочиненіе о русской торговлѣ въ третьей четверти XVII в."*

Въ 1674 г. Москву посѣтило шведское посольство, результатомъ котораго было появленіе сочиненія І. Ф. Кильбургера о русской торговлѣ третьей четверти XVII в.

Какую роль игралъ Кильбургеръ въ этомъ посольствѣ, неизвѣстно, и вообще о немъ въ исторической литературѣ до сихъ поръ не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Но референтъ нашелъ въ Стокгольмскомъ Королевскомъ Архивѣ данныя, которыя указываютъ, что въ концѣ 1675 г. Кильбургеръ былъ назначенъ секретаремъ

торговой коллегіи въ Ригѣ, а въ 1678 г. онъ былъ въ Стокгольмѣ въ качествѣ Notarius publicus regius, гдѣ и умеръ въ 1721 г. Свое сочиненіе онъ писалъ въ Стокгольмѣ и не для своего правительства, а для частной публики. Въ 1675 г. сочиненіе уже было написано.

Пока извѣстны только два рукописныхъ экземпляра этого сочиненія: одинъ былъ у Бишинга, а другой хранится въ Вольфенбительской Герцогской Библіотекѣ.

По своему содержанію трудъ Кильбургера касается вопроса о русскихъ и иностранныхъ товарахъ, о путяхъ сообщенія и о другихъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ торговлѣ. Литературными источниками ему послужили: 1) западно-европейскіе: Олеарій, Нейхофъ, Родесъ, а также Марквардъ и нѣкоторыя другія историческія сочиненія, 2) русскіе: Котошихинъ. Только одинъ Родесъ былъ использованъ авторомъ въ сильной степени, а всѣ прочіе лишь въ незначительной мѣрѣ.

Достовѣрность извѣстій Кильбургера не всегда одинакова. Заимствуя у Родеса, авторъ часто относитъ его данныя (1653 г.) къ своему времени; нѣкоторыя цѣны искусственны или неправильны; таблицы ввоза, если онѣ полны, все-таки не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, потому что много ввозилось контрабандой; архангельскіе таможенные сборы не вызываютъ подозрѣній въ своей правдивости, какъ и почти весь остальной огромный матеріалъ, сообщаемый намъ Кильбургеромъ.

Среди сочиненій другихъ иностранцевъ трудъ Кильбургера занимаетъ выдающееся мѣсто, какъ по экономическому характеру своего содержанія, такъ и по обилію матеріаловъ; кромѣ данныхъ для исторіи торговли и промышленности, у него можно найти извѣстія для исторіи медицины, церкви, военной исторіи и исторической географіи.

Сочиненіе Кильбургера долго не было напечатано, и только въ 1769 г. Бишингъ издалъ его въ Гамбургѣ въ своемъ: „Magazin für die neue Historie und Geographie...“ Th. III. S.s. 245—341, а въ 1781 г. Шмидтъ издалъ дополненія къ

нему по вольфенбительской рукописи, напечатанныя въ книгѣ; „Zur Geschichte und Litteratur... Fünster Beytrag. Von G. E. Lessing und I. I. Eschenburg. Braunschweig... 1781". Въ 1820 г. Д. Языковъ перевелъ изъ Бишинга на русскій языкъ сочиненіе Кильбургера, издавъ его отдѣльной книжечкой, а въ 1823 г. помѣстилъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", ч. V, переводъ дополненій Шмидта. Переводъ Языкова не вездѣ точенъ и имѣетъ много важныхъ пропусковъ, кромѣ того, его книга уже при самомъ своемъ появленіи стала библіографической рѣдкостью.

X. Засѣданіе 8-го мая 1911 г.

а, Чл.-кор. **В. С. Кульженко** доложилъ сообщеніе: *„Историческая выставка архитектуры въ Петербургѣ въ 1911 г."*

б, Д. чл. **В. И. Масловъ** прочелъ: *„Библіографическія замѣтки: 1) Къ литературнымъ обработкамъ преданія о Вадимѣ Новгородскомъ, и 2) Французскій оригиналъ пѣсни В. А. Жуковскаго „Мой другъ, хранитель, ангелъ мой"*.

Напечатаны въ 22 кн. „Чтеній", в. I—II.

Въ закрытой части засѣданія избранъ въ дѣйствительные члены Общества *Витольдъ Павловичъ Клингеръ*.

XI. Засѣданіе 9-го октября 1911 г.

а, Открывая засѣданіе предсѣдатель Ю. А. Кулаковскій отмѣтилъ смерть Ключевскаго и пригласилъ присутствующихъ почтить его память вставаніемъ.

б, Д. чл. **В. И. Масловъ** сдѣлалъ докладъ на тему: *„Общество любителей россійской словесности при Императ. Московскомъ Университетѣ (Къ предстоящему 100-лѣт. юбилею)"*.

в, Д. чл. **И. М. Каманинъ** разсмотрѣлъ *„Договоры Богдана Хмельницкаго съ Москвой, Польшей и Швеціей“*.

Малороссія, являясь далекой территоріальной окраиной Польскаго государства, жила самостоятельной, независимой отъ центральной власти и вполнѣ автономной жизнью, обладая собственнымъ управленіемъ, церковью, судомъ и особымъ войскомъ. Этотъ оригинальный укладъ общественной жизни, выработавшійся путемъ долгой и упорной борьбы съ кочевниками, сплотилъ все населеніе въ устойчивую военную организацію, борьба съ которой представлялась для Польши все болѣе трудной и не безопасной. Слѣдствіемъ этого явилось своеобразное отношеніе главенствующей Польши къ подчиненной ей Малороссіи: она заключаетъ съ послѣдней договоры, которые сначала маскируются внѣшней формой королевскихъ грамотъ, дѣлающихъ тѣ или иныя, иногда очень крупныя, уступки требованіямъ волнующагося казачества, а затѣмъ, вслѣдствіе непрекращавшихся возстаній, принимаютъ обычную форму взаимныхъ обязательствъ.

Когда въ 1648 году вспыхнуло грандіозное возстаніе Богдана Хмельницкаго, принесшее съ собою рядъ блестящихъ побѣдъ: полное пораженіе поляковъ при Желтыхъ Водахъ и Корсуни, со взятіемъ въ плѣнъ короннаго гетмана Потоцкаго и подъ Зборовомъ, съ полнымъ разгромомъ „посполитаго рушенія“ всей Польши, то король Янъ-Казиміръ заключаетъ съ Хмельницкимъ, такъ-называемый, Зборовскій договоръ (1649 г.), по которому число реестровыхъ казаковъ опредѣляется въ 40,000, съ предоставленіемъ имъ всей территоріи теперешнихъ Кіевской, части Подольской, Полтавской и Черниговской губерній, запрещается евреямъ жить въ казацкихъ селеніяхъ, изгоняются іезуиты, митрополитъ кіевскій получаетъ право засѣдать въ Сенатѣ, всѣ должности въ Малороссіи предоставляются исключительно православнымъ, гетманъ малорусскій получаетъ тѣже права, что и польскій и т. д.

Однако, эти столь выгодныя для Малороссіи условія не исполнялись поляками, хотя и были утверждены польскимъ сеймомъ, вслѣдствіе чего начинается новая, но уже неудачная для казаковъ, война съ Польшей (1651 г.), окончившаяся уходомъ ихъ изъ-подъ Берестечка и заключеніемъ Бѣло-церковскаго договора, ограничившаго число казаковъ двадцатью тысячами и предоставившаго имъ лишь Кіевское и Черниговское воеводства. Попытки Хмельницкаго продолжать войну не увѣнчались успѣхомъ, и въ декабрѣ 1652 года онъ пишетъ царю Алексѣю Михайловичу письмо, въ которомъ проситъ его принять Малороссію подъ свою „высокую руку". Переговоровъ объ условіяхъ не производилось: ихъ замѣнили условія Зборовскаго договора. Русскіе послы отказались присягать за своего государя и присоединеніе Малороссіи произошло безъ всякихъ обязательствъ со стороны Московскаго государства. Единственной формой обращенія къ государю является традиціонная челобитная.

Легенда объ обусловленномъ присоединеніи Малороссіи не имѣетъ подъ собой никакихъ юридическихъ основаній. Еще въ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу Богданъ Хмельницкій говоритъ только о „подданствѣ". Самоуправленіе было „пожаловано" Малороссіи. Права отдѣльныхъ лицъ и учрежденій были утверждены царской жалованной грамотой. Все это исключаетъ возможность взаимнаго обязательства.

Богданъ Хмельницкій, не удовлетворившись такимъ исходомъ, завязалъ было сношенія съ Польшей (1656 г.), но, узнавъ о тайныхъ инструкціяхъ, данныхъ польскимъ посламъ, прерываетъ переговоры и обращается къ Швеціи, прося шведскаго короля принять Малороссію въ подданство. Швеціей были предложены условія, выгодныя лично для Богдана Хмельницкаго, но въ высшей степени опасныя для независимости Малороссіи. Хмельницкому былъ обѣщанъ титулъ князя и предоставлялось право свободно распоряжаться во всей странѣ кромѣ двѣнадцати миль по обѣимъ

сторонамъ Днѣпра, Днѣстра и Буга. Эти прибрежныя полосы земли должны были быть предоставлены Швеціи для постройки крѣпостей и городовъ. Кромѣ того, казаки должны были всячески препятствовать распространенію владѣній Московскаго государства. Хмельницкій отвергъ эти условія и болѣе не возобновлялъ переговоровъ, оставаясь вѣрнымъ Москвѣ.

Въ заключеніе докладчикъ сравниваетъ тѣ условія, на которыхъ могло состояться присоединеніе Малороссіи къ Польшѣ и Швеціи, съ условіями, на которыхъ произошло присоединеніе ея къ Россіи, и находитъ, что послѣдній выходъ былъ для Малороссіи наиболѣе выгоднымъ.

По окончаніи доклада состоялся оживленный обмѣнъ мнѣній между членами Общества по вопросу о характерѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи. Н. П. Василенко замѣтилъ, что Московское государство, хотя и не связало себя, по имѣющимся въ исторіи свѣдѣніямъ, никакими формальными обязательствами, но нарушенія автономіи оно и считало таковыми. Помимо этого нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что послѣ присоединенія между московскими послами и представителями Малороссіи состоялся какой-то торгъ объ условіяхъ. Почет. чл. проф. В. С. Иконниковъ высказался въ томъ смыслѣ, что присоединеніе Малороссіи имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и присоединенія Петра Великаго въ Прибалтійскомъ краѣ, сопровождавшіяся дарованіемъ льготъ и привилегій, впослѣдствіи измѣняемыхъ или упраздняемыхъ, сообразно съ общими нуждами государства. П. П. Смирновъ призналъ основательными доводы референта.

Въ закрытой части засѣданія избраны въ дѣйствительные члены: *Варвара Павловна Адріанова* и *Софья Алексѣевна Щеглова.*

Въ члены Ревизіонной Комиссіи для повѣрки кассы и библіотеки Общества за истекающій годъ выбраны: В. И. Щербина, М. П. Истоминъ и Н. П. Василенко.

XII. Засѣданіе 16-го октября 1911 г.

а, Д. чл. **Н. П. Василенко** прочелъ докладъ: *„Къ исторіи реформы 19-го февраля въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ“.*

б, Д. чл. **Л. П. Добровольскій** сдѣлалъ сообщеніе: *„Къ вопросу о древнихъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Кіева (По поводу карты г. Стеллецкаго)“.*

Докладчикъ, познакомивъ съ литературой вопроса, отмѣтилъ только что вышедшую въ свѣтъ „Общую схему древнихъ укрѣпленій и путей вокругъ Кіева“, составленную шт.-кап. Васильевымъ подъ редакціей подп. Стеллецкаго и помѣщенную въ послѣдней книгѣ (№ 7+8) мѣстнаго „Военно-историческаго Вѣстника“ за текущій 1911 годъ.

Остановившись подробно на новѣйшемъ образчикѣ мѣстной картографіи, онъ выяснилъ его фактическое значеніе, обстоятельно указавъ на недочеты труда и связанныя съ ними пожеланія, равно какъ, конечно, и на его достоинства.

Подводя итоги литературѣ даннаго вопроса, докладчикъ въ заключеніе своего сообщенія представилъ въ сжатомъ видѣ дѣйствительно находящійся до сихъ поръ въ распоряженіи науки матеріалъ къ вопросу объ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Кіева въ отдѣльныя эпохи, начиная еще съ такъ наз. великокняжеской.

XIII. Засѣданіе 27-го октября 1911 г.

Въ настоящемъ годичномъ торжественномъ засѣданіи, состоявшемся въ день празднованія памяти патрона Общества

а, Секретаремъ Общества **А. М. Лободой** былъ прочитанъ: *„Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго*

Общества Нестора-лѣтописца въ 38-мъ году его существованія, т. е. съ 27-го октября 1910 г. по 27-е октября 1911 г.“ (Напечатанъ на 1—5 стр. этого отдѣла).

Затѣмъ, б, Д. чл. **В. Н. Малининъ** произнесъ рѣчь, посвященную: „*Памяти М. В. Ломоносова*“.

Отдѣлъ II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Городище у д. Почтовой Виты.

(Справка о прошломъ одной изъ кіевскихъ окрестностей).

Верстахъ въ 5—6 отъ Боярки, станціи ю.-з. ж. д., и въ 18—20 отъ центральной части Кіева, т. е. Стараго города, находится д. Почтовая Вита. Деревня крестообразно вытянулась вдоль давшихъ ей названіе незначительнаго праводнѣпровскаго притока и прежняго Кіево-Васильковскаго (точнѣе—Кіево-Одесскаго) почтоваго тракта. Положеніе невдалекѣ отъ верховьевъ теперь почти безводной въ лѣтнюю пору рѣчки [1]) и посреди окружающаго казеннаго лѣса объясняетъ и другія соотвѣтственныя названія для деревни (Сухая или Лѣсная Вита).

Измѣненіе способовъ сообщенія Кіева съ окрестностями со времени проведенія желѣзной дороги и свойства мѣстной

[1]) Здѣсь, впрочемъ, еще не такъ давно были и рыбный прудъ и значительная мельница, принадлежавшіе К.-Никольскому монастырю (Похилевичъ. „Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій“ стр. 51).

песчаной почвы объясняютъ современную незначительность здѣшняго поселка по сравненію съ рядомъ находящихся по близости [1]), несмотря на весьма значительную, какъ кажется, давность возникновенія его здѣсь въ первоначальномъ, по крайней мѣрѣ, видѣ и былую важность историко-топографическаго положенія.

Недалеко отъ спуска Кіевской дороги къ рѣчной долинѣ, въ углу между лѣвымъ берегомъ Виты и ея безыменнымъ, начинающимся въ урочищѣ „Мочи хвостъ“ и лѣтомъ почти пересыхающимъ притокомъ, кончается одна изъ покатыхъ окраинъ сосѣдней довольно обширной равнины, тянущейся отсюда вплоть до самаго Кіева. Въ силу процессовъ размыва и вывѣтриванія, прирѣчный склонъ въ данной мѣстности представленъ значительными неровностями рельефа, и глубокіе овраги здѣсь чередуются съ острыми пальцеобразными выступами, особенно въ юго-западномъ направленіи, въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ по сосѣдству встрѣчаются обыкновенныя пониженія въ сторону рѣчной долины.

Это чередованіе пониженій и повышеній, содѣйствуя природному обособленію подлежащаго разсмотрѣнію участка, облегчило, при содѣйствіи военно-инженерной техники, созданіе въ давнишнія времена защитной твердыни въ умѣло подобранномъ для соотвѣтственныхъ цѣлей пунктѣ.

Здѣсь, всего шагахъ въ 200 отъ Кіево-Васильковскаго тракта (если итти по проулку — началу прирѣчной дороги), надъ слегка топкою площадью у деревенскаго „кутка“ „Звѣринецъ“, иначе „Сичкари“, высится искусственное земляное сооруженіе, отчетливо различаемое съ моста черезъ

---

[1]) Ср. по „Списку населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи“ (Кіевъ. 1900, изд. Кіевскаго Губернскаго Статистическаго Комитета) селенія Боярку, Будаевку, Глеваху, Хотовъ, Янковичи и др.

р. Виту [1]) и какъ бы господствующее надъ мѣстомъ переправы.

Нѣсколько испорченное въ своихъ очертаніяхъ, благодаря раскопкѣ поверхности подъ огородъ, разсматриваемое сооруженіе имѣетъ видъ какъ будто бы удлиненнаго четыреугольника, почти даже прямоугольника. Длинныя стороны его (около сотни шаговъ каждая) какъ бы параллельны рѣчной долинѣ, а короткія (приблизительно въ 30 шаговъ каждая) перпендикулярны къ послѣдней и параллельны Кіевской дорогѣ и заболоченному ложу здѣшняго ручейка. Края „городка" (такъ называется сооруженіе), несомнѣнно, подсыпаны, а внутренность его какъ бы опущена, что даетъ основаніе предполагать бывшую здѣсь земляную насыпь.

Уровень поверхности, впрочемъ, неодинаковъ у всѣхъ сторонъ; особенно высоко приподнята мѣстность у въѣзда. Въѣздъ въ „городокъ"—черезъ ближайшую къ материку продольную сторону прямоугольника, шагахъ въ 20 отъ угла, противоположнаго ручейку. Высота сторонъ „городка" довольно значительная: крутая, почти отвѣсная, едва ли искусственно созданная покатость къ материку и проходящей здѣсь дорогѣ имѣетъ приблизительно 20 шаговъ, а къ зыбковатой низинѣ—даже не менѣе 30. Такимъ образомъ „городокъ" возвышается надъ прилегающей мѣстностью не меньше, какъ на 4 — 5 саженъ [2]). Съ вершины

---

[1]) О р. Витѣ см. въ статьѣ автора „Зміевы валы вблизи Кіева" („Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца", кн. XXI, вып. I и II, стр. 10—12). Названіе „Сиверка", даваемое окрестнымъ населеніемъ р. Витѣ у разсматриваемой мѣстности, принадлежитъ, собственно говоря, одному изъ верховьевъ данной рѣки между с. Крюко́вщиной и д. Юровкой. Наименованіе рѣки Витою (а не Вѣтою) объясняется желаніемъ автора статьи сохранить мѣстное произношеніе.

[2]) Слѣдовъ т. наз. бермы, рва у подножья и т. п. признаковъ не сохранилось.

его, несмотря на лѣсъ, заслоняющій теперь, по крайней мѣрѣ, 2/3 горизонта, открывается широкій видъ на долину у верховьевъ Виты и отчасти на высоты за рѣкою у окраины сосѣдняго „Бѣлокняжескаго поля“ [1]).

Отъ „городка“, являющагося, повидимому, лишь отрѣзкомъ отъ ближайшаго отрога нагорья и потому вполнѣ искусственнымъ сооруженіемъ, до рѣчки—въ прямомъ направленіи не многимъ болѣе 500 шаговъ...

Въ короткія стороны „городка“ вплотную упирается отрѣзанное въ настоящее время дорогою позднѣйшаго, вѣроятно, происхожденія подковообразное, также земляное, искусственное сооруженіе. Очертанія послѣдняго, впрочемъ, въ весьма значительной степени указаны и природными особенностями, покатости идущей отъ сосѣдняго нагорья.

Одна изъ дугъ (лѣвая, если итти отъ „городка“) этого сооруженія является какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ соотвѣтственной короткой стороны „городка“; точнѣе—послѣдняя умѣло подогнана къ первой. Дуга круто и мощно вздымается по гребню пальцевиднаго отрога на высотѣ не менѣе 5—6 саж. надъ долиной сосѣдняго ручейка, начинающагося въ глубокихъ оврагахъ сосѣдняго урочища „Мочи хвостъ“.

Вторая (правая), болѣе короткая дуга, примыкая къ соотвѣтственной (короткой) сторонѣ „городка“ и подымаясь сразу же почти въ прямолинейномъ (ю.-в.) направленіи, по требованію прирѣчнаго, поросшаго теперь дубнякомъ склона, пріобрѣтаетъ постепенно также мощный характеръ—не безъ явнаго, правда, вліянія искусственныхъ причинъ, т. е. подсыпки земли для вала [2]).

---

[1]) О „Бѣлокняжескомъ полѣ“ см. въ отмѣченной статьѣ автора (стр. 8, 9, 12, 13 и др.).

[2]) Собственно говоря, эта короткая (150 шаговъ) часть дуги вытянута по линіи соединенія 1) ю.-в. короткой стороны „городка“ и 2) исходнаго

Раздѣленныя первоначально другъ отъ друга разстояніемъ въ длину задней продолговатой стороны прямоугольнаго „городка“ (т. е. шаговъ на сто) и затѣмъ разошедшіяся было почти на 150 шаговъ, обѣ дуги изъ земляныхъ насыпей постепенно сближаются въ верхней части здѣшняго косогора. Соединеніе ихъ вблизи мѣста расхожденія нѣсколькихъ пальцевидныхъ отростковъ нагорья, происходитъ съ в. стороны и образуетъ линію съ довольно значительнымъ изгибомъ. Искусственная насыпь здѣсь, видимо, отрѣзана на протяженіи нѣсколькихъ саженъ отъ сосѣдняго, кончающагося уступомъ материка.

Отсюда до въѣзда въ „городокъ“ — по прямой линіи около 125 шаговъ, а до начала полянки въ недалекомъ урочищѣ „Казармы“, которое будетъ упомянуто нѣсколько ниже,—около 300.

Получившаяся своеобразная подкова изъ земляныхъ насыпей, вѣроятно, была въ свое время болѣе или менѣе равномѣрно приподнята надъ своимъ основаніемъ только въ мѣстѣ подхода къ „городку“, и у прорѣза проходящею здѣсь дорогою было, несомнѣнно, значительное пониженіе. Древній валъ сильно разсѣлся теперь, но онъ нигдѣ не затеривается. Длина всей подковообразной насыпи не превышаетъ 460 шаговъ.

Съ наружной стороны юго-восточной дуги ясно замѣтны у основанія вала остатки рва (мѣстами до 1 сажени глубины), занятаго теперь отчасти лѣсною дорогою отъ „городка“ къ урочищу „Казармы“ [1]). Слѣды подобнаго же внѣшняго рва можно отчетливо различать и на уступѣ с.-з. дуги, располо-

---

мѣста пальцевиднаго холмистаго отростка съ проложеннымъ поверхъ него валомъ.

[1]) Названіе полянки—отъ стоянокъ прежней лѣсной стражи.

женной надъ заболоченной долиной урочища „Мочи хвостъ“, особенно на протяженіи ближайшихъ къ „городку“ 175 шаговъ. Ровъ, пожалуй, можно указать и у заостренной вершины подковы изъ валовъ.

У сильно осѣвшихъ валовъ, какъ и у „городка“, къ настоящему времени не сохранилось „бермы“.

Внутри разсматриваемаго кольца валовъ находится холмистое, очень неровное пространство, повышающееся, къ началу косогора [1]). Удобный для въѣзда въ него доступъ единственно возможенъ лишь съ мѣста, противоположнаго нагорью и полукругу изъ окрестнаго заболоченнаго пространства, т. е. у выхода изъ валовъ современной прирѣчной дороги, тянущейся по направленію къ мельничному хутору Никольской (или Воробьевой) Виты.

Принявъ для дугъ въ качествѣ завершенія внутреннюю продолговатую сторону „городка“, легко получить какъ бы законченную окружность, конечно, неправильнаго очертанія, такъ что, при длинѣ окружности у подобнаго кольца въ среднемъ до 660 шаговъ, образуется внутренняя площадь размѣромъ около десятины.

Шагахъ въ 200 съ небольшимъ отъ прорѣза дорогою мѣста соединенія одной изъ короткихъ стѣнъ „городка“ съ болѣе длинною изъ дугъ у охарактеризованнаго кольца валовъ [2]), круто вздымается второй пальцевидный отростокъ отъ сосѣдняго нагорья, наружный по сравненію съ тѣмъ, по гребню котораго тянется упомянутая подкова валовъ.

Между окончаніями обоихъ отроговъ лежитъ глубокій (до 7—8 саженъ) оврагъ, соединяющійся здѣсь съ заболо-

---

[1]) Это—такъ называемое „пасичище“, т. е. мѣсто бывшей пасѣки.

[2]) Если итти вдоль ручейка и у подножія зѣшняго грандіознаго мѣстами сочетанія искусственныхъ земляныхъ насыпей съ природными образованіями.

ченной долиной урочища „Мочи хвостъ“; ширина его доходитъ до 20—30 шаговъ.

Поверхъ остраго въ общемъ и лишь у окончанія своего нѣсколько расширеннаго гребня начинается длинный, дуговидный, неправильной окружности, земляной валъ, который оказывается, какъ выяснится ниже, наружнымъ кольцомъ по отношенію къ выше разсмотрѣнному.

Шагахъ въ 150 отъ начала этого вала, на внѣшнемъ его склонѣ, на разстояніи 2—3 саженъ отъ гребня, видна линія значительнаго углубленія отъ наружнаго рва, не дающая, такимъ образомъ, на ряду съ другими признаками, возможности считать гребень за простое естественное образованіе.

Въ зависимости отъ свойствъ мѣстнаго рельефа, отрогъ съ насыпью постепенно идетъ въ гору, по мѣрѣ приближенія къ своей исходной части, т. е. къ материку.

Одно время, у покатой мѣстности, гдѣ расходятся пальцевидные и, окаймленные оврагами отроги, валъ незамѣтно исчезаетъ. Здѣшняя небольшая площадка характеризуется, между прочимъ, замѣтными, хотя и безпорядочными, покатостями въ сторону долины р. Виты и рѣзкими пониженіями въ направленіи къ началамъ овраговъ урочища „Мочи хвостъ“. Находящійся справа отсюда отрогъ нагорья, будучи нѣсколько шире двухъ сосѣднихъ, оказывается все же перешейкомъ, мѣстами не свыше двадцати шаговъ ширины, который тянется къ упомянутому уже заостренному повороту у внутренняго кольца валовъ. Послѣднее именно здѣсь отдѣлено отъ вытянувшейся и кончающейся небольшимъ уступомъ части сосѣдняго нагорья срѣзкою для рва и довольно высокою насыпью вала.

Линія земляной насыпи у наружнаго кольца, показавшись затѣмъ вновь у исходнаго пункта здѣшней холмистой покатости, т. е. у материка, становится отчетливо замѣтною

вблизи полянки въ урочищѣ „Казармы“. Послѣдняя лежитъ уже на одинаковомъ уровнѣ съ сосѣдней равниной, тянущейся къ х. Чабанамъ, с. Гатному, с. Хотову, с. Жулянамъ и т. д. вплоть до кіево-соломенскихъ высотъ надъ долиною р. Лыбеди. У разсѣвшагося теперь вала высота надъ наружнымъ, т. е. со стороны материка, рвомъ доходитъ въ указываемомъ мѣстѣ до 2 аршинъ.

Дуга насыпи, неправильная, какъ и вездѣ, въ силу неизбѣжнаго приноровленія къ указаніямъ рельефа, здѣсь словно бы концентрична соотвѣтственному завороту внутренняго кольца; шаговъ черезъ 20 (это—ширина здѣшняго перешейка) линія ея направленія круто мѣняется.

Послѣ двукратнаго пересѣченія дорогою отъ „городка“ къ „Казармамъ“ и новаго поворота начинается пониженіе мѣстности, по которой почти прямолинейно идетъ затерявшійся было временно валъ, по направленію къ долинѣ р. Виты. Гребень вновь показавшагося затѣмъ вала сначала—аршина въ два толщиною; ниже высота его, несмотря на осадку, достигаетъ изнутри одной сажени, извнѣ же, поверхъ основанія у замѣтнаго углубленія для наружнаго рва, она еще значительнѣе, благодаря наружному рву и уступу въ сторону поперечнаго пониженія.

Спускаясь поверхъ холмистаго гребня поперечной къ рѣкѣ долины, валъ одно время, на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ саженъ, принимаетъ, подобно соотвѣтственной, не граничащей здѣсь съ обрывами части у внутренняго кольца, мощные размѣры. Впрочемъ, линія земляной насыпи въ мѣстѣ ея спуска двукратно пересѣкается пониженіями,—б. м., для прохода прежнихъ дорогъ.

У мѣста новаго пересѣченія упоминавшеюся прирѣчною дорогою валъ имѣетъ своимъ мысленнымъ продолженіемъ линію вдоль окраины зарѣчнаго лѣса, подымающагося по

взгорью отъ долины р. Виты къ д. Мáрхалевкѣ. Пространство между разрѣзами прирѣчною дорогою соотвѣтственныхъ частей обоихъ колецъ валовъ не превышаетъ 600—700 шаговъ.

Сильно осѣвшій, мѣстами даже пропадавшій въ предшествующей холмистой части своего протяженія валъ выходитъ, послѣ встрѣчи съ прирѣчною дорогою, въ луговую мѣстность, занятую въ настоящее время усадьбами вдоль побережья р. Виты у такъ называемаго „кутка“ „Звѣринецъ“. Длина здѣшняго послѣдняго его заворота—около 400 шаговъ. Мощность вала, подымающагося кое-гдѣ до 2—3 саженъ надъ прилегающей мѣстностью, спасаетъ пока его и наружный ровъ отъ усиленнаго здѣсь распахиванія и раскапыванія почвы [1]).

Валъ идетъ, повидимому, по гребню невысокаго и узкаго холмистаго мыска отъ сосѣдняго нагорья, понижающагося незамѣтно по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ. Почти на половинѣ здѣшняго своего звена онъ прерывается долиною. Вновь показавшись затѣмъ поверхъ гребня прирѣчной незначительной гряды, онъ внезапно оканчивается [2]) въ направленіи, параллельномъ рѣкѣ, у небольшого обрыва надъ начинающимся вблизи топкимъ и низкимъ пространствомъ. Отсюда до лѣваго берега Виты [3])—въ прямолинейномъ направленіи не менѣе 300 шаговъ, а до ея бывшаго безыменнаго притока, вытекающаго изъ урочища „Мочи хвостъ“ и сведеннаго теперь здѣсь съ цѣлью дренажа въ прямолинейную канавку,—всего шаговъ около сотни. Разстояніе отъ дан-

---

[1]) Здѣсь по сосѣдству крестьяне указываютъ на мѣсто бывшей будтобы церкви.

[2]) У т. наз „клуни“ крестьянина Мирона Ткаченко.

[3]) Вдоль берега тянулась несохранившаяся теперь соотвѣтственная часть Витянско-Бобрицкаго „зміева“ вала.

наго пункта до ближайшаго (ю.-в.) угла „городка“ тоже не превышаетъ 300 шаговъ.

Упираясь такимъ образомъ вновь въ топкую низину въ виду „городка“ и подходя почти вплотную къ послѣднему и къ соотвѣтственному завершенію внутренней дуги валовъ, настоящее земляное образованіе почти полностью охватываетъ оба выше отмѣченныя и должно быть признано наружнымъ кольцомъ у даннаго стариннаго сооруженія. Длина линіи его протяженія—не многимъ менѣе 2000 шаговъ, т. е. приблизительно $1^1/_4$ версты.

Какъ своевременно указывалось, слѣды наружнаго рва и у этого кольца валовъ можно кое-гдѣ отмѣтить. Направленіе линіи насыпей, какъ тоже отмѣчено, находится въ несомнѣнной зависимости отъ природныхъ указаній. Въѣздъ возможенъ былъ лишь съ ю.-в., гдѣ по линіи вала есть нѣсколько пониженій, либо, быть можетъ, и съ сѣвера, т. е. со стороны урочища „Казармы“, гдѣ сохранившаяся окраина насыпи не отличается значительной высотой.

Пространство по серединѣ внутренняго и наружнаго колецъ, даже съ восточной, не прерывающейся глубокими оврагами стороны,—крайне неровное, съ чередованіемъ маленькихъ долинъ и холмистыхъ возвышеній и съ общимъ скатомъ къ долинѣ р. Виты. Бóльшая часть его, какъ уже было указано и относительно площади внутренней дуги, покрыта въ настоящее время нестарымъ казеннымъ дубовымъ лѣсомъ.

Площадь, охватываемая внѣшнимъ кольцомъ (включая конечно, „городокъ“ и внутреннее кольцо) достигаетъ, повидимому, нѣсколькихъ десятковъ[1]) десятинъ.

---

[1]) Приблизительность подсчета оправдывается, помимо другихъ причинъ, неровностями рельефа и лѣсистымъ характеромъ мѣстности.

Таковъ внѣшній видъ у разсматриваемаго стариннаго сооруженія, которое, если имѣть особенно въ виду двойную дугообразность линіи его направленія,—безспорно искусственнаго происхожденія. Это, несомнѣнно,—древнее городище, состоящее изъ высящагося надъ рѣкою „городка“ и двухъ почти концентрическихъ колецъ валовъ; изъ нихъ внутреннее упирается въ „городокъ“ съ нагорной части, а внѣшнее охватываетъ почти непрерывающеюся линіею защищаемое мѣсто со стороны сухопутья еще съ большаго числа сторонъ.

Сравнительно удовлетворительная сохранность „городка“ и, особенно, кажущаяся правильность его словно бы четыреугольнаго очертанія могутъ служить, быть можетъ, признакомъ не столь давняго происхожденія этой части городища, бывшей, вѣроятно, въ первоначальномъ видѣ его „дѣтинцемъ“. Мысль о позднѣйшей отдѣлкѣ современнаго „городка“ опирается, впрочемъ, только на предположеніи о вѣроятной его приспособленности послѣ поновленій къ потребностямъ военнаго дѣла уже со времени появленія огнестрѣльнаго оружія.

Нельзя однако высказать подобнаго же предположенія относительно остальной части разсматриваемаго стариннаго, нынѣ заброшеннаго укрѣпленія.

Искусственные отрѣзки какъ у вершины внутренней дуги городища, такъ и у соотвѣтственной части внѣшняго его кольца, неправильность краевыхъ очертаній, обусловленная почти исключительно свойствами мѣстнаго рельефа, остатки наружныхъ рвовъ, почти концентрическія кольца изъ двойного ряда валовъ, положеніе на выступахъ у мѣста сліянія съ р. Витой ея притока и т. п., не говоря о приводимыхъ вслѣдъ за этимъ другихъ доказательствахъ,—все это характерное сочетаніе природныхъ особенностей съ искусственно созданными для опредѣленной цѣли приспособленіями не допускаетъ, какъ кажется, сомнѣнія относительно возможности

пріурочить здѣшнее укрѣпленіе къ порѣ, предшествовавшей появленію огнестрѣльнаго оружія. Слѣдуя предложенной покойнымъ В. Б. Антоновичемъ номенклатурѣ [1]), городище, въ первоначальномъ, по крайней мѣрѣ, его видѣ, можно отнести къ сооруженіямъ такъ называемой великокняжеской эпохи.

Констатируемое городище должно быть признано, конечно, не чистымъ типомъ созданій указываемой эпохи, если допустить возможность позднѣйшихъ поновленій у современнаго „городка".

Для завершенія знакомства съ внѣшностью разсматриваемаго пространства слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія, небезынтересныя для его характеристики черты.

Раньше всего не мѣшаетъ указать на мѣстность у подхода наружнаго кольца валовъ къ материку. Тутъ, за обезлѣсенной теперь и распахиваемой полянкой урочища „Казармы", всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ послѣдней, въ лѣсу, отчасти и по ея еще нераспаханнымъ окраинамъ, разбросаны на пространствѣ 5—7 десятинъ многочисленныя кругловатые земляные холмики. Они тянутся въ сосѣднемъ дубнякѣ вплоть почти до проселочной дороги между хуторами Чабанами и Никольскою Витою. Отъ времени сильно, конечно, осѣвши, эти возвышенія имѣютъ иногда не менѣе 2 аршинъ высоты и около 1 сажени въ поперечникѣ.

Это—„старыя могилки", по мѣстному выраженію, то есть древній могильникъ, теперь сплошь поросшій лѣсомъ. Находится могильникъ, такимъ образомъ, уже на материкѣ,

---

[1]) См. въ „Трудахъ X (Рижскаго) Археологическаго съѣзда", т. III, статью „Попытка группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра" (стр. 104—7), равно какъ и изложеніе ея содержанія въ статьѣ Н. Ѳ. Бѣляшевскаго „Археологическій съѣздъ въ Ригѣ" („Кіевская Старина", 1896, X, стр. 31 sqq.).

т. е. въ соотвѣтственной части прилегающаго къ городищу прикіевскаго плато. Будучи расположенъ внѣ черты городища, могильникъ вплотную, повидимому, подходилъ въ свое время къ послѣднему. Находки человѣческихъ костей, черепковъ, золы и т. п. на распахиваемой полянкѣ урочища „Казармы" подтверждаютъ предположеніе, что и послѣдняя была первоначально почти полностью занята могильникомъ.

Другимъ признакомъ, могущимъ дать со своей стороны также приблизительное представленіе объ эпохѣ, когда положеніе даннаго пункта считалось важнымъ въ стратегическомъ, напр., отношеніи, является недавно открытый древній защитный Витянско-Бобрицкій такъ назыв. „зміевъ" валъ. Будучи ближайшимъ отъ степи военнымъ рубежемъ древней Кіевщины, валъ этотъ тянется, въ своей соотвѣтственной, теперь исчезнувшей части, вдоль лѣваго берега р. Виты черезъ усадьбы „кутка" „Звѣринецъ". Почти пропавшая здѣсь, въ виду послѣдняго обстоятельства, линія вала подходила, быть можетъ, вплотную къ прирѣчному звену наружнаго кольца у городища и очень близко, во всякомъ случаѣ, отстояла отъ нависавшаго здѣсь надъ нею „городка".

Представленные внѣшніе признаки городища приведены не безъ умышленныхъ кое-гдѣ подробностей, въ виду его, повидимому, невполнѣ чистаго типа и вслѣдствіе предлагаемой гипотезы. Внѣшнія черты единственно въ состояніи помочь при опредѣленіи времени первоначальнаго возникновенія городища, пока не произведены археологическія раскопки, особенно въ чертѣ могильника, обширность размѣровъ котораго свидѣтельствуетъ и о прежней населенности и, вѣроятно, о сравнительной долговѣчности находившагося здѣшняго поселка. Обстановка погребенія, быть можетъ, укажетъ и на преобладающій характеръ занятій у обитателей мѣстнаго городища, т. е. преимущественное назначеніе послѣдняго.

Нелишнимъ дополненіемъ къ приведеннымъ внѣшнимъ признакамъ для опредѣленія времени существованія городища, его назначенія и, быть можетъ (конечно, въ видѣ рѣдкаго исключенія) прежняго названія поселенія могутъ послужить, какъ кажется: 1) историко-географическое положеніе мѣстности, 2) свидѣтельства документовъ историческаго содержанія и 3) мѣстныя народныя преданія.

Деревня, у которой лежитъ разсматриваемое городище, находится, какъ указано, на прежней почтовой дорогѣ, соединяющей въ возможно близкомъ, т. е. почти прямолинейномъ, направленіи Кіевъ съ Васильковомъ. При 33—34-верстномъ разстояніи одного города отъ другого, деревня оказывается расположенной приблизительно на полупути между ними. Не даромъ здѣсь прежде и была промежуточная почтовая станція [1]), давшая названіе современной деревнѣ. Рѣка Вита [2]) значительною частью теченія являлась въ свою пору для Кіева и его непосредственныхъ окрестностей однимъ изъ рубежей отъ безпокойныхъ и опасныхъ нѣкогда кочевниковъ. Естественная преграда, представлявшаяся нѣкогда болѣе, конечно, водною, чѣмъ теперь, рѣкою, восполнялась искусственными фортификаціонными сооруженіями, которыя являлись однимъ изъ звеньевъ у недавно открытаго, ближайшаго къ Кіеву пояса укрѣпленій, т. е. у соотвѣтственной части Витянско-Бобрицкихъ такъ назыв. „зміевыхъ“ валовъ [3]).

У деревни Почтовой Виты — фактически самая удобная и теперь изъ всѣхъ переправъ черезъ р. Виту [4]). Прибреж-

---

[1]) Зданіе ея находилось на мѣстѣ нынѣшней усадьбы лѣсного объѣзжика, а еще раньше — у моста черезъ рѣчку.

[2]) О ней см. въ упомянутой статьѣ автора.

[3]) См. отмѣченную статью автора (стр. 20—8).

[4]) Бродъ въ д. Литовской Витѣ находится по дорогѣ къ заливаемымъ весною мѣстностямъ въ окрестностяхъ д. Козина и у низовьевъ р. Стугны.

ныя возвышенія у обоихъ береговъ, въ мѣстѣ пониженія къ рѣкѣ, представляютъ здѣсь сравнительно пологія, т. е. удобныя для спуска и подъема, покатости, чего нельзя всегда сказать о другихъ мѣстахъ переправы черезъ р. Виту. Рѣка Вита, въ общемъ, худосочна, но въ здѣшней своей части она еще менѣе водна, чѣмъ въ дальнѣйшемъ теченіи, такъ что въ пору лѣтней засухи мѣстный небольшой мостъ является по временамъ даже излишнимъ для проѣзжихъ. Отсюда—и отмѣченное названіе для деревни „Сухая Вита".

Переправа у д. Почтовой Виты[1]) ведетъ дорогою отъ Кіева къ центру Постугнія—г. Василькову черезъ такъ назы-

---

По той же причинѣ нельзя признать удобнымъ бродъ „Король", лежащій у одной изъ оконечностей подковообразнаго Ходосовско-Янковско-Витянскаго древняго вала, по направленію къ с. Ходосовкѣ и мѣстностямъ подлѣ устьевъ р. Стугны. Переправа у хутора „Круглика" (иначе Арсеніевскій скитъ, Хотовская или Монашеская Вита), вблизи мѣста схожденія только что упомянутаго подковообразнаго вала съ началомъ Витянской-Бобрицкой линіи „зміевыхъ" валовъ, лежитъ по линіи Кіево-Богуславскаго тракта (т. е. въ направленіи къ мѣстностямъ по среднему Постугнію, что пониже г. Василькова), часто прерываемаго глубокими долинами встрѣчныхъ рѣчекъ, въ родѣ Хотовки (иначе Донашки, Сиракова ручья или Пироговки), Мархалевско-Янковскаго ручья (т. наз. Гавриловки или Гаврилки), Рославскаго и, наконецъ, ручьевъ изъ лѣвобережной сѣти р. Стугны. Рѣчная запруда у мельничнаго хутора „Воробьева (иначе Никольская) Вита" соединяетъ лѣвый берегъ р. Виты съ западной оконечностью с. Янковичей неудобною, вслѣдствіе крутизны подъема, проселочною дорогою. Давнишняя, нынѣ несуществующая плотина у д. Юровки (см. у Похилевича), въ мѣстѣ образованія р. Виты изъ трехъ сливающихся здѣсь ручейковъ, обусловливала нѣкогда, въ зависимости отъ свойствъ мѣстнаго рельефа, возможность сообщенія здѣсь „ветскаго" края лишь съ западной, сѣверной и восточной сторонами (т. е. съ с. Бояркой, х. Чабанами и д. Почтовой Витой), но не съ югомъ, т. е. съ мѣстностями со стороны г. Василькова.

[1]) Здѣсь, несомнѣнно, и находился старинный, упоминаемый еще въ документахъ начала XVI в. бродъ черезъ р. Виту, или даже „гребля" черезъ нее, на такъ называемой Бѣлоцерковской дорогѣ. Ср. „Сборникъ матеріаловъ

ваемое „Бѣлокняжеское поле“, обширное водораздѣльное плато, не прерываемое долинами рѣчекъ и овраговъ столь часто, какъ въ другихъ окрестныхъ мѣстностяхъ.

Совокупность приведенныхъ данныхъ топографическаго свойства должна была отразиться и на исконной важности мѣстоположенія нынѣшней деревни, что и должно до извѣстной степени подтвердиться соотвѣтственными историческими справками о давности поселеній въ здѣшней мѣстности.

Привитянскій („ветскій“ — въ старинныхъ документахъ) край издавна заселенъ[1]). Давность его заселенія восходитъ, по крайней мѣрѣ, къ послѣдней порѣ каменнаго вѣка, т. е. къ энеолитической эпохѣ [2]). Пора вліянія греко-римской [3]), позднѣе арабской, культуръ не представлена, повидимому, здѣсь пока соотвѣтственными находками. Но изъ остатковъ мѣстной старины кое-что можно отнести еще къ догосударственному періоду въ жизни нашего края. Начальная пора исторической жизни характеризуется въ привитянскомъ краѣ, во первыхъ, рядомъ городищъ изъ типа такъ называемой великокняжеской эпохи [4]), во-вторыхъ, системою давнишнихъ порубежныхъ укрѣпленій изъ категоріи такъ называемыхъ „зміевыхъ“ валовъ [5]), въ третьихъ, остатками цер-

---

для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, ч. III, стр. 46, 56, 107 и у Похилевича („Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій“, стр. 100 и 93).

[1]) Детальныя справки см. въ соотвѣтственныхъ частяхъ текста къ „Археологической картѣ Кіевской губерніи“ В. Б. Антоновича.

[2]) Ср., напр., Литовскую Виту, Гатное, Мархалевку, Янковичи и т. д.

[3]) Ср. Янковичи (Бѣляшевскій „Монетные клады Кіевской губерніи“, 66).

[4]) Напр., городище между Хотовымъ и Ѳеофаніей, Пироговское, не говоря ужъ, конечно, о Почтово-Витянскомъ.

[5]) Витянско-Бобрицкій, Витянско-Хотовскій и Витянско-Янковско-Ходосовскій.

ковной старины [1]) и наконецъ, вѣроятно, въ четвертыхъ, упомянутымъ уже мѣстнымъ могильникомъ.

Стихійныя, можно сказать, бѣдствія для нашего края, въ видѣ монголо-татарскаго нашествія конца первой половины 13-го столѣтія съ позднѣйшими ихъ повтореніями почти до половины шестнадцатаго вѣка, отразились, какъ извѣстно, на обезлюдѣніи вообще Южной Руси или, по крайней мѣрѣ, на значительномъ въ теченіе долгаго времени разрѣженіи мѣстнаго населенія, на соотвѣтственномъ уменьшеніи слѣдовъ поселеній послѣдняго, на гибели или на несомнѣнно сильномъ пониженіи уровня его культуры, въ частности—на незамѣнимой утратѣ современныхъ письменныхъ документовъ. Послѣдніе едва ли когда-нибудь будутъ восполнены въ достаточной степени сокровищами все еще таящагося въ нѣдрахъ земли архива. Въ силу этого рода причинъ пока не констатировано почти никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, изъ числа имѣющихъ отношеніе къ обозрѣваемой мѣстности [2]), въ теченіе приблизительно трехъ столѣтій.

Начало новаго торжества земледѣльческой культуры надъ степною сдѣлалось возможнымъ, какъ извѣстно, не раньше начала, точнѣе даже—второй половины 16-го столѣтія.

Съ этой лишь поры появляются удовлетворяющіе цѣлямъ прилагаемой сжатой справки относительно судебъ разсматриваемой мѣстности письменные документы въ родѣ люстрацій, духовныхъ завѣщаній, земельныхъ размежеваній и т. п. Въ нихъ впервые выступаютъ съ сохранившимися и понынѣ

---

[1]) Въ т. наз. „Церковщинѣ“ (иначе „Скитъ Пречистыя“) между с. Лѣсниками и д. Литовскою Витою. Ср. брошюру протоіерея І. Троицкаго „Скитъ Пречистыя“. Кіевъ, 1909.

[2]) Кромѣ такъ наз. „гвоздовскаго“ клада (см. у Бѣляшевскаго, op. cit., 58—9).

названіями отдѣльные пункты обозрѣваемаго района. Эти территоріальныя обозначенія, конечно, и сами по себѣ важны послѣ предшествующихъ безмолвныхъ въ отношеніи топономастики археологическихъ указаній, а также послѣ скудныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, грѣшащихъ съ точки зрѣнія, вызвавшей появленіе даннаго очерка, игнорированіемъ маловажныхъ, по сравненію съ большими центрами, пунктовъ или, въ лучшемъ смыслѣ, случайнымъ, мимолетнымъ ихъ констатированіемъ. Цѣнность документовъ эпохи литовско-польскаго владычества возрастаетъ для преслѣдуемой въ данномъ случаѣ цѣли и отъ сравнительной полноты сообщаемыхъ ими свѣдѣній, а главное—отъ повторности ихъ время отъ времени.

При несомнѣнномъ тождествѣ съ современными мѣстностей, упоминаемыхъ въ напечатанныхъ уже историко-статистическихъ документахъ, восходящихъ къ половинѣ 16-го столѣтія и тянущихся, съ большими или меньшими перерывами, чуть не до конца 18-го вѣка, и при безспорной возможности пріурочить встрѣчающіяся уже тогда названія къ нынѣшнимъ населеннымъ пунктамъ въ бассейнѣ р. Виты, на долю здѣшняго побережья, мало и теперь заселеннаго и занятаго большею частью полосою казеннаго лѣса, приходится, впрочемъ, по извлеченіи въ посильной формѣ нужнаго матеріала, сравнительно мало данныхъ, не безынтереснихъ, какъ кажется, для послѣдующихъ выводовъ [1]).

---

[1]) Изъ довольно значительнаго матеріала для топографической номенклатуры, послѣ посильнаго изъ него извлеченія того, что непосредственно относится лишь къ названію „Вита“, получаются слѣдующія сравнительно скудныя данныя для цѣлей приводимаго обзора. Въ 1563 г. Вита съ Юровкой по завѣщанію Мелешковича, купившаго передъ тѣмъ землю у Дублянскаго, была передана Златоверхо-Михайловскому монастырю („Źródła dziejowe“, XXII, 677 и Похилевичъ, 93). Грамота Сигизмунда III подтверждаетъ въ 1570 г. права этого монастыря, согласно указанному завѣщанію, на землю Юрьевскую по обѣ стороны р. Виты („Сборникъ матеріаловъ для историче-

На основаніи находящагося пока подъ руками матеріала можно получить представленіе о томъ, что побережье, какъ и весь бассейнъ, р. Виты въ хозяйственномъ отношеніи были

ской топографіи Кіева и его окрестностей", III, стр. 35, 42 и 3). Отъ 1576 г. дошла подтвердительная грамота кіевскаго воеводы кн. К. Острожскаго тому же монастырю на право владѣнія Юрьевскою землею у р. Виты („Сборникъ", стр. 46). Въ 1577 года Вита Никольская отмѣчена въ видѣ собственности Кіево-Пустыннаго Никольскаго монастыря („Źródła", 677). Въ 1581 г. Вита, въ качествѣ собственности этого монастыря, упоминается въ переписи облагаемаго въ пользу казны населенія („Źródła", XX, 40: „osiadłych 1, zagrodników 2"). Къ актѣ размежеванія въ 1586 г. глевахскихъ земель р. Вита съ „ветской греблей" отмѣчается у Бѣлоцерковской дороги. При этомъ, вслѣдствіе, быть можетъ, перечисленія земель лишь справа отъ Виты, здѣсь не говорится ни о какомъ поселеніи на правомъ берегу рѣчки. Въ 1601 г. по завѣщанію кіевскаго бурмистра Василія Черевчія (о немъ см. у Антоновича въ „Монографіяхъ", I, 204 статью „Кіевскіе войты Ходыки") были переданы К.-Михайловскому монастырю „нивы Веведенскія (=ветенскія, витянскія?), а въ 1602 г. декретомъ главнаго Люблинскаго трибунала за этимъ монастыремъ было подтверждено „погребельное мыто на ветской греблѣ" послѣ тяжбы его съ Рожиновскими, получившими право на этотъ сборъ будто бы еще отъ Владимира Мономаха (Закревскій. „Описаніе Кіева", 2-ое изданіе, II, 515 — 6 и Похилевичъ, 90. О Рожиновскихъ см. въ отмѣченной статьѣ Антоновича, стр. 209 sqq. и у Руликовскаго въ „Słownik geograficzny królestwa Polskiego" подъ названіями „Skwira" и „Motowidłówka"). Въ люстраціи 1616 года (см. „Архивъ Ю.-З. Россіи", VII, ч. III, стр. 37 и „Źródła dziejowe", XXII, стр. 52) приведена жалоба софійскаго намѣстника уніатскаго митрополита на то, что въ отнятой въ Янковичахъ землѣ кн. Корецкая построила мельницу на р. Wieczy (т. е. Витѣ), – вѣроятно, у нынѣшняго „Круглика", если имѣть въ виду сосѣдство с. Лѣсниковъ, здѣшней резиденціи Корецкихъ. „Подымная тарифа" 1628 г. („Źródła dziejowe", XX, 77) упоминаетъ, кромѣ Юровки (съ 1 дымомъ), въ числѣ владѣній К.-Михайловскаго монастыря,—корчму на р. Витѣ (=1 дымъ) и 10 монастырскихъ „огродниковъ", а это указываетъ на сравнительно бойкій характеръ въ то время мѣста у здѣшняго переѣзда. Помѣченная 1631 годомъ („Архивъ Ю.-З. Россіи", VII, 1, 382), повидимому, та же тарифа отмѣчаетъ, впрочемъ, 5 „огродниковъ" на здѣшнихъ владѣніяхъ Іова Борецкаго, кіевскаго митрополита и

непосредственно связаны съ Кіевомъ, либо будучи первоначально мѣстомъ военной колонизаціи (особенно у верховьевъ данной рѣки), т. е. осадки т. наз. „панцырныхъ бояръ“ литовской эпохи[1]), снесенной ураганами менгли-гиреевской эпохи, либо являясь немного позже собственностью кіевскихъ „земянъ“ (въ родѣ Дублянскихъ, Мелешковичей или Черевчіевъ), а также (еще позже) монастырей Златоверхаго Михайловскаго (у истоковъ Виты), Пустынно-Николаевскаго (по среднему ея

настоятеля Михайловскаго монастыря. Послѣ почти полувѣковаго перерыва лѣсистая мѣстность р. Виты упоминается снова въ пору „Руины“ (въ 1672 г.,— вѣроятно, со здѣшней „греблей“) въ районѣ грабежей 2 ватажковъ изъ-подъ недалекой отсюда Мотовиловки („Słownik geograficzny“, слово „Weta“). Въ 1686 г. въ статистической описи („Архивъ Ю.-З. Россіи“, VII, 1, 528) упоминается о мельницѣ Михайловскаго монастыря въ 5 верстахъ внизъ по рѣкѣ отъ Юровки (очевидно, у Воробьевой или Никольской Виты). Въ 1700 г. грамота Петра I (Похилевичъ, 91) подтверждаетъ „погребельное мыто“ за Пустынно-Никольскимъ монастыремъ, получившимъ его отъ Михайловскаго монастыря. „Генеральное слѣдствіе о монастыряхъ Кіевскаго полка 1729—1730 г.г.“ перечисляетъ („Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. VII. отд. III, стр. 45, сообщеніе Н. П. Василенко), въ числѣ другихъ владѣній Свято-Михайловскаго Златоверхаго монастыря: 1) „грунтъ Воведенскій (= витянскій?), легованній отъ Василя Черевчіевича (— чія?) въ 1622 р.“ (=1602, точнѣе 1601, см. выше) и 2) „греблю“ на р. Витѣ съ правомъ на „погребельное“ (конечно, отъ „купецкихъ людей“), полученное монастыремъ отъ Юрія Рожковскаго (д. б.—Рожиновскаго, о которомъ см. выше) и подтвержденное соотвѣтственными документами. Въ 1787 году, въ пору пребыванія Станислава Августа въ Каневѣ, ѣхавшіе въ Кіевъ Потоцкіе подверглись у Виты, скорѣе всего у „Круглика“ или вообще у низовьевъ Виты, грабежу со стороны обуховскихъ жителей („Słownik geograficzny“ подъ словомъ „Weta Pocztowa“)...

[1]) Въ связи съ „ветскими“ боярами находится, вѣроятно, и названіе села „Боярка“. Къ югу отъ Кіева было въ свое время семь „осадъ“ кіевскихъ „панцырныхъ“ бояръ (напр., въ с. Янковичахъ и с. Рославичахъ), уничтоженныхъ татарами еще въ первой половинѣ XVI в. („Архивъ“, VII, II, 36 и „Źródła“, XXII, 677). Объ этихъ „слугахъ конныхъ или панцырныхъ“ см. также у Клепатскаго („Очерки по исторіи Кіевской земли“. Одесса, 1912, стр. 535—6).

теченію) и Выдубецкаго (у низовьевъ), не считая того, что находилось по правымъ или лѣвымъ притокамъ главной здѣшней рѣки [1]) и принадлежало другимъ кіевскимъ обителямъ. Въ пору, предшествующую Хмельнищинѣ, часть мѣстности у средней и нижней Виты входила въ число владѣній крупныхъ тогдашнихъ собственниковъ—князей Корецкихъ [2]).

По миновеніи поры Руины и новаго весьма значительнаго разрѣженія населенія, мѣстами доходившаго до полнаго запустѣнія, въ теченіе всего послѣдующаго столѣтія (съ конца 17-го по конецъ 18-го в.) на побережьи Виты, какъ и внутри всего прикіевскаго треугольника [3]), можно встрѣтить лишь исключительно монастырское землевладѣніе, которое, быть можетъ, и не всегда опиралось первоначально на достаточныя юридическія основанія [4]).

Со времени частичной секуляризаціи монастырскихъ владѣній (въ концѣ 18-го вѣка) къ настоящему времени сохранились лишь болѣе или менѣе случайные ихъ обломки, такъ какъ вся здѣшняя территорія со своимъ населеніемъ перешла почти полностью въ непосредственное вѣдѣніе казны.

Права и условія землепользованія для мѣстныхъ крестьянъ окончательно выяснились, конечно, лишь къ шестидесятымъ годамъ истекшаго 19-го столѣтія.

---

[1]) Напр., нынѣшнія поселенія Крюко́вщина, Гатно́е, Хо́товъ, Пирого́во, Лѣсники, Ходосо́вка, Я́нковичи, Ро́славичи, Гво́здовъ, Глева́ха, Юровка и др.

[2]) О пріемахъ колонизаціи кн. Корецкихъ см. у проф. Владимирскаго-Буданова („Арх. Ю.-З. Р.“, VII, т. III, введеніе, стр. 43—6). Внѣшній видъ землевладѣнія на рубежѣ 16 и 17 в.в. въ разсматриваемой мѣстности дается на картѣ № 9 въ Трудѣ г. Яблоновскаго „Atłas historyczny Rzeczy Pospolitej Polskiej“, dział drugi. Warszawa—Wiedeń, 1899—1904.

[3]) Внутри пространства, омываемаго рѣками Днѣпромъ, Ирпенемъ и Стугною.

[4]) Всп., напр., заявленія московскихъ воеводъ во время переписи 1686 г. („Архивъ Ю.-З. Россіи“, VII, I).

Въ концѣ того же десятилѣтія измѣнилось, кстати напомнить, и направленіе главной жизненной артеріи разсматриваемаго района, лежащаго къ югу отъ Кіева: была проведена по водораздѣлу рѣкъ Ирпеня и Виты линія ю.-з. желѣзныхъ дорогъ всего лишь въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ стариннаго тракта, и значеніе послѣдняго (который, какъ указано, проходилъ черезъ д. Почтовую Виту, мѣсто возникшей въ екатерининскую, вѣроятно, эпоху ближайшей къ Кіеву почтовой станціи) должно было поэтому весьма замѣтно упасть.

Анализъ свѣдѣній, имѣющихъ непосредственное отношеніе за весь указываемый періодъ времени—отъ половины 16-го и до конца 18-го столѣтія) къ необозначенной опредѣленными поселеніями части побережья рѣки у нынѣшней деревни Почтовой Виты, приводитъ только къ слѣдующимъ краткимъ заключеніямъ.

Во первыхъ, у столь часто упоминаемой въ настоящемъ сообщеніи деревни проходила большая Бѣлоцерковская дорога [1]). Здѣсь находился старый бродъ на рѣчкѣ „Урви хвостъ“ [2]), столь напоминающей своимъ названіемъ современное заболоченное урочище въ данной мѣстности — „Мочи хвостъ“. Тутъ же была устроена рѣчная запруда, такъ называемая „ветская гребля“, гдѣ производился въ 1602, 1700 и 1729—30 г.г. сборъ съ проѣзжихъ [3]).

---

[1]) Слѣдующая послѣ П.-Виты и Василькова передъ Б.-Церковью почтовая станція на давнишнемъ Кіево-Одесскомъ трактѣ была въ с. Гребенкахъ (кіевскій журналъ „Nasza Przyszłość“, 1908, czerwiec, стр. 221, въ статьѣ Каз. Іос. Игн. Руликовскаго „Rokosz pułku Czernihowskiego“.

[2]) Ср. у Похилевича, стр. 93 и 100, а также въ „Сборникѣ матеріаловъ“, ч. III, стр. 46.

[3]) Похилевичъ, (стр. 91), Закревскій („Описаніе Кіева“, стр. 515—6), Руликовскій („Słownik geograficzny“, въ статьѣ „Weta“), Василенко (см. выше, „Генеральное слѣдствіе“, стр. 45).

Имѣется, такимъ образомъ, подтвержденіе давнишней важности данной мѣстности, находившейся на дорогѣ отъ Кіева къ центральнымъ пунктамъ Постугнія (г. Васильковъ) и Поросья (Бѣлая Церковь).

Во вторыхъ, лишь въ началѣ второй четверти 16-го вѣка (1628—31 г.г.)—и то только всего одинъ разъ—упоминается о существованіи въ разсматриваемой мѣстности единственнаго „дыма“ (платежной единицы) въ видѣ здѣшней корчмы, а по сосѣдству—10 „загродниковъ“ Кіево-Михайловскаго монастыря [1]). Ни въ предшествующую этому времени пору, ни въ послѣдующую нѣтъ никакихъ указаній на другія поселенія въ данной мѣстности [2]).

Итакъ, очевидно, что на мѣстѣ нынѣшней деревни П.-Виты въ теченіе всего 17-го вѣка, а также, несомнѣнно, въ теченіе второй половины 16-го и, вѣроятно, большей части даже 18-го столѣтія, кромѣ нахожденія здѣсь сборщиковъ „погребельнаго мыта“ да, одно время, и корчмы, не было никакого мало-мальски значительнаго поселенія.

Представленный, въ дополненіе къ предшествующимъ выводамъ, матеріалъ можетъ, какъ кажется, привести пока къ тому лишь заключенію, что, при обширности размѣровъ

---

[1]) Źródła dziejowe“, XXII, II, стр. 77 и „Архивъ Ю.-З. Россіи“, VII, I, 382.

[2]) Слѣдуетъ, впрочемъ, указать на отсутствіе въ актовыхъ документахъ указанія на существованіе въ свое время Лѣсниковскаго „замочка“ князей Корецкихъ, о которомъ, между тѣмъ, напр., свидѣтельствуютъ вырытая пушка, ядро и т. п. Открытіе соотвѣтственныхъ памятниктовъ могло бы тогда объяснить, пожалуй, время возникновенія и прирѣчной части („городка“) у Почтово-Витянскаго городища. По крайней мѣрѣ, въ упомянутомъ уже, напр., „Атласѣ“ г. Яблоновскаго (карта № 9) какъ здѣсь, такъ и въ цѣломъ рядѣ сосѣднихъ и болѣе отдаленныхъ пунктовъ, сдѣланы отмѣтки звѣздочками,—для обозначенія, очевидно, существовавшихъ своевременно въ томъ или иномъ видѣ укрѣпленныхъ мѣстъ (въ родѣ частновладѣльческихъ „замочковъ“, запустѣлыхъ древнихъ городищъ и т. п.).

здѣшняго городища и значительности сосѣдняго некрополя-могильника, запустѣніе данной мѣстности могло произойти не раньше наступленія поры страшныхъ татарскихъ вторженій, имѣвшихъ мѣсто отъ 1/2 XIII до половины XVI в.

Въ такомъ случаѣ появленіе первоначальнаго поселенія у д. Почтовой Виты должно быть отнесено, конечно, только къ болѣе раннему, по сравненію съ эпохою стихійныхъ бѣдствій татарщины, времени, т. е. къ начальной порѣ государственной жизни въ нашемъ краѣ...

Наконецъ, и мѣстныя народныя преданія, несмотря на всю смутность и неточность свидѣтельствъ подобной категоріи, могутъ до извѣстной степени, морально, такъ сказать, прійти на помощь въ данномъ случаѣ.

Обиліемъ памятниковъ древности въ видѣ всевозможныхъ здѣшнихъ земляныхъ сооруженій („зміевъ“ валъ, городище съ двойнымъ кольцомъ насыпей и „городкомъ“, могильникъ, многочисленные курганы на сосѣднемъ „Бѣлокняжескомъ полѣ“ и т. д.) объясняется настойчивое утвержденіе жителей о пріуроченіи мѣстныхъ достопримѣчательностей (съ понятными, конечно, въ подобныхъ случаяхъ анахронизмами для отдѣльныхъ эпизодовъ) къ порѣ глубокой старины, т. е. къ начальному еще времени существованія русскаго государства.

Мѣстныя сооруженія, по утвержденію жителей, относятся еще ко времени просвѣтителя Руси Владимира Святого; они т. о. созданы были на окраинѣ тогдашней небольшой русской земли. Здѣсь будто бы былъ городъ Тул(ь)чинъ, была и церковь, указываемая въ одномъ изъ пунктовъ „кутка“ „Звѣринецъ“. Къ здѣшнему „зміеву“ валу пріурочивается извѣстное символическое преданіе о зміи (драконѣ), которымъ здѣсь вспахана земля. Тутъ только удалось автору услышать повѣрье о цѣлебной силѣ „зміевой скибы“, т. е. земляной насыпи для вала, образовавшейся отъ выемки грунта. Въ данной мѣстности удалось также записать варіантъ сравнительно

мало извѣстнаго преданія о царѣ Ба́тыѣ и его татарахъ (alias—полякахъ), о Михаилѣ и кіевскихъ Золотыхъ воротахъ, унесенныхъ богатыремъ на своихъ плечахъ [1]) и т. д. У мѣстныхъ же жителей можно было узнать (въ своеобразномъ, конечно, толкованіи) о взаимоотношеніяхъ между здѣшнимъ городищемъ, „Звѣринцемъ", какъ мѣстомъ охоты для давнишняго князя, такъ наз. „Казармами", принимаемыми за стоянку постояннаго тогдашняго гарнизона и т. д. и, наконецъ, находящимися въ близкомъ сосѣдствѣ Бояркою и „Бѣлокняжескимъ полемъ".

Вслѣдствіе неизбѣжности, какъ кажется, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, позднѣйшаго книжнаго воздѣйствія на народное творчество при попыткахъ разрѣшить вопросъ о времени созданія мѣстныхъ старинныхъ сооруженій, въ силу возможности также аналогій и съ библейскими образами [2]) еще въ пору первоначальнаго возникновенія кое-чего изъ перечисленныхъ преданій,—все же самое количество и фиксированіе, сгущеніе ихъ у одного небольшого пространства довольно знаменательны. Какъ бы инстинктивно, чувствуется, такимъ образомъ, связь былой здѣшней „богатырской заставы" съ главнымъ въ древности въѣздомъ въ нашъ городъ черезъ Золотыя ворота!..

По странной случайности, не только плохо сохранившійся здѣшній порубежный валъ и запрятавшійся въ лѣсу могильникъ, но даже и городище, передняя часть котораго („городокъ") столь отчетливо замѣтна теперь съ моста черезъ р. Виту, ускользали до сихъ поръ отъ вниманія прежнихъ изслѣдователей кіевской старины, несмотря на положеніе даннаго пункта на бойкой въ прежнюю пору дорогѣ. По-

[1]) Сообщеніе мѣстнаго старика Филиппа Авраменко, а остальныя указанія—отъ мѣстнаго же писаря и др. односельчанъ.

[2]) Ср., напр., Сампсона, унесшаго Газскія городскія ворота („Книга судей Израилевыхъ", XVI, 3).

койные Максимовичъ [1]), Фундуклей, Похилевичъ, Руликовскій, В. Б. Антоновичъ [2]) и др. не разъ, конечно, проѣзжали мимо здѣшней почтовой станціи, но мѣстныя древности оставались для нихъ какъ-то неизвѣстными. Быть можетъ, это происходило вслѣдствіе сравнительно лишь недавняго обнаженія мѣстности поверхъ „городка“ отъ деревьевъ, скрывавшихъ передъ тѣмъ замѣтныя въ настоящую пору уже издали его довольно высокія насыпи.

Послѣ приведенныхъ свѣдѣній объ интересующей насъ мѣстности приходится, въ заключеніе, остановиться на во-

---

[1]) М. А. Максимовичъ („Письма о Кіевѣ... и воспоминанія о Тавридѣ“. СПБ., 1871, стр. 78, письмо XVII къ Погодину) въ 1838 г., напр., со своими университетскими сослуживцами и др. „весело проводили до Веты“ уѣзжавшаго попечителя Учебнаго округа Фонъ-Брадке.

[2]) В. Б. Антоновичъ одно время какъ будто бы нащупывалъ гдѣ-то вблизи „зміевъ“ валъ. См. въ его статьѣ „О валахъ, находящихся на территоріи древняго Кіевскаго княженія“, которая была напечатана въ „Трудахъ IV (Казанскаго) Археологическаго съѣзда въ Россіи“, фразу (стр. 1): „внутренній изъ этихъ круговъ (прикіевскихъ валовъ), самый тѣсный, окаймляетъ бассейнъ небольшой рѣчки Вѣты, впадающей въ Днѣпръ южнѣе Кіева“. Позже, впрочемъ, В. Б. выступилъ съ гипотезой о ближайшемъ къ Кіеву полукругѣ валовъ (с. Рославичи—с. Будаевка—д. Валки), чтобы, наконецъ, ко времени составленія „Археологической карты Кіевской губерніи“, отказаться отъ первоначальнаго предположенія и совсѣмъ забыть о бассейнѣ р. Виты. Тѣмъ не менѣе, среди карточекъ съ матеріаломъ для задуманнаго покойнымъ историко-географическаго словаря встрѣчается, напр., выписка изъ „Словаря геогр. Р. госуд.“ Щекатова (М. 1804, ч. III, стр. 846, подъ названіемъ „Вета“): „Вета рѣчка; на лѣвомъ берегу ея, между Кіевомъ и Васильковымъ, былъ валъ большой, который, по мнѣнію Болтина, есть городище г. Краснаго“ (sic). Митрополитъ Евгеній Болховитиновъ „видѣлъ уже много памятниковъ вѣка Владимира Великаго: 1) валъ по р. Ветѣ, простирающійся отъ Днѣпра до Бѣлгородки“ (изъ „Переписки“ съ нимъ Румянцева, Ворон., 1868, вып. I, стр. 106; цитировано по рукописи доклада (26 февр. 1912 г.) въ О-вѣ Н. Л-ца Н. П. Василенко „Памяти Евгенія Болховитинова“)

просѣ о томъ, что же это за городище, занимавшее столь важную позицію и такъ хорошо сравнительно защищенное. Какъ называлась древняя крѣпость, превосходящая обширностью почти всѣ городища внутри прикіевскаго треугольника, кромѣ Хотовско-Ѳеофаніевскаго (т. наз. Сиракова), Бѣлгородскаго и Вышгородскаго, возникшая почти несомнѣнно еще въ такъ называемую великокняжескую, т. е. дотатарскую, эпоху и заставляющая усиленно работать воображеніе у окрестнаго населенія? Можетъ ли пролить здѣсь к.-н. свѣтъ литературный матеріалъ поры, современной возникновенію городища? Не можетъ ли помочь, словомъ, въ данномъ случаѣ лѣтопись, на которую и опираются предлагаемыя вслѣдъ за этимъ соображенія?

При просмотрѣ сообщаемаго лѣтописью соотвѣтственнаго историко-топографическаго матеріала бросается въ глаза извѣстное явленіе—преимущественное обращеніе вниманія на интересы центра въ ущербъ мелкимъ окрестнымъ пунктамъ. Опираясь на непосредственныя указанія лѣтописи, можно бы, пожалуй, составить представленіе о сравнительной необитаемости ближайшихъ кіевскихъ окрестностей, между тѣмъ какъ, не считая селищъ, церковищъ и мѣстъ случайныхъ находокъ памятниковъ древности, теперь можно констатировать внутри кіевскаго треугольника достаточное количество однихъ только городищъ, которыя по внѣшнему виду могутъ быть отнесены къ великокняжеской эпохѣ [1]). Лѣтописецъ же называетъ внутри указываемой территоріи лишь нѣсколько населенныхъ мѣстностей: Вышгородъ—къ сѣверу отъ Кіева, Бѣлгородъ и, быть можетъ, Верневъ—къ западу, а остальныя — къ болѣе населенному (въ силу, вѣроятно, болѣе благопріятныхъ почвенныхъ условій) югу,

[1]) См. соотвѣтственныя мѣстности на „Археологической картѣ Кіевской губерніи“ В. Б. Антоновича.

т. е. Торческъ, Василевъ и, кажется, Тумащъ—вдоль Стугны, а также находившіеся, повидимому, въ бассейнѣ Виты или вблизи отъ нея—Пересѣчень и Звенигородъ.

Оставивъ въ сторонѣ мѣстности у При-ирпенья и Постугнія, можно получить путемъ исключенія лишь два упоминаемыхъ лѣтописью населенныхъ пункта въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Кіевомъ, къ югу отъ него—Пересѣчень и Звенигородъ.

Пересѣчень имѣетъ, какъ извѣстно, свою литературу, т. е. рядъ предположеній, начиная еще съ Татищева и Карамзина, Надеждина, Погодина, Ламбина, Барсова, Максимовича, Антоновича и др. и кончая Филевичемъ и М. С. Грушевскимъ, о мѣстѣ его нахожденія, болѣе или менѣе, впрочемъ, сжатыхъ, почти вскользь брошенныхъ. Мѣстоположеніе древне-кіевскаго Звенигорода тоже привлекало къ себѣ вниманіе изслѣдователей нашего прошлаго (Погодинъ, Максимовичъ, Барсовъ, Антоновичъ, Анучинъ и др.).

При существованіи почти десятка городищъ великокняжеской эпохи къ югу или къ юго-западу отъ Кіева, въ непосредственномъ съ нимъ сосѣдствѣ, какія изъ нихъ могли въ старину особенно привлечь къ себѣ вниманіе, побудивъ лѣтописца упомянуть объ ихъ названіи?

Исходя изъ предположенія, что лишь важность мѣстоположенія, обширность или сложность укрѣпленій, особенно въ совокупности всѣ эти признаки, взятые вмѣстѣ, могли удовлетворять требованіямъ въ данномъ направленіи, приходится остановиться всего лишь на нѣсколькихъ пунктахъ.

Пропавшія теперь Ходосовское и Лѣсниковское [1]) городища и незначительныя Будаевское, Плисецкое и, б. м., Звонковское, какъ равно Гвоздовское городище-майданъ,

---

[1]) О находкахъ въ нихъ см. текстъ къ „Археологической картѣ Кіевской губерніи“ В. Б. Антоновича.

едва ли, конечно, могутъ удовлетворять предъявленнымъ выше условіямъ. Остаются городища Китаевское, Пироговское, а также Хотовско-Ѳеофаніевское (иначе Сираково) и Почтово-Витянское.

Первыя два изъ нихъ (особенно Пироговское) внѣшними признаками (нѣсколькими рядами рвовъ и валовъ на перешейкѣ, отдѣляющемъ городище отъ прилегающаго материка), какъ бы оправдываютъ словообразованіе „Пересѣчень, чѣмъ, повидимому, и руководился Максимовичъ, которому въ вопросѣ о мѣстоположеніи древняго города слѣдовалъ и В. Б. Антоновичъ. Послѣ этого новаго исключенія остается лишь два городища, привлекающія къ себѣ вниманіе обширностью размѣровъ и предполагаемою a priori былою своею важностью, а потому какъ бы претендующія на пріуроченіе къ данной мѣстности древнекіевскаго Звенигорода.

Уже Погодинъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ“ [1]) предполагалъ, что этотъ Звенигородъ находился на полдороги между Кіевомъ и Васильевымъ (Васильковомъ). Максимовичъ [2]) въ статьѣ „О Звенигородѣ, бывшемъ подъ Кіевомъ“, поправляя въ соотвѣтственномъ мѣстѣ текстъ Лаврентьевской лѣтописи, съ чѣмъ соглашался въ данномъ случаѣ и В. Б. Антоновичъ, считалъ мѣстомъ ослѣпленія въ 1097 г. Василька Ростиславича не Бѣлгородъ, а Звенигородъ. Пытаясь опредѣлить нахожденіе этого кіевскаго пригорода, Максимовичъ предполагалъ Звенигородъ у нынѣшней деревни Кіевской губерніи Дзвонковой или Звонковой, лежащей верстахъ въ 13 отъ Мотовиловской ж.-д. станціи; къ этому, повидимому,

---

[1]) Т. IV, стр. 177—8; ссылка—по Максимовичу.

[2]) Собраніе сочиненій, томъ II, стр. 320—1, статья „О Звенигородѣ, бывшемъ подъ Кіевомъ“.

его побуждало главнымъ образомъ созвучіе современнаго поселенія съ древнимъ городомъ [1]).

Лѣтъ почти черезъ 20 послѣ этого, уже въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія, В. Б. Антоновичъ выступилъ съ общепринятымъ до сихъ поръ взглядомъ на мѣстность, гдѣ долженъ былъ лежать лѣтописный Звенигородъ [2]). В. Б. выдѣлилъ, во-первыхъ, кіевскій Звенигородъ отъ другихъ городовъ, носившихъ одинаковое съ нимъ названіе. Во-вторыхъ, покойный ученый воспроизвелъ 4 мѣста изъ Ипатьевской лѣтописи съ упоминаніемъ имени Звенигорода кіевскаго—для сопоставленія полученныхъ указаній и для опредѣленія мѣстоположенія послѣдняго [3]). Воспользовавшись затѣмъ указаніемъ тогдашняго знатока военной топографіи покойнаго генерала Драгомирова, В. Б. Антоновичъ считалъ возможнымъ отождествить Хотовско-Ѳеофаніевское (иначе Сираково) городище съ древнекіевскимъ Звенигородомъ и опровергнуть такимъ образомъ гипотезу Максимовича.

Цѣнность статьи В. Б—ча, раньше всего,—въ научномъ описаніи внѣшняго вида городища, которое къ настоящему времени немного, къ сожалѣнію, сохранило изъ того, что можно было констатировать еще лѣтъ 35 тому назадъ. Важны также, далѣе, приведенныя въ систематическомъ порядкѣ лѣтописныя указанія и сличеніе ихъ между собою. Интересны, наконецъ, соотвѣтственные выводы, которые, опираясь, между прочимъ, и на имѣвшіяся въ 70-е годы подъ

---

[1]) Своимъ названіемъ д. Звонковая обязана, быть можетъ, акустическимъ свойствамъ одной изъ своихъ окраинъ.

[2]) „Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца", кн. I, стр. 37—43, статья: „О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода".

[3]) Подъ годами 1097, 1150, 1151, 1234, т. е. въ пору ослѣпленія Василька Ростиславича, затѣмъ—во время междоусобной борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ и, наконецъ,—при Даніилѣ Романовичѣ.

руками изслѣдователя историко-топографическія данныя, позволяли отвергнуть оказавшееся неудовлетверительнымъ старое мнѣніе относительно мѣстоположенія кіевскаго Звенигорода.

Лѣтъ почти черезъ 10 послѣ напечатанія статьи съ приведенной гипотезой Похилевичъ во второмъ изданіи своего описанія Кіевской губерніи, вышедшемъ, къ сожалѣнію, всего лишь первымъ выпускомъ, почти голословно заявилъ о необоснованности отождествленія Звенигорода съ Хотовомъ, т. е. Хотовско-Ѳеофаніевскимъ городищемъ [1]).

Выраженное въ рѣзкой и неубѣдительной формѣ несогласіе съ гипотезой В. Б. Антоновича не могло, конечно, поколебать послѣдней. Авторитетъ покойнаго ученаго, какъ первоклассnаго знатока Кіевской Руси, стоитъ такъ высоко, что высказанное имъ предположеніе относительно Звенигорода было принято, какъ вполнѣ доказанный фактъ, и въ русской и въ славянской исторической спеціальной литературѣ [2]).

Сомнѣніе въ непреложности упомянутой гипотезы могло, впрочемъ, существовать и у непосредственныхъ учениковъ покойнаго. Автору настоящей статьи, по крайней мѣрѣ, приходилось слышать устный отзывъ по данному вопросу одного изъ наиболѣе близкихъ къ В. Б-чу лицъ.

Въ наукѣ имѣетъ законное право скептицизмъ при обсужденіи мнѣнія, опирающагося лишь на извѣстную долю вѣроятности. Какъ ни логичны поэтому были доводы въ пользу приведенной гипотезы, но послѣдняя могла сохранять значеніе лишь до тѣхъ поръ, пока не появились соотвѣт-

---

[1]) „Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій", стр. 102. На основаніи сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній можно объяснить происхожденіе названія „Сиракова" городища.

[2]) Ср. Анучина, Грушевскаго, Руликовскаго, Нидерле, какъ кажется, и др.

ственныя новыя данныя. Послѣднія позволили пересмотрѣть весь имѣющійся теперь подъ руками матеріалъ по этому вопросу, причемъ приняты во вниманіе сохранившіе и понынѣ реальную силу доказательства автора общепринятой „звенигородской“ гипотезы.

За довольно значительный, свыше чѣмъ тридцатилѣтній срокъ времени отъ появленія статьи, отождествлявшей мѣстоположеніе кіевскаго Звенигорода съ нынѣшнимъ Хотовско-Ѳеофаніевскимъ городищемъ, въ распоряженіи изслѣдователей мѣстной старины появился, помимо сообщеннаго впослѣдствіи самимъ В. Б. Антоновичемъ, довольно значительный матеріалъ архивнаго и историко-топографическаго характера [1]). Наличность его подъ руками оправдываетъ смѣлость выступленія съ попыткой перерѣшенія вопроса о мѣстонахожденіи древняго Звенигорода.

Что же прибавилось новаго по вопросу о древнекіевскомъ Звенигородѣ и что содѣйствуетъ побужденію признать общепринятую по настоящую пору гипотезу заслуживающею пересмотра?

Соотвѣтствующими побужденіями являются: открытіе, довольно сложной системы древнихъ фортификаціонныхъ сооруженій, являвшихся ближайшимъ къ Кіеву отъ степи военнымъ рубежомъ, въ частности — констатированіе случайно остававшагося донынѣ неизвѣстнымъ городища у д. Почтовой Виты и соотвѣтствіе разсматриваемаго древняго укрѣпленія требованіямъ, притомъ—въ большей степени, чѣмъ у Хотовско-Ѳеофаніевскаго городища, предъявлявшимся со стороны самого В. Б. Антоновича относительно мѣстоположенія Звенигорода.

---

[1]) Появившіяся, напр., за это время изданія „Архива Ю.-З. Россіи“, „Źródła dziejowe“, „Słownik geograficzny“, историко-топографическія развѣдки автора статьи и т. д.

Я не буду останавливаться на обширности городища, его значительной укрѣпленности и т. п., но позволю себѣ представить топографическую характеристику стариннаго сооруженія у д. Почтовой Виты.

Мѣстное городище находится вблизи отъ Кіева. Оно лежитъ на ближайшей, т. е. возможно прямой, дорогѣ между Кіевомъ и Васильковымъ, почти на полупути между ними и расположено у мѣста наиболѣе удобной переправы черезъ р. Виту, являвшейся нѣкогда ближайшею естественною границею съ юга для непосредственныхъ окрестностей Кіева. Оно лежитъ на линіи направленія самой важной изъ идущихъ отъ Кіева къ югу дорогъ, которая наименѣе прерывается на всемъ своемъ протяженіи долинами встрѣчныхъ рѣчекъ, болѣе, чѣмъ теперь, водныхъ въ прежнюю пору и болѣе потому затруднявшихъ движеніе черезъ нихъ въ старину; оно, наконецъ, расположено бокъ-о-бокъ съ линіей „зміевыхъ“ валовъ, прикрывая такимъ образомъ, на ряду съ Будаевскимъ городищемъ, наиболѣе безпрепятственный нѣкогда къ Кіеву подступъ со стороны степи.

Совокупность приводимыхъ признаковъ топографическаго свойства у Почтово-Витянскаго городища, при соотвѣтствіи съ его стороны въ значительной степени и требованіямъ относительно конструкціи, характерныхъ по сосѣдству вещественныхъ остатковъ старины, пріурочиваемыхъ сюда во множествѣ народныхъ преданій, а также, конечно, справокъ о прошлой судьбѣ мѣстности, удовлетворяетъ, во всякомъ случаѣ, въ большей мѣрѣ тому, чего хотѣлъ покойный ученый отъ городища между с. Хотовомъ и Ѳеофаніевскою пустынью, которое онъ отождествлялъ со Звенигородомъ.

По приведеніи въ наличность всего имѣющагося теперь подъ руками историко-топографическаго матеріала для окрестностей Кіева, должно отпасть кое-что изъ доводовъ

въ пользу прежней гипотезы, утративъ, вслѣдствіе указываемыхъ обстоятельствъ, силу исключительной убѣдительности.

Позволительно, раньше всего, усомниться въ томъ, чтобы изъ Хотовско-Ѳеофаніевскаго городища, принимаемаго за древній укрѣпленный пунктъ, могло быть удобно наблюденіе за переправой черезъ сосѣднюю рѣку. Нуженъ ли былъ подобный сторожевой пунктъ въ данномъ мѣстѣ, отстоящемъ почти на версту отъ современной переправы, въ такой степени, въ какой онъ былъ необходимъ у нынѣшней д. Почтовой Виты, особенно если имѣть въ виду послѣдующіе, не защищенные въ старину укрѣпленіями пункты переправъ по линіи предполагаемой В. Б. Антоновичемъ, вслѣдъ за Похилевичемъ [1]), дороги отъ Кіева къ югу (Хотовъ—Кругликъ—Янковичи—Крушинка и т. д.)?

Далѣе,—нельзя согласиться съ утвержденіемъ автора господствующей гипотезы, будто переходъ отъ Звенигорода къ Василеву былъ длиннѣе, чѣмъ оттуда же къ Кіеву, такъ какъ де „если пѣшимъ случалось поздно подняться съ ночлега (въ Звенигородѣ, послѣ сравнительно поздняго выступленія наканунѣ изъ Кіева), то они къ обѣду не могли дойти до Василева“ [2]).

Ипатьевская лѣтопись [3]), на которую дѣлается въ данномъ случаѣ ссылка, говоритъ объ одномъ изъ эпизодовъ борьбы Изяслава II съ Юріемъ Долгорукимъ слѣдующее: „и тако поидоша, другъ друга не ѡста, но вси с радостью, по своих кн(я)зехъ и на конихъ и пѣшимногое множество шедше (.) и сташа оу Звенигорода на ночь (;) заоутра же

---

[1]) Похилевичъ. „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи“, 472, примѣч.

[2]) „О мѣстоположеніи древняго Кіевскаго Звенигорода“, стр. 40.

[3]) Изд. 1908 г., столбецъ 434.

въ середу въсташа поздѣ и не дошедъше сташа оу Василева ѡбѣду". Имѣя въ виду лѣтнее время и обычай ранняго повседневнаго пробужденія въ старину, т. е. на разсвѣтѣ, и ранняго же, совпадавшаго приблизительно съ полуденной порой обѣда, едва ли возможно сдѣлать заключеніе о большей отдаленности Звенигорода отъ Василева, чѣмъ отъ Кіева. Скорѣе, наоборотъ,—изъ контекста можно предположить большій перегонъ отъ Кіева къ Звенигороду, чѣмъ отъ Звенигорода къ Василеву. При предположеніи мѣстонахожденія Звенигорода у нынѣшней Почтовой Виты станетъ понятной также и возможность для кіевской рати, послѣ небольшой здѣсь остановки (отсюда до Кіева болѣе 18 верстъ, а до Василькова около 14—15 в.) ко врѣмени прибытія къ Изяславу и Мстиславу венгерскаго посла, совершить дальнѣйшій маршъ въ тотъ же день къ ночлегу у вала вблизи Перепетова поля, т. е.—гдѣ-то, вѣроятно, подлѣ узла изъ двухъ линій „зміевыхъ" валовъ у нынѣшней Мытницы за Васильковомъ [1]). Подобный переходъ врядъ ли было возможно совершить изъ указываемаго В. Б. Антоновичемъ для Звенигорода пункта, въ виду большей, чѣмъ для П.-Виты, отдаленности Хотовско-Ѳеофаніевскаго городища отъ Василькова (болѣе 20 верстъ).

Наконецъ, невольное, конечно, игнорированіе предшествующими изслѣдователями топографическихъ свойствъ довольно обширнаго „Бѣлокняжескаго поля", непрерываемаго въ центральной своей части пониженіями для рѣчныхъ долинъ и овраговъ и являвшагося въ свою пору важнымъ плацъ-д'армомъ [2]), оправдываетъ и два послѣд-

---

[1]) Ср. соотвѣтственныя мѣста въ статьѣ М. Андріевскаго „Перепетовское поле" („Кіевская Старина", 1882, сентябрь).

[2]) Вспомнимъ о прежнихъ 400, по Антоновичу, его курганахъ („Археологическая карта К. г.", стр. 45).

нихъ доказательства въ пользу прежней гипотезы о Звенигородѣ.

Только при игнорированіи какъ указываемой площади, такъ и прилегающихъ къ ней съ востока и запада мѣстностей, можно было прежде считать наиболѣе удобною во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. наименѣе прерываемою естественными препятствіями, наиболѣе прямою, а потому и ближайшею, дорогу изъ Кіева на Волынь, шедшую будто бы черезъ Стугну (у Василева или даже Тумаща) къ Перепетову полю вмѣсто наиболѣе вѣроятной, указываемой линіею водораздѣльнаго кряжа Ирпеня (съ одной стороны), Виты и Стугны (съ другой), т. е. мимо нынѣшнихъ селъ Плисецкаго, Б. Снитынки.

Во-вторыхъ, при указываемомъ прежнемъ отношеніи къ мѣстнымъ топографическимъ условіямъ, получается какъ бы утвержденіе, что наиболѣе удобное отвѣтвленіе главной южной отъ Кіева дороги въ сторону Торческа (при отождествленіи его со Ст. Безрадичами) шло какъ-то въ ю.-в. направленіи отъ нынѣшняго Хотова, т. е. въ направленіи, прерываемомъ цѣлымъ рядомъ встрѣчныхъ рѣчекъ и большихъ овраговъ, вмѣсто того чтобы итти отъ „Бѣлокняжескаго поля“ къ югу отъ Почтовой Виты и затѣмъ къ ю.-в. отъ лежащей между Глевахой и Мархалевкой мѣстности, служащей водораздѣльнымъ перешейкомъ между верховьями правыхъ притоковъ р. Виты [1]) и лѣвыхъ Стугны [2]).

Совокупность представленныхъ фактовъ и соображеній позволяетъ, какъ кажется, думать, что констатируемое городище у П.-Виты, отстоящее отъ Кіева всего версты на 3—4 (правда, по иному радіусу) дальше Хотовско-Ѳеофаніевскаго,

---

[1]) Мархалевско-Янковскій, Рославскій и Гвоздовскій ручьи, т. наз. Гавриловки (по Руликовскому).

[2]) Тихань, Бугаевка и др.

можетъ вполнѣ удовлетворять сдѣланнымъ еще В. Б. Антоновичемъ какъ анализу лѣтописныхъ упоминаній о кіевскомъ Звенигородѣ, такъ и апріорнымъ его предположеніямъ относительно мѣстоположенія послѣдняго.

Выступая съ мнѣніемъ, претендующимъ лишь на бо́льшую, по сравненію съ предшествующими, вѣроятность по данному вопросу и являющимся, сверхъ того, лишь болѣе или менѣе случайною частью предлагаемаго очерка, упомянуть о фактахъ, какъ бы не находящихся въ соотвѣтствіи съ аргументированными выше выводами.

Я разумѣю указываемое Ипа́тьевскою лѣтописью разстояніе отъ Кіева до Звенигорода („иже есть городъ малъ оу Киева яко десятъ веръстъ и въдале") и встрѣчающееся, иногда и въ книгахъ наименованіе старымъ Васильковскимъ шляхомъ" нынѣшней дороги отъ Кіева мимо Хотова, а новымъ—проходящаго у П.-Виты тракта.

Что касается перваго изъ упоминаемыхъ обстоятельствъ, то, при 15—16-верстномъ разстояніи Хотовско-Ѳеофаніевскаго городища отъ Стараго города (въ Кіевѣ) и 18—20-верстномъ—для Почтово-Витянскаго, приводимое обозначеніе „яко десятъ веръстъ и въдале" [1]), если имѣть въ виду приблизительность обозначенія въ самомъ лѣтописномъ текстѣ и сравнительную неопредѣленность для термина „верста" въ 11—12 вѣкахъ, не можетъ служить, какъ кажется, большимъ препятствіемъ при предлагаемомъ разрѣшеніи вопроса о мѣстѣ древняго Звенигорода.

Равнымъ образомъ, при очевидной условности у мѣстнаго населенія для названій „старая" или „новая" Кіево-Васильковская дорога, вызывающихъ какъ-бы нѣкоторое соревнованіе у прилегающаго къ обоимъ трактамъ населенія, и при отсутствіи для каждаго изъ нихъ достаточнаго количества доку-

[1]) Ипат. лѣт., столбецъ 234.

ментальныхъ, научно болѣе надежныхъ, чѣмъ устная традиція, свидѣтельствъ,—едва ли соотвѣтственная часть нынѣшняго Кіево-Богуславскаго „шляха“ (Красный трактиръ—Хотовъ—Янковичи и т. д.) можетъ быть признана имѣвшею нѣкогда бо́льшее значеніе и болѣе древнею, чѣмъ дѣйствительно старая (бывшая) почтовая дорога, проходящая мимо П.-Виты отъ Кіева къ Василькову и далѣе [1]).

Наиболѣе шаткою стороной въ предлагаемой гипотезѣ о Звенигородѣ можетъ оказаться то обстоятельство, что аргументы въ пользу ея обоснованы почти исключительно на внѣшнихъ признакахъ городища у П. Виты. При неувѣренности въ полнотѣ имѣвшагося подъ руками литературнаго матеріала изъ напечатанныхъ уже документовъ 16—18 в., при возможности появленія новыхъ актовыхъ данныхъ и, наконецъ, при полученіи опредѣленныхъ результатовъ отъ систематическихъ археологическихъ раскопокъ у Почтовой Виты, данная гипотеза можетъ подвергнуться когда-нибудь пересмотру или, по крайней мѣрѣ, кое-какимъ ограниченіямъ.

Но въ то время какъ высокочтимый авторъ статьи съ общепринятымъ до сихъ поръ взглядомъ на Звенигородъ построилъ ее по способу доказательствъ à thèse, т. е. имѣя одну опредѣленную напередъ задачу,—высказанное только что мнѣніе по данному вопросу является лишь частью очерка, гдѣ констатируется, главнымъ образомъ, въ системати-

---

[1]) Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить напр., того обстоятельства, что въ 16 вѣкѣ (вѣроятно, и въ послѣдующее время) Кіевская дорога подходила къ г. Василькову со стороны колокольни тамошняго собора (очевидно,—въ обходъ мѣстой рѣчки Васильковки), сквозь давнишнія замковыя ворота. Такимъ образомъ, направленіе этой дороги не могло совпадать съ линіей возникшаго уже послѣ польскихъ раздѣловъ Кіево-Одесскаго „шляха“. Ср. у Похилевича „Сказанія о населенныхъ мѣстахъ Кіевской губерніи“, стр. 472, примѣч.

ческомъ подборѣ, подобно предшествующимъ статьяхъ автора, оказывавшійся раньше неизвѣстнымъ историко-топографическій матеріалъ изъ числа находящагося въ окрестностяхъ Кіева.

Вдобавокъ, сдѣланная въ настоящемъ очеркѣ попытка систематизовать получившійся въ сравнительно достаточномъ количествѣ матеріалъ для прошлаго одной изъ окрестностей нашего стародавняго Кіева имѣетъ въ виду необходимость для изслѣдователя мѣстной старины разобраться хоть немного въ имѣющемся уже подъ руками. Отсюда, конечно,—далеко еще до притязанія на всеисчерпывающую полноту приведенныхъ данныхъ и на абсолютную безспорность высказаннаго мнѣнія, скромно претендующаго, какъ и всякая другая гипотеза, лишь на временное хотя бы къ себѣ вниманіе, пока не наступитъ пора окончательнаго научнаго обоснованія для рѣшенія даннаго вопроса въ томъ или иномъ направленіи.

Общій выводъ изъ всего предложеннаго матеріала можно представить въ слѣдующемъ сжатомъ видѣ.

1) Подлѣ П. Виты можно констатировать значительное число памятниковъ глубокой старины.

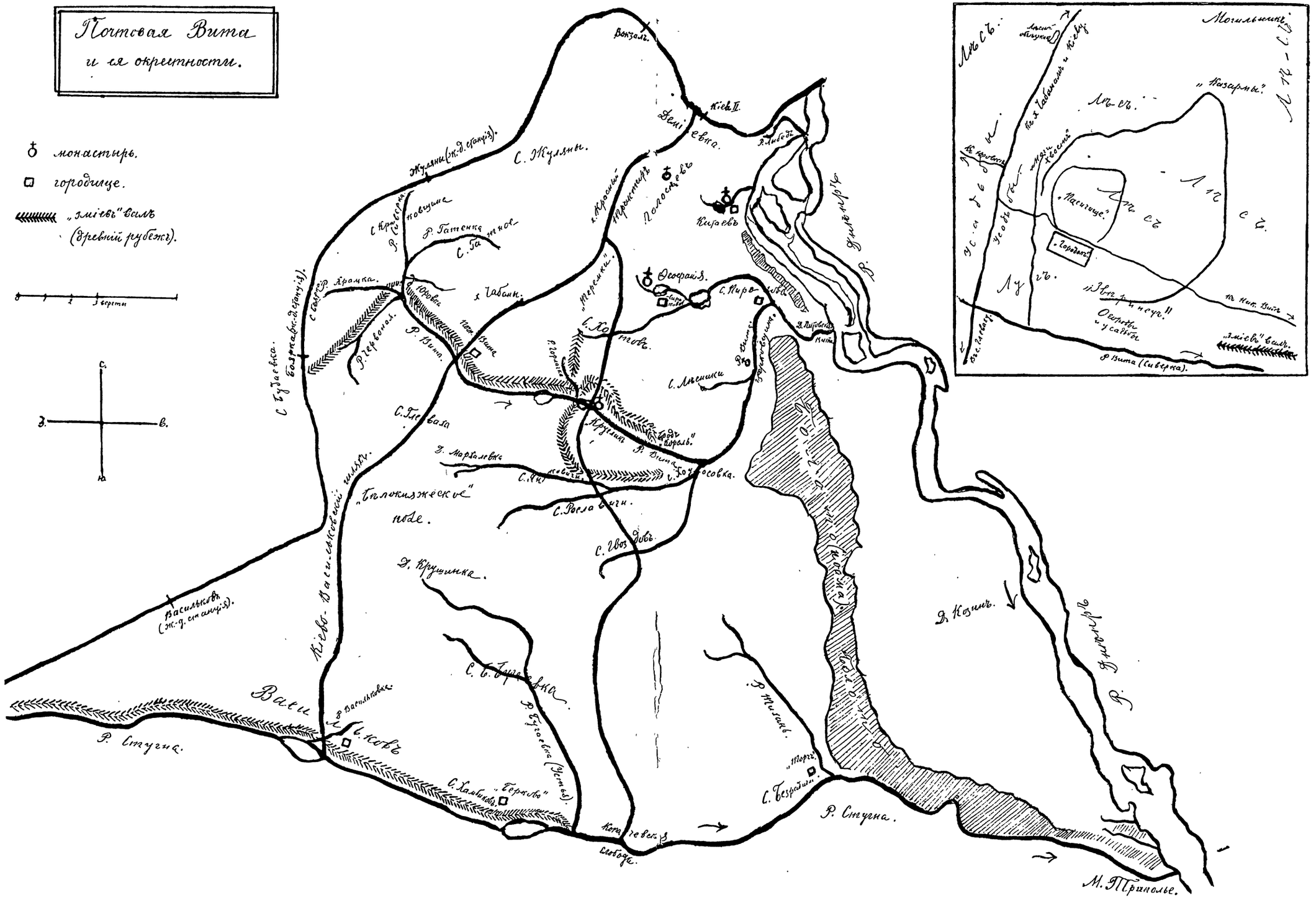
2) Являющееся главнымъ изъ нихъ—городище обязано своимъ существованіемъ, вѣроятно, исключительно положенію между Кіевомъ и Васильковомъ.

3) Характеризующіе городище извнѣ признаки относятъ почти несомнѣнно время его первоначальнаго возникновенія къ такъ называемой великокняжеской эпохѣ.

4) Не вполнѣ, быть можетъ, чистый для сооруженій указываемой эпохи типъ городища, допуская вѣроятность послѣдующихъ поновленій, свидѣтельствуетъ либо о длительности его существованія, либо, въ крайнемъ случаѣ, о смѣнѣ поры запустѣнія временемъ новаго заселенія и соотвѣтственныхъ приспособленій.

5) Важность былого мѣстоположенія, обширность и значительная защищенность давнишняго укрѣпленія оправдываютъ предположеніе о возможности пріурочить къ послѣднему древнекіевскій Звенигородъ, удостоившійся, въ числѣ немногихъ пригородовъ, упоминанія о себѣ у лѣтописца.

Л. Добровольскій.


Почтовая Вита
и ея окрестности.
монастырь.
городище.
„зміевъ" валъ
(древній рубежъ).
1 версты
С.
З.
В.
Ю.
Вокзалъ.
Кіевъ II.
Жуляны (ж.-д. станція).
С. Жуляны.
Зеленевка.
Р. Либедь.
Р. Днѣпръ.
Кіевъ-Васильковскій шоссейн.
Васильковъ (ж.-д. станція).
Р. Стугна.
Р. Вита.
Р. Гатенка.
Р. Храмка.
Р. Червоная.
Р. Ирпень.
Р. Ирпецъ.
Р. Тетеревъ.
Р. Унава.
Р. Красная.
Р. Ольшанка.
Р. Ходосовка.
Р. Тягинь.
Р. Трубежъ.
Р. Сивирка.
Р. Козинъ.
Р. Днѣпръ.
Р. Стугна.
М. Приполье.
Х. Красный Трактиръ.
Х. Габинъ.
Х. Терешки.
Х. Ольшанка.
Х. Ходосовка.
Х. Ивановка.
Х. Ивановка.
Х. Иванов

Часть II.

Сообщенія и изслѣдованія.

Новое челобитье Московскихъ торговыхъ людей о высылкѣ иноземцевъ, 1627 года. [1])

(Изъ общественныхъ настроеній русскихъ горожанъ XVII в.).

I.

Первая жалованная грамота иноземнымъ купцамъ была выдана Московскимъ правительствомъ въ 1555 году. Выхлопоталъ ее англичанинъ, капитанъ Ченслеръ, для образовавшейся въ Англіи „русской компаніи“, цѣлью которой являлась торговля съ Россіей черезъ открытое за два года передъ тѣмъ устье сѣверной Двины. Жалованная грамота давала компаніи право безпошлинной торговли, оптомъ и врозницу, по русскимъ городамъ, право заводить дворы на Холмогорахъ и въ Вологдѣ, т. е. въ важнѣйшихъ пунктахъ по дорогѣ отъ устья Двины до Москвы. Здѣсь царь самъ подарилъ компаніи дворъ у церкви св. Максима на Варварскомъ крестцѣ. Англичане изъ компаніи имѣютъ свой

[1]) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Общества Нестора-лѣтописца 27 марта 1911 года.

судъ и расправу, не подчинены намѣстникамъ, имѣютъ право держать русскихъ приказчиковъ.

Въ теченіе второй половины XVI вѣка англичанамъ была выдана еще 8 грамотъ, по содержанію аналогичныхъ первой. По нимъ привилегіи англичанъ то подтверждались, то отмѣнялись (1570—72 г.), то расширялись, то суживались. Англичанамъ удалось добиться права безпошлинной торговли съ внутренними областями (Дженкинсонъ), права завести въ Россіи свои промыслы (канатныя фабрики въ Вологдѣ и у Архангельска, прядильная фабрика въ Холмогорахъ, поиски руды); ихъ подворья находились во всѣхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ; жалованная грамота, выданная Дженкинсону и подтвержденная Рандольфу (1569 г.), предоставила даже компаніи въ исключительное пользованіе всѣ гавани на Двинѣ, Холмогорскій рынокъ, Двину, Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкій островъ; согласно ей, никакой корабль, не принадлежащій компаніи, не могъ приставать здѣсь. Такимъ образомъ, даже англичане не могли торговать съ Россіей безъ позволенія компаніи, и это тѣмъ болѣе, что англичанамъ было запрещено безъ разрѣшенія покровительницы компаніи, королевы, приставать къ Нарвѣ и Иванъ городу, а также ходить черезъ Россію на востокъ.

Послѣднія условія, чрезчуръ стѣснительныя для царской торговли, были вскорѣ отмѣнены и не возобновлялись со времени царя Ѳедора. При Ѳедорѣ Ивановичѣ у англичанъ отняли право торговли по мелочамъ и право держать русскихъ приказчиковъ. Царь Борисъ, Василій Шуйскій и Дмитрій подтверждали право безпошлинной торговли англичанъ. То же самое дѣлалъ и Михаилъ Ѳедоровичъ, при которомъ англичане получили нѣсколько жалованныхъ грамотъ, начиная съ грамоты 1614 года [1]). Грамоты эти по

[1]) Напечатана Мулюкинымъ въ книгѣ Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство СПБ. 1909 г.

содержанію близки къ грамотамъ Ѳедора Ивановича, т. е. въ нихъ нѣтъ монополіи и права держать русскихъ приказчиковъ, а важнѣйшей привилегіей является свобода отъ обложенія англійской торговли пошлинами, а дворовъ оброкомъ. Въ 1625 году англійская компанія распалась, и англичане были обложены половинной пошлиной; однако такой порядокъ долго не удержался. Въ слѣдующемъ же 1626 году, „для прошенія англійскаго Карлуса короля", Михаилъ Ѳедоровичъ снова выдалъ жалованную грамоту группѣ изъ 23 англійскихъ купцовъ, во главѣ которыхъ стоялъ особый агентъ, Ѳабіанъ Ульяновъ Смитъ. Поименно перечисленные купцы были освобождены отъ пошлины совершенно, но имъ было запрещено торговать съ восточными купцами.

Соперниками англичанъ еще въ XVI столѣтіи выступили голландскіе купцы, корабли которыхъ попали къ Двинѣ въ 1577 или 1578 году. Наравнѣ съ купцами, торговавшими на общихъ основаніяхъ, среди голладцевъ были гости съ жалованными грамотами—напримѣръ, при Грозномъ,—Иванъ Бѣлобородъ, при Ѳедорѣ—Маркъ Фоглеръ и Адріанъ Эбрехтъ. Грамоты двухъ послѣднихъ были подтверждены въ 1606 и 1608 г. съ замѣной въ послѣдней Эбрехта Фанъ-Кленкомъ. При Михаилѣ эта компанія продолжаетъ торговать и получаетъ грамоту въ 1614 году. Тогда же получили грамоты и еще нѣкоторые купцы: Симонъ Бусъ въ 1614 году, въ слѣдующемъ—Еремѣй Ивановъ, въ 1628—Абрамъ Горькій. По этимъ грамотамъ голландцы могли имѣть въ городахъ свои дворы, не платя съ нихъ оброковъ, и торговать съ уплатой половинной пошлины. Въ 1603 году аналогичной льготы добились любчане, но вскорѣ затѣмъ ее утеряли.

Менѣе выгодное положеніе, нежели западные купцы, занимали въ XVI и XVII вѣкахъ на русскомъ рынкѣ восточные торговцы: „Кизыльбашскіе (т. е. персидскіе) и Бухарскіе земли тезики". Грамотами имъ вообще разрѣшался „повольный торгъ". Персы иногда добивались особыхъ привилегій:

такъ, право безпошлинной торговли въ Астрахани и Теркахъ въ 1616 году получилъ кизыльбашскій купецъ, Боярамъ Шанбратовъ, но право это, ограниченное юго-восточными пограничными рынками, было ограничено временемъ и суммой: Шанбратовъ могъ торговать безпошлинно лишь на 500 рублей въ теченіе пяти лѣтъ. Такой ограниченный характеръ имѣла и вообще торговля восточныхъ купцовъ внутри Россіи: получившіе доступъ въ Россію вслѣдъ за присоединеніемъ Астрахани въ 1558 году торговцы среднеазіатскихъ ханствъ (для Бухары и Хивы это право подтверждалъ Михаилъ Ѳедоровичъ) могли пріѣзжать въ Астрахань, Казань и другіе города Россіи, но не платили пошлинъ лишь тогда, когда пріѣзжали съ посольствами.

Англичане, голландцы брабантскіе, гамбургскіе нѣмцы и восточные купцы изъ Персіи и Бухары по жалованнымъ грамотамъ занимали на русскомъ рынкѣ первой половины XVII в. далеко неодинаковое положеніе. Если сравнивать ихъ съ русскими, то всѣ они вообще являлись привилегированными торговцами, но привилегіи ихъ были разнообразны, начиная со свободы отъ платежей пошлинъ и оброковъ казнѣ, неподсудности русскимъ властямъ, и кончая простой возможностью пріѣзда къ Москвѣ для торговли, хотя и съ уплатой пошлины, но безъ уплаты тѣхъ поборовъ и налоговъ, которые вносились русскимъ торгово-промышленнымъ населеніемъ съ ихъ торговъ и промысловъ, и безъ тѣхъ службъ, которыя требовались съ него казной.

Эта общая привилегированность до нѣкоторой степени объединяла въ глазахъ русскаго купца всѣхъ иноземцевъ въ одну массу счастливыхъ и опасныхъ конкурентовъ, тѣмъ болѣе, что всѣмъ иноземцамъ одинаково нетрудно было обойти лѣсъ неустойчивыхъ законовъ Московскаго государства и, помимо жалованныхъ грамотъ, пріобрѣсти привилегіи, по закону принадлежавшія лишь нѣсколькимъ лицамъ.

Въ дѣйствительности такъ оно и было, и въ первой половинѣ XVII вѣка большую роль въ этомъ игралъ Посольскій приказъ, въ вѣдѣніи котораго состояли иноземцы, и въ которомъ хранились всѣ грамоты и указы о правахъ иноземныхъ купцовъ. Не считаясь съ этими послѣдними и руководясь ему одному извѣстными соображеніями, Посольскій приказъ начинаетъ выдавать иностраннымъ купцамъ грамоты на безпошлинную торговлю въ такомъ количествѣ, что въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, повидимому, всѣ иностранцы пользовались прерогативами 23 англійскихъ купцовъ и безпошлинно провозили товары отъ Архангельска къ Москвѣ и обратно. Наконецъ, на это обратила вниманіе Устюжская четверть, такъ какъ доходы съ таможенъ ея городовъ, Устюга Великаго и Тотьмы, лежащихъ на этомъ пути, замѣтно уменьшались [1]). Она обратилась за разъясненіями правъ иностранныхъ купцовъ въ Посольскій приказъ, и между двумя учрежденіями завязалась характерная борьба.

5 октября 1638 года Устюжская четверть, „по государеву цареву і в. к. Михаила Федоровича всеа Русиі именному приказу“ запрашиваетъ у посольскихъ дьяковъ, всѣхъ или не всѣхъ иностранныхъ купцовъ должны пропускать безпошлинно таможнные головы и по какимъ государевымъ грамотамъ [2]). Посольскій приказъ отмолчался и ничего не

---

[1]) Упадокъ сборовъ вызывался и другими причинами, но въ данномъ случаѣ это не имѣетъ значенія.

[2]) Вопросъ формулировался такъ: „Съ аглинскихъ гостей и иных земель с торговых нѣмецъ на Устюге Великом и на Тотьме таможенным головам и цѣловальникомъ съ их товаров государевы таможенные пошлины имать ли или не имать и со всѣх лі аглинскихъ гостей и иных земель с торговыхъ нѣмец съ их товаров государевых пошлинъ не имать, и будетъ не со всѣх,—и с ково имяны и которых земель с нѣмец, и сколькихъ рублевъ таможенных пошлинъ не имать и съ которых имать, чтоб про то в Чети было вѣдомо, а государеве б таможенной пошлине в томъ истери не было“.

Все это было „невѣдомо“ собиравшему таможенныя пошлины учрежденію въ началѣ 40-хъ годовъ XVII вѣка.

отвѣтилъ. Устюжская четверть повторяетъ запросъ 8 декабря 1638, и снова безрезультатно. Повторяетъ его 31 августа и 11 декабря 1639 года, 15 января и 13 октября 1640 года,— но дьяки Посольскаго приказа упорно молчатъ. Наконецъ 27 октября 1640 года дьякъ Устюжской четверти, Пантелѣй Чириковъ, шлетъ новую, седьмую по счету, память съ требованіемъ отвѣтить на вопросъ и съ указаніемъ на нарушенье посольскими дьяками „имянного приказу“ и интересовъ государевой казны: „А в Устюжской четверті по таможенным книгам прошлых лѣт, 146-го і 147 и 148 году с аглинскихъ и з галанскихъ гостей и со многих торговых нѣмецъ государевы таможенные пошлины довелись взяті немалые. І в тѣх же таможенных книгах написано, что тѣ аглинские и галанские гості и торговые нѣмцы тѣх государевых таможинныхъ пошлинъ не платилі по государевым грамотам ис Посольсково приказу, а в Устюжской четверті про тѣ государевы грамоты не вѣдомо, с которых нѣмецъ государевыхъ таможенных пошлинъ по государевым жаловальным грамотам имать не велено. І в томъ государеве таможенной пошлине истеря немалая, і в четвертныхъ в приходных книгах тѣх пошлинъ очистить нѣпочему“.

На эту память посольскіе дьяки, думный Ѳедоръ Лихачевъ, Михаилъ Матюшкинъ и Григорій Львовъ, отозвались 15 ноября 1640 года отпиской, въ которой выяснялось, что по указу и жалованнымъ грамотамъ царя Михаила Ѳедоровича и покойнаго патріарха Филарета, выданнымъ въ 136 году, [1]) безпошлинно въ Московскомъ государствѣ могутъ торговать только 23 человѣка англійскихъ гостей, поименно перечисленныхъ; со всѣхъ остальныхъ, и съ англичанъ и иныхъ національностей, „пошлины емлютъ по государеву указу і по уставным грамотам, как со всяких торговых людей пошлины емлютъ“.

[1]) Повидимому, приказъ подразумѣвалъ печатаемый въ приложеніи указъ 1627 года (т. е. 135-го).

Устюжская четверть 8 февраля 1641 года въ грамотахъ пригрозила взыскивать неуплаченныя иноземцами пошлины съ таможенныхъ головъ, но трудно сказать, насколько это средство оказалось дѣйствительнымъ для 40-хъ годовъ XVII вѣка, и насколько положеніе иностранныхъ купцовъ въ Московскомъ государствѣ пришло въ соотвѣтствіе въ это время съ ихъ юридически скромными правами [1]).

II.

Пока невозможно точно указать, каково было фактическое положеніе различныхъ національныхъ группъ на русскомъ рынкѣ въ первой четверти XVII вѣка, т. е. какъ велики были ихъ обороты, какъ велика была концентрація капиталовъ, и насколько каждая группа стѣсняла русскихъ торговцовъ. Повидимому, восточные купцы не являлись значительными капиталистами, и ихъ конкуренція не была особенно опасна складывавшемуся русскому торгово-промышленному классу. Не такъ обстоялъ вопросъ съ конкуренціей Запада.

Когда посолъ англійскаго короля, Джонъ Мерикъ, въ 1620 году добивался для англійскихъ купцовъ свободной безпошлинной торговли въ Персіей черезъ Астрахань и проѣзда въ Индію и Китай черезъ Сибирь, и при этомъ обѣщалъ, что англичане де будутъ торговать съ русскими сообща, давать имъ товары въ кредитъ, то Московскіе гости отвѣчали на это: „русскимъ людямъ сообща съ англичанами торговать нельзя: англичане—люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется“. Но если такъ можно было сказать объ англичанахъ, то гораздо приложимѣе эта характеристика къ другимъ западнымъ торговцамъ этого времени, особенно голланцамъ. За смуту англійская торговля потерпѣла сильный ущербъ: англійская компанія, по словамъ того же Мерика, потеряла 144.000 рублей (ок. 1½ мил); объ упадкѣ англійской торговли къ 20-мъ годамъ

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Прик. Дѣла ст. лѣтъ 1639—41 г. № 39.

17 вѣка говоритъ и злѣйшій врагъ и конкурентъ англичанъ, голландецъ Масса. Въ своемъ письмѣ отъ 4 сентября 1619 года онъ предсказываетъ будущее англійской компаніи: „если не представится какое-либо средство, то компанія ихъ рушится въ этомъ году", и Масса ошибся только на шесть лѣтъ. Англичане почти не производили торговли, ихъ дворецъ на Холмогорахъ русскіе хотѣли будто бы отвести подъ монастырь [1]). Русскіе акты подтверждаютъ этотъ упадокъ англійской торговли съ Россіей: въ 1618 году въ Архангельскую гавань пришло только три англійскихъ и 30 голландскихъ кораблей, въ 1635 году 1 англійскій и 11 голландскихъ.

По таможеннымъ записямъ можно вычислить вполнѣ точно, сколько какого товара провозилось къ Архангельску на этихъ корабляхъ, сколько и кто именно отпускалъ ихъ вверхъ по Двинѣ на Вологду, сколько и кто подвозилъ русскихъ товаровъ къ Архангельскому порту.

У англичанъ въ 20-хъ годахъ вверхъ по Двинѣ лѣтомъ подымалось 2—3 дощаника съ ихъ товарами; голландцы же, въ подрывъ вологжанамъ, завели на Двинѣ собственныя суда, и имъ принадлежало въ 1630 году около $^1/_{10}$ отпущенныхъ отъ гавани къ Москвѣ судовъ съ товарами. Даже подвозъ русскихъ товаровъ къ Архангельску былъ въ значительной степени захваченъ голландскими капиталистами, что особенно тяжело отзывалось на русскихъ оптовикахъ. Гость Иванъ Сверчковъ писалъ въ 1621 году: „А передъ прошлымі годы торговые нѣмцы съ товарами ѣздилі многіе и русских товаровъ привезлі передъ прошлыми годы вдвое и втрое, и затѣмъ і къ Архангельскому городу государевых торговых людей из верховыхъ городовъ никого нѣт, потому что тѣ товары по городомъ нѣмцы выкупили". При отпискѣ—роспись пріѣхавшимъ къ Архангельску съ русскими товарами нѣмцамъ.

[1]) Письма Массы въ Вѣстн. Европы 1868, VIII, стр. 803.

По особымъ указнымъ грамотамъ, „для прошенія такого-то короля“, правительство Михаила Ѳедоровича почти каждый годъ разрѣшало тому или другому иноземцу скупить въ Россіи для экспорта опредѣленное количество хлѣба. Такъ какъ закупка производилась на имя иноземнаго короля, надъ чѣмъ иронизировали еще въ XVI вѣкѣ, то она часто бывала безпошлинной; а такъ какъ экспортъ хлѣбныхъ запасовъ являлся монополіей царя, то и скупать ихъ иноземцы могли на монопольныхъ началахъ. Въ 1630 году, напримѣръ, 8 декабря, пріѣхалъ въ Москву отъ французкаго короля Людовика XIII капитанъ Бонфуа; отъ имени короля онъ просилъ отпустить ему за деньги 6.000 ластовъ хлѣба (120.000 четвертей). Ему отказали, такъ какъ на этотъ годъ уже было назначено къ вывозу:

1) въ Данію . .	75.000 чет.	ржи.
2) въ Швецію .	166.600 чет.	ячменю, овса, крупъ гречневыхъ и просяныхъ.
3) въ Англію .	60.000 чет.	разнаго хлѣба.
4) въ Голландію	23.000 чет.	ржи.
Всего . .	324.600 чет.	хлѣба.

Отказывая французамъ „ради такихъ большихъ отпусковъ“, царь Михаилъ Ѳедоровичъ обѣщалъ однако на слѣдующій годъ приготовить имъ 50.000 чет. [1]) Съ 1627 по 1632 годъ, скупалъ въ Россіи хлѣбъ голландецъ Давидъ Николаевичъ Ручъ, въ годъ по 25—30 тысячъ четвертей, покупалъ, по крайней мѣрѣ первые три года, безпошлинно, на имя „Дацково Крестьянуса короля“. [2]) Въ 1636 году „по прошенью Свейскаго короля“ скупали 36.000 четвертей голландскій гость Карпъ Де-Муленъ, извѣстный крупный торговецъ съ Россіей, и Де-Ледаль, также голландецъ. [3]) Въ 1652 закупило въ

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Тетрадь Малиновскаго № 1110—1037.

[2]) Моск. Ар. М. И. Дѣлъ. Прик. Дѣла ст. л. 1630 г. № 48.

[3]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Приказн. Дѣла 1628—9 г. № 11.

Россіи 20.000 четвертей ржи шведское правительство и т. д. [1]).

Въ 20-хъ годахъ XVII столѣтья у Руча ежегодно къ Архангельску подходило за хлѣбомъ 6—7 кораблей. Но, повидимому, это только ласточка будущаго расцвѣта экспорта хлѣба черезъ Архангельскъ: 1634 году по 9 августа къ Архангельской пристани подошло съ товарами три корабля англійскихъ, 16 нѣмецкихъ и голландскихъ и 33 пустыхъ корабля, „по хлѣбные запасы". [2]) Впрочемъ, оффиціальная регистрація не могла отражать дѣйствительныхъ размѣровъ отпуска русскаго хлѣба. Для закупки нужнаго количества иноземный гость разсылалъ своихъ и русскихъ приказчиковъ, но и помимо ихъ русскіе торговцы скупали хлѣбъ на разныхъ иноземцевъ, т. е. на ихъ деньги, ссыпали его по подворьямъ, а затѣмъ отдавали хозяевамъ. На Вологдѣ, напримѣръ, въ 1629 году таможенники открыли 11 такихъ незаконныхъ складовъ у иноземцевъ, по подворьямъ монастырей и по частнымъ дворамъ. Вологодскій воевода князь Б. Хилковъ, сообщая объ этомъ въ приказъ, въ числѣ хлѣбныхъ запасовъ написалъ льняное сѣмя и коноплю. Голландскіе экспортеры, Карпикъ Муленъ, Юшка Клинкъ и др., якобы съ наивнымъ недоумѣніемъ, отписывались: „а у насъ, государь, то сѣмя не едятъ, а дѣлаютъ, государь, изъ нево масло; а то, государь, масло исходитъ на суконное дѣло, да въ оливу и въ краски и въ мыла" [3]).

Торговля иноземцевъ, помимо ихъ привилегій и злоупотребленій, была тѣмъ болѣе для русскихъ купцовъ стѣснительна, чѣмъ меньше было развито мѣновое хозяйство. „Выкупить" какой-либо товаръ въ то время не представлялось особенно затруднительнымъ дѣломъ: еще

---

[1]) Курцъ. Донесенія Родеса и Архангельско-Балтійскій вопросъ (Ж. М. Н. Пр. 1912 г. № 3 стр. 81).

[2]) Прик. Дѣла 1634 г. № 31.

[3]) Тамъ же 1628—9 г. № 11, л. 4.

въ половинѣ столѣтія Де-Родесъ на подобныхъ операціяхъ строилъ свои планы отвлеченія торговли отъ Архангельска къ Балтійскому морю въ шведскіе города. Какъ русскіе, такъ и пріѣзжіе торговцы широко практиковали кредитъ мелкимъ промышленникамъ, иногда цѣлымъ поселеніямъ, на нѣсколько лѣтъ впередъ, запродававшимъ продукты своихъ промысловъ. Укажу только одинъ, два примѣра. Въ 1620 году на Холмогорахъ внезапно скончался русскій, т. е. обрусѣвшій нѣмчинъ Маврицъ Юхтеръ, или, по-московски, Бориско Ѳедоровъ. Его имущество и бумаги были описаны и опечатаны. Въ числѣ бумагъ оказались 3 колодки съ кабалами и купчими, и приходо-расходныя книги. Всего оказалось 30 кабалъ, 8 памятей и очень много записей по приходной книгѣ на розданный въ долгъ товаръ. Памяти и записи касаются главнымъ образомъ торговцевъ и интересны для исторіи кредита въ торговлѣ. Что касается кабалъ, нашихъ векселей, то нѣкоторыя изъ нихъ рисуютъ процессъ скупки русскаго сырья у производителей и интересны съ этой стороны: напримѣръ, двое холмогорцевъ и архангелецъ, за занятые 30 р., обязуются отдать 50 пудовъ говяжьяго сала; двое другихъ обязуются доставить 40 пудовъ того же сала; такіе контракты заключались всегда съ неустойками. Когда уже Бориска Ѳедоровъ скончался, то къ Холмогорамъ подъѣхалъ его приказчикъ, очевидно закупавшій на мѣстахъ сырье. Онъ привезъ съ собой 600 рогожъ, 150 кулей порожнихъ, 28 пудовъ льну, 2 пуда щетины и въ двухъ бочкахъ масло конопляное. Все это можно было въ то время купить въ деревняхъ и другихъ мелкихъ центрахъ [1]).

Но Бориска Ѳедоровъ не былъ крупнымъ торговцемъ, хотя кредитъ связывалъ его со всѣмъ Поморьемъ, поволжскими городами и Москвой. Ему далеко было до такихъ воротилъ,

[1]) Прик. Дѣла 1621 г. № 12.

какъ гости голландскіе, англійскіе, русскіе, которые держали въ рукахъ цѣлыя округи. Кольскій острогъ съ волостями, напримѣръ, отправлявшій въ море за рыбой до 100 судовъ, владѣвшій тонями, обычно продавалъ свой годовой уловъ оптомъ. Въ 1622 году мірской сходъ далъ своему посыльщику соотвѣтствующую память, и тотъ продалъ голландцу Вогеляру красную рыбу семгу, сколько ни поймаютъ ея, треску сухую 100.000 штукъ на 1623, 24 и 25 годы. За рыбой пришелъ съ кораблемъ голландецъ, гость Юрій Фанъ Кленкъ. Но оказалось, что посыльщикъ подписалъ торговую память на 3 года, не имѣя на это полномочій по своей посылошной приговорной памяти: міръ указалъ ему годовой срокъ. Кромѣ того онъ допустилъ другія нарушенія: коляне отказывались сдавать рыбу безъ тресковаго жира и требовали обусловленной въ посылошной ладьи съ хлѣбомъ, которой Фанъ Кленкъ не привезъ.

Между посадомъ и гостемъ возникла тяжба, разрѣшенная въ 1624 г. резолюціей: доправить на колянахъ въ пользу Кленка 900 р. убытковъ, „чтобъ вперед иноземцов отъ нашей государскіе милости не отогнати“.

III.

Такое откровенно-неюридическое разрѣшеніе тяжбы очень характерно и показываетъ на большія симпатіи Московскаго двора и правящихъ сферъ къ иноземной торговлѣ.

Дѣйствительно, всѣ привилегіи, которыя получали иноземные купцы по жалованнымъ грамотамъ XVI—XVII вѣковъ, объясняются именно интересами царскаго хозяйства, нуждами двора и аристократіи и, наконецъ, своекорыстными разсчетами дьяковъ. Иноземные гости доставляли предметы роскоши и щедро дарили за льготы царя и сановниковъ. По условіямъ жалованныхъ грамотъ, лучшіе свои товары иноземцы должны были отдавать по минимальной

цѣнѣ въ казну: „которые узорочные и всякіе товары у нихъ будутъ въ привозе... а понадобятца из тѣх товаровъ взять въ государеву казну,—и имъ тѣ товары даваті въ государеву казну по своей заморской по прямой цѣнѣ безъ прибытку". Никто поэтому не могъ покупать у пріѣхавшихъ иностранцевъ чего бы то ни было, „покамѣста на великаго государя не искупятъ". Нѣкоторые товары ихъ, какъ, напримѣръ, серебряные еѳимки, были исключительнымъ достояніемъ казны. Но и помимо этого, почти съ каждымъ кускомъ хорошей парчи, драгоцѣнной вещью, пріобрѣтенной у иноземца хотя бы у Архангельска, нужно было являться въ Москвѣ на Казенный Дворъ, не пригодится ли вещь государю. Нечего говорить, что иностранцы являлись не только поставщиками царя, но и выгодными покупателями его: царскій Дворецъ, являвшійся крупнѣйшимъ торговцемъ XVI—XVII вѣковъ, нуждался въ заграничномъ рынкѣ для своихъ разнообразныхъ товаровъ. Иностранные гости устраняли посредничество русскихъ, и на монопольныхъ товарахъ Дворецъ зарабатывалъ отъ нихъ отъ 32 до 100%.

Кромѣ того, царь и сильные люди въ торговыя предпріятія иноземцевъ вкладывали свои личныя средства и получали за это хорошее вознагражденіе. Въ XVI столѣтьи Московскій государь ощущалъ избытокъ средствъ, не находившихъ приложенія. По словамъ Горсея (1584—90 г.) „царь, или лучше правитель, владѣя безчисленными сокровищами, ежедневно возрастающими, не зналъ, куда употребить ихъ и какъ распорядиться, чтобы болѣе прославить себя". Подъ хорошее обезпеченіе онъ давалъ будто бы ссуды персидскому шаху и грузинскому царю, ссужалъ, какъ это дѣлалось часто въ XVII вѣкѣ, купцовъ. Въ 1589 г., когда уже скончался „англійскій царь" (т. е. Грозный), оказалось, что одинъ изъ англійскихъ банкротовъ, торговавшій въ Россіи Антонъ Мершъ, былъ долженъ русскимъ 23.343 рубля (свыше ½ милліона

на наши деньги). Въ числѣ кредиторовъ особенно крупными оказались: казна, давшая взаймы 2.700 рублей, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, впослѣдствіи покровитель англичанъ,—на 4.000 руб. (около 100.000 р.),—остальными были дворяне, гости, монастыри и т. п. Горсей, по его словамъ, занялъ для англійскихъ купцовъ у царя 4.000 р., у правителя 5.000 для закупки льна, а голландцы занимали у русскихъ сановниковъ значительныя суммы по 25% и потомъ выплачивали каждому изъ нихъ по 5.000 марокъ ежегодно. Особенно покровительствовалъ голландцамъ въ началѣ XVII вѣка Иванъ Никитичъ Романовъ, дядя царя Михаила, „черезъ надежнаго тайнаго пріятеля“ направлявшій шаги Массы; посланцу Масса подарилъ вызолоченный кубокъ. Аналогичныя подношенія иноземцевъ кубками, кружками, бархатомъ, атласомъ и т. п. были обычнымъ актомъ благодарности въ отношеніи сановниковъ, царской семьи и самого царя. За всѣ эти выгоды и удобства царскій дворъ и платилъ имъ привилегіями, выражаемыми въ жалованныхъ грамотахъ. Особенно хорошо выразилъ такое значенье своихъ жалованныхъ грамотъ Грозный: въ 1567 г. онъ послалъ въ Англію двухъ гостей со своими товарами; гости, продавъ товары, должны были закупить для царя „сафировъ и рубиновъ и одеждъ, какія нужны нашей казнѣ“. Царь проситъ англійскую королеву не брать съ его товара пошлины за перевозъ, за складъ и другихъ налоговъ, „равно какъ и мы въ нашихъ владѣніяхъ съ твоихъ людей никакихъ налогъ не велимъ брать“.

IV.

XVI и первая половина XVII вѣка въ области торговой политики были еще чужды общихъ мѣропріятій: здѣсь все еще жило той пестротой привилегій, изъятій, однимъ словомъ частнымъ случаемъ, который составлялъ содержаніе предшествующей удѣльной эпохи, и среди привилегированныхъ торговцевъ XVI и начала XVII вѣка иноземные составляли не большинство, а меньшинство.

Русскія таможни отмѣчали не только взятыя пошлины, но и не взятыя по какимъ-либо основаніямъ. По выпискѣ изъ таможенныхъ книгъ по Тотьмѣ и по Устюгу Великому, т. е. по пути отъ Москвы до Архангельска, отъ 1612 по 1616 годъ проѣзжало по Двинѣ черезъ Тотьму ежегодно 11—17 тарханщиковъ съ льготными грамотами. Среди нихъ было 7—9 монастырей, причемъ самымъ крупнымъ торговцемъ среди всѣхъ является м-рь Соловецкій; 2—6 русскихъ привилегированныхъ торговцевъ (гости, люди Строгановыхъ, и т. п.) и только два иноземца—англичанинъ Ѳабинъ Ульяновъ и голландецъ Юрій Клинкъ. На Устюгѣ за эти же годы проѣзжали съ жалованными грамотами послѣдовательно 6, 14, 22 тарханщика. Иноземцевъ среди нихъ 1, 4, 5, и въ 1616 году свыше 6. Малое количество торговыхъ тарханщиковъ вообще въ это время объясняется смутнымъ временемъ: потомъ ихъ гораздо больше, лишь только усилится торговое движеніе по Двинѣ, но количественное отношеніе между русскими и иноземными среди нихъ сохраняется и потомъ [1]).

Однако, не смотря на это, не смотря также на то, что торговля съ иностранцами приносила выгоду и русскому производителю, особенно мелкому, привилегіи иноземныхъ купцовъ возбуждали недовольство въ средѣ нарождавшагося русскаго торгово-промышленнаго класса.

Смутная эпоха оказала на него глубокое вліяніе. Въ XVII вѣкѣ торгово-промышленный „чинъ“ начинаетъ отчетливо сознавать и формулировать свои групповые интересы, мало по малу развиваетъ ихъ въ цѣлую политическую и экономическую программу. Программа торгово-промышленнаго класса сложилась несразу: она выростала непрерывно въ теченіе всего XVII вѣка, переходя отъ вопроса къ вопросу, отъ задачи къ задачѣ. Въ ней видны наслоенія различ-

[1]) Прик. Дѣла 1613—14 г. № 5.

ныхъ группъ посадскихъ міровъ, но громче всѣхъ слышенъ голосъ крупной буржуазіи. Ей, „пресоламъ“, по мысли Крыжанича, должны быть, принесены въ жертву „всѣ ярыжные и бездѣльные люди“. Конечной цѣлью этой программы было освобожденіе торговли и городовъ отъ путъ вотчинныхъ традицій удѣльной эпохи. Нужно очистить русскій рынокъ отъ всякаго рода привилегированныхъ торговцевъ, иностранныхъ и русскихъ; для этого нужно изгнать въ пограничные города иноземцевъ и запретить бѣлымъ нетяглымъ людямъ торговать и промышлять въ посадахъ. Свободное развитіе городского населенія требуетъ освобожденія отъ сложныхъ поборовъ за перевозимые и продаваемые товары. Особенно нужно уничтожить частные поборы и откупа. Наконецъ, нужно убрать изъ посада воеводу, которому мѣсто въ пограничныхъ городахъ. Земскій соборъ въ центральномъ управленіи, земское и губное самоуправленіе на мѣстахъ—таковы были основныя черты этой программы.

Очищеніе русскаго рынка отъ иноземцевъ по ней не было уравненіемъ всѣхъ конкурентовъ: купечество требовало покровительства русской торговлѣ въ ущербъ „инородскому торгованію“, отъ котораго, по выраженію Крыжанича, нѣтъ другой корысти, „опрочь нѣкоихъ подарковъ, кое даютъ царю либо боляромъ“. Нужно защитить „природныхъ холопей и сиротъ“ отъ „иновѣрцевъ“, ограничивъ послѣднихъ въ правахъ. Гости и торговые люди хотѣли изгнать иноземцевъ въ портовые и пограничные пункты, не допускать ихъ внутрь страны и въ Сибирь, запретить имѣть свои промыслы, средства перевозки, свои дворы по городамъ, а также наемъ русскихъ приказчиковъ. По мнѣнію русскихъ купцовъ, иноземные торговцы должны основываться „у морскихъ пристанищъ“, въ гостинныхъ дворахъ, поскорѣе, въ Архангельскѣ до 1 сентября, продать свои товары, обязательно оптомъ и исключительно русскимъ купцамъ, а не другъ другу, притомъ не уговариваясь межъ собою относительно цѣнъ

Затѣмъ закупить, также безъ „уговору“, русскихъ товаровъ и „ѣхати за море“. Такимъ образомъ, русскіе гости и торговые люди въ XVII вѣкѣ претендуютъ на исключительныя права для своего сословія: закупать на мѣстахъ русскіе товары, держать промыслы, средства передвиженія, наконецъ служить посредниками между западомъ и востокомъ имѣютъ право только они, русскіе торговцы, а осуществить это право должно правительство соотвѣтствующими мѣрами.

Эта программа изгнанія иноземцевъ изъ Россіи очень рано становится господствующимъ интересомъ руководящихъ слоевъ русскаго—торгово-промышленнаго класса, особенно гостей. Еще Флетчеръ разсказывая о „простолюдинахъ“, въ число которыхъ попали у него и Строгановы, туманно говоритъ: „въ нынѣшнемъ 1589 году они разсуждали между собою о переводѣ всѣхъ иностранныхъ купцовъ на постоянное жительство въ пограничные города“ [1]). Какъ бы ни объяснялъ этотъ фактъ самъ Флетчеръ, едвали будетъ ошибкой видѣть въ его словахъ указаніе на начало той агитаціи противъ иноземныхъ купцовъ, которую мы можемъ наблюдать среди русскихъ торговцевъ первой половины XVII вѣка.

Эта агитація захватывала очень широкіе слои Московскаго торговаго люда, раздувала глухую вражду къ иноземцамъ въ низахъ населенія, и создавала противъ нихъ какую-то общую стачку съ дружными активными выступленіями со стороны торговаго класса.

Англійскій агентъ въ концѣ 30-хъ годовъ уже жаловался на невозможное положеніе въ странѣ привилегированныхъ англійскихъ гостей: въ противоположность высшимъ агентамъ власти, низшіе,—всѣ таможенники, какъ въ государевыхъ, такъ и въ вотчинныхъ таможняхъ, оказываютъ имъ посильныя непріятности. „Вѣрные головы и целовальники и откупщики, боярские приказчики и крестьяне,

[1]) Дж. Флетчеръ О государствѣ русскомъ 1591 г. Изд. Всеобщей Библіотеки. Спб. 1911, стр. 82.

аглинским гостям і их приказщикомъ сильны чинятца", не слушаютъ государевой жалованной грамоты, „аглинскаго агента проѣжжим памятям и печатям не вѣрят, с гостиных товаров проѣзжую пошлину и мыты и перевозы и мостовщину і с людей головщину насильством с них емлют и аглинских гостиных приказчиков і людей их безщестят". Товары агличанъ задерживаютъ на дорогѣ, если они по государевой грамотѣ не даютъ пошлинъ,—съ нихъ правятъ правежомъ, а воеводъ закупаютъ и чинятъ насильство еще пуще.

Въ 1639 году по поводу этихъ жалобъ производился большой обыскъ: допрашивали всѣхъ вологжанъ посадскихъ людей [1]).

Но гораздо болѣе серьезныя послѣдствія для иностранцевъ имѣли другія выступленія московскаго купечества, которое, въ первой половинѣ XVII вѣка, совокупными усиліями добивалось поставленной цѣли: изгнанія съ русскаго рынка иностранныхъ гостей.

Выступленія эти производили такое впечатлѣніе на наблюдателей внутренней жизни московскаго общества, что шведскій резидентъ, Карлъ Поммеренингъ, 13 января 1649 года, съ большимъ основаніемъ могъ сказать унылую фразу: „Какъ бываетъ обыкновенно каждый годъ, русскіе купцы добиваются все еще, чтобы иноземныхъ (т. е. купцовъ) удалить изъ Москвы" [2]).

Обыкновенно, требованія изгнать иностранныхъ купцовъ выражались въ коллективныхъ челобитьяхъ торговыхъ людей; такія челобитья дошли до насъ отъ 1627, 1642, 1646 и 1649 годовъ. Есть указаніе на челобитную 1667 года, по которой былъ составленъ Новоторговый Уставъ.

---

[1]) Прик. Дѣла ст. лѣтъ 1639 г. № 56.

[2]) Якубовъ Россія и Швеція въ первой пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. Рос. 1898 г. кн. I стр. 435).

Въ содержаніи всѣхъ этихъ памятниковъ общественнаго настроенія русскихъ горожанъ первой половины XVII вѣка есть очень много общаго: всѣ они вышли изъ одной среды, иногда даже отъ однихъ и тѣхъ же лицъ; они проникнуты поэтому однимъ чувствомъ и бьютъ въ одну и ту же цѣль: освободиться отъ конкуренціи иноземныхъ купцовъ—но вмѣстѣ съ развитіемъ русскаго города можно замѣтить и постепенное развитіе въ пожеланіяхъ купечества.

Особый интересъ получаетъ поэтому текстъ первой челобитной 1627 года, повидимому, самой ранней въ XVII вѣкѣ. Этотъ текстъ лежитъ въ основаніи всѣхъ послѣдующихъ челобитій русскихъ гостей и торговыхъ людей, но доселѣ онъ оставался неизвѣстнымъ и недоступнымъ русской наукѣ [1]).

Челобитная 1627 года объ изгнаніи иноземцевъ подана была царю и патріарху Филарету отъ имени гостей и торговыхъ людей всего государства: „бьют челом холопі ваші, гости и торговые люді, москвичі і казанцы и ярославцы и нижегородцы и костромічі и вологжане і всѣх ваших государевых городов“. На оборотѣ челобитной, кстати

---

[1]) Челобитія 1649 и 1646 годовъ давно извѣстны: первое въ пересказѣ напечатано въ актахъ земскаго собора 1648—9 г. въ сборникѣ князя Хилкова № 82, а второе—въ Актахъ Археографической Экспедиціи т. IV № 13. Заявленіе 1642 г. заключается въ отвѣтѣ гостей, гостинной и суконной сотенъ на Земскомъ соборѣ 1642 г. (Собр. Госуд. Грам. и дог. т. III № 113; Акты относящ. къ ист. Зем. Соб. Готье № XII). Что касается первой челобитной 1627 года, то она доселѣ нигдѣ не напечатана и извлечена мной изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ 1627 г. № 25. До недавняго времени она оставалась неизвѣстной и въ трудахъ историковъ. Только Мулюкинъ въ своей книгѣ „Пріѣздъ иностранцевъ въ Московское государство“, вышедшей въ 1909 г., дѣлаетъ ссылку на нее и приводитъ небольшую цифру (стр. 34, 206), да раньше его В. А. Кордтъ напечаталъ изъ другого источника послѣдовавшую на челобитную резолюцію (Путеш. Бурха и Іоганна Фельтдриля).

очень плохо сохранившейся и почти нечитаемой, находится 31 подпись.

Таковъ интересующій насъ документъ, о характерѣ котораго мы скажемъ нѣсколько словъ.

Раньше всего возникаетъ вопросъ о происхожденіи челобитной. Коллективное выступленіе отъ имени торговыхъ людей „всѣхъ городовъ", наличность подписей на документѣ въ составѣ нѣсколькихъ человѣкъ гостей, московскихъ сотенъ и провинціальнаго купечества, само собой ставитъ вопросъ: зачѣмъ собрались въ Москву представители всѣхъ крупныхъ центровъ и почему они говорятъ отъ имени цѣлаго сословія? Допустить, что различные посады, даже только поименно указанные въ перечнѣ, заранѣе сговорились, составили тождественные приговоры и послали ихъ одновременно съ посыльщиками въ Москву, нельзя. Это примѣръ небывалый, да и технически трудно осуществимое дѣло. Между тѣмъ, подать челобитье отъ имени города безъ полномочій на это міра,—въ XVII в. считается несомнѣннымъ злоупотребленіемъ; если такіе примѣры случались съ отдѣльными посыльщиками, то допустить такой фактъ для цѣлаго съѣзда почти невозможно, и это тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ никакихъ протестовъ со стороны посадскихъ міровъ на узурпацію ихъ правъ челобитчиками. Остается предположить, что челобитчики явились въ Москву не случайно, и что они имѣли право на челобитныя отъ цѣлаго сословія, т. е. что они были депутатами Земскаго Собора, или какой-либо экстренной торгово-промышленной комиссіи.

Въ исторіи Земскихъ Соборовъ періодъ съ 1622 по 1631 г. составляетъ пробѣлъ, причемъ мы не можемъ рѣшить, перерывъ ли это въ соборной дѣятельности или недостатокъ нашихъ свѣдѣній о ней. По мнѣнію проф. Платонова, во всякомъ случаѣ у правительства въ этотъ періодъ были подъ рукой представители отъ городовъ, и оно могло созывать ихъ на совѣщанія. Мы не рѣшаемся, по недостаточности данныхъ,

высказаться категорически, но, кажется, нашъ документъ въ высшей степени напоминаетъ соборный актъ за этотъ неясный періодъ времени.

На такой характеръ его указываетъ уже то обстоятельство, что челобитія 1642, 1646 и 1649 годовъ несомнѣнно являются соборными актами: указаніе на заявленіе 1642 г. мы находимъ въ отвѣтѣ выборныхъ Азовскаго Собора; о челобитной 1649 года Поммеренингъ упоминаетъ въ такихъ словахъ „говорятъ, сословія постановили это", т. е. изгнаніе иностранныхъ купцовъ; [1]) прямыхъ указаній нѣтъ только относительно челобитной 1646 года, но на связь ея съ соборомъ 1646 года указываетъ уже хронологическое совпаденіе.

Далѣе, соборный характеръ челобитія 1627 года объ изгнаніи иноземцевъ вытекаетъ изъ близости количества подписей высшаго Московскаго купечества на ней съ обычнымъ числовъ выборныхъ послѣдняго на Земскихъ Соборахъ XVII вѣка. На челобитной всего 31 подпись, изъ нихъ 3 принадлежатъ гостямъ (Надѣйка Свѣтешниковъ, Гриша Твердиковъ и одна неразобранная), 6 человѣкъ, повидимому, гостинной и суконной сотенъ, остальныя же 22 принадлежатъ, очевидно, названнымъ въ заголовкѣ торговымъ людямъ: москвичамъ, казанцамъ, ярославцамъ, нижегородцамъ, костромичамъ, вологжанамъ „і всѣх государевыхъ городов". Среди нихъ указаны: „москвитинъ", „ярославскій соцкій вмѣсто ярославцевъ торговыхъ людей", „ярославецъ" и „володимерецъ".

Въ актахъ Земскаго Собора 1642 года всѣхъ членовъ торгово-промышленной куріи указано 32, т. е. почти столько же, сколько и на челобитной 1627 года; гостей среди нихъ 3, гостинной и суконной сотенъ 9 человѣкъ,—остальные отъ Московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, замѣнившихъ

[1]) Якубовъ, Россія и Швеція въ перв. пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1898 кн. I стр. 445).

собою выборныхъ отъ посадовъ. На соборѣ 1648—9 г. было 3 гостя и по 2 выборныхъ отъ гостинной и суконной сотенъ. Любопытно, что изъ гостей, имя которыхъ подписано на челобитной 1627 года, Надѣй Свѣтешниковъ подписался и на челобитьѣ 1646 года, а Григорій Никитниковъ—на соборномъ отвѣтѣ 1642 года и на челобитной 1646 года. Такимъ образомъ, въ челобитіяхъ объ изгнаніи иноземцевъ можно наблюдать связь по составлявшимъ ихъ лицамъ: одни и тѣ же люди писали ихъ на протяженіи почти четверти вѣка и писали, вѣроятно, въ одномъ и томъ же положеніи, на Земскихъ Соборахъ.

Еще болѣе замѣтна вытекающая отсюда идейная близость заявленій „лучшихъ людей“ изъ московскаго и посадскаго купечества.

Пересказъ челобитной 1649 года (подлинникъ не сохранился) повторяетъ даже порядокъ мыслей въ челобитной 1646 года; лишь потомъ, въ отвѣтъ на дополнительный вопросъ царя, выборные развили ее со стороны дипломатической и юридической [1]). А челобитная 1627 года является, повидиму, тѣмъ первоначальнымъ документомъ, который легъ въ основу челобитія 1646 года.

Чрезвычайно интересно, что челобитіе 1627 года направлено не противъ всѣхъ иноземныхъ купцовъ,—торговые люди въ немъ бьютъ челомъ и жалуются „на торговых

---

[1]) Можно, казалось бы, высказать подозрѣніе, что т. н. челобитная 1646 г. есть только несохранившійся подлинникъ пересказа челобитной 1649 г. Челобитье 1646 г. не имѣетъ собственной даты; какъ видно изъ приписки, оно отыскано въ Посольскомъ Приказѣ 9 мая 1662 года, вѣроятно, въ связи съ изданіемъ Новоторговаго Устава, списокъ котораго въ Пол. Соб. Зак. датированъ 22 апрѣля, а въ Собр. госуд. грам. и дог. 7 мая, или же въ связи съ переговорами съ армянской компаніей, договоръ съ которой подписанъ 31 мая 1667 г. Однако, судя по подписямъ на челобитьѣ 1646 г. и на Уложенномъ спискѣ, можно утверждать, что это—два различныхъ документа, раздѣленные временемъ, хотя быть можетъ и тождественные по содержанію.

нѣмец: на галанцов и на анбурцов, *опричь аглинских гостей*, и Кизильбашские и Бухарские землі на тезиковъ".

Выдѣленіе англичанъ объясняется или ничтожностью ихъ торговыхъ оборотовъ въ эту эпоху, о которой я говорилъ выше, или же незримо между ними и московскимъ купечествомъ протянулась чья-то властная рука: челобитная 1646 года утверждаетъ, что англичане въ 1626 году подкупили думнаго дьяка Петра Третьякова и такимъ путемъ достали себѣ жалованную грамоту на 23 человѣка.

Во всякомъ случаѣ, московскіе купцы раздѣлили своихъ враговъ—конкурентовъ, чтобы выгнать ихъ поочереди: челобитія 1646—1649 г.г. направлены противъ англичанъ и всѣхъ другихъ иностранныхъ купцовъ.

V.

Челобитіе 1627 года гораздо короче, нежели 1646 и 9 г. Оно довольствуется иногда краткимъ указаніемъ тамъ, гдѣ послѣднія приводятъ историческую справку, въ немъ меньше отдѣльныхъ примѣровъ нѣмецкихъ злоупотребленій, оно вообще болѣе сжато, отличается болѣе краткимъ цѣльнымъ языкомъ, но менѣе цѣльнымъ продуманнымъ планомъ. Содержаніе же его, какъ это будетъ видно, въ общихъ чертахъ сходно съ челобитіемъ 1646 года. Начинается оно общей жалобой на то, что отъ Московскаго разоренія „почалі тѣ торговые нѣмцы ѣздить... съ ярмонки от города Архангильского по городом"... Покупили у посадскихъ землю и наставили дворовъ. Товары свои ставятъ не на Гостинномъ Дворѣ, а на своихъ дворахъ, утаиваютъ ихъ въ таможнѣ и торгуютъ ими врознь. Затѣмъ, они захватываютъ уже и русскій внутренній рынокъ: скупаютъ соль у Архангельска и везутъ ее на своихъ дощаникахъ до Вологды. Точно также внутрь страны ѣздятъ изъ Казани и Астрахани восточные тезики и также торгуютъ своимъ товаромъ врознь, а не оптомъ.

Эта общая часть въ челобитной 1646—9 года развивается въ цѣлую историческую справку, когда и какъ возникли привилегіи англичанъ, голландскихъ, брабантскихъ и гамбурскихъ нѣмцевъ. Всѣ три челобитныя обращаютъ взоръ въ прошлое, въ XVI столѣтіе, гдѣ имъ рисуется золотой вѣкъ русской торговли: челобитіе 1627 года дѣлаетъ это послѣ общей жалобы, въ видѣ лирическаго отступленія, челобитія же 1646—9 годовъ указываютъ на это вначалѣ, какъ на историческій фактъ. Теперь, констатируютъ челобитчики 1627 года, нѣмцы сидятъ въ своихъ лавкахъ и амбарахъ на Вологдѣ, въ Ярославлѣ и на Москвѣ, торгуютъ врознь... „А прі прежних государех, блаженные памяті при государе царѣ і в. князе Іване Васильевіче всеа Русиі пріхажівалі въ Ругодів (т. е. въ Нарву, гавань Пскова) заморские торговые многие немцы—на лѣто по сту и по двесте кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивалі. У в то время ваші государевы пошліны збиралі, а намъ, холопем и сиротам вашім, былі торги пространные. І въ тѣ лѣта нам, холопемъ и сиротам вашим, ваші государские службы служіть было радѣючи, а не плачучі“...

Челобитія 1646—9 года, какъ сказано, въ началѣ просто и трезво замѣчаютъ, что при прежнихъ царяхъ отцы и прадѣды торговали съ нѣмцами разныхъ государствъ изстари, „у корабельной пристани въ Иванѣ городѣ (рядомъ съ Нарвой) всякие Рускіе товары на заморские товары мѣняли“. Но товары тогда были вдвое лучше и вдвое дешевле нынѣшняго; на ярмаркахъ въ Ивангородѣ съ торговыхъ промысловъ собиралось вдвое передъ Архангельскимъ, „передъ нынешним“, тысячъ по 50 государевыхъ пошлинъ; иноземцевъ изъ Ивангорода внутрь страны не пускали, „и от тѣх торговых промыслов прадѣды и дѣды и отцы наши полнились и богатѣлися, и ваше государское государство множилось и богатѣло, и всякие люди полнилися“.

Въ настоящее время, рисуетъ челобитная 1627 года, нѣмцы, кромѣ англичанъ, и восточные тезики, разъѣзжаютъ всюду свободно: „по всѣі вашей государевой вотчине“, даже въ Сибирь посылаютъ своихъ промышленниковъ и приказчиковъ. Всюду они вызнаютъ цѣну русскимъ товарамъ, и особенно государевымъ, т. е. монопольнымъ товарамъ: шелку, икрѣ и соболямъ, также русскимъ сукнамъ и всякимъ товарамъ. Они проѣзжаютъ горами, т. е. сухимъ путемъ, и посылаютъ „въ свою неметцкую землю“ вѣсти „подвожды“. „І про русские товары у них ставитца ведомо, почему какой товар на Руси купят. И проѣхав тѣ торговые нѣмцы на Русь, меж себя заговоромъ свои нѣмецкие товары продают не торопясь большою ценою“, продают врознь, сидя въ лавкахъ и анбарахъ, а то оставляют съ непроданными товарищей, которые сидятъ лѣтъ по пяти, пересылаясь грамотками со своими хозяевами, да закупая по граматкамъ же русскій товаръ.

У Студенаго моря за нѣмцами рыбныя ловли: въ поморскія рѣки и въ море приходятъ ихъ корабли „на утбу и на сальную добычу“ (ворвань); а въ корабли насыпаютъ всякій хлѣбъ и увозятъ его за границу. Такъ дѣлаетъ, напримѣръ, голландецъ, уже упомянутый Карпъ Демуленъ. У него приходятъ корабли, будто бы для рыбной ловли, въ рѣку Унбу; сюда онъ на ладьяхъ подвозитъ хлѣбъ, разсказываетъ челобитная 1627 года, будто бы на Унбу, не для отпуска; затѣмъ ссыпаетъ его въ корабли и увозитъ безъ позволенія государя и безъ пошлины. Вѣроятно, съ этой же цѣлью Карпъ Демуленъ накупилъ себѣ въ Поморьѣ тяглыхъ деревень, изъ которыхъ челобитная называетъ одну по имени: „Загорки“.

(Такую организацію хлѣбнаго экспорта съ собственной запашки проэктировали англичане, отказавшіеся отъ нея въ 1619 году).

Списокъ нѣмецкихъ злоупотребленій, со включеніемъ англичанъ, въ челобитіи 1646 года и въ разспросныхъ рѣчахъ выборныхъ Земскаго Собора 1649 года разростается въ цѣлый обвинительный актъ. Въ немъ купечество цитируетъ содержаніе жалованныхъ грамотъ, указываетъ на уклоненія иноземцевъ отъ точнаго смысла ихъ, отмѣчаетъ, что какъ англичане, такъ и голландцы, на имя которыхъ выданы грамоты, перемерли, а вмѣсто нихъ пріѣзжаютъ другія лица. Злоупотребленія иллюстрируются цѣлымъ рядомъ конкретныхъ примѣровъ,—въ родѣ того, что русскіе купцы, пытавшіеся проникнуть въ нѣмецкую землю со своими товарами, вмѣсто гостепріимства, какое имѣютъ у насъ иноземцы, встрѣчаютъ стачку и едва не умираютъ съ голода. Между тѣмъ, русскимъ купцамъ „такия неправды..., по милости государя нашего, къ вамъ сдѣлать не смѣть“ (Антонъ Лаптевъ, ярославецъ, въ Амстердамѣ и гость Назарей Чистой съ государевыми товарами). Иноземцы бойкотируютъ купцовъ даже у Архангельска, когда они перекупаютъ русскіе казенные товары; между тѣмъ казна имъ же отдала на откупъ ворванье сало на всемъ Поморьѣ.

Обѣ челобитныя и 1627 и 1646 годовъ неоднократно обращаются къ плачевнымъ результатамъ такой неразумной политики, причемъ межъ ихъ мотивировками замѣтна интересная разница. Мотивы челобитной 1627 года уже и какъ бы зачаточнѣе. Главное мѣсто среди доводовъ занимаютъ убытки русскихъ торговцевъ и казны. „Мы, холопі и сироты,... от тѣх иноземцов стали без промыслу, и многие торговые люди от своихъ промыслов отбыли и оттово оскудѣлі и одолжали великими долги“. Отъ нихъ же „стала поруха великая“ царскому торгу и таможеннымъ доходамъ. Лишь въ одномъ мѣстѣ челобитной мелькаетъ указаніе, такъ широко развитое затѣмъ жизнью и челобитіемъ 1646 года,— отъ закупки иноземцами хлѣба становится „дороговь“ въ Поморьѣ, „і от тоі... хлѣбной дорогові на Колмогорах и у

города (т. е. Архангельска), і в Усть-Коле і всеѣ Поморские мѣста помирают голодом, и послѣдние людишка оскудѣлі и обдолжалі великимі долгі".

Челобитная 1646 года возникла уже среди развивавшагося кризиса XVII вѣка, отъ котораго особенно сильно страдало Поморье и среднее Поволжье съ его крупнѣйшими посадами въ странѣ. На соборѣ 49-го года его или близкій къ нему текстъ поддерживало своими подписями дворянство. Естественно, что въ нихъ торгово-промышленный классъ говоритъ не только о своихъ интересахъ. По выраженію челобитной, 1646 г. разные нѣмцы „не токмо... насъ, холопей и сиротъ твоихъ, безъ промысловъ учинили, ино, государь, и все Московское государство оголодили". Они закабалили „многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей", разсылаютъ ихъ, какъ своихъ приказчиковъ, закупать русскіе товары. У Архангельска „должные людишка плачючи отдаютъ товаръ свой на безцѣнокъ" стакнувшимся нѣмцамъ, а отъ откупа на ворванье сало, за которое откупщики даютъ треть и четверть цѣны, „многіе люди Колмогорцы и все Поморье, которые ходятъ на море бить звѣря, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина, города Архангильской и Колмогорскій уѣздъ и все Поморье, пустѣетъ". И кто знаетъ, не виноваты ли тутъ нѣмцы сознательно: они хотятъ перевести Архангельскую ярмарку къ Ивангороду, во владѣнія шведовъ, на что согласно, но съ разныхъ точекъ зрѣнья, указываютъ челобитіе русскаго купечества 1646 года и проекты шведскихъ агентовъ: Карла Поммеренинга и Де-Родеса [1]).

Большая узость челобитія 1627 года сказывается и въ принципахъ отношенія его къ иноземцамъ: въ 1627 году

---

[1]) Якубовъ, Россія и Швеція въ перв. пол. XVII вѣка (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1898, I); Курцъ, Донесенія Родеса и Архангельско-Балтійскій вопросъ (Ж. М. Н. П. 1912 кн. 3).

купечество оставляетъ въ покоѣ англичанъ, даже подчеркиваетъ это, оговаривая каждый разъ при перечнѣ своихъ враговъ: „опричь аглинских гостей“. Далѣе, въ резолютивной части челобитіе проситъ государей: „Пожалуйте насъ, холопей и сиротъ своихъ, воззрите, государи, въ свою государеву вотчину і въ нас, холопей и сирот своих, чтобы, государи, тѣ барабантские и галанские и амбарские нѣмцы, кромѣ аглинских гостей, попрежнему дале Архангельсково города и Колмогоръ в вашу государеву вотчину не ѣздилі, и дворов бы своих на Руси не ставилі, и на Руском берегу у Стюденаго моря і в Сибирь промыслов своих по прежнему не отпущивалі. А Кизыльбашские и Бухарские тезикі дале Астрахані и Казани вверхъ въ вашу государеву вотчину тако ж бъ не ѣздилі, чтоб впредь вашимъ государскимъ промысломъ порухи не было, а мы, холопи и сироты ваші, бес промыслов не былі“.

Гораздо рѣшительнѣе и принципіальнѣе челобитная 1646 года. Она стоитъ на точкѣ зрѣнія націонализма и требуетъ покровительства русскому купечеству: „не дай намъ, природнымъ своимъ государевымъ холопямъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищитѣ и въ скудости; не вели, государь, искони вѣчныхъ нашихъ промыслишковъ у насъ бѣдныхъ отнять. Вели, государь, Аглинскимъ и Анбурскимъ и Барабанскимъ и Галанскимъ и Датцкимъ нѣмцомъ, гостемъ и торговымъ людемъ, торговать у Корабельной пристани, у Архангельскова города; а къ Москвѣ, государь, и въ иные городы всего Московского государства пущать не давали бъ“.

Такъ постепенно развивались мотивы и требованія русскаго торгово-промышленнаго сословія въ этой части его экономической программы XVII вѣка. Челобитная 1627 года является повидимому первымъ требованіемъ русской буржуазіи выслать иноземныхъ купцовъ послѣ подобнаго проекта въ 1589 году, о которомъ говоритъ Флетчеръ. Въ немъ,

во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ первый текстъ такого требованія, предъявленного, быть можетъ, на Земскомъ Соборѣ; въ основныхъ чертахъ челобитіе 1627 г. является прототипомъ такихъ же заявленій 1642, 46 и 49 годовъ. Но послѣднія развиваютъ его мысли въ цѣлый трактатъ по исторіи русской торговли: указанія на ущербъ, главнымъ образомъ русскому купечеству, отъ „инородскаго торгованія“ смѣняются широкой картиной народнаго бѣдствія отъ него; самая точка зрѣнія торгово-промышленнаго класса дѣлается тверже и принципіальнѣе и замѣтно проникается началами національнаго меркантилизма.

Остается указать, что челобитіе 1627 г., равно какъ и послѣдующія, имѣли неполный успѣхъ. Въ 1627 году государи указали „быті по прежнему“: кому изъ нѣмцевъ велѣно торговать на Москвѣ, тѣхъ пропускать въ нее, кому не велѣно, тѣмъ торговать у Архангельска; восточныхъ купцовъ пускать только до Казани. Въ грамотѣ на Двину, впрочемъ, указано пускать къ Москвѣ только торговцевъ съ жалованными грамотами: съ проѣзжими грамотами даже англичанъ къ Москвѣ и въ другіе города не пускать, „чтобъ нашимъ торговымъ людемъ въ томъ оскудѣнія не было“ [1]). Мы видѣли уже, какъ дьяки Посольскаго приказа собственной властью упразднили и этотъ указъ. Впрочемъ, уже самый мотивъ грамоты: чтобы нашимъ торговымъ людямъ оскудѣнія не было, ставшій обычнымъ на языкѣ царя Михаила и позже смѣнившійся проповѣдью покровительства торгово-промышленникамъ, является и новизной и успѣхомъ въ сравненіи съ XVI вѣкомъ, который такъ прославляли русскіе купцы.

По челобитію 1649 года и рѣшенію Земскаго Собора были высланы, но не всѣ иноземцы, а только англичане,

[1]) См. текстъ челобитія, резолюцію и грамоту въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

причемъ въ мотивахъ указа мы находимъ соображенія, подсказанныя челобитіемъ 1646 и 9 годовъ: „вѣдомо государю учинилось, что англичаня всею землею учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убилі до смерті. И за такое злое дѣло въ Московском государстве им быти не довелося“ [1]).

Уставная грамота 1654 года и Новоторговый Уставъ 1667 года, изданные также по челобитіямъ русскаго купечества, окончили огражденіе русской торговли отъ иноземной конкуренціи и явились первыми и высоко покровительственными таможенными тарифами въ Россіи.

Павелъ Смирновъ.

---

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. III № 138; Карновичъ „Собраніе узаконеній № 9; Якубовъ, Россія и Швеція въ первой пол. XVII в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. 1898 г. кн. I стр. 450).

Отдѣлъ III.

МАТЕРІАЛЫ.

22. и̂ ко́ли сѧ выплъ́нили дн҃ве о҃чищенїа̀ и̂оло҃ў закѡ́ноу моу́сеѡ́ва. Принє́сли є̂гѡ̀ до і̂ер҃а̂нима, а̂бы е҃ поста́вили пр҃е҃ бмь.

23. а̂ко жь и̂ е҃ на́писа́но въ́ закѡнѝ гн҃и́. и҃ всакїѝ мла́денецъ моу́жеска по́лоу҃ ѡ҃тво́рѧщи ло҃е҃сна сто гв҃н. нарече́тсѧ.

24. а̂бы да҃ жрътвѫ̀ за̀ него̀, а҃кѫ е҃ рече́но въ́ закѡ́ни гн҃и, двоѥ̀ горли́ву҃.

25. ¨И бы́ль у҃ловѣкъ въ і̂ер҃а̂нимѣ, кото́ромѫ то бы́ло и̂ма сѷмнѡ́нь, и̂ то҃ то у҃ловѣкъ бы҃ справе҃ли́вы҃ и̂ бгобоѧ́зны҃, и̂ ѡ҃жида҃ѧ

на стр҃тенїе. наѷ҃рнн. въ ѡ҃ у҃а҃ бы҃ у҃ловѣкъ стр҃тенїю. на҃лѷргн. принесли ѡ҃р҃о҃

(Л. 125 об.) поте́хи люде҃ і̂и҃лѣ́вы҃. и̂ дх҃ъ сты҃и бы҃ вн҃е҃.

26. и̂ бы́ло ємоу҃ о҃бѣ́щано дх҃о҃ сты҃ не видѣ́ти сме҃ртн, и҃ бы пе́рвїе оуз҃ре́ль ха҃ гн҃а́.

27. и̂ прише҃ дх҃омь до́ цр҃кви, и̂ко́ли принє́сли ѡ҃троуа і҃са ро́дители его̀, а̂бы оу҃чинили по ѡ҃бы҃чаю закѡнномоу҃ о҃ немь.

Ст. 22. П.В. а коли В. выполніли П. дніе В. днове П. очищенїѧ ихь В. очіщенїѧ П.В. моисеового П. приписка: *до іеру(с)лима абы его* (л 214) П. пере(д) Ст. 23. П. ѧкь же В. написанно П.В. взаконѣ П.В. иже П.В. отворѧючи Ст. 24. В. же(р)тву П.глосса: „обѣтницоу“ В. глосса: „або обѣтніцю“ П. ѧкь же В. ѧко П. в'законѣ В. в'законі П. глосса: „албо двое голоубѧть“ В. горличокъ або двое голѧбо(в) Ст. 25. П. пропускъ: *было* П. а чл҃кь тоть то В. а то(т) П. гбоб҃знивыи П. и ждаль потѣхы людоу іи҃льтеского В. а и дхь светый Ст. 26. В. аж бы П. пръвѣе П. обѣцано ст. 27. П. до црькьве П. оуводили дѣтѧ В. принесли дѣтѧ П. родичеве В. родічове

28. и ѡ̃ его взя́ль на роу́кы свои и̃ хвалиль бо̃, и̃ рє́кь.

29. и̃нѣ ѡ̃поу́сти слоу́гж своєго̀ ꙗ̃ко по гл̃оу твоємоу̀ смиро́мь.

30. бо ю̃ видѣ́ли о̃уи мои спн̃іѣ̀ твоѐ,

31. кото́роѣ̃ то зготовалль ѐси пре̂ лицє̂ всѣ̃ лю́дїѝ,

32. свѣ̃ ѡ̃кро́вєнїѐ ꙗ̃зыко̃, и̂ сла́воу людїи твои̃ їи̃лѧ́.

33. ко̃. налу̃ргїѝ. ѡ̃ц̃ь па̃ ѐго̀ и̃ мт̃и дновала́нсѧ то́моу̀ што ѐсть повѣ́дано ѡ̃ немь.

34. и̂ блг̃ословиль и̃ сумнѡ́нь, и̂ рє́кь ко́ мр̃іѝ мт̃ри ѐго̀. сѐ лежи̃ сен на па́дєнїѐ и̂ на́ воста́нїѐ многы̃ во їи̃лн. и̂ на́ зна́менїѐ пре́рѣкаѐмоѐ.

35. а̂ тобѣ́ са́моу̀ дш̃ѧ пронѝде ѡ̃роу́жїѐ. а̂бы̀ зм̃ногы̃ ср̃ць мы́сли ѡ̃кры́ты бы́ли.

36. бы́ла ты̃ а̂нна пр̃о̃рочица дш̃и фа́ноуи̃лева, спо́колѣнѧ а̂сирова, таа́ сѧ ста́рѣла въ́ дн̃ехъ мно̀гы̃, и̂ жи́ла смоу́жѣ̃ свои̃ сѣ́мь лѣ̃ ѡ̃ дв̃тва́ своѐго.

37. и̂ таи̃ бы́ла вдо́вою (л. 126) о̃смьдєсѧ̃ и̂ чотыр̃н. и̂ ѡ̃ ц̃р̃кви не ѡ̃хожа́ла, по́сто̃ и̂ мл̃твами слоу́жи́ла бо̃у̀ дн̃ь и̂ но́щь.

Ст. 28. В. роукі П.В. рекль ст. 29. П. з'миромь В. съ міро(м) ст. 30. П. ꙗко видѣли ст. 31. В. зготовиль П. пере(д) ст. 32. П. на окровеніе П. глосса: „погано(м)“ В. глосса: „або погано(м)“ ст. 33. В. повѣдан'но ст. 34. П. рекль къ мр̃іи В. ко мт̃рі П. паденѧ П. въстаніе П. а на знаменіе прѣрекаемое В. прірѣкаемое ст. 35. П.В. а и тобѣ П. змногыхь В. змноги(х) В. откріты ст. 36. П. і анна П. дъщерѧ В. д'щера В. споколенѧ П. таѧ В. таѧ(с) В. старіла П. из моужемь П. дв̃чьства В. дв̃ьства ст. 37. а таа П. лѣ̃ть осмьдесѧ̃ть В. лѣ̃(т) П. а от цр̃кьвѣ П.В. не отхожовала П. а мл̃твами.

38. и̑ таѧ̀ вторꙋю̑ годинꙋ пришѐла и̑ хвалила ѓ. мовила ѡ̑нꙑ̑ всѣмь, которы̀и жь ѡ̑ждали и̑збавленїѧ̀ въ іе̑рлимѣ. кѡ̑. сѓмꙋ семнѡ̑.

39. ѷ̀Ѧ колн ю̑ докончали всего што было по̑лꙋгь закономъ ѓжїего̀. вернꙋлѧ̀ до галилеѧ̀ мѣста своего̀ назарѐтоу.

40. утн. ѡ̑бре̑ѣ. ѧ̑ ѡ̑тро́уѧ росло и̑ оу̑крѣпилѡ̑ дхомь и̑ напо́лнилоса мдрости, и̑ бѧ̀гть ѓжїѧ̀ была на не̑. кѡ̑. стрѣтенїю.

41. И хо́жовали ро̀ѵ̑телн его̀ кожого ро́коу до іе̑рлнма на праздникь пѧ̑хн.

42. и̑ ко́лн ю̑ было ѣмоу̑. вї. лѣ́. и пошѧ̀лн снѧ̑ до іе̑рлнма, по ѡ̑бы́чаю̑ праздника.

43. и̑ докона̀вшн днїи ѡ̑пѧ́ть навра́тнлнсѧ. ѧ̑ ѡ̑тро́уѧ їс ѡ̑ста́лъ въ іе̑рлнмѣ. и̑ не ѡ̑ба́унль іѡ̑сн́фь и̑ нн́ ѵ̑тн его̀,

44. на́дѣвалнсѧ̀ ѧ̑ бы́ бы̀ ме́жн лю̀мн. и̑ оу̑шлн ꙗ̑ко мно́го ѵ̑лкь ѵере̑ дн̑ь можѣ̑ вонтн, и̑ гла́дали его̀ межн прнро́женымн̀ и̑ ме́жн знаѣ̑мымн̀,

---

Ст. 38. П. а таѧ В. тжю В. годинѫ П.В. *а* мовила П. которыи жь *то* чекали В. *то* чекалі и В. избавленіѧ ст. 39. В. законѫ бже(г) В. врьнжлісѧ П.В. *до* мѣста ст. 40. П. а дитѧ В. а дѣтѧ П.В. укрѣплѧлосѧ П. напльнѧлосѧ П.В. а и мл(с)ть В. бжіѧ ст. 41. П.В. родителеве П.В. пасхы П. глосса: „на великь день“ В. глосса: „або на вели(к) дн̑ь“ ст. 42. П. *а* коли П. дванадесѧть П. *входѧщимь имь въ іер(с)лимь* (dat. abs.!) Л. и В. сохранили личный оборотъ В. и пошли ст. 43. П.В. сѧ навратили П. остало дитѧ іс В. а дѣтѧ іс отсталь П. и мти В. а ні мти ст. 44. П.В. иже П. людьми П. ѧкь В. надивали(с) П. много—черезь П. можь В. въити.

45. и҆ не́ на́шли. ве҆рнꙋ (л. 126 об.) лисѧ ѿпѧ҃ до і҆ерⷭ҇лима,

46. то҃ на́шли е҆го̀ въ́ цр҃кви́. а҆ ѡ҆нь седи҃ ме́жи оу҆чт҃льми и҆ слоу́хае҃ и҆хь.

47. и҆ оу҆стра́шилисѧ в҆сѣ. ко́торыи̇ то слоу́хали е҆го̀, ѻ҆ разоу́мѣ и҆ ѡ҆ ѿповѣди е҆го.

48. и҆ ѡ҆ни оу҆зрѣ́вши е҆го̀ ди́вовалисѧ. и҆ ре́кла м҃ти е҆го́ ки́немоу, сн҃оу́ про́ ш҆то е҆си на҃ оучинилъ та҃. и҆ се҆ ѿц҃ъ твои̇, и҆ ꙗ҆ жалоу́чи глѧ́дали̇ е҆смо те́бе.

49. и҆ ѡ҆нь и҆мь ѿповѣ҃нль ре́кꙋчи, че́моу е҆сте ме́не глѧ́дали, и҆же ꙗ҆. в рѣча҃ ѿц҃а моего̀ моу́шѫ бы́ти.

50. и҆ ѻ҆ни̇ не зрозоу́мѣли сло́воу, кото́рое е҆ мо́вилъ кни́мь,

51. и҆ по́шо҃ сни́ми, и҆ прїш́ли до на́зарета, и҆ бы҃ и҆мь по́волны҃. м҃ти па҃ е҆го за́хова́ла въ́ ср҃цн свое҃ тыи̇ то в҆сѣ ре́чи.

52. а҆ і҃с ро́сль вмѫ҃ро́сти и҆ въ з҆ростѣ̀, и҆ вмл҃ти ѿ б҃а и҆ ѿ чл҃къ. ко҃ ѻ҆брѣ́занїю̀.

Ст.45—46. П. пропущено: опѧ(т) **П.** *глѧдаючи его. и было южь три дни* (**В** трі дні) — эта фраза въ **Л.** пропущена. **П.** сѣдить **П.** оучителми **В.** оучітел*і* **П.** *а* слоухаеть **П.В.** *и пытаеть ихь* — **Ст. 47. П.** вси **П.В.** о розоумѣ *а* **П.В.** отповѣд*ехь* **ст. 48. П.** а они оуз*д*рѣвши **П.** есь намь **В.** на*мъ* **П.** а се оц҃ь **П.** и и ѧ **В.** а і ѧ **П.** жалоуючи **ст. 49. П.** а онь **П.** отпов*идѣ*ль **П.** *або есте не вѣдали* — пропущено въ **В.Л.**; **П.** ѧ врѣчехь **В.** ѧ вреча(х) **ст. 50. П.** а они **ст. 51. П.** прищ*оль* до назаретоу **В.** прішлі до назарету **П.** а мт҃и=**Л.** мт҃и па(к) **ст. 52. П.** оу моудрости **В.** *въ зростѣ*—(пропущено).

Глава ѓ ѯа҃ ѳ҃.

1. Вѣ҃ патоѥ пѧ҃ на дѥсѧ́тоѥ лѣ́то, вла҃ѹѥства тивѝрна цесáрѧ. ко́лн понтїйскїѝ пнла҃ справовалъ ѯе҃лею жндовьско́ю. а҃ и҃ро҃ бы́ль пано҃ ѵетвертого҃ дѣлоу̀ крайны галнлеискон. фи́лнппъ пѧ҃ бы́ль справца, а҃тѵ̈рен. и҃трахонн҃ского҃. повѣ́тоу. а҃лнсаннш҃ь. (Кнаѣ҃ерїѥ ѣ҃гоа҃влѥнїѧ. Вѣ҃ пѧ́тоѥ пѧ҃ лѣ҃) (л. 127) бы҃ ка́внлѡ҃скн҃ спра́ѵцею.

2. прн а҃рхнѣ́рен а҃ннѣ, и҃ каи҃ѧ́фѣ. ста́лоса слово ѯо҃ѥ ко іѡа́нноу сно҃ѹ ѯахарїйноу, вѣ҃ поуѕтынн.

3. и҃ ходнль по всен оѹ҃крайнѣ, іѐрда҃скон, про́повѣ́даюѵн кр҃щенїѥ покаа҃нїѧ, на ѿпоѹ҃щенїѥ грѣховь.

4. и҃ ѧ҃ко҃ ѥ҃ писа́но вѣ҃ книгѣ҃ пр҃роѵества іса́іа҃ пр҃рка рекоѹ́ѵего҃, гла́са копїю҆щѧ҃ вѣ҃ пѕстынн, оѹ҃гото́ваи҃тѥ по҃ѹ гн҃ь, и҃ пра́вы дѣлаи҃тѥ сте́ѕѧ ѥ҃го҃.

5. всѧ́каѧ҃ дебрь бѫ҃ть на́плѣ́нена, и҃ всѧка го́ра и҃ хо́лмь смнрн҃ся. бо҃ѹ҃ть скрн҃влены҃ рѣѵн спра́влены, а҃ ѿстрын стѣ́кы бо҃ѹ҃ть ровнымн,

6. и҃ оѹ҃зрнть каѫ҃ын ѵл҃къ сп҃нїѥ бж҃їе.

Глава III. ст. 1. П. пѧтоенадесѧть П.В. владарства П.В. тиверіѧ П. понтеискый П.В. *брать его* (недостаеть въ Л.) П. атоуреи В. атіирен П. трахонитьскый В. трахонi(т)ского повѣтѫ П.В. алисанiѧшь П.абиленскимь =В.Л. бы(л) вавилонски(м) справцею ст. 2. В. анні П. каиѧфѣ В. каѧфѣ В. къ ст. 3. П. вѣсей В. оукраине П.В. іорданьскои В. а покаѧнiѧ П. П. покаанія ст. 4. П. ѧкь же В. пісанно В. рекоучо(г) П. волающаго В. гласающаго В.П. готовайте П. а правы П. стежкы ст. 5. В. дебръ П.В. всѧкаѧ П. и пагорокь П. глосса: „и холмь“ В. гора и хлъ(м) В. глосса: „або пагоро(к)“ П. и боудоуть П. речи В. исправленыи П. ровны ст. 6. П. а оузрить П. кожды В.чл҃кь (—пропущено въ П).

7. то́гды мови҃ і҆ѡа҃нь, къ́ при́ходѧщи҃ наро́до҃ кр҃тити҃ ѿ него̀, ро́ды ѕ́мїе̂вы, кто̂ ва́мь оу҆ка́ꙁаль, а́бы е̂сте пре҃ гнѣво҃ при́шлы҃ оу҆тѣка́ли.

8. про то҃ дѣ́лайте пло́ды го҃ны, по́каѧ̂нїю̀, и҆ не мо́ѣте са́ми ме́жи собою̀, ѿц҃а и҆ма́мы а҆враа̂ма. гл҃ѧ бо ва҃, и҆ може҃ б҃ъ ѿ каменїа̀ се́го въꙁ҃вигноути сн҃ы а҆враа̂мовы.

9. б҃о ю҃ и҆ се́кира на́ ко́рени древа лежи҃, в́сѧ́ко дре́во (л. 127 об.) кото́роѐ не́ чини҃ до́брого пло́дꙋ, вы́сѣчено бо҃ꙋть и҆ на ѿгнь вве́ржено.

10. и҆ просїли е̂го̀ наро҃ве мовѧ́чи, што҃ тогы чини́ти бо҃умо.

11. и҆ ѡ҃ ѿповѣдиль и҆ ре҃ и҆мь, кто̂ мае̂ть двѣ ризи, нехаи҆ же да҃ то́мꙋ кото́рыѝ не мае҃, и҆ кто̂ и҆ма́ браш́на та҃же́ нехаѝ чини҃.

12. и҆ при́шли́ пак҃ и҆ мы́таре́ кр҃тити҃ ѿ него̀, и҆ ре́кли е̂моу̀ оу҆чт҃лю ш́то оу҆чини́мо,

13. и҆ ѡ҆нь ре҃ и҆мь, ни́чого̀ на҃ то не вы́бираи҆те. е̂дно то, ш́то е҃ ва҃ поста́влено.

14. и҆ воинове пы́тали е҃ ре́кѫчи̇. ш́то мӹ ты҃ бѫ́демо чи́нїти, ре҃ и҆мь, ни́ жа҃ного̀ не оу҆тѣ́скоуи҆те и҆ ни́ кри́вды не́ чинѣ́те. и҆ до́волны бꙋ҃те ѡ҆бро́ки ва́шими.

Ст. 7. П. племена зміины В. племенна зміевы П. кто *жь* П. передь П. пришлы и оутекли В. оутекли ст. 8. П. годныи В. годные П. а не В. събою П. мовлю В. мовлю бо П.В. иже П.В. авраамови ст. 9. П. южь бо П.В. всѧко*е* П. огень оувръжено В. вы*сен*но бывае(т) В. ого(н) оувержен'но ст. 10. П. што*жь* В. мов*е*чи ст. 11. П.В. а онь отповѣдаючи рекль П. *и*маеть П. двѣ соукни В. сѫ(к)ні П. не *и*маеть П. стравные речи В. стра(в)ные рѣчі ст. 12. П. *и* пришли па*кь* П. до него (пропущено въ В.Л.) ст. 13. П. *а* онь рек*ль кн*имь П.В. поста*но*влено ст. 14. П. а и жолнѣре П. глосса: „воини" В. а и воинове; черезъ три слова глосса „або жолнѣре" П. пытали ты(ж) П. рек*ль* П. оут*и*скоуите В. оутѣскѫ(и)те П.В. а ни кривды П.В. а доволны П.В. боу*де*те П.В. оброк*ы*

15. и҆ ко́ли в не҆ лю҆ на́дѣю мѣ́ль, и҆ в́си в ср҃ца҆ свои҆ мы́слили, о҆ і҆ѡа҆́ннѣ, и҆ ѡ҆ бы́ бы҆ хм҃ь.

16. ѿповѣ́дилъ і҆ѡа҆́ннь всѣ҆ гл҃ѧ́, ꙗ҆ ва҆ кр҃щаю̀ водо́ю. грѧде҆ бо̀ ꙁа́ мною̀ сил́нѣйши и҆ж҃или ꙗ҆, кото́рого҆ то не є҆ є҆смь годе҆ ро҆вѧ́ꙁатѝ реме́нѧ о҆бо́уви є҆го̀, то҆ ва҆ кр҃тити бѫде҆ дх҃омь ст҃ы и҆ о҆гне҆.

17. в҆ ко́торого҆ то в роуцѣ є҆го̀ ло́пата, и҆ вы́треб҃и гоу҆но своє̀, и҆ съ́бере҆ п́шени́цѫ во жи҆ни́цѫ (л. 128). (вп҃не. а҃. не҆. въ҆ ѡ҆, і҆рѡ҆ па҆ цр҃ь ч҃е) свою̀, а҆ пле́велы па́лены̀ бѫ҆ть о҆гне҆ неоу҆гасає҆мы҆.

18. мно̂го ты҆ и҆ны҆ рѣчїѝ на́помнинаю̂чи є҆ѵ҃лїє̂ю̀ лю́де҆ проповѣ́даль. ко҆. наве҆. бг҃оꙗ́вленїа̀.

19. Ирѡ҆ па҆, цр҃ь четвер҆того̀ дѣ́лоу краи́ны, ко́ли бы́ль ѿ не́го ка́рань, о҆ і҆родѣѧ̂дѣ женѣ фи́лип́па́ бра́та своє̂го. и҆ о҆ всѣ҆ ꙁлы҆ рѣче҆, ко́торыѝ чини́ль є҆ і҆ро҆,

20. При́ложиль ты҆ и҆ тоє̀ ко всѣ҆ ꙁ́лостѧм́ свои҆, и҆же і҆ѡа҆́нна до те҆ннци вса҆ ти ка́ꙁаль.

21. и҆ ста́лосѧ и҆ кр҃тили҆ вси лю҆ е҆. і҆сѫ́ кр҃тѧщꙋсѧ и мл҃ѧщѫ҆. ѿтво́рилосѧ н҃бо.

Ст. 15. П. перестановка: людь внемь **В.** надію **П.** в ср(д)ц*ех*ь в'с*ѣ* **П.** иже бы **В.** и(ж) бы **ст. 16. П.** рекоучи (=**Л.** гл҃ѧ) **В.** рекѫчі **П.** кр҃щоу **В.** кр҃щѫ **П.** идеть бо **П.** нѣжли ѧ **П.** есми **В.** е(м) **П.** боуде кр(с)тити (перестановка) **ст. 17. П.** то роуцѣ **П.** лопата его **В.** его лопата **П.** а вычистить **В.** и вычісті(т) **П.** а *из*береть **П.** пшеницоу в житницю **В.** пшеніцю **П.В.** а *половы палити* боуде **В.** бѫде(т) **П.** не оугас*и*мымь **ст. 18. П.** *и* иныхь **В.** и іны(х) **П.В.** ев҃(г)лію **ст. 19. П.** пань четв*ръ*того **В.** па(н) **П.** ирод*и*ꙗдѣ **В.** ирод*іа*дѣ **П.В.** женѣ брата (филиппа—пропущено) **П.** которы*е* **В.** которіи **П.** есть чиниль **ст. 20. П.** коу всѣмь **П.** темниц*ѣ* **В.** къ всѣ(м) **ст. 21. П.** сѧ кр(с)тили **В.** иже **П.** в*сѣ* **П.** и и҃соу кр(с)щьшоусѧ и молѧщоусѧ.

22. и҆зы́шо҆ дх҃ъ с҃тыи̑ те́лесным ѻ҆́бразо҆ ꙗ҆́ко голоу́бь на́ него̀. и҆ ста́льсѧ голо҆ съ́ нб҃се гл҃ще, ты̀ є҆си сн҃ъ мои̑ въ́злюбле́ный, ѻ҆ не҆ же бл҃говоли҆. ко҆ пн҃е.

23. А҆ і҃с поча҆ бы́ти ꙗ҆кобы̀ въ́ трїде́сѧти҆ лѣ́те҆, въ́длоу до в́нимана, сн҃ъ і҆ѡ҆сифо́вь. ко́торыи̑ бы҆. и҆лїе́вь.

24. а҆лима́тановь. левїи҆нь. и҆ѡ҆си́фовь.

25. ма҆ѳа́ѳиє́вь. а҆мо́совь. наоу҆мо́вь. є҆сли́мовь. на҆́ггеє́вь.

26. маа҆ѳовь, ма҆тафиє́вь. се́мєи҆є́вь. і҆ѡ҆сифо́вь. і҆оу҆ди҆. (вто. а҃. н҃е. въ ѡ҆. бы̀ і҃с ꙗ҆ко триде).

27. (Л. 128 об.) і҆ѡ҆а҆и́нановь. ри҆саи҆евь. зоро́вавє́левь. са́лаѳїи҆левь. ни́рневь.

28. мел҆хїе́вь. а҆дьдїе́вь. коса́мовь. є҆л҆мода́мовь. и҆ро́вь.

29. и҆ѡ҆сїе́вь. є҆лиє҆зе́ровь. и҆ѡ҆ри́мовь. ма҆фа́товь. левїи҆нь.

30. семеѡ҆новь. їю́ди́нь. і҆ѡ҆си́фо҆. и҆ѡ҆а҆на́мовь. є҆лиа҆сеи҆мовь.

31. ме́леа҆и҆левь. маи҆на́новь. ма҆та́фїе́вь. на́ѳано́вь. дв҃довь.

32. і҆є҆ссеѡ҆вь. ѡ҆ в҃ и҆вь. въѡ҆зо́вь. сал҆мо́новь. наа҆́ссовь.

33. а҆ми́нодавовь. а҆ра́мовь. и҆а҆ра́мовь. є҆сро́мовь. фаре́совь. і҆ю́ди́нь.

34. і҆аковль. и҆саа҆ковь. а҆враа҆мовь. фарра́новь. на́хоровь.

Ст. 22. П. глась П. рекоучи В. рекучі В. блговъли(х) ст. 23. П. исъ В. ісъ П. починаль В. почіна(л) П. лѣтѣхь П. водне В. въдлѫ(г) ст. 24. П. алиматьтановь П. *мельхиинь ианаевъ* (въ Л. пропущены) В. аліма(т)тановъ ст. 25. П. матьѳатиевь В. ма(т)фафіев ст. 27. П. иоа*нь*нановь П. рисаивь В. рісаиевь П. салаѳиилевь В. салафаиле(в) ст. 28. П. ад'диевь В. а(д)діев ст. 29 П. елеезеровь В. елезеровь П. матьѳатовь ст. 30. П. елиакимовь В. еліасеймовь ст. 31. П. мелеаиевь В. мелеаиевъ П. матьтаѳиевь П. давыдовь ст. 32. П. иесьсео(в) П. воозовь П.В. наасьсоновь ст. 33. П. иорамовь В. *иоарамов*—зачеркнуто П.В. иесромовь ст. 34. В. іꙗковль.

35. рáгановь. ѳáлекóвь. êверóвь. сáлановь.

36. ваи̂нáновь. âрфáхáдовь. снмóновь. ноêвь. лáмехóвь.

37. мáфѳсáлевь. êнóховь. и̂âредовь. мáлелеи̂левь. каи̂нá-новь.

38. êнóсовь. снфóвь. âдáмовь. бжїѝ.

Глава IV. гл҃. кі.

1. ⁷Іс̀ же и̂сплъ́ненын дха̀ сто̀го, вернꙋ́лсѧ ѿ і̂ерда́на (да зачеркнуто) и̂ ведéнь бы̀ дхомь въ́ поꙋ̑тыню. к҃ѳ. в҃т҃ѳ.

2. дн҃ї пр҃. м҃. и̂скꙋшаемь бы̀ ѿ дїáвола, нꙋ́чего не âль (вс҃р҃ѣ. а҃. и҃є. в҃ъ ѿ, і̀с напълънѣ бы̀) (л. 129) въ́ тын̀ дн҃и. â и̂кь сѧ ю҃ дн҃їѣ скоꙋ́ал̀н, по́то҃ въ́галлкаль.

3. и̂ р҃ѣ̀ къ́ немоꙋ̀ дїáволь, êсли êсн сы̀ъ́ бжї̀ѝ, рцн ка-мéненевн (sic!) то́моꙋ̀ âбы̀ сѧ ста́ль хлѣ́бомь.

4. и̂ ѿповѣ́дѣлъ êмоꙋ̀ і̀с̀ гл҃ѧ, пнса́но бо̀ ѥ̀. и̂же не ѡ̂ êдно҃ хлѣ́бн жнвь бж҃дѣ́ї человѣкъ, âле ѡ̂ всѧкомь сло́во бжї̀ѝ.

5. и̂ выкель êго̀ дїáволь на́ гороꙋ̀ велмн высокꙗю̀, и̂ оꙋ̑ка́галь ємоꙋ̀ вса цр҃ьства то́го свѣ́та, въ́ мгновенїѝ о̂ка

Ст. 35. П. *сероуховь* В. *серухо(в)* (въ Л. это имя опущено) ст. 36. П. каинановь В. каінанов П. арьфаксадовь В. арфаксадовъ П. симовь В. сімо(в).

Глава 4. Ст. 1. П. *на*плъненый В. испо*л*неный П. быль *на* поустыню дх(м) (перестановка) В. бы(л); на поустыню ст. 2. П. четыридесѧте В. четырыдесѧте П. быль В. бы(л) П. а ничого В. и нічого П. не иль В. не кѧль П. в'тыи *ты* В. въ тыѧ *то* П. *опосль* В. пото(м) ст. 3. П. и рек*ль* емоу П. если *жь* есь В. есі П.В. роскажи П. абы бы(л) В. сѧ стал ст. 4. П. отповидѣль П. рекоучи В. рекѧчи П. бо (пропущено) В. пісанно есть П.В. хлѣб*ь* П. словѣ бжіимь В. бжіи(м) ст. 5. П. высокоу*ю* В. дїѧво(л) В. высокую П. а указаль П. пропущено слово: „свѣта“ В. прствіѧ и кроулевства.

6. и̂ рⷰ е̂моу дїа́воль. да̑ тебѣ сїю̀ вла̑ вс҃ю, и̂ сла́воу и̑, бо̂ мнѣ да́на е̂. и̂ ко́мⷢ е̂сли вс҃хощⷢ то́мⷢ е̂н да̑.

7. и̂ ты̀ е̂слѝ сѧ поклонншѝ прⷰ мною̀ бⷢдⷢ ѿбѣ вс҃ѧ.

8. и̂ ѿповѣ́дль їс̑ гл҃а е̑, и̂дн ⷣа́ мною̀ са́тано, бо̂ та̑ е̂ напи́сано, поклонши́ся гдⷭ бу̀ твоемоу̀, и̂ то́моу е̂дно́моу̀ послоу́жншн̀.

9. и̂ пото̑ оу̀ве́ль е̂го̀ до їерⷭ́лнма, и̂ по́ставѝ е̂го̀ на врⷯ́хⷢ цр҃кове̑, и̂ гл҃а́ емⷢ̀ е̂слн̀ е̂сн сн̑ъ́ бжїѝ, поу́стнсѧ ѿто́лє до́ло̑.

10. бо̂ та̑ е̂ напнсано, и̂же а҃гг҃ло̑ своѝмь прнка́же̑ о̑ тебѣ, а̂[бы] та̂ сте́регли, (бы написано на поляхъ).

11. и̂ на́ роу́ка̑ свои̑ въ҃змⷢ та̂, а̂бы̀ е̂сн не ⷣбѝ (л. 129 об.) (вуу̑є. а̑. не̑. ѣ̑ъ ѿ. прншо̑ їс̑ ѥ́ на́ⷣаⷬ се̑ се̑. а̑. се̑ и̂ пⷬрⷦⷯ ѝлїѝ.)о̑ ка́мень но́гь твои̑.

12. и̂ ѿпо́вѣдѝ е̂моу̀ їс̑ гл҃а́, повѣ́дано е̑, и̂же не и̂скꙋсншь гс҃ бс҃ твоего̀.

13. и̂ сконⷱа́ль вс҃е покⷢ́шенїа̀ дїа́воль. и̂ ѿ с т о у́ п н л ь ѿ него̀ до́ ⷱасⷢ дїа́воль.

Ст. 6. В. дїⷢво(л) П.В. тобѣ П.В. волость В. данна П. а комоу П.В. всхочоу ст. 7. П.В. передо П. тобѣ боудоуть ст. 8. П. отповидѣль П. рекль (=Л. гла) П. сотоно В. сътоно П. поклонишьсѧ В. написанно П. гоу бгоу В. гоу бж ст. 9. П. и—пропущено; П. глосса: „на крилѣ“ В. верхⷢ В. цркновѣмь П.В. рекль П. поустисѧ оттолѣ В. долов (это слово въ П. пропущено) П. глосса: „скочь“ В. глосса: „або скоч“ ст. 10. П. ижь В. напісано В. о тобѣ П.В. абы тⷢ ст. 11. В. о каменѣ ст. 12. П. отповидѣль ісь П. рекоучи(=Л. глⷢ) П. повѣдено В. не съблазнишь ст. 13. П. и сконьчаль П. покоушеніе П. приписка на поляхъ: *и о(т)ишо(л) отъ него до ч...* (л. 223) В. и от ишо(л) отъ нег до ча(с)у дїⷢвол.

14. тогды навратнль са їс ѣ силн дховнн до галнлеѣ, н вышла о нѣ повесть по всеѣ краннѣ.

15. н тъ оучнль въ соборнцѣ ѣ, н бы похвалѣ ѡ всѣ. к҃о. с҃р҃є.

16. ¶ Н прншоль въ назарѣ, где быль воспитань. н въ шоль по ѡбычаѫ своемоу въ соборнце въ днь сѫбоный. г҃ поуаль унтатн,

17. н дано емоу книгы їсаіа пр҃рока. н ѡ ѡворнвшн книгы, н нашоль мѣсце, где было напнсано.

18. дхъ гнь на мнѣ, для которого помазаль н послаль мѧ, оубгы҃ проповѣдатн ѣ҃вїю. н нсцѣлнтн съкроушеныа с҃рцѣ. н повѣдатн плѣны҃ ѡпоущенїѣ, н слѣпы҃ прозрѣнїе, н выпоустнтн ѳсѫжены҃ на слободѳ.

19. н проповѣдатн лѣто гнє прїѧно.

20. н ѯатворнвшн книгоу ѡдаль слоужѣ, н сѣль. н всѣ ѳун которын были в соборцнн ѯасмотрѣ(л. 130) (в҃п҃м. ѧ҃. н҃є. въ ѡ, д н в о в а л н с м)лнсм на него.

21. н поуа книѧ мовнтн нынѣ наплънисм пнсанїѣ тоѣ въ оушн҃є ваш҃н.

Ст. 14. П. в силѣ дховнѣй В. дхвнѣ В. повѣсть В. повѣстъ П.В. оукраинѣ ст. 15. П. и тоу наоучалъ на соборищехь В. и тои науча(л) на съборіще(х) ст. 16. П. где *жь то* П. въспитань В. где *то* П. глосса: „выховань“ В. глосса: „або згодова(н)“ П. обычаю сталь чести ст. 17. П.В. *а* онь В. и дан'но П. книги и П. мѣсце В. где то П. напісанно ст. 18. П. которого то длѧ П. ѣ҃вїю поведати П.В. а оуздоровити П. а быхь проповѣдаль В. глосса: „або пойманы(м) П. плѣненымь П. прозреніе П. коу свободѣ В. глосса: „або на волю“ ст. 19. П. пріатно ст. 20. П. и замькноувши(=В.Л. затвсривші) П. засмотрилисѧ ст. 21. П. наплънилосѧ В. наполнілосѧ.

22. и̑ всѣ ємоу̀ посв҃ѣ́ѵали. ⁘Н дн҃вовалнсѧ лю́бы҃ слова҃ кото́ры҃ выхо҃ ѧ҃н и̑зь оу̑сть его̀. к҃о҃. ѵ҃є. и̑ мо́внлн, ѵн не то́тлн то є҃ сн҃ь і҃ѡсїфо́вь.

23. гл҃а кнн҃ всѧ́ко мн рє́тє пр҃нуѧ сїѧ̀ вра́ую и̑сцѣ́лнсѧ сѧ҃, ко́торын̀ рѣ́ѵн слы́шалн є҃смо, и̑ є҃сн ѵнни́ль вка́па҃лаоу̑мѣ, оу̑ѵнин тѧ҃же въ ѡ҃ѵ҃е҃твн сво́ємь.

24. гл҃а́ и̑мь і҃с, повѣ́даю вѧ҃, и̑ ни́ є҃дни́нь пр҃ркъ не є҃ прнѧ́тень въ ѡ҃ѵ҃е҃ствїѝ своє́мь.

25. а҃мнн҃ѣ̀ гл҃ю вѧ҃, и̑ мно́гы вдо́вицы бы́лн, ме́жи лю҃мн і҃нѣ́вымн, въ́ дн҃їѝ пр҃рка и̑льи́. ко́лн бы́ло ҂ѕ҃акни́ено нб҃о трн̀ лѣ́та и̑ м҃ц҃їѝ ш҃є҃. и̑ ѧ҃кь то́гды бы́ль го́лодь̀ ве́лнкїѝ по всеѝ ҂ѕ҃е́лн.

26. и̑ ни́ къ є҃дниоѝ ҂ѕ҃н҃ по́сла́нь бы҃ і҃льѧ҃. є҃дно до́ сарє҃ѳы сндо҃ско҃ѝ, къ́ женѣ́ вдовн́цы.

27. бы́ло ты҃ нема́ло троу̑до́ваты҃ прн є҃лїсеѝ пр҃рцн, ме́жи лю҃мн і҃нѣ́вымн. и̑ ни́ є҃дннь ҂ѕ҃н҃ не бы҃ оу̑ ҂ѕ҃оровле҃. є҃дно неѣма́нъ снр҃їа҃ннн҃ъ.

28. и̑ тоѥ̀ слы́ша (л. 130 об.) (с҃ж҃. т҃а҃ въ ѡ҃ ѵ҃а҃, и̑ с҃т҃ѳ҃п҃н҃л҃ь і҃с҃ д҃о́к҃є) є́ш н҃ на́плъ́ннлнсѧ гнѣвоу̑ всѣ, которын̀ бы́лн въ́ соборн́цн.

Ст. 22. П.В. посвѣдьчили П. слова*мь* П. которыи жь П. зь усть П. тотъ — есть (пропускъ словъ: *ли то*) В. то(т) то ст. 23. П.В. и рекль П. глосса: „ликарю“ П.В. врачоу излѣчисѧ В. глосса: „або лѣкару“ П. есь П.В. капернаоумѣ П. и *тоуть* (этого слова нѣтъ въ В.Л.) ст. 24. П.В. и рекль П. жадьный В. ні еди(н) П. въ отчизнѣ своей ст. 25. П.В. але правдоу вамь повѣдаю П. многыи вдовы П. перестановка: „въ днехь иліи пр҃рка межи людьми изрльтескыми“ В. иільтескими В. за днвь П. П. м(с)цыи ст. 26. П. ко единои П. илиѫ ст. 27. П. и троудоватыхь тыжь было *много* П. людомь П. изрльтескым В. иільте(с)кім П. а жадеиь В. ніеман П. зь сиріи В. глосса: „родомъ“ ст. 28. П. наполнилисѧ.

29. и̂ въста́вшїи вы́вєли є̂го̀ во̀ и̂з мѣста, и̂ вє́ли є̂го̀ а̏ на вр҃ъ го́ры, на ко́торо҃и то мѣ́сто и̏ бы́ло и̂зкоу́дованно. а̂бы́ є̂го̀ доло́вь и̂зверъ́гли.

30. а̂ле ѡ̑ про́ше҃ посре́дн и̏ и̂ вы́шоль. к҃о҃. п҃м. и̂ сто҃моу.

31. Ѡ҃н стоу́пиль до кепа̑наоу́ма мѣ́ста га́лиле́йскаго̀. и̂ та̑ оу҃ви́ль и̏ во́ сто́уны҃ дне҃.

32. и̂ дивова́ли ѡ̑ наоу҃ченїѝ є̂го̀. а̏ то и̂же р҃ѣ҃ є̂го̀ была̀ съ ѡ̑соблнвоѝ си́лы.

33. и̂ бы́ль всо́борнцин е̂дни́нь у҃лъ ко́торын̀ то мѣ́ль доу́хь бѣ́са неуи́стого̀. и̂ закрыча́ль го̑сомь ве́лнкїѝ

34. рекоу́ви, и̂ што̑ мы́ сто́боюѝ мале̂мо і҃се назара́нине. прѝшель е̂сн погоу́бити на̑, вѣда́е҃ те́бе кто е̂сн сты̀н бжїѝ.

35. и̂ прнказа̑ е̂моу̀ і҃с га́л҃, оу҃мла́кнн, и̂ выи̑дн и̂з не-го̀. и̂ повръ́гь е̂го̀ бѣ́сь, посре҃, и̂ вы́ше̑ и̂зь него̀. і҃ нну́го е̂моу̀ не зацѝкодиль.

36. и̂ прнше̑ стра̑ на́ все́, и̂ мовїли ме́жи со́боюѝ га́л҃. я̂кь е̏ тоѐ сло́во и̏ и̂звласті́ю и̂ си́лою вели̏ неуи́сты҃ доу́хо̑ и̏ выходя̑. к҃о҃. с҃ж.

37. и̏ ро́схожалн̏ (л. 131) (в п ѝ є. в҃. н е҃. въ ѡ̑ то у҃а̑. в҃ш о̑ і҃с в д о̑) сло́ва ѡ̑ не҃ по все́ граде҃ тоя̑ страны.

Ст. 29. П.В. а вставши П. выгнали В. въ(н) П. верхь П. же то П. збоудовано В. и(з)бжданно П. зьвръгли ст. 30. П. а (= але Л.) П. посрѣ(д) ст. 31. П. каперьнаоума П. а тоу наоучаль П. их (пропущено) П. глосса: „в соуботахь“ В. глосса: „або въсуботы“ ст. 32. П. наученю ст. П.В. закричаль ст. 34. П. загоубити ст. 35. П.В. рекоучи П. выци *жь* П. а коли (недостаетъ въ В.Л.) В. повергь П. посредѣ П.В. не зашкодиль ст. 36. П. В. рекоучи и П. иже звластію В. выходити ст. 37. П. и росхо*жовалась* В. росхожала(с). П. слава В. слава П. въ всѣкое мѣсто и В. по всѣ(х) мѣсте(х) П. тоя—(пропущено въ П).

38. и҃ ѡ҃ вышє҃шин с҃соборнца. Ки҃ѡо до҃ до́моу сѝмоно́ва, и҃ те́ща снмоѝва бы́ла немѡ́на ѡ҃гнє҃ ве́лнкѝ. и҃ просїлн є҃го҃ за́ нею҃.

39. и҃ ѡ҃ стави́шн на҃ нею҃ прїка́залль ѡ҃гневе́, и҃ преста ѡ҃гнь. и҃ ѡна въ҃ста́вшин послоу́говалà и҃мь.

40. и҃ ꙗкь ю҃ за́шло сл҃нце, е́сн ко́торын ме́лн немѡ́ныѝ розмаѝтымн фо́робамѝ. и҃ прѝводнлн и҃ къ҃ немѵ, и҃ ѡ҃ ѝхь оу҃здоро́внль. на ко́до́го зни҃ вло́жнвшн роу́це свонѝ,

41. и҃ ѡ҃ мно́гы҃ выхо҃ лн бе́сове, крыча́ун и҃ мо́вауї, ты҃ е҃сн сн҃ъ бж҃їѝ. а҃ ѡ҃ за́повѣ́дал и҃ не допоу́шаль и҃мь повѣ́дати, бо҃ сѫ҃ вѣ́дали и҃ є҃ са́мын х҃с.

42. и҃ ко́лн ю҃ бы́ль дн҃ь вы́шо҃, и҃ пошо҃ на поу́сто ме́сто. а҃ наро́дове гла́дали є҃го҃, и҃ прѝшілн до́ него, за́дръ҃жова́ли є҃го҃ а҃бы ѡ҃ нн҃ не ѡхо́жаль.

43. и҃ ѡ҃ рц҃е кнн҃ и҃ и҃ дроу́гы҃ градо҃ моу́снмо про́повѣ́дапн є҃ѵ҃лїе ѡ҃ цр҃твїѝ бж҃їѝ. бо҃ е҃смь на́ то по́сланъ,

44. а҃бы҃ оу҃чн҃ и҃ про́повѣ́да҃ на собо́рнцѣхь га́лнлейскы҃. (л. 131 об.). (н҃є҃. а҃. въ ѡ҃ у҃а҃, стоа҃ ї҃с пр н ц҃ѕєрѣ)ко҃. п н҃є.

Ст. 38. П.В. а онь П. вышо(д)ши П. изь соборища П.В. *а* теща ст. 39. П.В. огневи П.В. переставль П. огнь (—пропущено) П. *тогдыжь* (недостаетъ въ В.Л.) П. вставши *и* В. въставші *и* ст. 40 П.В. всѣ В. заишло П. розными В. немоцные и розмаитыми П.В. а онь П. свои роуцѣ В. рѫці свои ст. 41. П. кричачи В. крычали П. же есть ст. 42. П.В. поустое П.В. ажь (недостаетъ въ Л.) П. не отход*иль* ст. 43. П.В. а онь рекль П.В. мѣстомь П.В. глосса: „або градо(м)“ П.В. ев(г)лію П.В. на *то* то ст. 44. П. и оучиль В. съборище(х).

Глава V. зѧ. зї.

1. ⁷Н было пѧ колн са народове тнснѫлн кнемоу, абы слы҃лн слово бж҃їе. а ѡнъ стоалъ по҃ле езера генсаре҃ского.

2. н оу҃зрѣль дѣа кораблѧ, которын стоалн блнзь езера. а рыболове ѡшлн ѡ нн҃ плакатн мрежоу.

3. н оустжпнлъ на ѥдноу з нн҃, котораѧ была снмонова н проснлн его, абы мало ѡстоупнлъ ѡ зе҃лѧ.

4. н колн пересталъ оуунтн ихь. гла къ снмонови, постоупн на глубноу. въврѣзѣте мрежоу ваших на оуловленїе рыбъ.

5. н снмо҃ ѡповѣдлъ емоу гла҃. оуутлю пре҃ всю нощь есмо са тро҃ужлн, н ничого не поималн. але на слово твое напоущих мрежѫ.

6. н колн тое оуунилн. мно҃ство велнкое рыбь загорнѫлн, а҃ н мрежа са н҃ прорывала.

7. н по҃лнкалн свон҃ токарншовъ, которын то былн на ином лоу҃и, абы прнехавшн помогли имь. н прнехалн и҃ насыпалн ѡба҃ кораблѧ, такь а҃ са затоплѧлн.

8. То колн оу҃зрѣль сн (л. 132) монь петрь, прнпаль к ногама і҃сві҃ма н гла҃ ѡстоупн ѡ мене гн҃. бо҃ улкъ е҃ есмн грѣшныи.

Вслѣдствіе отсутствія текста варіанты далѣе будутъ подведены только изъ Пересопницкаго Евангелія. Глава V. Ст. 1. П. подлеи ст. 2. П. двѣ лоудѣ П. та(м) (пропускъ въ Л.) П. близко П. стоали П. отъишо(д)ши П. выполоковаль ст. 3. П. то (пропускъ въ Л.) П. от землѣ ст. 4. П. и сѣдѧчи наоучаль скораблѧ народы (пропущено Л.) П. а П. пересталь П. наоучати П. рекль П. завръсте П. мрѣжоу П. оуловленѧ ст. 5. П. отповѣдаючи рекль П. запоущоу П. сѣть ст. 6. П. мрѣжа П. порывала ст. 7. П. лоудѣ П. пришли а П. обѣ лодѣ ст. 8. П. пропущено: то П. кногамь П. ісовымь П. рекль П. отиди

9. и҆ оу҆стра́шилься бы҆, и҆ в́си ко́торыѝ сни҃ бы́ли. ѡ҆ ѡ҆ноѝ то̂ ло́витви ры́бноѝ, ко́торыѝ бы́ли поима́ли.

10. та҃же і҆а̂кова і҆ѡа̂нна сн҃ы́ ꙁа́ведѣѡ̂вы, ко́торыѝ бы́ли то́вариши симо́новы. и҆ гл҃а і҃с къ́ симо́нови не́ бои́ся. ѿ того̀ ча́соу ю҃ бѫ́деши чл҃кы ловити,

11. ѻ҆ста́вивши в́се, и҆ по́шли вос҃лѣ̀ є҆го̀. ко҃. н҃е.

12. Ѿ бы́ло ко́ли бы҆ і҃с въ є҆ди́но҃ мѣ́стѣ. бы҆ та҃ чл҃къ на́плъ́нены҃ троу́до҃, и҆ оу҆ꙁрѣ́ль і҃са па́ль на ли́ци своє̂мь и҆ просиль є҆го̀ гл҃я́. гн҃ а҆ще хо́щеши мо́жеши мѧ̀ и҆сцѣ́лити.

13. и҆ про́стерши і҃с роу́коу̀ до҃кноу҃ся є҆го̀ и҆ ре́кь хо́чѫ боу́ди ꙁдоро́вь. і҆ а҆бие̂ ѿи҆шоль ѻ҆ныѝ троу́дъ ѿ него̀.

14. и҆ роска́ꙁаль є҆моу̀ і҃с гл҃я́ ни́ко́моу̀ не по́вѣдаѝ. а҆ле́ поше҃ши в́ка́жи҃ і҆є̂реѡ̂ви, и҆ при́неси ꙁа ѿцѣ́щеніѐ твоѐ ꙗ҃же по́велѣ моѷсеѝ въ́ свѣ҃тлъ́ство и҃.

15. тогда ро́слави́лася сла́ва ве́ликаа̀ ѿ не҃.(л. 132 об.) (сѫ҃. в҃. въ ѡ҃ ча҃. ко́ли і҃с наоу҆ча́ль) и҆ и҆схожо́вали҃ наро҃ве мно̂ѕїѝ. а҆бы̀ слы́шали и҆ оу҆ꙁдоро́вленни бы́ли ѿ неѵїѝ свои҃.

16. и҆ ѡ҆нъ ѿхо́жоваль̀ въ́ пѹстыню̀, и҆ мл҃ни́ся. ко҃. вто҃.

Ст. 9. П. бо сѧ быль оустрашиль П. знимь П. ловитве ст. 10. П. и (пропущено Л.) П. заведеовы П. рекль ст. 11. П. а привезши к берегоу лодѣ (пропускъ въ Л.) ст. 12. П. мѣсто П. троудоватьства П. недостаетъ: своемь П. рекоучи П. если хочешь П. можешь П. оуздоровити ст. 13. П. простръши П. здравь П. борзо П. ононь ст. 14. П. а онь П. рекоучи П. никомоу же П. пошо(д)ши П. оукажисѧ П. очищеніе П. ѧкь же П. повелѣль моиси на свѣдоцьство ст. 15. П. мнози П. немочіи ст. 16. П. а онь П. на

17. И ста́лосѧ є҆диного̀ дн҃ѧ, ко́ли ѿ наоу҆чал. и҆ сидѣли та҃ фа́рисеѐ и҆ ꙁа́коноо҆учители. ко́торыи҆ жь то бы́ли пришли съ всѣ҃ се́ль мѣ́ста га́лилеи҆скаго̀. і҆оу҆деи҆скы҃, і҆ерⷭ҇лимскы҃. и҆ бы́ла си́ла гн҃ѧ́ ко́тораѧ̀ то и҆ оу҆ꙁдо́ровила.

18. и҆ нѣ́кїѝ моу́жеве не́сли на ѡ҆дрѣ чл҃ка ко́торыѝ то бы́ль ра́слабле҃. и҆ хотѣ́ли є҆го в́нести и҆ по́ложити пре҃ ни҃.

19. и҆ не на́шли ко́тороѭ̀ бы҃ є҆го̀ сто́роноѭ̀ при́нести мо́гли д҃лѧ́ ꙁа́стоуплениѧ̀ на́родоу̀. и҆ влѣ́ꙁши на́ домь̀ скро́ꙁи стрѣ́хоу споу́стили є҆го ꙁ ѻ҃ро҃ на́ сере́дниѫ и҆ пре҃ і҃са́.

20. і҆оу҃дниль (sic!) вѣ́роу и҆, и҆ гл҃а, чл҃че ѿпоу́щаю҃тисѧ грѣ́си твоѝ.

21. тогы҃ поча́ли мы́слити оу҆чт҃лїѐ и҆ ꙁако҃ници мовѧ́чи. кто̂ то є҃ и҆же хоу́лоу̀ мови҃, и҆ кто̂ мо́же҃ ѿпоу́щати грѣ́хи, то́кмо є҆ди҃ бг҃ь.

22. и҆ і҃с по́роꙁоумѣ́вши мы́сли и҆, (л. 133) ѿповѣ́ди҃ и҆мь̀ гл҃ѧ́. что̂ мы́слите въ срⷣце҃ ва́ши҃.

23. что̂ є҃ оу҆добїѐ ре́щи ѿпоу́щаю҃тисѧ грѣ́хи твоѝ, и҆ли ре́щи па́кы во́стани и҆ хо́ди.

24. а҆ле а҆бы́сте вѣ́дали, и҆же сн҃ъ чл҃ческїѝ и҆ма҃ та́ковѫ̀ вла́сть на́ ꙁемли ѿпоу́щати грѣ́хи. и҆ гл҃а ра́слабле҃номоу̀, тебѣ̀ гл҃ѧ́ во́стани и҆ ѿми ѡ҆дръ̀ своѝ и҆ и҆ди до́ домоу̀ твоє҆го̀.

Ст. 17. П. сѣдѣли П. законооучителеве П. зо всѣхь сѣль П. галилейского П. іюдеискыхь П. котораа П. оуздоровлѧла ст.18.П. нѣакыи П. постели П. рослаблень П. глосса: „дною зламань“ П. а ст. 19. П. застоупленѧ П. взлѣзши П. скрозѣ П. *зложемь* ст. 20. П. оувѣдаль П. рекль П. отпоущаю(т)сѧ тобѣ П. грѣхы ст. 21. П. и П. а кто П. грѣхы ст. 22. П. а і҃съ П. отповѣдѣль П. и рекль имь П. што ст. 23. П. што П. лѣпше П. речи П. отпоущаютьсѧ тобѣ грѣхы П. речи встань а ст. 24. П. абы есте П. маеть П. таковоую моць П. грѣхы П. рекль П. рослабленному П. мовлю П. встань П. а възми П. постелю твою.

25. и̂ а҃вїѥ въ́ставь пр҃е нѝмн, и̂ въ́зѣ҃ о҆дръ҆ сво҃ на́ не҃ же лѣ́жаль҆; и̂ по́шоль до до́мъ своего̀ хва́лаун бг҃а.

26. и̂ на́полнилѫ҃ стра́ха, и̂ мо́вилн ѫ҃ вндѝлн е̂смо пре́ѫ҃жныѝ рѣ́ун дн҃ь. к҃о҃. сѫ҃.

27. ⁘А҃ пото҃ вы́шоль. и̂ оу҆ҳ҃ре́ль мы҃нн́ка и҃мене҃ ле́вїю҆, а̂ ѡ҃нъ седѝ на́ мы҃нцѝ. е̂моу҆ҳ҃ гла́ и̂дн за́ мною҆.

28. и̂ ѡ҃ всѐ ҳо́ставивѐшн и̂ вставѝшн по́шоль҆ за́ нимь҆.

29. и̂ оу҆ѵ҆ѝнилъ е̂моу҆ҳ҃ ле́вїѝ оу҆ѵрѣ҃ѫ҃же́нїѐ велїѐ въ́ домоу҆ своѐмь. и̂ бы́ло мы́тникобь мно́го҆, и̂ ѝны҃ѫ҃ наро҃ѫ҃вь, кото́рыѝ сни҃ сндѣ́лн.

30. и̂ ро́пта́лн кни҃ни́цы на́ него̀ и̂ фа́рисеѝ. и̂ оу҆ѵ҆ѝнко҃ его̀ мо́вилѝ, ѵемоу҆ҳ҃ жь то҃ ѕмы҃нни́кы оу҆(с҃ѫ҃. г҃. въ ѡ҃ ѵа҃ оу҆ҳ҃ре́ль і҃с мы҃и) (л. 133 об) (вс҃р҃ѣ. в҃. н҃є. въ҃ ѡ҃, пр҃ѝстѫпивьшн фа́рисеѝ ко і҃сви ре́кл.)уѵ҃тль ва́шь, е҃сть и̂ пїѥ҃ть.

31. ѡповѣ҃дилъ і҃с гла́ кни҃, не тре́бѫ҃ю҆ ҳ҃ра́вїѝ вра́ун, нѫ҃ не́моцїѝи҃.

32. не прѝшо҃ бо҃ к҃а҃ прѝвати правѐны҃, нѫ҃ грѣ́шны҃ на́ покаа҃нїѐ. к҃о҃. с҃ѫ҃.

Ст. 25. П. борзо П. всталь П. пере(д) П. взѫль постелю П. на которои то ст. 26. П. наплънисѫ П. видѣлн ехмо П. пречюдныи П. речи ст. 27. П. сѣдить П. которомоу жь то рекль ст. 28. П. а П. ставши ст. 29. П.В. левіи П.В. великое П. глосса: „калацыю“ В. глосса: „або калацію“ *народоу* (пропускъ въ В.Л.) П. отсутствуетъ: *народовь* П. сѣдѣли В. сѣділи ст. 30. П.В. книжницы П.В. фарисее П. из мытникы П.В. и *грѣшникы* (пропускъ въ Л.) П. исте и піете (=Л. оучтль вашь ѫсть и піеть- В. оучітель ва(ш) ѫсть и піе(т) ст. 31. П. отповѣдаючи П. рекль П. не потребоую(т) П.В. здоровыи П.В. лѣкарѣ але П. немоцныи В. не моцные ст. 32. П.В. ѫ П.В. але П. покаание.

33. Ѡ҃нн па҃, рекли ѥмоу҆ прошто оу҆чи҃цы і҆ѡа҃нови постѧ҃ся ѵа҃то и҃ мл҃ѧ҃ся. та҃же и҃ фарисе҃стїи҃. а҆ твои҃ ꙗ҃дѧ҃ и҃ пию҃.

34. и҃ ѡ҃нъ гл҃а҆ къ҆ нн҃, и҃ ѵи҃ моѓ҃ѵ, сн҃ве вѣселѧ до҃ колѣ женн҃ съ нимн ѥ҃ казати҃ имь постити҃.

35. а҆ле прїи҃дѫ҃ дн҃и, колѣ ѿа҃ть ѿ нн҃ женн҃, тогды сѧ бѫ҃дѫ҃ постити въ҆ ты҃ дн҃охъ.

36. гл҃а пакь прн҃ухъ къ҆ нн҃, н҃ никто плата новаго сѫкна не оу҆ставлѧ҃ѥ всѫ҃кню старо҆у҆. и҃ ѥслиже и҃наѵеи҃ тогды и҃ новоѥ҃ ꙁдере҃. а҆ вѣхому҆ не пристоить ꙁалата ꙁновагѡ.

37. и҃ никто҃ ты҃ не҃ влиѧ҃ѥ вина новагѡ въ҆ мѣхы ветхы. а҆ще ли ни, вино ново прораꙁи҃ сосѫ҃ды и҃ вино и҃злие҃ѧ и҃ сосѫ҃ды погибноу҆.

38. а҆ле вино ново въ҆ сосѫ҃ды новы влива҃ти, и҃ ѡ҃боѥ҃ съблюдѫ҃ѧ.

39. и҃ кто҃ же пивъши старо҆ѥ҃ борзо сховѥ҃ но(л. 134). (с҃ѫ҃. д҃ в҃ѣ҃ ѡ҃, ста҆лося в с҃ѣ҃тоу҆ вто)вого҃. и҃ мовн҃ бо҃ иже лѣпше ѥ҃ старое҃. к҃о҃. с҃р҃ѣ҃.

Ст. 33. П. а они П. пропускъ: *оучнцы* ст. 34. П. а П. рекль П. а ци можете П. сны П. веселіа П. доколѧ П. сѧ имь постити ст. 35 П. днове П. *боудеть* (пропускъ въ Л.) П. днехь ст. 36. П. повѣдѣль П. иже никто П. новогс П. в соукмань стары(и) а П. иначыи П. не слоушна е(ст) П. знового ст. 37. П. до соудины старои П. а если же бы иначеи П. молодое росьсадить соудины и само розлѣетсѧ и сосоудове загиноуть ст. 38. П. новое П. новыи П. заховано боуде(т) ст. 39. П. хочеть П. пропущено: и П. лѣпшеи

Глава VI. ѯ҃а҃ кв҃.

1. Было па҃, всѣ҃тоу̀ второпрѣ́вжю. и҆шѡ҃ у҆ере҃ѣ҃ ѯвожьѧ. выторга́ли оу҆у҃ницы его̀ кла́сы, и҆ е҆ли выминаю́ун роу́ками своѝми.

2. и҆ нѣко́торыѝ и҆зъ фарисе҃ѡвь мо́вилѝ и҃мь про́што тоѐ уни҃ѧ, у́ого сѧ не́ годн҃ униѝти въ сѣ́боты.

3. а҆ і҃с ѡ҃повѣдилъ г҃ла́ и҃мь, а҆бо҃ е҆сте не́ унтали што оу҆уни́лъ дв҃дь. ко́ли бы́ль го́лодень ѡ҃ са́мь, и҆ тыѝ ко́торыѝ съ҆ ни҃ бы́ли.

4. к҃а҃ въ҆́ше҃ши до до́м҃ бж҃іего̀. и҆ хлѣ́бы пре҃ло́женыѧ а҃лъ, и҆ ты́мь да҃ кото́рыѝ сни҃ бы́ліи. которы҃ то҃ него҃но бы́ло и҃сти, е҆дино е҆ди́нымь і҆ере҃ѡ҃.

5. и҆ г҃ла и҃мь, и҃же сѣ́боте҃ е҆ гдр҃емь сн҃ъ́ чл҃ѣ́кыѝ.

6. и҆ приго҃ ѧ҃ло сѧ та҆кѫе въ дроу́гѫ сѣ́боту̀, ко́ли въ҆́ шоль въ҆́ соборниѥ и҆ наоу҃ча́л. и҆ бы́ль та҃ ч҃ла҃къ ко́торомоу̀ то роу́ка пра́вам҃ оу҆сха́ла.

7. и҆ нагла́дова́ли его̀ фа́рисеѝ и҆ ѯако́нницы, а҆ще҃ въ сѣ́боту̀ и҆цѣлѝ его̀. а҆бы на́шіли прнуннoу на́ него̀.

8. а҆ле ѡ҃ вѣ́даль по́мы (л. 134 об) (в҃уе. в҃. и҃е҃. в҃ъ ѡ҃, вы́шо҃ і҃с на́ гор҃ѕ) шленіа̀ и҆хъ. и҆ ре҃ ч҃ла́коу̀ то́мо҆у̀, которыѝ мѣ́ль соу́хоую̀ роу́коу̀. въ҆́стани, и҆ ста́ни на сред҃ни. и҆ ѡ҃ въстаѣ́ши и҆ ста́ноу̀ль.

Глава VI. Ст. 1. П. збожѫ П. глосса: „черезь пашню“ П. оученици П. или ст. 2. П. а П. зь П. сѫ ст. 3. П. отповѣдаючи рекль П. *о томь* (пропускъ въ Л.) ст. 4. П. и (пропускъ Л.) П. въшодши П. прѣ(д)ложеныи ѧль П. глосса „посвѧченыи“ П. единемь П. глосса: „сщеникомь“ ст. 5 П. рекль П. и П. е(ст) господаремь ст. 6. П. и П. вдроугоую П. оучиль П. тоу П. то П. праваа ст. 7. П. фарисее П. если же ст. 8. П. помыслы и(х) П. и рекль чл҃кови П. встань а стань П. на серединѣ П. а.

9. и̂ рⷱ їс̑ къ́ нн̄, пы́таю вⷯ, годн̄ ли сѧ въ сⷭ́боты̀ до́бро ѵнни́тн, и̂ли зл҃е ѵнни́тн. дш̄ж спа́стн и̂ли погоу́битн̀.

10. и̂ поглⷭ́давшн по всⷯ́, рⷱ ѵ̑кою прострн роу́кою твою̀. и̂ ѡ̑нь оу̑ѵнни́ль та́кь. и̂ сталаса тⷯ роу́ка е̂го̀ здо́рова ѧ̂ко и̂ дрⷭгамъ. к҃о̑. сⷭ̄.

11. и̂ ѡ̑нн пⷯ напла́ннвшнсѧ безⷭ́мїа̀. и̂ мо́вилн е̂дн̄ къ́ дрⷭгомⷭ́, што бы́ мѣ́лн оу̑ѵнннтн їсвї.

12. Въ́ ты̄ же па́кы дн̄е̂ бы́ло. вы́шоль їс̑ на го́роу мⷯ́нтнсѧ. и̂ бы́ль ѵ̑ерⷱ но́щь на мⷯ́твн бⷭ̄їе̂н̀.

13. и̂ ко́лн҃ю бы́ль дн҃ь прнзва́ль оу̑ѵ̑нкы своѧ̀. и̂ вы́бра́ль зме́жн нн̄ двана́десⷯ которы̄ же то̀ а̂пⷧлы на́зва́.

14. снмо́на ко́торого то на́зва́ль пе́тро̑. і̂ а̂ндрѣѧ̀ бра́та е̂го̀. і̂а̂кова. і̂ѡа̂нна фнлнппа. и̂ вала́фромеѧ̀.

15. ма̑ѳеѧ̀. и̂ ѳомоу. і̂а́кова а̂лфе́ѡва. и̂ сн́мона sѣлота.

16. і̂оу̑доу і̂а̂ковлѧ̀. и̂ (л. 135.) (в҃п҃м. в҃. н҃е. в҃ъ ѡ̑, ста̑ їс̑ на́ мѣстн равнѣ. сⷭ̄ѐ пр̑пбнм̑.) і̂ю̂дⷭ́ скарн̂ѡта, кото́рын̀ бы̑ пре́датель.

17. А̑ нзшⷭ̄е̑шн сни́мн и̂зго́ры и̂ ста́ль на мⷯ́стѣ равнѣ и̂ наро̑ оу̑ѵ̑нкъ е̂го̀. и̂ мн̄ожество ве́лнкоѐ лю́дїн, ѡ̑ всеѧ̀ і̂оу̑деѧ̀ і̂ и̂зъ і̂е̑рлнма. и̂ по́рн тⷭ̈рскїа̀ и̂ сндо̑скнѧ̀.

18. ко́торын̀ то сѧ бы́лн зы́шлн дла̀ того̀ а̑бы̑ е̂го слы́шелн. и̂ оу̑здо́ровленн бы́лн ѡ̑ немоуїн̀ свон̄. и̂ пын̀ ко́торы̄ бы́лн мⷭ́учнмын̀ ѡ̑ до́уховь неуїсты̄. и̂ оу̑здра́венн бы́лн.

Ст. 9. П. рекль П. звѣдоую П. зло П. албо ст. 10. П. поглⷭ́дѣвши П. рекль чл҃кови П. а П. пропущено: сѧ П. дроугаа ст. 11 П. А они ст. 12. П. днохь П. молитвѣ ст. 13. П. А П. и (пропускъ Л.) ст. 14. П. котораго зваль П. андреѧ П. и П. вальѳоромеѧ ст. 15. П. прозвищемь П. зплота П. іоудоу П. то П. продатель ст. 17. П. А П. изшо(д)ши н. згоры П. ровномь мѣсцѣ П. оучениковь П. всеѧ П. іюдеѧ и П. поморіа П. тирьскаѧ П. сидоньскаѧ ст. 18. П. слышали П. а П. оуздравлени бывали,

19. и҆ оу҆ве҆ наро҃ хотѣ҆ абы́ сѧ є҆дно до҃кноу́ли є҆го̀. бо̑ та́коваѧ̀ си́ла ѿ него̀ выхо҃ла, ко́тораѧ̀ вс҃ѣ оу҆здоро́влѧла. ко҃. ч҃е.

20. и҆ ѡ҆́нь позрѣвши ѡ҆чима своими на́ оу҆чн҃кы своѧ̀ и҆ ре҃. бл҃жни ни́щїи̇, бо̑ ваше є҆ цр҃тво бж҃їе̇. бл҃жни а҆лчѫще нн҃ѣ бо̑ на́сыщени̇ бѫ́дете.

21. бл҃жени пла́чѫщеи̇ нн҃ѣ, бо̑ сѧ смѣѧ̑ти бѫ́дете.

22. бж҃ни є҆сте, ко́ли ва҃ лю҃ ненави́дити боудѫ҃. и҆ ро҃ло́чѧ и҆ посоро́мотѧ и҆мѧ ва́ше. ꙗ҆ко бы з҆ло ра́ди сн҃а чл҃ч҃каго̀.

23. ра҃ѹи̇те҃ и҆ ве́селите҃ ꙗ҆ко мз҃а ва́ша мно̑га на нб҃сѣхь. (л. 135 об.) (в п҃не. г҃ не. ре҃ г҃ь, къ́ пришє҃ши҃ ќнемоу і҆ю̑деѡ̑мь, бѣ́да ва҃ богаты҃) ко҃. пѧ҃. и҆ пр҃пбны҃. та҃же бо̑ чи́нювали, и҆ пр҃рко҃ ѿц҃ве и҃

24. Ѡ бѣ́да ва҃ бо́гаты҃, и҆же ѿстои́те оу҆тѣ́шенїѧ̀ ва́шего̀.

25. го́ре ва҃ насы́щенїи̇ нн҃ѣ, бо̑ бѫ́дете а҆лка́ти. го́ре ва҃ смиѫ̑щи҃сѧ нн҃ѣ, бо̑ ры́дати̇ и҆ пла́кати̇ бѫ́дете.

26. го́ре ва҃ ко́ли ва҃ хва́лити бѫ́дѫ лю҃ е҃. та́ко бо̑ чине́вали̇ ѡ҆ц҃еве и҃ пр҃рко҃.

27. а҆ми́нь гл҃ѧ ва҃, лю́бѣте вра́гы ва́шѧ, и҆ до́бро тво́рите ко́торыи̇ ва҃ нена́видѧ҃.

Ст. 19. П. таковаа П. оуздоровѧла ст. 20. П. А П. своима П. такь рекль П. бл(с)вени П. алчоущеи ст. 21. П. бл(с)вени П. смѣати ст. 22. П. бл(с)вени П. люде П. ненавидѣти П. розлоучать П. длѧ ст. 23. П. *втоть то днь* (пропускъ въ Л.) П. и веселѣтесѧ П. бо то (ест) заплата П. великаа на нбси П. чиновали ст. 24. П. *далеко* (пропускъ въ Л.) ст. 25. П. бѣда П. бѣда П. смѣющимсѧ П. рыдаете а ст. 26. П. бѣда П. люде П. такь П. чиновали П. пр҃ркамь ст. 27. П. але вамь мовлю которыи слышите П. ворогы П. ваша П. *або непріятелѣ* (пропускъ въ Л.) П. чинѣте П. добре тымь.

28. бл҃вте ты҃ ко́торыѝ ва҃ кла́сти бꙋдѫ҃. и҆ мл҃нте ꙁа ты҃, кото́рыѝ ва҃ ꙁло́сти творѧ҃.

29. и҆ кто те́бе оу҆дари҃ ли в ла́нитѫ є҆д́но. на́ставь̀ є҆моу и҆ дрѫ́гоє. и҆ то́моу̀ ко́торыѝ в те́бе ѿи҆мае҃ ри́ꙁѫ, не бра́ни є҆моу̀ и҆ сра́чицы.

30. и҆ каждомоу̀ кто̂ бӹ ѡ҆ што те́бе про́силь даи̇̀. а҆ ѿ того кото́рыи̇ бӹ твои̇̀ рѣ́чи побра́ль не́ вы́тѧгаи̇̀. ко҃. пн҃е.

31. ^И ꙗ҆ко҃ вы́ хо́щете да́ творѧ҃ ва҃ чл҃цы, и҆ вӹ и҆мь та́кожде тво́рите.

32. и҆ є҆сли бӹ є҆сте лю́били ты҃, ко́торыи̇̀ ты҃ ва҃ любѧ҃, и҆ ꙗ҆кꙋю҃ боу́дете и҆мѣ́ти мл҃ть. бо̂ и҆ грѣ́ (н҃е. в҃. р҃е гь҃, ꙗко҃ хо́щете да́ творѧ҃) (л. 136) ши́ницы любѧ҃ ты҃, ко́торыи̇̀ и҃ любѧ҃.

33. и҆ є҆сли бѫ́дете до́бро твори́ти ты҃, ко́торыи̇̀ ты҃ ва҃ добро творѧ҃. што҃ ꙁа до́брота въ в҃а є҃, бо̂ ꙁа́правды грѣ́шьницы та҃же҃ тво́рѧ҃.

34. а҆ще в́ꙁаємь да́єте ты҃, в́ко́торыхь чаєшь вꙁѧ́ти. ш́то ꙁа́ добро҃ ва́ша є҃. бо̂ и҆ грѣ́шници тако҃де грѣ́шнико҃ вꙁає҃ даю҃. и҆ бѫ́дете ли поꙁы́чати ты҃, ѿ ко́торы҃ надѣ́єтесѧ вꙁѧ́ти ꙁа́ сь, што҃ ва҃ ꙁа до́брот є҃.

Ст. 28. П. бл(с)вѣте и П. клѧти П. вырѧжають ст. 29. П. а П. влице П. едино П. а П. соукьманоу П. борони П. сорочьки ст. 31 П. ꙗкь же П. абы вамь чинили люде П. такьже П. чинѣте ст. 32. П. а П. бысте П. мѣти ст. 33. П. а П. добрѣ П. чинити П. добре чинѧть П. оу П. грѣшници П. чинѧть ст. 34. П. а если П. надѣетесѧ П. а боудете П. сѧ надѣете

35. прото̀ вы̀ мнлоу́йте вра́гы ва́ша и̂ до́бро тво́рите и̂ взаи̂ дава́йте. ничто́же ѹаю́ще и́зѧтн. бж̀дѣ мзⷣ ва́ша мно́га, и̂ бж̀дете сы́не вы́шняго̀ и́сн. а̂ко и̂ тъ̀ доброⷭлнвь е̂ с недо́бротлнвы̀ и̂ злы̀.

36. прото̀ бл̀те мⷣрдьнн, а̂ко ѿцъ ва́шь мⷣрдь е̂. ко̀. и̂ е.

37 Не ѿсж̀да́йте, не о́сж̀ени́ бж̀дете. и̂ сж̀дѣ́ите, и̂ несж̀да́ и̂. ѿпѹщаи́те, и̂ и̂ ѿпоу́щено боу́дѣ́.

38. дава́йте, и̂ и̂ ты̀ да́но бж̀дѣ́. ме́роу до́броу, плъ́ноу и̂ на́топта́ноу̀, и̂ по́трⷭсеноу̀, и̂ѕ връ́хо̀ о́плⷭвнсты̀ да́доуть на лоно ва́ше. тою̀ бо̀ ме́рою̀ (к҃т҃о. т҃. и̂ е. р҃ т҃ь, не ѿ сж̀да́йте не) (л. 136 об.) е́ю̀ ме́рите, и̂ и̂ о́ме́ре́но бж̀дѣ́.

39. повѣ́дль и̂мь та́ковымн̀ по̀ бенствы. рекж̀ун, і̂ а̂ко мо́ж̀е сле́пець сле́пьца во́днтн, ци́ не ѿба́ лн въ а̂моу̀ въпадоу̀. не е̂ ты̀ оу̀ѹи́кь на̀ оу̀ѹтле̂. боу́дѣ́ наоу̀ѹѐ ко̀дыѝ, боу̀дете лн а̂ко оу̀ѹтль е̂го.

40. и̂ ко́лн ви́дншь сж̀ѹець въ о́цн бра́та тво́е̂го̀, а̂ бе́рнва кото́рое е̂ въ о́цн твое̂ не ѹю́е̂шь.

41. и̂ а̂кь мо́жешн рецн бра́тоу твое̂моу̀, бра́те, стоу̀н нехан̀ выи̂моу̀ сж̀ѹе́ць и̂ѕь о́ка́ твое̂го̀. и̂ са̂ па̂, въ о́кж твое̂мь бе́нва не вн̀ ш҃ь. лнцемѣ́ре выи̂мн ѐпѐе бе́нво и̂ѕ о́ка твое̂го̀. и̂ тогы̀ боу́дешн вн̀ тн вына́тн сж̀ѹець и̂ѕь о́ка бра́та твое̂го̀.

Ст. 35. П. неприꙗтели ваши ꙗ. чинѣте ꙗ. позычаите ꙗ. ничого сѧ П. *оттоля* (пропускъ въ Л.) П. не надѣючи П. и П. заплата П. сны П. П. вышнѧго П. ꙗкь же П. тои П. добротливыи П. коу ст. 37. П. абы есте не были осуждени П. и *не* соудѣте П. *а* и ст. 38. П. а польноу П. потрѧсеноую П. верхомь П. опловитымь П. которою ст. 39. П. повидѣль П. подобеньствы ст. 40. П. боуде ст. 41. П. але чемоу П. оу в оцѣ П. берьвна П. окоу П. чоуешь

43. не є҆ до́броѐ дре́во ко́тороѐ роди҃ ꙁлыѝ пл҃о. и҆ не є҆ дре́во ꙁлоѐ, ко́тороѐ роди҃ пл҃о до́брыѝ.

44. в́сѧко бо̂ дре́во ѿ пло́да своє̂го́ поꙁна́но бѫ́де҃. не ѿ тръ́нїѧ̀ бо̂ и҆ꙁбираю҃ смо́квы. и҆ ни́ с кѫ́пинны и҆ꙁбираю҃ гроꙁ҃нѧ̀.

45. до́брыѝ чл҃кь, ѿ до́брого̀ съ́кро́вища ср҃ца своє̂го̀ вы́носи҃ доброѐ. а҆ ꙁлыѝ чл҃кь, та҃же ѿ ꙁло́го съ́кровища ср҃ца своє̂го̀, (л. 137) (вс҃рѣ. г҃ н҃е. ре҃ гь҃ дл҃ѧ чего̀ мѧ̀ н҃авы) вы́носи҃ ꙁлоѐ. ѿ и҆ꙁбы҃ко́вь ср҃ца, и҆ оу҆ста є҆го гл҃ю҃. ко҃. вто҃.

46. И҆ длѧ́ чего҃—мѧ̀ наꙁы́ваєте, гн҃, гн҃. и҆ недѣ́лаєте то́го, ш҆то ꙗ҆ ва҃ по́вели́ваю̀.

47. ка҃дыѝ ко́торыѝ при́ходи҃ къ́ мнѣ̂, и҆ слы́ши҃ сло́ва моѝ, и҆ дѣ́лає҃. гл҃ю ва҃ ко́моу̀ є҆ по҃бень, по҃бень є҆ чл҃коу то́мꙋ ко́торыѝ ꙁбоу҃ва́ль до҃ своѝ глоу́боко в́копа́ль, и҆ по́ложиль о҆́сновѫ́ на́ ка́мени. и҆ ко́ли ста́ласѧ пово҃, и҆ прїбыла рѣ́ка, и҆ ѿпе́рласѧ до́мови томоу̀, и҆ не мо́гла є҆го пороу́шити. про́то и҆́же є҆ о҆́снова҃ на́ каме́ни.

49. и҆ кто па҃ слы́ши҃, а҆ не́ чини҃. по҃бень є҆ чл҃кꙋ то́моу, кото́рыѝ ꙁбѫ҃ва́ль до҃ своѝ на ꙁе҃ли беꙁ фоу҃ме́нтоу, на́ которыѝ то̂ припе́рла рѣ́ка, і҆ а҆́бїѐ ꙁвръ́нѫлсѧ є҆. оу҆чинилосѧ о҆но́го то̂ домоу вели́коѐ паденїѐ.

Ст. 42 П. албо П. речи П. зь П. а самь П. берьвна П. лицемѣрниче П. глосса: „о глоупыи чл҃че“ П. берьвно П. зь П. боудешь П. видѣти П. вынѩть П. зь Ст. 44. П. всѧкое П. трънѧ П. глосса: „фикги“ П. а П. скоупины П. гроздіа Ст. 45. П. скровища П. мовѧть Ст. 46. П. чого П. а П. ѧ П. повелѣваю Ст. 47. П. *ихь* (пропускъ въ Л.) П. повѣмь П. чемоу Ст. 48. П. чл҃кови П. *иже* (пропускъ въ Л.) ст. 49. П. а П. а чл҃кови П. безь П. *коли* (пропускъ въ Л.) П. и борзо сѩ е(ст) зверноуль и П. паден ѧ.

Глава VII. ѕлу. кѳ.

1. и̂ ко́ли доконча́лъ всѣ́ сло́вы свои̑ въ слу́хъ лю́дєи̑, и̂ въ́шє̑ до́ капєрна́ума. кѳ. ср̑т́

2. Сътни́ковѝ нѣ́коємоу̀ слоу́га бы́лъ немо́щенъ вєлмѝ, и̂ хотѣ́лъ оу̀мрѣ́тѝ, ко́тораго̀ то ѡ̑ лю́бѝлъ вєлмѝ.

3. и̂ ко́ли оу̀слы́ (сѫ̑. ѥ. вѳ̑ ѡ̑, вшѳ̑ їс̑ до́ капєна́оу̀ма, сотни́коу нѣкоємоу̀ ра́бъ є̂го) (л. 137 об.) ша̑ ѡ̑ їсѣ. по́сла̑ кнемоу̀ стар̑шїѝ и̂ жи́довъ, проса́ѵи є̂го̀ а̑бы̑ при́шолъ и̂ оу̀здо́ровилъ ра́ба є̂го̀.

4. и̂ ѡ̑ни́ при́шє̑ши къ їсвѣ, про́сили є̂го̀ вєлмѝ. мо́ваѵи го́дєнъ ѥ̑ то́тъ, а̑бы̑ є̂сн тоѥ̀ дла́ него̀ оу̀ѵини́лъ.

5. бо̑ лю́бѝ наро̀ на́шь, и̂ и̂зборище тъ̀ ѕбѫ̑ва́лъ на̑.

6. тогы̑ їс̑ шѳ̑ съ̀ ни́ми, и̂ ко́ли недалєко́ бы́лъ ѡ̑ до́моу̀. по́сла́лъ противь него̀ съ̀ти́нкъ, дроу́гыи̑ прна̑тє̑ ре́коуѵи є̂моу̀. гн̑, нє троу̑ ся, бо̑ нє ѥ̑ є̂смь годи̑, а̑бы̑ є̂сн въ́шолъ по̑ по́кровь мои̑.

7. и̂ прото̑ є̂смь и̂ сєбє ѕа́ него̀ є̂дно́го̀ поло́жилъ, а̑бы̑ при́шѳ̑ ктѣ́бѣ. а̑лє ре́ци слово́мь боу́детъ оу̀здо́ровлє̑ слоу́га мои̑.

8. бо̑ а̑ є̂смь ѵла̑кь по̑ влада́ствѳ̑ оу̀ѵинє́ныи̑, и̂ маю̀ по̑ со́бою̀ вои́ны. и̂ ре́коу̀ є̂дно́моу̀ пои̑дн та̑, и̂ ѡ̑ и̂дѥ̑. и̂ дроу́гомоу̀ прїи̑дн, и̂ прїи̑дѥ̑. и̂ слоу́зѣ моє́моу̀ оу̀ѵини тѳ̑, и̂ ѡ̑ оу̀ѵинн̑.

Глава VII. Ст. 1. А П. оу слы(х) П. вшоль Ст. 2. П. *пакь* (пропускъ въ Л.) П. нѣкомоу П. оумерети Ст. 3. П. а коли П. жь жидовь П. слоужебьника Ст. 4. П. а П. пришо(д)ши П. ко їсви П. дла Ст. 5. П. тои Ст. 6. П. а П. сотьникъ П. приятель П. недостаетъ: „емоу“ Ст. 7. П. него(д)ного П. и П. ктобѣ П. и (пропускъ въ Л.) Ст. 8. П. бо и П. пропущено: и П. иди (=поиди Л.) П. а П. а П. а слоужбникови П. тото П. а онь.

9. ѹслы́шавшiи то҃ і҃с҃, и̂ дивовалнсѧ е̂моу̑. и̂ о҃бе́рноувшнсѧ къ́ на́родоу̑ і҃с҃, къ́торы̀ то҃ зѣ́ нѝ шо́ль ре́, то́е вамь по́вѣ́даю, и̂же та́ковоѝ вѣ́ (л. 138) (не̂. т҃. в҃ъ ѡ҃, въ́ нндє і҃с҃ въ́ гра҃ на́рнцаемыѝ наи̂нъ и̂ оу̑ѵи̑цы е̂го сн̑) ры ни́ ме́жи жа҃нымн̀ е̂смн (не) на́шоль.

10. и̂ ко́лн сѧ вернолн̀ до до́моу̑ тын̀ ко́торыѝ бы́лн посланн, и̂ на́шлн ѡно́го҃ то҃ не́моу̑ного оу̑здоро́влена. К҃о҃. с҃ж.

11. ¨И по́томь, въ́ндє въ гра҃ на́рнцаемыѝ наи̂нъ. и̂ сни́мь оу̑ѵи̑цы е̂го҃ мно̂sн, и̂ наро҃ мно̂гь.

12. и̂ колн҃ ю҃ приближнль, до́ вра҃ гра́довы҃, въ́ тон҃ ѵа҃ несе́но мр҃тваго҃ ко́торын̀ е̂дн҃ бы́ль сн̑ъ́ вмр҃е свое̂ѝ, и̂ та́ бы́ла вдо́ва. и̂ наро҃ и̂з гра́да вели́кь sѣло҃ прише́ снею.

13. и̂ оу̑зрѣ́вшн е̂и̑ г҃ъ и̂ оу̑мл҃дндсѧ на҃ нею, и̂ р҃е е̂и̑ не плаѵи.

14. и̂ прнстоу́вшн прнкоснѫ́сѧ ѡ҃дроу̑; тыи̑ па҃ которы̀ мр҃тваго҃ несли, ста́лн и̂ р҃е младе҃цю тебѣ̀ гл҃ю въ́стани.

15. и̂ сѣ́ль мт҃вын̀ и̂ на҃ гл҃тн. и̂ да҃ е̂го҃ і҃с҃ мр҃н е̂го҃.

16. и̂ оу̑ стра́шнлн̑ вси слава́ще ба҃, и̂ гл҃ще, ꙗ҃ко пр҃ро́кь ве́лїѝ въ́ста во на҃, и̂ помн́лова бг҃ь лю҃ своѝ к҃о҃. и̂ є.

Ст. 9. П. тое П. и дивовальсѧ П. пропущено: *и* і҃с҃ П. кторы (и) П. рекль: П. то П. таковое П. жиды Ст. 10. П *а* коли П. сѧ П. *слоугоу* (недостаетъ въ Л.) Ст. 11. П. *было пакь* В. *сталосѧ* (не достаетъ въ Л.) П.В. шол і҃с҃ до мѣста прозвищемь В. шъ(л) В. наина П.В. барзо великыи Ст. 12. П. кворотомь мѣсцькымь В. коу вроτо(м) мѣстьскымъ П.В. то едно единь П. таѧ П.В. з мѣста барзо великы шоль П. знею В. снею Ст. 13. П. змиловалсѧ П. и рекль В. оуз(д)ривши Ст. 14. П.В. дотькноульсѧ одра П. глосса: „*мары*“ В. глосса: *ма(р)* В. которіи П.В. мертвого П. и рекль П.В. младенче тобѣ мовлю В. моло(д)че П.В. встань Ст. 15. П.В. почаль мовити П.В. идаль Ст. 16. П. всѣ и П.В. славили П.В. рекоучи П. и ѩк П. великы П.В. повьсталь межи нами П. людіи своихь В. людеи свои(х).

17. ⁷И по́шолО тоѐ сло́во, въ́ всеѝ і҃удеѝ ѡ̃ не́мь, и̂ въ вс҃ѣ́ кра́и҃на҃,

18. и̂ повѣ́дали і҃ѡа́и҃нови оу҃ч҃ницы е̂го̀ ѡ̃ вс҃ѣ́ сѝхъ. прѝ- (в҃у҃е. т҃. и҃е. въ҃ ѡ̃, ѻ̃ і҃с҃ѣ тоѐ сло́во по всеѝ. с҃е и̂ на ѻ̃брѣтенїѐ у҃тныа̀ гла҃) (л. 138 об.) ꙁва́вши два нѣ́кїа̀ ѡ̃ оу҃ч҃нкь свои҃ і҃ѡа́и҃нь.

19. по́сла и҃ къ́ і҃сви, гл҃ю́ще, ты̀ ли е̂си прѝше́лець, и̂ли и̂на́го ꙗ́е̂мь.

20. и̂ прише́ши къ́ немоу̀ ѡ̃ни҃ моу́жи гл҃а́; і҃ѡа́и҃нь кр҃титель по́сла на҃ къ тѣ́кѣ гл҃ѧи, а҃ще ты̀ е̂сї прїи́̀ти и̂ма́еши, и̂ли и̂на́го ꙗ́е̂мь.

21. и̂ в҃тоѝ ꙗ҃ мно́гы҃ и̂сцѣ́ли ѡ̃ немо́ще҃ и̂ р҃а҃ и̂ ѡ̃ доу́- ховь не́ѹ҃стыѣ҃. и̂ слѣ́пымь дарова́ прозрѣти.

22. и̂ ѡ̃повѣ́да і҃с҃ ре́ѹе и̂мь, пои̂де́тє и̂ гл҃а́тє і҃ѡа́и҃новѣ, ш҃то е̂стє ви́дали и̂ слы́шалѝ. и҃ слѣ́пїѝ про́ꙁрѧю҃, хро́мїѝ хо- дѧ҃ про́каженїѝ ѡ̃ч҃ищаю҃ся. и̂ глоу́сїѝ слы́ша҃, мр҃твїѝ воста́ю҃, ни́щїѝ бл҃говѣ́ствм҃ю҃.

Ст. 17. П. ажь по В. а(ж) и по В. і*ю*деи П.В. по всѣхъ оукраина(х) Ст. 18. П.В. оученици П. нѣ҂кыи В. не҂кіи П. зь оучьнькь В. из оучнковь Ст. 19. П.В. послаль П.В. рекоучиП.В. оныи который бы то пріити мѣль (= пришлець Л.) П.В. чи ли П. иного В. іного П.В. ожидаемь Ст. 20. П. а пришо(д)ши П.В. оныи то П.В. моужеве П.В. рекли П.В. пр҃исласль П.В. ктобѣ П. мовѧчи П.В. если П.В. *который* (въ Л. отсутствуетъ) П. маешь В. мѣль П.В. иного П.В. ожидаемь Ст. 21. П.В. а в тоть П.В. оуздоровиль П. от немочіи В. немоцій П.В. и доуховь злыхь П.В. а и слѣпы(м) П.В. *многымь* (недостаетъ въ Л.) П. дароваль П.В. иже прозрѣли (= прозрѣти Л.) Ст. 22. В. и отповѣдивши і҃с҃ рекль П. отповидѣвьши П.В. а повѣдаите П.В. іоаннови П.В. видѣли П.В. иже П.В. слѣпыи П.В. хромы(и) П.В. троудоватыи чистыми бываютъ В. трѫдоватыи П. и м҃ртвыи П. *змр҃твы(х)* (отсутствуетъ въ В.Л.) П.В. встаютъ П.В. а оубозіи пріимаю(т) ев҃(г)лію (=блгоовѣствѫю(т) Л.) В. ев҃(г)іе.

23. кѧжнъ є҃ и҃же не́ съ́бл҃ѧнѝсѧ ѡ҃ мнѣ.

24. и҃ ѧ҆ко оу҆ч҃ѝцн і҆ѡ҃а́нновы ѡ҃нѝшлн; нач҃а гл҃тн къ́ на́родꙋ҃ о҃ і҆ѡ҃а́нѣ. ч҃е́го е҆́сте прн҃лн внднтн въ поу́стынн, тро́ст лн вѣтромь ко́лнблємоу҆.

25. и҃ ч҃то́ е҆́сте прїшлн внднтн чл҃ка лн, кото́рын бы́ль облач҃е́нь въ́ дрлгоє ѡ҃дѣ́ннѣ. ты҃ кото́рын въ́ дрлгомь о҃дѣ́нїи и҃ вро(л. 132)скошн жнвѫ҃ въ́ домѣ҃ ц҃рьскы҃.

26. и҃ ч҃е́со е҆́сте вы́шлн внднтн, пр҃рка лн. а҆мн́нь гл҃ю ва҃, и҃ влъ́шєн пр҃рка.

27. то҃ є҃ о҃ кото́ро҃ то є҃ писа́но, і҆ а҆зъ посы́лаю а҆г҃гла моє́го҆ прѣ҃ лн́цемъ твон҃ и҃же оу҆гото́внть поу́ть твон҃ прѣ҃ то́бою҆.

28. а҆мнн҃ гл҃ю ва҃, не повѣ́сталь же́намн рожде́ный пр҃рковь, на҃ і҆ѡ҃а́на кр҃тнтелл не є҃ жа҃ного҆. мн҃ншїн же ѡ҃ него҆, и҃ въ́ ц҃рт҃вїн бж҃н влъ́шїн ѡ҃ него҆ є҃.

Ст. 23. П.В. бл(с)вень П.В. то(т) который (=Л. иже) П. сѧ не сблазнить В. съблазни(т) Ст. 24. П.В. а коли П. іоаннови В. іоановы П.В. почаль мовити В. о іоан*і* П.В. чого П. вышли В. выишли П. видѣти П.В. тростиноу ли П.В. котораа то от вѣтра П. колѣбле(т)сѧ В. коліблетсѧ Ст. 25. П.В. и чого жь П. вышьли видѣти В. выишлі ви(ди)ті П. которыи *бы* П. оболочень В. оболчень П.В. в дорогое П. одѣнѧ В. одѣѧніе П. тыи П.В. Л в дорого(м) П. одѣню В. одѣнію П. В. при дворѣ црьско(м) Ст. 26. П.В. албо чого П. видѣти П.В. правдоу повѣдаю П.В. вамъ П.В. и болше П.В. нижли Ст. 27. П.В. тоть *то* П.В. а и ѧ П. пере(д) В. пре(д) П.В. иже бы нарѧдиль В. пѫ(т) Ст. 28. П.В. заправды ва(м) повѣдаю В. повѣдаю ва(м) П.В. иже болшего с тыхь которыи сѧ от жен родили (=Л. не повсталь женами рожденый) П. меншіи В. меньшіи П. але в црьствіи В. а въ црствіи П. болшіи В. большіи.

29. тогда всѝ людіѐ слы́шавшіи то, и̂ мы̑тники. слáвили бá, и̂ крⷭ̑тилсѧ крⷭ̑щенїѐмь і̂ѡа̑нновы̑.

30. фарисеи́ и̂ зако́нооученіѐ съ́вѣтъ бж̑іѝ ѿврⷴ́гли ѿ сє́бе, не́ крⷭ̑тилсѧ ѿ него̀. к҃о҃. у҃є҃. і̂ѡа̑нѕ.

31. Ко́мꙋ по҃бенъ ро҃ съ̀, и̂ ко́мꙋ сі̑ по҃бны.

32. по҃бны сі̑ дѣ́тє҃ снда́щи̑ на́ тръ́жищє҃, и̂ въ҃ гла́шающіи дрꙋ́ꙋ дрꙋгꙋ гл҃щи̑. пискаху҃ ва̑ и̂ не плáсастє. пла́каху҃ ва́мь и̂ не ры́дастє̀.

33. при́шелъ бо҃ і̂ѡа́нъ крⷭ̑титєль не ꙗ̑дыѝ и̂ ни́ пѝ, и̂ вы̀ гл҃тє, и̑ бѣ́са и̂ма̑.

34. при́шо҃ же сы̑ъ́ ч҃ловѣ́кыѝ ꙗ̑ды̀ (в п҃м. є҃. и̑є. р҃є҃ть, ко́мꙋ оу҃п҃блю ро҃ сєѝ.) (л. 139 об.) (в п҃и̑є. д҃. и̑є. в҃ъ ѿ, просѝ і̂сꙋ нѣкіѝ сѣ̑. сто҃ѥ̀вхи̑ѝ. і̂ю҃. а҃і́.) и̂ пїа̀ и̂ вы̀ гл҃тє, съ̀ ч҃лкъ, ꙗ̑ца и̑ винопїи̑ца, дроу́гъ мы̑нникѡ҃ и̂ грѣ́ши̑никѡ҃.

Ст. 29. П.В. тогды П.В. всѣ П.В. глосса: „ꙗвно грѣшници“ П. величали В. величілі Ст. 30. П.В. а фарисее П. законооучителіе В. законо оучітеліе В. съвѣ(т) отвергли Ст. 31. П.В. приподобны люде рода сего П.В. и чому Ст. 32. П.В. которыи то сѣдають П. на тръго(х) В. на торго(х) П.В. прикликаючи(м) П.В. и мовꙗчи(м) П.В. пискали есмо П.В. а вы есте не плꙗсали П.В. нарѣкали есмо пере(д) вами П.В. а вы есте не плакали *(См. Матѳея гл. XI, ст. 17)* Ст. 33. П. *не* ꙗдаючи *хлѣба* (отсутствуетъ въ Л.) В. не ꙗдꙗчи П. а не пиваль В. а ні пива(л) П.В. *вина* (— отсутствуетъ въ Л.) П.В. а вы мовите П.В. иже П. имаеть В. мае(т) Ст. 34. П. пришель П.В. и сн҃ь П.В. который то ꙗсть и піеть П.В. а вы мовите П.В. сей П.В. товарищь.

35. и̂ сътво́рена є̂ мр҃о̂ и̂стина ѿ всѣ́ сн҃ъ н҃. к҃о. п҃л.

36. Про́силь є̂го́ нѣ́кіи ѿ фа́рисеи̂, а̂бы а̏ль с нн҃. и̂ въ́шн҃шин въ́ до́мь фа́рисеѡ̂вь,

37. и̂ же́на нѣ́кам҃ бы҃ въ́ гра́дѣ то́ грѣ́ш'ница. і̂ к҃а̂ же ся довѣ́дала и̂же въ́ домо́ фа́рисеѡ̂вомь, принесла а̂лава́стрь мі́ра.

38. и̂ ста́вшин съ́зад҃ плаю́щи и̂ нау҃а̂ ѡ̑мыва́ти но́сѣ є̂го́, и̂ вла́сы гла́вы своє́а̂ ѡ̑тира́ти. и̂ лоб'заю̂щє но́сѣ є̂го́ помаза́ мро́мь.

39. оу̏вндне́шин фа́рисеи̂ по́мыслн в̀ себѣ̀ и̂ рече́, а̂ще бы҃ бы҃ пр҃ркь, вѣ́дась бы҃ кто́ є̂́, и̂ ѩкова же́на грѣ́ш'ница є̂́.

40. ѿповѣ́дль' і҃с҃ рє̂́ є̂моу̏, сі́моне маю̀ не́уто тѣ́бѣ повѣ́дити. и̂ ѡ̂нь рє̂́ є̂мѫ̀ оу̏у҃тлю повѣ̀,

---

Ст. 35. П. и оусправедьливена В. оусправе(д)ливенна П.В. пропущено слово: „*истина*“ Ст. 36. П.В. *пакь* (отсутствуетъ въ Л.)П. нѣѩкы В. нѣѧкіи П. зь П. изь фарисеовь П.В. абы *иль* (sic!) П. и вшо(д)ши В. въшедші П.В. *сѣль коу столови* (отсутствуетъ въ Л.) Ст. 37. П.В. а жена П.В. котораѧ жь была в(ъ) мѣстѣ В. въ мѣсті П.В. *сѣль за столь* (отсутствуетъ въ Л.) П. *масти склѧницу* (отсутствуетъ въ Л.) В. глосса: „*масті стьклѧніцю*“ В. алавастрь міра. Ст. 38. П.В. а ставши П.В. изъ задоу П. подле ногь его В подле него П.В. плачоучи почала П.В. *слезами* (пропущено въ Л.) П.В. ногы П. и волосы В. власы П.В. своеи П.В. и цѣловавшы ногы П.В. помазовала Ст. 39. П. оувидѣвши то В. оувідивши то П.В. *ононь который в домь свои просиль его* П.В. помыслиль *самь* (слово: *самь* – пропущено въ Л..) П.В. в собѣ П.В. рекоучи П.В. если бы П.В. быль *то* П.В. *заправды* (пропущено въ Л.) П.В. кто и ѩкаѧ е(ст) П.В. *котораѧ сѧ его дотыкаеть-бо* П.В. есть грѣшна Ст. 40. П. отповидѣль П.В. *рекль* П.В. тобѣ нѣшто П. повидѣти В. повѣдити П.В. а онь П.В. рекль.

41. и̑ і҃с̑ па́кы рⷮ҃, два̑ длъ́жника бѣ́ста, нѣ̑коемоу̑ за-и̑модавцⷢ. е̑дⷩ бѣ̀ долженъ пⷯсоть динарен̀. и̑ дроу́гыѝ пⷯдесⷯ.

42. и̑ не и̑ма́ше что̀ въ҃затн е̑моу̑, о҃бѣ́ма ѡ҃поу́(л. 140)стн. повѣ́ мн, кїѝ с нⷩ бола́шен̀ лю́бнль е̑го̀.

43. ѡ҃повѣ́дль снмо҃ и̑ рⷮ҃, на́дѣюсл нⷪ то҃ которомⷪ то̀ блъ́ше ѡ҃поу́стнль, и̑ ѡ̑нь рⷮ҃ е̑мⷪ пра́во сⷪ́дль е̑сн̀.

44. и̑ ѡ҃враще́сл к̀ женѣ, рⷮ҃ снмо́новн, вⷩ҃шлн тоую̀ же́ноу̑. въ҃шель е̑смь въ до҃ твон̀, не да̑ мн е̑сн во́ды на́ но́sѣ мон̀. и̑ сїа̑ же́на не́пре́станно сле́зами о҃ма́ка но́sн мон̀, и̑ вла́сы своимн̀ о҃тира́ше.

45. и̑ ни́ лобзанїа̑ мн е̑сн да́ль. и̑ сїа̑ же́на, ѩко е̑смь въ҃шель въ́ до҃ твон̀ не́ пре́станно цѣ́лова но́sн мон̀.

Ст. 41. П.В. и і҃с П.В. пакь П. рекль П.В. были бо два должники П.В. нѣѭкомоу П.В. чл҃коу П.В. *винны* (пропущено въ Л.) П.В. одинъ П.В. быль *винень* В. дінаріи П. грошей В. глосса „пⷯ(т)со(т) грошіи“ П. приписка: „динарей“ П. а дроугыи Ст. 42. П.В. не мѣли они чимъ бы то В. не имѣли П.В. емоу отдати П.В. отпоусти(л) П.В. которыи П. з ни(х) П.В. болше Ст. 43. П. отповидѣ(л) П.В. рекль П.В. иже П. болше В. болшеи П.В. рекль П.В. правдиве еси П. росьсоудиль В. разсⷪдиль Ст. 44. П.В. а оберьноувшисⷯ П. икь женѣ В. ко женѣ П.В. рекль П.В. *ты* (пропущено въ Л.) П. вшо(л) есми В. вошо(л) есми В. во до(м) П.В. не даль еси В. въды П. на ногы П. а таа В. а таⷯ П.В. недостаетъ слова: *непрестанно* П. омыла В. омывала П.В. ногы П.В. а волосы *головы* своеи отерла (пропущено слово: „*головы*“ въ Л.) Ст. 45. П. А ни поцѣловаль еси мене В. а ні поцелова(л) П.В. але таа П.В. недостаетъ слова: *жена* П.В. ѭкь есми П. вшоль В. въшо(л) П. не переставаючи В. не преставаючи П.В. цѣловала ногы.

46. ѥлеѡмь главы моеѧ не помазаꙗ, и сїѧ мро̃ помазаꙗ ногѕи мои. **47.** сего рад҃и глѧ тебѣ, ѡпоу҃ѡаю҃ѧ грѣхы мн̃огы е̃ѧ. бо мно̃го є̃ люблѧ. и ко̃т̃о̃мо҆ мало бывае̃ ѡпоу҃ѡено, то̃ м҃ѣше люб҃и. **48.** і҃с же р҃е ѥй, ѡпоу҃ѡены сѧ̃ тебѣ грѣхы твои. **49.** и тыи ко̃торыи с ни҃ сндѣлн, поуѧлн мыслнти сѧмн в҆ себѣ глще, кто̃ є̃ иже грѣхы ѡпоу҃ѡае̃. **50.** и рєуе҆ же҃нѣ, вѣра твоѧ сп̃сть тѧ̃ идн с мирѡ̃. к҃о̃ (л. 140 об.) (в҃т̃о. д҃. н҃е̃. в҃ъ ѡ̃, ходи̃ і҃с по гр҃ѧ̃) п҃н̃е. и̃ с҃т̃ѣи̃.

Глава VIII. (ѕ҃ѧ. ѧ̃д.)

1. "И было потѡ̃, и̃ ѡ̃ ходнль по̀ градѡ̃ и селе̃, проповѣдаѧ цр҃тво бж҃їе. и съ̀ нимь двана́десать а̃пл҃ь. **2.** и жены нѣкнѧ́, и̃же и̃сцѣлн ѡ̃ доу҃ неуи́сты́, и болѣнен. мр҃їа магдалы, с которо̀и̃ то было сѣмь бѣсовь вышло.

Ст. 46. П.В. олѣе(м) П. головы П.В. моеи П.В. не помазаль еси П.В. а таѧ В. муро(м) П.В. помастила ногы Ст. 47. П.В. и длѧ того жь повѣдаю тобѣ П.В. еи многыи грѣхи еи П.В. полюбила П.В. а В. отпущенно П.В. меншеи Ст. 48. П.В. и рекль П.В. тобѣ твои грѣхове Ст. 49. П.В. а тыи П.В. *посполоу* П. зни(м) В. сни(м) сѣділи П. седѣли П. в собѣ В. в събѣ П.В. рекоучи П.В. кто(ж) то В. грѣхи Ст. 50. П.В. и рекль П. твоа П. тебе избавлѧе ь В. тебе избавіла П. иди собѣ В. *иди събѣ* П. со миро(м).

Глава VIII. Ст. 1. П.В. по мѣстохь П. и по селѣхь В. по селе(х) П. проповѣдаючи В. проповѣдѫючі П. а и сни(м) П.В. отсутствуетъ слово: *апль* Ст. 2. П.В. нѣкоторыи которыи то были оуздоровлены В. кътоpіи П.В. от злы(х) дхо(в) П.В. и немочіи П.В. *названѧ* (пропущено въ Л.) П.В. магдалыни.

3. и҃ѡа҃ина же́на и҃ сѫса́инл, и҃ и҃ны́хъ мно́го, ко́торыи҃ слоу́жилѧ е҃моу҃ и҃зъ до́мовъ свои́хъ. к҃о҃. в҃т҃о.

4. и҃ разоу́мѣлъ то҃ мно́гыи҃ наро҃, ѿ всѣхъ гра́довъ прихо́дилѧ къ҃ немъ. Повѣ́дилъ и҃мъ при҃ѫ҃.

5. вы́шолъ расссѣва҃, сѣ҃ти сѣ́менн своего҃. и҃ ѩко҃ ра́сѣваль, е҃дїно па́ло при поу́ти и҃ пото҃пано бы҃ и҃ пти́ци нѣ́ныи҃ по́зобаша е҃.

6. и҃ дроу́гое҃ па́де на ка́менн, и҃ е҃зыше҃шн оу҃сьхло, не и҃мѣ́ше бо влаги.

7. трѣ́тее҃ па́де въ тръ́нїе҃, и҃ е҃зыде и҃ тръ́нїе҃ пода́вн е҃.

8. уе́тве҃тое҃ паде́ на до́броу҃ земли, и҃ въ҃зра́сте, и҃ сѣ҃творн пло҃ сто́рнцею҃. г҃ повѣ́даша гласо҃ г҃л҃а. и҃мѣ́ѩ оу҃ши слы́шати҃ да́ слы́шнть҃.

9. ¨Н оу҃ѵ҃ицы (а҃е҃ д҃. р҃е҃ г҃ѣ҃ прит҃ѵ҃ѳсїю. и҃ѯ҃ы и҃де҃ ѵ҃ѩкъ сѣ҃ти сѣ́менн своего҃.) (л. 141) его҃ пы́тали его҃, ѵто҃ е҃ прит҃ѵа сїѧ҃,

10. і҃с҃ ѿ(по)вѣ́дилъ р҃е҃ и҃мъ, ѩ҃ е҃сть да́но зна́ти таи҃ноу҃ ц҃рт҃вїѧ҃ б҃ж҃їѧ҃. и҃ны́мъ р҃е҃но (въ) прит҃ѵахъ, а҃бы҃ зрѧю҃ще не р҃аумѣ́ли, и҃ слы́шаще не разоу́мѣли.

11. сѧ҃ е҃ прит҃ѵа, сѣ́мл е҃сть сло́во б҃ж҃іе҃.

Ст. 3. П. жона П. врдника иродова В. врм(д)нікова иродова П. зъ имѣніи В. зъ имении В.глосса: *„або змае(т)ностіи“* Ст. 4. В. многій П.В. изо всѣхъ мѣсть П.В. повѣда(л) Ст. 5. розьсѣвачь В. россѣва(ч) П.В. а ѩкь южь розьсѣваль П.В. едно П.В. пропущено слово *„бы(ст)“* П. а и П.В. птицѣ нбные П.В. позобали Ст. 6. П.В. пало П.В. посхло П.В. для того иже не имало вольготности Ст. 7. П.В. пакь пало межи П. тернѧ В. терніе П.В. пропущены слова: *„взыде и трънie“* (это пропущено и въ В.) В. *въсполо(к) сни(м)* В. възросло П.В. и заглушило е Ст. 8. П. а П.В. пало П. вьзросло В. вросло П.В. а оучинило П.В. стокроть П.В. то повѣдивши П.В. вголось мовиль кто маеть П. коу слышаню В. кѫ слышанію нехаи Ст. 9. П.В. а П.В. штобы того за причина была Ст. 10. П.В. а онь отповидѣвьши рекль В. данно П.В. таемности П.В. бжіего П.В. а П.В. черезь причины П.В. вѣдаючи не вѣдали П.В. а слышачи П.В. розѫмѣли Ст. 11. П.В. есть того причина такова

12. и̂ тыѝ, и̂же сѫ̃ при по(у)тѝ кото́рыѝ слы́шѫ̃, пото̑ прихо́ди̃ дїа́волъ и̂ выи́ме̃ то̑ ѿ ср(д)ца ѝхъ, а̃бы̀ не бы́ли о(у)вѣ́рнѣвши и̂зба́вленїи.

13. а̃ и̂же на ка́менїи, то сѫ̃ и̂же слы́шавши сло́во, съ̀ радостїю̀ прїе́млю̑ е̃. а̂ле́ коре́нїи не и̂маю̑. бо̑ в ча̑ вѣ́рую̑, и̂ вча̑ в напа́сти впа́даю̑.

14 а̂ и̂же в тръ́нїѝ па́ло, ты̑ сѫ̃ и̂же слы́шали сло́во, да́ла тро́ски и̂ бо́гатества, и̂ ро́скоши се́го се́нними (sic!) бы́ваю̀ пода́вленїи. и̂ не́ могу̑ съ̀тво́рити пло́да.

15. и̂ то̑ што на́ добро́ѝ зе́мли, то̑ тыѝ сѫ̃, ко́торыѝ ка̑гы̀ пра́вы̀ ср(д)це́мь, слы́шавши сло́во держа̃ е̑го̀, и̂ пло́ды въ̀ тръ́пенїѝ принося̃. тое̑ повѣ́дивши в голо̑ гла́голѧ. и̂мѣ́ѝ (л. 141 об.) (с̃ж. s̃. ре̑ гл̃, никто̑ зе́ркалѣ̑ свѣтѝ) оу(ш)и слы́шатѝ, и̂ да́ слы́ши̃. К(ы)о. не̑ли.

16. Никто̑ зе́ркалѣ свѣщ̑ и̂ покры́ва̑ е̑ сосу̑до̑, и̂ли по́ставѝ е̑ѝ по̑ ѿдро̑, а̂ле на́ свѣщ̑нѝцѣ е̑ѝ по́ставля̑ѣть, а̂бы̀ тыѝ ко́торыѝ въ̀ходя̃ свѣтло̑ видя́ли.

Ст. 12. П.В. а тыи П.В. при дорозѣ П.В. выимоуеть П.В. зь их ср(д)ца П.В. збавлени Ст. 13. П.В. зрадостію П.В.пріимоуютъ П.В. корене П.В. имаю(т) П.В. на часъ П.В. а в часъ П.В. отпадають Ст. 14. П.В. *есть* (пропущено въ Л.) П.В. межи П. терна В. терніе П.В. тыи соу(т) которыи слышали (т. е. въ П.В. пропущено: *слово)* П.В. троски П. богатьства П.В. а роскоши П.В. оучинити Ст. 15 П.В. а П.В. добрымь ср(д)цемь а правдивымь П.В. оуслышавши П.В. и П. в терьпеніи П.В въ терніи П.В. мовиль П.В. кто маеть П. коу слышаню В. ку слышанію П.В. нехаи Ст. 16. П. зажогьши П. свѣчоу В. свѣчю П.В. накрываеть еи П.В. соудиною а ни тыжь не П. пропускъ: *еи* П.В. постѣлю П.В. свѣтильникоу П.В. и тыи П.В. свѣтло.

17. нѝтоже бо̀ е̑сть таѝно, щто бы̀ а̑вно бы̀ти не мѣ́ло. и̑ не́ скрыто, а̑бы по̑на́но не бы́ло, и̑ а̑внѐ сѧ не ѡ̑каза́ло.

18. про́то вы̀ разоу́мѣ̀йте, а̑ко слы́шите. бо̀ кто̀ ма̑ѐ то́мѹ жь боу́дѐ и̑ да́но. и̑ кто̀ не и̑ма̑ѐ, и̑ тоѥ̀ што сѧ мѣ́тїи на́дѣѐ, бѫ̀ть ѥ̀за́то ѿ него̀.

19. Тоѓда̀ прѝшли къ немоу̀ мтїи и̑ бра́тїа̀ его̀, и̑ не́ могли к не́моу̀ пристоу́пити мно̑жества ра̀ на́рода.

20. повѣ́дано е̑моу̀ глю̑ще, мт̀и твоѧ̀ и̑ бра́тїа̀ твоа̀ внѐ стоѧ̀, хо́тѧщѐ ви́дити тѧ̀.

21. і̑с ѿпове́да и̑ рѐ и̑мь, мт̀и моа̀ и̑ бра́тїа̀ моа̀, тыѝ сѫ̀ ко́торыѝ слы́шать сло́ва моѝ и̑ держа́ть и̑хъ. к҃о҃. с҃ѫ̀.

22. Ста́лосѧ па́кь въ е̑дну̀ дн҃ь, и̑же ѥ̀стоу́пиль ѥ̀ кора́бль и̑ оу̑чн҃ци (всрѣ́. Д. и̑є. ѥ̀ѣ ѿ, ста́лосѧ въ е̑ду̀ дн҃ь, въ́ нѝнде і̑с въкора́бль и̑ оу̑.) (л. 142) е̑го̀, и̑ рѐ к ни́мь пере́плынѣ́мо на ѿ по́ль мо́ра, и̑ по́плыли на́ водоу̀.

23. и̑ ко́ли плы́ноули то́го ѵа́сѳ оу̑сноу́ль і̑с, и̑ прѝшла боу́ра и̑ вѣ́тры на́ мо́ре, и̑ влъ́ны сѧ вла̑жю вли́вали. та́кь и̑же въ́ велико̀ стра́хоу̀ бы̀ли.

Ст. 17. П.В. не е(ст) бо ничого П.В. таиного В. ни скрытого Ст. 18. П. ꙗко П.В. пропущено: *и* В. данно П.В. а кто П.В. не маеть В. надіе(т) Ст. 19. П. длѧ можьности людеи В. людіи Ст. 20. П. и повидѣно В. повѣденно П.В. рекоучи П. твоѧ П.В. звноутрь П.В. и хотѧть П.В. абы сѧ с тобою видѣли Ст. 21. П.В. А онь П.В. отповидѣвши рекль имь П.В. братіѧ мои Ст. 22. П.В. в лодю П.В. и рекль П.В. на оноую стороноу озера Ст. 23. П.В. а коли П.В. быль оусноуль П.В. пропущено слово: *іс* П. боурѧ П.В. на озеро ажь П. волны В. вълны П. иже.

24. тогда пристоупившн нѣкыи рⷰ, оуутлю, оуунтелю, гагнкаⷭ. іⷭ въставшн гапрѣтн вѣтрⷭ, и влънениюⷭ вономоу, и прѣсталн, и авіѣ тишина быⷭ.

25. и рⷰ имь маловѣре где вѣра ваша, и они оустрашилнсѧ и дивовалнсѧ. и мовилн дроуⷭ дроугоу, и кто жь тоⷭ ⷭ, иже вѣтромь и водѣ прикаⷥетⷭ, и слоухаюⷭ его. кⷭ. срⷭ.

26. "И пришⷭшн до предѣлъ гадарискыⷭ которын сѧ гражгон стороны прямо галилеи.

27. и ако выстоупіль іⷭ ис корабла на гелю, срѣте его нѣкын улкь идоуун изъ града, которын же то мѣль бѣсы много лѣ. ни въ одѣаніе облъкіисѧ, ни въ храмехь живаше, нѫ въ гробехь.

28. и оузрѣвшн іⷭа ⷭъпиль и (иⷭє. ѕ. ⷭъ ѡ, пришⷭшн іⷭ до прⷭє) (л. 142 об.) паде прⷭе ниⷭ, и рⷰ гласⷭ велііимь, уто мнѣ и тебѣ іⷭе сіе ба навышшего. прошѫ тебе, абы есн не мѫунль мене.

Ст. 24. П.В. тогды П.В. *збоудили его* (опущено въ Л.) П.В. рекоучи П.В. а онь П.В. приказал' вѣтрови П. волнамь водьны(м) В. вълна(м) вдны(м) П.В. и перестали П.В. и борзо сѧ тихо оучинило В. барзо Ст. 25. П.В. и рекль П.В. пропущено слово: *маловѣре* П.В. гдѣ *есть* (послѣднее слово пропущено въ Л.) П.В. А они П.В. оустрашившисѧ П.В. пропущено: и П.В. единь ко дроугомоу П. и водѣ В. и вздѣ П. приказоуе Ст. 26. П.В. переехали до оукраины П.В. гадариньскои П.В. котораѧ есть П. строны П.В. напротивь Ст. 27. П.В. ѩкь южь П. пропущено: *іс* П. из лодѣ В. из лоды и П.В. стрѣтиль П. нѣѩкыи В. нѣѩкіи П.В. з мѣста П.В. маль П.В. а ни во П. одѣаніе П.В. не оболоковалсѧ П.В. а ни П.В. в домехь П. не мешкаль В. не мешковаль П. едно в гробохь В. едно въ гробохь Ст. 28. П.В. а оуздрѣвши П.В. закричаль. П.В. и паль пере(д) П. голосомь великымь рекль В. рекль голосом велики(м) П.В. што П.В. с тобою е(ст) П. навышого В. наивы(ш)шаго П.В. мене не моучиль.

29. і҃с же ꙁа́прети доу́хꙋ нечи́стомоу̀, и҆ꙁыи҆ти и҆ ч҃лка, ѿ мно́гы бо̂ л҃ѣ дръ́жаше (е)го̀. и҆ оу҆жа́ми вѧꙁаа̂хѫ е҆го̀, и҆ поу́ты желѣ́ны и҆ поу́товали. тыѝ ко́торыѝ е҆го стéреговалѝ, и҆ ро́рыва́ль оу҆жа и҆ поу́та, и҆ гони́мь бы бѣсо̂ въ поу́стыню̀.

30. і҃с же ꙁвѣ́доваль е҆го̀ гл҃ѧ́, что̂ ти е҆ и҆мѧ, и҆ ѡ҆нь ѿпо́вѣди лéгиѡ. сирѣ мно̂ѕи бѣ́сове въни́доша въ́ него̀.

31. тогда про́сиша е҆го̀, а҆бы не ка́ꙁаль и҆мь въ́ безднѫ поити.

32. бы́ло па́ та́ ве́лїе ста́до свиное̂, ко́тороє бы́ло по бре́гоу̀ па́сомо. и҆ просили, е҆го̀; а҆бы̂ и҆мь допоу́стиль внїи҆ти въ́ ни́, и҆ до́поу́сти и҆.

33. то́гда вы́шли и҆ ч҃лка, и҆ вни́доша въ́ свиниѧ̀, і҆ а҆бїе̂ оу҆стро́мисѧ стадо по́ брегоу мо́рѧ и҆ оу҆топоша.

Ст. 29. П.В. а і҃с приказаль П. доухови П.В. дх҃ві П.В. выити П. изь П.В. похватоваль П.В. вѧзовали его оужищами П.В. и розрывоваль оужіща П.В. и бываль гонень от бѣсовь на Ст. 30. П.В. а і҃с звѣдаль П.В. рекоучи П.В. ѧкь есть имѧ твое П.В. а онь П. повидѣль В. повѣди(л) П. легеонь В. легіо(н) П. глосса: *„сирѣчь тма“* В. глосса: *„тма“* П.В. *бо было* (пропущено въ Л.) П.В. много бѣсовь П. вошло В. въшло Ст. 31. П.В. тогды П.В. просили П. в пропасть В. въ пропасть Ст. 32. П.В. великое П. свинное П. на березѣ В. на берези П. пасено было В. было пасенно П. в нихь воити В. в нихь въити Ст. 33. П.В. тогды П. *діаволове* (пропущено въ В.Л.) П. ись В. из П. вошли В. въшлі П. въ свинѣ В. въ свѣни П.В. и борзо оускочило В. въ езеро и потоноуло П. въ зеро (sic!) и потоноуло.

34 и̂ ѩ̆ко оу҃видѝли па҃стоухове, шт҃о ста́ло оу҃текли, и̯ въ҃звѣ́стили въ҃ гра҃дѣ (л. 143) и̂ в҃ се́ле҃.

35 вы́шли па҃ во҃, а҃бы вн҃и҃ли што ся ста́ло. и̂ пришли къ і҃сви, и̂ оу҃видѝли у҃ка, и̂з҃ него же и̂зы҃до́ша бѣ́сове, сда́ща в но́гь і҃сво҃ы҃, о҃болу́ена и̂ смы́сляща и̂ оу҃стра́шилися.

36 и̂ тыи̂ кото́рыи̂ видѝли повѣ́дали и̂мь, ѩ̆ко бѣ́сноваными҃ з҃равы҃ съ҃тво́рень.

37 и̂ просили е҃го вс҃ь наро҃ стра́ны гадари҃нскои̂, а҃бы о҃шель о҃ нихь, бо҃ ся были оу҃стра́шили. і҃с же влѣ́зь въ҃ кора́бль и̂ вр҃ъ́ноуль҃ся въ҃ спа҃.

38 и̂ проси̂ е҃го҃ у҃кь и̂з҃ него҃ вы́шли бѣ́сове, а҃бы в҃него не҃ мѣ҃кал҃ь, и̂ е҃го і҃с о҃поу҃стиль о҃ се́бе, и̂ р҃ѣ҃ е҃моу҃,

39 вр҃ъ́ни҃ до́ до́умѫ твоего҃, и҃ въ҃звѣ́сти г҃л҃а, и̂же на҃ то́бою҃ съ҃творилъ бъ҃ в҃е́лнѣ мр҃дїѣ҃ своѣ, и̂ хо́дя по́ всемоу҃ гра́доу҃ про́повѣ́дая, уто҃ і҃с е҃моу҃ съ҃тво́рилъ. к҃о҃. н҃е҃.

40 И было па҃ ко́ли на́вр҃ъ́нжа́ся і҃с, и̂ прна҃ е҃го҃ наро҃, бо҃ вси҃ жа́ли е҃го҃.

Ст. 34. П.В. а коли П. оуздрѣли то В. оузрѣли то В. *и* (опущено въ П.Л.) П. повидѣли в мѣстѣ В. повѣдили в мѣсті Ст. 35. П. вонь В. вънь П.В. оуздрѣли П.В. скоторого то діаволове вышли П.В. а онь П. сѣдить В. седи(т) П. оболочены В. оболоче(н) П.В. оу добромь розоумѣ Ст. 36. П.В. *тыжь* (пропущено въ Л.) П. видѣли П. повидѣли В. повѣдили П. ѩкь В. ѩко П.В. бѣсныи П. В. здоровымь оучинень Ст. 37. П.В. стороны гадарыньскои П.В.отишоль П.В. *велми* (пропущено въ Л.) П.В. а онь вступивши в лодю верьноульсѧ В. вернѫлсѧ П.В. назадь Ст. 38. П. ононь то В. оныи то П.В. моужь с которого П. при немь В. *при ню(м)* П.В. але П.В. рекль Ст. 39. П.В. повѣдаи рекоучи П.В. великое В. змилованѧ В. змилованіе П. бгъ оучиниль В. бъ оучіниль П.В. ходиль П.В. мѣстоу П.В. и повѣдаль П.В. што П.В. емоу іс оучиниль.

Далѣе варіанты будутъ подведены только по Пересопницкому списку.

Ст. 40. П. не верноулсѧ П. пріѫль.

41 и̑ при́шоль мо҃жь е̑моу҃ и̑ма а҆ї҃ръ, бы́ль бо҆ кнsе̑ съ҆борницѣ жидо́вьскомѣ. и̑ па́ль оу҃ (н҃е҃ ҃ѕ. въ҃ ѡ҃. пр҃ї҃де къ҆ і҃сѣ҃ ѵ҆а҆къ е҃моу҃ и̑ма и̑ а҆ї҃ръ) (л. 143 об.) но́гь і҃сы҃, и̑ про́сн е̑го҆, а҆бы ѥ҆стоу҃пи҃ въ҆ до҆ е̑го҆.

42. и̑ма́ше бо҆ дще҃рь е̑дино҃рна е̑моу҃ бѣ́, а҆ко бы въ двана́десатн лѣ́т҃е, ко́тораѧ ю҃ оу҃мира́ла. и̑ ко́ли ю҃ шоль и̑ при҃го҃ ѥ҃лоса и҃ наро҆҃ ѥ҃ оу҃гнѣ́тн (sic!) е̑го҆.

43. тога҃ же́на е̑дина́ бѣ́дѫи̑ ѥ҆ немощи своеи̑ въ тѣ́ченїю҆ кро́вн ѡ҃, в҃і. лѣ́ть. о҃на҃ всѥ и҃мѣнїѣ́ сво́ѣ ѥ҆рачу҃ѣ и҃ ѯ҃ла́вше, и̑ ни ѡ҃ е̑дина́го не и҃мѫще по́мощи.

44. и̑ при́стоупнѣ́ши съ҆ ѯ҃адѣ, и̑ прикоснoуся кра́ѧ ри́зь е̑го, і҆ а҆бїѣ́ т҃е(є)нїѣ́ кро́вн е̑ѧ ста.

45. р҃е і҃с, кто҃ е҃ мѣ́не ко҃ноу҃вы́ися, и̑ не прнзна́вальсѧ ни҃то. пѣ́трь же р҃ѣ́, и̑ сни҃ бы́вше ре́кли. оу҃ѵ҃тлю, на́родн оу҃гнѣ́таю҃ тѧ, и̑ ты҃ гл҃ши, кто҃ сѧ мѣ́не ко҃ноу҃вь.

Ст. 41. П. которому то было П. иаарь П. *онь* (опущено въ Л.) П. ись школы П. жидовьскои П. глосса: „*або наукы*“ Ст. 42. П. бо мѣль дочкоу П. едно П. единоу на родоу П. котораа П. а коли П. пригодилосѧ (*и*—пропущено въ Л.) П. иже П. оугнѣтали Ст. 43. П. тогды П. жона П в своеи немочи П. крове П. дванадесѧти П. котораа южь была на лѣкарства выдала всю маетность свою П. а от жадного не могла оуздоровлена быти Ст. 44. П. ззадоу П. и до(т)кнуласѧ подолка одѣнѧ П. и борзо П. крове П. еи П. стало Ст. 45. П. и рекль П. доткноуль П. признальсѧ П. рекль петрь П. и тыи которыи з ні(м) были П. народове тебе оугнѣтаю(т) П. *и стискають* (пропущено въ Л.) П. а П. мови(м) П. доткнуль.

46. и̂ па́кы і҃с р҃ѣ, прикосноу́выйсѧ нѣ́кто мнѣ, а҆́зъ бо̀ х҃ѡ҃ сѝлоу̀ и҆зы́ш҃ешѧ ѿ мене.

47. ви́дѣвши же́на, и҆́же оу҆та́и́ти не́ можѣ́, трепе́щоущи прии́падѣ къ̀ нога́ма е҆гѡ̀, и҆ гла́ е҆моу̀ пр҃е́ всѣ́мь, про҃то́роую̀ прии́униѫ прикосноуся е҆моу̀, и҆ ѩ҃кы ся, а҆кі҃ѣ и҆сцѣ́лѣ. (л. 144)

48. і҃с р҃ѣ е҆́й дще вѣ́ра твоа̀ сп҃ѣ тѧ̀ и҆́дѣ съ̀ ми́ромь̀.

49. и҆ ѩ҃ко ѿ е҆ще мо́вивлю, прише́ль к не́моу̀ ѿ а҆рхисина́гога. р҃ѣ е҆моу̀, оу҆же оу҆мр҃ла е҆́сть дще твоа̀, не дви́жи оу҆чи́тла.

50. і҃с оу҆слы́шавши сло́во, ѿповѣ́дѣль ѿщ҃ѣ е҆́ѩ, не тро́щи, то́кмо вѣ́роуи҆ ҃зра́ла бѫ́д҃е.

51. и҆ въ҃ш҃е́шѣ въ҃ до҃ не до́пѫстиль мно́гы҃ вънѣ́и҆ти, то́кмо пе́тровѣ и҆ і҆ѡа́и́новѣ і҆ако́вѫ. ѿщ҃ѣ и҆ мт҃рѣ дще҃рѣ тоа̀

Ст. 46. П. и повторе рекль іс П. дотькнулсѧ П. мене П. бо ѩ҃ позналь иже П. сила вышла Ст. 47. П. видѣвши П. *то* (пропущено въ Л.) П. сѧ затаити П. трѧсоучисѧ П. *пристоупила* (пропущено въ Л.) П. а оупала близко но(г) П. повидѣла П. пре(д) П. *людми* (пропущено въ Л.) П. доткнуласѧ его П. есть борзо здоровою стала Ст. 48. П. а онь П. рекль П. дочко П. *боудь доброи надѣи* (пропущено въ Л.) П. тебе здоровою учинила П. *собѣ* (пропущено въ Л.) П. с миромь Ст. 49. П. А коли П.пришоль П. недостаетъ слова: „*к немоу*“ П. *единь* (пропущено въ Л.) П. глосса: „*от оучителѧ жидовьского*“ П. рекль П. иже южь П. дочка П. не троуди Ст. 50 П. А іс҃ь П. *тое* (пропущено въ Л.) П. отповѣдиль П. отцеви П. онои то дѣвки П. едьно толко П. боудеть здорова Ст. 51. П. а оушодши въ П. *ись собою* (недостаетъ въ Л.) П. воити П. едно П. *и* (пропущено въ Л.) іакови П. *тыжь* (пропущено въ Л.) отцеви П. онои то дѣвьки

52. плáчущіе и рыдающіе (sic!). їс же рє̃ имь не плáчитє, нé оумр̃ла бо нó спи̃. **53.** и ѡни́ роугахжсѧ емоу̀, вѣдущіе ꙗко оумр̃ла е́сть. **54.** їс̃ж же повелѣ́вшж всѣ̃ ѳ́бы вы̃ли во̃, и е́мшн е̃ѧ за́ роу́коу̀ гла е́й дѣ́вице въ́станн, **55.** и навратн̀ дх̃ъ е́й, и ѳ́бїе̃ въ́скрсе. и ка́заль е́н да́тн е̃сти, **56.** и дивншѧ̃ ро̃телн е̃ѧ, їс̃ прика́заль имь, никомоу̀ повѣ́датн што сѧ ста́ло. ко̃. не.

Глава IX (ѕау. м̃).

1. Съ́зва́вшн їс̃ ѡбана́десѧ̃ а̃пл̃ъ, и дасть имь вла̃ на̀ доухы неуи́стымн, и не въ́змогоша изгонúтн и̃.

2. и по́ (с̃ж. ѕ. в̃ъ ѡ̃, прúзва їс̃ ѡ̃ба̃н̀ с̃е и на̀ немощны̃) (л. 144 об.) сла и̃ про́повѣ́датн цр̃тво бж̃їе̃. и не́мощныѧ̀ исцелáтн,

---

Ст. 52. П. и плакали П. *по неи всь* (пропущено въ Л.) П. и кричали П. а онь П. рекль П. недостаетъ слова: „*имь*“ П. бо не оумерла есть але Ст. 53. П. А П. *пакь* (пропущено въ Л.) П. смѣялисѧ з него вѣдаючи иже южь была Ст. 54. П. а онь пакь росказаль П. *и вышли* (пропущено въ Л.) П. ѧвши еи П. *еи* (пропущено въ Л.) П. голосно рекль Ст. 55. П. навернульсѧ П. и борзо въскрсьла П. *абы* (пропущено въ Л.) П. дали Ст. 56. П. дивовалисѧ родичеве еи П. а онь П. *абы того* (пропущено въ Л.) П. не повѣдали.

Глава IX. Ст. 1. П. дванадесѧть П. апловь П. даль П. *и силоу* (пропущено въ Л.) П. всѣми бѣсы и немочи оуздоровлѧти Ст. 2. П. послаль П. *абы* (пропущено въ Л.) проповѣдали П. и немощныи оуздоровлѧти

3. и҆ гл҃а и҆мь і҃с, а҆бы́ ни́что҃ не бра́ли на поу́ти. ни́ же́зла ни́ влагалища, ни́ хлѣба, и҆ ни́ по́ двѣ ризѣ и҆мѣти.

4. и҆ въ́ни́же гр҃а вънїи҆дете тоу҆ пребы́ваи҆те, дои́деже ѿтолѣ вы́и҆дете.

5. а҆ще кто ва҃ не прїи҆ме҃, и҆схо́дѧще и҆з гра́да то́го, и҆ пра҃ ѿ но́гь ваши҃ ѿтрѧ́сѣте въ́свѣ́тлъство и҆мь.

6. и҆ ѡ҆ни́ хожа҃а҃хѫ про́повѣ́даю҆ще є҆ѵ҃лїѐ, и҆ и҆сцѣ́лѧю҆ще немо́щныѧ. ко҃. сѫ҃.

7. И҆ оу҆слы́шавши и҆ро҃ четве́ровла҃ ни́кь вса гл҃ы́, ко́торыи҆ сѧ дѣѧ́ли ѿ него̀. и҆ не́дорозоу́мѣлсѧ, про́то бы́ло повѣ́дано ѿ нѣко́торыхь и҆ бы и҆ѡа҆́ннь въ́ста ѿ мр҃твы҃.

8. и҆ ѿ и҆ны҃ и҆же бы́ сѧ и҆лїа̀ ꙗви́ль, и҆ ѿ дроу́гы҃, и҆ бы пр҃ркь є҆ди҃ ѿ дре́вны҃ пр҃роковь.

9. гл҃а і҆ро҃, а҆зь є҆смь да́ль і҆ѡа҆́нна оу҆сѣ́кьноути. и҆ кто є҆ о҆не҃ же ѧ҃ слы́шоу̀ та́ковыѧ̀ рѣ́чи, и҆ хотѣ́ль а҆бы є҆го̀ ви́дити.

Ст. 3. П. и рекль П. ничого П. на дорогоу П. палицѣ П. а ни П. мошны П. глосса: *„або торбы“* П. *а* (опущено въ Л.) П. по двое одѣнѧ мѣваите Ст. 4. П. а до которого жь коли домоу воидите тамь П. перебываите П. ажь покы П. от та(м) толе Ст. 5. П. а кто бы тыжь не хотѣль вась принѧти выходѧчи зь оно(г) то мѣста П. и поро(х) зногь П. отрѧсаите П. на свѣдоцьство П. противко вамь Ст. 6. П. *выше(д)ши* (пропускь въ Л.) П. ходили П. *по мѣстѣ(х)* (пропускъ вь Л.) П. проповѣдаючи П. оуздоровлючі П. *везде* (пропускъ въ Л.) Ст. 7. П. четвертои части кнѧзьства владарь П. всѣ рѣчи П. недоразумѣвалсѧ того длѧ П. повидѣно П. всталь изь Ст. 8. П. а(чи) П. илиѧ П. а П. з стары(х) П. *всталь* (пропущено вь Л.) Ст. 9. П. и рекль П. даль есми ѧ П. стѧги П. а П. *пакь* (пропущено въ Л.) П. о которо(м) П. таковыи П. видѣль.

10. и̑ връ́нoуlисѧ а̑пл҃и повѣ́дили е̑мoу̑, ш҃то oу̑чини́ли. и̑ поѣ́мше и̑ о҃собь на е̑дино поу̑сто мѣ́сто, на́ри (в҃у̑є. д҃. и̑є. в҃ъ ѡ҃, oу̑слы́ша і̑ро҃. с҃є. и̑ на рo҃ство. і̑ѡа҃ пр҃тун) (л. 145) (в҃пѧ. д҃. и̑є в҃ъ ѡ҃, при́стѫпиша къ і̑с҃у̑, в҃ı. oу̑чи́нкь гл҃ще е̑мѹ) цаѣ́моѐ вно́сѧнда.

11. тогда̀ при́зва́ша на́роды и̑ по́шли за ни҃, и̑ прия́ша и̑ и̑ гла́ ни҃ о҃ цр҃твїѝ бж҃їѝ. и̑ тыѝ ко́торыѝ по́тр҃бовали ле́кaрства, и̑ и̑сцѣ́ли и҃. к҃о҃. у҃є. и̑ рo҃ і҃ѡа.

12. Дн҃ь па́кь ю҃ по́уалъ сѧ къ вєуе́ровн скла́нѧти И при́стоу́пиша къ́ і̑с҃вн, в҃ı. гл҃ще е̑моу̑ ѿпоу́стн на́роды, да́ ше҃ше до ѡколны́хь гра́довь и̑ се́ль, кѫпѭ се́бѣ бра́шна, бо̀ е̑смы̀ то҃у̑ на по́устынн.

13. і̑с҃ гла́ ни҃, датѣ́тє вы̀ и̑мь ѣ҃стн. и̑ ѡни́ рe҃ли не и̑ма́мы, токмо пѭ хлѣ́ковь и̑ двѣ ры́бѣ. а̑ще ше҃ше кѫпили бра́шна е̑сємѫ на́родоу̑,

---

Ст. 10. П. а вернувшисѧ П. аплве П. повидѣли П. а поѧвши П. *шоль* (пропущено въ Л.) П. особьно единь на поустое П. которое зовуть Ст. 11. П. тогды позьвали народовь П. приѧвши П. поведаль П. цр҃ствѣ П. а П. оуздоровиль Ст. 12. П. коу (=къ) П. приступивши П. двана-десѧть рекли П. абы П. шо(д)ши П. до околичны(х) мѣсть П. *перемешкали и* (пропускъ въ Л.) П. нашли собѣ покормленѧ П. есмо П. на поусто(м) мѣсци Ст. 13. П. А онь рекль П. даите П. а П. не маемо П. болше едно П. если быхмо шли накоупили стравныхь речіи на то(т) товесь людь.

14. и̑ бы́ло моу́жемь ѩ̀ко пѧ̑ тисѧ́щь. і̑с̑ же рⷰ̑ оу̑чн҃ко̑ свои̑, по́велѣ́тє и̑мь сѣ́сти на коѕ́пы по пѧ́тндє́сѧть.

15. и̑ посѣ́ша и̑ всѣ̑,

16. и̑ взѧ́ша пѧ̑ хлѣ́бовь и̑ двѣ рыбѣ. възрѣ́вь на́ нб҃о и̑ бл҃вн и̑хь. и̑ ла́малъ и̑ да̑ оу̑чн҃ко̑ свои̑, и̑ оу̑чн҃цн на́родо̑,

17. ѣ̑ша всн и̑ на́сытншѧ̑. и̑зо́бра́ша о̑стан́кы о̑кроу̑ двѧна́дєсѧ̑ ко́шовь.

18. ⁘И ста́лоса̑ є̑, и̑же сѧ ѡ̑нь сѧ̑ на ѡ̑со́бливости мо́вилъ, бы́лн с ни̑ и̑ оу̑чн҃цы є̑го̀. к҃о̑. п҃ѧ. и̑ пы́талъ и̑ (в҃п҃нє. є̑. и̑є. в҃ъ ѡ̑, ста́ло сѧ є̑, и̑же і̑с̑ сѧ̑ на ѡ̑соблнвостн мовѣ̑ оу̑чн҃ко̑) (л. 145 об.) (в҃т҃о. є̑. и̑є. рⷰ̑ т҃ь, а̑ще кто хощ҃е̑ по̑) рⷰ̑, кого мѧ̑ мн҃ѧ быти ѵ̑ѧцн.

19. и̑ ѡ̑нн̀ ѡповѣ́днлн гл҃ю́щє є̑моу. і̑ѡа́нна кре́стнтєлѧ, дроу́гын̀ гл҃ю̑, и̑ны̀н є̑ремєю̀, и̑лн є̑дна́го ѡ̑ пр҃рькь.

20. і̑с̑ же гл҃а оу̑чн҃комь свои̑мь, и̑ вы̀ ко́го мѧ̑ рау̑мѣ́є́тє быти. ѡповѣ́дль сн́монь пе́тръ, ѯа бж҃їѧ.

Ст. 14. П. а **П.** тысѧчіи **П.** и рекль **Ст. 15. П.** *и оучинили такь* (пропускъ въ **Л.**) **П.** посадили **Ст. 16. П.** и взѧвши **П.** пѧть хлѣбь **П.** позрѣль **П.** бл(с)вивь **П.** розламаль **П.** даваль **П.** недостаетъ: *„свои(м)“* **П.** *абы пре(д) народо(м) покладали* (пропускъ въ **Л.**) **Ст. 17. П.** или **П.** наилисѧ **П.** зобрали **П.** опосли што было **П.** остало **П.** окроуховь **Ст. 18. П.** молиль **П.** *ты(ж)* (пропускъ въ **Л.**) **П.** оученици **П.** рекоучи **П.** кимь мене народове быти повѣдають **Ст. 19. П.** отповидѣвши рекли **П.** іоанномь крътителе(м) **П.** а **П.** илиею **Л.** испорченный текстъ: *„иные еремею или“* **П.** пакь иже пррькь единь з перьшихь въскресь **Ст. 20. П.** а онь имь рекль **П.** вы пакь кимь мене быти повѣдаете **П.** *пакь* (пропускъ въ **Л.**).

21. і҃с ꙁа́повѣ́да и҆́мь гл҃ѧ́ ни́комоу̀ повѣ́дати,

22. и҆ рече́, сн҃ъ́ чл҃чкы̑ и҆ма̑ мно́го по́стр҃дати, и҆ пороу́гань бы́ти ѿ старѣи̑щинь, а҆рхїе́реѝ, и҆ оу҆чт҃леѝ. и҆ оу҆бие́ноу бы́ти, и҆ въ третїѝ дн҃ь ѿ ме́тв҃ы въ́скр҃нѫти. ко҃. пн҃е.

23. И мо́ви̑ до вс҃ѣ́. а҆ще кто̑ хоще̑ по́ мнѣ̀ и҆ти, и҆ ѿверьже̑сѧ са́мь се́бе, и҆ въ́ꙁме̑ кр҃ть своѝ и҆ по́ мнѣ̀ грѧ́де̑.

24. а҆ще кто̑ хоще̑ дш҃ѫ свою̀ спа́сти, тъ̑ по́гѫби̑ ю҃. а҆ще кто̑ по́гѫби̑ дш҃ѫ свою̀ ме́не р҃а̑, тъ̑ сп҃ть ю҃.

25. что̑ е҆ ꙁа́ поу҆ꙁа чл҃коу, а҆ще ве̑ ми́рь приѡ́брѣ́щеть, и҆ се́бе ѿщети̑.

26. а҆ще кто̑ по́стыди̑сѧ ме́не, и҆ сло́весь мои̑, и҆ сн҃ъ́ чл҃чкыѝ по́ст҃ы́тсѧ е҆го̀, е҆г҃а прїи́де̑ въ́слави ѿц҃а своего̀, и҆ ст҃ыѝ а҆гг҃ли сни́мь.

Ст. 21. П. а онь приказаль П. пропущено: „гл҃ѧ“ П. зь грозьбою абы того П. не повѣдали Ст. 22. П. рекль П. моуси(т) терьпѣти П. посмѣѧнь боудеть П. старшихь П. боуде(т) П. от мрьтвыхь встане(т) Ст. 23. П. всехь если П. за мною поити П. *нехаи* (пропускъ въ Л.) П. заприть П. а за мною поидеть Ст. 24. П. а кто бы хотѣль П. пропускъ: „*тъ(и)*“ П. еи (= ю) П. а загоуби(т) П. длѧ мене П. еи Ст. 25. П. што пожитокь П. хоть бы весь свѣть одерьжаль а самь себе загоубиль Ст. 26. П. *албо на щкоду пришель* (пропускъ въ Л.) П. если же сѧ кто боуде(т) мною соромѣти албо моихь повѣстеи П. *тымь тыжь сѧ* (пропускъ въ Л.) П. соромѣти боуде(т) П. коли П. *своеи и*(пропускъ въ Л.) П. отцевьскои П. аг҃гль

27. а҆мі́нь гл҃а вамь, и҃ сѫ́ нѣ́кыи҃ ѡ҃ зд҃ѣ стоа҆щіи҃, и҃ не и҃маю҃ вкѫ́снути см҃рти, до҃дежде оу҆ви́дать (л. 146) (на прѣѡ҃бра҃. на҃у́ріи҃. въ ѡ҃, пои҃ іс҃ пе́тра і҃а́кова і҃ѡа҃нна и҃ възведѣ а҃.) ц҃рⷭтво бж҃іе. ко҃. вⷮо.

Здѣсь находится конецъ 44-го зачала евангелія *отъ Луки*. Слѣдующее 45 зачало представляетъ собою текстъ, заимствованный изъ евангеліи *отъ Марка* (зачало 38-е).

28 или **1.** По ѡ҃ны҃ то҃ сло́ве҃ ста́лося, а҆́ко бы́ по ѡ҃сми҃ дн҃ехь,

2. поа҆́ть пе́тра і҃а́кова і҃ѡа҃́на, и҃ въ́звед҃ѣ а҃ на́ горо҃ѹ̀ вы́сокѫ ѥ҆ди́ны; и҃ прѣѡ҃бра́зне́ся пр҃е́ нимн.

3. и҃ бы́ша ри́зы е҃ бли́щаша҃ а҆́ко сне́гь, а҆ще́м же не мо́жаше, тна҃ѳ҃ѥ҃н҃ на҃ зе́мли оу҆бѣ́лити. (sic!)

4. та́ко а҆́вися нимь і҃лі҃а҃ съ моу҆се҃ѡ҃ и҃ бѣ́ста гл҃щіи҃ съ і҃смь.

5. и҃ ѡ҃вѣщавь пе́тръ къ і҃сви, съ҆тво́рнмь трн҃ се́нн, тебѣ҃ ѥ҆ди́ноу, моу҆сеѡ҃вн ѥ҆дннѫ́, и҃льи҃ ѥ҆дннѫ́.

Ст. 27. П. але правдоу повѣдаю **П.** нѣкоторыи тоуть стоа҆чи(х) **П.** которыи **П.** не мають **П.** ажь **Ст. 28. П.** и сталоса҆ по оных то словех **П.** по осмо(х).

Для сравненія приводимъ in extenso полный текстъ зачала л҃н҃ изъ Евангелія отъ Марка (гл IX, 1 – 9) по Пересопницкой рукописи.

Ст. 1. П. По шести пакь днехь **Ст. 2.** поа҆ль і҃с петра і иакова иоан'на. и вывель и(х) на гороу высокоую *на особность* едины. и преобрази(л)ся пре(д)ними **Ст. 3.** и одѣаніе его было бѣло а҆ко снѣгь. а҆ковыхь то не можетъ *бѣлилникь* оубѣлити на земли **Ст. 4.** и а҆вилься имь иліа съ моусеомь. ко(то)рыи со і҃сомь мовили **Ст. 5.** а отповидѣвши петрь рекль ко і҃сви *равви. (оучителю) добро есть намь зде быти.* и оучинимо тоу трои сѣни. (холодникы) тобѣ единь моусеови единь, і иліи единь.

6. не видѧ́ше бо̂ что̂ гл҃ше, при́страши́ни бо̂ бѣа̂хѫ,

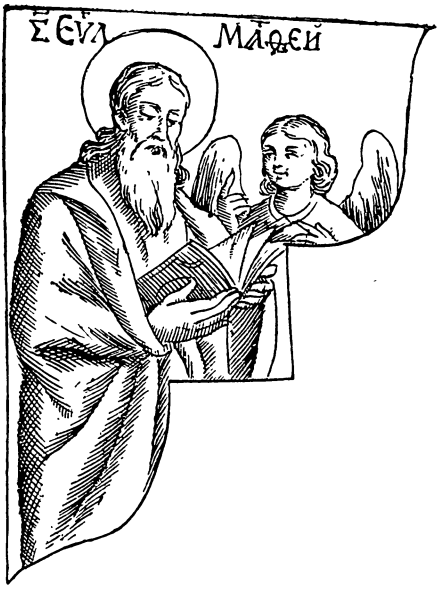
7. и̂ бы҃ же о̂бла́кь о̂сѣ́ни ѧ҃, прїи̂де гл҃а и̂зь ѡ̂бла́ка, съ҃ е҃ сн҃ъ мои̂ въ́злюблен́ныи̂ то́го послоу́шаи̂те.

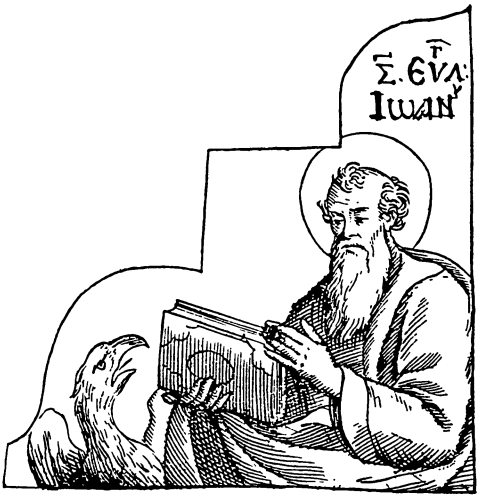
8. в́незаа̂поу въ́зрѣ́вше и̂ не ви́дѣша ни́ко́го же, токмо і҃са е̂ди́наго̀.

9. и̂схо́дѧщи҃ же и҃ съ́ горы̀, за́прети̂ и̂мь да ни́комоу҃ не по́видѧ҃ ꙗ̂ко же видѣша, до҃деже сн҃ъ́ чл҃чкыи̂ и̂з мр҃твы҃ въ́скр҃неть. ко҃. преѡ̂бра҃.

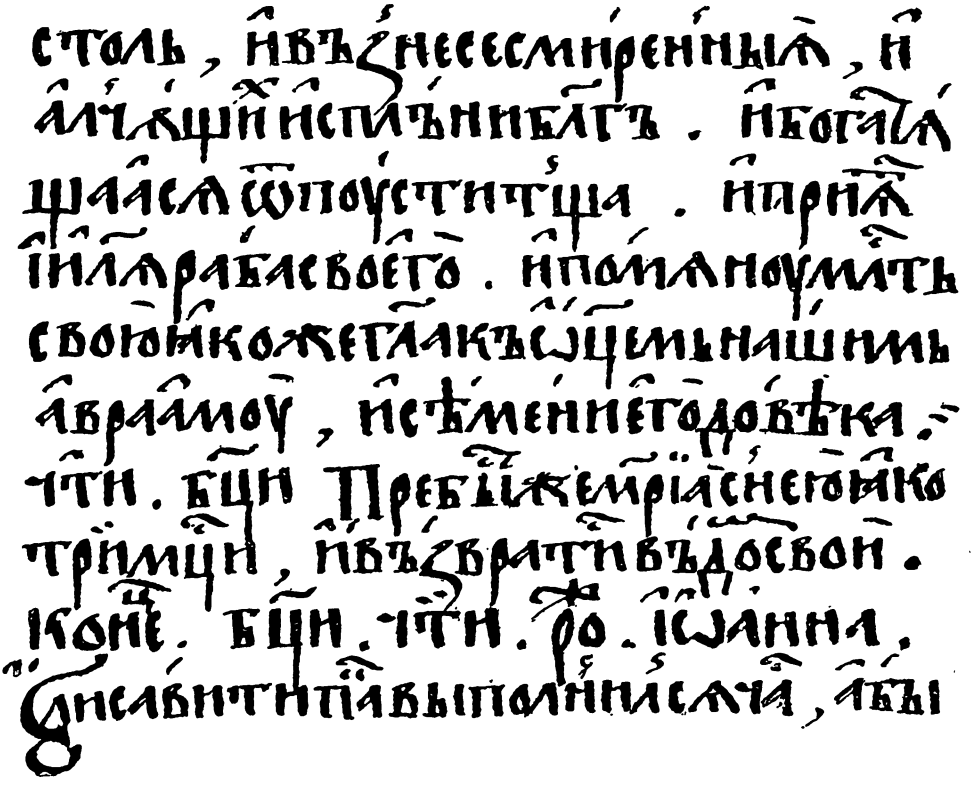
10. Дроу́гого̀ па́кь дн҃ѧ ста́лосѧ, ко́ли ю҃ ѡ̂нь и̂схо҃ль и҃ го́ры, срѣ́те е̂го̀ наро҃ мн̂огь....

Ст. 6. бо не вѣдаль што мовиль про то же были перестрашени **Ст. 7.** И сталсѧ облакь и затми(л) ихь а и голось изъ облака пришоль *рекоучи.* се есть сн҃ь мой възлюблен'ныи, того послухайте **Ст. 8.** И борзо обачившисѧ ни единого не видѣли, *болше едно* толко і҃са единого *з собою* **Ст. 9.** а коли исходили з'горы приказаль имь, абы ни жадному не повидѣли. ажь сн҃ь ч҃лчьскый из мертьвыхь въ҃скр(с)неть (лл. 159 об. —160).





Лѣтковское Евангеліе. Снимки съ серебряныхъ пластинокъ по угламъ.



Лѣтковское Евангеліе. Снимокъ съ л. 122 об. Послѣдняя строка внизу: начало издаваемаго текста.

Памва Берында и его Вирши на Рождество Христово и др. дни.

I.

Памва Берында занимаетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду представителей южно-русской образованности первой половины XVII ст. Къ сожалѣнію, о жизни его сохранились крайне скудныя свѣдѣнія; къ тому же этотъ ничтожный матеріалъ не представляетъ ничего цѣльнаго, онъ разсѣянъ повсюду, такъ что приходится изъ многихъ источниковъ извлекать небольшія крупицы и такимъ образомъ составлять о Берындѣ нѣкоторое представленіе. Собрать весь этотъ матеріалъ воедино является нашей ближайшей цѣлью; послѣ этого мы нѣсколько подробнѣе остановимся на одномъ изъ произведеній Берынды—*Виршахъ на Рождество Христово и др. дни.*

Памва Берында родился, вѣроятно, во второй половинѣ XVI ст. Вопросъ о его происхожденіи является пока открытымъ. Правда, митрополитъ Евгеній утверждаетъ, что онъ „былъ родомъ изъ молдаванъ“, но на чемъ основано это

утвержденіе, остается неизвѣстнымъ [1]). Точно такъ же мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и когда проходилъ онъ курсъ школьнаго обученія.

По словамъ митрополита Евгенія, опять таки не подтвержденнымъ ссылками, иноческій санъ Берында принялъ въ Іерусалимѣ и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ въ разныхъ должностяхъ [2]). Во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что Берында носилъ титулъ протосингелла (намѣстника) іерусалимскаго патріарха.)

Что касается жизни Берынды до постриженія, можно только сказать, что у него былъ сынъ, носившій имя Лукіана. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія слова Берынды въ посвященіи „Лексикона славенороссkаго“ панамъ Димитрію и Даніилу Балабанамъ: **Тѣю тѣ́ды мою̀ пра́цѣ лю̑бвѣ прии̑мши, ѣ́ мѣ̑: лю̑це своѐ є̑слѝ менѐ да̑ного, тѣ́ды на-ба́рзѣ̑ ча́до моѐ Лукїа́на Берн̑дѣ но́во̑ и̑ ца́лого слу́гѣ своего́ мѣ́тн ра́утє** [3]). Въ 1622 году этотъ Лукіанъ былъ ученикомъ Кіевской Братской школы: имя его („Лукашъ Беринда“) встрѣчается подъ однимъ изъ стихотвореній, входящихъ въ составъ „Виршей на жалосный погребъ Петра Конашевича Сагайдачного“, составленныхъ ректоромъ Кассіаномъ

---

[1]) См. „Словарь историческій“ т. II. Спб. 1827, стр. 150. Родъ Берынды вписанъ въ помянникъ Межигорскаго монастыря 1625 года, хранящійся нынѣ въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора подъ № 374: **Рѡ̑ і҆єромона́ха Памвїа́ Бер̑нды. Поманѝ Гн̑ дш̑а̀ ра́бъ свои̑̀: ˆІѡа́нна, ˆА́нноу, Гр҃їгорїа, Петра̀, Ѳеѡ̑до́сїю, ˆЄле́нж, Васи́лїа, ˆАндре́а, Ма́рїю, Да́рїю** (листъ 144, по новой пагинаціи — 152). Ср. *Н. И. Петровъ*: Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Выпускъ III. М. 1904, № 375.

[2]) Словарь историческій. Ibid.

[3]) Лексиконъ. К. 1627, стр. 4 ненум.

Саковичемъ и „мовленыхъ“ при погребеній названнаго „рыцера“ спудеями Братской школы [1]).

Въ дальнѣйшей послѣ постриженія жизни Берында непрерывно служитъ типографскому дѣлу Южной Руси и работаетъ сначала въ предѣлахъ Галиціи, а затѣмъ переноситъ свою дѣятельность въ типографію Кіево-Печерской Лавры.

Впервые на типографскомъ поприщѣ Берында выступилъ, вѣроятно, въ Стрятинѣ, гдѣ въ началѣ XVII столѣтія существовала друкарня его патрона пана Ѳедора Юрьевича Балабана. Можетъ быть, онъ принималъ то или иное участіе въ изданіи „Служебника“, выпущеннаго этой типографіей въ 1604 году, и „Требника“, вышедшаго въ 1606 году.

Во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка Берында является уже среди дѣятелей Львовскаго Ставропигіальнаго Братства.

Львовское Братство въ концѣ XVI ст. въ виду усилившейся опасности со стороны иновѣрцевъ реформировалось сообразно съ потребностями времени и сосредоточило въ своихъ рукахъ дѣятельность не только благотворительную, но также и религіозно-просвѣтительную. И типографія, устроенная при этомъ Братствѣ, была однимъ изъ могучихъ просвѣтительныхъ учрежденій и въ изобиліи снабжала Юго-Западную Русь разнообразными книгами. Она была создана на руинахъ прекратившей свое существованіе типографіи Ивана Ѳедорова († 1583 г.) и начала функціонировать въ 1587 году. Константинопольскій патріархъ благословилъ ее и далъ разрѣшеніе печатать книги всякаго содержанія, преимущественно богослужебныя, богословскія и учебныя. Сна-

[1]) *С. Т. Голубевъ.* Исторія Кіевской Духовной Академіи. Выпускъ I. К. 1886. Приложенія, стр. 36.

чала Братская типографія помѣщалась при строящейся церкви Успенія пресв. Богородицы, но послѣ ее перенесли въ монастырь св. Онуфрія. Въ 1616 г. она снова возвратилась къ церкви Успенія [1]).

Среди книгъ, напечатанныхъ въ Братской типографіи въ началѣ XVII в., съ именемъ П. Берынды связаны два изданія. Такъ, въ „Книгѣ о священствѣ“ Іоанна Златоуста, вышедшей въ 1614 году, на заглавномъ листѣ находятся иниціалы **П. Б. М.** [2]) обозначающіе, вѣроятно, „Памва Берында монахъ“. Другимъ изданіемъ, принадлежащимъ Берындѣ, были названныя „Вирши на Рождество Христово“, напечатанныя въ 1616 году.

Вскорѣ послѣ изданія „Виршей“ Берында оставилъ Львовское Братство и перешелъ въ Кіевъ.

Кіево-печерскій архимандритъ Елисей Плетенецкій, среди другихъ заботъ о процвѣтаніи Кіево-печерской Лавры, основалъ между прочимъ въ Лаврѣ типографію. Для работы въ этой типографіи Берында и разстался съ Братствомъ. Основаніемъ Лаврской типографіи послужила знакомая, вѣроятно, Берындѣ Стрятинская типографія Ѳедора Юрьевича Балабана. Около 1615 года она была куплена Елисеемъ Плетенецкимъ и перевезена въ Кіевъ. Въ панегирикѣ „Вѣзерункъ цнотъ превел. отца Елисея Плетенецкого“, написанномъ какимъ то Александромъ Митурою (К. 1618), разсмотрѣнныя обстоятельства возникновенія Лаврской типографіи описаны въ слѣдующихъ словахъ:

Ты, говоритъ авторъ, обращаясь къ Плетенецкому,

ꙗкъ велце потенжный в оучинкꙋ горливо҃,

---

[1]) *А. С. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное Братство. К. 1904, стр. 266.

[2]) *И. Каратаевъ.* Описаніе славяно-русскихъ книгъ. Т. I. Спб. 1883, № 215.

Ведеⷨ (ꙗко мовѧⷮ) реи в дѣлѣ свѧтобливоⷨ
Бось повскресилъ Друкарню припалую пыломъ
Балабана, цнωтъ веⷣкиⷯ, реую и тежъ дѣлоⷨ.
Онъ ꙁа благословенствоⷨ Ѿца намъ стого,
Удалъсѧ до ремесла (могу реуи) цного.
Ты ꙁась ꙗко милостниⷯ Цр҃кви ꙁбытъ ревнивый,
Хотѣлъ и допѧлесь то, ꙗко не лѣнивый.
По ꙁестю его ꙁ свѣта, Друкарню вскресити,
И преⷭ выдаванье Книгъ Цр҃ковъ оукрасити,
Кгдыжъ сѧ Цр҃ковъ Бж҃аа преⷭ ню помножаетъ:
И в Дωгматеⷯ ѿцеⷭскиⷯ слиуне проквитаеⷮ [1]).

Первенцами новооткрытой друкарни были: „Часословъ“ 1617 г., только что названный „Вѣзерункъ цнотъ“ 1618 г. и „Анѳологіонъ“ 1619 г. Первыми сотрудниками Елисея Плетенецкаго въ дѣлѣ печатанія явились: іеродіаконъ Захарія Копыстенскій, Памва Берында, Тарасій Земка, Стефанъ Берында — вѣроятно, родственникъ Памвы [2])—и нѣкоторые другіе.

Окончательное переселеніе Памвы Берынды въ Кіевъ произошло не ранѣе конца 1619 года; до этого же времени онъ жилъ въ Кіевѣ лишь въ качествѣ гостя, что видно изъ письма Елисея Плетенецкаго къ Львовскому Братству отъ 3 марта 1619 года: „...и так он (пишетъ Плетенецкій о

---

[1]) *В. Перетц.* Панегірик „Вѣзерункъ цнотъ перевел. о. Е. Плетенецкого“ року 1618. Київ 1909, стр. 12.

[2]) Перечень лаврскихъ изданій, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Стефана Берынды, находимъ въ названномъ трудѣ *И. Каратаева* подъ №№ 284, 311, 326, 336, 355. О Стефанѣ Берындѣ см. еще у *Ѳ. Истомина*: Матеріалъ для біографіи друкара Тимоѳея Александровича. „Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора-лѣтописца“. Кн. XII. К 1898.

Берындѣ) се зде за затягом от мене время немалое роботою своею, што безъ шкоды значъное быти не могло, мешкал и, корыкгатором быти поднявшысе в той роботе, которое ся поднял и на себе взялъ, дозорцою был, и по сконъченью оное от сее светое обители от мене естъ мирно отпущенъ, ку вашей милости ставитисе маеть" [1]). Въ этотъ первый пріѣздъ въ Кіевъ Берында проявилъ свое участіе въ дѣятельности Лаврской типографіи исправленіемъ и изданіемъ „Анѳологіона", выпущеннаго въ свѣтъ 16 января 1619 г. [2]).

Вскорѣ послѣ окончательнаго поселенія въ Кіевѣ Берында былъ опредѣленъ надзирателемъ типографіи. Въ этой должности, съ титуломъ архитипографа Россійской церкви, онъ много потрудился надъ исправленіемъ и изданіемъ различныхъ книгъ [3]).

Въ эту пору самымъ важнымъ трудомъ его является **Лєѯікóнъ славєнорѡ́сскїй**, изданный въ свѣтъ 11 августа 1627 года. Служебное положеніе Берынды давало ему достаточныя побужденія и средства къ продолженію

---

[1]) *А. С. Крыловскій.* Львовское Ставропигіальное Братство. К. 1904. Приложенія, стр. 65—66.

[2]) *И. Каратаевъ.* Op. cit. № 248, см. особенно стр. 355 и 356.

[3]) Его имя встрѣчается въ книгахъ, названныхъ у *Каратаева* подъ №№ 248, 259, 284, 289, 301, 307, 308, 311, 318, 337, 355, 382. См. еще *С. И. Масловъ*: Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ старопечатныхъ изданіяхъ. „Русскій Филологическій Вѣстникъ" 1910, № 3—4, стр. 353—363. Съ однимъ изъ своихъ изданій Берында ѣздилъ въ Московское государство. Такъ, въ Малороссійскихъ дѣлахъ 1624 года сохранилось свидѣтельство о томъ, что въ названномъ году 11 сентября пріѣхалъ въ Путивль изъ Кіевопечерской лавры протосингелъ Памво, „книжной печатной мастеръ", и привезъ царю и патріарху „по двѣ книги печатныя своего мастерства, Дѣянія Апостольскія". *Н. Каптеревъ.* Патріархъ Никонъ, какъ церковный реформаторъ, и его противники. „Православное Обозрѣніе" 1887, № 1, стр. 151.

давно начатаго труда. Началъ же онъ его еще въ Галиціи **в҃ ѕ҃дно҃ до́мѣ** Ѳедора Юрьевича Балабана, въ семьѣ котораго жилъ и пользовался всѣми удобствами, **и҃ ѳ҃ власны҃ ро́дну҃ю҃**. Работалъ онъ надъ „Лексикономъ“ тридцать лѣтъ съ большимъ усердіемъ, какъ говоритъ самъ въ посвятительномъ посланіи къ панамъ Димитрію и Даніилу Ѳедоровичамъ Балабанамъ: **и҃ тою҃ пра́цѣ мою҃, смѣ́ле рекѣ, трн҃ьатолѣ́нюю хо҃ю, Лексіко҃, по҃ слове́нскѣ рєчє́нн҃ь а҃ по лати́нѣ дїкціона́ръ назва́вши, бл҃гослове́нїєм ста́рши҃ мои҃м, пра́цею ѳсе́рдною и҃ ко́што҃ мои́м, ѡ҃то тупо́м на҃ свѣ́т выпущаю**[1]).

Однимъ изъ источниковъ „Лексикона“ послужилъ „Лексисъ“ Лаврентія Зизанія (1596 г.), о чемъ самъ Памва говоритъ въ послѣсловіи, когда вспоминаетъ, какъ Ѳедоръ Балабанъ побуждалъ его, **а҃ще и҃ про́ста, но҃ тѣюжде ре́вность и҃мѣ́ша, рєчє́нїа и҃ имена славе́нскаа и҃зъбира́тн, а҃кн не о҃у сѣ́ща тогда҃ Лексико́нъ, ра́звѣ любомо́ра кн҃ Лавре́нтїа Зызанїи҃, тогда҃ дида́скала, нн҃нѣ жѐ пресвутера, е҃го́же и҃ здѐ прнвнесе́нїе и҃ и҃спра́вле́нїе ка҃ствє́нно кѣ́дн**[2]) Кромѣ Зизанія, Берында выбиралъ слова также изъ **Тлъкова́нїа прп҃: Ма҃хима сго́рца, Манѹи́ла Ри́тора и҃ и҃нѣхъ**[3]).

Кромѣ Кіевскаго изданія 1627 года, „Лексиконъ“ Берынды извѣстенъ въ двухъ перепечаткахъ. Одна изъ нихъ

---

[1]) Лексиконъ славенороссκій. К. 1627, стр. 3—4 ненум.

[2]) Лексиконъ, стр. 476.

[3]) О „Лексиконѣ“ Берынды см.: *П. Житецкій.* Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII вѣкѣ. К. 1889, стр. 37 и слѣд.—*С. Буличъ.* Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Ч. I. Спб. 1893, стр. 58—59. — *Его-же.* Очеркъ исторіи языкознанія въ Россіи. Т. I. Спб. 1904, стр. 165—166.—*Б. Гринченко.* Огляд української лексикографіи... „Записки Наук. Тов. ім. Шевченка“, т. LXVI. — *Ів. Огієнко.* Огляд українського язикознавства. Львов 1907, стр 9 и др.

вышла въ 1653 году въ Кутеинскомъ монастырѣ [1]) и издана трудами игумена Іоиля Труцевича съ братіей. Другая принадлежитъ И. П. Сахарову и напечатана во II-омъ томѣ его „Сказаній русскаго народа“ (Спб. 1849) [2]). Кромѣ печатныхъ изданій, „Лексиконъ“ распространялся также и въ рукописныхъ спискахъ [3]).

Изъ послѣдующихъ словарныхъ работъ, писанныхъ подъ вліяніемъ Берынды, назовемъ, во-первыхъ, „Синониму славенороссскую“ XVII вѣка, напечатанную въ приложеніи къ „Очерку литературной исторіи малорусскаго нарѣчія“ П. Житецкаго. Далѣе, изданный въ 1722 году въ Супрасльскомъ монастырѣ „Лексиконъ, сирѣчь словесникъ славенскій“, представляетъ собой извлеченіе изъ „Лексикона“ Берынды. Въ послѣдующее время супрасльскій „Лексиконъ“ трижды перепечатывался въ Почаевской лаврѣ: при книгѣ „Богословія нравоучительная“, вышедшей въ 1751 и 1756 гг., и отдѣльнымъ изданіемъ въ 1804 году [4]).

Но вліяніе „Лексикона“ Берынды не ограничивалось предѣлами Юго-Западной Россіи. Въ 1649 году въ валашской Козіи монахъ Мардарій написалъ **Леѯїконь славено-влашескїй и именъ тлъкованїе.** Образцомъ и источникомъ для Мардарія явился словарь Берынды [5]).

---

[1]) Близъ гор. Орши Могилевской губ.

[2]) Оцѣнку изданія Сахарова см. у *Филарета:* Обзоръ русской духовной литературы. Спб. 1884, стр. 188 — 189 и у *П. И. Житецкаго:* Op. cit. стр. 37.

[3]) См., напримѣръ, рукопись Общества Нестора-лѣтописца № 27, конца XVII вѣка *С. Масловъ.* Описаніе рукописей Ист. Общ. Нест.-лѣтоп. К. 1908, стр. 44—45.

[4]) *Э. Калужняцкій.* Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Спб. 1886.

[5]) Трудъ Мардарія изданъ Gr. Cretu въ Букурештѣ въ 1900 году. См. статью *А. И. Яцимирскаго* въ „Извѣстіяхъ Отд. русск. языка и словесности Имп. Акад. наукъ“, т. XI, кн. 2, стр. 439—443.

Черезъ пять лѣтъ послѣ изданія „Лексикона“, 13 іюля 1632 года, Берында скончался. На его могилѣ была вырѣзана надпись, дошедшая до насъ въ польскомъ переводѣ Аѳанасія Кальнофойскаго:

Pambo Berinda, Corrector xiąg y Typographiey Pieczarskiey Director, Protosingiel S. Oyca Patriarchy Ierosolimskiego, Człowiek uczony; zostawił Lexicon Słowieńskoruski: po trudach zakonnych spowiedniczych y Drukarskich, tu odpoczął. Roku P. 1632. Julij d. 13.

Pambe Berinde tu śmierć złożyła
Ciężkim pagorkiem grob przywaliła:
Snadżby o nim zostali
Ludzie nie pamiętali.
Lecz zła iej rada, bo kto gdzie bieży
Mimo pagorek, czyta: Tu leży
Zakonnik doskonały
Pambo, w dobroci stały.
Często to bywa, iż zacieramy
Kogo naywięcey, szyrokie bramy,
Temu do wieczney sławy
Gotuiem bez zabawy [1]).

II.

Древнѣйшими представителями южно-русскихъ искусственныхъ виршей являются два стихотворенія Герасима Смотрицкаго въ Острожской Библіи 1581 года и „Хронологія“ Андрея Рымши того же времени.

---

[1]) Τερατούργημα. К., 1638, str. 48. Русскій переводъ эпитафіи см. въ „Сборникѣ мат. для истор. топографіи Кіева и его окрестностей“. К. 1874, отд. II, стр. 42–43. См. также *М. А. Максимовичъ*. Сочиненія, т. II. К. 1877, стр. 237.

Въ этихъ первыхъ опытахъ книжнаго стихосложенія уже намѣчены двѣ группы, на которыя можно разбить всѣ южно-русскія вирши конца XVI и первой половины XVII вѣка.

Вирши Герасима Смотрицкаго писаны такъ наз. риѳмованной прозой. Въ нихъ мы не найдемъ строгаго размѣра: одна лишь риѳма придаетъ имъ форму стиховъ. Въ послѣдующее время этимъ размѣромъ были написаны: Προσφώνημα 1591 г.—панегирикъ въ честь митрополита Михаила Рогозы, „Перло Многоцѣнное“ Кирилла Транквилліона (Черниговъ 1646) и нѣк. др.

„Хронологія“ Андрея Рымши писана правильными силлабическими стихами, широко употреблявшимися въ современной польской литературѣ. Этотъ силлабическій размѣръ очень быстро вытѣснилъ риѳмованную прозу и занялъ господствующее мѣсто въ южно-русскомъ виршеписаніи. Изъ многочисленныхъ панегириковъ, эпиграммъ на гербы и др. стихотвореній, имѣющихъ силлабическій размѣръ, назовемъ, для примѣра, **Вѣршѣ на пóгрѣбъ П. Конашéвича-Сагайдáчного**, сочин. Кассіаномъ Саковичемъ (К. 1622), и рядъ панегириковъ въ честь П. Могилы: **Ѵмнолóгїа** К. 1630, Εὐχαριστήριον К. 1632, Εὐφώνια **весєлобрмáчая** К. 1633.

Въ виршахъ, писанныхъ силлабическимъ размѣромъ, все болѣе получаютъ развитіе искусственные риторическіе пріемы, все чаще и чаще встрѣчаются классическія реминисценціи.

Вирши Берынды на Рождество Христово и др. дни, изданныя въ 1616 г. въ типографіи Львовскаго Братства, представляютъ брошюру, содержащую 18 ненумерованныхъ лл. въ 4-ку. Брошюра состоитъ изъ $4^1/_2$ тетрадей по 4 лл. въ каждой. Счетъ тетрадей ведется съ помощью буквъ **А, Б, В, Г** и **Д**, съ которыми соединяются цифры **в́** и **ѓ** для обозначенія второго и третьяго листовъ. Текстъ каждой стра-

ницы заключенъ въ рамку; глоссы, примѣчанія и встрѣчающіеся иногда на поляхъ заголовки отдѣльныхъ мѣстъ виршей помѣщены внѣ рамки. Внизу страницъ предрѣчія. Посвященіе Іереміи Тиссаровскому на об. 1-го л. и обращеніе къ читателю на об. л. 18-го напечатаны мелкимъ шрифтомъ; остальная часть брошюры—болѣе крупнымъ, по 24 строки на страницѣ. Заглавіе въ рамкѣ, имѣющей видъ свода, поддерживаемаго колоннами. Въ брошюрѣ четыре узорныхъ инціала: **К** (л. 1 об.), **Х** (л. 2), **К** (л. 9 об.) и **П** (л. 13 об.). Киновари нѣтъ. На лл. 2 об., 8 об., 12, 13 и 13 об. гравюры разныхъ размѣровъ, иллюстрирующія текстъ виршей. Л. 14 об. занятъ изображеніемъ св. Василія Великаго [1]).

По содержанію брошюра Берынды распадается на пять отдѣльныхъ стихотвореній: 1) **На рⷭтво хво вѣршѣ** (лл. 2—11 об.), 2) **На Стефана пⷮковнка** (лл. 12—12 об.), 3) **Ѯ҃ ˆЄⷭглїа на ѡбрѣзанїє гне** (лл. 13—14), 4) **Ѯ҃ ламентъ на Василїⷮ Великй** (лл. 15—15 об.) и 5) **На стыѧ Ѳеофанїа алъбо Бгѡявленїа** (лл. 16—18 об.). Эти пять частей сопровождаются: 1) стихотворнымъ посвященіемъ книги львовскому епископу Іереміи Тиссаровскому, въ которомъ авторъ проситъ принять ее **ꙁа колядоу҃ и ꙗдрый дн҃ь**, 2) стихотворнымъ же обращеніемъ къ читателю въ концѣ брошюры.

Вирши на Рождество Христово состоятъ изъ пролога, рѣчей семи отроковъ и эпилога. Въ рѣчахъ отроковъ гово-

[1]) Въ нашемъ распоряженіи находился экземпляръ Имп. Публичной Библіотеки *I. 8. № 12* изъ Древлехранилища Погодина. Экземпляръ прекрасно сохранился; оправленъ въ бумажный переплетъ съ кожаными корешкомъ и углами. На корешкѣ прежній значекъ книги (79). На оборотѣ перваго бѣлаго листа запись: „1845. Апр. 4. У Петра Мих. Смерж.. 100...“ (подъ ней карандашемъ: „вл..., въ Угорц.“). Форматъ брошюры безъ переплета—15,4 × 18,8 снт.

рится о дарованной намъ отъ Бога милости въ лицѣ Спасителя міра, который избавилъ землю отъ тяготѣвшихъ надъ ней такъ долго грѣха, проклятія и смерти. Радость эта собираетъ всѣхъ вѣрующихъ воедино, и отроки обращаются къ нимъ съ увѣщаніемъ приготовить свои сердца, освятить ихъ добрыми дѣлами, сдѣлаться вполнѣ достойными столь важнаго праздника. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ архангелъ Гавріилъ открылъ радостную вѣсть о рожденіи Христа пастухамъ, и какъ послѣдніе отправились въ Виѳлеемъ. Здѣсь, въ Виѳлеемѣ они привѣтствовали новорожденнаго Спасителя, Матерь Божію и старца Іосифа и прославили ясли, въ которыхъ возлежалъ Спаситель, вертепъ и Виѳлеемъ—мѣсто рожденія для людей духовнаго хлѣба. Шестой и седьмой отрокъ присоединяютъ къ этому еще разсказъ о томъ, какъ короли явились въ вертепъ поклониться Христу и поднесли ему дары—смирну, злато и ливанъ. Въ эпилогѣ, которымъ заканчиваются вирши на Рождество, вѣрующіе приглашаются освободить свои сердца отъ всего мрачнаго, печальнаго и освѣтить ихъ лучезарной радостью. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ свѣтлыхъ картинъ—результатъ ниспосланной благодати Божіей. Послѣ этихъ картинъ авторъ, не желая омрачать настроеніе читателей подробнымъ разсказомъ о жестокостяхъ Ирода, кратко упоминаетъ о Виѳлеемскомъ избіеніи и въ нѣсколькихъ словахъ даетъ описаніе мученій, которымъ подверглись невинные младенцы. Вслѣдъ за этимъ авторъ снова увѣщаваетъ христіанъ проникнуться радостью и веселіемъ и призываетъ ихъ воздать вмѣстѣ съ пастухами хвалу Богу.

Діалогическая форма изложенія, принятая въ разсмотрѣнномъ стихотвореніи Берынды, встрѣчается также у другихъ малорусскихъ писателей того времени, напримѣръ, у Кирилла Транквилліона въ „Перлѣ Многоцѣнномъ“ (Черниговъ 1646).

Текстъ Виршей на Р. Хр. иллюстрируется двумя гравюрами. Одна, на л. 2 об., изображаетъ поклоненіе пастуховъ. Въ вертепѣ въ ясляхъ новорожденный Христосъ; его окружаютъ: пр. Богородица (въ лѣвой части рисунка), Іосифъ и два колѣнопреклоненныхъ пастуха (справа). Въ просвѣтѣ дверей—головы быковъ, какая то человѣческая фигура (въ отдаленіи) и звѣзда. Размѣръ гравюры 5,7 × 7,3 снт. Другая иллюстрація (л. 8 об.) представляетъ поклоненіе волхвовъ. Композиція ея такова: въ лѣвой части рисунка—святое семейство: Богородица съ младенцемъ Христомъ на рукахъ и Іосифъ; передъ ними волхвы; одинъ изъ нихъ, на колѣняхъ и съ обнаженной головой, подноситъ дары. Надъ волхвами вверху звѣзда. Форматъ гравюры 5,7 × 7,4 снт.

Въ виршахъ **На Стефана Пѣвомника** излагается извѣстный библейскій разсказъ (Дѣян. VI, 8 слл.) о побіеніи архидіакона Стефана камнями.

Къ виршамъ приложенъ рисунокъ (л. 12): въ центрѣ Стефанъ съ воздѣтыми къ небу руками; вокругъ—толпа, метающая камни. На заднемъ фонѣ—зданія; изъ праваго угла—солнечные лучи, падающіе на Стефана. Форматъ гравюры 5,6 × 7,3 снт.

Въ виршахъ **На обрѣзаніе Господне** сообщается, во первыхъ, о самомъ обрѣзаніи, затѣмъ передается евангельскій разсказъ (Лук. II, 41—50) о бесѣдѣ отрока Христа съ книжниками въ Іерусалимскомъ храмѣ.

Къ стихотворенію приложены двѣ гравюры. Одна (л. 13) изображаетъ обрядъ обрѣзанія: на возвышеніи стоитъ священникъ, поддерживающій младенца Христа. Возлѣ Христа корзина съ голубями. Передъ возвышеніемъ колѣнопреклоненная Богородица; на заднемъ фонѣ группа человѣческихъ фигуръ (5 × 6,5 снт.). На другой гравюрѣ (л. 13 об.) представленъ Христосъ, окруженный книжниками. Ли-

ца послѣднихъ озадачены. Справа у входа двѣ фигуры, можетъ быть, Іосифъ и Марія (7,7 × 6,6 снт.).

Въ виршахъ **ꙁ҃ ла́мєнтꙋ на҃ Васілїє҃ Вєли́кїи҃** воспѣвается смерть Василія, архіерея Каппадокійскаго, и передается горе этой страны, лишившейся стойкаго борца съ еретиками и защитника церкви отъ окружающей неправды. И потому жители съ мольбой обращаются къ Василію и просятъ его снова явиться къ нимъ и не оставлять ихъ безъ своей помощи.

Сопровождающая текстъ гравюра представляетъ св. Василія въ архіерейскомъ облаченіи. Правая рука его благословляетъ; въ лѣвой — евангеліе. Изображеніе въ рамкѣ, съ надписью: **свтый Васі́лїє вєли́кы** (11, 6 × 17,4 снт.).

Въ виршахъ **На ст҃ыꙗ Ѳєофа́нїа** говорится о троичности Божества, открывшейся въ Богоявленіи, и о значеніи Крещенія Господня для спасенія рода людского изъ сѣтей діавола. Далѣе слѣдуетъ приглашеніе почтить достойнымъ образомъ праздникъ и молитва о заступничествѣ, обращенвая къ Іоанну Крестителю.

Въ заключительной статьѣ сборника, озаглавленной **До Чите́льника**, авторъ проситъ читателя быть снисходительнымъ къ его книжкѣ и либо признать за нею извѣстное значеніе („мѣстце дати“), либо, если читатель является болѣе „ученымъ“, написать другую.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книжки Берынды. Что же касается формы, стихотворенія ея примыкаютъ ко второму виду виршей того времени, т. е. писаны силлабическимъ размѣромъ. Въ нихъ вездѣ строго выдержанъ тринадцатисложный стихъ съ цезурой послѣ седьмого слога [1]).

[1]) Сборникъ Берынды, кромѣ печатнаго изданія, распространялся также въ рукописныхъ копіяхъ. См., напримѣръ, рукопись Моск. Синодальной библіотеки № 729, половины XVII ст. Вирши Берынды занимаютъ здѣсь лл. 5—26.

Въ предлагаемомъ ниже изданіи *Виршей на Рождество Христово и др. дни* мы старались воспроизвести по возможности всѣ особенности правописанія и языка брошюры 1616 года. Однако, вслѣдствіе недостатка шрифта въ типографіи, пришлось допустить нѣкоторыя упрощенія въ передачѣ различныхъ формъ для буквъ **о** и **с**: именно, особыя, круглыя начертанія этихъ буквъ, послѣдовательно употребляющіяся въ началѣ словъ, въ нашемъ изданіи вездѣ замѣнены черезъ обычныя, узкія формы ихъ.

Приложенные къ тексту *Виршей* снимки воспроизводятъ шрифтъ, гравюры и орнаментъ, находящіеся на листахъ 2 об., 8 об. и 12 первопечатнаго изданія.

Ант. Сычевская.

(л. 1) **НА РЖ҃ТВО Г҃А БГ҃А ˆИ СП҃СА НА́ШЕГО ˆІС ХА҃.**

ВѢРШѢ,

для оу҆тѣ́хи православны҃

Хр҃тїанѡмъ.

ВЪ ЛВО́ВѢ,

в́ Дрꙋка́рни Бра́тской, Ставро пигіоу.

Ро́кꙋ ѿ Въплъще́нїа Гн҃я,

҂ахѕі.

(л. 1 об.) **ДО ПРЕВЕЛЕБНО҃ В́ Х҃Ѣ, Е҃СТ҃ЛСКОЕ МЛ҃ТИ**

Кѵ҃ ˆІеремїи Тиса́ро҃ско҃ ˆЕп҃па Лво҃ско҃, и҆ про҃а,

Па́на мое́го Ми́лостивого.

В Х҃а̀ Ꙁбави́теля дня̀ того̀ Нарожéнье, 1.

˜И ꙁ́ высо́кости Бо́ꙁского на́съ навежéнье:

Крѡлéве Пéрскїе Пн҃а свѣта поути́ли,

Же го с́ трѡя́кими пода́рки привѣти́ли.

Ꙁ́ Мѵ́ромъ, ꙁ́ Кадиломъ, и҆ ꙁ́ Ꙁло́томъ го̀ вита́ючи, 5.

Бг҃омъ и Чл҃комъ Х҃а̀ выꙁнава́ючи.

"А ѥ҆жъ а҆ не́нзный зло́та и҆ сре́бра нѣма́ю,
"Ото у҃мъ могоу҆ тымъ та҆, Па́не мо́й вита́ю:
Па́не Милостивый, и҆ ѠУе превелебный,
Па́стырь до́брый, Цр҃кви Хв҃он потре́бный.
Ве́сполъ ꙁ҆ Веле́бнымъ Презвитерствомъ Ме́ста Лво́ва,
Котры́хъ рада к ꙁ҆вздова́ню за́вше гото́ва:
Ре́уїй котры́е бы къ хвале́ Бж҃о́й были,
"И людій до́ це́лю ꙁ҆бавенья приводили.
Не вꙁгоржа́юуи пра́цею слугѝ твое́го,
Малы́й ко́лосъ оу҆бо́гого жни́ва мое́го:
Прїйми҆ ѽ҆ "Архїере́ю Велїкїй зна́чный,
"Яко в ре́ухъ не похи́бне де́льный, и҆ ка́чный.
С҃ у҃е́нымн мнѣ ѠЦы Презви́термн свои́мн,
Ве́рнымн въ все́мъ съслужи́тельмн твои́мн.
Ꙁа Коладоу҆ и҆ Ѡдрый дн҃ь, Кнѧжеукъ тоу҆ю,
Пра́зника за́цного на памятку сто́у҆ю.
Котра́л то҆ пре́зъ де́тѡкъ е҃сть декламова́на,
"И дла҆ оу҆те́хи на дн҃ь то́тъ, ꙁ҆ Дроу҆ку҆ выда́на.
Пре́тожъ е҃и҆ ны́не за Коладоу҆ мѣноу҆ю,
"И за Ѡ́дрый день с҃ хвдо́бы споу҆л ѡфероу҆ю.
Та́къ Сти́тельства ва́шего Превелебностн,
Яко и҆ цно́й Презви́тер[є]н Лвѡвскихъ вда́уностн.
Къ все́мъ пово́лнымъ слугою́ хотѧи҆ бы́тн,
"И пожи́токъ собо́ю Цр҃кви оу҆уннити.
"Якобы сла́ва твоа҆ ѠУе проквита́ла,
Кгды́ бы са с҃ кни́гъ хвала́ Бж҃ая помножа́ла.

Недосто́ны "Іеромона҃ Па҃вѡ Бери҃да Типогра́ф.

(л. 2) **НА́ РЖ҃ТВО ХВ҃О, ВѢРШѢ.**

ПРОЛОГЪ.

Хс҃ Ꙁбави́тѐ нн҃ѣ с҆ Па́нны нарожéный,
Ѿ Бг҃а ѻ҆ц҃а вéдлꙋ тѣ́ла оу҆велбéный.
Нн҃ѣ в҆ вѣ́рных щасли́ве нехà ꙁавитáе҃,
И҆ рáдо҃ в҆ срцꙋ кóжого ꙁ на҃ проквитáе҃.
Котры́й дн҃ѧ нн҃ѣшнего, дáлъ нáмъ доуекáти.
И҆ с҆ Па́нны Нарожéнье є҆гò ѻ҆глѧдáти.
Тóтъ ꙗ҆къ сáмъ вѣ́дае҃ нехáй тóе в҆ нáсъ спрáви҃,
Жѐ нáсъ рáдости вѣкоуи́стои набáвитъ.
Гóйнаѧ лáска нн҃ѣ, всѣ́мъ сѧ показáла,
Котрáасѧ ꙁдáвна ѿ Бг҃а ѻ҆бецáла.
Котроу́ю на нáсъ ѻ҆бфи́те вы́льлѧти рáчилъ,
Кгды́жъ нáрѡ҃ лю́дскїй в҆ оу҆пáдкꙋ неперебáчи҃.
Ꙁ высѡ́кости Нб҃а, ꙗ҆къ мл҃рдный ꙁышóлъ,
И҆ тоу҆ нá ꙁемлю дò нáсъ понижéны҃ пришóлъ.
Нн҃ѣ нáсъ сл҃нце ꙁе Всхóдꙋ справедли́вости,
Навежáет всѣ́хъ ꙁ гóйнои добротли́вости
Нн҃ѣ проклѧ́тъство ꙁа грѣ́хъ, ѿ нáсъ ѿстꙋпáе҃:
А҆ на тыхъ мѣстъ бл҃венъство настꙋпáетъ.
Нн҃ѣ теды̀ всѣ̀ рáдоуи́мѡсѧ в҆ дхо҃у гóйне,
Пн҃оу своемꙋ приготóвившисѧ стрóйне.
Ꙗ҆кобысѧ кóждый ꙁ нáсъ мóглъ тогò по҃нѧ́ти,
Пн҃а Ꙁбави́телѧ в҆ срце своѐ принѧ́ти,
(л. 2 об.) Вертéпомъ и҆ ꙗ҆слѧ́ми себѐ спорѧди́вши,
Ꙗ҆къ пáлацъ дш҃ꙋ своѝ цнѡ́тами ѻ҆бби́вши.
Гóднаѧ бовѣ́мъ є҆́стъ, а҆бы̀ тогò поучи́ти:
Котры́й ты́жъ длѧ на҃ рáчи҃ тóе оу҆чини́ти,

Же сл Бъ̃ пр҃ѣвѣчный подъ лѣты Ѵ҃лкомъ стáлъ,
Абы ю҃ кóждый ꙁ на҃ ꙁ грѣхá оу҃пáкъ повстáлъ.
Рождáй невѣстьй с̀ клятвы ю҃жъ є҃ оу҃волнéный.
И вéсь нáродъ людзкíй, ѿ Ба҃ оу҃вельбéный.
Прéтожъ невѣсты хотѣте быти Панна҃мн,
҆Абы́сте пр҃ѐ чистость былн Хр҃у Маткáмн.
Хр҃с нйѣ длá йá рáуй҃ сл народи́тн,
Вс҃ѣ́ ѣмъ ꙁá то хотéмо вдáнымн бы́тн.
Хр҃с ꙁ нб҃а, вс҃ѣ́ прот҃и́ нéмъ выходéмѡ.
҆Нзъ ꙁемлѣ́ к̀ Нб҃оу, дшáмнсл пр҃ѳносéмо.
Хр҃с нá ꙁемлй҃, вéсело Пйоу спѣвáйте:
Ут҃ь̃ й҃ хвáлоу, йменй҃ ѣгѡ̀ ѿтдавáйте:
Жѐ нáмъ ѣ҃къ вѣрнымъ рáунлъ доуекáти дáти,
Дйь̃ свѣ́тлый Нарожéна ѣгѡ̀ ѳглядáти.

(л. 3) **ВТѲРЫН ҆ОТРОКЪ.**

Нйѣ Внѳлеємъ, Домъхлѣба, Цр҃ковь Хв҃а:
Всѣхъ нáсъ гóйне оу҃тúти бѣдзун готова.
Хлѣбѡ҃ котры́й к̀ нáмъ ꙁ нб҃а ꙁышѡ҃ невымóвны҃й.
҆И напóемъ животá вѣчного коштóвным҃ъ.
Всѣхъ нáсъ до коу҃пы вѣрных҃ъ Хв҃ых҃ъ, ꙁꙁывáет.
҆И рáдость невымóвнзю ѳповѣдáетъ.
Котроу҃ю тáмъ ҆Аг҃лн Пáстырмъ ꙁвѣстúлн,
҆И йхъ таковóн рáдости домѣстúлн:
Котрáлса то̀ к̀ Внѳлеємѣ показáла,

---

28. Противъ этой и слѣд. строкъ, въ лѣвой части страницы — гравюра, изображающая поклоненіе пастуховъ (см. снимокъ № 1).

31. На поляхъ: Хто к҃ов҃ѣ҃ ст҃а҃ панéства лю́бі҃ подóбнтса с҃ Бц҃й҃.

Гдѣ Пáнна Сн҃а надъ надéю ѳглядáла.
К' Кнолеéмѣ пóдлomъ телéснеса нахóднтъ,
Бъ҃, з высóкости нб҃а, на́ зéмлю к' на́ сходи҃.
К' Вертéпѣ нéндзномъ, в пелюшкнса повнвáет.
ˆН в ясле҃ выдлáтъ нерозоумныхъ споуквáе҃.
ˇѲ уоудо страхъ пóлно, тáкъ невымóвного:
ˇѲ таéмницо Монáрхи збыть неróвного.
Котрóго нб҃о нѣкгды немóжетъ змѣщáти,
ˆН бы́ я҃кій розмъ велúкости сстнгáти:
Того́ малéнькїй живóтъ Пáнéньскїй змѣщáет,
ˆН вертéпъ тáкъ нéндзный телéсне ѳгортáе҃.
ˇѲ уоудо надъ всѣхъ дúвне з вѣкъ дивнéншее,
ˇѲ мéстце на́ нб҃о бáрзѣй коштовнéйшее.
Котрый́ бовѣмъ на Хероувúмохъ поуквáетъ,
Тóтъ в вертéпѣ и҃ слехъ тътъ перебывáе҃.
(л. 3 об.) Того́ Пастухóве хéнтне вéнцъ навѣжáютъ,
ˆН Крwлéве Пéрскїе с подáркн витáютъ.
ˇѲ справы, таéмницъ такúхъ наполнéные,
ˆѲ я҃слн предúвне з Бо҃ оувельбéные.
ˆѲ котрыхъ вóлъ и҃ ѳсéлъ с покóрою стоáтъ,
ˆН надъ їзрáилл лéпшеса Бо҃ боáтъ,
Тыхъ и҃ Моцáръства нб҃ные ѳкрѫжúлн,
ˆН уúны ˇАггльскїе гоуфомъ ѳступúлн.
Предъ вáмн я҃слн Серафúмн оупадáютъ,
ˆН бóязню велúкою знáти бывáютъ.
ˇЯкъ пре҃ Маестáтомъ ѻнымъ Бо҃ства ѳгнúсты҃,
ˆН ѿ свéтла Тр҃цн Стóн пломенúстымъ.
С' страхомъ пѣ ѥмъ прнсвоúтью спевáюун,
Слóва всéм нáмъ потéшныи выражáюун:

Хва́ла на высо́кѡстѧхъ Бо҃у, неха́й боу́детъ:
Котро́мꙋ нѣ́кгды на хва́лѣ є҆го̀ неꙁбоу́дѣ҃.
Ѧ҆жъ сѧ поко́ю нн҃ѣ ꙁемлѧ̀ доуека́ла,
Котра́ѧ то̀ та҃ до́лго по҃ проклѧ҃тво҃ тръва́ла.
Бовѣ́мъ всю́ды межи людми̇̀ до́браѧ во́лѧ:
Пѣ҃ на҃ та́ѧ ѿ Пастꙋхѡ҃ ꙁабръмѣ́ла с҆ по́лѧ.
Котры́хъ не ѿре́чи ꙁда́лобысѧ спыта́ти,
Кгды̀ бы и҆́хъ тоу҆ бы́ло о҆бе́цне на҃ вида́ти.
Котры́хъ та́мъ ѡ҆ни̇̀ ре́чїй самови́дци бы́ли,
Ѧ҆ щѡ́сѧ ꙁа тае́мницъ ѡ҆́чне насмотри́ли.
(л. 4) Ѧ҆ж бы то̀ на́мъ хотѣ́ли ѡ҆ всю́мъ о҆ꙁнайми́ти,
Ѧ҆ по́вѣстю всѣ́хъ на́съ го́йне роꙁвесели́ти.

ТРЕ́ТЇИ ѦОТРОКЪ.

Є҆стъ ли̇̀ тоу҆ кто̂ с҆ Пастꙋхѡ҃ не́хъсѧ о҆ꙁываѐ҃;
Ѧ҆ ѡ҆ ты́хъ то̀ ре́чахъ с҆ по́вѣстю выстꙋпа́ѐ҃.

ЧЕТВЕ́РТЫИ ѦОТРОКЪ.

Ѧ҆обе́цне ꙁ҆ ѡ҆́ныхъ жа́денъ сѧ тоу҆ не найдоу́етъ,
Ѧ҆нисѧ самови́децъ кто̂ бы́ти меноу́етъ,
Ѧ҆ле о҆́во котры́й не ра́ꙁъ ꙁ҆ ни́мисѧ ꙁноси́лъ,
Ѧ҆ ꙗ҆́къ тѡва́риства пи́льне ѡ҆ то проси́лъ:
Ѧ҆бы̀ го ѡ҆ ре́чахъ вѣ́домымъ оу҆чини́ли,
Котры́хъсѧ ѡ҆ни̇̀ в҆ Виѳле́емѣ насмотри́ли,
То́тъ ва҃ то҃, стате́чнꙋю спра́вꙋ мо́жѐ да́ти:
Щѡ̀ ѿ па́стырꙋ҃ Виѳле́емски҃ мо́глъ слыха́ти.

ПЯ́ТЫИ ѦОТРОКЪ.

Впра́вдѣ ꙗ҃ є҃т, котры́й то̀ ꙁ҆ ни́ми бы́лѐ пото҃:
То́ єстъ по Нарожéню Ꙁбави́телѧ ст҃о́мъ.

Справѣ мн҃ѣ ѡ҃нѣ такоу́ю ѡ҃ ре́чахъ да́лн,
Котроу́ю є҆ Вноле́емѣ ѡ҃чне ѻ҃гладалн.
᷑Нжъ повѣда́е҃ кгды҃ на́мъ прншло҃ вартова́тн, 105.
᷑Н ѡ҃ко́ло ста́дъ чоу́лымнсл найдова́тн.
В ноун҃ пр҃ве кгды҃смы звы́кле пнльнова́лн,
᷑Н споко́йности ѡ҃ве́цъ перестерега́лн.
(л. 4 об.) ᷑Агг҃лъ зна́гла гдеськ взавшн, тоу҃ ста҃ на҃ на́мн:
Некры́дачнсл оубѡ́гнмн Пастѣха́мн. 110.
᷑А снáть са́мъ-то҃-Гаврїи́лъ Архагг҃лъ звѣстнте҃,
Скрнты҃ Бжї҃и҃ з҃ вѣка таѥ́мницъ слѫжнте҃.
᷑Н ѥ҃ нимъ зарazъ та́мже свѣтло҃ҭ на́съ ѻ҃крѫжнла.
Всѣ҃ тыжъ н҃ стра́хѫ ѻ҃кроу́тного накормнла.
Жехмы҃ залѣ́двеся могли҃ оу҃памата́тн, 115.
Бо́ся то҃ на҃ нѣкгды не трафа́ло видáтн.
᷑А залѣдвеся пре́зъ ᷑Агг҃ла памата́вшн,
᷑Н на го́лосъ ѥ҃го҃ оу҃шн свои҃ нада́вшн.
Котры́й до на́съ мо́вилъ, не бо́йтеся не бо́йте,
Прн кауе́ню тылко коу҃те, а҃ ме́нжне сто́йте. 120.
᷑Ово ра́дость ва́мъ го́йнзю ѻ҃повѣдоу́ю,
᷑Н пре́зъ ва́съ всѣ́мѫ свѣ́тѫ ѥ҃ѣ҃ ѻ҃знаймоу́ю.
᷑Нжъ са нйѣ Хс҃ Пн҃ъ народи́лъ Збавн́тель,
Всего́ свѣта з҃ невóлѣ клатвы҃ ѡ҃кзпи́тель.
᷑А ѣ҃ Мѣстѣ Двѣ҃мъ нйѣ са то҃ ста́ло, 125.
᷑Н ѣ҃ Вертепѣ Вноле́емскомъ показа́ло,
Котро́н то҃ скоу́токъ пра́вды вне́тже оу҃зрнтѣ,
Ско́ро тылко Вноле́емъ Мѣсто наведнтѣ.
᷑Алеть та́мъ зна́йдете днта́тко повнтое,
᷑Н ѣ҃ жо́лобѣ сѣномъ пове́рхѫ прнкрнтое. 130.
Зꙗ Ма́ткою власною, а҃лѥ ѡ҃це́мъ мнема́нымъ,

Ста́рцѣ̑ та́къ статє́чны̑ ˆІѡ́сифо̑ назва́ны̑.
(л. 5) То́є кгды̀ ˆАг҃глъ (повѣда́єтъ) до на́съ мо́вилъ,
Внє̑жеся гоу́фъ ˆАг҃гл́скїй ктомоу̀ приготови̑.
ˆИ нѣ̀мъ ˆАг҃глъ о̑ный звѣствоу́ючи ѿстꙋпи́лъ,
Зара́зъ рицы́рства нб҃ного полкъ настꙋпи́лъ.
Мно́зство ˆАг҃гл́ское нѣ́кгды не зличе́ное,
ˆЯсностю ба́рзо ѿ Бг҃а оу̑вельбе́ное.
Котры́є Бг҃а тво́рца своє́го хвали́ли,
ˆИ и̑мѧ̀ є̑го̀ го́лосомъ всѣ̑ выноси́ли.
Хва́ла на высо́кѡстѧхъ Боу̑ спѣва́ючи,
ˆА тоу̑ на земли̑ по́кой о̑повѣда́ючи.
ˆИжъсѧ в́ лю́дехъ до́брое зезволе́нье ста́ло,
Котро́єсѧ ю̑жъ скоу́ткомъ з́ Бг҃а показа́ло.
ˆИ кгды̀ Аг҃гли ѿ на́съ на́ Нб҃о ѿишли̑,
Мы́сьмы зара̑ затꙋ̑ до Виѳле́ема пришли̑.
ˆИ ꙗ̑къ на̑ ˆАг҃глъ о̑ный, вы́шъ ѡ̑ то́мъ повѣда́:
Ко́ждый з́ на̑ та́мъ о̑чеви́сте то́є о̑гледа́л.
Бо̀ ско́росъмы до̀ Верте́пꙋ ст҃го вошли̑,
Всє́сьмы та̑ ве́дл҃ꙋ сло̑ до̀ на̑ ˆАг҃гльски̑ зна̑ли̑.
Їѡ́сифа, Ма́ткꙋ, и̑ Дитѧ̀ пови́тоє:
Гдѐ на́съ зара́зъ зня́ло, весе́лѧ о̑бфи́тоє.
Бо́лшаѧ бовѣ́мъ на̑ та̑ свѣ́тлость о̑свѣти́ла,
ˆИ оу̑мѣє́тность мо́вы до̀ на́съ пристꙋпи́ла.
Жѐ кгды́сѧ на́мъ здари́ло то́є о̑глѧда́ти,
Поучали́смы Пн҃а в́ ты́є слѡва̀ вита́ти:
(л. 5 об.) Цр҃ю несмр҃тельный всѣ́хъ ре́чїй створи́телю,

---

157. На поляхъ: оу̑кло̑ до̀ Хр҃а, ѿ пастꙋхѡвъ.

Пн҃е створе́нья своє́го ѿкꙋпи́телю.
Котры́йсь ра́чилъ на́ ся тѣ́ло то́є приня́ти.
Ѝ непрїя́телеви с̾ паще́ки ѿня́ти
Чл҃ка, котро́гось ты̑ са́мъ створи́ти ра́чилъ:
Ѝ в̾ оу̑па́дкꙋ є̑го́ до̀ конца̀ неперба́чилъ.
Предъ тобо́ю Тво́рцемъ на́шимъ оу̑пада́ємѡ,
Ѝ дш҃ѣ нш҃ѣ в̾ ꙗ҆́слехъ ты́хъ подстила́ємѡ.
К котры́хъ небри́дитъся нн҃ѣ о̑поучива́ти.
Ѝ ни́ми то̀ по во́ли сво́єй справова́ти.
Тебѐ мы̑ в̾ ма́ломъ Дитя́ткꙋ вызнава́ємѡ,
Ѝ вели́кого Бг҃а о̑повѣда́ємѡ.
Тобѣ Бг҃е нш҃ъ неха́й боу́детъ ч҃ть и̑ хва́ла,
Ѝжъся того̀ простота̀ н҃ша доуека́ла.
Тебѐ неви́димого в̾ тѣ́лѣ о̑глѧда́ти,
На котро́гося троу́дно мо́жетъ позира́ти,
Ѝ самы́й то́тъ зо вс҃ѣ́ першїй, чи́нъ Херꙋві́мскїй:
Єсте҃ бо҃вѣ́ ты̑, стра҃ный Тво́ре҃ Серафі́скїй.
Дѧ́кꙋємо ти̑ Пн҃е жесь на́съ непреба́чилъ,
Ѝ на́ми хꙋды́ми погордѣ́ти не ра́чилъ.
На́дъ всѣ́хъ є҆́сь на҃ ты́мъ нн҃ѣ ра́чилъ оу̑велби́ти,
Ѝжъ впро҃ вс҃ѣ́, да́лесься на҃ себѐ насмотри́ти.
Щасли́высьмы соу́тъ мы̑, того́ся доуека́вши:
Ѡ щасли́выє ѡ҆́чи Пн҃а о̑глѧда́вши.
(л. 6) Пото́мъ и̑ до̀ Ма́тки мѡ́вы ты́є ве́нцъ бы́ли,
До̀ котро́и, слѡва̀ такі́є походи́ли.
Ѝ ты̑, ѡ҃ Матко и̑ Дв҃о пренайчи́стшаѧ,
На҃ ч҃ты҃ з̾ вѣ́кꙋ в̾ ч҃тости презроучи́стшаѧ.

---

183. На поляхъ: поздрове҃е до̀ преч҃тои.

Боу̂дь ѿ на҃ Пастꙋхѡ́въ ты́хъ, нн҃ѣ поздрове́на:
Котра́ѧсь на҃ всѣ̂хъ з҃ Ба҃ на́ддеръ оу̂велбе́на.
Надъ Хероувімы бовѣмъ е҆́стесь ч҃тнѣ́йшаѧ,
Ѝ Серафі́мѡвъ зайсте хвалебнѣ́йшаѧ.
Щасли́ваась ты̂, жесьсѧ того̀ доуека́ла,
Ѝ Ма́ткоюсѧ Тво́рцꙋ свое́мꙋ назва́ла.
Щасли́вый живо́тъ в́ кото́ро҃сѧ втѣли́ти ра́чил,
Ѝ длѧ̀ грѣха̀ по́длость на́шꙋ, неперебачилъ.
Щасли́ваась всѧ̂ надъ всѐ, и҆́ле е҆́стъ створе́нье:
Кгды́жесь породи́ла всего̀ свѣ́та збаве́нье.
Боу́дьже нн҃ѣ ра́достие ѿ на́съ поздрове́на,
На҃ всѣ̂хъ ста́вшисѧ ѿ Ба҃ та̀къ оу̂вельбе́на.
Прѡ́стые рѵ́ѳмы ты́е, вдѧ́чне прїймоу́ючи,
В́ оу̂па́дкꙋ дш҃ъ на́ш҃и, за́вше на́съ ратоу́ючи.
Ты́сь бовѣмъ ѿ Дв҃о Мт҃и, нш҃а коро́на:
Ты́сь всѣ́мъ вѣ́рны҃ по̀ Сн҃ꙋ, мо́цнаѧ ѻ̂бро́на.
Ѝ ты̂, ѿ ста́рче Іѡ́сифе, збы́ть трвожли́вый,
В повѣре́номъ тобѣ̂ клейно́тѣ боѧзли́вый.
Сѣди́вости пова́жнаѧ, боу̂дь поздрове́на,
Опе́кою тое́ю ѿ Ба҃ поуте́на.
(л. 6 об.) Боу̂дь нн҃ѣ в́ нарожéню то́мъ розвеселе́ный,
Вца́ле захова́вши тала́нтъ тобѣ̂ звѣре́ный
Стро́жꙋ вели́кихъ та́инъ Бо́зского зрѧже́нѧ,
Слоу́го невымо́вного е҆го̀ нарожéньѧ.
Лю́баась ты̂ на́мъ на везре́нье, ѿ сиви́зно,
По́лнаѧ боу́дꙋчи вшелѧ́ки҃ цнѡ́тъ стари҃но.
Боу̂дь ве́сюлъ в́ Ха҃ Пн҃а нн҃ѣ нарожéню,
Ѧ҆жъ до ко҃нца̀ Бо҃ски҃ спра́в слоу́жачи прѣ̂зре́ню.

201. На поляхъ: до̀ і҆ѡ́сифа.

Потымехмыся Ꙗслемъ стымъ оуклонили,
Ѝ до нихъ также пожегнанье оучинили:
Ѡ и вы Ꙗсли, Маестате Херовимскїй:
В котрых лежит повитый, Творец Серафимскїй.
Ꙁа найдорожшїй васъ клейнотъ нинѣ маемѡ,
Ѝ на колѣнкахъ предъ вами оупадаемѡ.
Ѹчтивость пристойнꙋю вамъ выражаючи,
Котрый тꙋ в пелюшках, Бгомъ выꙁнаваючи.
Гдесьмы ꙁатымъ и Вертепъ пайкне привѣтили,
Ѝ вышедши ꙁ него оуклонъ мꙋ вчинили.
Ѡ пртый Вертепе, коштовный палацꙋ:
Ꙗкесь томꙋ то Монарсѣ досыт далъ плацꙋ;
Котрого все створенье в собѣ неꙁмѣщаетъ,
А в тобѣ тотъ телесне досыт мѣстца мае!
Ѡ великъжесь ты Вертепе, и такъ выкраный,
Жесь не ест жадными скарбы ошацованый.
(л. 7) Рыцыръство тя Нбное, вкроугъ остꙋпило,
Ѝ вколо пѡлками своими отоучило.
В Армонїю на хоры, сличне спеваючи:
Ѝ ꙁгоднымъ голосомъ, весело волаючи:
Слава въ вышнихъ Боу, кгдыжся то такъ стало:
Ꙗкъся ꙁдавна ꙁ Дха Стго обецало.
Ѝ оуклонъ ꙁновꙋ предъ Вертепомъ оучинивши,
Ѝ втом на мѣстося Виѳлеемъ посмотривши,
Ѝ ты Виѳлееме, радостне промовили,

215. На поляхъ: пожегнае Ꙗслїй.

223. На поляхъ: привѣ до вертепꙋ.

237. На поляхъ: пожегнае виѳлеема.

ˆИ мѣ́сто о҆́ное хе́нтне поздоро́вили:
Не е҆́стесь ты̀ з҆ межѝ мѣ́стъ Жидѡ́вскиⷯ по̑лѣ́йшїй
ˆИ о҆́вшеⷨ на̑ ниⷯ всѣ́хъ найдоу́еⷨся зацнѣ́йшїй:
ˆАковѣ̑мъ Во́жа лю́дѡви с҆ тебе́ся да́ло,
ˆИ та́къ до́брогося Па́стыря оу҆каза́ло.
Котры́й дѡ̀мъ Іи҃льскїй оу҆па́длый поднесе́тъ.
ˆИ ѡ҆́вцоу̀ згиноу́лую, на собѣ̑ принесе́тъ.
Боу́дьже ю҆́жъ поздрове́на, крайно ст҃а́я,
Хв҃и наше́дшися ѿчи́зна така́я.
Предъ тобо́ю Виѳле́еме оу҆пада́емѡ,
ˆИ ты́ми тя̑ слѡ́вы любо́вне жегна́емѡ.
ˆАковѣ̑мъ и҆́ле на̀мъ ˆАг҃гли звѣстова́ли,
Все́хмы то̀ нн҃ѣ, ѡ҆́чне в҆ тобѣ̑ о҆гляда́ли.
Зо все́го теды̀ Бо҃у чⷭ҇ть и҆ хва́лу да́вши,
ˆИ та́къ з҆ Виѳле́емо̑ся пя́йкне пожегна́вши:
(л. 7 об.) ˆИ з҆ дале́чка за̀сь зно́вухмыся оу҆клони́ли,
Хо́ть простачкѡ́ве, чи̑ могли̑ Пн҃а поучи́ли.
ˆИ пре́чъ ю҆́жъ ѿше́дши почали́съмы спѣва́ти,
ˆИ з҆ ра́дости о҆́ное го́йне выскака́ти.
Прѐзъ по́ле до̀ ста̑ свои́хъ що̀ вско́къся ма́ючи,
В пища́лки ве́село собѣ̑ заграва́ючи.
Пото̀мъ пѣ̑сни почали́хмы про́сто склада́ти,
ˆИ при̑ музы́цѣ пасты́рской корнкгова́ти.
Наконе́ц, кгды́съмы ю҆ⷤ до̀ коша́рнь свои̑ⷯ пришли̑,
Та́мехмы я҆́къ и҆ пе́рше вс҃е за̀сь вца́ле нашли̑.
Гдѐ ты̀жъ и҆ ѡ҆́вечки̑ на̀мъ весе́лья дода́ли,
Кгды́съмы и҆ в҆ пища́лки на́шѣ ра́зне загра́ли
Бо̀ бегéчучи почали̑ рѣ́зко скака́ти,
Ра́дости и҆ весе́лья на̀мъ збы̀ть додава́ти.

По горахъ и̑ падо́лахъся оу̑гана́юун,
Нàсъ ско́кн своѝмн оу̑добромысла́юун.
К тыѣ мн̑ слова̑ Пастѣхо́ве поведа́лн,
Цоко́лвекъ слы́шалн и̑ ѿуне о̑гладалн. 270.
Котры̑ то̀ тàмъ ре́уїй, а̑уко́лве̑ и̑ сàмъ не видѣ́л:
Кшáкже цюмъ ѿ ни̑ слы́ша̑ то́е̑ о̑повúдѣл:

ШЄ́СТЫН ОТРОКЪ.

ˆИ кымъ тыжъ ѿ ˆАстрола́тра̑ Крóлехъ промо́ви̑,
Нáцюмъся а̑уко́лве̑ зовсѣ́мъ и̑ не гото́ви̑:
(л. 8) Кшáкже хотѣ́л кымъ ѿ нúхъ змѣ́нкѣ оу̑унúнти 275.
ˆИ скúдся взáлн фılеóртомъ о̑бáсни̑тн.
С котро́го Мѣдрцѣ ѿные, родзáю пошлú:
ˆИкъ ˆИродова о̑крѣте́ньства штоу̑не оу̑шлú.
ˆИкъ ѿнú Кнолеѣмъ, и̑ Керте́пъ навѣдúли:
ˆИ цю̀ за прнвѣ́тъ тàмъ, до̀ Ба̑ оу̑унúли. 280.
Мона́рсѣ Нѣномѣ о̑уклóны уни́лун,
Ба̑ несмртéльного, Чáкомъ ви́дмун.
ˆИкъ тàмъ пода́рки коштóвные ѿдава́ли,
ˆИ я̑къ Прѣ̑тою Мѣ̑тръ Дѣ̑оу, внта́ли.
ˆѺ тóмъ всю̑ шнрóкѡ бы̑ на тымъ мѣ̑сцѣ пра́ви̑, 285.
ˆАле же кымъ не былъ прúкрн̑, и̑ вàсъ небáви̑:
ˆОво дроу̑гїй в̀ кро́тце за ме́не то̀ ѿпра́вntъ,
ˆИ вàсъ не до́лго мóвою ѿ тóмъ зака́вntъ.

---

272. Дальше мелкимъ шрифтомъ: **Спѣва́ти: Сла́ва въ вы́шни̑ Бѣ̑: Стр̑ѣ, по и̑, ѯл̑: на ρо̑: Хво.**

273. **ˆАстрола́тра̑**, на поляхъ поясненіе: **сѣздослоужи́телехъ.**

276. **фılеóртомъ**, на поляхъ: **празнолю́бцем.**

Ты́лько тоу̑ на то̀мъ мѣ́стцꙋ, то́є оу̑важа́ю:
Ѧ҆бы́сѧ ве́дл҃ꙋ ни̑хъ найти̑, в҆ то̀мъ побꙋжа́ю.
Ꙗ҆къ ѡ̂ни та́мъ трѡѧ́кїє да́ры ѿда́ли,
Та̀къ мы̑ вѣрꙋ надъ всє̂, а̂бы́съмы ꙁахова́ли.
В трѡ̂хъ персѡ́нахъ правди́вого Бг҃а є̂дно́го,
Ве́длꙋгъ повше́хнего в҆ на̀съ выꙁна́нѧ ст҃го.
При̑ то̀мъ мл҃ть, ме́жи собо́ю мѣ́ти:
Ѧ҆ є̂ди̑нъ дрꙋго́го, поважа́ти оу̑мѣ́ти.
А҆ до̀ того̀ и̑ надѣ́ю, ꙁ҆ до́брои вѣ́ры:
Не хотѧчи̑ до̀ ꙁбаве́ньѧ хи́бити мѣ́ры:

(л. 8 об.) **СЕ́ДМЫИ Ѧ҆ОТРОКЪ.**

В҆ Ѳеофа́нїи Хв҃оѵмъ, Крѡ́леве пришли̑:
Ѧ҆ ве́длꙋгъ коме́ты, в҆ Верте́пѣ Цр҃ѧ̀ нашли̑.
Гдѐ ра́достю невымо́вною, бы́ли ꙁнѧ́ты:
Ѧ҆ ѿ Прч҃тои Ма́тки, вдѧчне принѧ́ты.
Та́мже с҆ стра́хомъ вели́кимъ, Нп҃а привита́ли:
Ѧ҆ пѡда́рки мꙋ, трѡѧ́кїє ѿдава́ли.
Не красомѡ́вствомъсѧ, ве́длꙋгъ свѣ́та ба́вѧчи:
Ѧ҆ нѣсѧ̀ ꙗ҆́къ Крѡле́ве, с҆ по́мпою ста́вѧчи.
Смѵ́рною, ꙗ҆́къ смр҃те́льного, Хр҃а поути́ли:
Ѧ҆ пре́ꙁъ ню, Въскр҃нїє є̂го̀ ꙁначи́ли.
(л. 9) Ѧ҆ Ꙁло́то ꙗ҆́къ Кро́леви, бы́ло те́жъ ѿда́но:
Пре́ꙁъ щѡ̀ Цр҃тво є̂го̀, бы́ло фїкгꙋрова́но.
Лiва́нъ те́жъ и̑ то́тъ, ꙗ҆́къ Боу̑ о̂фѣрова́ли:
Ѧ҆ несмр҃тльность є̂го̀, пре́ꙁень выража́ли.

300—301. Между этими строками — гравюра, изображающая поклоненіе волхвовъ (см. снимокъ № 2).

Седмыи отрокъ.

Въ Ѳеофанїи Хвоумъ, Крѡлеве пришли:
И ведлугъ кометы, въ Вертепѣ Цр҃ѧ нашли.

Гдѐ радостю невымовною, были знѧты:
И ѿ Прчтои Матки, вдѧчне принѧты.
Тамже съ страхомъ великимъ, Пна привитали:
И подарки му, трѡѧкїе ѿдавали.
Не красомѡвъ своимъсѧ, ведлугъ свѣта бавѧчи:
А нѣсѧ ѧкъ Крѡлеве, съ помпою ставѧчи.
Смурною, ѧкъ смртельного, Хр҃ почтили:
И презъ ню, Въскрнїе его значили.

И Злото

Превзя́тость Бо́зства, створе́ню о̂бꙗсня́ючи:
 ˆИ ты̑ балвохва́лство, з́ кгроу́нтꙋ скоренꙗ́ючи
Крѡ́леве пога́ньскїе, о̂воцъ з́ себѐ да́ли:
 Пре́зъ то́е, жѐ Бг҃а правди́вого позна́ли.
Валаа́ма про́дка наоу́къ наслѣдоу́ючи:
 Ни́чъсѧ на звѣздѣ̀ о̂нꙋй, нео̂шꙋкоу́ючи,
Кгды̀жъ на̑ и̂ниши̑сѧ плане́тъ дивнѣ́й оу̂каза́ла,
 Бо̀ незвыча̀йнꙋю доро́гꙋ торова́ла.
Бѣ̀гъ своу́й ве́длꙋгъ ˆАстроло́кгїи ѿмѣни́вши,
 ˆАстроло́кгꙋвъ Бг҃омы́сльными оу̂чини́вши.
Котра́ѧ то̀ сна́ть, мо́цъ Бо́зскаѧ бы́ла:
 И и̂хъ до̀ вла́сности та́мъ ре́чїй, приводи́ла.
С кѡтры́хъ а̂бы̀ Бг҃а правди́вого позна́ли,
 ˆИ Тр҃ци Ст҃о́й, ч҃ть и̂ хва́лꙋ ѿдава́ли.
Створе́нѧ ѿ того̀ ча́сꙋ понижа́ючи,
 ˆА всѣхъ ре́чїй створи́телѧ вывыша́ючи.
С котры́ми и̂ мы̑ нн҃ѣ да́ры Боу̑ да́ймѡ,
 ˆИ трісѵноста́тного (sic!) бы́ти вызнава́ймѡ.
Сла́ва въ вы́шнихъ: всѣ̂ с́ пасты́рми спѣва́ючи,
 ˆА з́ Вѡ́лхвы предъ Бг҃омъ нн҃ѣ оу̂пада́ючи.
(л. 9 об.) ˆИ а̂бы́хмы ва̀съ бо́льше ю̂жъ в́ мо́вѣ не ба́вили,
 И по́вѣсти ѡ̂ да́льшихъ ре́чахъ не пра́вили.
Слоу̂въ ѿ̂ныхъ с́ ча́сомъ ты̀мъ хо́чемъ занеха́ти,
 Що̀ та́мъ бы̑ло за мѡ́вы ѿ Крѡ́лю̑ слыха́ти.
ˆꙖкъ в́ ѿ̂ныхъ коштѡ́вны̑ пода́ркꙋвъ ѿдава́ню,
 Та̀къ и̂ в́ ни̑ки̑ оу̂клѡ́на̑, и̂ оу̂стно̑ вита́ню.
До̀ Хг҃а Пн҃а, и̂ Прч҃тои Ст҃о́и,
 З вѣ́кꙋ̑ всѣ̂хъ неслыха́нои Ма́тки тако́и.
Ѡ чо̀мъ і̂стѡ́рїи на о̂нъ ча̀съ занеха́вши.

Ты́лко хва́лꙋ Хоу҃ Боу҃ ꙁ ни̂ми да́вши.
Хотѣ́мѡ ꙁавше пѣ́снъкꙋ тоу́ю ве́нцъ спѣва́ти,
Ѝ в́ сла́ва въ вы҃ни҃: нѣкгды неоу̂става́ти.

҆ЕПІЛОГЪ.

Кгды́жсѧ тако́ваа на̀мъ ра́дость нн҃ѣ ста́ла,
Котра́асѧ всемоу̀ створе́нью показа́ла.
҆Ѡ котро́й не только пр҃рци повѣда́ли,
Ѝ але и̂ сїбꙋ́лли ѡ̂ные написа́ли.
Ѝ Аг҃гли презъ пастꙋхѡ̀въ всѣ̂мъ ѻ̂повѣда́ютъ,
҆И хвала на высѡ́костѧхъ Боу҃, спѣва́ютъ,
Вшелѧ́кихъ теды̀ фрасоу́нкѡвъ позанеха́ймѡ,
҆И ꙁ смоу́ткѡ̂ ꙗ̂ки̂ко́лве̂ ю̂жсѧ пожегна́ймѡ.
Жа̀ль неха́й ꙁ ме́шканьѧ се̂де́чного оу̂стоу́пи,
Ѝ на тыхъ мѣ̂стъ ра́до҃т и̂ весе́лье настоу́ни҃.
(л. 10) Жа̀ль е̂сли́бы кто̂ ꙗ̂ки́й мѣ̀лъ прѐчъ ѿложи́вши,
҆И на Ба҃ свое́го ꙁо всѣ̂мъсѧ спꙋсти́вши.
Роспа́лени ср҃цемъ, до̀ мл҃ти Хв҃ы:
҆И на оу̂вельбе́нѧ е̂го̀ ꙁо всѣ̂мъ готѡ́вы.
С Пастꙋхѡ̀въ коу́дꙋчи до̀ того̀ побꙋже́ни,
Ѝ с́ по́вѣсти и̂хъ, ѻ̂бфи́те оу̂веселе́ни.
Ѡ҃ныхъ са́мыхъ ѻ̂хо́тне в́ то̀мъ наслѣдоу́ючи,
Ра́до҃тнымисѧ с́ пѡтѣ̀хъ свои̂хъ найдоу́ючи.
Котры́ми на́съ нн҃ѣ Бъ҃ навѣди́ти ра́чилъ,
Жѐ на̀съ до̀ конца̀ в̀ оу̂па́дкꙋ не переба́чилъ.
Боу́дьмѡжъ те́ды радостю гѡйне наполне́ни,
҆И в́ нарожéню Хв҃омъ розвеселе́ни.
҆И на рицы́ръствосѧ нб҃ное поздрѣ́мѡ,
҆И гоу́фа҃сѧ ’Аг҃гльски҃ пи́лне присмотрѣ́мѡ.

Ꙗкожко́лвекъ и҆ сво́й хо́ръ пѧ́йкие спорѧди́вши.
И҆ на и҆́хъ спѣванье оу҆́ши свои҆ наклони́вши.
Що̀ ꙁа̀ пѣ́снь; пра́ꙁникъ то̀тъ нн҃ѣ о҆бхѡ́дѧчи҃;
И҆ що̀ ꙁа̀ слова̀; ра́дѡсти вынахѡ́дѧчихъ;
Хва́ла на высѡ́костѧхъ Бо҃у, выкрыка́ютъ:
А на ꙁемли҆ по́кой, с҆ потѣ́хою спѣва́ютъ.
Бо́ꙁство в҆ трѡ̂хъ персѡ́нахъ в҆ нб҃ѣ выхвалѧ́ючи,
На̀съ гѡ́лосы свои҆ми оу҆веселѧ́ючи.
Ижъ ꙁемлѧ̂ пре̑ ты҃ ꙁа̀ грѣ̂хъ бы́вши проклѧта́а,
Ꙁ ла́ски Бо́ꙁское нн҃ѣ ста́ласѧ ст҃а́ѧ.
(л. 10 об.) С чого̀ А҃гг҃лѡве боу́дꙋчи потѣше́ни,
Ви́дѧчи жехмы̀ ю҆́жъ соу҆тъ ꙁ҆ н҃ба навѣже́ни.
Оглѧда́вши чого́сѧ предъ тымъ невида́ло.
Що сѧ̂ нн҃ѣ ꙗ҆́сне всѣ̂мъ ꙁ҆ Бг҃а показа́ло.
Ꙁемлѧ̂ котра́ѧ те́рнье, и҆ о҆се́тъ плоди́ла:
Та́ѧ нн҃ѣ хлѣ̂бъ нб҃ный, боу́йно ꙁроди́ла.
Ꙁемлѧ̂ котра́ѧ ве́нцъ, плѧ́цомъ была̀ до̀ бо́ю:
Та́асѧ ста́ла, кгроу́нто҃ вѣ́чного поко́ю.
Ꙁемлѧ̂ котра́ѧ мѣ́стцемъ была̀ длѧ̀ выгна́нцѡ҃,
Та́ѧ спосо́бна е҆́стъ длѧ̀ нб҃ныхъ мещка́нцѡ҃.
И҆ котра́ѧ пре́дъ тымъ ꙁа́вше ворого́вана,
Та́ѧ ю҆́жъ е҆́стъ поко́емъ вѣ́чнымъ варо́вана
Ѡ҆ ди́во, пра́вда ꙗ҆́къ сл҃нце, на́ ꙁемлю вꙁышла̀:
И҆ справе̑ли́вост ꙁа́сь, ꙁ҆ н҃ба на́ ꙁемлю пришла̀.
С҆ тако́вымъсѧ о҆́воцомъ, ꙁемл҃ѧ показа́ла:
Ꙗко́го нѣ́кгды пре́д ты҃, с҆ себѐ не дава́ла.
Длѧ̀ до́брого в҆ лю́дехъ, на ꙁемл҃и ꙁеꙁволе́нье:
Бг҃ъ в҆ тѣ́лѣ тꙋмъ показа́лсѧ на҃ на ꙁбаве́ніе.
Мона́рха превысо́кїй, в҆ лю̂дехъ ни́ꙁки҃сѧ ста́лъ:

Абы пре̑ грѣхъ ѵ̀лкъ оу̑па̑лый, зновѫ повста̑.
Нле що̀ е̑стъ ра́достного, то́у вспомина́ю:
Ащо́бы до̀ взрѫше́на жа́лю, о́пѫща́ю.
Що̀ при̑ то́йже справе, пре́зъ Нродаса ста́ло:
Ма́ксм мно́го дѣто̀къ о̑ны́хъ позабива́ло.
(л. 11) Ви́дачи ты́ранъ, же са̑ з̀ него̀ насмѣа́ли:
Кгды́ го трн Крѡле́ве, сторо́ною мина́ли.
Ма́са та̀мъ о̑крѫтне розъна́лъ, ты́ра̑нъ сѫро́вы̑:
Н с̀ попѫдли́вости вы́далъ де́крет тако́вы̑.
Абы вс̑ѣхъ дѣтоуо́къ, мещи́зны нежнви́тн:
Н вко́ло Внѡле́ема, дощадѫ поби́тн.
Розмаи́те дѣто̀къ невн́нныхъ, мордоу́ючи:
Ха̑ ме́жи ни́мн, шале́нецъ шпнкгоу́ючи.
Невнна́тѡкъ, котры́н бы̑ мѫ задѣла́ли:
За́ цюкы̑ слоу́шне го́рла свои̑ подава́ли.
Змы́слилъ ты́ранъ, не слоу́шне пренаходи́тн:
Н е̑ бѣйно̀ крвн цны̑ дѣто̑, ме̑ свои̑ о̀моуни́тн.
Оные то̀ та̀мъ дѣтѡукн̀, свакготли́вые:
Прн пе́рса̑ ма́то̑ своихъ, збы́ть пещо̑ли́вые.
З ѭкни́мъса жа́лемъ, з̀ матейка́ми розстава́ли:
Кгды̀ ихъ катѡве з̀ ро̑у̑ н̑, смр̑тны̑ вырыва́ли.
Як та̑ сме́рть сро́кгла, ко́ждого немнноу́ла:
Н кро̑ з̀ нн̑, коуи́ными рѣка́ми поплына́ла.
Ѡ тыхъ та̀мъ мордырства̑ не хоуоу̀ вспомина́тн:
Нѐ хотачи ва̑ на то́тъ дн̑ь зафрасова́тн.
Вс̑ѣ жа́лѣ а̑ко̑ пре́дъ тымъ ре́клъ о̑пѫща́ючи,
Але що̀ тылко к̀ потѣсѣ вспомина́ючи.
Дн̑ь то́т за̑чный прнсто́йне хотачи поутни́тн,
Н Пна̑ в̀ нарожѣнью е̑го̀ оу̑вельбн́тн.

(л. 11 об.) Вшелѧ́кихъ смоу́ткѡ҃в, и҆ фрасꙋ́нкѡ҃в ꙁанеха́ймѡ:
С пастꙋха́ми ѡ҆́ными, Бо҃у хва́лꙋ да́ймѡ.
С хо́ри ҆Агг҃льскими, весе́ло спѣва́ючи:
Ꙁо вс҃ѣмъ створе́ньє҃, на̀ чи́ны сѧ ꙁкира́ючи.
Хотѧчи̇̀ Пн҃оꙋ подѧкова́ньє ѿда́ти,
Котры́йсѧ на҃ в҆ тѣ́лѣ нн҃ѣ да̀лъ ѻ҆глѧда́ти.
Ꙁа̀ котро́є є҆го̀ на̀съ люді́й навѣже́ньє,
Неха́й Тво́рца своє́го хва́лит вс҃є створе́ньє.
҆И вс҃ѣ пре҃ ни́мъ с҆ стра́хомъ вѣ́рнїи оу҆пада́ймы,
҆И Хс҃а Ꙁкави́телѧ, ꙗ҆́сне выꙁнава́ймы.
Хва́ла на̀ высѡ́костѧхъ Бо҃у, спѣва́ючи:
Пѣ́сни тои̇̀ нѣ́кгды неперестава́ючи.
҆Ѡ Хс҃е предъ вѣ́ки ѿ ҆Оц҃а оу҆вельбе́ный,
҆А нн҃ѣ с҆ Прч҃тои Па́нны нарожє́ный.
Вшелѧ́кїй жа̀ль смо҃у́тны҃х, на ра́до҃т ѿмѣни́вши:
҆И в҆ нарожє́ню сво́ємъ, вс҃ѣхъ роꙁвесели́вши.
Да́й на́мъ и҆ да́лей, в҆ потѣ́хахъсѧ доуєка́ти:
Пѣ́снь ѡ҆ втѣлє́ню тво́ю҃, ꙁ҆ Агг҃лы спѣва́ти.
Ра́достисѧ вѣ́чнои вс҃ѣмъ домєшча́ючи,
Повтѡ́рє при́стѧ тво́го ѻ҆чєкива́ючи,
Выбра́ныхъ тво́ихъ на̀ ѻ҆бла́кѡхъ потыка́нѧ,
҆И ꙁ҆ ними̇̀ в҆ животѣ̀ вѣ́чно҃ роскошѡва́нѧ.

҆АМИ`НЪ.

(л. 12) **На Стефа́на пе҃рвом҃ника.**

Хс҃ ѯ высо́кости, Стефа́на короноу́етъ, 1.
Котро́го то҃ на́рѡ҃ Жидо́вскїй каменоу́е҃.
҃Ꙗкъ с҃ па́кнон ро́жѣ кве́тамъ посыпова́т҃
Та́къ е҃́стъ Стефа́на, хвала́мн корнова́т҃.
Котры́ кр҃в[н] своен, дла́ вѣ́ры нелѣтова́лъ: 5.
҃Н дла́ гонн́тѣ́ мн҃е́жны, са́са в҃про҃ коронова҃
Кнела́кыю бо́лзнь, ѡ҃ се́бе ѡ҃тложи́вшн:
Ѯ҃ не́прнятельмн са Хв҃ыми ѯразни́вшн.
Фоу́рїнса а҃рхіере́овъ не болун,
҃А нѣ ѡ҃ ѥ҃хъ ла́скѣ н҃ бы наймнѣ́й стомун. 10.
҃А нѣ бове́мъ го ста́рцѣвъ, оу҃стра́шнла мо́ва:
҃Н на҃ о҃кроутнюю сме́рть, ѯ ѡ҃повѣ́дю сло́ва.
На́мнѣй неосла́ке́лъ, дла҃ ѥ҃хъ попѣдли́кости:
҃А нѣ оу҃ста́лъ протнвко ѥ҃́х невстылн́вости.
Протнвъ свѣ́дкѣ́ ѡ҃ны, о҃вше҃ мн҃е́жнеса ста́вн҃: 15.
҃Н ѣ҃къ фа҃шн́вы҃ встыдѣ ѥ҃хъ ѯа́ то набавн҃.
(л. 12 об.) Вс҃е сове҃ Первом҃у́нкъ, нн ѯаухъ пова́жнлъ:
Кгды҃ бов҃е҃ на е҃дно҃ бы҃, стате́уне нава́жн҃.
В уоло҃ пра́ве, не́прїателѣмъ Кр҃та҃, ста́тн:
҃Н сме́ле а҃ дово́дне нмъ, ѡ҃повѣда́тн. 20.
С котры҃ мн҃е́жство҃ кгды́ са нмъ, Стефа҃ с҃: ста́вн҃,
҃Н на҃ потоу́жнвй мо́ве свою́й, ѥ҃хъ ѯака́внлъ.
Ѯа́разъ сѣро́ве поуалн́са позна́тн,
҃Н ѯѣба́мн о҃́стре на҃ не́го скреготя́тн,

3—8. Между этими 6 строками помѣщена гравюра, изображающая побіеніе св. Стефана (см. снимокъ № 3).

НА СТЕФАНА ПЕРВОМИКА.

Хс з высокости, Стефана короноуетъ,
Котрого то народъ Жидовскій каменоуе.

Якъ с пякнои рожѣ квѣтямъ посыповати Котрый кровь своеи. для вѣры нелѣтовалъ: Вшелякуи боязнь, ѿ себе ѿложивши:

Такъ естъ Стефана, хвалами короновати. И для гонитв мережныхъ. сл҃ся в прозъ коронова. З неприятельми ся Хвыми зразивши.

Фоуріи ся архіереѡвъ не боячи,
А нѣ ѡ ихъ ласку и бы наимнѣй стоячи
А нѣ бовѣмъ го Старцувъ, оустрашила мова.
И на окроутную Смерть, з ѿповѣдю Слов.
Намнѣй не омабѣлъ, для ихъ попудливости:
А нѣ оусталъ противко ихъ невстыдливости.
Противъ Свѣдкувъ ѡныхъ, овшеи мережнеся стави:
И якъ фашивыхъ встыду ихъ за то набави.

Всѣ собѣ

^И ꙗ҆къ шале́ные, на̀ не́госѧ порва́ли:
Где́ го с҆ пе́ндемъ вели́кимъ оу҆каменова́ли.
^И слоу́шне а҆бы̀ Коро́на, та́къ кошто́внаѧ:
Котроу́й жа́днаѧ и҆́ншаѧ, нѐ є҆́стъ ро́внаѧ.
^Ꙗкъ дїаме́нты, каме́нѧмъ бы́ла саже́на:
^И ве́длꙋгъ го́дности пра́ве, на́ддє҆ оу҆пстре́на.
Котра́ѧ а҆бы́сѧ ꙁдале́ка ве́нцъ свѣти́ла,
^И прѡ́менѣ пре́чъ вко́ло се́бе роспꙋсти́ла.
Ша́рлатною кръвю̀ вс҃ѧ, свѣ́тно проквита́ючи:
Бє҃встыдный на́рѡ҃ Жидѡ҃ѡ́скїй ꙁавстыжа́ючи.
Котро́го пре́дъ тымъ є҆щѐ моу́сѣлъсѧ, встыда́ти.
Кгды́ го бы́ло ꙗ҆къ ^Агг҃лскꙋю тва́ръ вида́ти.
Стефа́нъ всѣ́мъ мч҃нкѡмъ свѣ́тлаѧ Коро́на,
^И всѣ́мъ вѣ́рнымъ по̀ Хр҃тѣ̀ пе́внаѧ о҆бро́на:
Кт҃о го ты́лко в҆ мл҃твахъ сво́ихъ приꙁыва́єтъ,
^И в҆ долегли́востѧхъсѧ к҆ не́мꙋ оу҆тѣка́єтъ.

(л. 13) **НА ОБРѢЗА́НІЕ ГОСПО́ДНЕ** *).

Хс҃ сѧ народи́вши, и҃ше всѣ́хъ ꙁкаве́нье:
Чл҃къ власный, а҃ не ꙗ҆ко́е привиде́нье.
Ꙗ҆къ сѧ Ма́тки Па́нны, в҆ животѣ̀ доноси́вши,
И҆ Чл҃комъ сѧ, доскона́лымъ оу҆роди́вши.
Та̀къ и҆ ве́длꙋгъ пра́ва, Обрѣꙁа́нье прїймоу́етъ.
Ꙋчачѝ на̀съ, жесѧ в҆ двѡ́хъ натоу́ра҃ найдоу́е҃
ЇИСꙊ́СОМЪ, ве́длꙋгъ Ꙁкаве́ньѧ, И҆мено́ванъ:
А҆ ве́длоу҃ Чл҃чеи́ства, Бо́ꙁство҃ е҆́стъ Хрїсмо́ва҃.
Ꙁа́конъ пре́ꙁъ Мѡѷсе́а да́нный, выполнѧ́ючи,
На́съ ѿ старо́го ꙁако́нꙋ, оу҆вольнѧ́ючи.
А҆ в҆ о҆́смый дн҃ь, О҆брѣꙁа́нье своѐ справоу́етъ:
И҆ при́шлый вѣ̑къ о҆́ный, пре́ꙁ то́е фїкгꙋроу́е҃.
До̀ котро́го в҆ сн҃ѡ́въство на́съ, поволыва́етъ,
И҆ пре́ꙁъ Вѣрꙋ, до пе́ршеи чти̑ приверта́етъ.

---

*) Заглавіе помѣщено внутри стихотворенія, между строками 4 и 5; при немъ изображеніе Обрѣзанія.

(л. 13 об.) З҆ ҆еѵ҃лїа на ҆обрѣза́нїе гн҃е,

На при́кладъ Дѣ́темъ Хр҃тїа́ньскимъ.

Присмѡтрѣ́сѧ тꙋ Збави́телеви, ѿ дѣ́ти:
҆И є҆го̀ лѣ́та на при́кладъ, хотѣ́те мѣ́ти.
Жѐ не на и҆́ншихъ ре́ча҃ ча́съ сво́й, Пн҃ъ и҆́шъ стра́ви҃:
҆И та̀къ в҆ дити́нствѣ, негдѐ и҆́ндесѧ заба́вилъ.
Ты́лько в҆ Цр҃кви, и҆́зъ оу҆че́ными на̀ розмо́вѣ:
Не бꙋдꙋ́чи с҆ про́ѹны҃ мѡ҃, и҆ в҆ на́йме҃шо҃ сло́вѣ.
Котро́мꙋсѧ вс҃ѣ се́кты мистроу́въ дивова́ли:
҆И на̀ є҆го̀ ѿпо́вѣдь, а҆́жъ сѧ здꙋмѣва́ли.
҆А Прена́йч҃тъшаѧ Ма́тка, всю́ды шꙋка́ла:
҆И пи́лнесѧ ѡ҆ ню́мъ, межѝ людмѝ пыта́ла.
(л. 14) Не розꙋмѣ́ючи, жебы́сѧ о҆́нъ ты́мъ ба́вилъ:
҆И дити́ною, проти́вко стары́мсѧ ста́вилъ.
Котро́го кгды̀ о҆ба́чила, а҆́жъ сѧ здꙋмѣ́ла:
҆И ꙗ҆́къ го всю́ды шꙋка́ла, вс҃е мо̂у повѣ́ла.
С котро́ю, и҆ мнѣма́нымъ мꙋ ѿц҃е́мъ пошо̀лъ:
҆И та҃ з҆ ни́ми ве́спо҃, до Назаре́тꙋ пришо̀лъ.
҆И бы́лъ въ всю́мъ, ꙗ҆́къ ро́дичовъ за щѡ̀ ма́ючи:
Тво́рецъ Пн҃ъ, створе́нье своѐ поважа́ючи.
Намъ вс҃ѣ́ в҆ той мѣ́рѣ, при́кла҃ до́брый с҆ се́бе пода҃:
҆Абы̀ ко́ждый з҆ ва҃ оу҆чти́во҃ ро́дичѡ҃ ѿда̀лъ.
҆И на̀ наꙋ́цѣ в҆ве́сь вѣ́къ сво́й молодый стра́вилъ:
҆И ди҃ы свои̇ з҆ людмѝ оу҆че́ными заба́вилъ.

---

4 — 5. Между этими строками гравюра, изображающая отрока Іисуса въ храмѣ.

Нà котрóгосѧ фїкгоу́рꙋ позирáючи:
ˆИ оу̂ставúчне в́ памѧти тóе мáючи:
Ꙁбавúтелѧ свóего, в́ тóмъ наслѣдовáти:
К наꙋ́цѣ тръвáти, а҃ рóдичѡвъ шановáти.
А҃ при тòмъ, и̂ нà ѡ҃ныхъ ты́жъ памѧтáючи:
ˆИ Їстóрїю ѡ̂ ни́хъ, в́ пáмѧти мáючи.
Маккáвей, и̂ трѡ́хъ ôтрѡ́къ, ꙗ҃късѧ показáли:
Жѐ нѐ нà росноу̂стꙋсѧ ꙗ҃коу́ю оу̂дáли.
Ꙁ выховáньѧ дóброго, Бг҃а сѧ боѧчѝ:
И҃ при̂ вѣ́рѣ и҃хъ ѿцéвской, мóцне стоѧчѝ.
Тогóжъ хѡтѣ́те, и̂ ѡ̂ тóе сѧ старáйте:
ˆИ такúми҃ бы́ти, ѡ҃ дѣ́ти, пи́лно дбáйте.

---

34. Слѣдующая страница (л. 14 об.) вся занята изображеніемъ св. Василія Великаго.

(л. 15) **Ѯ ЛА҃МЕНТЪ, НА҃ ВАСЇЛІЄ҃ ВЕЛИ҃КИ҃.**

Кгдыс҃ Васі́лїй, с҃ того҆ свѣ́та пригото҃ва́лъ, 1.
ˆИ дорогѣ҃ сое҃ѣ, на́ нб҃о оу҃торова́лъ.
Бъ҃ и҃ Тр҃ци, ѿ люді́й зе́мныхъ ра́унлъ го взя́ти:
ˆА до҆ мешка́нцовъ нб҃ныхъ, и҃ по́уе҃ прина́ти.
Тогды҃ все́с҃ мно́жьство ˜Агг҃ловъ, весели́ло, 5.
Мѣ́сто с҃а҃ зась Каппадоки́йское҃ смѧти́ло.
ˆА сна́ть и҃ всего́ свѣ́та кгми́нъ, волѧ́лъ мо́вмуи:
ˆИ го́лосомъ ба́рзо жа́лоснымъ завод҃муи.
Ѿ҃ншо҆лъ на҃мъ о҃повѣ́дауъ сло́ва, ѿ҃ншо́лъ:
И покою́ вла́сного и҃дн҃а҃, с҃ свѣ́та зышо҆лъ. 10.
Ѿ҃ншо҆лъ Па́стыръ, ѥ҃кого троу҃дно потка́ти:
Троу҃дно бовѣ́мъ го и҃ншїй мо́же҃ целюва́ти.
˜Ой ѡ҃, ю҃жъ оу҃ста Васі́лїевы оу҃ста́ли,
Котры҃е вѣ́нцъ ѿ҃поу҃ръ є҃ретикоу҃мъ дава́ли!
˜Ей нестоу҃йтежъ, же҃ а҃зы́ка того҆ не ста́ло: 15.
Котры҃мъс҃а ѥ҃къ меуе́мъ, е҃ресн посѣка́ло.
Пре҃ ни҃мъ бовѣ́мъ, ѥ҃къ пре҃ оу҃стра҃ вс҃ъ оу҃ходи́ли.
Котры҃е е҃дно҆ пра́вдѣ, проти́вными бы́ли.
Го́лос҃ъ с҃а е҃го҆, ѥ҃къ гро́мъ лака́юи: .
ˆИзы́къ, ѥ҃къ лы́сканю, не стерпѣва́юи. 20.
Є҃ встань, ѿ҃ Па́стыр҃ъ встань, Ц҃рко҃ боронѝти:
ˆИ з҃ не́прїателми ѡ҃ нію, до́сыть ѵнни́ти.
(л. 15 об.) ˜Якобы҃ с҃а потоу҃жность твоа҆ оу҃каза́ла,
Кгдыс҃а боу҃детъ тобо́ю Ц҃рковъ ратова́ла.

Па́стыремъ до́брымъ з҆ н҃ба ѿ Бг҃а нада́нымъ,
З ла́ски Дх҃а Ст҃о́го ꙗ҆́сне повола́нымъ.
Є҆й вста́нь Оу҆є, не́хъ бы҆сѧ Цр҃ковъ ратова́ла:
И҆ всѣ́мъ и҆́нши҆ на при́кладъ тебѐ оу҆каза́ла.
Ты́сь бовѣ́мъ скоу́ткѡ҆ слоу́въ тво́и҆ доказа́въ,
Кгды́ же сь ве́длѹгъ наоу́ки, и҆ живо҆ оуказа́въ.
Є҆ди́нъ Бъ҃, котры́й на̀ высо́кѡстѧхъ Кролю́етъ:
И҆ всѣ́мъ створе́нѧ҆ свои҆мъ, ꙗ҆́къ Тво́ре҆ Н҃поу́е.
Є҆дно́го т҆ѧ на̀ А҆рхіере́ѵство наста́вилъ,
И҆ го́дны҆ Па́стыремъ, Цр҃ковь свою̀ наба́вилъ.
О҆ко всемоу̀ Хр҃тїа́ньствѹ, пра́ве ꙗ҆́сное:
Позре́нѧ на̀ тебѐ ми́лое, и҆ кра́сное.
В по́нтѣ Каппадо́цкомъ, сла́ва незгасноу́лаѧ:
Чоу́лость в҆ оу҆ра́дѣ сво́юмъ, не засноу́лаѧ.
Касі́лїе, пре́зъ котро́госѧ са̀мъ Бъ҃ сла́витъ:
И҆ тобо́юсѧ ста́нъ А҆рхіере́ѵскїй ста́витъ,
Высокомѡ́вныхъ т҆и наоу̀къ зажива́ючи.
Ꙗ҆къ законодавцѹ з҆ Бг҃а поважа́ючи:
Ты́сь бовѣ̀мъ и҆ Мни́хѡ҆ поря́дки постановѝлъ.
И҆ сѣ́тю на́оукъ до̀ вѣ́ры мнѡ́ги҆ оу҆ловѝлъ.
А҆ н҃нѣ в҆ несмр҃тельныхъ, о҆фѣ́ри прино́сишъ:
И҆ з҆ свѣ́та зышо́вши, Бг҃а за̀ на҆ та̀мъ про́си҆.

(л. 16) **НА СТ҃ЫЯ ѲЕОФА́НІА.**

А҆́льбо, Б҃гоꙗвле́нїа.

Рождество́съмы Х҃во, неда́вно поути́ли:
Ѝ е҆моу́сѧ ꙁо всѣ́мъ створе́ньѥ҆ поклони́ли.
Сла́ва въ вы́шнихъ: ꙁ҆ А҆гг҃лами ꙁаспѣва́вши,
А҆ с҆ Пастꙋха́ми, чю́дꙋсѧ ꙁадивова́вши.
Цр҃ѧ́съмы нб҃ного, ꙁ Вѡ́лхвы о҆глѧда́ли,
Ѝ при и҆́хъ та̀мъ пода́рко҃ оу҆кло҃ сво҆ ѿда́ли.
Ꙁ҆ ꙁвѧ́ꙁкꙋвъ грѣхо́вныхъ коу́дꙋчи о҆свобоже́ни,
Ѝ пре́ꙁъ Нарожéнѧ Х҃во о҆боже́ни.
Виѳлеéмꙋхмы пристóйнꙋю чéсть ѿда́ли,
Ꙗ҆къ томоу̀ в҆ котроу̑ П҃на в҆ тѣ́лѣ о҆глѧда́ли.
Котры́й Виѳлéемъ оу҆жа̀ Ра́йского оу҆мори́лъ,
А҆ Ра́й на҃ пре́дты҃ ꙁа́мкнены҃ ꙁно́вꙋ о҆твори҃.
Ѝ пре́дъ Ꙗ҆слѧми ни́ꙁкохмы ты̀жъ оу҆пада́ли.
Длѧ̀ котры҃ Сло́ва, слове́сными҃мысѧ ста́ли.
Б҃га створи́телѧ своéго в҆ ни́хъ позна́вши,
Ѝ лѣ́пшъ ни́жъ І҆и҃ль хва́лꙋ е҆моу̀ ѿда́вши.
Ско́ндъ до І҆орда́нꙋ хмысѧ спѣ́шно пꙋсти́ли,
Гдѐ а҆бы̑сѧ бо́лшихъ таéмниц насмотри́ли.
Б҃га в҆ Тр҃ци, навыраꙁнѣ́йшее ꙁ҆ѧве́нье,
Гдѐ и҆ на́ше новое в҆ Хр҃тѣ ѿроже́нье.
Щѡ̀ Єпіфа́нїею ве́нцъ наꙁыва́емѡ,
Ѝ тріоумфо́вне дн҃ь то́тъ о҆провожа́емѡ.
(л. 16 об.) О҆бхо́дѧчи своѐ пре́ꙁъ Х҃а о҆чище́нье,
Ѝ о҆гне́мъ Бо҃ства, всѣ́хъ на́съ нн҃ѣ о҆свѣче́ніе.

---

21 Єпіфа́нїею: на поляхъ а҆́льбо Ѳеофа́нїею.

Котрымъ са ѹнщенѣемъ, ЇНСЪСЪ мой ѻѹнщаѣ:
ˆН в познанье Тр҃цн, вѣрны всѣхъ ѻсвѣуаѣ.
Рѣкоѹ тамъ ˆІорданскою, ѻѹнщаюун:
ˆН по всемъ свѣтъ, водъı Посвѣуаюун.
˜Ѡ невымовныхъ справъ, нш҃го Створителя:
˜Ѡ таємнн҃ такъ высѡкн҃, всѣ҃ зкавителя.
Перше ѯ Дв҃ы Матки, раѹнлъсл народнтн:
ˆН весь св҃ѣ, свѣтло Бо҃ства своего ѻсвѣтнтн.
А нѣ ѣншою таємницѫ справоѹетъ,
ˆН до ˆІорданскон рѣкн пристѫпоѹетъ.
Хотлун в нюй грѣхъ нашъ первороѣный омытн,
ˆН ѡ Тр҃цн Ст҃ой, выѯнаню наоѹутн,
Бг҃а в трѡхъ персѡнахъ, ѧкыхмы выѯнавалн:
ˆН персонъ ты҃, в ѥдноѹ ѵпостас не мѣшалн.
Оц҃а, поуаткомъ двѡхъ персон, выѯнаваюун:
ˆН ѻбѡнмъ го прнуннѫ повѣдаюун.
Сн҃овн, до предвѣуного ѥго рожен҃ья:
˜А Дх҃овн тежъ Стмъ, до похожен҃ья.
Що Кр҃тнтель Ст҃ый слышалъ, н ѿуне вндѣлъ:
Тое ѣко свѣдо҃ певный, всѣмъ ѻповндѣл.
Же Хс҃ ѯ Бг҃а ˆОц҃а, предвѣунеся роднтъ:
С котрого то ˆОц҃а, н Дх҃ъ Ст҃ый походнтъ.
(л. 17) На Сн҃ѣ ѥдноѩстномъ ѡпоунваюун,
˜Н ѡ Сн҃овстве ѥго, намъ посвѣдуаюун.
ˆѲказѹюун своѥ ѯ ˆОц҃а похожен҃ье.
С котрого то н Сн҃овское ѥстъ рожен҃ье.
Тотъ дн҃ь Цр҃ковь повшехнлa здавна ѻбходн҃:
ˆН стося тое в нюй с поуатка в н҃а находн҃.

Котро́є на́мъ ˆАп҃лѡ́ве положи́ли,
ˆАбы́съмы го̀ ꙗ҆́къ таѐмницꙋ ѻ҆бходи́ли.
То́тъ дн҃ь ра́достный всѣ҃ на́съ го́йне потѣша́є҃,
Кгды́жъ в҆ сн҃о́вство Бж҃їе на́съ поволыва́єт.
Котро́го Хс҃ ꙁ҆ ꙁепсова́ньѧ на̀съ выво́дитъ:
ˆА до̀ несмр҃телности живота̀ приво́дитъ.
С фрасоу́нкꙋ ѻ҆кроу́тного ꙁа̀ грѣ̀хъ выбавлѧ́є҃,
ˆА на ты҃ мѣ́стъ ра́дости гойне набавлѧ́єт.
ˆЄсли̑ и҆ Виѳлеѐмъ смоу́ткѡ҃ окроу́тне ꙁнѧ́тый,
ˆИ крвю̀ дѣтѡ́къ неви́нныхъ ѻ҆блѧ́тый.
ˆИ Рахи́ль ми́лого потѡ́мъства поꙁба́влена:
ˆА смоу́ткꙋ пре҃ ˆИрѡда тогды̀ наба́влена,
Кгды̀ тѵра́ннови дѧ́болъ ра́ды додава́лъ.
ˆАбы Хс҃а межи дѣтѡ́чками шпѣкгова́лъ.
Глоу́пецъ смѣ́ючисѧ, на̀ Бг҃а порива́ти:
ˆИ на̀ дѧбе́льскꙋй плохо́й ра́дѣ полѧга́ти.
На̀ є҆го̀ тоу́тъ и҆ ѻ҆́нде вѣ́чноє ꙁгине́ньє,
ˆИ ра́ды кнѧжа́те ша́таньского ꙁганбе́ньє.
(л. 17 об.) Ле́чъ ю҆́жъ нн҃ѣ, нѐ ѻ҆крꙋте́ньства оу҆хо́дѧчи:
ˆАле до̀ ˆІорда́нꙋ, ꙗ҆́сне прихо́дѧчи.
Тр҃цꙋ вѣ́рнымъ, на̀ рѣцѣ̀ ѻ҆́ной ѻ҆бъꙗвлѧ́єтъ:
ˆИ ра́достїй на̀съ свои̑хъ, го́йне наполнѧ́є҃.
Кгды̀ бовѣмъ го́ловꙋ смо́ковꙋ. пре́чъ стира́єт:
ˆИ тѵра́нна вѣ́чного, внѣ́вечъ ѻ҆берта́єтъ.
На̀ ка́ркъ не́прїѧтельскїй, мо́цне настꙋпи́вши:
И в҆ вѡда́хъ го ю҆́жъ ˆІорда́нски҃ оу҆топи́вши.

---

53. На поляхъ: с҃: ап҃тлъ петра́, и҆ па́вла. пра҃: ѕ҃.

Дн҃ь же то́тъ нн҃ѣшнїй ꙁви́тѧ҃ства трїꙋмфоу́ймѡ,
Ꙗ҆ Боу҃ ю҆́жъ в҆ Тр҃ци, а҆ не дѧ́блꙋ голдоу́ймѡ.
Ꙗ҆лесѧ в҆ ꙁава́ртю Ѻ҆кїа́на найдоу́етъ,
Ко́ждый ю҆́жъ Тво́рцꙋ свое́мꙋ неха́й голдоу́е҃.
Ꙗ҆ хотѣ́мѡ вс҃ѣ Хв҃и ч҃томꙋ бы́ти,
Ꙗ҆ ꙁа̀ ни̑мъ про́стою доро́гою ходи́ти.
Чи́стымисѧ по̀ кр҃ще́нїи нахѡдѣ́мѡ,
Ꙗ҆ в҆ о҆́номъ о҆гни̑ крести́тисѧ не хотѣ́мѡ.
Кгды́жъ гро́ꙁи҃ жѐ коне́чне ни̑мъ крести́ти боу҆де҃,
Ꙗ҆ жа́де҃сѧ та̀мъ ꙁ҆ невѣ́рны҃ пре̑ ни̑мъ не ꙁбꙋде҃,
Котры́и бы сѧ сѣ́номъ, и҆ тръстю̀ находи́ли,
А҆ не хрїстїа́нскимъ тоу҆ живото̀мъ пожи́ли.
Присто́йнежъ Хв҃о Кр҃ще́нїе поутѣ́мѡ,
Ꙗ҆ всѣ́ сѧ свѣтни, ве́длꙋг не́го оу҆кажѣ́мѡ.
Дн҃ь то̀тъ та̀къ ꙁа́цный, Хр҃тїа́нско о҆бхо́дѧчи:
Ꙗ҆ нѐ в҆ ро́скѡшахъ сѧ теле́сныхъ нахо́дѧчи.
(л. 18) А҆ле ꙗ҆́ко бысъмы дх҃о́вне о҆бхѡди́ли.
Ꙗ҆ в҆ ст҃обли́вости чи́сти сѧ находи́ли.
Грѣха̀ черве́ности и҆ си́ности поꙁбы́вши:
Ꙗ҆ ꙁма́ꙁы ю҆́жъ вшелѧ́кои пра́весѧ ꙁмы́вши,
Є҆дны̀ ꙗ҆́ко снѣ́гъ бѣ́лымисѧ найдоу́ючи:
А҆ дроу́гїе прина́мнѣй, ꙗ҆́къ во́вна боу́дꙋчи:
Ꙗ҆ вшелѧ́кѡ на всю̀мъ ч҃тымисѧ найдоу́ймѡ,
Ꙗ҆ Хс҃а Ꙁбави́телѧ въ всю̀мъ наслѣдоу́ймѡ.
Котры́й надъ вс҃е ꙁбаве́нье нш҃е оу҆важа́етъ:
Ꙗ҆ ꙁа́вше го пра́гнꙋчи сы́ти в҆ ню́мъ нема́етъ.
Ꙗ҆ та̀къ свѣ́тꙋ хотѣ́мо собо́ю свѣти́ти,
Ꙗ҆ до̀ побо́жности при́кладомъ до́бры҃ бы́ти.
Ꙗ҆кобыхмы презъ се́бе Бг҃а просла́вили,

Ӥ ѻ҆́нде пре҃ свѣ́тломъ Тр҃ци, себѐ ста́вили.
Невымо́вною та̀мъ ꙗ҆́сностю ѻ҆свѣче́ни,
Ӥ хва́лою є҆го̀ Бо́зскою оу҆вельке́ни.
Зо́рѣ то̀ ѻ҆́нои ча́стку нн҃ѣ оу҆зрѣ́вши,
К кр҃ще́нїа свѣ́тлꙋюсѧ ша́тꙋ ѻ҆дѣ́вши.
Да́лшого скоу́ткꙋ да́й на̀мъ Хе҃ доуека́ти,
Тебѐ в́ Тр҃ци Бе҃ и҆́шъ, ѻ҆́нде ѻ҆глѧда́ти.
Ѡ҆ Кр҃ти́телю, ра̀чъ на̀мъ то́е оу҆проси́ти,
На̀ котро́месь т҆ы роу́кꙋ ра́чилъ положи́ти.
Роу́ки ќ не́мꙋ ѿ Ӏѡа́ние подно́сѧчи,
Ӥ ѿчи ѿные кꙋ нб҃оу подво́дѧчи.
(л. 18 об.) Котры́мись го́денъ бы̑лъ, на̀ Дх҃а сѧ смотри́ти:
Котры́й з́ Оц҃а̀ зышо̀л, ѡ҆ Сн҃ѣ посвѣдчи́ти.
Абы́хмысѧ хва́лы ѻ҆́нои доуека́ли,
А҆ то̀тъ Ѳеофа́нїа дн҃ь ѻ҆проважа́ли:
Весе́лые Пра́зникꙋ пѣ́сни спѣва́ючи,
З́ во́лѣ Бж҃еи нѣвчо́мъ не выкроуа́ючи.
Хотѧчи́сѧ Въскр҃нїа домѣсти́ти,
Ӥ на̀ Хс҃ въскр҃съ. зно́вꙋ Рѵ́ѳмы зложи́ти.
Чимъ могꙋчѝ пресвѣ́тлый дн҃ь ѻ҆́ный здо́бѧчи,
Ӥ Въи́стинꙋ въскр҃съ. до̀ се́бе мо́вѧчи.

---

115. На поляхъ: мл҃тва до̀ пр҃тчи.

До̀ Чите́льника.

Чите́лникꙋ ла́скавый, вдѧ́чнымъ хоти̇̀ бы́ти:
 ˆИ ꙗ҆́ко ба́чный, до́сыть с҆ се́бе оу҆чини́ти.
Кни́жкꙋ тоу́ю впоми́нкꙋ, хе́нтне проучита́вши:
 ˆИ ла́скавостю сѧ свое́ю ю҆́й нада́вши.
Хоу́ть на̀шꙋ, на̀дъ оу҆мѣе́тность оу҆важа́ючи:
 ˆИ на̀ тоу́ю то сѧ, ба́рзѣй ѻ҆глѧда́ючи.
ˆИ лю́бъ тоу́й южъ на́ свѣтъ вы́данꙋй, мѣ́стце да́ти:
 Лю́бъ ꙗ҆́къ оу҆че́ншїй, ра́чъ и҆́ншꙋю написа́ти.
Котры́е рѵ́ѳмы пе́вне боу́дꙋтъ мѣ́стце мѣ́ли:
 ˆИ за̀ преднейшїи сѧ оу҆ всѣ́хъ разꙋмѣ́ли.
Гдѐ а҆бовѣмъ за́здрость безе́цнаѧ, нѐ шкодитъ:
 Та́мъ при́ѧзнь плыне́тъ, и҆ вс҃е до́брое похо́дитъ.
Лѣ́пшее за́вше бе́зъ за́здрости, прїи҆́моу́ючи:
 ˆИ е҆́моу̀ мѣ́сца пе́ршего оу҆стꙋпоу́ючи.
ˆА то́е на́ше хо́ть сѧ в҆ по́рывчъ написа́ло,
 Бы́лебысѧ щѡ̀ е҆́стъ с҆ хо́ти, всѣ́мъ оуказа́ло.
Проти́вко чо́мꙋ, кгды̀ вдѧ́чность боу́детъ вида́ти:
 Боу́детъсѧ ты́жъ и҆ щѡ̀ зна́чного, выдава́ти.
˜Иле що бы з҆ ˜Авторѡвъ Ст҃ы́хъ ста́рыхъ бы́ло,
 ˜А ни҆́мисѧ пожи́токъ, Цр҃кви оучини́ло.

Приложеніе.

Челобитная Московскихъ и всѣхъ городовъ торговыхъ людей объ изгнаніи иноземныхъ купцовъ, кромѣ англичанъ, 1627 г. [1]).

Царю государю і великому князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русиі і великому государю святѣйшему патриарху Ѳиларету Никитичю Московскому і всеа Русиі бьют челом холопи ваші, гости и торговые люді москвичі і казанцы и ярославцы и нижегодцы и костромічі і вологжане і всѣх ваших государевых городов, на торговых немец, на галанцов и на амбурцов, на иноземцов, опричь аглинских гостей, и Кизильбашские и Бухарские землі на тезиков.

От Московского, государь, разоренья почалі тѣ торговые немцы ѣздить в вашей государеве отчине съ ярмонки от города Архангильского по городом: на Колмогоры і до Устюга и до

---

[1]) Московскій Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ, 1627 г. № 25. Подлинникъ, столбецъ очень ветхій и не вездѣ возможно прочитать, особенно рукоприкладства.

Вологды и до Ярославля и до Москвы. И поставилі дворы свої по городомъ, покупая у посадцких людей тяглую землю. И прівозят товары свої и ставят на своих дворех, а не на гостином дворѣ, а иных товаров и не доявлівают, і в том ваші государевы пошліны пропадают; и камни и отласы продают врознь, в портище и в аршін, и от тово по городом чинятца в таможнех недоборы; а вещие товары продают врознь же, в полпуда и в грівенки, и у нас, государь, холопей и у сирот вашіх, торгі отнялі, и сталі мы бес промыслу, оскудѣлі. И тѣ заморскиѣ нѣмцы у Архангильского города перекупают соль і возят до Вологды на своих дощениках, и тот промысл у нас, холопей и у сирот ваших, отнелі ж. И приѣхав к Архангильскому городу с рускімі товары, и тѣмі товары торгуют меж себя у города, а в таможне записывают тѣ товары в проѣздъ, и в том твоя государева пошліна пропадает. А ныне тѣ немцы на Вологде і в Ярославле и на Москвѣ сидят по анбаромъ и по лавкамъ и продают всякие товары врознь. А прі прежних государех, блаженные памяті при государе царѣ і великом князе Іване Васильевіче всеа Русиі, пріхажівалі в Ругодів заморские торговые многие немцы, на лѣто по сту и по двесте кораблей, а на Руси с товары дале Ругодива не пущивалі. І в то время ваші государвы пошліны збиралі, а нам, холопем и сиротам вашім, былі торги пространные. І в тѣ лѣта нам, холопем и сиротам вашім, ваші государские службы служіть было радѣючи, а не плачючі, а вашим бы(ло) государевым товаром, шолку, икре и соболям і всякому товару, цена была дороже, потому: только бы тѣх нѣмец на Русь дале Колмогор не пущалі, а нам бы, холопем и сиротам вашім, был торгъ и промыслъ, а руским бы товаром цены онѣ не ведалі, и ваша б государьская пошлина збиралась многая. И тѣхъ нѣмец на Руси умножилось, а нам, холопем и сиротамъ вашім, от них стала скудость великая, что торгі у нас всякие отнялі. А ныне, государи, по вашему указу, кои торговые немцы пріѣзжают во Псковъ, и тѣ немцы торгуют во Пскове, а изо Пскова ни в которые в ваші государевы городы дале Пскова не пущают. А Кизыльбашские и Бухарские землі тезикі из Астарахані и ис Казані ѣздят по всѣі вашей государевой вотчине; и онѣ свои

товары також продают врознь, болшою ценою, а не свалом,—и у нас, холопей вашіх, онѣ и последние промыслы отнялі.

І в вашей государеве вотчине, у Студеного моря, за нѣмцамі рыбные ловлі; и на море на промыслъ, на утбу и на сальную добычю, в поморские рѣкі приходят караблі и хлѣб всякой, рожь и коноплі и горох, в караблі насыпают,—и от тоі, государи, хлѣбной дорогові на Колмогорах и у города і в Усть Коле і всеѣ поморские мѣста помирают голодом, и послѣдние людишка оскудѣлі и обдолжалі великимі долгі. І в Сибирь галанские нѣмцы торговые и тѣзикі своих промышлениковъ посылают.

І вашим государевым товаром, шолку, икре и соболямъ, и сукнам і всяким руским товаром тѣ нѣмцы, на Руси вызнав цѣну, и проѣзжают горамі и зимою посылают в свою неметцкую землю подвожды, і про руские товары у них ставитца ведомо, почему какой товар на Руси купят. И приѣхав тѣ торговые немцы на Русь, меж себя заговоромъ свои немецкие товары продают не торопясь большою ценою, и по всѣм городом в вашей государеве вотчине сидят по анбаром и по лавкам и продают товары врознь, а у нас, холопей и сирот вашіх, руские товары покупают також заговором меньшою ценою. А кои у них товары вскоре не продадутца, и за тѣми тавары оставливают товарыщев своих, и живут в вашей государеве отчине лѣт по пяті и больши, а в тѣ поры к нимъ из заморья, горами, подвозят грамоткі, и по грамоткам у нас закупают заговором руские товары. І вашим государевым всякимъ промыслом чинятца от того порухи великие, а мы, холопи и сироты ваши, от тѣх иноземцов стали без промыслу, и многие торговые люди отъ своих промыслов отбыли и оттово оскудѣлі и одолжали великими долгі.

А блаженые памяті при государе царѣ і великомъ князе Иване Васильевиче всеа Русиі и при государе царѣ і великом князе Федоре Ивановіче всеа Русиі борабонские и галанские и амборские торговые нѣмцы, оприч аглинских гостей, дале Архангельсково города и Колмогоръ не ѣзживалі и на промыслъ морской и на рыбные удбы не отпускивалі. А ныне, государи, Голанские землі немчина у Карпа Демулина в реку Унбу караблі ходят, будто на удбу, и хлѣб посылает на ладьяхъ

будто на Унбу, а сыплет тот хлѣб в тѣ кораблі, кое будто на удбу кораблі ходят, и тот хлѣб отпускает в кораблях за море. Да у нево ж, государи, в Поморье покуплены деревни тяглые, одной помним имя деревні,—Загорки, а на Колмогорах покуплены дворы тяглые ж. І как ваш государев боярин, князь Ондрѣй Василѣвичъ Хилковъ, был у Архангельсково города и на Колмогорах воеводою, и при нем нѣмцы вверхъ дале Колмогоръ не ѣздилі, і вашею государевою вотчіною, горою, не ѣзживалі ж, и дворов своих по городом не ставливалі, и в лавках і в анбарех не сиживалі, и промыслов на море і в Сибирь не бывало ж, кромѣ аглинских гостей [1]). А кизыльбашские и бухарские тезики дале Астарахані и Казани не ѣзживали ж, окромѣ к Москве посольских людей. А ныне, государи, по всей вашей государеве вотчине і въ Сибирь тезики самі ѣздят и отпущают приказщиков своих, а у нас, государи, отнели вездѣ промыслъ, і вашему государеву тавару отъ их разных промыслов стала поруха великая: росходу не стало вашим государевым всяким товаром.

Милосердый государь царь і великий князь Михайло Ѳедорович всеа Русиі і великий государь Святѣйший Патриархъ Филаретъ Никитич Московский и всеа Русиі! пожалуйте нас, холопей и сирот своихъ, возрите, государи, в свою государеву вотчину і в нас, холопей и сирот своих, чтобы, государи, тѣ барабанские и галанские и амбарские нѣмцы, кромѣ аглинских гостей, попрежнему дале Архангельсково города и Колмогоръ в вашу государеву вотчину не ѣздилі, и дворов бы своих на Руси не ставилі, и на руском берегу у Стюденого моря і в Сибирь промыслов своихъ попрежнему не отпущалі; а кизыльбаские и бухаръские тезикі дале Астарахані и Казани вверхъ в вашу государеву вотчину токо же б не ѣздилі, чтоб впредь вашим государьским промыслом порухи не было, а мы, холопи и сироты ваші, бес промыслов не былі. Государи, смилуйтесь пожалуйте!

---

[1]) Андрей Васильевичъ Хилковъ былъ воеводой на Двинѣ 1617—1621 годы.

Была подклеена роспись.

Голанские торговые люди:

Петръ Петров	Іванъ Клеркъ	Елисѣй Ульянов Нос
Тимоѳий Брунъ	Ѳрянъчик Мерима	Онъдрей Смоленая шия
Павел Кашпиров	Инъдрик Гаксъ	Юрьи Креетъ
Аврам Ѳамбекъ	Юстръ Балбитанъ	Исакъ Деватер
Іван Корнильевъ	Аврам Горькой	Яков Кузартъ
Давидъ Миколаевъ	Онъдрий Стеѳанов	Іванъ Онъдриев
Яков Деватер	Ѳедор Сталь з братом	Ѳавкенъ Бурхъ
		Мануйла Спранъчеров.

А инѣх имянъ не знаем, кое на Вологде і въ Ерославле.

На оборотѣ (различными почерками и чернилами):

К сей челобитной . . . . . (выцвѣло).
„ Надѣйка Светешников руку приложил
„ Гриша Твердиков „
„ Максим Твердиков „
„ Судовщиков „
„ москвитин Андрошка Спиридонов „
„ вмѣсто отца своего Грязново Селивановo сынъ ево Мишка „
„ Бориско Невзоров „
„ Рудельѳик Булгаков „
„ москвитин Алеша Левашов „
„ соцкой Ярославской Никитка Кирьянов вмѣсто Ярославцов торговых людей руку приложил
„ Алешка Епиѳанов „
„ Оверкейко Безсонов „
„ Іванка Микляев „
„ ярославец Тимоха Ступин „
„ Петр Ѳедоров „
„ Гурка Нозерьевъ (?) „
„ Осипко Облезов в отца своего мѣсто Семена „
„ Івашко Ипатьев „
„ володимерецъ Івашко Денісов „
„ Митъка Гладкой „

К сей челобитной Гурко Туренин руку приложил
„ Федорко Меженінов „
„ Левка Подошевников „
„ Елизар Щолкунов „
„ Панкрат Шубинъ „
„ Семѣйко (?) Парѳеньев „
„ Івашко Аѳонасьев „
„ ярославец Васка Попов „
„ Івашко (?) Артамонов . . ванъ „
„ . . . . . „

Резолюція на челобитной: Государь і великий государь святейший патриархъ пожаловалі указали быті по прежнему: которым иноземцам велено торговать на Москвѣ,—тѣх и пропущаті; а которым велено торговаті у города, и тѣхъ к Москвѣ не пущаті. Также и тезиком торговаті въ Казані, а къ Москве и по городом не пущаті, опрочъ Кізыльбашских купчін по шаховым грамотамъ. А нѣмцомъ, которым не велено торговаті на Москвѣ, прінесті имяна, хто такіх нѣмец, опрочъ аглінских и опрочъ тѣх, которые на государеве имяні, и опрочь тѣх, которымъ подаваны государевы жаловальные грамоты.

Указъ на Двину (черновикъ).

От царя і великаго князя Михаила Федоровича всеа Русі на Двину воіводе нашему Федору Всильевичю Волынскому да дьяку нашему Ивану Остапову.

Били намъ челом московские и казанские и ярославские и т. д. (излагается челобитье). А хто немецких торговых людей въ Московское государство приѣзжаютъ без нашихъ жаловальных грамот собою, и оні тѣм иноземцом подалі имяна.

И мы и отецъ нашъ великий государь святѣйшій государь патриархъ Филарет Никитич Московскій и всеа Русіі о том совѣтывалі и указалі (зачеркнуто и надписано: совѣтовали с отцом.. и указалі):

Иноземцом разныхъ государствъ, которые учнут приезжать к Архангельскому городу для торгу, и им у Архангельсково города

торговаті повольною торговлею, какъ наперед сего было, да и наші пошліны съ ніх велѣлі имать по прежнему нашему указу, с которых пошлины имывалі преж сего. А к Москве и въ иные наши городы указалі есмя отпускать от Архангельского города аглинскихъ гостей, Фабина Ульянова а товарищі, которые написаны въ нашей жаловальной грамоте, и их приказчиковъ, которые от их гостей торгуют, да із галанцовъ Юрья Клинка съ товарыщі, да Карпа Демулина и іныхъ, у которыхъ наши жаловальные грамоты за нашею красною печатью. А у которыхъ иноземцовъ, у агличан и у барабанцовъ и у галанцовъ нашихъ жаловальныхъ грамот нѣтъ, а приѣзжают по проѣзжим грамотам,—и тѣхъ иноземцовъ от Архангельского города к Москве и в ыные наши городы отпускать есмя не велѣли, чтоб нашимъ торговымъ людем въ томъ оскудѣнья не было. А какову роспись гости и торговые люді немцом, которые приежжают в Московское государство собою... по нашему указу с тое росписи списокъ посланъ к вамъ под сею нашею грамотою.

И как к вамъ ся наша грамота придет, а иноземцы разныхъ государствъ учнут для торгу къ Архангельскому городу приезжать,—и вы б по нашему и отца нашего Великого государя Святѣйшего патриарха Филарета Никитіча Московского и всеа Русиі указу аглічаном і галанцомъ и амбурцомъ и барабанцом и іныхъ земель немецкимъ всяким торговым людем у Архангельского города велѣлі торговаті с нашимі рускими людьмі и с иноземцы повельною торговлею и наши пошлины велѣли с нихъ иматі по нашему указу.

А к Москве естя отпускалі аглинских гостеі, Ѳабина Ульянова съ товарыщі, которые написаны в нашей жаловальной грамоте, и приказщиков ихъ, которые от них торгуют, да галанцов, Юрья Клинка да Карпа Демулина, и иныхъ иноземцовъ, у которых есть наши жаловальные грамоты за нашею красною печатью. А у которыхъ наших жаловальныхъ грамот нѣт, а учнуть класть перед вамі проѣзжіе грамоты, которые им даваны на Москвѣ, и тѣхъ отъ Архангельсково города по городомъ, на Колмогоры и на Вологду и въ Ярославль и к нам к Москве, не отпускалі отнюдь ни одного человѣка.

(*Зачеркнуто:* опрочѣ аглинскихъ гостей, которые в нашей жаловальной грамоте написаны, и ихъ приказщиковъ, которые торгуют от нихъ, и оприч тѣхъ, у которыхъ наши жаловальные грамоты, что имъ в наше государство приезжать повольно, и опричь нашихъ московскихъ торговых нѣмецъ, которые живутъ на Москвѣ и по городом на нашем имені. А будетъ, которые иноземцы учнут перед вамі класть наши проѣзжие грамоты, что им і ѣхать с Москвы и к Архангельскому городу и назад к Москве, і учнут по тѣм грамотам проситца к Москве, и вы б и тѣхъ от города в наши городы отнюдь не отпускалі, а велѣлі имъ ѣхать за море).

І вы б есте сказалі, что по нашему указу велено имъ торговать у Архангельского города повольно, а к Москве и в иные городы имъ ѣздить не велено, опричь тѣхъ, у которых наши жаловальные грамоты.

(*Зачеркнуто:* о том к вамъ прислан нашъ указ подлинно, и оні б ѣхалі за море, а к Москве им пропуску не будет).

А сказав, велѣли их отпущаті за море.

(*Зачеркнуто:* а к Москве есте таких пропущать не велѣлі).

Писана на Москвѣ лѣта 7135-го июля въ 13 дн.

А имяна немецким торговым людем написаны с ых роспісі, какову роспісь подалі гості, и та роспись вклеена под челобитною их на сей грамоте.

Павелъ Смирновъ.

Отдѣлъ IV.

Библіографія.

Лекціи по славянорусской палеографіи, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1908, 1909 и 1910 гг. проф. Романомъ Федоровичемъ Брандтомъ. Изданіе Московскаго Археологическаго Института. М. 1910. 8⁰ 70 стр.+12 табл. [1])

Вышедшій въ 1908 году вторымъ изданіемъ курсъ „Славянорусской палеографіи“ акад. А. И. Соболевскаго до послѣдняго времени оставался единственнымъ руководствомъ по палеографіи, сравнительно недорогимъ и доступнымъ для учащихся, такъ какъ 1-е изданіе того же курса (1901—1902 гг.) и „Очеркъ славянской кирилловской палеографіи“ проф. Е. Ѳ Карскаго [2]) (1901 г.) очень быстро вышли изъ продажи; книга Е. Карскаго, кромѣ того, отличалась и высокой цѣной (5 руб.). Вотъ почему появленіе всякаго новаго систематическаго курса палеографіи, предна-

[1]) Такъ на обложкѣ; на внутреннемъ листѣ читаемъ: „Лекціи по славянорусской палеографіи, читанныя проф. Романомъ Федоровичемъ Брандтомъ въ 1908—9 г. Изданіе Московскаго Археологическаго Института. М. '1909. Считаю нужнымъ оговорить, что настоящая рецензія была написана еще въ концѣ 1910 г., но по независящимъ обстоятельствамъ печатается только теперь.

[2]) Проф. Брандтъ неточно называетъ его „Очеркомъ *Славянорусской* кирилловской Палеографіи“ (стр. 4, примѣч.).

значеннаго служить руководствомъ для студентовъ-филологовъ и археологовъ, заранѣе можно только привѣтствовать.

Очевидно, такую учебную цѣль имѣетъ и новый курсъ палеографіи—проф. Р. Ф. Брандта, составленный изъ лекцій, читанныхъ имъ въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ (1908—1910 гг.). Проф. Р. Брандтъ не спеціалистъ по палеографіи и, какъ самъ говоритъ, „палеографіей изъ всѣхъ отдѣловъ своей науки наименѣе занимался и ничего по ней не писалъ“ (Лекціи... стр. 3). Нисколько не претендуя на самостоятельность предлагаемаго курса, авторъ ставитъ своей болѣе, чѣмъ скромной, задачей — „извлечь съ надлежащей критичностью важнѣйшія свѣдѣнія изъ руководствъ по палеографіи акад. А. И. Соболевскаго и проф. Е. Ф. Карскаго, со справками въ другихъ трудахъ, а иногда—въ изданіяхъ памятниковъ и въ самыхъ рукописяхъ“ (3—4 стр.). Посмотримъ, насколько удачно дѣлаетъ это „извлеченіе“ авторъ и что, вообще, даетъ онъ въ своемъ курсѣ.

Прежде всего, значительное неудобство при чтеніи и, слѣдовательно, при занятіяхъ по данному учебнику представляетъ то обстоятельство, что излагаемый въ немъ матеріалъ не разбитъ ни на лекціи, ни на главы, ни на параграфы: связный текстъ безъ перерыва тянется съ первой страницы до послѣдней (правда, тѣ слова, которые могли бы служить заглавіями или подзаголовками, напечатаны въ разрядку и такимъ образомъ нѣсколько выдѣляются изъ окружающаго текста).

Палеографію проф. Брандтъ опредѣляетъ, какъ „науку о *писальныхъ пріемахъ* (не проще ли,—о пріемахъ письма?), т. е. о томъ, какъ, чѣмъ и на чемъ въ прежнія времена писали“ (4 стр.); задача палеографіи—„опредѣленье времени (только ли?), къ коему относятся письменные памятники, которыми предстоитъ пользоваться для цѣлей словесности, исторіи или археологіи“ (5). Совершенно излишними намъ

кажутся разсужденія на полутора страницахъ (4—5) о замѣнѣ заимствованнаго слова „палеографія“ какимъ-нибудь соотвѣтствующимъ русскимъ словомъ,—сводящіяся въ концѣ концовъ къ тому, что „вполнѣ можно помириться съ ходячимъ терминомъ „палеографія“. На стр. 6 й, говоря о записяхъ въ книгахъ, авторъ сообщаетъ: „часто однако писцы большую часть своей приписки наполняютъ пустыми и шаблонными выраженіями своей скромности, называя себя ничтожными и многогрѣшными и прося снисхожденія къ допущеннымъ при перепискѣ ошибкамъ“. Здѣсь не мѣшало бы привести одинъ-два типичныхъ образчика подобныхъ записей, взявъ ихъ хотя бы изъ курсовъ Е. Карскаго или А. Соболевскаго. По поводу записей авторъ говоритъ о лѣтосчисленіи, о переводѣ сентябрьскаго и мартовскаго года на январьскій (очень кратко) и о буквальномъ воспроизведеніи старыхъ записей и датъ позднѣйшими переписчиками (6—8). Страницы 8—15 посвящены матеріалу, на которомъ писались памятники старины: говорится о пергаменѣ, лубѣ, берестѣ, деревѣ, металлѣ, бумагѣ. Здѣсь не подчеркнуто, что южно-славянскія и русскія рукописи имѣютъ пергаменъ исключительно *бѣлаго* и желтоватаго цвѣта. Палимпсестъ опять вызываетъ совершенно безполезныя для существа дѣла этимологическія замѣчанія автора, причемъ смытый или выскобленный текстъ онъ предлагаетъ называть „исподникъ, изначалокъ“, а вновь написанный—„верховикъ или новописокъ“ (стр. 11). Вѣрнѣе было бы сказать, что бумага первоначально приходила къ намъ не изъ Персіи, а вообще—съ Востока (13). Говоря о водяныхъ знакахъ авторъ называетъ далеко не одинаковые по количеству, обработкѣ и цѣнности собраннаго матеріала труды Лаптева (1824), Тромонина (1844) и Лихачева (1891, 1899 г.), не выдѣляя послѣдняго. Стр. 15—18 трактуетъ о книгахъ, тетрадяхъ, форматѣ и переплетѣ книгъ. Можно было бы добавить, что кромѣ 8 и 6-листныхъ тетрадей попа-

даются иногда тетради и въ 7 листовъ. (Слав.-русская палеографія, ак. А. И. Соболевскаго, изд 2-е, стр. 20); не помѣшали бы и свѣдѣнія объ общемъ числѣ листовъ въ рукописяхъ, съ указаніемъ (опять по Соболевскому, стр. 22) на Макарьевскія и Милютинскія Четьи Минеи въ 1700 лл. съ лишнимъ. На стр. 18—20 рѣчь идетъ о грамотахъ, столбцахъ, свиткахъ, на стр. 20—22—довольно подробно сообщается о линованіи, перьяхъ, трости, чернилахъ, чернильницахъ и киноварѝ. Неполно, а потому не совсѣмъ точно сообщеніе: „Киноварью писали заглавія. Усиленное употребленье краснаго цвѣта встрѣчается лишь изрѣдка“. Кромѣ заглавій статей и отдѣловъ, киноварью писались различныя отмѣтки на поляхъ, отмѣчались главы, евангельскія чтенія и зачала, словомъ, все, что требовалось выдѣлить изъ обычнаго текста; нерѣдко киноварью писались и заключенія отдѣловъ, евангелій, а также вкладныя жертвователей и писцовъ книги. Вообще, киноварь не такъ ужъ рѣдка, особенно въ южнорусскихъ рукописяхъ болгаро-молдавскаго письма, которыя знаютъ и золото. Какъ на примѣръ, укажу на рядъ рукописныхъ Евангелій Полтавскаго Епарх. Древлехранилища (съ золотомъ) и на одно изъ Евангелій Волынскаго Епархіальнаго Древлехранилища (первой половины XVI в., № 1/180 по рукописному каталогу), гдѣ между прочимъ киноварью написано такое заключеніе евангелія отъ Іоанна: **Єже ѡ їѡа́нна бл҃говѣствованїе. и҃здастьсѧ по лѣтѣхъ трѝдесѧ҃ и҃ в҃ хва҃ възнесенїѧ. стѝховь. ѕ҃вт** (л. 382, написано въ формѣ воронки). Въ этомъ же Евангеліи исполнены золотомъ—на л. 3: плетеный иниціалъ **К** и заглавіе — **Ѡⷬ мⷯ҃ѳ҃ѧ с҃тое є҃ѵ҃лїе нⷭ҃ прⷯ҃ рожⷭ҃ствомь хⷯ҃вымь с҃ыхь ѡ҃цъ** (вязь); на л. 169: заглавная строка — **прⷯ҃словїе є҃же ѡ҃ лⷦ҃кы с҃того є҃ѵ҃лїѧ;** на л. 170: плетеный иниціалъ **П** и заглавіе—**ѡ҃ лⷦ҃кы с҃тое бл҃говѣствованїе.** Всѣ заставки этого красиво написаннаго Евангелія исполнены очень изящно, въ геометрическомъ стилѣ и—киноварью.

Особенно богато украшенъ золотомъ Загоровскій Апостолъ XVI в., хранившійся въ Владиміро-Волынскомъ Музеѣ, нынѣ—въ Волынск. Епарх. Древлехранилищѣ: иниціалы и заставки здѣсь исполнены и художественно и богато, разными красками и золотомъ [1]).

На стр. 23—26 авторъ говоритъ объ орнаментѣ и говоритъ очень мало и сбивчиво, неопредѣленно. Слѣдовало бы болѣе подчеркнуть тѣ періоды, которые характеризуются у насъ господствомъ того или иного стиля въ орнаментаціи рукописей; вѣдь, болѣе или менѣе установленная уже хронологическая смѣна различныхъ стилей въ заставкахъ и иниціалахъ нашихъ рукописей—важнѣе всего для палеографа, задачей котораго является опредѣленіе даты памятника. Вслѣдъ за проф. Карскимъ проф. Брандтъ называетъ геометрическимъ или чертежнымъ старый византійскій орнаментъ, состоявшій изъ растительныхъ, рѣже — животныхъ элементовъ, или изъ простыхъ, несложныхъ плетеній; этотъ орнаментъ отличался естественностью формъ изображаемыхъ фигуръ и узоровъ и правильностью рисунка. Однако, намъ кажется болѣе отвѣчающей названію „геометрическій орнаментъ“ именно та разновидность ново-византійскаго орнамента, которая съ особой любовью и искусствомъ изображала хитро пересѣкающіеся и переплетающіеся круги, квадраты, восьмиугольники и т. п. геометрическія фигуры, скомбинированныя иногда съ мелкими цвѣтами и листьями (другая разновидность ново-византійскаго орнамента—группы мелкихъ цвѣтовъ, заключенныя въ прямоугольникъ, и черные, узловатые иниціалы). Авторомъ недостаточно охарактеризованъ тератологическій орнаментъ, не отмѣчены въ немъ ни странныя, причудливыя фигуры людей и животныхъ

[1]) См. еще въ книгѣ В. Перетцъ, Отчетъ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ Полтаву и Екатеринославъ, Кіевъ, 1910 г.

(драконовъ, грифоновъ, змѣй и т. п.), ни безконечныя причудливыя плетенія ремней и вѣтвей, сливающіяся незамѣтно съ запутанными въ нихъ фигурами.

Странно звучитъ фраза: „Въ чудовидный стиль, говорятъ, русскіе внесли немало и своего“ (стр. 24). Къ чему это ничего не говорящее „говорятъ“ (авторъ не разъ употребляетъ его) и что же своего внесли русскіе? Авторъ продолжаетъ: „хотя въ основаніи своемъ все это (т. е. чудовидный стиль?), конечно (?), греческое, и не разъ могли даже прямо списывать греческіе образцы“... (ib.). Но, вѣдь, чудовищный стиль какъ разъ-то и не характеренъ для орнамента греческихъ рукописей и въ византійское искусство почти не проникъ! Въ томъ же курсѣ палеографіи Карскаго, изъ котораго такъ много заимствуетъ проф. Брандтъ, можно найти слѣдующія опредѣленныя указанія: „Оригинальность славянскаго орнамента проявляется главнымъ образомъ въ стремленіи къ своеобразной *чудовищности, которая* уже на первыхъ порахъ *отличаетъ славянскій орнаментъ отъ византійскаго* и скорѣе сближаетъ его съ грубыми подѣлками ранняго средневѣковаго стиля“ (Очеркъ... стр. 143); тератологическій стиль *„развился на славянской почвѣ* и особенно усовершенствовался у русскихъ“ (ib., 149; приводится прекрасная характеристика тератологическаго орнамента, сдѣланная Буслаевымъ). Какъ-то совершенно вскользь, мимоходомъ говорится о западномъ, „фряжскомъ“ орнаментѣ и уже вовсе не упоминается о дальнѣйшемъ развитіи зап.-европейскаго орнамента въ рукописяхъ XVII в. сѣверно-русскаго происхожденія (стр. 25).

Снимокъ изъ Геннадіевской Библіи 1499 г. слишкомъ малъ и не даетъ достаточнаго представленія о заставкахъ въ зап.-европейскомъ вкусѣ. Вообще, всѣ три снимка съ заставокъ, помѣщенные на табл. II-й, мало характерны для тѣхъ стилей, которые они должны представлять. Можно

было бы подобрать гораздо болѣ яркіе образчики, воспользовавшись хотя бы тѣмъ богатымъ матеріаломъ, который собранъ въ упоминаемомъ авторомъ громадномъ, художественно исполненномъ альбомѣ В. В. Стасова: „Славянскій и восточный орнаментъ". Кромѣ того *трехъ* снимковъ для иллюстраціи *четырехъ* послѣдовательно смѣнявшихся стилей въ орнаментѣ—слишкомъ недостаточно. Рѣшительно никакихъ упоминаній нѣтъ о южнорусскомъ и западно-русскомъ орнаментѣ XVI-го вѣка, отражающемъ вліяніе зап.-европейскаго (гл. обр. итальянскаго) Ренессанса. Прекрасные образцы такого орнамента даютъ вышеупомянутый Загоровскій Апостолъ 1554 г. и роскошное Пересопницкое Евангеліе 1556—1561 гг.[1]); сходные мотивы встрѣчаемъ и въ орнаментаціи зап.-русскаго Волковысскаго Евангелія XV в.[2]). Отличительной чертой этого орнамента, отразившаго на себѣ вліяніе искусства эпохи Возрожденія, являются художественно исполненные въ краскахъ завитки изъ листьевъ аканта, цвѣтовъ и стеблей, образующіе нерѣдко бордюръ, раму къ цѣлому листу; иногда среди завитковъ стеблей и листвы попадаются изображенія *амуровъ* (какъ въ первыхъ названныхъ двухъ памятникахъ).—Правда, приведенныхъ только что указаній нѣтъ въ главныхъ источникахъ лекцій проф.

---

[1]) Снимокъ съ Загоров. Апостола можно видѣть въ „Трудахъ IX археол. съѣзда въ Вильнѣ", орнаментъ Пересопн. Евангелія—у Стасова: Славянскій и восточный орнаментъ, лл. XLVI—XLVII. Орнаменту Пересопн. рукописи посвящены спеціальныя статьи А. С. Грузинскаго: „Пересопницкое Евангеліе, какъ памятникъ искусства эпохи Возрожденія въ южной Руси въ XVI в." и проф. Г. Г. Павлуцкаго—о томъ же: журналъ „Искусство" (раньше—„Искусство и печатное дѣло") за 1911 г., № 1 и № 2 (Кіевъ). Тамъ же рядъ художественно исполненныхъ снимковъ изъ Пересопн. Еванг. и новыя свѣдѣнія о датѣ Загоровскаго Апостола, первоначально относимаго къ 1563 г.

[2]) См. у Стасова, Слав. и восточ. орнаментъ, лл. XCII–XCIII.

Брандта (т. е. у Соболевскаго и Карскаго), въ „Очеркѣ...“ Е. Карскаго встрѣчаемъ только бѣглое замѣчаніе: „Фряжская листва особенно пришлась по вкусу южно- и западнорусскимъ писцамъ...“ (стр. 153—154). Авторъ разбираемаго курса лекцій приходитъ къ выводу, что орнаментъ „тоже даетъ нѣкоторыя указанья на время написанія рукописи, однако весьма неточныя“ (стр. 25; ср. у Карскаго, стр. 156), и въ примѣръ приводитъ сербское Мирославово Евангеліе XII в.—со слѣдами западнаго вліянія. Однако, можно указать и обратный случай, гдѣ именно орнаментація имѣетъ большое значеніе для подтвержденія даты памятника: имѣю въ виду все то же Пересопницкое Евангеліе, котораго типичный орнаментъ въ стилѣ Возрожденія является однимъ изъ главныхъ доказательствъ подлинности его даты, недавно заподозрѣнной[1]). Говоря о миніатюрахъ, авторъ указываетъ почему-то на ихъ малую цѣнность историческую и археологическую (26), но не отмѣчаетъ ихъ извѣстной палеографической цѣнности: съ XVI-го в. миніатюры, занимавшія немного мѣста въ текстѣ или на поляхъ, увеличиваются въ размѣрѣ за счетъ текста и въ концѣ концовъ занимаютъ всю сторону листа (ср. Карскій, 142; Соболевскій, 71). На стр. 26—33 авторъ говоритъ о заставщикахъ, заказчикахъ и писцахъ рукописей и на основаніи неизвѣстно какихъ данныхъ заподазриваетъ грамотность Владимира Мономаха и св. Евфросиніи Полоцкой, высказывая предположеніе, что „можетъ быть, они писали не своей рукой, а диктовали“ (30).

На 33 стр. бѣгло указывается на различные виды ошибокъ при письмѣ. Ничего нельзя возразить противъ словъ автора: „Ошибки, разумѣется, бываютъ разныя...“ Всѣ три

---

[1]) Доклады А. С. Грузинскаго и И. М. Каманина въ засѣданіи Историч. Общества Нестора-Лѣтописца 22 ноября 1909 г.; см. Чтенія въ Ист. О-вѣ Нестора-лѣтописца, кн. XXII, в. 3, стр. 83—85.

приведенные случая гаплографіи: „тъкъ молитвою“ Остром. Ев., „жити своими женами“ Ряз. Кормчая и „стры Ярослава“ Лавр. лѣт.—авторъ заимствуетъ у Соболевскаго (см. его курсъ, стр. 101), а дальнѣйшіе случаи „недописокъ“ и описокъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ буквъ—у Карскаго, но съ искаженіемъ ссылокъ на листы рукописей: „живяхо“ вм.—хоу Лавр. лѣт. 3*б* (а не 2*б*), „слъшащимъ“ Гал. Ев. 1144 г. 76*б* (а не 766!), „виси“ вм. вьси—Остр. Ев. 250 (а не 250 г.), „мънагашьды“ Милят. Ев. 46*б* (а не 466); см. Брандта стр. 33 и „Очеркъ...“ Карскаго, стр. 8—9. Между тѣмъ, ошибки въ рукописяхъ—вещь настолько обычная, что проще было подобрать нѣсколько новыхъ примѣровъ, чѣмъ съ искаженіями перепечатывать старые.

Авторъ вовсе не приводитъ примѣровъ диттографіи, т. е. механическаго повторенія буквы, слога, слова или даже фразы, строки,—а они такъ нерѣдки въ рукописяхъ. Описки возможны не только подъ вліяніемъ сосѣднихъ буквъ въ слѣдующемъ слогѣ или словѣ, но и въ предыдущемъ (примѣры у Карскаго же, на стр. 9: повезеша 131*б*.28 Ипат. лѣт., кникы 19*а*.22—ib.). Осталось не отмѣченнымъ подновленіе языка при перепискѣ, что также долженъ учитывать палеографъ, а также искаженіе текста вслѣдствіе осмысленія непонятныхъ переписчику мѣстъ и нѣкоторые другіе виды ошибокъ.

На стр. 34—35 рѣчь идетъ объ изводахъ языка древнихъ памятниковъ. Очень неудачно, по старинѣ, авторъ называетъ старо-болгарскіе памятники—памятниками извода Юсового или Паннонскаго.—Мы бы предпочли говорить о трехъ только изводахъ церковно-славянскаго (старо-болгарскаго) языка: болгарскомъ (средне-болг. яз.), сербскомъ и русскомъ, не считая самаго старо-болгарскаго языка за отдѣльный изводъ. Характеристика 4-хъ изводовъ, основанная только на различномъ употребленіи юсовъ у болгаръ, сер-

бовъ и русскихъ, крайне недостаточна. Слѣдовало бы добавить о возможномъ смѣшеніи на письмѣ ѣ и ѧ, объ употребленіи простыхъ буквъ вмѣсто іотированныхъ и о постановкѣ глухого послѣ плавнаго (сочетанія *ръ, лъ*)—въ памятникахъ средне-болгарскаго языка (все это идетъ еще изъ старо-болг. памятниковъ); необходимо было также сказать о реформѣ патріарха Евѳимія и установленной имъ орѳографіи. Въ сербскомъ изводѣ слѣдовало отмѣтить еще: предпочтительное употребленіе *ь*, смѣшеніе *и—ы*, изрѣдка смѣшеніе *е—ѣ*, иногда мѣну *у—в* передъ согласными; въ русскомъ—полногласіе, *ж—ч* вм. *жд—шт*, постановку глухого передъ плавнымъ, сравнительно правильное употребленіе *ъ—ь* и проясненіе ихъ въ чистые *о—е*.

Ничего не говорится и о мѣстныхъ особенностяхъ древняго русскаго языка, о вліяніи говоровъ новгородскаго, псковскаго, галицко-волынскаго и позднѣйшихъ (XV—XVII в.) западно-русскихъ и южно-русскихъ говоровъ на орѳографію писцовъ, что прямо-таки необходимо въ курсѣ палеографіи, такъ какъ особенности языка, отразившіяся на правописаніи, нерѣдко позволяютъ пріурочить памятникъ къ той или другой опредѣленной мѣстности.

Точно также далѣе ничего не сказано о южнославянскомъ орѳографическомъ вліяніи,—о характерѣ южно-славянской орфографической моды, времени ея появленія, господства и замиранія въ Московской и Юго-западной Руси. Все это—крупные недочеты разбираемаго курса, и недочеты, которыхъ смѣло могло бы не быть, такъ какъ характеристикѣ изводовъ—болгарскаго, сербскаго и русскаго, а равно мѣстнымъ особенностямъ русскаго языка и южнославянской орѳографической модѣ удѣлено очень много вниманія и мѣста въ курсахъ палеографіи ак. Соболевскаго и проф. Карскаго, изъ которыхъ исходитъ проф. Брандтъ.

Зато довольно подробно сообщаетъ авторъ о тайнописи: простой и мудрой литорѣ, числовой, иносзначной и исказительной тайнописи (35—38).

Съ 39 стр. авторъ переходитъ къ начертаніямъ буквъ. Говоря о происхожденіи кирилловскихъ уставныхъ буквъ онъ попутно высказываетъ свое мнѣніе, что кирилловское письмо древнѣе глаголическаго. Данная авторомъ характеристика устава недостаточно отчетлива, хотя и многословна; мѣшаютъ также постоянныя справки въ таблицахъ, гдѣ приложены самые снимки съ буквъ. Въ полууставѣ проф. Брандтъ вовсе не различаетъ полуустава русскаго, выработавшагося естественнымъ путемъ изъ русскаго же устава, и южнославянскаго, пришедшаго къ намъ вмѣстѣ съ усиленіемъ южнославянскаго вліянія; онъ лишь глухо говоритъ, что „иные различаютъ „собственный полууставъ“ и болѣе ранній „новый уставъ“,—не имѣя, кажется, въ виду указаннаго, существенно важнаго различія. Поэтому въ разбираемомъ курсѣ мы не находимъ характеристики начертаній русскаго и южно-славянскаго полуустава, не находимъ свѣдѣній, когда употреблялся первый и когда онъ былъ вытѣсненъ вторымъ.

Говоря о буквахъ *вѣди, иже, живете, нашъ* и буквахъ *іотованныхъ* (43—44), авторъ недостаточно подчеркиваетъ тѣ измѣненія, какія ихъ начертанія претерпѣли въ уставѣ и полууставѣ, почти не говоритъ о томъ важномъ для палеографа хронологическомъ значеніи, какое имѣютъ величина верхней части и высота пояска, поперечины названныхъ буквъ. При общей характеристикѣ скорописи (стр. 45) ни слова не говорится о томъ, что мы различаемъ теперь три типа скорописи: скоропись московскую (сѣверно-русскую), западнорусскую и южно русскую; нѣтъ, конечно, и характеристики отличительныхъ начертаній и общей манеры этихъ трехъ типовъ. Въ дальнѣйшемъ, разсматривая варіанты начертаній различныхъ скорописныхъ буквъ, авторъ, правда, различаетъ

въ нихъ варіанты „восточные“ и „юго-западные“ (зап.-русская и южно-русская скорописи какъ-то сливаются въ изложеніи автора).

Съ 45 стр. авторъ начинаетъ говорить „нѣсколько подробнѣе, въ азбучномъ порядкѣ, о буквахъ уставныхъ, полууставныхъ и скорописныхъ“, причемъ преимущественно останавливается на скорописи. Здѣсь онъ всецѣло идетъ за Карскимъ, лишь сокращая и нѣсколько измѣняя соотвѣтствующія страницы „Очерка“; ср. стр. 183—218 „Очерка...“ Карскаго и стр. 45—63 лекцій Брандта.

„Желательно бы было установить точно преемственность начертаній, строго различая притомъ, кромѣ времени, и мѣсто. Но это—работа крайне кропотливая, а кромѣ того, для ранней поры, немногочисленность помѣченныхъ памятниковъ дѣлаетъ ее неисполнимою“—говоритъ проф. Брандтъ. Однако, если пока невозможно *вполнѣ* точное установленіе преемственности начертаній, то его можно сдѣлать въ главнѣйшихъ общихъ чертахъ, хотя бы для нѣкоторыхъ буквъ, наиболѣе подвергшихся измѣненіямъ за рядъ столѣтій. Эта преемственность начертаній уже болѣе или менѣе установлена въ курсѣ палеографіи акад. Соболевскаго, только она недостаточно отчетливо выступаетъ, такъ какъ разсмотрѣнныя тамъ данныя не сведены въ общую таблицу, гдѣ бы наглядно было представлено измѣненіе начертаній ряда наиболѣе характерныхъ буквъ въ уставѣ, полууставѣ и скорописи—съ XI по XVIII в. (можетъ быть, лучше было бы дать даже нѣсколько такихъ таблицъ—для каждаго типа письма отдѣльно).

Переходимъ къ отдѣльнымъ начертаніямъ буквъ.

Зап.-русскіе полууставъ и скоропись также знали начертаніе *а*, подобное греч. α (табл. III, №№ 6, 13—15 у Брандта), и, кромѣ того, *а* съ малой петлей и длиннымъ, иногда загнутымъ костылемъ (послѣднее см. у Собол., Палеографія, табл. 17, 7-я стр. снизу).

Мы не находимъ указываемаго авторомъ сходства въ начертаніяхъ скорописныхъ *б* (табл. III, №№ 3—4) и *ъ* (табл. VI, № 10)—стр. 46—47.

Для московской скорописи не отмѣчено начертаніе *в*, представляющее четыреугольникъ на очень длинномъ основаніи (оно встрѣчается въ снимкахъ купчей 1669 г., принадлежащей проф. Брандту; см. табл. XI).

На стр. 49, говоря о *ж* уставномъ и полууставномъ, авторъ не отмѣчаетъ, что древнѣйшее *ж* писалось въ три пріема, болѣе новое—въ пять.

На стр. 50 не указано, что въ зап.-русской скорописи *і* употребляется почти исключительно въ числовомъ значеніи.

На стр. 52 не отмѣчено въ начертаніи буквы *о* варіанта, гдѣ форму креста имѣетъ незаполненная чернилами середина *о* („Очеркъ"... Карскаго, стр. 202, изображеніе—на предыд. страницѣ); укажемъ, между прочимъ, что такое начертаніе *о* нерѣдко въ извѣстномъ Житомирскомъ (Волынскомъ) Евангеліи 1571 года. На стр. 58 авторъ, говоря о вязяхъ (собственно, лигатурахъ), замѣчаетъ: „ау" значитъ „ав"; гораздо чаще данная лигатура и означаетъ только „ау": водлугъ даᵘу—1 л. Нов. Завѣта 1581 г. въ переводѣ Негалевскаго.

На стр. 59 говорится о вязяхъ въ заглавіяхъ, причемъ за снимками авторъ отсылаетъ къ „Очерку..." Карскаго. На стр. 59—61 разсматриваются титла, 61—63—крючки и точки, ударенія, знаки препинанія и раздѣльность письма. О Библіи Скорины можно было-бы точнѣе сказать, что она относится къ первой четверти XVI в., (а не къ половинѣ,—стр. 63).

На стр. 64—66 находимъ объясненіе таблицъ, 67—70—поправки и дополненія.

Въ самомъ текстѣ авторъ только разъ обмолвился о „собственно русскомъ полууставѣ" (стр. 54, по поводу бук-

вы *у*), вообще же полуставъ русскій и южнославянскій имъ не различаются. Въ объясненіи къ табл. IX—X (стр. 65) онъ уже говоритъ о „старѣйшемъ полууставѣ, собственно-русскомъ“ и „новѣйшемъ полууставѣ (южно-славянскаго типа)“.

Изъ 12-ти приложенныхъ въ концѣ таблицъ только пять послѣднихъ даютъ цѣльные снимки съ рукописей (въ листъ или часть листа), здѣсь представлены: древнѣйшій уставъ (Остром. Ев., табл. VIII), русскій полууставъ (Лаврент. списокъ лѣтописи 1377 г., IX), южнославянскій полууставъ (Лѣствица 1424 г., X), московская скоропись (1669 г. —купчая), западнорусская скоропись (не особенно типичная: изъ Псалтыри XVII в.); образчика южно-русской скорописи XVII—XVIII вв. совсѣмъ нѣтъ. На предыдущихъ 7-ми таблицахъ помѣщены снимки отдѣльныхъ буквъ, строкъ, заставокъ и иниціаловъ. Какъ говоритъ самъ авторъ, снимки почти всѣ взяты изъ руководствъ Соболевскаго, Карскаго и Бѣляева. (Практич. курсъ изученія древней русской скорописи. М. 1907). Нельзя не пожалѣть, что снимковъ дается такъ мало: отъ этого курсъ лекцій, изданный проф. Брандтомъ, проигрываетъ еще болѣе. Большимъ неудобствомъ, повторимъ, является то обстоятельство, что снимки отдѣльныхъ буквъ, строкъ, иниціаловъ приложены въ концѣ: ихъ слѣдовало бы ввести въ текстъ; разъ они служатъ непосредственной иллюстраціей текста, гораздо удобнѣе имѣть ихъ тутъ же, передъ глазами, чѣмъ разыскивать въ концѣ книги по №№ таблицъ, фигуръ, по счету буквъ и строкъ.

Въ своемъ курсѣ проф. Брандтъ чаще всего идетъ за „Очеркомъ...“ Карскаго, дающимъ массу матеріала, лишь сокращая его и нѣсколько мѣняя порядокъ изложенія; достаточно сравнить нѣсколько соотвѣтствующихъ мѣстъ у обоихъ авторовъ: стр. 8—10 Брандта (о пергаменѣ) и 87—90 Карскаго, 21—22 Брандта (о перѣ и трости) и 129—130

Карскаго, 25—26 и 138—141 Карскаго... и т. д., и т. д. Обѣщанная авторомъ „надлежащая критичность“ при выборѣ матеріала изъ пособій (стр. 3) выразилась въ рядѣ этимологическихъ разсужденій, догадокъ и предположеній (о неграмотности Владимира Мономаха, о томъ, что Путята не былъ писцомъ-ремесленникомъ, и т. п.), нисколько не повышающихъ общей цѣнности курса.

Принимая же во вниманіе, что авторъ нерѣдко недостаточно оттѣняетъ или вовсе обходитъ молчаніемъ установленные уже въ палеографической наукѣ положенія и факты, что онъ мало и не совсѣмъ точно говоритъ объ орнаментѣ, не даетъ достаточной характеристики изводовъ, не говоритъ о южно-славянскомъ орѳографическомъ вліяніи и мѣстныхъ особенностяхъ стараго русскаго языка, не различаетъ полуустава южно-славянскаго и русскаго, а также скорописи западно-русской и южно-русской, — мы должны будемъ признать, что курсъ палеографіи проф. Р. Ф. Брандта, разсматриваемый даже какъ *извлеченіе* только изъ курсовъ акад. Соболевскаго и проф. Карскаго, оставляетъ желать многаго. Тѣмъ болѣе несоразмѣрно-высокой кажется намъ цѣна книги (3 рубля), изданной не особенно тщательно, съ достаточнымъ количествомъ опечатокъ.

А. Назаревскій.

Отдѣлъ V.

СМѢСЬ.

Одинъ изъ неизданныхъ „Юрналовъ“ Петровскаго царствованія за 1723—1724 г.г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Между источниками исторіи Петровскаго царствованія весьма важное мѣсто занимаютъ такъ называемые „юрналы“, „журналы“, или „поденныя записки“, которые стали вестись, по иниціативѣ самого Петра, съ конца XVII вѣка. Значеніе этихъ источниковъ было уже вполнѣ признано въ XVIII в. Такъ, извѣстный историкъ кн. М. М. Щербатовъ, разбирая, по порученію, данному ему Екатериною II въ 1768 г., бумаги, хранившіяся въ кабинетѣ Петра, издалъ „журналъ или поденную записку“ съ 1698 г. до заключенія Нейштадскаго мира [1]), и въ преди-

[1]) „Журналъ или поденная записка блаженныя и вѣчно-достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 г. даже до заключенія Нейштадскаго мира.—Напечатанъ съ обрѣтающихся въ кабинетной архивѣ списковъ, правленныхъ собственною рукою Его Императорскаго Величества“. Часть I, въ С.-Петербургѣ, 1770 г., ч. II, 1772 г. (изд. Им. Академіи наукъ).

словіи своемъ, хотя кратко, но ярко охарактеризовалъ важность этихъ журналовъ, которые велись никѣмъ инымъ, какъ извѣстнымъ кабинетъ-секретаремъ Государя Алексѣемъ Макаровымъ, при чемъ Петръ собственноручно исправлялъ текстъ этихъ журналовъ. Затѣмъ „юрналы" стали вестись и другими лицами, имѣли нѣсколько варіантовъ, хранились уже не въ кабинетѣ Петра В., а въ другихъ учрежденіяхъ. Съ 1853 по 1855 г.г. въ Петербургѣ, подъ наименованіемъ „Походнаго журнала", стали издаваться журналы за время съ 1695 по 1725 г., при чемъ первый выпускъ этого изданія содержалъ „Юрналъ въ путномъ шествіи 203 года" (т. е. 1695 г.); слѣдующіе выпуски относились къ послѣдующимъ годамъ вплоть до 1725 г. Изданіе это было предпринято въ виду нахожденія въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ цѣлаго ряда журналовъ, *дополняющихъ* собраніе журналовъ, изданныхъ кн. Щербатовымъ, то по времени, къ которому они относятся, то по содержанію. Такъ, Щербатовское изданіе начиналось съ 1698 г. и кончалось Ништадскимъ миромъ, новое-же изданіе начиналось журналами съ 1695 г. и было доведено до конца царствованія Петра В; кромѣ того, въ этихъ журналахъ были свѣдѣнія, дополняющія ранѣе извѣстныя, какъ по изданію кн. Щербатова, такъ и по труду Голикова, дневнику генерала Патрика Гордона и др. Мы не будемъ касаться всего содержанія изданныхъ „Походныхъ журналовъ". Замѣтимъ лишь, что къ 1723 г. относится „весьма неполный", по характеристикѣ самыхъ издателей, „юрналъ", извлеченный ими изъ „собранія журналовъ и печатныхъ календарей, хранящихся въ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ": [1]) онъ обнимаетъ время съ 1 генваря по 16 октября; [2]) дополненіемъ къ нему слу-

[1]) „Походный журналъ 1723" (С.-П., 1855 г.), предисловіе.

[2]) Ibidem, стр. 1—29.

житъ другой небольшой журналъ за тотъ-же годъ, за время отъ 3 марта по 18 декабря. [1]) Вмѣстѣ съ ними были изданы также 2 „юрнала“ за 1724 г., по списку, хранящемуся въ означенномъ-же выше архивѣ. [2]) Между тѣмъ въ архивѣ Пр. Сената, въ Петербургѣ, находится *„юрналъ (или записка) впредь для памятствованія*, относящійся къ тѣмъ-же 1723 и 1724 г.г. „Юрналъ“ этотъ, неизвѣстно кѣмъ составленный, представляетъ собою вполнѣ самостоятельную запись событій, относящихся къ жизни Петра В., и, въ качествѣ таковой записи, можетъ служить нѣкоторымъ дополненіемъ къ изданнымъ уже „юрналамъ“ за тѣ же годы по спискамъ главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Принимая во вниманіе какъ указанное обстоятельство, такъ и то, что все, относящееся къ жизни великаго Государя, должно представлять болѣе или менѣе важный интересъ, мы думаетъ, что не будетъ излишнимъ напечатаніе и даннаго новаго „юрнала (или записки) впредь для памятствованія“. Замѣтимъ при этомъ, что „юрналъ“ за 1723 г., ниже печатаемый, не менѣе содержателенъ, чѣмъ напечатанные ранѣе за тотъ же годъ журналы. Кромѣ того онъ даетъ немало свѣдѣній, не имѣющихся въ послѣднихъ. Что касается „юрнала“ за 1724 г. по списку архива Сената, то онъ значительно короче „юрнала“ по списку главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но, несмотря на это, также не является излишнимъ.

Обращаясь къ содержанію уже напечатанныхъ „юрналовъ“ за 1723—24 г.г., и ниже помѣщаемому нами „юрналу“ за тѣ же годы, можно отмѣтить рядъ различій между

---

[1]) Ibidem, стр. 32—41.

[2]) „Походный журналъ 1724 г.“ (С.-П., 1855 г.), „юрналы 1724 г.“, I на стр. 1—25, второй на страницахъ 29—39, съ проектомъ „коронаціи Екатерины Алексѣевны“.

ихъ текстомъ. Такъ, объ однихъ событіяхъ напечатанные журналы говорятъ кратко, а нижепомѣщаемый—подробно; [1]) о другихъ умалчиваетъ одинъ журналъ, но говоритъ за то другой, такъ что одинъ журналъ пополняетъ содержаніе другого. Изъ напечатанныхъ 2-хъ журналовъ за 1723 г. мы напр., ничего не узнаемъ, что дѣлалъ Петръ съ 6 по 22 апрѣля, печатаемый-же „юрналъ“ сообщаетъ объ этомъ рядъ извѣстій. Или, напр., въ напечатанномъ 1-мъ журналѣ сказано одно слово, подъ 25-мъ числомъ мая мѣсяца,—„сіяніе“; журналъ, по списку архива Сената, заноситъ за этотъ день слѣдующее извѣстіе: „въ 25 день (въ субботу), пополудни въ 7-мъ часу Его Величество изволилъ гулять на берегу и былъ въ старомъ своемъ, Государевѣ, дворцѣ, да въ домѣ гр. г. Головкина; при Его Величествѣ тайный совѣтникъ кн. Василій Лукичъ Долгорукій и другіе“. Наоборотъ, въ напечатанномъ 1-мъ журналѣ 1723 г. подъ 2-мъ числомъ октября мѣсяца читаемъ подробное извѣстіе какъ о смотрѣ флота, произведенномъ Петромъ, такъ и о томъ, что Государь показывалъ персидскому послу „токарню свою и всѣ обрѣтающіяся въ ней вещи, и при томъ Его Величество, выточа полтавскую баталію, пожаловалъ ему, послу, и еще двѣ трубки зрительныя“ и пр.; [2]) журналъ-же, печатаемый нами, подъ тѣмъ-же числомъ содержитъ только краткое указаніе то, что Петръ съ министрами былъ на Котлинѣ островѣ, и палили изъ пу-

[1]) Подъ 12 марта 1723 г. въ напечатанномъ I-мъ „юрналѣ“ кратко, напр., сказано, что „было погребеніе чиновное тѣлу царевны Маріи Алексѣевны и положено въ городѣ въ соборной церкви съ прочими умершими фамиліями Его Величества“ („Походный журналъ 1723 г.“; С.-П., 1855 г., стр. 9); въ „юрналѣ“-же, хранящемся въ архивѣ Сената и нами нынѣ печатаемомъ, подъ тѣмъ же числомъ, подробно описано самое погребеніе и указано, что на немъ присутствовалъ Государь съ своею супругою.

[2]) Ibidem, стр. 23.

шекъ и изъ адмиральства“; указаніе это, безъ связи съ приведеннымъ извѣстіемъ, является невполнѣ яснымъ.

Интересно, что нѣкоторыя извѣстія, помѣщенныя въ печатаемомъ нами „юрналѣ“ и не отмѣченныя въ изданныхъ уже журналахъ, служатъ указаніемъ на мѣсто составленія нашего „юрнала“. Такимъ мѣстомъ была, по всѣмъ даннымъ, канцелярія Пр. Сената, такъ какъ печатаемый „юрналъ“ тщательно отмѣчаетъ тѣ свѣдѣнія, какія имѣли отношенія къ Сенату. Такъ, напр., подъ 16 числомъ февраля мѣсяца 1724 г. въ изданномъ журналѣ читаемъ, что Государь „путь свой воспріялъ къ марціальнымъ водамъ пополудни въ 9-мъ часу“; [1]) въ печатаемомъ-же журналѣ отмѣчено, что въ этотъ день „Его Величество изволилъ быть *въ Сенатѣ,* потомъ у обѣдни“. Подъ 19-мъ числомъ того-же мѣсяца и года, въ изданномъ журналѣ читаемъ, что Петръ „прибылъ на Петровскіе заводы“ и что „сей день—сочетаніе бракомъ Его И. В-ва съ Государынею Императрицею Екатериною Алексѣевною“, и только; въ печатаемомъ-же журналѣ сказано, что „съ 19 дня канцеляріи Сенатской оберъ-секретарь и секретари съ подъячими и съ дѣлами поѣхали въ Москву-жъ, а въ С.-Петербургѣ, въ Сенатской канцеляріи, оставленъ тайный совѣтникъ сенаторъ гр. А. А. Матвѣевъ“.

Впрочемъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о посѣщеніи Сената Петромъ, имѣющіяся въ печатномъ текстѣ журналовъ за 1724 г., отстсутвуютъ въ помѣщаемомъ ниже спискѣ, можетъ быть, потому, что ихъ занесеніе въ этотъ списокъ не представлялось желательнымъ его сенатскимъ составителямъ. Такъ, подъ 21 числомъ января мѣсяца 1724 г. читаемъ въ напечатанномъ „юрналѣ“ слѣдующее: „морозецъ небольшой. По утру въ 7-мъ часу въ началѣ изволилъ (Государь) притти

[1]) Походный журналъ 1724 г. (С.-П. 1855 г.), стр. 3.

въ Сенатъ, но, понеже сенаторовъ, ни секретарей сенатскихъ не было, кромѣ подъячихъ, то побывъ съ четверть часа, и изволилъ пойти въ адмиралтейство...[1]) „Юрналъ", хранящійся въ архивѣ Сената, этого извѣстія не содержитъ вовсе.

Въ цѣломъ, какъ изданные уже „юрналы", такъ и печатаемый ниже „юрналъ", даютъ возможность, при совокупномъ ихъ обзорѣ, возстановить довольно подробно картину того, что дѣлалъ Петръ въ послѣдніе два года своей жизни. Сводя къ немногимъ словамъ все, что гласятъ „юрналы", надо сказать, что великій монархъ непрестанно молился и неустанно посѣщалъ созданныя имъ новыя государственныя учрежденія. Посѣщенія эти не были пустою формальностью; какъ это видно изъ нашего изслѣдованія о Сенатѣ, посѣщая послѣдній, Петръ участвовалъ въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству Сената, давалъ ему указы, направлялъ его дѣятельность по своей волѣ; [2]) не иначе, конечно, было и при посѣщеніи имъ другихъ учрежденій. Поэтому, постоянно встрѣчающіяся въ „юрналахъ" отмѣтки, что Государь былъ въ томъ или другомъ учрежденіи весьма знаменательны. Впрочемъ, иногда сами журналы отмѣчаютъ, что дѣлалъ Государь при своемъ прибываніи въ данномъ учрежденіи. Подъ 9 числомъ января 1723 г. читаемъ, что Его Величество поутру изволилъ быть въ кабинетѣ и слушалъ письма, каковы присланы были отъ барона Шафирова и об.-прокурора Скорнякова-Писарева къ Его Величеству, когда еще изволилъ быть въ низовомъ походѣ (въ Персію), о происшедшихъ между ними ссорахъ и другъ на

---

[1]) Ibidem. стр. 35.

[2]) „Исторія Пр. Сената за двѣсти лѣтъ", С.-П., 1911 г., т. I, стр. и отдѣльно „Исторія Пр. Сената въ царствованіе Петра В. и его ближайшихъ преемниковъ", С.-П., 1911 г., стр.

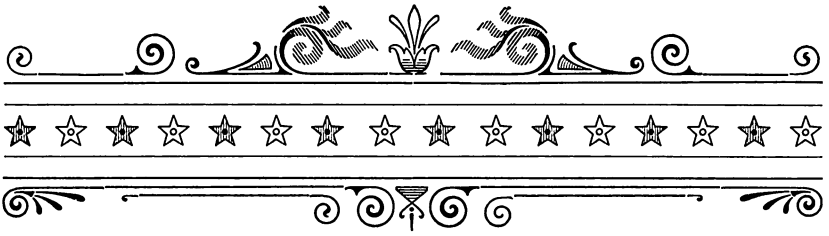
друга доношеніяхъ, и, выслушавъ оныя, указалъ дѣлать пункты, кто въ чемъ на кого доноситъ, и далъ соотвѣтствующій указъ въ Сенатѣ [1]). Печатаемый ниже журналъ также отмѣчаетъ, что Петръ для присутствія дѣлъ бывалъ (тогда-то) въ Сенатѣ, въ военной коллегіи, для спуска корабля въ адмиралтействѣ и пр. „Юрналы“ указываютъ также, что „по молебномъ пѣніи“, по случаю взятія у персовъ г. Решта, Государь изволилъ въ трактирномъ домѣ забавляться, а для народа на пристани выставлены были бадьи съ питьемъ, „производилъ смотръ флоту, „гулялъ“ съ своею супругою и свитою „по Невѣ-рѣкѣ въ баржалахъ, въ шлюбкахъ и верейкахъ“, „изволилъ гулять на буерахъ по Невѣ“ и былъ въ адмиралтействѣ „для закладыванія корабля“ и т. п. Всего больше, однако, записей „юрналовъ“ о посѣщеніи Петромъ богослуженій, а затѣмъ и учрежденій.

Въ цѣломъ, повторяемъ, въ „юрналѣ“ воспроизводятся изо дня въ день извѣстія о томъ, что дѣлалъ Петръ въ послѣдніе два года своей жизни.

Александръ Филипповъ.

---

[1]) „Походный журналъ 1723 г.“, С.-П., 1905 г. стр. 3 и сл.



1723.

Юрналъ (или записка) впредь для памятствованія.

Его И. В-во въ С.-Петербургъ изъ Москвы изволилъ путь воспріять февраля 25 дня (то есть) въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста.

А Государыня Императрица изволила изъ Москвы вытти февраля жъ 27 дня, въ среду на первой же недѣлѣ.

Въ С.-Петербургъ изволили прибыть: Его И. В-во въ первую недѣлю, марта 3 дня, по полудни въ 3-мъ часу.

Государыня Императрица 5-го дня (то есть) во вторникъ, по полудни въ 4-мъ часу.

Во время обоихъ пришествій была пушечная стрѣльба съ С.-Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей.

Марта 9 дня, на второй недѣлѣ въ субботу, Государыня Царевна Марія Алексѣевна скончалась предъ полуднемъ въ 11-мъ часу [1]).

Въ 10-й день, въ недѣлю, Его И. В-во изволилъ быть у литургіи въ Троицкой соборной церкви.

---

[1]) Сбоку приписано: „Ея Высочеству отъ рожденія лѣтъ шестьдесятъ второй“.

На Его В-вѣ и на знатныхъ персонахъ платье черное.

Въ 12-й день, по утру, прибылъ въ С.-Петербургъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ—Пушкинъ.

Того жъ числа по полудни было погребеніе Государыни Царевны Маріи Алексѣевны. При томъ погребеніи и на выносѣ были:

Его И. В-во и Ея В-во Государыня Императрица.

Духовныя особы: Боголѣпъ, епископъ Устюжскій,

Трифилій, архимандритъ Калязинскій, Троицкой и Петропавловской, Исакіевской, Никольской протопопы и прочихъ церквей духовные.

Изъ свѣтскихъ, военные, и гражданскіе, и придворные, изъ которыхъ по чину были маршалки и прочіе.

Отъ дома каменнаго, въ которомъ она, Государыня Царевна, скончалась (близь Лѣтняго Его И. В-ва дома, у рѣчки Фонтанной), поставлены были чрезъ Неву-рѣку л. гв. Преображенскаго и Семеновскаго полковъ солдаты со свѣчами и слѣдовали до Троицкаго собора и оттуда въ крѣпость, до Петропавловскаго собора.

Гробница везена на устроенной линеи въ цугъ, который одѣтъ былъ чернымъ сукномъ.

Надъ гробницею балдахинъ несли штабъ-офицеры.

Надгробное пѣніе окончено въ Троицкой соборной церкви и положено тѣло ея, Государыни Царевны, въ новостроющейся въ крѣпости въ соборной же верховныхъ апостолъ Петра и Павла церкви, вошедъ въ западныя двери на лѣвой сторонѣ.

Въ 17 день, въ недѣлю, Его И. В-во изволилъ литургію слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 22 день, въ пятокъ на 4-й недѣли, въ полдни, на Невѣ рѣкѣ, противъ крѣпости ледъ прошелъ, чего ради изъ

крѣпости, противъ прежнихъ обычаевъ, изъ трехъ пушекъ выпалено и флагъ поднятъ.

Того жъ дня по полудни Его И. В-во изволилъ отъ Лѣтняго дома ѣздить въ верейкѣ на пивоваренные заводы, къ крѣпости.

Въ 24 день, въ недѣлю, Его И. В-во литургію изволилъ слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 25 день, въ праздникъ благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Его И. В-во у всенощной и у литургіи изволилъ быть въ Троицкомъ Александроневскомъ монастырѣ.

Литургію служилъ Боголѣпъ, епископъ Устюжскій, и была всенощная съ литургіею безъ выхода.

Послѣ литургіи Его В-во и прочіе кушали въ архіерейскихъ келіяхъ.

Того жъ числа по полудни былъ благодарный молебенъ въ Троицкомъ соборѣ, съ благовѣстомъ и звономъ, и съ пушечною стрѣльбою трижды, за полученную вѣдомость изъ Персіи о принятіи города Решта, лежащаго въ Гилянской провинціи. При томъ благодарномъ молебнѣ Его И. В-во изволилъ присутствовать, и по молебнѣ въ трактирномъ домѣ забавляться, а для народа на пристани выставлены были бадьи съ питьемъ.

Въ 30-й день (то есть) въ субботу на 5-й недѣлѣ поста, прибыли въ С.-Петербургъ:

Канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ.

Тайный дѣйствит. совѣтникъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Генер.-лейтен. и генералъ-прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягушинской.

Князь Кесарь, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановской.

Въ 31 день, въ недѣлю, Его И. В-во изволилъ слушать литургію въ Троицкомъ соборѣ.

Апрѣль 1-й день, на понедѣльникъ, прибылъ въ С.-Петербургъ адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ.

Въ 4 день, въ четвертокъ на шестой недѣлѣ Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи.

Въ 5-й день Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной же коллегіи и литургію слушалъ въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 6 день Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной же коллегіи, до литургіи, а литургію слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 7 день, въ недѣлю ваія, Его И. В-во изволилъ присутствовать въ Сенатѣ, до литургіи, а литургію изволилъ Его И. В-во и Государыня Императрица слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Литургію служилъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій, предику сказывалъ ассесоръ іеромонахъ Кроликъ.

Въ 12 день, въ великій пятокъ, Его И. В-во у часовъ и вечерни и заутрени изволилъ быть въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 13 день, въ великую субботу, Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи; литургію слушалъ въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 14 день, въ недѣлю Пасхи, Его И. В-во и Государыня Императрица заутреню и литургію слушать изволили въ Троицкомъ соборѣ, и была—трехъ разъ пушечная стрѣльба.

Литургію служилъ архіепископъ Новгородскій Ѳеодосій.

У вечерни Его И. В-во изволилъ быть въ томъ же соборѣ.

Въ 15 день, въ понедѣльникъ, Его И. В-во до обѣдни изволилъ быть въ коллегіи иностранной; литургію и по полудни вечерню изволилъ слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 16 день, во вторникъ, было то-жъ.

Въ 17 день, въ среду, Его И. В-во у литургіи изволилъ быть въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 18 день то-жъ.

Въ 19 день то-жъ.

Въ 20 день, въ субботу, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у литургіи и по полудни у вечерни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 21 день, въ недѣлю Ѳомину, Императорское Величество изволилъ быть въ Троицкомъ соборѣ у обѣдни.

Литургію служилъ Боголѣпъ, епископъ Устюжскій съ причетники.

Въ 22 день Его И. В-во изволилъ итти въ Петергофъ и на Котлинъ островъ.

Въ 26 день, по полудни въ 7-мъ часу въ 5 чети, Его И. В-во прибылъ съ Котлина острова въ С.-Петербургъ на торшкотѣ и честь отдана пушечною стрѣльбою съ крѣпости, изъ 6 пушекъ.

Апрѣль.

Въ 27 день, въ субботу, по полудни, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у вечерни и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Утреню служилъ Боголѣпъ, епископъ Устюжскій.

Въ 28 день Его И. В-во въ воскресенье, до литургіи, изволилъ быть въ иностранной коллегіи, а у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

29 день (въ понедѣльникъ) по полудни въ 7-мъ часу, Его-жъ В-во изволилъ притти на малой галерѣ къ пристани и былъ въ иностранной коллегіи, а изъ иностранной—въ Сенатѣ.

Въ 30 день Его-жъ И. В-во изволилъ быть въ Сенатѣ.

М а й.

Въ 4-й день, въ субботу, по полудни, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у вечерни и у заутрени.

Въ 5 день Его И. В-во изволилъ быть у обѣдни.

Въ 6-й день, по полудни, Его жъ И. В-во изволилъ быть въ Сенатѣ.

Въ 7 день, въ навечеріе переполовенія, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у вечерни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 8 день Его жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть на переполовеніевъ день у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Того жъ числа съ Москвы въ С.-Петербургъ прибылъ тайный дѣйствит. совѣтникъ князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукой.

Въ 10 день, въ день Его И. В-во полученной кавалеріи, изволилъ быть въ Сенатѣ, слушалъ часы въ аудіенцъ-камерѣ.

Въ 11 день, въ субботу, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили слушать вечерню и утреню въ Троицкомъ соборѣ.

Въ то жъ число зачалась снѣжная слякоть съ полудни и продолжилась до 13 дня.

Въ 12 день, въ недѣлю, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ же соборѣ.

Въ 13 день Его В-во изволилъ быть въ Сенатѣ.

Въ 17 день Его-жъ В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи и въ Сенатѣ.

Въ 18 день въ субботу, по полудни, Его-жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть у вечерни и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 19 день, въ недѣлю, до литургіи, Его В-во изволилъ быть въ Сенатѣ, а у литургіи въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 21 день, въ навечеріе отданія Пасхи, Его-жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть у вечерни и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 22 день (въ среду) Его-жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ же соборѣ.

Въ то-жъ число, въ навечеріе, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у всенощной и у заутрени.

Въ 23 день (въ четвертокъ) на Вознесеньевъ день, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ же соборѣ.

Въ 23-й же день, по полудни въ 6-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть въ Кофейномъ домѣ, а изъ Кофейнаго дома отъ Троицкой пристани гулять вверхъ и внизъ по Невѣ рѣкѣ въ баржахъ и въ верейкахъ.

Въ 25 день (въ субботу), по полудни въ 7-мъ часу, Его В-во изволилъ гулять по берегу и былъ въ старомъ своемъ, Государевѣ, дворцѣ, да въ домѣ графа г. Головкина; при Его В-вѣ тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ и другіе.

Въ 26 день (въ воскресенье) Его В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ то жъ число, по полудни въ 4-мъ часу, Его И. В-во изволилъ быть въ адмиралтействѣ, и спускъ былъ ново-построенному кораблю на воду, съ пушечною стрѣльбою, которому дано имя . . . . *(пропускъ въ текстѣ)*.

Въ 28 день (во вторникъ) Его И. В-во и Государыня Императрица изволили идти и г.г. министры для встрѣчи привознаго изъ Москвы ботика на галерахъ, и въ баржахъ, и на прочихъ судахъ.

А въ 29 день (въ среду) изволили прибыть на тѣхъ судахъ къ Невскому монастырю съ онымъ ботикомъ, и была пушечная стрѣльба; и въ то жъ число изволили слушать въ Невскомъ монастырѣ всенощную.

Въ 30 день (въ четвертокъ) Его И. В-во отъ Невскаго монастыря изволилъ ѣхать по Невѣ на томъ ботикѣ, а Государыня Императрица въ баржѣ, и господа министры; и приплыли къ Троицкой пристани, и была пушечная стрѣльба съ крѣпости и съ судовъ, и изъ мелкаго ружья отъ поставленныхъ на площади лейбъ-гвардіи и другихъ полковъ солдатъ; обѣдню изволили слушать въ Троицкомъ соборѣ; и столъ былъ въ Сенатѣ и иностранной коллегіи въ палатахъ, гдѣ до 12 часу продолжилось; а въ 12-мъ часу противъ Сената, на Невѣ-рѣкѣ, на судахъ былъ фейерверкъ, со многимъ пусканіемъ ракетъ, на щиту назначено былъ ботикъ, и потомъ разъѣхались, въ 3-мъ часу по полуночи.

Въ 31 день (въ пятницу), по полудни въ 7-мъ часу, Его-жъ В-во изволилъ быть на выносѣ и на погребеніи у церкви Самсона страннопріимца уставщика Василія Евдокимова.

Іюнь.

Въ 1-й день (въ субботу) Его И. В-во изволилъ быть у всенощной и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Во 2-й день (въ воскресенье) на праздникъ Живоначальныя Троицы Его-жъ И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Литургію служилъ Новгородскій архіепископъ съ прочими.

Въ 3 день (въ понедѣльникъ), Сошествія Святаго Духа Его И. В-во былъ въ иностранной коллегіи.

Въ 5 день (въ среду) Его И. В-во и Государыня Императрица изволили итти въ Катерингофъ и въ Петергофъ.

Въ 13 день (въ четвертокъ) на Большой Невѣ Ея В-ва Государыни Императрицы пажъ, иноземецъ Древкинъ, въ гуляніи на ботикѣ, утонулъ съ прочими съ двумя человѣки.

Въ 14 день Его И. В-во и Государыня Императрица изволили притти въ С-Петербургъ.

Въ 16 день Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 20 день (въ четвертокъ), по полудни въ 6-мъ часу, Государыня Императрица и Великій Князь изволили гулять, и при нихъ духовные и прочіе чины, отъ Троицкой пристани вверхъ и внизъ по Невѣ-рѣкѣ, въ баржахъ, и въ шлюпкахъ, и въ верейкахъ.

Въ 21 день, въ пятницу, Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной и въ Сенатѣ.

Въ 23 день (въ воскресенье) Его И. В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи и въ Сенатѣ, а обѣдню Его В-во и Государыня Императрица изволили слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Того-жъ числа Его В-во и г.г. министры были въ адмиралтействѣ и спускъ былъ фрегату, по полудни въ 5-мъ часу, съ пушечною стрѣльбою.

Въ 25 день (во вторникъ), то есть въ день коронованія, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили слушать обѣдню въ Троицкомъ соборѣ.

Въ служеніи были архіепископъ Новгородскій и прочія духовныя особы.

Того-жъ числа, по полудни въ 5-мъ часу, Его И. В-во и Государыня Императрица, при ихъ В-вѣ и прочіе чины, гуляли по Невѣ-рѣкѣ въ баржахъ, въ шлюпкахъ и въ верейкахъ, и возвратясь были въ Лѣтнемъ домѣ Его В-ва.

Въ 26 день (въ среду) Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у всенощной и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 27 день, въ четвертокъ, то есть празднество полтавской баталіи, Его-жъ В-во и Государыня Императрица слушали обѣдню въ Троицкомъ соборѣ, И. Его В-во передъ обѣднею изволилъ итти въ строю, а въ благодарный молебенъ была пушечная стрѣльба и изъ мелкаго ружья отъ поставленныхъ въ баталіонъ де каріи.

Въ 28 день (въ пятокъ), по полудни въ 7-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у всенощной и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 29 день (въ субботу) Его В-во и Государыня Императрица изволили быть на праздникъ Петра и Павла у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ и была пушечная стрѣльба изъ пушекъ, а изъ мелкаго ружья на Красномъ лугу отъ поставленныхъ въ баталіонъ декаріи.

Того жъ числа, по полудни въ 7-мъ часу, Его В-во изволилъ быть въ Кофейномъ домѣ, а изъ Кофейнаго дома изволилъ гулять на буерахъ по Невѣ, и въ адмиралтействѣ для закладыванія корабля, и потомъ въ Лѣтнемъ Его В-ва домѣ и въ саду, и былъ фейерверокъ противъ сада на судахъ.

Въ 30 день (въ воскресенье), по полудни въ 7-мъ часу, Его жъ И. В-во изволилъ быть въ адмиралтействѣ, и спущенъ корабль, который прежде былъ втащенъ машинами для починки.

Іюль.

Въ 1-й день, въ понедѣльникъ, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили итти въ походъ, и при ихъ В-вѣ буерный флотъ, на Котлинъ-островъ, и оттуда Его В-во изволилъ пойти съ флотомъ въ море.

Въ 3-й день (въ среду) Государыня Императрица изволила прибыть съ Котлина-острова въ Петербургъ.

Въ 7-й день (въ воскресенье), по полудни въ 1 часу, Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Того-жъ числа, по полудни въ 6-мъ часу. Ея жъ В-во Государыня Императрица и прочіе гуляли по Невѣ въ гребныхъ судахъ.

Въ 10-й день (въ среду), на праздникъ положенія Господни ризы, Ея жъ В-во Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 28 день (въ воскресенье) Его И. В-во изволилъ изъ похода прибыть сухимъ путемъ, ввечеру.

Въ то-жъ число Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 30 день (во вторникъ), по полудни въ 7-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть въ Кофейномъ домѣ, и изволили гулять по Невѣ-рѣкѣ съ гребными судами.

Августъ.

Въ 1 день (въ четвертокъ), на праздникъ происхожденія честныхъ древъ Честнаго Креста, изъ Троицкаго собора послѣ обѣдни были духовные и прочіе на водѣ, у Троицкой пристани; въ томъ ходу изъ духовныхъ были Устюжскій и Холмогорскій архіепископъ и другіе духовные.

Въ 10 день, по именному указу, велѣно быть въ Сенатѣ, на мѣсто князь Григорья Ѳедоровича Долгорукова, сенаторомъ князь Василью Лукичу Долгорукому-жъ.

Въ 6 день, во вторникъ на Спасовъ день, по полудни въ 7-мъ часу, на Котлинъ островъ ботикъ пошелъ съ буер-

нымъ флотомъ и съ пушечною стрѣльбою; съ крѣпости и изъ адмиралтейства отдавали честь.

Въ 16 день (въ пятокъ), по полудни въ 9 часу, Его В-во съ Котлина острова изволилъ прибыть въ С.-Петербургъ, и весь буерный флотъ.

Въ 18 день (въ воскресенье) Его И. В-во изволилъ быть въ Кофейномъ домѣ, а обѣденную литургію изволилъ слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 19 день, въ понедѣльникъ, по полудни въ 7-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть на выносѣ и погребеніи тайнаго совѣтника и сенатора князь Григорья Ѳедоровича, и прочіе министры, въ Невскомъ монастырѣ.

Въ 20 день, во вторникъ, Его-жъ Величество изволилъ быть въ Сенатѣ до 12 часовъ.

Въ 22 день, въ четвертокъ, въ 8-мъ часу дня, Его В-во изволилъ быть въ трактирномъ и въ Кофейномъ домахъ, и изволилъ итти буернымъ флотомъ, для встрѣчи персидскаго посла, до рѣки Тосны, и изволилъ прибыть и итти въ Лѣтній дворецъ; а въ 11-мъ часу оный посолъ былъ поставленъ о среди Невы-рѣки, противъ Гагаринской пристани, и поставленъ на Шафировѣ дворѣ; и для того съ крѣпости и съ яхты стрѣляли изъ пушекъ.

Въ 22 день, по полудни въ 4 часу, умре князь папа.

Въ 25 день (въ воскресенье) Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, а послѣ обѣдни изволили быть въ аудіенціи, для принимания грамоты у персидскаго посла, а Государыня Императрица изволила смотрѣть изъ Сенатской палаты; а въ 12-мъ часу отпускъ учинился и передъ Сенатомъ стояли полки, командированныя роты Преображенскаго и Семеновскаго и отъ прочихъ полковъ; а онаго посла отъ Гагаринской пристани вели въ 15 баржахъ.

Въ 26 день, въ понедѣльникъ, на праздникъ Андрея (sic) и Наталіи, Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 28 день, въ 10 часу, призыванъ былъ въ иностранную коллегію, для резолюціи, персидскій посолъ и отпущенъ того-жъ числа.

Того-жъ числа, по полудни въ 7-мъ часу, выносъ и погребеніе было князь папѣ, у Самсона Страннопріимца; на томъ погребеніи изволили быть Его И. В-во и Государыня Императрица, и г.г. генералы и прочіе, въ черномъ платьѣ, и духовные—преосвященный архіепископъ Ѳеодосій Устюжскій и прочіе; гробъ несли подъ чернымъ покровомъ отъ унтеръ-офицеры, изъ дома тайнаго совѣтника г. Зотова до пристани.

Въ 29 день (въ четвертокъ) Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 30 день (въ пятокъ) Его-жъ В-во былъ у обѣдни и у молебна въ Троицкомъ же соборѣ и торжествовать, какъ съ короною шведскою учинилось примиреніе, и изъ крѣпости выпалено изъ 21 пушки; и изволилъ быть въ Кофейномъ домѣ; и горѣли по окошкамъ свѣчи недѣлю.

Того-жъ числа, по полудни въ 4-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица, и г.г. министры и прочіе чины были въ Кофейномъ домѣ въ маскарадномъ платьѣ, а отъ Кофейнаго дома шли Троицкою площадью, позади пирамиды и мимо Сената, а персидскій посолъ смотрѣлъ съ сенатскихъ перилъ. А отъ Троицкой пристани сѣли въ баржи и въ шлюпки, а Его В-во изволилъ сѣсть въ ботикѣ и правилъ рулемъ до Невскихъ воротъ, и оный поставленъ въ крѣпости; и палили изъ пушекъ съ одного больварка, да

изъ адмиралтейства; и разъѣхались по полудни въ 8-мъ часу по домамъ.

Сентябрь.

Въ 1 день, въ воскресенье, И. В-во изволилъ быть въ Сенатѣ и въ иностранной коллегіи, а у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ; и сборъ былъ въ маскарадномъ платьѣ, и гуляли на буерахъ.

Въ 3 день (во вторникъ), по полудни въ 5-мъ часу, Его И. В-во (и Государыня Императрица) и г.г. министры гуляли по Невѣ на буерахъ, и были на Васильевскомъ островѣ у свѣтлѣйшаго князя.

Въ 4 день, въ среду, Его В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи, а изъ оной коллегіи изволилъ итти за рѣку на буеръ.

Въ 5 день (въ четвертокъ), на праздникъ Захарія и Елисаветы, Его И. В-во, и Государыня Императрица, и Государыни Цасаревны изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и духовные, и былъ благодарный молебенъ о взятіи города Баки, который въ разстояніи отъ Дербени въ 300-хъ верстахъ; а по полудни въ 5-мъ часу Его В-во и Государыня Императрица и прочіе гуляли на буерахъ до Галернаго двора; да въ то-жъ число, по полудни въ 12-мъ часу ночи, о средь рѣки, противъ Лѣтняго дворца, былъ фейерверкъ и пускали ракеты.

Въ 6 день (въ пятницу) по полудни въ 4 часу, Его В-во, и Государыня Императрица, и прочіе были въ маскарадномъ платьѣ въ Кофейномъ домѣ, а изъ Кофейнаго дома гуляли по Невѣ въ баржахъ и въ шлюпкахъ.

Въ 8 день (въ воскресенье) Его И. В-во, и Государыня Императрица, и духовные у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и было постановленіе въ архіепископы.

(Сбоку приписано: справиться).

Въ 13 день, въ пятницу, на праздникъ Воздвиженія честнаго Креста Господня, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у всенощной и у заутрени въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 14 день, въ субботу, Его-жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ же соборѣ; литургію служилъ Тверской архіепископъ и прочіе духовные.

А послѣ обѣдни изволили быть въ Сенатской аудіенціи, для отпуска персидскаго посла, и изволили слушать отъ него церемоніи; и передъ Сенатомъ стояли командированныя роты отъ полковъ, и изъ крѣпости съ одного больверка отдана честь изъ пушекъ.

Въ 15 день (въ воскресенье) Его-жъ В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, а до обѣдни Его В-во былъ въ иностранной коллегіи.

Въ 16 день (въ понедѣльникъ) Его-жъ В-во изволилъ быть въ иностранной же коллегіи.

Того-жъ числа Его В-во, по полудни въ 6-мъ часу, изволилъ быть въ домѣ у персидскаго посла и палили изъ пушекъ.

Въ 18 день (въ среду) Его В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи.

Того-жъ числа по полудни въ 1-мъ часу, Его-жъ В-во пошелъ на Котлинъ островъ.

Въ 22 день (въ воскресенье), въ 12 часу, Государыня Императрица изволила быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 27 день, въ пятницу, Его В-во изволилъ прибыть съ Котлина острова въ С.-Петербургъ.

Въ 28 день (въ субботу) Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 29 день (въ воскресенье) Его-жъ В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Октябрь.

Въ 1 день (во вторникъ), на праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, Его-жъ В-во изволилъ быть для присутствія дѣлъ въ иностранной коллегіи.

Во 2-й день (въ среду), по полудни въ 6-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица изволили итти на яхтѣ на Котлинъ-островъ, а прочіе духовные и г.г. министры на буерахъ, и палили съ крѣпости изъ пушекъ и изъ адмиралтейства.

Въ 8 день (во вторникъ), по полудни во 2-мъ часу, Его В-во и Государыня Императрица, и духовные, и прочіе господа прибыли съ Котлина-острова буернымъ флотомъ, а въ 9-й день Его В-во изволилъ итти съ прочими въ Шлюссельбургъ.

Въ 12 день, въ субботу, великій князь былъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и въ ночь украшенъ былъ фрегатъ и съ него палили изъ пушекъ до 11 часа ночи.

Въ 13 день, въ воскресенье, въ 12-мъ часу дня, Великая Государыня Царица и Великая Княгиня Прасковья Ѳеодоровна скончалась, въ домѣ своемъ.

(Сбоку приписано: *„Писано ниже“*).

Въ 17 день (въ четвертокъ) Его В-во прибылъ изъ Шлиссельбурга въ С.-Петербургъ.

Въ 18 день, въ пятницу, Его В-во изволилъ быть для присутствія дѣлъ въ Сенатѣ.

Въ 20 день, въ воскресенье, Его В-во былъ въ Сенатѣ, а у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 21 день (въ понедѣльникъ) Его В-во былъ въ Сенатѣ и въ иностранной коллегіи.

Въ тожъ число, по полудни въ 6-мъ часу, Его В-во былъ въ иностранной коллегіи, а изъ коллегіи у пѣвчаго Льва Парфентьева воспреемникомъ младенца.

Въ 22 день (во вторникъ) преставися Великая Государыня Царица и Великая Княгиня Параскева Ѳеодоровна по полудни въ 5-мъ часу; выносъ и погребеніе было въ Невскомъ монастырѣ звономъ (sic) въ 23-мъ числѣ, по полудни въ 7-мъ часу.

Въ 25 день, въ пятницу, Его В-во изволилъ быть въ Сенатѣ.

Въ 27 день, въ воскресенье, Его-жъ В-во былъ въ иностранной коллегіи, а у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 28 день, въ понедѣльникъ, по именному Его В-ва словесному приказу, оберъ-секретаръ и секретари съ дѣлами перебрались въ Зимній дворецъ.

Ноябрь.

Въ 3 день (въ воскресенье) Его В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 1 (sic) числѣ (въ воскресенье) Его-жъ В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ; въ то-жъ число, по полудни въ 5-мъ часу, былъ бракъ генерала-прокурора Павла Ивановича Ягушинскаго на дочери графа господина Головкина, вѣнчались въ Троицкомъ соборѣ.

11 день, въ понедѣльникъ, Его В-во изволилъ быть для присутствія дѣлъ въ Военной коллегіи.

Въ 17 день, въ воскресенье, по полудни въ 7-мъ часу, на Большой Невѣ ледъ сталъ (Нева стала), на память Георгія Неокесарійскаго.

А Малая Нева стала въ 18-мъ числѣ, на другой день.

Въ 23 день, въ субботу, на праздникъ Александра Невскаго, Его В-во утреню и обѣденные часы изволилъ

слушать въ Зимнемъ дворцѣ, и послѣ обѣдни съ болворокъ палили изъ пушекъ.

Въ 24 день, въ воскресенье, на Екатерининъ день, былъ фейерверкъ и пускали ракеты, въ 9-мъ часу ночи, противъ Зимняго дворца, съ пушечною стрѣльбою.

Въ 30 день, въ субботу, на праздникъ Андрея Первозваннаго, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и прочіе духовные. Казанья сказывалъ архіепископъ Боголѣпъ.

Декабрь.

Въ 8 день (въ воскресенье), Его В-во, и Государыня Императрица, и Государыни Цесаревны изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и господа генералы.

Въ 15 день (въ воскресенье) Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и духовные.

Въ 18 день (въ среду), на рожденіе Государыни Цесаревны Елисаветы Петровны, Его И. В-во, и Государыня Императрица, и Государыни Цесаревны были у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, и духовные.

Въ то жъ число, въ 9-мъ часу ночи, противъ Зимняго дворца, былъ фейерверкъ и пускали ракеты.

Въ 22 день (въ воскресенье), Его И. В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ

Въ 24 день (во вторникъ) Его жъ В-во и Государыня Императрица изволили слушать часы царскіе въ камеръ—аудіенціи.

(Сбоку приписано: *Передъ рождествомъ Христовымъ).*

А въ 25 день (въ среду) въ рождество Христово, Его В-во и Государыня Императрица изволили слушать всенощную, и заутреню, и обѣдню въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 29 день (въ воскресенье) Его-жъ В-во изволилъ слушать обѣдню въ томъ же соборѣ.

И въ то число была метелица снѣжная съ часъ.

1724 года.

Въ торжество новаго лѣта, въ 1-й день января, то есть въ среду, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили слушать обѣдню и молебенъ въ Троицкомъ соборѣ. Литургію служилъ Устюжскій епископъ, предику говорилъ архіепископъ Лопатинскій.

Съ Петербургской и съ Адмиралтейской крѣпостей была обычайная пушечная стрѣльба, одинъ залпъ; а потомъ, по полудни, Его В-во и Государыня Императрица, и прочія персоны, кушали въ сенатскихъ и иностранной коллегіи въ палатахъ и въ камеръ-аудіенціи, а въ 10-мъ часу по полудни былъ фейерверкъ.

Въ 3 день, въ пятницу, Его И. В-во и Государыня Императрица изволили слушать часы царскіе въ камеръ—аудіенціи, а послѣ часовъ изволили кушать во дворцѣ Зимнемъ.

Въ 5 день, въ воскресенье, Его В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ то-жъ число Его В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи и въ Сенатѣ.

Вечерню Его В-во и Государыня Императрица изволили слушать въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 6 день (въ понедѣльникъ) на праздникъ Богоявленіева дня, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, а послѣ обѣдни въ процессіи на водѣ состоять въ 24 баталіонахъ; и по окончаніи процеса съ крѣпостей Петербургской и Адми-

ралтейской пушечная, а у баталіоновъ изъ фузей одинъ разъ стрѣльба была.

Сей день былъ съ дождемъ и теплая погода.

Въ 19 день, въ воскресенье, Его В-во изволилъ быть въ иностранной коллегіи, а у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ; послѣ обѣдни въ Кофейномъ домѣ.

Въ 26 день (въ воскресенье) Его В-во изволилъ слушать раннюю обѣдню въ Троицкомъ соборѣ, въ придѣлѣ, и по обѣднѣ изволилъ итти въ Дубки.

Февраль.

Во 2-й день (въ воскресенье), въ день Срѣтенія Господня, Его В-во и Государыня Императрица изволили быть у всенощной и у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ, безъ расхода,—зачало имѣло въ 7-мъ, а окончалось въ 12 часу.

Въ 3 день, въ понедѣльникъ, въ тезоименитство Государыни Цесаревны Анны Петровны, передъ Зимнимъ домомъ былъ фейерверкъ со многими огненными забавными, вверхъ пускаемыми и земляными ракеты.

Въ 9 день (въ воскресенье) Его В-во изволилъ быть у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 16 денъ, то есть въ недѣлю мясопустную, по утру, Его В-во изволилъ быть въ Сенатѣ, потомъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ.

Въ 17 день (въ понедѣльникъ), на первой недѣлѣ поста, Его В-во изволилъ итти къ Олонецкимъ марціальнымъ водамъ.

А въ 18 день (во вторникъ на той же недѣлѣ) Государыня Императрица изволила итти къ Олонецкимъ водамъ.

Между тѣмъ, въ разныхъ числахъ г.г. министры, и генералъ и оберъ-прокуроры изволили отлучиться въ Москву.

А съ 19 дня, то есть среды первой недѣли поста, канцеляріи Сенатской оберъ-секретарь и секретари съ подъячими, и съ дѣлами, поѣхали въ Москву-жъ, а въ С.-Петербургѣ, въ Сенатской канцеляріи, оставленъ тайный совѣтникъ сенаторъ, графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.

Въ 28 день, въ пятницу на другой недѣлѣ поста, Государыни Цесаревны изволили пойти изъ С.-Петербурга къ Москвѣ.

Мартъ.

Въ 10 день, во вторникъ, въ адмиралтействѣ заложенъ корабль, и для того изъ Адмиралтейской крѣпости была изъ девяти пушекъ стрѣльба.

Апрѣль.

Въ 5 день, то есть въ Пасху Христову, въ Троицкомъ соборѣ заутреню и обѣдню служилъ вятскій архіепископъ. Того-жъ числа на Невѣ-рѣкѣ взломало и прошелъ ледъ по полудни въ 8-мъ часу.

Въ 12 день (въ воскресенье) Великій князь былъ у обѣдни въ Троицкомъ соборѣ; литургію служилъ Вятскій архіепископъ.

Май.

Въ 3 день, въ воскресенье, по вѣдомости изъ Москвы означенной коронаціи Ея В-во Государыни Императрицы, былъ благодарный молебень послѣ литургіи, съ пушечною стрѣльбою; у молебна изволили быть Государыня Цесаревна Наталья Петровна, Великій князь и Великая княжна, и украшенъ былъ транспортъ флагами.

Мая-жъ въ 7-мъ числѣ Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна коронована въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, о чемъ выдано особливое описаніе въ печать.

Въ 19 день, во вторникъ, о коронаціи Ея В-ва по полученной вѣдомости изъ Москвы, чрезъ курьера Юшкова, учиненъ сигналъ съ крѣпости изъ 3-хъ пушекъ, потомъ въ Троицкомъ соборѣ начался благовѣстъ къ обѣднѣ, въ 10-мъ часу; послѣ литургіи и благодарнаго молебна была пушечная стрѣльба съ Петербургской и съ Адмиралтейской крѣпостей и изъ мелкаго ружья отъ стоящихъ въ строю баталіонъ декаріи, а передъ галлереею украшенъ былъ транспортъ флагами.

Въ 24 день, въ воскресенье, на праздникъ Пятидесятницы, Государыня Цесаревна Наталья Петровна, и Великій Князь, и Великая княжна были у литургіи въ Троицкомъ соборѣ; литургію служилъ архіепископъ Алексій вятскій.

Во всенощную былъ побораръ въ Дворянской улицѣ, на дворѣ Ивана Потемкина.

Въ 30 день, въ субботу, въ день рожденія Его И. В-во, Великій Князь былъ у обѣдни у Исаакія Далматскаго, и была изъ пушекъ съ крѣпостей съ Адмиралтейской и С.-Петербургской и съ транспорта стрѣльба, который транспортъ украшенъ флагами.

(Архивъ Сената, Высочайшія повелѣнія въ копіяхъ, кн. 15, л. 16—45 и обор.).

какъ Даніилъ Дмитріевичъ записанъ-де въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры въ родѣ князей Туровскихъ. Позволяю себѣ нѣсколько оспаривать такое категорическое утвержденіе. Начну съ того, что въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры нѣтъ указаній на князей Туровскихъ. Въ помянникъ этотъ (стр. 10) внесены:

I. Родъ князя Василія (Василія-Константина, сына князя Константина Ивановича).

1. Князь Даніилъ.
2. Князь Ѳеодоръ.
3. Князь Александръ.
4. Князь Іоаннъ.
5. Князь Андрей.
6. Князь Іоаннъ.
7. Князь Симеонъ.
8. Князь Іоаннъ.
9. Князь Александръ.
10. Княгиня Анна.
11. Княгиня Василиса, во иноцѣхъ Агафья.
12. Княгиня Ѳеодора, и нѣсколько именъ нетитулованныхъ.

Здѣсь во главѣ рода стоитъ извѣстный князь Даніилъ, ни о какомъ Георгіи и Дмитріи не упоминается.

II. Помянникъ князя К. И. Острожскаго.

Въ предисловіи къ настоящему изслѣдованію я уже высказала свой взглядъ на форму записей: 1, родъ такого-то или такой-то, 2, помянникъ такого-то.

Въ первую изъ записей, о которыхъ идетъ рѣчь, внесенъ несомнѣнно, родъ князя Василія-Константина Острожскаго, хотя въ немъ и встрѣчаются имена, неизвѣстныя въ родословныхъ: такъ, имя *Іоаннъ,* извѣстное лишь въ лицѣ князя Ивана Васильевича, отца князя Константина Ивановича Острожскаго, и князя Ивана Юрьевича Заславскаго, двоюроднаго брата послѣдняго, въ записи повторяется три раза; имя *Александръ,* извѣстное въ лицѣ Александра (въ инокахъ Алексѣя) Даниловича, повторяется два раза;

неизвѣстны также въ родословныхъ князей Острожскихъ: князь *Симеонъ,* княгиня *Анна* и *Ѳеодора.*

Вторая запись называется „Помянникъ князя К. И. Острожскаго", и въ него входятъ, *несомнѣнно,* не только имена рода князей Острожскихъ, но и имена, чуждыя этому роду.

Начинается этотъ помянникъ именами лицъ духовныхъ, повидимому, уважаемыхъ, но ни въ какомъ родствѣ съ родомъ князя К. И. Острожскаго не состоявшихъ. Далѣе записана: *„великая королева Олена",* несомнѣнно супруга Александра, сначала вел. князя литовскаго, а потомъ короля польскаго. Никакого родства между королевой и княземъ К. И. Острожскимъ также нѣтъ, кромѣ общаго происхожденія отъ Рюрика. Это внѣ сомнѣнія. Далѣе слѣдуютъ имена князей: Георгія, Димитрія, *Тимофея, Даніила,* Іоанна, Ѳеодора, Симеона, Алексѣя, во иноцѣхъ Александра, Андрея, Василія, Даніила, Іоанна, Георгія, Іоанна, Симеона, Іоанна, Ѳеодора, Симеона, Ѳеодора, Филиппа, Василія, Романа, нѣсколько нетитулованныхъ именъ, опять титулованныя,—все имена, не встрѣчающіяся ни въ родословныхъ князей Острожскихъ, ни въ актахъ; затѣмъ опять слѣдуетъ длинный рядъ именъ нетитулованныхъ и, наконецъ, женскія имена: инокиня княгиня *Елисавета,* княгиня *Василиса,* княгиня *Огафья,* въ иноцѣхъ *Агриппина,* княжна *Ѳеодора,* княжна *Татіана,* схимница *Марѳа,* княгиня *Анна,* княгиня *Настасія,* княгиня *Ѳеодора,* княгиня *Марія,* княгиня *Уліана,* княгиня *Настасія,* княгиня *Уліана,* княгиня *Мавра,* княгиня *Настасія,* княгиня *Марія,* княгиня *Софія,* княгиня *Ефросинья* и нѣсколько женскихъ нетитулованныхъ именъ.

Изъ родословныхъ князей Острожскихъ намъ извѣстны князья: Даніилъ, Ѳеодоръ, сынъ его; Александръ въ иноцѣхъ Алексѣй, или обратно, другой сынъ Даніила; Даніилъ, Андрей, Василій—сыновья Ѳеодора Даниловича, Іоаннъ и Георгій—сыновья Василія Ѳеодоровича. Изъ женскихъ именъ извѣстны: княгиня Василиса, жена князя Даніила старшаго, княгиня Огафья—жена князя Василія Ѳеодоровича, княгиня

Настасія, дочь князя Даніила старшаго, за княземъ Глинскимъ; другая княгиня Настасія—тёща князя Константина Ивановича, жена князя Семена Юрьевича Голшанскаго; княгиня Татіана—первая жена князя К. И., дочь предъидущей; имя Уліаны встрѣчается также въ родѣ Голшанскихъ; княгиня Марія—мать князя Константина Ивановича, другая Марія,—можетъ быть сестра его, за княземъ Сангушкомъ, или дочь его, извѣстная только по помяннику Кіево-Печерской Лавры. Остальныя имена неизвѣстны. Между ними есть, можетъ быть, имена сестеръ князя К. И. О., которыхъ, по Бонецкому [1]), было четыре; но изъ нихъ только одна извѣстна по имени, у Вольфа [2]), Марія, за княземъ Сангушкомъ. Но среди всѣхъ перечисленныхъ именъ помянника К. И. О. (помянникъ Кіево-Печерской Лавры) нѣтъ княгини *Варвары,* супруги князя Георгія [3]). Такимъ образомъ, на основаніи помянника Кіево-Печерской Лавры, мы не можемъ составить такія пары, предложенныя М. А. Максимовичемъ:

1. Георгій—Варвара, 2. Дмитрій — Елисавета, 3. Даніилъ—Василиса, 4. Василій—Огафья [4]).

Помянникъ князя К. И. О., вошедшій въ помянникъ Дерманскаго монастыря (Дубен. у. Волын. губ.) [5]), начинается такъ же, какъ и помянникъ Кіево-Печерской Лавры, съ лицъ духовныхъ, потомъ слѣдуетъ королева Елена, князь Георгій, княгиня Варвара, князь Агафій (?), нѣсколько нетитулованныхъ именъ, затѣмъ князь Дмитрій, князь *Тимофей,* князь Даніилъ, князь Ѳеодоръ, князь Алексѣй, во иноцѣхъ Александръ, князь Андрей, князь Василій и пр. Послѣдняя часть помянника начинается такъ: „Помяни Г-ди православныхъ княгинь: во инокиняхъ княгиню Елисавету, княгиню Василису, княгиню Агафью, во инокиняхъ Ѳеодору, схимницу Марѳу, княгиню Анну и пр.

---

[1]) Стр. 238—239.

[2]) Стр. 359.

[3]) Помянникъ Дубенскаго монастыря.

[4]) Собраніе сочиненій, т. I, стр. 167.

[5]) Памятники Кіевской Комиссіи, т. IV, стр. 107.

Въ помянникѣ князя К. И. О. помянника Дубенскаго монастыря [1]), тотъ же порядокъ, что и въ двухъ первыхъ: духовныя лица, королева Елена, опять духовныя лица, князь Константинъ, князь Даніилъ, князь Ѳеодоръ, въ иноцѣхъ Ѳеодосій, князь Александръ, во иноцѣхъ Алексѣй, князь Андрей, князь Василій и пр. Затѣмъ, чрезъ рядъ титулованныхъ именъ, слѣдуетъ: князь Ѳеодоръ Фока, князь Георгій, княгиня Варвара и чада ихъ, благовѣрный князь Гуровскій (написаны неясно начальныя буквы) и княгиня. Іоаннъ, Сергій и пр. Рядъ женскихъ именъ: княгиня Василиса, княгиня Агафья, во инокиняхъ Аграфена, княгиня Ѳеодора, схимница Марѳа, княгиня Татіана, княгиня Анна и пр.

Сопоставляя записи всѣхъ трехъ помянниковъ князя К. И. О. и запись рода князя Василія Острожскаго, получимъ такіе ряды:

А. *Помянникъ Кіево-Печ. Лавры.*		Б. *Помянникъ Дерм. мон.*	В. *Помянникъ Дубен. мон.*
I. Родъ князя Василія Острож.	II. Помянникъ князя К. И. О.	I. Помянникъ князя К. И. О.	I. Помянникъ князя К. И. О.
1. кн. Даніилъ.	1. духовныя лица.	1. духовныя лица.	1. духовныя лица.
2. кн. Ѳеодоръ.	2. вел. княг. Олена.	2. королева Елена.	2. вел. корол. Елена.
3. князь Александръ.	3. кн. Георгій	3. кн. Георгій	3. кн. Константинъ.
4. кн. Іоаннъ.	4. кн. Дмитрій.	4. княг. Варвара.	4. кн. Даніилъ.
5. кн. Андрей.	5. кн. Тимоѳей.	5. кн. Агафій (?).	5. кн. Ѳеодоръ.
6. кн. Іоаннъ.	6. кн. Даніилъ.	6. кн. Дмитрій.	6. кн. Александръ, во инок. Алексѣй.

[1]) Памятники Кіевской Комиссіи, т. IV, стр. 109—111.

I.	II.	I.	I.
7. кн. Симеонъ.	7. кн. Іоаннъ.	7. кн. Тимоѳей.	7. кн. Андрей.
8. кн. Іоаннъ.	8. кн. Ѳеодоръ.	8. кн. Даніилъ.	8. кн. Василій.
9. кн. Александръ.	9. кн. Симеонъ, во ин. Ѳеодосій.	9. кн. Ѳеодоръ	9. кн. Даніилъ и пр.
	10. кн. Алексѣй, во ин. Александръ.	10. кн. Алексѣй, во ин. Александръ.	
	11. кн. Андрей.	11. кн. Андрей.	
	12. кн. Василій.	12. кн. Василій.	
	13. кн. Даніилъ и пр.	13. кн. Даніилъ и пр.	

Имена женскія.

1. княг. Анна.	1. княг. Елисавета.	1. княг. Варвара.	1. княг. Варвара.
2. княг. Василиса, во ин. Агафья.	2. княг. Василиса.	2. во ин. кн. Елисавета.	2. княг. Василиса.
3. княг. Ѳеодора.	3. княгиня Агафья, во ин. Агриппина.	3. княг. Василиса.	3. княг. Елисавета.
	4. княг. Ѳеодора.	4. княгиня Агафья, во инок. Ѳеодора.	4. княгиня Агафья, во инок. Аграфена.
	5. княг. Татіана.	5. схимница Марѳа.	5. княг. Ѳеодора.
		6. княг. Анна.	6. схимница Ѳеодора.

I.	II.	I.	I.
		7. княг. Татіана.	7. княг. Татіана.
		8. княг. Настасія.	8. княг. Анна.
		9. княг. Ѳеодора.	9. княг. Ѳеодора.
		и т. д.	

Въ заключеніе приведемъ запись помянника Михайловскаго Золотоверхаго монастыря.

Родъ благовѣрнаго князя (Острожскаго) *Костентина.*

1. Князь *Илія*—сынъ князя К. И. О., † 1539.
2. Княгиня *Анна*—неизвѣстная.
3. Княгиня *Татіана*—должно быть первая жена князя К. И. О., † 1522 г.
4. Княжна *Марія*—вѣроятно, дочь князя К. И. О.; годъ смерти ея неизвѣстенъ.

Мы привели здѣсь выдержки изъ нѣсколькихъ записей для того, чтобы показать, какъ трудно, даже невозможно, на основаніи записей въ помянникахъ, составлять послѣдовательный рядъ паръ супруговъ. Мы можемъ указать на то, что въ трехъ помянникахъ (пом. Кіево-Печерской Лавры, родъ князя Василія Острожскаго въ помянникѣ Дерманскаго монастыря и помянникѣ Дубенскаго монастыря) имена: *Даніилъ* и *Ѳеодоръ* стоятъ рядомъ и только въ помянникѣ Кіево-Печерской Лавры, „пом. князя К. И. О.“, они раздѣляются именемъ Іоанна. Можно предположить, что у князя Даніила былъ еще сынъ *Іоаннъ*. Укажемъ еще на то, что тамъ, гдѣ въ началѣ помяниковъ приведено имя Георгія, а, именно, въ помяникѣ Кіево-Печерской Лавры (помянникъ князя К. И. О.) и въ помянникѣ Дерманскаго монастыря, между именами *Дмитрій* и *Даніилъ* стоитъ *Тимоѳей,* имя почему-то выпущенное М. А. Максимовичемъ [1]). На какомъ

[1]) „Письма о князьяхъ Острожскихъ“ въ его „Собр. сочиненій“, т. I.

же основаніи нашъ почтенный историкъ считаетъ Димитрія, а не Тимоѳея отцемъ князя Даніила. И почему бы подъ именемъ Дмитрія не разумѣть извѣстнаго Дюдка? Если въ помянникахъ князя К. И. О. имена, слѣдующія за именемъ королевы Елены, дѣйствительно имена непосредственныхъ предковъ князя Даніила Острожскаго—а это никѣмъ еще не доказано, ибо нельзя же принимать гипотезы за доказательство—то князь Даніилъ долженъ называться Тимоѳеичемъ, а не Дмитріевичемъ, такъ какъ имя князя Даніила стоитъ непосредственно за именемъ Тимоѳей. Далѣе, на какомъ основаніи М. А. Максимовичъ называетъ князя Георгія Владиміровича Пинскаго, † 1292 г., княземъ Туровскимъ? Князь Георгій Владиміровичъ былъ, какъ извѣстно изъ лѣтописи [1]), только княземъ Пинскимъ; онъ иначе и не назывался. Туровъ не принадлежалъ ему, онъ былъ во владѣніи потомковъ Георгія Ярославича; а князь Георгій Владиміровичъ былъ потомкомъ Ростислава Георгіевича, другого сына Георгія Ярославича, которому въ удѣлъ достался Пинскъ, и онъ назывался княземъ Пинскимъ [2]), равно какъ и сынъ его и отецъ Георгія Владиміровича, Владиміръ Ростиславичъ, иначе и не назывался, какъ „князь Пинскій“ [3]). Туровъ не могъ принадлежать сыну его, и онъ не могъ называться „Туровскимъ“. Не могъ же князь К. И. О. сдѣлать столь грубой ошибки, тѣмъ болѣе, что прежнее значеніе Турова въ XIII в. перешло къ Пинску.

Если бы намъ извѣстны были имена дѣтей князя Георгія Владиміровича Пинскаго—лѣтопись совершенно умалчиваетъ о нихъ и называетъ только брата этого *князя,* Діомида [4]),—и эти имена были-бы Дмитрій и Тимоѳей, тогда можно было-бы допустить гипотезу М. А. Максимовича. Но эти имена намъ неизвѣстны, неизвѣстно даже, были-ли сыновья у послѣдняго князя Пинскаго—Святославича. Въ по-

[1]) Ипат. лѣт., 562, 616.

[2]) Ibid., 502, подъ 1228 г.

[3]) Ibid., 482, 503, подъ 1204 и 1229 г.г.

[4]) Ibid., 616.

мянникѣ Дубенскаго монастыря имена, непосредственно слѣдующія за именами князя Георгія и княгини Варвары и чадъ ихъ: Іоаннъ, Сергій; имена же Дмитрій и Тимоѳей въ этомъ помянникѣ стоятъ внѣ всякой связи съ именами Георгій и Даніилъ. Гдѣ-же основаніе составлять такой рядъ: Георгій, Дмитрій, Даніилъ, какъ дѣлаетъ это М. А. Максимовичъ, а за нимъ повторяютъ другіе, ссылаясь на этого историка?

Подробное изслѣдованіе „Помянниковъ князя Константина Ивановича Острожскаго“ едва-ли возможно. Кто разберется въ этомъ хаосѣ именъ? Приходится ограничиваться разсмотрѣніемъ записей „рода князя... Острожскаго“, и считать вопросъ о происхожденіи рода князей Острожскихъ все еще открытымъ, если не помогутъ архивныя розысканія.

Попытаемся однако привести здѣсь нѣкоторыя соображенія. Мы думаемъ, что будь князья Острожскіе потомки князей Туровскихъ или Пинскихъ, сомнѣнія не можетъ быть въ томъ, что они стремились бы получить свою отчину и дѣдину: однако Пинскъ никогда не былъ во владѣніи у князей Острожскихъ. Послѣ Наримонтовичей, которые имъ владѣли со времени Гедимина до начала XV в., намѣстникомъ Пинскимъ при Сигизмундѣ былъ панъ Андрей, а при Казимірѣ такимъ же намѣстникомъ былъ князь Юрій. При Казимірѣ же князь Юрій Семеновичъ Наримонтовичъ былъ вновь княземъ Пинскимъ, но въ половинѣ XV в. Пинскъ уже перешелъ опять къ королю [1]). Съ 1471 г. Пинскъ переходитъ въ родъ князей Олельковичей-Слуцкихъ, и остается въ ихъ родѣ въ лицѣ княгини Маріи, жены Семеона Александровича Слуцкаго, а потомъ дочери ихъ, княгини Олены или Александры, жены князя Ѳеодора Ярославича, которому Пинскъ достается послѣ смерти жены, въ 1518 г., и остается въ его владѣніи до кончины его, въ 1520 г., и затѣмъ переходитъ къ королю [2]). Не стран-

[1]) Вольфъ, 366—367

[2]) Бонецкій, 105, 317.

[3]) Вольфъ, 367.

но-ли, что ни одинъ изъ князей Острожскихъ не добивался своей дѣдины?—Туровъ достался князю Константину Ивановичу Острожскому лишь въ 1508 г., послѣ князя Ивана Глинскаго. Въ актѣ, которымъ король Сигизмундъ жалуетъ князю К. И. О—му Туровъ съ округомъ, ни слова нѣтъ о томъ, что это его дѣдина [1]), какъ то постоянно говорится во всѣхъ актахъ относительно Острога. Князь Василій Ѳеодоровичъ Острожскій былъ въ 1430 г. намѣстникомъ въ Туровѣ, но намѣстничество ничего не доказываетъ, и князь Ѳеодоръ Даниловичъ былъ намѣстникомъ въ Луцкѣ въ 1386 г. [2]). Позднѣе, въ 1609 г., въ ординаціи князя Януша Острожскаго, въ числѣ родовыхъ владѣній, перечисляемыхъ въ актѣ, не находится Туровъ [3]), слѣдовательно, этотъ городъ вмѣстѣ съ округомъ вышелъ изъ рода князей Острожскихъ. И это не говоритъ-ли въ пользу предположенія, что Туровъ не былъ дѣдиной рода Острожскихъ, иначе они дорожили бы имъ?

Но кто же предки этого рода?

Въ книгѣ А. М. Андріяшева [4]) мы читаемъ, что, „когда въ 1336 г. умеръ послѣдній представитель старшей линіи Изяславичей, Юрій II [5]), послѣ Юрія Даниловича Холмскаго, второе мѣсто между наслѣдниками занимали другіе Рюриковичи, *уцѣлѣвшіе до сихъ поръ,* это были потомки князя Ярослава Изяславича Луцкаго. Такихъ князей въ то время было довольно много, хотя большинство ихъ мы не знаемъ даже по имени“ [6]).

А нѣсколько выше тотъ же авторъ говоритъ: „Во время малолѣтства Романовичей, въ восточной Волыни княжили сыновья Ярослава Изяславича, Ингварь и Мстиславъ Нѣмой.

---

[1]) Archiw. Sang., t. III, 64.

[2]) Бонецкій, 230.

[3]) Ibid., 228.

[4]) „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV в.“

[5]) Многими историками князь Юрій II не признается Рюриковичемъ (свѣдѣніе, сообщенное намъ Г. А. Власьевымъ).

[6]) Бонецкій, стр. 204—205.

Ингварь оставилъ трехъ сыновей: Ярослава, Владиміра и Изяслава. Послѣ смерти Ингваря (вскорѣ послѣ 1214 г.) Луцкъ занялъ Мстиславъ Нѣмой; гдѣ же княжили Ингваричи—сказать трудно" (стр. 169—170). О потомствѣ этихъ князей ничего неизвѣстно, но изъ предъидущаго видно, что такое потомство было въ половинѣ XIV в., „во время малолѣтства Романовичей въ восточной Волыни княжили сыновья Ярослава Изяславича". Почему не предположить, что потомки Ингваря продолжали княжить тамъ же? Острогъ лежитъ въ восточной Волыни,—тамъ же сосредоточились почти всѣ владѣнія князей Острожскихъ и, слѣдовательно, не здѣсь ли надо искать ключа къ разгадкѣ вопроса о происхожденіи рода князей Острожскихъ? Мы склонны допустить такую гипотезу, пока намъ не укажутъ, гдѣ были въ половинѣ XIV в. потомки Ингваря, и какъ они назывались, и почему князь Даніилъ Острожскій не могъ быть однимъ изъ потомковъ этого князя. Наконецъ, пусть докажутъ, что на Волыни, къ половинѣ XIV в., вымерли всѣ Рюриковичи. Возможно-ли это предположить?

VI. Родъ князей Полубинскихъ.

Этотъ княжескій родъ получилъ свое названіе отъ села Полубника, подъ Лидой (нынѣ Вилен. губ.), а, можетъ быть, и отъ села Полюбица въ Брестскомъ повѣтѣ. Первое село уже въ XVI в. не было во владѣніи князей Полубинскихъ; другое было въ 1503 г. дано князю Василію Андреевичу Полубинскому, но могло быть и во владѣніи предковъ его.

Происхожденіе князей Полубинскихъ неизвѣстно. Литовскія родословныя выводятъ ихъ отъ Андрея Ольгердовича. Правнукъ его, Андрей, князь на Лубнѣ, былъ, якобы, отцомъ князя Василія Андреевича Полубинскаго, маршалка, жившаго въ первой половинѣ XVI в. [1]).

Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры (стр. 29) *внесены*:

1. Князь *Ѳеодоръ*.

[1]) Вольфъ, 368, 369.

О князѣ Ѳеодорѣ, современникѣ князю Андрею Полубинскому, Вольфъ говоритъ, что о немъ извѣстно только то, что онъ оставилъ двухъ сыновей, Ивана и Льва, умершихъ бездѣтными [1]). Бонецкій называетъ князя Василія сыномъ Ивана Ѳеодоровича и ставитъ князя Ѳеодора родоначальникомъ одной изъ вѣтвей этого рода [2]).

2. Князь *Давидъ*. Имя это нигдѣ не встрѣчается. Нельзя ли признать въ немъ отца князя Ѳеодора или третьяго сына этого князя, а можетъ быть и брата?

II. *Въ помянникъ Михайловскаго монастыря внесены:*

1. Князь *Іоаннъ* и 2. князь *Василій*—первый, очевидно, сынъ князя Ѳеодора, а второй сынъ князя Іоанна [3]).

Князь *Іоаннъ*, по прозванію „Дуда“, былъ женатъ на дочери князя Михаила Александровича Сангушковича, состоялъ королевскимъ дворяниномъ въ 1511 г. Сынъ его, *Василій,* получилъ отъ короля Сигизмунда въ 1508 г. домъ въ Вильнѣ. Больше ничего неизвѣстно о нихъ. Болѣе извѣстна другая вѣтвь, родоначальникомъ которой былъ князь Андрей.

VII. Родъ князей Мосальскихъ.

Имя ихъ—отъ города Мосальска, въ нынѣшней Калужской губ. На сѣверо-восточной окрайнѣ Сѣверщины, въ землѣ древнихъ Вятичей, удѣльные роды князей Черниговскихъ, подъ именемъ князей *Верховскихъ*, изстари владѣли своей родовой отчиной. Верховскій князь зналъ только свою землю, въ ней онъ былъ совершенно самостоятельный господарь-отчичъ, какъ и всякій другой русскій удѣльный князь; у этихъ князей были союзныя отношенія съ московскимъ и литовскимъ государствами. Ради обороны своихъ волостей Верховскіе князья вступали въ „докончанье“ съ великимъ княземъ литовскимъ, какъ равные съ равнымъ. Въ XV ст.

---

[1]) Вольфъ, 369.

[2]) Бонецкій, 255.

[3]) Ibid., 255.

цѣлый рядъ городовъ перешелъ изъ владѣнія верховскихъ князей въ непосредственное распоряженіе вел. князя литовскаго, между ними и городъ Мосальскъ, а въ 1503 г. волости верховскихъ князей, вмѣстѣ съ Сѣверщиной, отошли къ Москвѣ. При этомъ одни изъ верховскихъ князей перешли въ Москву, другіе—въ Литву, въ томъ числѣ и князья Мосальскіе. Они надѣлялись волостями въ различныхъ литовскихъ областяхъ на общемъ положеніи служилыхъ князей [1]).

Изъ нихъ *Святославъ Титовичъ*, князь Корачевскій, женатый на княжнѣ Ѳеодорѣ Ольгердовнѣ, оставилъ двухъ сыновей: Юрія на Мосальскѣ и Мстислава, родоначальника князей Хотетовскихъ.

Князь Юрій Мосальскій имѣлъ трехъ сыновей: *Василія, Владиміра* и *Семена*, отъ которыхъ пошли три вѣтви князей Мосальскихъ [2]).

Окольскій выводитъ этотъ родъ изъ Смоленщины, а Бонецкій различаетъ въ немъ четыре вѣтви, родоначальниками которыхъ называетъ: *Семена, Ѳеодора, Владиміра* и *Михаила* [3]).

Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры (стр. 26, 38, 55, 72) *внесены:*

I. *Родъ князей Мосальскихъ:*

1. Князь *Іоаннъ.*

Подъ этимъ именемъ встрѣчается нѣсколько князей Мосальскихъ, но изъ нихъ мы остановимся на князѣ Иванѣ Васильевичѣ, родоначальникѣ вѣтви волынской. Этотъ князь Иванъ—сынъ князя Василія Ѳеодоровича, правнука князя Юрія Святославича. Женившись на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Корецкой, дѣдичкѣ значительныхъ владѣній на Волыни, онъ принялъ прозвище Корецкаго. Въ 1528 г. въ спискѣ земянъ волынскихъ упоминается князь Иванъ Мосальскій-Корецкій. Въ 1532 г. князь Иванъ Васильевичъ Мосальскій и жена его, княгиня Анна, дочь князя Ивана Ивановича Корецкаго,

---

[1]) Леонтовичъ. „Исторія русско-литовскаго права“, 182.

[2]) Вольфъ, 231.

[3]) Бонецкій, 174.

получила разрѣшеніе обмѣнять принадлежавшую ей половину Корца, другая половина котораго была во владѣніи двоюроднаго брата ея, князя Богуша Ѳеодоровича Корецкаго. Въ годы 1545—1552 князь Иванъ Мосальскій владѣлъ въ Луцкомъ повѣтѣ Торговицей и Терешевымъ. † 1552 [1]).

Другіе князья Мосальскіе съ именемъ *Іоаннъ* были: 1, князь *Иванъ Ѳеодоровичъ*, дядя предъидущаго; 2, князь *Иванъ Семеновичъ*, внукъ князя Юрія Святославича; оставалась эта вѣтвь въ Смоленщинѣ; 3, князь *Иванъ Ивановичъ* Мосальскій *Мунча*, отъ князя Ивана Васильевича Мосальскаго Корецкаго, упоминается подъ 1570 г.

2—3. Князья *Данило* и *Данило*.

Имя это встрѣчается въ родѣ князей Мосальскихъ только среди позднѣйшихъ потомковъ, жившихъ въ Московскомъ государствѣ: князь Даніилъ Аѳанасьевичъ, род. 1739 г. Очевидно, имя, внесенное въ помянникъ, относится къ другому, неизвѣстному до сихъ поръ лицу.

II. Родъ „*Мосальскыя*“.

III. Родъ *княгини Мосальской*.

Ни въ той, ни въ другой записи нѣтъ ни одного имени титулованнаго.

IV. Родъ князя *Василія Мосальскаго*.

1. Князь *Василій*, должно быть, родоначальникъ отдѣльной вѣтви, старшій сынъ князя Юрія Святославича, упоминается подъ 1470 г.

2. Инокъ князь *Мисаилъ*, вѣроятно въ мірѣ Михаилъ, сынъ предъидущаго, упоминается подъ 1495 г. [2]).

3. Князь *Петръ*, сынъ князя Михаила Васильевича, умер. въ 1496 г.

4. Князь *Петръ*, сынъ князя Тимоѳея Владиміровича, правнукъ князя Юрія Святославича, державца Стоклійскій въ 1518 г., дворянинъ королевскій въ 1521 г., державца Сомилишскій въ 1533 г., † 1548 г. [3]).

---

[1]) Вольфъ, 238.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Въ помянникъ Михайловскаго монастыря внесены:

I. Князь *Она* (Іона?)—неизвѣстный. Не князь ли Янъ изъ потомства князя Тимофея Владиміровича, упоминающійся подъ 1621 г., какъ подстолій браславскій, сынъ Василія Ивановича и внукъ князя Тимоѳея? [1])

II. Родъ князя *Мосальскаго-Друйскаго.*

1. Князь *Іоаннъ* и 2. князь *Филиппъ.*

Княземъ Мосальскимъ-Друйскимъ называется князь Тимофей Владиміровичъ, окольничій смоленскій, намѣстникъ дубровенскій въ 1488 г. Въ 1498 г. онъ получилъ замокъ и волость Друю, умеръ въ томъ же году; въ слѣдующемъ сыновья его дѣлили между собою Друю [2]).

1. Князь Иванъ, сынъ князя Тимофея, упоминается въ 1505—1561 г.г. 2. Князь Ѳилиппъ. Имя его не встрѣчается въ этомъ родѣ. Не братъ ли онъ или сынъ князя Іоанна?

III. Родъ князя *Юрія Мосальскаго* и *княгини Анны.*

Князь *Юрій Михайловичъ*, сынъ Михаила Ѳеодоровича, внукъ Ѳеодора Михайловича (Михаилъ, въ ин. Мисаилъ) и жена его *Анна Кривцовна* упоминаются въ 1574 и 1594 г.г. Князь Юрій Михайловичъ умеръ бездѣтнымъ, а вдова его вышла замужъ за князя Мартина Гедройца, старосту вилькомирскаго.

1. Князья *Іоаннъ* и *Филиппъ*, вѣроятно, тѣже самые.

Дѣдъ князя Юрія Михайловича—двоюродный братъ князю Іоанну и, вѣроятно, Филиппу.

IV. Родъ *княгини Анны Юрьевой Мосальской Ивановны Соколинской.*

Княжна Анна Ивановна Соколинская, дочь князя Ивана Семеновича Соколинскаго, сына князя Ѳеодора Ивановича Бабича-Друцкого. Князь Иванъ Соколинскій † 1529.

Мужъ княгини Анны Ивановны былъ князь Юрій Тимофеевичъ Мосальскій-Друйскій.

Имена, внесенныя далѣе въ эту запись, нетитулованы и неизвѣстны.

---

[1]) Вольфъ, 253.

[2]) Ibid., 249.

V. Родъ *князей Друскихъ*—князь *Филиппъ*.

Надо полагать, что это таже фамилія Друйскихъ, и тоже лицо скрывается подъ именемъ Филиппа, которое упоминается въ родѣ князей Мосальскихъ-Друйскихъ и въ родѣ князя Юрія Мосальскаго и княгини Анны.

VIII. Родъ князей Сангушковичей.

Вольфъ производитъ имя Сангушко отъ имени *Семенъ* Семко, Сенко, Сенкушко—Сендюшко—Сенкгушко—Сонкгушко—Сангушко [1]). Радзиминскій [2]) допускаетъ предположеніе, что имя Сангушко происхожденія жмудскаго, что князь Ѳеодоръ Ольгердовичъ, родоначальникъ этого княжескаго рода, назывался Ѳеодоръ Сангушко, и что старшій сынъ его, отъ котораго пошли Сангушковичи, удержалъ только второе имя отца своего, Сангушко. Въ русской транскрипціи это имя явилось въ формѣ „Сендюшко“ [3]).

А. *Въ помянникъ Кіево-Печерской Лавры внесены:*

I. Родъ князя Сангушковъ Ѳеодоровича [4]).

Лицо, скрывающееся подъ этимъ именемъ, не можетъ быть инымъ, какъ только родоначальникомъ князей Сангушковичей; † ок. 1463 г. Того же мнѣнія и Радзиминскій.

1. Князь *Іоакимъ*. Думаемъ, что запись относится къ этому, именно, князю. Такое предположеніе подтверждается записью въ Супрасльскомъ субботникѣ рода князя Ѳеодора Андреевича Сангушковича: „князья и княгини: Дмитрій (Ольгердъ), Ѳеодоръ (сынъ его), Іоакимъ (сынъ послѣдняго)“.

Этой записью разрѣшается недоумѣнье относительно христіанскаго имени князя Сангушка Ѳеодоровича; къ тому же

---

[1]) Вольфъ, 422.

[2]) Sprava początków rodu XX Sanguszków.

[3]) Ibid., 118.

[4]) Ibid., 23.

естественно предполагать, что во главѣ рода поставленъ родоначальникъ, уже умершій.

2. Князь *Василій*—сынъ предъидущаго, державца брацлавскій, упоминается подъ 1443 г.

3. Князь *Ананія*—вѣроятно братъ или сынъ Василія.

4. Княгиня *Анастасія*—можетъ быть жена Ананіи или дочь Іоакима, или жена Василія.

5. Князь *Іоаннъ*—сынъ Іоакима, упом. въ 1470 г.

6. Князь *Василій*—можетъ быть сынъ предъидущаго.

7. Княгиня *Василиса* (
8. Княгиня *Елена* (можетъ быть жены предъидущихъ

9. Княгиня *Агапія* (Огафья)—жена Іоакима, у Вольфа называется Гапцей, но нерѣдко это имя, въ другихъ родахъ [1]), чередуется съ именемъ Огафья.

Относительно нѣкоторыхъ именъ этой записи мы дѣлаемъ также только предположенія, ибо естественно предполагать, что перечисленныя здѣсь имена, относятся къ семьѣ князя Сангушка—Іоакима Ѳеодоровича.

10. Князь *Ѳеодоръ Олькирдовичъ*—отецъ князя Сангушка Іоакима.

11. Княгиня его жена *Ольга.*

12. Княгиня *Остинья* (
13. Князь *Евстафій* (не родители-ли княгини Ольги?

14. Князь *Василій,* вѣроятно, сынъ князя Михаила Сангушкевича-Ковельскаго.

15. Князь *Михаилъ*—сынъ князя Сангушка.

16. Княгиня *Марія.* Въ родѣ этомъ есть нѣсколько лицъ одноименныхъ, но въ виду того, что въ эту запись включенъ князь Семенъ Ѳеодоровичъ Воротынскій, сынъ Маріи Корибутовны, можно допустить предположеніе, что подъ именемъ Маріи скрывается, именно, эта послѣдняя.

17. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть Янушъ, сынъ Михаила Сангушковича, † ок. 1522 г., мужъ Анастасіи Олизаровой.

---

[1]) Такъ, напр., въ родѣ Острожскихъ, жена князя Василія Ѳеодоровича названа Гапцей и Огафьей (Arch. Sang. t. I. 29, 53).

18. Князь *Левъ*. Это имя встрѣчается въ этомъ родѣ только одинъ разъ,—князь Левъ Александровичъ, † 1571 г.

19. Князь *Іоаннъ Корибутовичъ*, двоюродный братъ князя Сангушка.

20. Княгиня *Василиса*. Въ родѣ Сангушковичей это имя встрѣчается только одинъ разъ: дочь князя Андрея Александровича, за княземъ Андреемъ Семеновичемъ Соколинскимъ, † ок. 1577 г. Нельзя-ли предположить подъ этимъ именемъ княгиню Бѣльскую, дочь двоюроднаго брата Сангушка, князя Ивана Владиміровича Ольгердовича, жившую въ XV в.?

21. Княжна *Евпраксія*—можетъ быть дочь Ольгерда.

22. Князь *Ѳеодоръ*—можетъ быть Корибутовичъ, двоюродный братъ князя Сангушка.

23. Князь *Іоаннъ*—кто нибуь изъ Ольгердовичей.

24. Княгиня *Марія Андреева*—вѣроятно жена князя Андрея Александровича Сангушкевича, рожденная княжна Острожская, сестра князя К. И. Острожскаго.

25. Князь *Ѳеодоръ*—можетъ быть сынъ ея, † 1547 г.

26. Княгиня *Анна*:—жена князя Михаила Александровича, Копачевна, или 1-ая жена князя Василія Михайловича Ковельскаго. Есть много и другихъ лицъ въ родѣ Сангушковичей съ именемъ Анны, жившихъ въ XVI в. Вѣроятнѣе предполагать одну изъ первыхъ двухъ.

27. Князь *Михаилъ*—быть можетъ мужъ предъидущей, сынъ князя Александра Сангушковича, † 1502.

28. Князь *Семенъ Ѳеодоровичъ Воротынскій*—сынъ князя Ѳеодора Львовича, мужа Маріи Корибутовны. Перешелъ въ Москву въ 1492 г. Въ послѣдній разъ упоминается подъ 1494 г.

II. Родъ *князя Александра Сангушковича*, во иноцѣхъ Алексія, (стр. 37).

Князь этотъ—сынъ князя Сангушка Ѳеодоровича, † 1491 г.

1. Князья *Мануилъ* (въ родословныхъ не встрѣчаются,
2. и *Симеонъ*. (но въ Супрасльскомъ субботникѣ

упоминаются въ родѣ князя Ѳеодора Андреевича Сангуш-

ковича, внука князя Александра; изъ нихъ Симеонъ—чрезъ одно имя отъ Іоакима; можно предположить въ немъ сына князя Іоакима, а можетъ быть, и князя Кобринскаго, двоюроднаго брата князя Александра.

3. Князь *Романъ*—встрѣчается въ родѣ Сангушекъ два раза: одинъ князь Романъ—внукъ князя Александра, † 1517 г.; другой—правнукъ его, † 1571 г. Оба умерли послѣ князя Александра, запись же сдѣлана, повидимому, при жизни его, а потому, можно въ лицѣ князя Романа предположить князя Кобринскаго, брата Сангушка Ѳеодоровича, дядю князя Александра.

4. Княгиня *Ѳеодора.* Въ роду Сангушковичей встрѣчается одна княжна Ѳеодора, замужемъ за Боговитинымъ, дочь князя Андрея Александровича.

Князь Александръ Сангушковичъ былъ дважды женатъ: имена обѣихъ женъ неизвѣстны. Первая была матерью князей Михаила и Андрея. Не называлась-ли она Ѳеодорой?

III. Родъ *князя Александра Сендюшковича.* Князь Александръ, а въ иноцѣхъ Еливѳерій, схимникъ (стр. 41). Надо полагать, что это тотъ же князь, что и предъидущій. Запись сдѣлана постороннимъ лицомъ, въ ней нѣтъ ни одного титулованнаго имени. Имя Еливферія принято въ схимѣ. Так. обр., этотъ князь назывался въ мирѣ Александръ, въ инокахъ Алексѣй, въ схимѣ Еливферій.

Б. *Въ помянникъ Михайловскаго монастыря внесены:*

I. Родъ *княгини Ѳедосіи Сангушковны.*

Имя это нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Супрасльскаго сýбботника [1]). Принимая во вниманіе окончаніе *овны*, приходится считать ее дочерью князя Сангушки. Изъ мѣстъ записи встрѣчаются только *Ѳеодоръ* и *Марія*, о которыхъ сказано выше.

II. Родъ *князя Сангушковича.*

Князь *Григорій.* Въ родословныхъ Сангушковичей извѣстенъ только одинъ князь Григорій, сынъ Василія Михайловича Ковенскаго, † 1555 г.

---

[1]) См. Radziminski. Sprawa pocz., стр. 22.

Роды княжескіе помянника Кіево-Печерской Лавры.

Князья: Буйницкіе, Бѣльскіе, Воротынскіе, Вяземскіе, Глинскіе, Деревенскіе, Друцкіе, Жеславскіе, Заславскіе, Кіевскіе, Козловскіе, Кобринскіе, Мезецкіе, Микитиничи, Можайскіе, Московскіе, Лугвеніевичи, Пинскіе, Ровенскіе, Ружинскіе, Ряполовскіе, Солтановы, Трубецкіе, Ярославичи, Великіе князья и князья Домонтовичи.

I. Князья Буйницкіе.

Отъ Буйницъ, на югъ отъ губ. г. Могилева. Родоначальникомъ этого рода былъ князь Юрій Толочко, жившій во 2-й половинѣ XIV в.

Князь Юрій оставилъ двухъ сыновей: князя *Ѳеодора* и NN, отца князя Льва Буйницкаго, мужа княгини *Ѳедосіи*, родъ которой внесенъ въ помянникъ.

Княгиня Львовая Буйницкая, съ сыномъ Алексѣемъ, упоминается подъ 1495 г. Въ 1515 г. князь Алексѣй, передъ смертью, вмѣстѣ съ матерью, записалъ дворъ Борецковцы на Печерскій монастырь и на церкви въ отчинахъ своихъ Высокомъ и Буйницахъ. Съ княземъ Алексѣемъ родъ князей Буйницкихъ пресѣкся. Кромѣ сына Алексѣя, у князя Льва были три дочери [1]).

Имена, внесенныя въ родъ княгини Ѳедосіи Буйницкой, несомнѣнно относятся къ роду, изъ котораго происходила сама княгиня Ѳедосія. Она была дочь князя Ѳеодора Львовича Воротынскаго и княгини Маріи Корибутовой, изъ дома Ольгердовичей. Слѣдовательно, тамъ и нужно искать имена записи, почему мы и разсмотримъ ихъ въ главѣ о родѣ князей Воротынскихъ.

I. Родъ князя *Льва Буйницкаго.* (стр. 12 помян.).

1. Князь *Левъ*—мужъ княгини Ѳедосіи.

2. Князь *Іоаннъ.* Такъ какъ имя отца князя Льва неизвѣстно по родословнымъ, то можно предположить, что имя его было Іоаннъ.

---

[1]) Вольфъ, 12.

3. Другое имя *Іоаннъ* можетъ быть отнесено къ неизвѣстному брату или сыну князя Льва.

Въ записи есть еще имя *Корнилій,* стоящее рядомъ съ именемъ Льва. Г. Радзиминскій соединяетъ эти два имени и полагаетъ, что имя мужа княгини Ѳедосіи было Левъ-Корнилій. Но неизвѣстно, на какомъ основаніи?

Изъ остальныхъ именъ записи князья: Григорій, Харитонъ, Евстафій, не встрѣчаются ни въ родѣ Воротынскихъ, ни у Ольгердовичей.

II. Родъ князей Бѣльскихъ.

Отъ г. Бѣлой, на сѣверо-востокъ отъ г. Смоленска. Княжество Бѣльское образовалось изъ г. Бѣлого съ волостями: Верховое, Большево, Шонтово и другими [1]).

Одинъ изъ сыновей князя Владиміра Ольгердовича, Иванъ, былъ родоначальникомъ князей Бѣльскихъ.

Въ помянникъ (стр. 24) внесенъ:

I. Родъ княгини Ивановое Владиміровичъ, княгини *Василисы Бѣльской.*

1. Княгиня *Василиса*, дочь князя Андрея Ивановича Ольгимонтовича Голшанскаго, была выдана королемъ Владиславомъ-Ягеллой замужъ за князя Ивана Владиміровича Ольгердовича въ 1422 г. Самъ Владиславъ былъ женатъ на сестрѣ ея, Софіи. По сверженіи Свидригайла съ велико-княжескаго литовскаго престола, князь Иванъ перешелъ на сторону Сигизмунда Кейстутовича, а жену его княгиню Василису увезъ Свидригайло; но вскорѣ князь Иванъ, будучи недоволенъ политикой Сигизмунда, перешелъ опять на сторону Свидригайла и въ битвѣ подъ Вилькомиромъ въ 1435 г. попалъ въ плѣнъ къ Сигизмунду. Имя князя Ивана Владиміровича встрѣчается во многихъ трактатахъ Литвы съ Орденомъ. Въ послѣдній разъ онъ упоминается въ 1445—46 г., какъ намѣстникъ въ Великомъ-Новгородѣ.

---

[1]) Вольфъ, 3.

2) Князь *Андрей*—отецъ княгини Василисы.

3) Княгиня *Устинья*—имя это не встрѣчается ни въ родѣ Голшанскихъ, ни въ родѣ Бѣльскихъ, и ни въ одномъ изъ родственныхъ домовъ.

Не этотъ-ли князь Андрей Голшанскій женатъ былъ два раза, и одна изъ женъ не называлась-ли Устиньей?

4. Князь *Іоаннъ*—вѣроятно, мужъ княгини Василисы, князь Иванъ Владиміровичъ Бѣльскій.

5. Князь *Михаилъ*—можетъ быть Голшанскій, родной дядя княгини Василисы.

6. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть дѣдъ княгини Висилисы, князь Иванъ Ольгимонтовичъ.

7. Князь *Іоаннъ*—можетъ быть князь Иванъ Юрьевичъ Голшанскій-Дубровицкій, казненный въ 1481 г. Онъ былъ сыномъ двоюроднаго брата княгини Василисы.

8. Княжна *Марія*—можетъ быть дочь князя Юрія Дубровицкаго.

9. Княгиня *Ѳеодора*—извѣстна въ родѣ Голшанскихъ, дочь князя Юрія Дубровицкаго, за княземъ Богданомъ Соломерецкимъ.

10. Княгиня *Уліана*. Изъ княгинь рода Голшанскихъ съ такимъ именемъ извѣстны: 1, вторая жена Витовта, дочь князя Ивана Ольгимонтовича, † 1449 г. 2, жена князя Юрія Семеновича Голшанскаго, двоюроднаго брата княгини Василисы, и 3, дочь князя Семена Ивановича Голшанскаго, супруга князя Семена Романовича Кобринскаго.

11. Князь *Василій*—Князь Василій Юрьевичъ Голшанскій, племянникъ княгини Василисы, † 1481 г.

III. Родъ князей Воротынскихъ.

Одинъ изъ сыновей князя Романа Семеновича Новосильскаго (вѣтвь князей Черниговскихъ), который изъ Новосела перешелъ въ Одоевъ, князь Левъ Романовичъ былъ родоначальникомъ князей Воротынскихъ. Сыновья его служили при дворѣ Витовта [1]).

[1]) Вольфъ, 585.

Въ помянникъ внесены:

I. Родъ *князя Воротынскаго* (стр. 31).

1. Князь *Ѳеодоръ*—сынъ князя Льва Романовича. Въ 1401 г., вмѣстѣ съ другими князьями и панами, присягнулъ за себя и Витовта на вѣрность королю и коронѣ польской, † послѣ 1448 г. Въ это время князь Ѳеодоръ Новосильскій назывался уже княземъ Воротынскимъ отъ Воротынска, (въ Калужской губ.).

2. Княгиня *Марія,*—жена князя Ѳеодора и дочь Корибута Ольгердовича.

3. Князь *Василій*—братъ князя Ѳеодора Львовича. О немъ ничего неивѣстно.

4. Князь *Даніилъ*—неизвѣстный.

5. Князь *Ѳеодоръ*. Другого князя съ такимъ именемъ въ родѣ Воротынскихъ не знаютъ, но дочь князя Ѳеодора Львовича, Евдокія, была за княземъ Иваномъ Ярославичемъ, у котораго былъ сынъ Ѳеодоръ, † 1520 г. Не онъ-ли это?

Сюда же относится запись „родъ княгини Ѳедосіи Буйницкой".

Изъ именъ рода князей Воротынскихъ въ этой записи встрѣчаются:

1. Князь *Юрій*—братъ отца княгини Ѳедосіи, князь Юрій Львовичъ.

2. Княгиня *Анна*—дочь князя Ѳеодора, сестра княгини Ѳедосіи, за княземъ Лоской.

3. Князь *Симеонъ*—братъ княгини Ѳедосіи.

4. Князь *Дмитрій*—другой братъ.

5. Князь *Василій*—дядя княгини, братъ отца ея; другой князь Василій Юрьевичъ—двоюродный братъ княгини Ѳедосіи.

6. Князь *Михаилъ*—братъ княгини.

7. Князь *Іоаннъ*—племянникъ княгини, сынъ князя Михаила.

8. Княгиня *Анна*—жена князя Дмитрія Ѳеодоровича, брата княгини Ѳедосіи, дочь князя Константина Прихаб-

скаго [1]), или дочь княгини Ѳедосіи, за княземъ Иваномъ Филипповичемъ Крошинскимъ.

9. Князь *Ѳеодоръ*—отецъ княгини Ѳедосіи.

IV. Родъ князей Вяземскихъ.

Отъ г. Вязьмы. Происходитъ отъ княжатъ Смоленскихъ.

Въ 1403 г. Вязьма была взята литовскимъ войскомъ подъ начальствомъ князя Семена (Лингвеня) Ольгердовича, при чемъ князья, Иванъ Святославичъ и Александръ Михайловичъ, взяты были въ плѣнъ. Въ Вязьмѣ, однако, остались ея природные князья, которые обязались служить вел. князю Литовскому. Въ теченіе всего XV в. Вязьма находилась подъ верховенствомъ Литвы и князья служили ей. Въ 1493 г. Вязьма взята была московскимъ войскомъ, князья ея отосланы въ Москву, но вскорѣ получили Вязьму въ отчину.

Русскія родословныя не знаютъ князей Вяземскихъ, служившихъ Литвѣ въ XV в. Точной родословной этихъ князей нѣтъ и въ литовскихъ родословныхъ, есть только отрывочныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ князьяхъ Вяземскихъ [2]).

Въ помянникъ внесенъ:

I. Родъ князя *Михаила Дмитріевича Вяземскаго* (стр. 14).

1. Князь Михаилъ Дмитріевичъ выступаетъ между 1487—1493 г.г., какъ владѣтель м. Хлепена и волостей: Хлепенской, Дубровой, Орѣховной, Могиленъ и Мицонки.

2. Князь *Иванъ*. Подъ этимъ именемъ встрѣчаются князья: 1, *Иванъ Святославичъ*, жившій въ концѣ XIV и въ началѣ XV в., 2, *Иванъ Константиновичъ*, который въ 1495 г. взамѣнъ Вязьмы, отошедшей къ Москвѣ, получилъ отъ вел. князя Александра село Приселье. 3, князь *Иванъ*

---

[1]) Вольфъ, 396.

[2]) Бонецкій, 365. Вольфъ, 550.

Львовичъ, женатый на дочери окольничаго смоленскаго Ивана Кишки. Изъ нихъ внесенъ въ запись, вѣроятнѣе всего, князь Иванъ Константиновичъ, какъ состоящій въ близкомъ родствѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ—послѣдній приходится ему дядей.

3. Князь *Константинъ*—вѣроятно отецъ *Ивана;* извѣстный только подъ именемъ князя Константина Вяземскаго, жилъ около половины XV в.

4. Княгиня *Анна*—можетъ быть жена Константина.

5. Князь *Константинъ* (можетъ быть сыновья князя

5. Князь *Ѳеодоръ* (Константина.

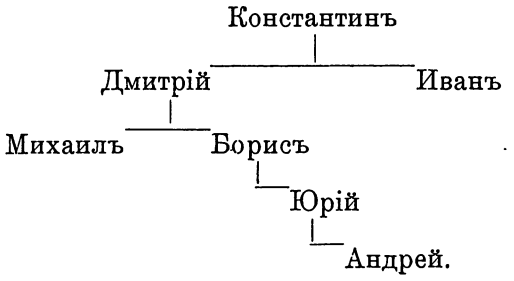
7. Князь *Андрей*—извѣстенъ только князь Андрей Юрьевичъ, сынъ Юрія Борисовича и внукъ Бориса Дмитріевича. Всѣ они упоминаются въ 1487—1493 г.г.

Князь Андрей Юрьевичъ съ женой и дѣтьми:

8. Княжны *Остинья* и *Ѳеодора*—неизвѣстны,—можетъ быть жена и дочь князя Андрея.

9. Князь *Дмитрій*—можетъ быть отецъ князя Михаила Дмитріевича.

Такимъ образомъ получается такая вѣтвь:



О брачныхъ союзахъ литовскихъ князей Вяземскихъ ничего неизвѣстно; знаемъ только, что дочь князя Семена Вяземскаго была за княземъ Константиномъ Приходскимъ; но родство князя Семена съ вышеупомянутыми князьями Вяземскими опредѣлить невозможно. Еще извѣстно, что князь Иванъ Львовичъ Вяземскій былъ женатъ на дочери окольничаго смоленскаго, Ивана Кишки.

V. Родъ князей Деревенскихъ.

О такихъ князьяхъ не слыхать, но внесеніе таковыхъ въ помянникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что таковые существовали. Справляясь въ разныхъ источникахъ, мы находимъ: *„Деревна“*, въ Гродненской губ. Слонимскаго у. и м. *Деревно* въ повѣтѣ Винницкомъ; послѣднимъ сначала владѣлъ князь Иванъ Вишневецкій, потомъ перешло оно къ дочери его, Изабеллѣ, вышедшей замужъ за Радзивилла въ 1593 г. Но ни Вишневецкій, ни Радзивиллъ никогда не назывались князьями *Деревенскими.*

Въ помянникъ (стр. 6) внесенъ родъ князя *Михаила Ивановича Деревенскаго.*

1. Князь *Дмитрій*—должно быть, сынъ Михаила Ивановича.

2. Князь *Іоаннъ*—несомнѣнно, отецъ князя Михаила Ивановича.

Въ какомъ родѣ искать ихъ?

Просматривая родословныя княжескихъ родовъ, мы встрѣчаемъ рядъ такихъ именъ: 1, въ родѣ князей *Ружинскихъ* (Роговецкихъ); такъ, князь Иванъ Михайловичъ Роговецкій упоминается въ 1524—28 г.г. [1]). Сыновья его, князья Дмитрій и Михаилъ въ 1567 — 1583 г. г. Но было-ли у нихъ во владѣніи какое нибудь *Деревно* — неизвѣстно; 2. Родъ князей *Головня-Острожецкихъ* начинается такимъ рядомъ именъ: Дмитрій, Иванъ, Михаилъ; но среди многочисленныхъ владѣній ихъ не встрѣчается ничего похожаго на Деревно. Есть Дернъ, но изъ этого имени не сдѣлаешь Деревеньскій.

Не поискать-ли этихъ князей въ бывшей землѣ Древленской, среди Ольгердовичей?

Историческая справка. Главный городъ Древлянскаго княжество *Овручъ,* вмѣстѣ съ Кіевомъ, достался Ольгерду. Въ 1371 г. Ольгеръ отдалъ Овручъ сыну Владиміру.

---

[1]) Вольфъ, 415.

Въ 1394 г. в. кн. Витовтъ взялъ Овручъ и отдалъ его Скиргайлѣ. Но здѣсь-ли ключъ къ рѣшеніи нашей задачи? Князь Дмитрій—Ольгердъ, князь Іоаннъ—Скиргайло; князь Михаилъ Ивановичъ не сынъ-ли Скиргайлы, хотя послѣдній и считается бездѣтнымъ?

Другого рѣшенія у насъ, пока, нѣтъ.

VI. Родъ князей Друцкихъ.

Справка историческая. Городъ Друцкъ, на р. Друтѣ, впад. въ Днѣпръ, отъ котораго получили названіе князья, впервые упоминается въ лѣтописи подъ 1092 г. по поводу чуда, „шедшаго отъ Друцка къ Полоцку". Въ 1116 г. онъ былъ взятъ Давидомъ и Ярополкомъ, во время похода ихъ на Глѣба Минскаго, при чемъ всѣ жители его были уведены на югъ въ Переяславское княжество, гдѣ Ярополкъ и построилъ имъ городъ Желди. Во время разгрома полоцкихъ князей, на Друцкъ (Дрютьскъ) посланъ былъ Мстиславомъ съ ратью братъ его Ростиславъ, хотя неизвѣстно, былъ-ли онъ тогда взятъ. Въ половинѣ XII в. онъ уже играетъ видную роль въ Полоцкихъ междоусобіяхъ. Стремясь имѣть отдѣльнаго удѣльнаго князя, Дручане изгоняютъ Глѣба, сына полоцкаго князя Ростислава Глѣбовича, (внука Всеслава) и приглашаютъ къ себѣ Рогволода Борисовича, внука Всеслава, отъ старшаго сына его. Въ концѣ XII в. Дрютьскъ, борясь съ главными городами земли Полоцкой, подчиняется протекторату Смоленскихъ князей. Борьба между Полоцкомъ и пригородомъ была весьма серьезна: въ ней приняли участіе и черниговскіе князья; Черниговскіе и Смоленскіе князья боролись за вліяніе надъ разлагающимся отъ междоусобій княжествомъ [1]). Въ 1235 г. Друцкое княжество было покорено литовцами. Въ это время тамъ былъ княземъ Дмитрій, вѣроятно, изъ минскихъ князей [2]). Въ первой половинѣ

[1]) М. Довнаръ-Запольскій. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII ст., 53—54.

[2]) В. Антоновичъ. „Очеркъ исторіи вел. княж. литовскаго", 25.

XIV в. Друцкое княжество тянуло къ Витебскому княжеству, которое при Ольгердѣ составляло самостоятельное княжество. Послѣ смерти Ольгерда оно досталось женѣ его, Юліаніи, а по ея смерти—Свидригайлѣ. Въ литовскій періодъ впервые Друцкіе князья упоминаются въ 1340 г. Въ концѣ XIV ст. Друцкое княжество распалось на нѣсколько удѣловъ [1]).

Акты, на которые ссылается Бонецкій, даютъ болѣе точныя свѣдѣнія объ именахъ этого рода [2]). Въ 1340 г. князь *Иванъ Друцкой*—одинъ изъ воеводъ въ московскомъ войскѣ, отправленномъ великимъ княземъ *Иваномъ Калитою* подъ Смоленскъ. Въ 1372 г. въ войнѣ Кейстута противъ татаръ однимъ изъ воеводъ былъ князь *Дмитрій Друцкой.* Въ 1380 г. князь *Глѣбъ Друцкой* принимаетъ участіе въ Куликовской битвѣ. Въ 1384 г. упоминается зять Витовта, князь *Левъ Дмитріевичъ Друцкой.* Князь *Иванъ Друцкой* подписалъ миръ съ крестоносцами въ 1395 г. Въ 1401 г. князь *Семенъ Дмитріевичъ* Друцкой присягнулъ на вѣрность королю Владиславу-Ягайлѣ. Подъ 1432 г. упоминаются князья: *Иванъ „Баба“* и *Путята,* посланные Витовтомъ противъ татаръ, осаждавшихъ городъ Одоевъ. Князь Иванъ „Баба“ получилъ удѣлъ отъ великаго князя Василія Темнаго въ 1434 г. Съ той поры ничего не слышно о князьяхъ Друцкихъ до 1508 г.,—въ этомъ году князь *Андрей Друцкой,* сторонникъ Глинскаго, вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ Москву [3]). Вольфъ называетъ трехъ братьевъ князей Друцкихъ, ушедшихъ съ Глинскимъ въ Москву: *Василія, Богдана* и *Андрея Дмитровичей* и племянника ихъ, *Дмитрія Юрьевича Друцкого,* отца котораго уже не было въ живыхъ въ то время [4]). Эти князья

---

[1]) В. Е. Данилевичъ. „Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV стол.“, 34.

[2]) Бонецкій, 50—51.

[3]) Бонецкій, 50.

[4]) Вольфъ, 56.

происходили отъ старшей вѣтви князей Друцкихъ, князь Иванъ „Баба“ отъ младшей.

По источникамъ, на которые ссылается Бонецкій, можно составить такую вѣтвь:

Князь Дмитрій (1372 г.). Иванъ 1340?

Левъ, 1384. Глѣбъ, 1380. Иванъ, 1390, Семенъ, 1401.

Иванъ „Баба“ 1432—1434. Путята 1423—1438.

Князь Иванъ (1340 г.) можетъ быть братомъ Дмитрія.

Справка генеологическая. Князь П. Долгоруковъ производитъ князей Друцкихъ XIV стол. отъ внука Александра Всеволодовича, князя Бельзскаго и Владиміръ-Волынскаго † 1234 г., князя Михаила Романовича, получившаго яко-бы въ удѣлъ отъ великаго князя, между прочими владѣніями, и Друцкъ.

Г. Вольфъ оспариваетъ такое происхожденіе Друцкихъ, указывая на то, что всѣ владѣнія Друцкихъ, какъ то: Друцкъ, Сокольня, Толочинъ, Озерцы, Горы, Прихабы, Зубревичи, Шишево, Дудаковичи—лежатъ въ сѣверной части нын. Могилевской губ., составлявшей часть Полоцкаго (Витеб.) княжества [1]).

Гораздо серьезнѣе этого возраженіе Г. А. Власьева [2]), заключающееся въ томъ, что о Романѣ, сынѣ Александра Всеволодовича, нѣтъ даже намека въ лѣтописяхъ, слѣдовательно, врядъ-ли такой и существовалъ, но у Даніила Романовича Галицкаго былъ сынъ Романъ, женившійся въ первый разъ на княгинѣ Гертрудѣ Австрійской, отъ которой имѣлъ дочь Марію. Послѣ бѣгства изъ Австріи, Романъ Данил. получилъ отъ Миндовга, великаго князя литовскаго, владѣніе сына его Воишенка: Новогродокъ, Слонимъ, Волко-

[1]) Вольфъ, 56.

[2]) Любезно сообщившаго мнѣ свое мнѣніе.

выйскъ и др. Во владѣніи Миндовга были также Полоцкъ и Минскъ, къ которому въ это время тянулъ Друцкъ, поэтому послѣдній могъ также достаться Роману Даниловичу.

Правда, когда дядя Романа, Василько Романовичъ противъ воли своей вынужденъ былъ въ 1260 г. начать войну противъ дружественной Литвы, то Войтекъ захватилъ Романа, уже вторично женатаго на какой то княгинѣ Глѣбовнѣ, вѣроятно Свислочской, и куда то упряталъ его. Очень можетъ быть, что потомство его основалось въ Полоцкомъ или Витебскомъ княжествѣ въ то вромя, когда въ Полоцкѣ сидѣлъ племянникъ Миндовга Товтовинъ. Но и это, конечно, только гипотеза, которая имѣла бы основаніе, если бы было какое нибудь указаніе на Романа Друцкого въ литовскихъ лѣтописяхъ. Но такого указанія нѣтъ.

Что Друцкъ былъ уже подчиненъ Литвѣ въ концѣ первой половины XIII в., въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; что тамъ были еще свои князья во время завоеванія Литвою, также нѣтъ сомнѣнія. Профессоръ Антоновичъ полагаетъ, что князь Дмитрій Друцкой, разбитый литовцами въ 1235 г., былъ изъ рода Глѣбовичей минскихъ.

Но былъ-ли этотъ князь Дмитрій родоначальникомъ Друцкихъ XIV в.—это вопросъ.

Г. Вольфъ признаетъ родоначальникомъ князей Друцкихъ Михаила на томъ основаніи, вѣроятно, что Стрыйковскій упоминаетъ князя *Семена Михайловича* Друцкого. У этого Михаила было два сына: *Василій* и *Семенъ*, родоначальники двухъ главныхъ вѣтвей этого рода, жившихъ въ половинѣ XIV в. Но тутъ мы снова наталкиваемся на противорѣчіе: литовскія лѣтописи говорятъ о Семенѣ Михайловичѣ начала XIII в., а родословные утверждаютъ, что Семенъ Михайловичъ жилъ въ половинѣ XIV в. На какомъ основаніи говорятъ онѣ это?

Сравнимъ родословныя:

1. Князя Долгорукова.

Михаилъ
Семенъ
Дмитрій
Иванъ — Михаилъ
Андрей, зять Витовта. — Кн. Подбережскіе.

2. Вольфа.

Михаилъ
Василій—Семенъ
Дмитрій
Андрей—Василій
сыновья † до 1411. — Дмитрій
Василій—Богданъ—Андрей—Юрій 1508.
Дмитрій.

3. По историч. даннымъ.

Дмитрій, 1372 г.
Левъ. Глѣбъ—Иванъ—Семенъ
Иванъ „Баба“—Путята.

Сопоставляя эти три родословныя, мы видимъ, что первая сходится со второй въ именахъ: Михаилъ, Семенъ, Дмитрій, Иванъ; 2-ая съ 3-ьей въ именахъ: Дмитрій, Семенъ, Иванъ; 1-ая съ 3-ьей въ именахъ: Дмитрій, Иванъ.

Князь Иванъ подъ 1340 г. несомнѣнно существовалъ, но не внесенъ ни въ одну изъ родословныхъ. Онъ могъ быть братомъ или отцемъ Дмитрія 1372 г.

Но кто же родоначальникъ рода Друцкихъ? Имя Михаила намъ ничего не говоритъ. Въ росписи полоцкихъ Всеславичей, составленной В. Е. Данилевичемъ и приложенной къ его „Очерку исторіи Полоцкой земли до конца XIV стол.“ мы находимъ: Михаилъ и Михаилъ Константиновичи конца XIII в. Этому какъ будто соотвѣтствуетъ списокъ Друцкихъ въ помян. К. П. Л. въ записи „родъ князя Дмитрія Ивановича Путятича, воеводы кіевскаго“. Въ этой

записи на второмъ и третьемъ мѣстѣ стоятъ Михаилъ и Михаилъ. Но тутъ же во главѣ рода стоятъ князь Даніилъ Друцкой; вслѣдъ за которымъ идутъ: князь Михаилъ, князь Михаилъ, князь Семенъ, князь Дмитрій, князь Симеонъ и т. д. Мы готовы были бы предположить, что подъ Даніиломъ скрывается князь Даніилъ Мстиславичъ (внукъ Даніила Галицкаго), котораго Юрій II вытѣснилъ изъ Волыни и который будучи женатъ (по Шараневичу) на дочери Гедимина, могъ получить отъ тестя въ удѣлъ Друцкъ. Но это могло быть не ранѣе 1301 г.,—года изгнанія Даніила изъ Волыни. Между этимъ годомъ и 1372 г. нужно вмѣстить три поколѣнія: Михаилъ, Михаилъ и Дмитрій. По-видимому, это возможно. Такимъ образомъ, годы позволяютъ предположить въ Даніилѣ Друцкомъ, родоначальникѣ князей Друцкихъ, Даніила Мстиславича.

Что можно возразить противъ этого? Конечно, это только гипотеза, но не хуже другой. Во всякомъ случаѣ, Даніилъ Мстиславичъ лицо историческое, Романъ же, сынъ Александра Всеволодовича,—миѳъ. Видѣть въ Данилѣ Друцкомъ князя Даніила Романовича невозможно, какъ потому, что онъ никогда не владѣлъ Друцкомъ, такъ и потому, что у него не было сына Михаила. Итакъ, вопросъ о происхожденіи князей Друцкихъ XIV вѣка остается открытымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію помянника К. П. Л.

А. Родъ князей *Друцкихъ* (стр. 83)

1. Князь *Андрей Прихабскій.*

Прихабы въ Оршанскомъ повѣтѣ, къ сѣверу отъ Смолянъ. Отецъ князя Андрея Прихабскаго *Константинъ* былъ сынъ князя Ивана Семеновича „Бабы“. Онъ первый сталъ владѣть Прихабами, отчего и сталъ называться княземъ *Прихабскимъ*. Князь Константинъ былъ чашникомъ у княгини Витовтовой; жена его была дочерью князя Семена Вяземскаго. Князь Андрей въ 1505 г., намѣстникъ ошмянскій, упоминается въ 1507—9 г.г., † ок. 1515.

Родъ князей Прихабкихъ угасъ съ сыновьями князя Андрея [1]).

2 Князь *Владиміръ Ивановичъ*—князь *Горскій* (Друцкой) женатый на дочери князя Андрея, *Донимитрѣ*.

Князья Друцкіе-Горскіе назывались такъ отъ м. Горы въ повѣтѣ Чериковскомъ, Могилевской губ. Родоначальникомъ князей Горскихъ былъ князь Василій Ивановичъ Путятичъ, другой сынъ Ивана Путяты. Князь Владиміръ Ивановичъ, внукъ князя Василія Ивановича Горскаго, намѣстникъ ошмянскій послѣ князя Андрея Прихабскаго въ 1515 г., былъ имъ до 1521 г. Князь Владиміръ Горскій (Володка) упоминается въ актахъ, въ 1533 и 1544 г.г., какъ свидѣтель; умеръ между 1545—46 г.г.

Братъ его князь Иванъ Ивановичъ Горскій, вмѣстѣ съ другими князьями Друцкими, предъявилъ свои права на Друцкъ послѣ смерти послѣдняго князя Друцкого-Подберезскаго, Семена Ямонтовича, владѣвшаго замкомъ въ Друцкѣ [2]).

3. 4. Княгини *Александра* и *Марія*. Первая—дочь князя Ѳеодора Дмитріевича Горскаго, двоюроднаго брата князя Владиміра Ивановича, замужемъ за княземъ Львомъ Горскимъ, упоминается еще въ 1558 г., какъ вдова; мать ея была княжна Анна Прихабская, дочь князя Андрея.

Княгиня Марія — сестра князя Владиміра Ивановича, упоминается у Бонецкаго подъ 1533 г. Другая Марія — сестра князя Ѳеодора Дмитріевича Горскаго, тетка княгини Александры, упоминается у Бонецкаго подъ 1528 г. [3]).

5. Пани *Анна*. Имя это несомнѣнно принадлежитъ Аннѣ Ивановнѣ Александровичевой, женѣ земскаго подскарбія, теткѣ дѣтей князя Андрея Прихабскаго, сестрѣ жены его.

---

[1]) Вольфъ, 396—397.

[2]) Ibid, 137.

[3]) Ibid., 91.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе XXIII-й книги „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца“.

Отдѣлъ I.

Вып. 1-й.

СТРАН.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1910 г. по 27 октября 1911 г.—*А. М. Лободы* 1

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1910 г. по 27 октября 1911 г. . . 11

Сокращенное изложеніе сообщеній.

Окладной списокъ гостей гостинной и суконной сотенъ 1632 г.—*П. П. Смирнова* 12

Памяти К. и И. Аксаковыхъ.—*Г. А. Максимовича* . . 16

Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія Славянъ.—*А. І. Степовича* 19

Кильбургеръ и его сочиненіе о русской торговлѣ въ третьей четверти XVII в.—*Б. Г. Курца.* 20

СТРАН.

Договоры Богдана Хмельницкаго съ Москвой, Польшей и Швеціей.—*И. М. Каманина* 23

Къ вопросу о древнихъ укрѣпленіяхъ въ окрестностяхъ Кіева.—*Л. П. Добровольскаго* 27

Вып. 2-ой.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца съ 27 октября 1911 г. по 27 октября 1912 г.—*А. М. Лободы* 29

Отдѣлъ II.

Вып. 1-й.

Городище у д. Почтовой Виты (Справка о прошломъ одной изъ кіевскихъ окрестностей).—*Л. Добровольскаго* 3

Новое челобитье Московскихъ торговыхъ людей о высылкѣ иноземцевъ, 1627 года.—*П. Смирнова.* . . 3

Вып. 2-ой.

Предшественники Печорина во французской литературѣ.—*С. Родзевича* 43

Обученіе грамотѣ и воинской экзерциціи въ Старой Малороссіи въ концѣ XVIII-го вѣка.—*Г. А. Максимовича* 89

Отдѣлъ III.

Вып. 1-й.

СТРАН.

Приложеніе къ статьѣ *А. Грузинскаго* „Изъ исторіи перевода Евангелія въ Южной Россіи въ XVI в.“ (Окончаніе) 1

Памва Берында и его Вирши на Рождество Христово и др. дни.—*А. Сычевскій* 49

Приложеніе къ этой статьѣ 65

Приложеніе къ статьѣ *П. Смирнова*, помѣщенной во II отдѣлѣ этой книги . ; 97

Вып. 2-ой.

Кіевскій списокъ поэмы Лермонтова „Демонъ“.—*Б. В. Неймана* 105

Изъ школьныхъ традицій стараго времени. — *А. В. Багрія* 113

Отдѣлъ IV.

Вып. 1-й.

Лекціи по славяно-русской палеографіи, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ въ 1908, 1909 и 1910 г.г. проф. Р. Ф. Брандтомъ.—*А. Назаревскаго* 1

Вып. 2-ой.

Къ вопросу о переводахъ изъ „Великаго Зерцала“ въ Юго-Зап. Руси.—*Н. К. Гудзія* 19

Отдѣлъ V.

Вып. 1-й.

СТРАН.

Одинъ изъ неизданныхъ „Юрналовъ“ Петровскаго царствованія за 1723—1724 г.г.—*А. Филиппова* . . . 3

Вып. 2-ой.

Къ исторіи Кіевскаго Музыкантскаго цеха.—*А. Назаревскаго* 33

Юзефъ Дунаевскій, помѣщикъ Сквирскаго уѣзда 2-й четверти XIX стол. (Начало).—*О. И. Левицкаго.* . 47

Приложеніе.

Вып. 1-ый и 2-ой.

Комментаріи къ древнѣйшимъ помянникамъ Кіево-Печерской Лавры и Кіево-Златоверхо-Михайловскаго Монастыря.—*Е. И. Де-Витте.* (Л.л. 3-ій и 4-ый). 49

Отчетъ о составѣ и дѣятельности Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ 40-мъ году его существованія, съ 27 октября 1911 г. по 27 октября 1912 г.

Въ день памяти своего покровителя преп. Нестора-лѣтописца, Историческое Общество имѣетъ честь представить слѣдующій отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 40-й годъ своего существованія, т. е. съ 27 октября 1911 года по 27 октября 1912 года.

Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества, его Совѣта и Бюро.

Къ 27-му октября 1911 г. Историческое Общество Нестора-лѣтописца состояло изъ 161 члена: 24 почетныхъ, 130 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ въ отчетномъ году Общество лишилось 3 членовъ: поч. чл. Евгенія Евсигнеевича Голубинскаго и дѣйст. членовъ—Якова Николаевича Шульгина и Михаила Ивановича Лилеева.

Заслуженный профессоръ Московской Духовной Академіи Евгеній Евсигнеевичъ Голубинскій стяжалъ славное научное имя, какъ славяновѣдъ и, въ особенности, какъ историкъ Русской Церкви.

Его первый ученый трудъ по славяновѣдѣнію о Константинѣ и Меѳодіи, апостолахъ славянъ, высоко оцѣненъ былъ ученою критикою и удостоенъ (въ 1868 году) Академіею Наукъ рѣдкой награды—полной Уваровской преміи. Второй капитальный трудъ по славяновѣдѣнію—„Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской", вышедшій въ свѣтъ въ 1871 году, не утратилъ научной цѣнности и до настоящаго времени. Но главнѣйшимъ капитальнѣйшимъ трудомъ его явились въ области Русской церковной исторіи вышедшія въ 1881 году первымъ изданіемъ двѣ огромныя книги: „Исторія Русской церкви, періодъ до-монгольской". Этотъ трудъ былъ событіемъ въ ученомъ мірѣ, ибо, благодаря привлеченію новыхъ данныхъ и выдающемуся критическому таланту автора, заставилъ смотрѣть съ новыхъ точекъ зрѣнія на многія первостепенной важности явленія и потребовалъ пересмотра и дальнѣйшей разработки цѣлаго ряда вопросовъ, которые прежде считались рѣшенными. Вообще, по мнѣнію компетентной ученой критики, означенный трудъ автора долженъ быть поставленъ на ряду съ самыми капитальными и наиболѣе уважаемыми трудами въ области русской церковной исторіографіи.....

Яковъ Николаевичъ Шульгинъ, уроженецъ мѣстнаго края и питомецъ второй Кіевской гимназіи и университета св. Владиміра, который былъ имъ оконченъ въ 1873 г. со степенью кандидата исторіи, являлся однимъ изъ той плеяды энтузіастовъ изслѣдователей родного имъ края, какая развилась въ 60-ые годы XIX в. на почвѣ общаго оживленія тогдашней русской жизни. Свой юношескій идеализмъ онъ пронесъ чрезъ рядъ тяжелыхъ испытаній и сохранилъ до конца дней своихъ, трогая всѣхъ знавшихъ его исключительною мягкостью, задушевностью, искренностью. Среди довольно многочисленныхъ работъ его наиболѣе извѣстны

работы, посвященныя коліивщинѣ и состоянію Малороссіи послѣ возсоединенія ея съ Россіей.

Михаилъ Ивановичъ Лилеевъ, воспитанникъ Кіевской Д. Академіи, преподавалъ въ Черниговской Д. Семинаріи и Нѣжинскомъ Институтѣ кн. Безбородко, въ Университетѣ св. Владиміра получилъ степень магистра русской исторіи, защитивъ диссертацію: „Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в.в." Кромѣ названной диссертаціи, ему принадлежитъ рядъ работъ частью по расколу на Вѣткѣ, частью вообще по исторіи южной Руси, или же, наконецъ, библіографическаго характера. Въ 90-ые годы XIX ст. онъ принималъ ближайшее участіе въ дѣятельности Общества Нестора-лѣтописца.

Новыхъ членовъ избрано 8: проф. Б. В. Варнеке, предсѣдатель распоряд. комитета Общества Охраны Памят. старины и искусства А. И. Мердеръ, профессорскій стипендіатъ А. А. Назаревскій, окончившая Кіевскіе Высшіе Женскіе Курсы Н. Д. Полонская, преподаватель гимназіи А. М. Рогозинскій, проф. В. И. Синайскій, и. о. инспектора реальнаго училища П. Р. Тимошокъ.

Такимъ образомъ къ концу отчетнаго года въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца всего числилось 167 членовъ; 23 почетныхъ, 137 дѣйствительныхъ и 7 членовъ-корреспондентовъ. Изъ нихъ на постоянномъ жительствѣ въ г. Кіевѣ находилось 88 членовъ: 6 почетныхъ, 79 дѣйствительныхъ, 3 члена-корреспондента.

Къ 27-му октября 1911-го года истекъ срокъ избранія членовъ бюро Общества, и посему въ началѣ отчетнаго года были произведены выборы членовъ бюро на новое трехлѣтіе. Избранными оказались: на должность предсѣдателя поч. чл. Ю. А. Кулаковскій, на должность товарища предсѣдателя—д. чл. Г. Г. Павлуцкій, на должность казначея—д. чл. В. И. Щербина, на должность секретаря—д. чл. А. М.

Лобода, на должность помощника секретаря и библіотекаря—чл. корр. В. А. Абрамовичъ.

Предсѣдатель, его товарищъ, казначей и секретарь являлись также членами Совѣта Общества. Кромѣ нихъ, Совѣтъ Общества составляли члены учредители, поч. члены В. С. Иконниковъ и Н. И. Петровъ, и по избранію—поч. чл. М. Ф. Владимирскій-Будановъ, д. чл. В. З. Завитневичъ, М. Н. Ясинскій, Г. Е. Аѳанасьевъ, М. В. Довнаръ-Запольскій, И. М. Каманинъ, В. И. Щербина. Первымъ тремъ изъ нихъ въ отчетномъ году истекъ срокъ избранія, и поэтому предстоитъ новая баллотировка.

Засѣданій Совѣта Общества въ истекшемъ году было 3.

Свѣдѣнія по кассѣ Общества.

Приходъ

1) Остатокъ отъ прошлаго года къ 27 окт. 1911 г.	5499 р. 38 к.
(Въ томъ числѣ: билетъ въ 1000 р., билетъ въ 2800 р., на текущемъ счету Общ. Вз. Кредита 1431 р. 96 к. и на рукахъ казначея 267 р. 42 к.)	
2) Членскіе взносы за отчетный годъ (отъ 42 лицъ).	210 р.
3) Пособіе отъ казны.	800 р.
4) Доходъ съ % бумагъ и % по текущему счету	210 р. 84 к.
5) Отъ продажи изданій Общества .	9 р. 45 к.
Итого .	6729 р. 67 к.

Р а с х о д ъ.

1) На изданіе 3-го выпуска XXI кн. „Чтеній“	475 р. 95 к.
2) На устройство засѣданій	140 р.
3) Канцелярскіе и мелочные расходы. .	80 р. 84 к.
Итого .	696 р. 79 к.

Остатокъ къ 27 октября 1912 года.

1) Неприкосновеннаго капитала	билетъ въ . .	1000 р.
	билетъ въ . .	2900 р.
2)На текущемъ счету О. В. К.		2225 р. 22 к.
3) Наличными деньгами		132 р. 66 к.
Итого. .		6157 р. 88 к.

Свѣдѣнія о состояніи Библіотеки Общества.

Къ 27-му октября 1911 г. въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ имѣлось 3439 названій въ 7604 томахъ и брошюрахъ; въ теченіе отчетнаго года поступило 174 названія въ 435 томахъ и брошюрахъ; а всего въ настоящее время въ библіотекѣ Общества имѣется 3613 названій въ 8039 томахъ и брошюрахъ.

Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Общества выражалась прежде всего въ устройствѣ засѣданій, на которыхъ докладывались и обсуждались научныя сообщенія по вопросамъ, входящимъ въ кругъ занятій Общества.

Въ отчетномъ году такихъ засѣданій было 15 (противъ 13 за прошлый годъ); изъ нихъ 14 очередныхъ и 1 годичное. Докладовъ было сдѣлано 31 (противъ 28 за прошлый

годъ); авторовъ сообщеній было 19 (противъ 23 за прошлый годъ); ими являлись: Г. Г. Павлуцкій (5 сообщеній); Н. П. Василенко, В. З. Завитневичъ, И. М. Каманинъ, В. И. Масловъ, А. А. Назаревскій, А. М. Рогозинскій, П. П. Смирновъ, Е. Д. Сташевскій (по 2 сообщенія); В. А. Абрамовичъ, Г. Е. Аѳанасьевъ, А. С. Грузинскій, Н. К. Гудзій, Л. П. Добровольскій, Ю. А. Кулаковскій, В. С. Кульженко, О. И. Левицкій, Ѳ. И. Титовъ, А. Н. Филипповъ (по одному сообщенію).

По содержанію своему нѣкоторые доклады отмѣчали горестныя утраты, понесенныя Обществомъ или русской наукой вообще. Таковы—докладъ Ѳ. И. Титова, посвященный характеристикѣ проф. Голубинскаго, и доклады В. З. Завитневича и П. П. Смирнова о проф. В. Ключевскомъ.

Затѣмъ, нѣсколько докладовъ представляли отклики Общества на юбилейныя годовщины знаменательныхъ въ нашей исторіи событій. Такъ, 75-лѣтіе смерти митр. Евгенія Болховитинова было отмѣчено докладомъ Н. П. Василенко; памяти 1812-го года были посвящены доклады В. З. Завитневича, отмѣтившаго общія причины отечественной войны, И. М. Каманина, познакомившаго Общество съ новыми біограф. данными, касающимися одного изъ героевъ этой войны—кн. Остенъ-Сакена, и Л. П. Добровольскаго, представившаго нѣсколько новыхъ, записанныхъ имъ пѣсенъ о событіяхъ и лицахъ эпохи Александра I; той же памяти 1812 г. посвящается и рѣчь Г. Е. Аѳанасьева въ годичномъ собраніи. Въ связи съ приближающимся 300-лѣтіемъ воцаренія дома Романовыхъ Е. Д. Сташевскимъ былъ сдѣланъ докладъ о ближнемъ бояринѣ И. Н. Романовѣ.

Одно сообщеніе имѣло въ виду познакомить Общество съ подготовкой къ XVI археологическому съѣзду (Г. Г. Павлуцкій, Засѣданія Предварительнаго Комитета по устройству очереднаго XVI-го съѣзда, состоявшіяся въ Москвѣ

3—6 января с. г.); другое, В. С. Кульженка, характеризовало „Второй Всероссійскій съѣздъ художниковъ въ С.-Петербургѣ 1911—1912 г.г.“.

Изъ остальныхъ, такъ сказать очередныхъ докладовъ, большая часть касается мѣстнаго края въ его отдаленномъ или болѣе близкомъ прошломъ. Такъ, О. И. Левицкій предложилъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ и соображеній къ біографіи Вас. Тяпинскаго, переводчика Евангелія на „простую мову“ въ XVI в.; В. А. Абрамовичъ отмѣтилъ характерное въ бытовомъ отношеніи „Духовное завѣщаніе схимника Григорія Микулича, 1617 г.“ И. М. Каманинъ, пользуясь старыми и добытыми имъ новыми данными, изложилъ появленіе и судьбу т. н. „цыганскихъ королей въ Польшѣ XVII и XVIII в.в.; А. М. Рогозинскій доложилъ нѣкоторыя подробности о жизни и произведеніяхъ въ нашемъ краѣ извѣстнаго живописца В. А. Тропинина и разсмотрѣлъ „Кіево-Софійскій списокъ хроники Ѳ. Сафоновича и замѣтки, сдѣланныя на немъ рукою митр. Евгенія Болховитинова“; Н. К. Гудзій представилъ новыя соображенія къ исторіи переводовъ „Великаго Зерцала“ въ южной Руси; Н. П. Василенко далъ библіографическій обзоръ новыхъ матеріаловъ по исторіи освобожденія крестьянъ въ Черниговской губ.

Исторіи Московской и Петербургской Руси посвящены сообщенія: П. П. Смирнова, о частновладѣльческихъ городахъ Московскаго государства, и А. Н. Филиппова, познакомившаго общество съ однимъ, доселѣ не изданнымъ „юрналомъ“ Петровскаго времени.

Изъ исторіи литературы той-же Руси были доклады: А. А. Назаревскаго, по поводу сказанія о молодцѣ и дѣвицѣ и повѣсти о старомъ мужѣ и молодой дѣвицѣ; А. С. Грузинскаго, о миніатюрахъ изъ лицевого сказанія о царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ; В. И. Маслова о Сомовѣ и объ энцикло-

педическомъ словарѣ Селивановскаго, на основаніи новыхъ архивныхъ о нихъ данныхъ.

По исторіи рус. искусства Г. Г. Павлуцкій отмѣтилъ „Уборныя формы Архангельскаго собора въ Московскомъ кремлѣ", „Деревянныя церкви XVIII в. въ Новгор. губерніи", „Творчество Растрелли въ области церковнаго зодчества" и „ Богоматерь въ византійскомъ, русскомъ и итальянскомъ искусствѣ".

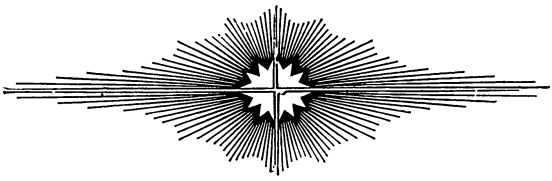
Наконецъ, область византійскаго права затронулъ докладъ Ю. А. Кулаковскаго о томъ, существовалъ ли при Юстиніанѣ налогъ „аэриконъ".

Помимо сего, Общество продолжало изданіе своихъ „Чтеній"—выпустило 3-ій вып. XXI кн. и закончило печатаніемъ 1-ый вып. XXII кн., причемъ произвело въ отчетномъ году нѣкоторую реорганизацію этого изданія, а именно, постановило вмѣсто 3 вып. въ годъ, объемомъ около 24 печ. листовъ, давать два увеличенныхъ выпуска, отъ 25 до 30 печ. листовъ.

Въ лицѣ своихъ членовъ Общество также участвовало въ подготовкѣ XVI арх. съѣзда, принимало участіе въ дѣятельности Кіевскаго Общества охраны памятниковъ старины и искусства и, между прочимъ, поддержало обращеніе его къ Имп. Арх. Комиссіи о необходимости принять мѣры къ лучшему сохраненію остатковъ старины въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіевскихъ Золотыхъ воротъ.

Общество поддерживало связи и съ другими очагами научно-исторической работы, въ родѣ архивныхъ коммиссій, и принимало участіе въ ихъ скромныхъ юбилейныхъ торжествахъ посылкой привѣтственныхъ телеграммъ.

А. Лобода.



Предшественники Печорина во французской литературѣ.

(„Рене“ Шатобріана, „Адольфъ“ Бенжамена Констана, „Исповѣдь сына вѣка“ А. де-Мюссе, „Оберманъ“ Сенанкура).

I.

„На нашъ взглядъ, разсмотрѣніе отношенія поэзіи Лермонтова къ западно-европейскимъ литературамъ важно не менѣе выясненія національной и личной основы ея“ *(Дашкевичъ).*

„Наша литература такъ бѣдна“—писалъ 15-лѣтній Лермонтовъ: „что я изъ нея ничего не могу заимствовать“.

Этотъ вопросъ о заимствованіяхъ въ творчествѣ Лермонтова, намѣченный впервые самимъ поэтомъ и рѣшенный имъ отрицательно по отношенію къ отечественной литературѣ, далеко еще не исчерпанъ.

Если выяснены до извѣстной степени рамки Пушкинскаго вліянія, то, напримѣръ, совершенно почти не затронутъ вопросъ о вліяніи Марлинскаго, хотя въ раннихъ произведеніяхъ поэта, а отчасти и въ „Героѣ нашего вре-

мени", слышатся подчасъ ясные отголоски поэтики извѣстнаго въ свое время романиста [1]).

Что же касается до попытокъ опредѣлить содержаніе и размѣры западнаго вліянія въ творчествѣ нашего поэта, то въ этой области сдѣлано еще меньше, причемъ наибольшее вниманіе удѣлялось отношенію произведеній Лермонтова къ поэзіи Байрона [2]).

Точки соприкосновенія съ байронизмомъ у Лермонтова, конечно, несомнѣнны; ихъ мы найдемъ и въ „Героѣ нашего времени". Съ внѣшней стороны Печоринъ напоминаетъ, пожалуй, Гарольда. Его жизнь, какъ жизнь байроновскаго героя,—цѣпь странствованій, рядъ романическихъ встрѣчъ, вереница попытокъ разсѣять и „англійскій сплинъ" и „рус-

---

[1]) Къ одной изъ повѣстей („Аммалатъ-Бекъ") Лермонтовъ рисовалъ даже иллюстраціи.

Въ „Героѣ нашего времени" образъ Азамата и Казбича близокъ къ туземнымъ героямъ кавказскихъ повѣстей Марлинскаго. Самый образъ Бэлы напоминаетъ нѣсколько Султанетту Марлинскаго. Нерѣдкій у Лермонтова литерат. пріемъ—отвѣтъ на к.-нибудь вопросъ пѣснею заимствованъ имъ. Такъ, напр., въ „Муллѣ-Нурѣ" Аджа Ханумъ спрашиваетъ Кичкене объ ея настроеніи, но Кичкене взяла бубенъ *„и вмѣсто отвѣта пропѣла извѣстную пѣсню"* (слѣдуетъ въ повѣсти пѣсня). Въ „Бэлѣ" Казбичъ *„вмѣсто отвѣта затянулъ старинную пѣсню"* (164 стр., т. 4, изд. Акад.). Тотъ же пріемъ находимъ и въ „Вадимѣ". Въ „Мцыри" единоборство Мцыри съ барсомъ напоминаетъ единоборство Аммалата съ тигромъ въ „Аммалатъ Бекѣ" (47 стр., часть V, Собр. соч.).

Типы горцевъ, ихъ бытъ, нравы,—все это нашло болѣе или менѣе реальное отображеніе въ нашей литературѣ именно въ повѣстяхъ Марлинскаго, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, рисуя образы Бэлы, Казбича и Азамата, Лермонтовъ усвоилъ кое-что отъ манеры, красокъ и „мѣстнаго колорита" кавказскихъ повѣстей своего старшаго современника.

[2]) Ср. „Байронизмъ у Лермонтова", Спасовича, сочиненія, т. II; Висковатый. Соч. М. Ю. Лермонтова т. VI стр. 155; „Лермонтовъ", Галахова, въ Р. Вѣстникѣ 1858 г., т. XVI; Duchesne, M. J. Lermontov, стр. 245—288; Zdziechowsky, Byron i jeho wiek, II, стр. 274—365 (см. у Пыпина т. IV Ист. русск. лит. стр. 553) Дашкевича—„Чт. въ общ. Нестора-Лѣт., кн. VI.

скую хандру". Встрѣча пресыщеннаго жизнью Печорина съ Бэлой, граціозный образъ этой глубоко чувствующей дикарки, ея смерть—напоминаютъ эпизодъ съ Гайде въ „Донъ-Жуанѣ". На первый взглядъ даже переживанія Печорина близки къ переживаніямъ Чайльдъ-Гарольда.

Подобно Гарольду, Печоринъ рисуется человѣкомъ, утратившимъ свѣжесть и непосредственность юношескихъ переживаній: Гарольдъ

„Волненій чуждъ... къ цѣли шелъ упрямо,
Не признавая болѣе любви" [1]).

„Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной", говоритъ Печоринъ: „когда ищутъ только счастья, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь" (стр. 219 т. IV).

Печоринъ, какъ и Гарольдъ, живетъ въ полномъ духовномъ одиночествѣ.

„Хоть онъ гостей сзывалъ къ себѣ не мало
На пиршества, все жъ не имѣлъ друзей" [2]),

читаемъ мы о Гарольдѣ. И Печоринъ ни съ кѣмъ не связанъ узами дружбы или, по крайней мѣрѣ, легко порываетъ ихъ. Его темной, мятущейся душѣ близка и понятна одна природа. При созерцаніи ея красотъ", пишетъ Печоринъ въ дневникѣ: „какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое-бы безпокойство ни томило мысль,—все въ минуту разсѣется... „Нѣтъ женскаго взора", замѣчаетъ онъ дальше: „котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубого неба"... [3]) и т. д. Аналогичную черту наблюдаемъ мы и въ психикѣ Гарольда. Вотъ какъ онъ говоритъ о ней, напоминая близко Печорина:

---

[1]) Чайльдъ Гарольдъ. Пѣсня II, т. I стр. 59 (изд. Брокгауза и Ефрона).

[2]) Ibid., пѣснь I стр. 18.

[3]) Стр. 220, т. IV.

„Моря, холмы и небо—стали частью
Души моей, какъ я частицей ихъ.
Я глубоко люблю ихъ—чистой страстью,
Другое все презрѣлъ я ради нихъ“ [1]).

Словомъ, герои Байрона и Печоринъ не лишены нѣкотораго сходства; но при всемъ томъ нельзя сближать Печорина только съ героями байроновскихъ поэмъ. Вѣдь такія черты, какъ чувство духовнаго пресыщенія, чувство одиночества и презрительное отношеніе къ обществу, преклоненіе передъ природой и стремленіе къ „экзотическому“—черты обще-романтическія, а не только байроническія.

„У меня не было ни одного друга“, говоритъ, напр., Рене Шатобріана [2]). „Чувствуя все большее и большее отвращеніе къ вещамъ и людямъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ: „я рѣшилъ удалиться въ предмѣстье и жить тамъ въ полной неизвѣстности“ [3]).

При этомъ героямъ Байрона совершенно неизвѣстна та разъѣдающая рефлексія, которой страдаютъ всѣ романтики и въ числѣ ихъ Печоринъ, тотъ мучительный самоанализъ, который позднѣе достигаетъ крайнихъ предѣловъ своего развитія въ „Запискахъ изъ подполья“, въ „Дневникѣ лишняго человѣка“, въ „Дневникѣ“ Аміеля.

„Во мнѣ два человѣка“ замѣчаетъ Печоринъ: „одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его“ [4]). Эта мысль о „двойничествѣ“, „психическомъ дуализмѣ“, сближаетъ Лермонтова не съ Байрономъ, но съ Гофманомъ и другими нѣмецкими романтиками, съ любовью разрабатывавшими мотивъ душевнаго раздвоенія [5]).

---

[1]) П. III. стр. 109.

[2]) „Рене“ стр. 16. Изд. „Моей библіотеки“ Ледерле. Французскій текстъ по изд. Bibliothèque Larousse.

[3]) Ibid., стр. 15.

[4]) Стр. 257, т. IV.

[5]) Гофманъ: „Эликсиръ Сатаны“, „Двойникъ“, „Принцесса Брамбилла“.

Характерно и то, что свой нравственный обликъ Печоринъ самъ склоненъ считать ненормальнымъ, уродливымъ. „Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой“—говоритъ онъ княжнѣ Мери [1]). Анализируя свои чувства, Печоринъ доходитъ до самообличенія. „Я люблю для себя, для собственнаго удовольствія“... „Я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ“... [2]) Печоринъ, видимъ мы, сознаетъ, что одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ истинной любви—жертва, и какъ бы досадуетъ на складъ своей натуры, исключающій этотъ элементъ.

Мало того, Печоринъ отлично сознаетъ разницу между нимъ и героями Байрона, высказывая сомнѣніе въ своемъ назначеніи. Это мѣсто чрезвычайно важно для уясненія психологіи Печорина. Здѣсь передъ нами истый романтикъ, напоминающій не столько Байрона, сколько героевъ повѣстей Полевого [3]) или вообще всѣхъ этихъ художниковъ и поэтовъ нѣмецкой и отечественной романтики, исполненныхъ сомнѣнія въ своихъ талантахъ, въ своихъ нравственныхъ качествахъ и т. п. Вотъ это мѣсто: „Ужъ не назначенъ ли я ею (судьбою) въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ“... ...Почему знать?.... Мало-ли людей, начиная жизнь, думаютъ ее кончить, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...“ [4]).

Сомнѣніе въ своихъ силахъ, скорбныя нотки самообличенія—все это черты, совершенно несвойственныя Байрону. Байронъ борется съ внѣшнимъ и это внѣшнее—толпу, общество, государство—онъ противопоставляетъ себѣ, какъ

---

[1]) Стр. 234 т. IV.

[2]) Стр. 254 т. IV.

[3]) „Точно-ли есть во мнѣ нѣчто, отличающее отъ другихъ? Точно-ли въ душѣ моей есть какой нибудь огонь небесный?...“ „Или во мнѣ нѣтъ ничего творческаго, созидательнаго: я не художникъ!“ („Живописецъ“ Полевого. „М. Телеграфъ“ 1833 г. ч. 49 стр. 239, 240).

[4]) Стр. 237, 238 т. IV.

нѣчто низшее. Его душевный „хладъ"—слѣдствіе коллизіи существа высшаго съ пошлостью и мелочностью среды. Не то наблюдаемъ мы у Лермонтова. Считая себя существомъ высшимъ („я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя"), Печоринъ въ то же время источникомъ душевной пустоты своей вовсе не склоненъ признавать только внѣшнее. Этотъ источникъ и въ природѣ его Я. „Я не угадалъ этого (своего) назначенія", говоритъ онъ: „я увлекся приманками страстей пустыхъ, неблагодарныхъ" [1]). Гарольдъ не сдѣлалъ этой ошибки или, по крайней мѣрѣ, онъ не хочетъ признаться въ ней. Онъ говоритъ:

„И, если я, не зная страха,
Себѣ въ борьбѣ не измѣнилъ,
То потому, что созданъ былъ
Не изъ того простого праха,
Что породилъ весь родъ людской,
Съ его ничтожностью земной" [2]).

„Байронъ — справедливо замѣчаетъ Котляревскій [3])— оставилъ героя стоять на его величественномъ пьедесталѣ, не заглушилъ въ немъ памяти объ его грѣхахъ и преступленіяхъ, *но не позволилъ ему каяться* ни тайно, ни явно".

Еще болѣе далеки герои Байрона, замѣтили мы, отъ мысли возбудить въ комъ бы то ни было чувство жалости къ себѣ, далеки отъ признанія себя людьми, заслуживающими сожалѣнія. Печоринъ и въ этомъ отношеніи не похожъ на нихъ. „Глупецъ я, или злодѣй", передаетъ М. М. слова Печорина: „не знаю, но вѣрно, что я также очень *достоенъ сожалѣнія*, можетъ быть, больше, чѣмъ она (Бэла)" [4]).

---

[1]) Стр. 254 т. IV.

[2]) Изд. Гербеля, т. I.

[3]) „Міровая скорбь" стр. 213, изд. 2. Курсивъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ всюду мой.

[4]) Стр. 179.

Съ этой стороны несравненно ближе къ Печорину герои французскаго романтизма—Рене Шатобріана, Адольфъ Бенжамена Констана и Октавъ А. де Мюссе.

Что французскіе романтики вообще были извѣстны Лермонтову и оказывали вліяніе на развитіе его творчества, о томъ уже говорили Спасовичъ, А. Н. Веселовскій, Висковатовъ, Дашкевичъ, Duchesne и др. [1]). Въ частности „Героя нашего времени" также уже сопоставляли съ произведеніями французскихъ романтиковъ, но эти сопоставленія не выходятъ за предѣлы стоящихъ особнякомъ краткихъ указаній, не исчерпывающихъ намѣчаемаго вопроса.

Такъ, еще у Галахова есть упоминаніе о Б. Констанѣ въ связи съ романомъ Лермонтова [2]); но оно отмѣчаетъ лишь примѣнимость къ Печорину сдѣланной Констаномъ общей характеристики тѣхъ натуръ, къ числу которыхъ принадлежитъ Адольфъ. Дѣлаетъ Галаховъ нѣкоторыя указанія и на близость „Героя нашего времени" къ роману Мюссе; однако, и въ этомъ случаѣ все сводится лишь къ слѣдующимъ указаніямъ: „Въ тонѣ разсказа Печорина, въ способѣ веденія интриги, даже въ языкѣ и слогѣ ясно виденъ отпечатокъ блеска и тщеславія. Здѣсь Лермонтовъ подражалъ пріемамъ французскихъ романовъ, какъ въ главныхъ свойствахъ характера онъ подражалъ Байрону. По складу своему, по внѣшнему, такъ сказать, покрою „Герой нашего времени" съ своимъ докторомъ Вернеромъ напоминаетъ скорѣй „La confession d'un enfant du siécle", гдѣ также есть докторъ, чѣмъ такъ называемыя романтическія поэмы Байрона".

---

[1]) Спасовичъ, цит. соч., стр. 383; А. Веселовскій, Западное вліяніе въ новой р. литературѣ, стр. 182. Дашкевичъ въ „Чтеніяхъ въ обществѣ Нестора-лѣтописца", кн. VI, стр. 250, VII, стр. 224, 232. Duchesne, стр. 301 и дальн.

[2]) „Лермонтовъ", Русскій Вѣстникъ 1858 г., т. XVI, стр. 277—311.

Затѣмъ Головинъ [1]) отмѣтилъ, что „находясь подъ обаяніемъ Байрона", Лермонтовъ „въ Печоринѣ значительно измѣнилъ своему прообразу" и стоитъ здѣсь къ Байрону въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится къ нему Мюссе. И у Мюссе и у Лермонтова, по мнѣнію Головина, отсутствуетъ характернѣйшая черта байроновскихъ героевъ—смѣсь эгоизма со скорбью о человѣчествѣ, „съ сочувствіемъ къ слабости".

Близость Печорина къ героямъ Мюссе, Б. Констана и Сенанкура отмѣчали также Тр-н-скій [2]), А. Веселовскій [3]), Болдаковъ [4]), Дашкевичъ [5]), В. В. Сиповскій [6]), но и эти указанія носятъ слишкомъ общій характеръ.

Замѣтимъ, что мысль провести параллель между Печоринымъ и Октавомъ А. де Мюссе не чужда и французской критикѣ, какъ видно изъ статьи В. К. Шульца: „Лермонтовъ во французскихъ переводахъ" [7]).

„Лермонтовъ", пишетъ, напр., Дюма (отецъ):—„умъ такой же силы и того же направленія, какъ и А. де-Мюссе, съ которымъ онъ имѣетъ большое сходство, пишетъ ли стихами, пишетъ ли прозой... Въ прозѣ его сходство съ А. де-Мюссе еще разительнѣе". На нѣкоторое вліяніе „Исповѣди сына вѣка" въ романѣ нашемъ указываетъ и E. Duchesne (стр. 321—3).

Попытаемся же разобраться во всѣхъ этихъ указаніяхъ и точнѣе разграничить ихъ, попутно дополняя ихъ.

---

[1]) К. Ѳ. Головинъ Русскій романъ и русское общество, стр. 64—65, изд. 2.

[2]) Сѣверный Вѣстникъ, 1891 г., № 8, стр. 141.

[3]) Цит. соч., стр. 186.

[4]) Собр. соч. М. Ю. Лермонтова съ примѣч. Болдакова 1891 г.

[5]) Чтенія, VI, стр. 251.

[6]) Исторія Р. литературы, ч. 3. Вып. 2, стр. 70.

[7]) Русская Старина. 1883 г., т. 39-й стр. 273.

II.

Печоринъ, какъ литературный типъ, соприкасается во многомъ съ героями французскихъ романтиковъ, начиная съ Рене Шатобріана. И Рене и Печоринъ—натуры безпокойныя, люди съ большими, но неопредѣленными, для нихъ самихъ неясными духовными запросами, чуждыми, во всякомъ случаѣ, исканіямъ общественнаго блага, истины и т. п. Исканія Рене и Печорина—это поиски самихъ себя, постоянное углубленіе въ свои переживанія [1]).

„Нравъ мой былъ необузданный, характеръ неровный"—говоритъ Рене. „Я совершенно напрасно надѣялся найти на родинѣ своей, чѣмъ бы успокоить то безпокойство, тотъ пылъ желаній, который всюду преслѣдовалъ меня" [2]).

У Печорина—„воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало". Печоринъ, какъ и Рене, ощущаетъ всю тягость сознанія своей нравственной испорченности. „Кто не чувствовалъ себя", говоритъ Рене: „подавленнымъ бременемъ собственной испорченности и неспособнымъ ни на что великое, благородное, справедливое"? [3]).

Это бремя лежитъ и на Печоринѣ. Искренняя грусть звучитъ въ словахъ его о томъ, что онъ „утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни" (стр. 254 т. IV).

Въ условіяхъ жизни Рене и Печорина мы также наблюдаемъ извѣстное сходство. Желая освободиться отъ самого себя, Рене рѣшаетъ „пуститься на нѣкоторое время въ свѣтъ" (Je voulus me jeter pendant quelque temps dans

---

[1]) „Mon humeur était impétueuse, mon caractère inégal" (p. 86).

[2]) „C'était donc bien vainement que j'avais espéré retrouver dans mon pays de quoi calmer cette inquiétude, cette ardeur de désir qui me suit partout" (p. 92).

[3]) „Qui ne se trouve quelquefois accablé du fardeau de sa propre corruption, et incapable de rien faire de grand, de noble, de juste" (p. 93).

un monde)... „Потомъ пустился я въ большой свѣтъ“—говоритъ Печоринъ о своей юности. И тотъ и другой, однако, чувствуютъ себя въ „обществѣ“ не на мѣстѣ, не могутъ ограничить свои романтическія стремленія рамками праздной свѣтской жизни. „Удовольствія мнѣ опротивѣли“, замѣчаетъ Печоринъ. Объ отвращеніи къ жизни говоритъ и Рене: „Чувствуя все большее и большее отвращеніе къ вещамъ и къ людямъ, я рѣшилъ удалиться въ предмѣстье и жить тамъ въ полномъ уединеніи“ (p. 93). „Глубокое чувство скуки“ (p. 96) приводитъ Рене то къ попыткѣ жить внѣ общества, то къ попыткѣ найти желанный миръ въ монастырѣ, то, наконецъ, къ путешествію въ Америку съ цѣлью сбросить съ себя бремя культурности, найти идеалъ существованія среди „неиспорченныхъ мирныхъ дикарей“. Та же постоянная скука („мнѣ стало скучно“, „мнѣ стало скучнѣе прежняго“, стр. 179 т. IV) заставляетъ и Печорина мечтать о далекихъ путешествіяхъ.

„Какъ только будетъ можно, отправлюсь“, говоритъ онъ: „только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію...“. Очень характерно здѣсь это „только не въ Европу“. Европа—символъ той лжи, „испорченности“, бремя которой лежитъ на Рене и Печоринѣ. Но подобно тому какъ Рене не находитъ успокоенія въ далекой Америкѣ, въ любви своей жены, индіанки Селюты, такъ и Печоринъ въ своей попыткѣ найти счастье въ непосредственной, неиспорченной дикаркѣ Бэлѣ приходитъ вновь къ обычному финалу всѣхъ своихъ исканій—скукѣ [1]).

И Рене и Печоринъ склонны считать себя людьми фатальными, привносящими съ собою всюду сѣмена горя, разрушенія. Рене говоритъ о буряхъ [2]), сопровождающихъ

---

[1]) „Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни... Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь только мнѣ съ нею скучно“ (стр. 179 т. IV).

[2]) „Je ne sais ce que le ciel me rèserve, et s'il a voulu m'avertir que les orages accompagneraient partout mes pas“ (p. 106).

его повсюду, тогда когда Печоринъ спрашиваетъ: „неужели мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды?“ [1]).

Съ болѣзненнымъ почти вниманіемъ анализируютъ Рене и Печоринъ всѣ свои душевныя движенія. „Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки“, замѣчаетъ Печоринъ. „Я—говоритъ Рене—принялся изслѣдовать мое сердце („Je me mis à sonder mon coeur“) спрашивать себя, чего я желаю. Я не зналъ чего“... Въ итогѣ этихъ размышленій Рене и Печоринъ приходятъ къ сознанію ненужности своего существованія. „Счастливъ—восклицаетъ Рене—тотъ, кто... не влачилъ безполезныхъ дней, какъ я“.

„Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?“ спрашиваетъ Печоринъ. Этой цѣли онъ не находитъ, хотя и сознаетъ „назначеніе высокое“, котораго „не угадалъ“. Рене прекрасно сознаетъ свою неспособность жить реальной, полезной жизнью; говоря о посѣщеніи Этны, о своихъ размышленіяхъ на вершинѣ вулкана, онъ замѣчаетъ: „Юноша, полный страстей, сидящій у жерла вулкана и оплакивающій смертныхъ, не достойный ли онъ предметъ вашего сожалѣнія, о старцы!“[2]). Говоря о пустотѣ своей жизни, Печоринъ также сознается, что онъ „очень достоинъ сожалѣнія“. Онъ, какъ и Рене, „жертва воображенія “(„proie d'une imagination“). Въ первой молодости моей я былъ мечтатель“—говоритъ Печоринъ. „Безпокойное и жадное воображеніе“ истощило „и жаръ души и постоянство воли, необходимыя для *дѣйствительной жизни;* я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало и скучно, и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книги“ (273 стр. т. IV).

---

[1]) „Сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы“ (стр. 237, 254).

[2]) „Un jeune homme plein de passions, assis sur la bouche d'un volcan, et pleurant sur les mortels.... n'est sans doute, ô vieillards! qu'un objet digne de votre pitié“ (p. 91).

Рене не могъ послужить Лермонтову прототипомъ Печорина въ цѣломъ, но многія черты его, какъ мы видѣли, свойственны и Печорину.

Типъ человѣка незауряднаго, въ силу внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ обреченнаго на неудовлетворяющее его существованіе, анализирующаго каждое свое переживаніе, въ русской литературѣ до Лермонтова не встрѣчается. Слезливыя сѣтованія героевъ сентиментальныхъ романовъ, коллизія мечты и реальности въ подражаніяхъ Гофману и другимъ нѣмецкимъ романтикамъ, ихъ размышленія по этому поводу, все это, конечно, далеко отъ того объективнаго, безпощаднаго самоанализа, съ которымъ мы встрѣчаемся въ „Героѣ нашего времени". И у Байрона нерѣдки попытки заглянуть въ тайники души, но въ самоанализѣ его героевъ, какъ уже замѣчено, мы не найдемъ сознанія своего нравственнаго ничтожества, сожалѣнія о прошломъ, самообличенія. Эти черты въ Печоринѣ и сближаютъ его съ Рене.

Герои Бенжамена Констана, Мюссе,—Адольфъ и Октавъ, явившись какъ бы разновидностями намѣченнаго Шатобріаномъ психологическаго типа [1]), также способствовали созданію образа Печорина, нѣкоторой его детализаціи.

III.

Романъ Бенжамена Констана „Адольфъ" [2]), появившійся въ печати въ 1816 г., былъ единственнымъ чисто литературнымъ произведеніемъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля эпохи первой французской революціи и первой чет-

---

[1]) „Черты Рене съ иными варіаціями и оттѣнками повторяются въ романѣ, повѣсти, драмѣ, онѣ дѣлаются принадлежностями почти каждаго литературнаго героя". Шаховъ. Очерки литер. движенія въ перв. полов. XIX в., стр. 80.

[2]) „Адольфъ" русск. переводъ Львовича—Кострицы (очень посредственный переводъ) „Моя библіотека" изд. Ледерле. Франц. изд. C. Marron. E. Flammarion.

верти XIX-го вѣка. Тѣмъ не менѣе, эта небольшая книжечка занимаетъ видное мѣсто во французской литературѣ.

„Въ исторіи романа", пишетъ Бретонъ: „Адольфъ" знаменуетъ важный моментъ. Онъ является реакціей противъ наводненія романа лиризмомъ и возвратомъ къ психологическому реализму, представленному въ XVIII-мъ вѣкѣ въ творчествѣ Мариво и Лакло" [1]).

„Адольфъ", какъ „Рене", „Вертеръ", „Исповѣдь сына вѣка", „Герой нашего времени", написанъ въ формѣ автобіографической. Сенъ-Бёвъ, называя „Адольфа" „образцовымъ произведеніемъ" и сравнивая его съ „Рене", пишетъ: „Адольфъ" есть тотъ же „Рене", болѣе безцвѣтный и менѣе лучезарный, но не менѣе рѣдкій".

Дѣйствительно, Адольфъ одна изъ тѣхъ „высшихъ" загадочныхъ натуръ, родоначальникомъ которыхъ является Рене [2]).

Фабула „Адольфа" крайне незамысловата—это любовь героя романа къ нѣкой Элленорѣ, любовь, исполненная сомнѣній, не дающая счастья и кончающаяся трагически—смертью Элленоры.

„Исторія Адольфа", прекрасно говоритъ Бретонъ: „это исторія человѣка, который желалъ бы любить, но сердце котораго не можетъ, не умѣетъ любить, человѣка, который страдаетъ и заставляетъ жестоко страдать ту, которой онъ любимъ"... „Оторванный уже отъ всего, сомнѣвающійся во всемъ, даже въ своемъ чувствѣ, тревожимый мыслью о смерти, Адольфъ вступаетъ въ жизнь съ сердцемъ, полнымъ нѣжности, которая не осмѣливается расцвѣсти и понемногу блекнетъ подъ холоднымъ взоромъ его ума" [3]).

---

[1]) Le Breton. Le roman français au XIX s. p. 211.

[2]) „Рядъ этихъ фигуръ скорби и отчаянія либо гнѣва открываетъ Гетевскій Вертеръ, а нѣкоторымъ слабымъ прототипомъ ихъ въ литературѣ былъ герой романа Руссо „Новая Элоиза" (1769) Saint—Preux" (Дашкевичъ, Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, стр. 150).

[3]) Переводъ мой, op. cit. p.p. 205, 207.

Вліяніе „Адольфа“ въ „Героѣ нашего времени“ сказалось, какъ намъ кажется, прежде всего въ композиціи романа. „Тамань“, „Княжна Мери“, „Фаталистъ“— не что иное, какъ записки героя отдѣльныхъ главъ романа, его интимный журналъ. Записки Печорина якобы попадаютъ къ Лермонтову отъ Максима Максимыча, у котораго онѣ хранились. При встрѣчѣ съ Печоринымъ, послѣдній столь же мало интересуется судьбой своихъ записокъ, какъ и хранителемъ ихъ. Журналъ остается у Макс. Макс. Обиженный невниманіемъ Печорина, Макс. Макс. по просьбѣ Лермонтова отдаетъ ему журналъ Печорина. Узнавъ позднѣе о смерти послѣдняго, Лермонтовъ считаетъ себя въ правѣ издать записки и въ особомъ предисловіи дѣлится своими соображеніями по этому поводу съ читателемъ.

Обратимся теперь къ „Адольфу“. Въ „предисловіи издателя“ Констанъ сообщаетъ исторію возникновенія романа. Путешествуя нѣкогда по Италіи, онъ вынужденъ былъ изъза распутицы остановиться на нѣкоторое время въ гостиницѣ одного мѣстечка Калабріи.

Въ этой же гостиницѣ онъ встрѣтился съ незнакомцемъ, привлёкшимъ его вниманіе. „Онъ (незнакомецъ) былъ очень молчаливъ и казался печальнымъ, не обнаруживая никакого нетерпѣнія“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Констанъ получилъ отъ хозяина гостиницы письмо вмѣстѣ со шкатулкой, найденной на дорогѣ, по которой проѣзжали иностранецъ и Констанъ.

Хозяинъ, не зная, кому изъ нихъ принадлежитъ находка, не зная притомъ, какъ и Констанъ, адреса иностранца, вручаетъ ее первому. Черезъ десять лѣтъ случайная встрѣча съ лицомъ, имѣвшимъ какое-то отношеніе къ иностранцу—Адольфу, позволяетъ Констану издать записки, находившіяся въ шкатулкѣ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ слѣдующую схему: дорожный случай сталкиваетъ двухъ путешественниковъ, изъ которыхъ одинъ—будущій герой романа, другой издатель его. Записки будущаго героя третьимъ лицомъ передаются

будущему издателю ихъ. Черезъ нѣкоторое время обстоятельства складываются такъ, что записки могутъ быть опубликованы. Эту же схему съ нѣкоторыми измѣненіями имѣемъ мы и въ „Героѣ нашего времени".

Дорожный случай—запозданіе „оказіи" изъ Екатеринодара—вынуждаетъ Лермонтова прожить три дня во Владикавказской гостиницѣ. Здѣсь онъ встрѣчается съ Максимомъ Максимычемъ и съ Печориномъ. М. М. играетъ роль хозяина гостиницы у Констана; онъ передаетъ Лермонтову записки Печорина, которыя издаются позднѣе.

Замѣтимъ, что фактъ передачи записокъ у Лермонтова менѣе естественъ, чѣмъ у Констана. Нежеланіе Печорина взять отъ Мак. Мак. свои записки нѣсколько непонятно, равно какъ и самое храненіе ихъ у капитана. Схема Констана показалась, очевидно, наиболѣе подходящей Лермонтову для воплощенія его художественныхъ замысловъ.

Мотивы опубликованія журнала Печорина тѣ же, что и мотивы, руководившіе Констаномъ,—это „желаніе пользы" [1]), увѣренность въ томъ, что жизнь Печорина, какъ и жизнь Адольфа, имѣетъ общественный и моральный интересъ.

Вотъ какъ говоритъ Констану лицо, близкое Адольфу, объ изданіи его записокъ: „Вы должны, сударь, опубликовать этотъ разсказъ. Отнынѣ онъ никого не можетъ оскорбить (намекъ на смерть Адольфа) и это было бы, по моему мнѣнію, небезполезнымъ". „Я напечатаю манускриптъ, присланный мнѣ вами", отвѣчаетъ Констанъ: „какъ довольно *правдивую исторію горестей человѣческаго сердца*" [2]) Для Лермонтова журналъ Печорина—*„исторія души человѣческой"*. Исторія души, хотя бы и самой мелкой—замѣчаетъ писатель—„едва ли не любопытнѣе и *полезнѣе* исторіи цѣ-

---

[1]) Т. IV, стр. 194.

[2]) „Vous devriez, Monsieur, publier cette anecdote. Elle ne peut dèsormais blesser personne et ne serait pas, à mon avis, sans utilité". „Je le publierai comme histoire assez vraie de la misère du coeur humain" (p.p. 202, 208).

лаго народа“ Журналъ Печорина—„слѣдствіе наблюденія ума зрѣлаго надъ самимъ собою“. „Одно желаніе *пользы*“—пишетъ Лермонтовъ: „заставило меня напечатать отрывки изъ журнала“. Такъ же, какъ и Констанъ по отношенію къ Адольфу, онъ „убѣдился въ *искренности*“ самоанализа Печорина [1]).

Сходство между „Адольфомъ“ и „Героемъ нашего времени“ идетъ, однако, дальше сходства въ композиціи; оно замѣтно и въ содержаніи.

Если мы обратимся къ романической сторонѣ въ „Княжнѣ Мери“, то увидимъ, что любовь Печорина къ Вѣрѣ и его чувство къ княжнѣ являются какъ бы элементами того сложнаго чувства, которое питаетъ Адольфъ къ Элленорѣ. Возникаетъ оно у Адольфа на такой же почвѣ, на какой и чувство Печорина къ Мери.

Элленора кажется Адольфу „достойнымъ предметомъ для побѣды“. Мысль о побѣдѣ зарождается въ умѣ Адольфа подъ впечатлѣніемъ разсказа его товарища о своихъ романическихъ успѣхахъ. Въ основѣ попытокъ Печорина завести знакомство съ Мери лежитъ также чувство тщеславія. Слыша восторженные разсказы своего товарища, Грушницкаго, о Мери, Печоринъ рѣшаетъ выступить его соперникомъ. Разсказъ Грушницкаго рождаетъ въ немъ зависть: „я говорю смѣло зависть,—читаемъ—потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться“ [2]). „Я вовсе не вѣрилъ“, говоритъ Адольфъ: „въ то, что люблю Элленору, но я не могъ уже отказаться отъ мысли понравиться ей“ [3]).

Печоринъ, подобно Адольфу, придерживается извѣстной системы въ своемъ обращеніи съ Мери. Вотъ, что говорятъ объ этомъ и тотъ и другой:

---

[1]) Т. IV стр. 194.

[2]) Т. IV стр. 209.

[3]) „Je ne croyais point aimer Ellènore; mais déjà je n'aurais pu me resigner à ne pas lui plaire (p. 31).

„Всѣ эти дни я ни разу не отступалъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ;... она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами". (т. IV стр. 230).

„Шутка, болѣе легкая, бесѣда болѣе разнообразная, особенная смѣсь меланхоліи и веселости, равнодушія и интереса, энтузіазма и ироніи,—удивляли и привлекали Элленору" [1]).

Въ дальнѣйшемъ развитіи интриги между нашими романами на первый взглядъ нѣтъ никакого сходства. Адольфъ мало-по-малу какъ будто начинаетъ искренно любить Элленору, тогда какъ Печоринъ не измѣняется до конца въ своемъ отношеніи къ Мери. Если мы вглядимся, однако, въ чувство Адольфа къ Элленорѣ, то увидимъ, что онъ скоро начинаетъ тяготиться своей возлюбленной, сожалѣть о потерянной свободѣ, чувство которой въ немъ рѣзко выражено. Элленора—типъ женщины глубоко чувствующей, чуткой и беззавѣтно преданной любимому человѣку; но Адольфъ не способенъ оцѣнить ее, или вѣрнѣе не можетъ сдѣлать этого въ силу какихъ то роковыхъ чертъ своего „я", мѣшающихъ ему быть чѣмъ либо довольнымъ.

Такое отношеніе Адольфа къ Элленорѣ и ея любовь къ нему нашли свое отраженіе, какъ намъ кажется, въ эпизодѣ съ Вѣрой въ „Героѣ нашего времени" [2]). Роль Вѣры и ея

---

[1]) „Une plaisanterie plus légère, une conversation plus variée, un mélange particulier de mélancolie et de gaieté, de dècouragement et d'intérêt, d'enthousiasme et d'ironie, étonnèrent et attachèrent Ellénore" (p. 29).

[2]) Что же касается романа съ Мери, то мы имѣемъ здѣсь не болѣе, какъ варіацію мотива изъ „Княгини Лиговской". Роль Мери аналогична роли Елизаветы Негуровой. Въ обоихъ романахъ Печоринъ играетъ одну и ту же, несовсѣмъ красивую, роль. Стараясь вызвать чувство любви къ себѣ въ Мери и Негуровой, Печоринъ дѣйствуетъ изъ тщеславныхъ побужденій. Въ основѣ и того и другого эпизода лежитъ извѣстный фактъ изъ жизни Лермонтова—его романъ съ Сушковой.

образъ напоминаютъ Элленору. Вѣра—женщина, которую любилъ когда-то Печоринъ. Онъ снова встрѣчается съ нею и узнаетъ, что чувство Вѣры къ нему не измѣнилось. Изъ письма ея къ Печорину въ послѣдней главѣ, мы узнаемъ, что отношенія между ними были нѣкогда тѣ же, что и между Адольфомъ и Элленорой.

Вѣра пишетъ: „ты любилъ меня, какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей,... безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я *пожертвовала* собою“ [1])... Въ этомъ отрывкѣ какъ бы сконцентрировано все содержаніе „Адольфа“, особенно, если сопоставить его со словами Печорина: „я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувство, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья (Печоринъ говоритъ о своихъ „жертвахъ“) [2])—и никогда не могъ насытиться“ [3]). Какъ психологическій типъ, Адольфъ весьма оригинальное, хотя, быть можетъ, и не рѣдкое явленіе. Человѣкъ неспособный къ глубокому чувству, благодаря болѣзненной страсти къ самоанализу, разрушающему всѣ цѣнности, человѣкъ всецѣло погруженный въ свои переживанія, слабовольный—такимъ хотѣлъ нарисовать Констанъ своего Адольфа. Печоринъ отличается отъ него, съ нашей точки зрѣнія, лишь извѣстной силой воли, проявляющейся въ его отношеніи къ Вѣрѣ и княжнѣ.

Въ „Княжнѣ Мери“ мы наблюдаемъ тему, аналогичную темѣ „Адольфа“. Возлюбленный тяготится своимъ положеніемъ, женщина, видя это, рѣшается на жертву. Элленора совершаетъ ее дважды; она покидаетъ семью ради Адольфа, а позднѣе умираетъ, при чемъ болѣзнь ея, какъ и болѣзнь Вѣры, медленное угасаніе организма, вызванное нервными потря-

---

[1]) Стр. 263, т. IV.

[2]) Еще опредѣленнѣе: „я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы“ (стр. 231, т. IV).

[3]) Стр. 254, т. IV.

сеніями. Жертва Вѣры для насъ не совсѣмъ ясна; мы узнаемъ о ней изъ письма лишь, но, быть можетъ, узнали бы больше изъ той тетради, гдѣ описывалась „вся жизнь Печорина", если бы не преждевременная смерть поэта.

Въ отношеніяхъ Печорина къ Вѣрѣ мы наблюдаемъ тѣ же психологическія противорѣчія, что и въ отношеніяхъ Адольфа къ Элленорѣ. Оба они какъ бы тяготятся любовью къ нимъ; но въ то же время, когда наступаетъ моментъ разрыва, въ нихъ возникаетъ сложное чувство. Это— ощущеніе своего одиночества внѣ исчезающей любви. Имъ кажется, что существованіе ихъ тѣсно связано съ существованіемъ женщины, которой они лишаются.

„Она замучила меня своею ревностью"—говоритъ о Вѣрѣ Печоринъ и все свое вниманіе обращаетъ на княжну [1]). Когда, однако, онъ получаетъ письмо отъ Вѣры и узнаетъ объ ея отъѣздѣ, его настроеніе рѣзко мѣняется, какъ и у Адольфа, когда тотъ узнаетъ о намѣреніи отца разлучить его съ Элленорой. Сравнимъ отрывки, рисующіе эти настроенія.

„Я почувствовалъ, что не могу быть счастливымъ безъ нея"—говоритъ Адольфъ. „Я любилъ ее больше, чѣмъ когда либо;... любовь снова овладѣла всей моей душой, я чувствовалъ, какъ пылали моя голова, сердце, чувства, потрясающія все мое существо".

...„Я создавалъ тысячу проэктовъ моего вѣчнаго соединенія съ Элленорой" [2]).

„При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ... Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей;... я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли, какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ" [3])...

---

[1]) T. IV, стр. 235.

[2]) „J'avais senti que je ne pouvais être heureux sans elle"... „Je l'aimais plus que je ne l'avais aimée"... J'éprouvais une fièvre de tête, de coeur, de sens, qui bouleversait mon existence"... „Je formais mille projets pour mon éternelle reunion avec Ellénore" (p.p. 103, 102).

[3]) T. IV, стр. 265.

Не трудно замѣтить извѣстное сходство между приведенными отрывками, сходство какъ въ содержаніи заключеннаго въ нихъ переживанія, такъ и въ литературномъ его выраженіи.

И Печоринъ и Адольфъ, какъ всѣ почти романтики, склонны къ пессимизму, склонны видѣть въ явленіяхъ жизни обманчивый миражъ. Дѣйствительность, та реальная жизнь съ ея горестями, стремленіями и радостями, которою живутъ тысячи, для нихъ не представляетъ ничего цѣннаго. Смысла въ жизни своей они не находятъ, какъ не находятъ его и въ жизни вообще.

Въ ночномъ размышленіи передъ дуэлью съ Грушницкимъ Печоринъ, бросая взглядъ на свое прошлое, приходитъ къ убѣжденію: „живешь изъ любопытства“ и это „смѣшно и досадно“ (т. IV стр. 254).

Это размышленіе Печорина напоминаетъ мысли Адольфа. „Я возмущаюсь противъ жизни, какъ будто она не должна кончиться“—говоритъ онъ. „*Стоитъ ли бороться* („vaut-il la peine de la disputer“), если рано или поздно наступитъ смерть“. „Будемъ же неподвижными, равнодушными зрителями нашего, на половину уже прошедшаго, существованія“ [1]).

„Послѣ этого *стоитъ ли труда жить*“—спрашиваетъ у себя Печоринъ,—если умрешь „и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно“ [2]).

И Печоринъ и Адольфъ тяготятся сознаніемъ своей „фатальности“, своей странной ролью какихъ-то невольныхъ носителей сѣмянъ зла и печали.

„Я сѣю горе вокругъ себя“ („je répands du malheur autour de moi“)—говоритъ Адольфъ. „Неужели мое единственное назначеніе на землѣ—пишетъ Печоринъ—

---

[1]) „demeurons immobiles, spectateurs indifferents d'une éxistence a demi passée“ (p. 141).

[2]) Т. IV, стр. 254.

разрушать чужія надежды"; „моя любовь никому не принесла счастья" [1]).

Любопытно, что основная черта въ характерѣ Адольфа та же, которая такъ смущала Лермонтова, причиняя ему не мало огорченій. Эта черта—застѣнчивость, болѣе или менѣе искусно маскируемая. „Наконецъ я догадался", пишетъ Лермонтовъ въ письмѣ 1832 г.: „что не гожусь для общества... Вчера я былъ въ одномъ домѣ, у NN, гдѣ, просидѣвъ четыре часа, я не сказалъ ни одного путнаго слова".

Въ письмѣ 1834 г. Лермонтовъ пишетъ объ отсутствіи у него „рѣшимости" [2]). Застѣнчивость и нѣкоторая слабость воли не присущи Печорину; создавая образъ его, Лермонтовъ, очевидно, желалъ, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней, какъ бы вознаградить въ немъ самого себя за нѣкоторыя обиды со стороны природы. Адольфъ „привыкъ скрывать въ самомъ себѣ все то, что испытывалъ". „Я принялъ привычку—говоритъ онъ—никогда не говорить о томъ, что меня занимаетъ, вступать въ разговоръ только по неизбѣжной необходимости и тогда оживлять его безпрерывными шутками"... [3]) Адольфъ чувствуетъ себя легко „только одинокимъ" Попавъ въ общество, онъ быстро разочаровывается въ немъ. „Я старался преодолѣть мою скуку" говоритъ онъ: „я прикрывался молчаніемъ,—его принимали за презрѣніе. Другой разъ, самъ утомленный собственнымъ молчаніемъ, я пускался на шутки, и мой умъ увлекалъ меня за всякія границы". „Такимъ поведеніемъ", замѣчаетъ Адольфъ: „я вскорѣ пріобрѣлъ широкую репутацію легкомысленнаго, насмѣшливаго и злого человѣка. Мои горькія слова принимались, какъ доказательство души, пропитанной ненавистью, мои шутки, какъ посягательство на

---

[1]) Ibid.,

[2]) Къ М. А. Лопухиной.

[3]) „Je contractai l'habitude de ne jamais parler de ce qui m'occupait, de ne me soumettre à la conversation que comme à une necessité importune, et de l'animer alors par une plaisanterie perpetuelle" (p. 9).

все наиболѣе священное“ [1]). Несмотря на то, что Адольфъ не совершилъ ни одного „предосудительнаго проступка“ онъ былъ объявленъ „безнравственнымъ человѣкомъ“.

Въ этой „самохарактеристикѣ“ очень много общаго съ характеристикой Лермонтова, поскольку она намъ извѣстна изъ признаній его самого и изъ свидѣтельствъ современниковъ.

Въ разговорѣ съ Бѣлинскимъ, по словамъ Панаева, когда великій критикъ пробовалъ заводить серьезный разговоръ, Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой, напоминая этой манерой Адольфа. Во время пребыванія въ Пятигорскѣ, Лермонтовъ „своимъ злымъ языкомъ клеймилъ многихъ безпощадно“... У Лермонтова появились враги, поговаривали, что „не худо бы проучить ядовитую гадину“. [2])

Эти черты сходства между характеромъ нашего поэта и Адольфа мы отмѣчаемъ съ цѣлью указать на то, что романъ Констана, если онъ былъ извѣстенъ поэту, о чемъ скажемъ ниже, не могъ не произвести на него извѣстнаго впечатлѣнія, не могъ не заинтересовать Лермонтова.

Къ сказанному прибавимъ, что и Адольфъ и Печоринъ всецѣло погружены въ созерцаніе своихъ переживаній. Ихъ міровоззрѣніе—эгоцентризмъ. Ни тотъ ни другой не способны на какія либо жертвы. Сознавая свои недостатки, говоря о презрѣніи къ самимъ себѣ, они все же не въ состояніи выйти изъ заколдованнаго круга своихъ сложныхъ эгоистичныхъ настроеній. И Адольфъ и Печоринъ не могутъ рѣшить рокового для нихъ вопроса: Байроны ли они или титулярные совѣтники. Мысль о зависимости, боязнь лишиться ка-

---

[1]) „Quelquefois je cherchais à contraindre mon ennui; je me réfugiais dans une taciturnité profonde: on prenait cette taciturnité pour du dedain. D'autres fois, lassé moi—même de mon silence je me laissais aller à quelques plaisanteries, et mon ésprit, mis en mouvement, m'entrainait au delà de toute mesure“ (p. 14).

[2]) „Лермонтовъ въ Пятигорскѣ“. М. Ю. Лермонтовъ. Сборникъ истор.-литер. статей. Сост. В. Покровскій.

кой то миѳической свободы, убиваетъ въ нихъ непосредственность чувства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не могутъ сами рѣшить, что дороже для нихъ—свобода или любовь той женщины, значеніе которой для себя они сознаютъ, лишь теряя ее.

Правда, у нѣмецкихъ романтиковъ, у Гофмана, напр. („Іезуитская церковь"), мы также встрѣчаемся съ проблемой свободы, но на иной нѣсколько почвѣ. У нихъ она тѣсно связана съ проблемой творчества, съ личностью художника. У Гофмана художникъ, видя въ извѣстной женщинѣ идеалъ, вдохновляющій его, позднѣе, когда эта женщина становится его женою, начинаетъ замѣчать, что его талантъ идетъ на убыль.

То, что движетъ творчествомъ (развивается романтическій тезисъ)—идеалъ, прекрасный призракъ, всякая же попытка его реализовать невозможна и приводитъ къ пошлой дѣйствительности.

У Констана и Лермонтова эта проблема свободы не связана съ личностью художника, что и заставляетъ насъ выдѣлить ихъ романы изъ общей массы романтическихъ произведеній, посвященныхъ разработкѣ того же мотива. Въ томъ, что и Адольфъ и Печоринъ просто люди, принадлежащіе къ „обществу", можно видѣть, пожалуй, нѣкоторый отголосокъ байронизма.

О Печоринѣ мы можемъ, кажется, сказать то же, что говоритъ Пелисье объ Адольфѣ. Если онъ „не подходитъ къ типу людей средняго уровня, то только благодаря тому, что его возвышаетъ надъ ними не его манера чувствовать, а необыкновенная прозорливость, съ которою онъ наблюдаетъ за собой" [1]). Дѣйствительно, чувства Печорина не отличаются особой глубиной, и это не ускользаетъ отъ него самого, давая поводъ сказать: *„я иногда себя презираю"*. Печоринъ не можетъ, подобно Адольфу и Октаву Мюссе, итти твердо по одному какому нибудь пути, чѣмъ рѣзко отличается

[1]) Ж. Пелисье. Критическіе этюды соврем. литер., стр. 75.

отъ байроновскихъ героевъ. „Одни—говоритъ Печоринъ—почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно“ [1]).

Суммируя сказаное, мы приходимъ къ такимъ выводамъ: „Адольфъ“ Бенжамена Констана имѣетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ „Героемъ нашего времени“ какъ въ композиціи, такъ и въ содержаніи.

Характеры дѣйствующихъ лицъ, т. е. Адольфа и Элленоры, во многомъ близки къ характерамъ Печорина и Вѣры, при чемъ главный романическій мотивъ „Адольфа“, проблема любви и свободы, нашелъ отголосокъ въ эпизодѣ съ Вѣрой, въ литературныхъ и психологическихъ его деталяхъ. Оба романа характеризуются и полнымъ отсутствіемъ попытокъ оправдать или защитить своихъ героевъ, помимо уже, конечно, нежеланія видѣть въ нихъ нѣчто идеальное. Наоборотъ, и Констанъ и Лермонтовъ видятъ въ характерахъ своихъ героевъ явленіе патологическое, достойное осужденія, но еще болѣе сожалѣнія. Мы уже приводили слова Печорина: „я достоинъ сожалѣнія“. Въ „письмѣ къ издателю“ въ „Адольфѣ“ мы читаемъ: „ставъ вполнѣ достойнымъ порицанія, онъ (Адольфъ) сталъ достойнымъ также и жалости (стр. 109).

Въ предисловіи къ журналу Печорина этотъ журналъ разсматривается, какъ продуктъ „безпощаднаго анализа“ Печоринымъ своихъ „слабостей“ и „пороковъ“. Въ „отвѣтѣ издателя“ въ „Адольфѣ“ мы читаемъ: „я отгадалъ бы, что Адольфъ былъ наказанъ за свой характеръ своимъ же характеромъ, что онъ не пошелъ ни по какой опредѣленной дорогѣ, *не исполнилъ никакого полезнаго назначенія,* что онъ *расточилъ свои способности,* слѣдуя только за своимъ капризомъ...., если бы вы даже не сообщили мнѣ новыхъ подробностей объ его судьбѣ“ (стр. 111). Сравнимъ эти упреки съ нѣкоторыми признаніями Печорина и мы увидимъ между

[1]) Т. IV. стр. 234.

ними большое сходство. Печоринъ, сознавая „назначеніе высокое“, признается въ томъ, что „не *угадалъ этого назначенія*“, что утратилъ „*пылъ благородныхъ стремленій*“.

Оба автора, такимъ образомъ, пользуясь школьнымъ терминомъ, какъ бы „развѣнчиваютъ“ своихъ героевъ, или вѣрнѣе указываютъ пути къ этому. Оба автора руководятся желаніемъ принести пользу читателямъ изданіемъ своихъ романовъ, какъ портретами такихъ людей, въ лицѣ которыхъ воплотились черты общественной психологіи и вообще такія стороны человѣческаго духа, которыя свойственны многимъ. Ни Б. Констанъ ни Лермонтовъ при этомъ не пытаются, какъ сдѣлалъ это позднѣе Мюссе, связать вопросъ о причинахъ развитія нарисованныхъ ими характеровъ съ условіями общественно-политической жизни (Лермонтовъ дѣлаетъ это отчасти лишь въ предисловіи ко 2-му изданію).

Говоря о вліяніи „Адольфа“ на „Героя нашего времени“, мы не имѣемъ въ виду придавать ему рѣшающаго значенія въ процессѣ созданія романа нашего писателя, мы далеки также и отъ мысли признать это вліяніе рѣзко выраженнымъ, то есть сказавшимся въ болѣе или менѣе близкомъ подражаніи Лермонтова „Адольфу“. Въ „Героѣ нашего времени“ мы видимъ сложное цѣлое. При анализѣ романа надо имѣть въ виду и нѣкоторые элементы байронизма, и вліяніе Марлинскаго, сказавшееся до нѣкоторой степени въ „Бэлѣ“, и автобіографическій элементъ. Попытка сопоставить „Адольфа“ съ „Героемъ нашего времени“ имѣла своей цѣлью опредѣлить, въ чемъ можно видѣть „реминисценцію“ Адольфа въ нашемъ романѣ.

Былъ ли знакомъ, однако, романъ Б. Констана Лермонтову?

Прямыхъ указаній у самого писателя на этотъ счетъ мы не находимъ; но, владѣя въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, Лермонтовъ, весьма вѣроятно, былъ знакомъ съ романомъ въ оригиналѣ, какъ съ однимъ изъ шедевровъ романтической литературы. Но и помимо знакомства съ под-

линникомъ, поэтъ имѣлъ полную возможность прочесть „Адольфа“ въ русскомъ переводѣ.

На русскій языкъ романъ Б. Констана въ теченіе десяти лѣтъ былъ переведенъ трижды, что можетъ служить до нѣкоторой степени показателемъ интереса къ нему со стороны русской публики. Впервые онъ былъ переведенъ въ 1818 г. въ Орлѣ подъ характернымъ для 20-хъ годовъ названіемъ: „Адольфъ и Елеонора, или опасность любовныхъ связей, истинное происшествіе“.

Второй и третій переводы появились въ 1831 г. Первый изъ нихъ былъ помѣщенъ въ „Московскомъ Телеграфѣ“, усердно пропагандировавшемъ въ это время французскихъ романтиковъ и романтиковъ вообще, второй же появился въ отдѣльномъ изданіи и принадлежалъ извѣстному литератору кн. Вяземскому, и уже самое имя переводчика должно было обратить вниманіе Лермонтова на этотъ переводъ „Адольфа“, посвященный Пушкину. Романъ, какъ видно изъ предисловія, былъ хорошо знакомъ этому поэту. „Прими мой переводъ любимаго нашего романа“—читаемъ мы. „Мы такъ часто говорили съ тобой о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ сердцу твоему“ [1]).

Въ „Московскомъ Телеграфѣ“ за 1831 г. появилась обширная рецензія на переводъ кн. Вяземскаго. Я приведу здѣсь мнѣнія объ „Адольфѣ“ рецензента „М. Телеграфа“ и Вяземскаго, быть можетъ, въ связи съ самымъ романомъ, натолкнувшія Лермонтова на мысль создать нѣчто подобное „Адольфу“.

Этотъ замыселъ могъ окрѣпнуть и оформиться затѣмъ подъ вліяніемъ романа А. Мюссе „Исповѣдь сына нашего вѣка“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1836 г.

Вяземскій—совершенно правильно замѣчаетъ рецензентъ М. Т-фа—ошибается, считая Адольфа „прототипомъ

[1]) Цитаты приведены изъ предисловія и посвященія, приложенныхъ къ переводу „Адольфа“ въ изданіи „Моей библіотеки“ Ледерле.

Чайльдъ-Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ". Отмѣчая хронологическую „невѣрность этого положенія", рецензентъ „М. Т-фа" склоненъ самъ видѣть въ Адольфѣ „вѣрный списокъ съ невымышленной сцены свѣта—неболѣ". „Отъ того—пишетъ онъ—Адольфъ разителенъ и холоденъ. Не ужасайтесь сего послѣдняго эпитета; холодъ Адольфа принадлежитъ не Автору, а нашему вѣку и слѣдственно намъ самимъ. Адольфъ не созданіе, а изображеніе; это портретъ Рембрантовъ, глядя на который, мы говоримъ: Да, Да! это онъ! хотя не знаемъ кто былъ этотъ сановитый бургеръ" [1]).

Романъ Бенжамена Констана, по мнѣнію рецензента, „есть настоящая картина нравовъ, tableau de moeurs"...

Сравнивъ эти положенія со вторымъ предисловіемъ къ „Герою нашего времени", мы увидимъ, что Лермонтовъ какъ-бы повторяетъ ихъ, хотя, съ другой стороны, здѣсь, какъ увидимъ далѣе, необходимо также считаться и съ краткимъ предисловіемъ Мюссе къ его роману.

Если рецензентъ „М. Телеграфа" отмѣтилъ главнымъ образомъ общественное значеніе романа, то князь Вяземскій сумѣлъ тонко оцѣнить его психологическія достоинства [2]). „Трудно—говоритъ онъ—въ такомъ тѣсномъ очеркѣ, каковъ очеркъ „Адольфа", въ такомъ ограниченномъ и, такъ сказать, одинаковомъ дѣйствіи болѣе выказать сердце человѣческое, переворотить его на всѣ стороны, выворотить до дна и обнажить начало во всей жалости и во всемъ ужасѣ холодной истины" [2]). То-же „обнаженіе" сердца найдемъ мы позднѣе и въ „Героѣ нашего времени". Въ своихъ запи-

---

[1]) „М. Телеграфъ" 1831 г. часть 41, стр. 531—44.

[2]) Вотъ еще одинъ изъ отзывовъ о романѣ, признающій психологическую цѣнность „Адольфа": „На дняхъ я съ удовольствіемъ прочиталъ романъ знаменитаго Бенжаменъ Констана: „Адольфъ". Въ немъ разобраны сплетенія человѣческаго сердца и изображенъ человѣкъ нынѣшняго вѣка, съ его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками" (А. В. Никитенко. Дневникъ. 25 февр. 1832 г.).

скахъ Печоринъ „безпощадно выставлялъ наружу собственныя слабости и пороки". (т. IV стр. 194)

Кн. Вяземскій также, какъ и рецензентъ „М. Телеграфа", видитъ въ Адольфѣ продуктъ современности, человѣка заслуживающаго, несмотря на всѣ его недостатки, сожалѣнія. „Адольфъ"—замѣчаетъ онъ—созданный по образу и духу нашего вѣка часто преступенъ, но всегда достоинъ состраданія". (Вспомнимъ здѣсь слова Печорина „я также очень достоинъ сожалѣнія"). (т. IV стр. 179)

Касается кн. Вяземскій и чисто художественнаго значенія романа, отмѣчая прекрасный слогъ автора. „Возьмите на удачу—пишетъ онъ—любую фразу: каждая вылита, стройна, какъ надпись, какъ отдѣльное изрѣченіе"... „Кажется, нельзя ни прибавить, ни убавить, ни переставить ни одного слова" [1]).

Говоря выше о возможномъ вліяніи „Адольфа" въ „Героѣ нашего времени", мы не коснулись вопроса о вліяніи романа на стиль и слогъ произведенія нашего писателя. Рѣшенію этого вопроса должно предшествовать выясненіе вообще особенностей языка Лермонтова, отраженія въ немъ романтической поэтики. Слогъ „Героя нашего времени" отличается, какъ и слогъ „Адольфа", сжатостью, такъ сказать, экономіей въ художественныхъ средствахъ. Въ отличіе отъ массы романтическихъ произведеній „Адольфъ" и „Герой нашего времени" не преслѣдуютъ иной цѣли, кромѣ правдиваго отраженія въ словѣ сложныхъ переживаній своихъ героевъ.

Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить языкъ „Вадима" и языкъ „Героя нашего времени". Въ первомъ—мы

---

[1]) Между прочимъ любопытно, что рецензентъ „М. Телеграфа" обвиняетъ кн. Вяземскаго въ искаженіи подлинника, тогда какъ рецензентъ „Телескопа" (1831 г. ч. V, стр. 101) пишетъ: „Мы особенно благодарны ему (Вяземскому) за то, что прекрасный переводъ его искупилъ вполнѣ оскорбленіе, нанесенное произведенію Бенжаменъ-Констана недавной пародіей М. Телеграфа".

найдемъ весь романтическій лексиконъ, при чемъ общимъ источникомъ его является В. Гюго, Нодье и др. Замѣтимъ также, что въ „Вадимѣ“ картины природы занимаютъ важное мѣсто, тогда какъ въ „Героѣ нашего времени“ онѣ являются лишь скромнымъ фономъ, напоминая этимъ опять таки „Адольфа“. Въ „Героѣ нашего времени“ мы не встрѣтимъ такихъ фразъ, какъ: „дрожащій вой колокола“, „замаранные листки своей совѣсти“, „черныя очи мрака“, „предчувствіе, какъ свинецъ упало на его душу“, „синія странствующія воды“ и т. п.

Возможно, что знакомство съ „Адольфомъ“ способствовало и очищенію Лермонтовскаго стиля отъ романтической мишуры. Уже въ сопоставленныхъ выше отрывкахъ изъ „Адольфа“ и „Героя нашего времени“ замѣтно нѣкоторое сходство въ писательской манерѣ—въ способѣ выражать настроенія въ краткихъ, энергичныхъ фразахъ. Характерно для „Адольфа“ и „Героя нашего времени“ и крайне незначительное количество сравненій, столь обычной фигуры романтическаго стиля, постоянной между прочимъ въ „Вадимѣ“. Во всякомъ случаѣ, повторяемъ, вопросу о вліяніи „Адольфа“ на стиль и слогъ „Героя нашего времени“ должно предшествовать внимательное и всестороннее изученіе языка Лермонтова, что не входило въ данный моментъ въ наши задачи.

IV.

Съ другой стороны, на Печоринѣ могло сказаться также вліяніе знакомства Лермонтова съ „Исповѣдью сына нашего вѣка“ Мюссе [1]).

---

[1]) Предположенія наши о знакомствѣ съ нимъ поэта основываются на знакомствѣ съ Мюссе русской публики уже въ 30-хъ годахъ, когда на своей родинѣ поэтъ занялъ опредѣленное и видное мѣсто на романтическомъ Парнассѣ. Въ 1830 г. вышелъ первый сборникъ стихотвореній Мюссе „Les contes d'Espagne et d'Italie“, о которомъ

Уже самое заглавіе романа нашего писателя, какъ замѣтилъ въ свое время А. Веселовскій, напоминаетъ заглавіе произведенія французскаго романтика. Это сходство еще очевиднѣе, если имѣть въ виду то заглавіе, которое мы находимъ въ первой рукописи „Героя нашего времени"—„Одинъ изъ героевъ нашего вѣка" [1]).

И въ томъ и въ другомъ романѣ мы находимъ краткое предисловіе, поясняющее задачи авторовъ. Въ предисловіи къ „Герою нашего времени" (мы имѣемъ въ виду предисловіе ко второму изданію), помимо указанія на идею романа, удѣлено извѣстное мѣсто и полемическимъ выпадамъ противъ читателя. Въ опредѣленіи своихъ задачъ Лермонтовъ напоминаетъ Мюссе, въ полемикѣ же—одно изъ отступленій „Донъ-Жуана" Байрона. Вотъ эти опредѣленія:

„Герой нашего времени", милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи" (т. IV стр. 154).

„Въ молодости меня постигъ тяжкій нравственный недугъ, и вотъ теперь я описываю то, что перенесъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Если бы только я одинъ страдалъ этимъ недугомъ, то умолчалъ бы о немъ, но, такъ какъ *многіе другіе страдаютъ*

Пушкинъ писалъ: „Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостью необыкновенной". Въ теченіе 30—40-хъ годовъ въ „Библіотекѣ для Чтенія" и „Современникѣ" были переведены нѣкоторыя изъ „proverbes" Мюссе. Нѣтъ ничего невозможнаго, конечно, въ предположеніи, что, появившись въ 1836 г., „Исповѣдь сына нашего вѣка" сдѣлалась скоро извѣстной Лермонтову, какъ романъ обратившій на себя вниманіе критики не только своими художественными достоинствами, но и тѣмъ, что въ немъ разсказывалась исторія любви Мюссе къ Жоржъ-Зандъ.

[1]) Висковатовъ. Варіанты первой рукописи. Русская Старина. 1878 г., т. XXIII, стр. 362. (Ср. Академич. изд. сочиненій М. Ю. Лермонтова—„Одинъ изъ героевъ начала вѣка").

тѣмъ же недугомъ, то я пишу для нихъ“ [1]).

Какъ и Мюссе, Лермонтовъ въ концѣ предисловія говоритъ о „болѣзни“, разумѣя здѣсь „пороки поколѣнія“, тотъ „недугъ“, о которомъ упоминаетъ французскій поэтъ [2]). Оба автора видятъ въ герояхъ своихъ романовъ какъ бы нѣчто символическое, видятъ въ нихъ людей, отразившихъ въ себѣ свой вѣкъ.

Возражая на обвиненія части критики и публики въ восхваленіи „безнравственности“, Лермонтовъ напоминаетъ Байрона, отвѣчающаго на аналогичные упреки въ V-ой строфѣ 4-й пѣсни „Донъ-Жуана“.

„Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ Герой нашего времени [3]).

„Меня враги повсюду въ томъ винятъ,
Что нравственность я часто оскорбляю
И смѣло проповѣдую развратъ“ [4]).

Такъ же, какъ и Байронъ, поэтъ нашъ не признаетъ за собой никакой вины. Въ то же время онъ далекъ отъ желанія „сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ“. То „желаніе пользы“, о которомъ поэтъ говорилъ въ „предисловіи къ журналу Печорина“, здѣсь отсутствуетъ. Автору

---

[1]) „Исповѣдь сына вѣка“ русск. пер. 1871 г. (плохой), стр. 1. Цитаты изъ подлинника по изданію „Bibliothèque Larousse“. „Ayant été atteint, jeune encore, d'une maladie morale abominable, je raconte ce qui m'est arrivé pendant trois ans. Si j'étais seul malade, je n'en dirais rien; mais, comme il y en a beaucoup d'autres que moi qui souffrent du même mal, j'écris pour ceux-là“ (p. 5).

[2]) Мюссе идетъ въ этомъ случаѣ по стопамъ Шатобріана, писавшаго въ своихъ „Memoires d'outre tombe“: „Если бы Рене не существовалъ—я бы его не написалъ“... „Въ Рене я изобразилъ болѣзнь моего вѣка“ (Котляревскій, „Міровая скорбь“, изд. 1-ое, стр. 140).

[3]) Т. IV, стр. 153.

[4]) Т. IV, изд. Гербеля.

романа—замѣчаетъ Лермонтовъ—„*просто было весело рисовать* современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ“... [1]).

„Когда я принимался за романъ—пишетъ Байронъ—То въ немъ имѣлъ единственную цѣль я—*Избѣгнуть скуки съ помощью веселья*“ [2]).

Собственно говоря, и Мюссе, хотя онъ пишетъ для другихъ, имѣетъ въ виду лишь личные интересы. Говоря о современникахъ, страдающихъ „нравственнымъ недугомъ“, Мюссе замѣчаетъ: „не знаю, обратятъ ли они вниманіе на мои слова; впрочемъ, даже если никто не задумается надъ ними, я все же принесу пользу самому себѣ: скорѣе излѣчусь и, подобно пойманной лисицѣ, отгрызу ногу, попавшуюся въ капканъ“. (переводъ не совсѣмъ удаченъ [3]).

Послѣ краткаго вступленія мы находимъ у Мюссе цѣлую главу, посвященную характеристикѣ нравственнаго состоянія французскаго общества 20—30 годовъ. Я позволю себѣ привести нѣсколько отрывковъ изъ этой главы, такъ какъ черты общественнаго настроенія, подмѣченныя Мюссе, напоминаютъ нѣсколько настроенія русской интеллигенціи послѣ событій 1825 г. Эти черты, во всякомъ случаѣ, довольно близко напоминаютъ мысли и чувства Печорина, краткимъ конспектомъ которыхъ является „Дума“. Мы сравнимъ нѣкоторыя мѣста изъ нея съ отрывками изъ вступленія Мюссе.

„Весь недугъ нашего вѣка“—пишетъ Мюссе: „происходитъ отъ двухъ причинъ: народъ, пережившій 93 и 1814 годъ, получилъ двѣ раны въ сердце. Прошедшаго не существуетъ болѣе, а будущее еще не наступило“ [4]).

---

[1]) T. IV стр. 154.

[2]) Ibid, пѣсня V строфа IV.

[3]) „J'écris pour ceux-là (qui souffrent d'une maladie morale), sans trop savoir, s'ils y feront attention; car, dans le cas où personne n'y prendrait garde, j'aurai encore retiré ce fruit de mes paroles, de m'être guéri moi—même...“ (p. 5).

[4]) „Toute la maladie du siècle présent vient de deux causes: le peuple qui a passé par 93 et par 1814 porte au coeur deux blessures. Tout ce qui était n'est plus; tout ce qi sera n'est pas encore“. (p. 17)

„Внѣшняя жизнь общества была такой безцвѣтной и ничтожной, внутренняя жизнь принимала мрачный и угрюмый видъ". „Наступило какъ бы отрицаніе всего небеснаго и земного, которое можно назвать разочарованіемъ или, если хотите, безнадежностью" (désespérance). Обществомъ овладѣваетъ апатія.

„Мы *не преисполнились энтузіазма* къ *злу*, но стали отрицать добро; *не отчаяніе* овладѣло *нами*, *но нечувствительность*".

„Молодое поколѣніе нашло примѣненіе для праздныхъ силъ въ увлеченіи отчаяніемъ"; „*сердца, слишкомъ легкомысленныя, чтобы бороться* и страдать, *увяли*, какъ *надломленные цвѣты*"; „сыны вѣка, богатые безполезными уже силами, протягивали свои руки и пили изъ скудной чаши отравленный напитокъ". „Пожалѣйте насъ— обращается Мюссе къ потомкамъ—болѣе, чѣмъ о всѣхъ другихъ вашихъ предкахъ" [1]).

„Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща *мы вянемъ безъ борьбы*".
„И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой то *холодъ тайный*".
Молодое поколѣніе — „какъ тощій плодъ, до времени созрѣлый".
„Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли".

---

[1]) „Au lieu d'avoir l'enthousiasme du mal, nous n'eûmes que l'abnégation du bien; au lieu du désespoir, l'insensibilité". „Ainsi les jeunes gens trouvaient un emploi de la force inactive dans l'affection du déses poir"; „les coeurs, trop legers pour lutter et pour souffrir, se flétrirent comme des fleurs brisées"... „Déjà, pleins d'une forçe désormais inutile, les enfants du siècle raidissaient leurs mains oisives et buvaient dans leur coupe stérile le breuvage empoisonné". „Plaignez—nous plus que tous vos pères". (p.p. 14, 15, 18).

Мы видимъ, что и Лермонтовъ и Мюссе развиваютъ одни и тѣ же мысли, пользуясь одинаковыми образами. Молодое поколѣніе у Мюссе стало отрицать „добро“, но не сдѣлалось апологетомъ „зла“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ: „къ добру и злу постыдны равнодушны“. „Нечувствительности“ соотвѣтствуетъ „холодъ тайный“ души. Молодое поколѣніе, по Мюссе, слишкомъ легкомысленно, „чтобы бороться“; по Лермонтову, оно „вянетъ безъ борьбы“. Вянетъ—образный глаголъ—встрѣчаемъ и у Мюссе. „Увяли, какъ надломленные цвѣты“. „*Скудная* чаша съ отравленнымъ напиткомъ“ соотвѣтствуетъ „*едва* касались мы до чаши наслажденья“. Мысль Мюссе о сожалѣніи къ этому поколѣнію со стороны потомковъ замѣнена мыслью о „насмѣшкѣ“ въ „Думѣ“. Предположеніе наше о нѣкоторомъ вліяніи вступленія къ „Исповѣди сына нашего вѣка“ на „Думу“ подтверждается до нѣкоторой степени отвлеченностью ея содержанія. Какъ уже замѣчалось не разъ, мысли о чрезмѣрномъ пресыщеніи молодежи науками, о пресыщеніи жизнью и т. п.—, врядъ ли могли быть оправданы дѣйствительными переживаніями русской молодежи того времени. Да и у самого Лермонтова нѣтъ указаній на „мѣстный колоритъ“ „Думы“. Не находя вообще соотвѣтствія въ современномъ обществѣ, какъ въ русскомъ, такъ и въ иностранномъ, своимъ романтическимъ переживаніямъ, Лермонтовъ ополчается въ „Думѣ“ вообще противъ современнаго поколѣнія, и образцомъ для него, весьма возможно, послужило вступленіе романа Мюссе, отличающееся, какъ и „Дума“, искреннимъ паѳосомъ, внутреннею силою фразы и глубокимъ чувствомъ скорби, смѣшаннымъ съ горечью.

Герой романа Мюссе, Октавъ, это отчасти самъ поэтъ, отчасти художественная реминисценція Рене и Адольфа. Въ романѣ наряду съ Октавомъ привлекаетъ вниманіе фигура Деженэ, друга Октава, очерченная авторомъ бѣглыми, но характерными штрихами. Съ внѣшней стороны Деженэ, какъ и Печоринъ, слегка байронизированъ, но это не мѣшаетъ

ему знать, что такое слезы и хранить подъ маской пресыщеннаго дэнди черты настоящаго романтика.

Деженэ принадлежитъ къ числу „загадочныхъ натуръ".

„Я не могъ" говоритъ Октавъ: „чтобы не сдѣлать этого человѣка предметомъ своего изученія; онъ представлялся мнѣ замѣчательнымъ типомъ цѣлаго разряда людей, которые должны гдѣ то существовать..." [1]).

Деженэ, какъ и Октавъ, позналъ жизнь, но, въ противоположность ему, онъ всегда замкнутъ въ своихъ переживаніяхъ, всегда вѣренъ самому себѣ.

„Онъ человѣкъ—говоритъ о Деженэ Октавъ—ни во что не вѣрующій, ничего не боящійся, не знающій, быть можетъ, ни заботы ни скуки". „Онъ былъ благородный человѣкъ, *но сухой, какъ кремень*", хотя „зналъ жизнь и въ свое время страдалъ, проливая слезы, но горесть его была облачена въ броню; онъ былъ матеріалистъ и ждалъ смерти" [2]).

Печоринъ, по крайней мѣрѣ такимъ онъ рисуется окружающимъ его, также „облаченъ въ броню" внѣшняго равнодушія и безстрастія. „Я увлекся приманками страстей"—говоритъ онъ: „изъ горнила ихъ я вышелъ *твердъ и холоденъ, какъ камень*". Этотъ интересный образъ, намѣченный Мюссе, остался незаконченнымъ и, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Деженэ—фигура эпизодическая.

Съ Октавомъ Печорина роднятъ нѣкоторыя одинаковыя черты въ ихъ характерахъ, черты чисто романтическія.

Оба они далеки отъ демоническаго Деженэ въ томъ отношеніи, что, несмотря на весь свой внѣшній холодъ, подвержены постоянному самоанализу. Вотъ какъ говорятъ объ этой особенности Печоринъ и Октавъ.

---

[1]) „Je ne pouvais m'empêcher de faire de cet homme bisarre un sujet d'étude. Jl me paraissait comme le type marqué d'une classe de gens qui devaient exister quelque part". (p. 68).

[2]) C'était un homme plein de coeur, mais sec comme la piérre ponce; „il conaissait la vie et avait pleuré dans son temps; mais sa douleur portait cuirasse; il était matérialiste et attendait la mort". (p. 29).

„Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія.

Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его".

(т. IV стр. 257).

„Умъ мой отличается странной наклонностью размышлять обо всемъ, что со мной случается, даже о малѣйшихъ пустякахъ, и придавать имъ послѣдовательное и нравственное значеніе".

„Во мнѣ почти постоянно боролось два человѣка: одинъ, который вѣчно смѣялся и другой, который вѣчно плакалъ".

„Это была какая то постоянная борьба между моей головой и сердцемъ" [1]).

И Печоринъ и Октавъ считаютъ своимъ долгомъ „казаться оригинальными"; на этой почвѣ именно, на почвѣ нежеланія быть похожими на многихъ, и развивается у нихъ та ихъ особенность, которую Печоринъ называетъ „врожденная страсть противорѣчить", а Октавъ „удовольствіе ломать себя".

„Не желая выказать себя подражателемъ—говоритъ Октавъ—я впадалъ въ преувеличеніе только для того, чтобы казаться оригинальнымъ" [2]).

Какъ бы горячо не защищалъ Октавъ какую либо мысль въ спорѣ, но, замѣчаетъ онъ самъ, „стоило только согласиться со мною для того, чтобы охладить весь мой пылъ" [3]).

---

[1]) „J'ai dans l'esprit une singulière propension à réfléchir à tout ce que m'arrive, même aux moindres incidents, et à leur donner une sorte de raison consequente et morale" (p. 38); „il y avait presque constamment en moi un homme qui riait et un autre qui pleurait. C'était comme un contre—coup perpétuel de ma tête à mon coeur" (p. 67).

[2]) „ne voulant pas m'avouer imitateur, je me perdais dans l'exagération, afin de paraître original" (p. 67).

[3]) „mais il suffisait de se ranger à mon avis pour faire tomber toute ma chaleur" (p. 67).

Согласіе и одобреніе со стороны—явленія, которыя для большинства служатъ стимуломъ дальнѣйшаго развитія тѣхъ или иныхъ идей и чувствъ, по отношенію къ Октаву и Печорину играютъ обратную роль. Такого же рода аномалію мы наблюдаемъ и въ психикѣ Печорина.

„Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ", говоритъ онъ: „и я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня мечтателя" (т. IV стр. 209).

Одинаково важную роль въ жизни Печорина и Октава играютъ женщины. По отношенію къ нимъ Печоринъ напоминаетъ нѣсколько Деженэ своей попыткой „сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ". Ту же попытку дѣлаетъ и Деженэ въ своихъ бесѣдахъ съ Октавомъ, развивая взгляды очень близкіе къ открытому цинизму. Въ „разоблаченіи" Печорина, однако, нѣтъ вовсе той „злости", о которой онъ самъ говоритъ и которая дѣйствительно на лицо въ тирадахъ Деженэ. Деженэ ставитъ утверждаемую имъ испорченность и лживость современной женщины въ связь съ условіями общественнаго быта.

Разоблаченія Печорина не идутъ дальше обычныхъ соображеній насчетъ женской нелогичности и т. п.

Несмотря на эти полемическіе выпады противъ женщинъ, Печоринъ, какъ замѣчаетъ онъ, „кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ". У Мюссе Октавъ говоритъ: „изъ жизни я позналъ только одну любовь", „я не понималъ, чтобы можно было чѣмъ нибудь заниматься, кромѣ любви" [1]). Любопытно, что въ этомъ „занятіи" Печоринъ и Октавъ, слѣдуя по стопамъ Адольфа, пользуются извѣстными обдуманными пріемами. И въ „Героѣ нашего времени" и въ „Исповѣди сына вѣка" мы встрѣчаемъ два эпизода, очень напоминающіе другъ друга. Печоринъ, завязавъ знакомство съ

[1]) „Quant à moi, je ne concevais pas qu'on fît autre chose que d'aimer; et lorsqu'on me parlait d'une autre occupation, je ne répondais pas" (p. 27).

Мери, стремится полуискреннимъ, полу-декламаторскимъ разсказомъ о своей жизни разбудить въ ней чувство жалости къ себѣ.

Точно также и Октавъ, познакомившись съ Бригиттой, пользуется подобнымъ пріемомъ, чтобы затронуть въ ней тѣ же струнки женской души. Вотъ отрывки изъ обоихъ романовъ, рисующіе эти эпизоды:

„Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было...“

„Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ“... „Лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца“...

„Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой“

(т. IV стр. 233, 4)

„Богъ мнѣ свидѣтель, что я не родился такимъ, какимъ вы меня считаете; никогда въ жизни не былъ я подозрительнымъ или недовѣрчивымъ. Мнѣ погубили, мнѣ испортили сердце“...

„Если бы вы знали, какъ съ нимъ (Октавъ говоритъ о себѣ) обращались, какъ смѣялись надъ всѣмъ, что есть въ немъ хорошаго, какъ заботились о томъ, чтобы научить его всему, что ведетъ къ сомнѣнію, ревности, къ „отчаянію“ [1]).

Мы видимъ, что Октавъ и Печоринъ какъ-бы стараются оправдать себя въ глазахъ тѣхъ женщинъ, которымъ они хотятъ понравиться. Они защищаютъ свое настоящее „я“, обвиняя въ искаженіи его первоначальнаго духовнаго облика

[1]) „Dieu m'est témoin que je ne suis pas né tel que vous me croyez; je n'ai jamais été de ma vie ni soupçonneux ni defiant. On m'a perdu, on m'a faussé le coeur“. „Si vous saviez quelles horreurs, quelles perfidies monstrueuses a vues l'enfant que est devant vous! Si vous saviez comme on l'a traité, comme on s'est raillé de tout ce qu'il a de bon, comme on a pris soin de lui apprendre tout ce qui peut mener au doute, à la jalousie, au désespoir“ (p.p. 123, 4).

то общество, въ которомъ протекли ихъ юношескіе и дѣтскіе годы.

Борьба „съ собой и свѣтомъ", о которой упоминаетъ Печоринъ, приводитъ его къ „холодному отчаянію". Объ „отчаяніи" говоритъ и Адольфъ.

Общество исковеркало ихъ обоихъ. „Меня погубили, мнѣ испортили сердце", говоритъ Октавъ, и какъ бы эхо этихъ словъ звучитъ Печоринское: „я сдѣлался нравственнымъ калѣкой".

„Въ разсказахъ Печорина и Октава, какъ уже замѣчено, мы наблюдаемъ смѣсь искренности и дѣланнаго паѳоса. „Иногда—говоритъ Октавъ—я самыми мрачными красками описывалъ Бригиттѣ свою прошлую жизнь и давалъ ей понять, что, въ случаѣ разлуки съ нею, я долженъ буду проводить время въ одиночествѣ, худшемъ, чѣмъ самая смерть" [1]).

„Она видѣла, какъ я страдалъ и не могла *не жалѣть меня*. Мое мужество возбуждало *ея состраданіе*, и во всѣхъ словахъ ея, во всѣхъ движеніяхъ и обращеніи прорывалась *нѣкоторая жалость*".

„Ей *было жаль* меня", говоритъ Печоринъ о впечатлѣніи, произведенномъ его разсказомъ на Мери. *„Состраданіе*—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце". (т. IV стр 234).

Остановимся теперь еще на нѣкоторыхъ чертахъ характера Октава, поскольку онѣ извѣстны намъ изъ его собственныхъ признаній.

---

[1]) „Cependant, dans nos entretiens, j'insistais toujours sur mon dégoût du monde"... „Tantôt je lui peignais ma vie passée sous les couleurs les plus sombres, et lui donnais à entendre que, s'il fallait me séparer d'elle, je resterais livré à une solitude pire que la mort" (p. 104).

„Elle voyait ce que je souffrais et ne pouvait s'empêcher de me plaindre. Mon courage lui faisait pitié; et il répandait sur toutes ses paroles, sur ses gestes même et sur son attitude, quand j'étais là, une sorte d'attendrissment". (p. 104).

„Моимъ единственнымъ сокровищемъ, послѣ любви—говоритъ онъ—была независимость. Достигнувъ юношескаго возраста, я окружилъ ее суровымъ культомъ“ [1]).

Много читая, увлекаясь искусствомъ, Октавъ въ концѣ концовъ приходитъ къ пресыщенію. „Гоняясь за новизной и неизвѣстнымъ“, онъ „едва не превратился въ развалину“ [2]). Подобно тому, какъ и Печоринъ, Октавъ находитъ успокоеніе лишь на лонѣ природы, называя ее „моя возлюбленная мать“, что является впрочемъ чертою общеромантической.

И Печоринъ и Октавъ, несмотря на свою молодость, желаютъ казаться какъ окружающимъ, такъ и самимъ себѣ людьми, утратившими всякій интересъ къ жизни, равнодушными ко всему, но, обманывая другихъ, они не могутъ обмануть себя. „Я хотѣлъ прослыть человѣкомъ разочарованнымъ—замѣчаетъ Октавъ—и пресыщеннымъ, между тѣмъ какъ былъ преисполненъ желаній (p. 67)“. Послѣ свиданія съ Вѣрой, слегка взволновавшаго Печорина, онъ говоритъ: „Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять...“ „А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо.... глаза горятъ, кровь кипитъ“... [3]).

Мы уже приводили выше слова Печорина: „неужели мое единственное назначеніе на землѣ разрушать чужія надежды“. „Какую цѣль имѣла на это судьба“—спрашиваетъ Печоринъ. Фатальнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи считаетъ себя и Адольфъ, какъ мы показали, а вслѣдъ за нимъ и Октавъ.

„Дѣлать зло! такова была роль, назначенная мнѣ провидѣніемъ! ....„мнѣ, чья неумолимая судьба влекла все ближе

---

[1]) „Mon seul trésor, après l'amour, était l'indépendance. Dès ma puberté, je lui avais voué un culte farouche“... (p. 25.

[2]) „n'ayant plus soif à force de boire la nouveauté et l'inconnu, je m'étais trouvé une ruine moi—méme“ (p. 26).

[3]) т. IV, стр. 220.

къ безднѣ и которому въ тоже время какой то тайный ужасъ непрестанно показывалъ глубину этой бездны, въ которую я падалъ“ [1]).

Сопоставляя Октава съ Печориным̀ъ, мы не думаемъ вовсе считать перваго непосредственнымъ прототипомъ второго, какъ не считаемъ таковымъ и Адольфа. Октавъ, какъ типъ, какъ нѣчто цѣлое, отличенъ отъ Печорина.

Многое въ немъ отражаетъ самого Мюссе, но наряду съ этимъ автобіографическимъ элементомъ въ немъ есть и черты, обязанныя своимъ происхожденіемъ литературной традиціи. Октавъ Мюссе былъ бы невозможенъ безъ своихъ предшественниковъ—Рене и Адольфа. Эти-то черты и привлекали главное наше вниманіе, ихъ мы и пытались сопоставить съ нѣкоторыми чертами Печорина, какъ психологическаго и чисто литературнаго типа. При такихъ условіяхъ сходство между романами Мюссе и Лермонтова—нѣсколько общаго характера, но иногда оно какъ будто простирается и на частности.

Возьмемъ, напр., то извѣстное мѣсто въ „Героѣ нашего времени“, гдѣ Печоринъ говоритъ: „А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Оно, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется на встрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто нибудь подниметъ“. (т. IV стр. 231).

Въ приведенномъ отрывкѣ интересно сравненіе души женщины съ цвѣткомъ, который можно бросить, вдохнувъ весь его ароматъ. Аналогичное сравненіе мы находимъ и въ „Исповѣди сына нашего вѣка“ и, хотя мы не можемъ утверждать, что Лермонтовъ заимствовалъ именно изъ этого источника свое красочное сравненіе, но въ виду и другихъ

---

[1]) „Faire le mal! tel était donc le rôle que la Providence m'avait imposé!.. moi qu'une destinée impitoyable entraînait sans cesse plus avant dans un abîme et à qui en même temps une horreur secrète montrait sans cesse la profondeur de cet abîme où je tombais“ (p. 190).

точекъ соприкосновенія между обоими романами, можемъ это предполагать.

Вотъ какъ говоритъ Октавъ, наблюдая за нарядными женщинами „изъ уголка гостинной“: „Ахъ! что за садъ! что за цвѣты! какъ пріятно было бы сорвать ихъ и понюхать“ [1]).

Сравненіе Лермонтова оригинально лишь по своему внутреннему смыслу. Въ то время какъ Октавъ говоритъ лишь объ „удовольствіи“, Печоринъ вноситъ въ это удовольствіе элементъ не то какого-то демонизма, не то дѣланнаго цинизма.

Находя въ юности въ твореніяхъ Байрона откликъ татакимъ запросамъ своего „я“, какъ стремленіе къ свободѣ, къ яркимъ и сильнымъ впечатлѣніямъ, находя въ его геройхъ много родственнаго, Лермонтовъ не могъ въ то же время не сознавать, что Байронъ для него еще не все; что ни Чайльдъ—Гарольдъ, ни Лара, ни всѣ эти плѣнительные, суровые образы не отвѣтятъ ему на мучительный вопросъ:— какъ найти самого себя и гдѣ, въ чемъ найти. А что этотъ вопросъ всегда мучилъ поэта достаточно ясно видно изъ его писемъ.

Этой сторонѣ своего „я“—склонности къ самоанализу, къ анатомированію своего духовнаго существа—Лермонтовъ могъ найти и нашелъ, какъ намъ кажется, откликъ у Шатобріана, Констана и А. Мюссе. Его Печоринъ родной братъ Рене, Адольфа, Октава.

Къ числу этихъ „предшественниковъ“ Печорина врядъ ли можно отнести Обермана, котораго „напоминаетъ“, по мнѣнію проф. Сиповскаго, герой Лермонтова. „Печоринъ— говоритъ онъ: „какъ Оберманъ тяготится жизнью“, [2]) но и въ этомъ отношеніи и въ остальныхъ настроеніяхъ между Печоринымъ и Оберманомъ мало общаго.

---

[1]) „Ah! quel jardin! me disais-je, quelles fleurs à cueillir, à respirer! Ah! marguerites, marguerites! que dira votre dernier pétale à celui qui vous effeuillera“ (p. 43).

[2]) Сиповскій Исторія русской словесности ч. III. вып. 2. стр. 66.

Въ галлереѣ романтическихъ типовъ французской литературы первой половины XIX-го вѣка Оберманъ занимаетъ особое мѣсто, [1]) во многомъ отличаясь отъ героевъ Шатобріана, Констана, Мюссе. Въ сущности говоря, едва ли мы можемъ назвать „Обермана“ романомъ. Эти 400 страницъ убористой печати—непрерывная исповѣдь („lente agonie du coeur“) и притомъ односторонняя, поразительно напоминающая иногда „Journal intime“ Аміеля. Въ „Оберманѣ“ мы не встрѣтимъ ни одного діалога, ни одного типа, кромѣ появляющагося въ концѣ Фонзальба, который является блѣдной варіаціей самого Обермана.

Апатія и скука, мысли о ничтожествѣ земного—неизмѣнные спутники Обермана съ самаго дѣтства. Но тогда какъ герои Байрона, Рене, Адольфъ, Печоринъ—всѣ они приходятъ къ разочарованію въ жизни лишь послѣ ряда увлеченій „приманками страстей“,—Оберманъ чувствуетъ усталость („je suis las“) не пройдя ни одного изъ жизненныхъ этаповъ. „На мнѣ не лежитъ ярмо страстей“, говоритъ Оберманъ: „желанія не вводятъ меня въ заблужденія...., я миновалъ эти вздорныя увлеченія (futilités) сильныхъ характеровъ“ [2]). Говоря въ другомъ мѣстѣ о подобныхъ характерахъ, Оберманъ спрашиваетъ: „Что же общаго у меня съ ними? Всѣ мои вкусы обыкновенны, все, что я люблю—доступно и просто“.

Всѣ стремленія Обермана направлены на достиженіе одной цѣли—того душевнаго спокойствія, того счастья, которое доступно людямъ простымъ, заурядnымъ, но не доступно ему—человѣку съ большимъ умомъ и чуткой душой.

---

[1]) Оберманъ является первымъ романомъ въ XIX в., гдѣ мы находимъ всѣ тѣ черты, которыя позднѣе встрѣтимъ у Аміеля, Huismans'a, E. Rod'a — клинически вѣрное описаніе психическихъ противорѣчій, болѣзненный самоанализъ, лишенный какого бы то не было романтическаго ореола.

[2]) „Je ne suis points sous le joug des passions; les désirs ne m'égarent pas,.... „J'ai laissé là toutes ces futilités des âmes fortes“ (p. 150.— Obermann. éd. Bibliothèque—Charpentier.).

Осуществленіе этой цѣли, однако, невозможно. Оберманъ, подобно Печорину, чувствуетъ въ себѣ два „я“, но въ то время какъ одно изъ этихъ „я“ Печорина „живетъ“ все-же,—оба „я“ Обермана лишь „мыслятъ и судятъ“. Онъ не претендуетъ на жизнь, но лишь на созерцаніе ея“. [1])

Такія чувства, какъ тщеславіе, самовлюбленность, презрѣніе ко всему обыденному, стремленіе къ власти, столь характерныя для Печорина, совершенно чужды Оберману. Въ то время какъ Печоринъ говоритъ о „торжествѣ власти“, замѣчая: „первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все что меня окружаетъ“—Оберманъ пишетъ: „стремленіе къ власти или богатству также почти чуждо мнѣ, какъ чужды зависть, месть, или ненависть“ [2]) Въ противоположность Рене, Адольфу, Октаву и Печорину Оберманъ не ставитъ въ связь свой „недугъ“ съ романическими переживаніями. Женщина, играющая столь важную роль въ жизни названныхъ лицъ, для Обермана лишь призракъ, какъ и все остальное.

Самоанализъ Обермана, какъ мы замѣтили, слишкомъ одностороненъ, при чемъ скудость его содержанія объясняется однообразіемъ переживаній Обермана, его внѣшней жизни. Обермана тяготитъ не столько самая жизнь, сколько сознаніе, что онъ никогда ея не узнаетъ. Оберманъ, пользуясь его словами, „тѣнь на землѣ, которая блуждаетъ, наблюдаетъ, но ничего не можетъ уловить“ (p. 406). Въ то время какъ Печоринъ, Октавъ и Адольфъ бѣгутъ отъ реальнаго, отъ „мѣщанскихъ трагедій“, отъ тихаго счастья, отъ семьи—Оберманъ мечтаетъ возможности сбросить съ себя весь грузъ „незаурядности“ и жить просто и мирно.

---

[1]) „Pour moi, qui ne prétends pas vivre, mais seulement regarder la vie, je ferai bien de me mettre à imaginer du moins le rôle d'un homme“ (p. 402).

[2]) „L'amour du pouvoir où des richesses est presque aussi étranger à ma nature que l'envie, la vengeance ou les haines“ (p. 43).

Въ жизни Обермань встрѣтилъ лишь „тѣни“ и не могъ, не сумѣлъ остаться въ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ отказаться отъ мечты познать когда нибудь чувства простыя, сильныя, связанныя съ фактами реальной жизни. Въ мысляхъ Обермана какъ бы отражаются призывы Руссо къ природѣ, къ освобожденію отъ бремени ничего не дающей культуры.

Отдѣльныя признанія Обермана [1]) отдѣльныя настроенія его, быть можетъ, близки къ переживаніямъ Печорина, но въ тоже время, какъ мы видѣли, Оберманъ въ цѣломъ слишкомъ противоположенъ ему. Во всякомъ случаѣ, изъ романтическихъ типовъ, Оберманъ наименѣе, какъ намъ кажется, могъ повліять на образъ Печорина.

Что-же касается до мнѣнія о близости Печорина къ Онѣгину, то оно представляется намъ лишеннымъ особаго значенія. Дѣйствительно, родственнаго между ними очень мало. Онѣгинъ—человѣкъ скучающій и пресыщенный жизнью, но далекій отъ самоанализа, далекій отъ taedium vitae Печорина на почвѣ романтическихъ исканій духа, желанія и невозможности найти себя. Какъ художественный образъ Печоринъ глубже и значительнѣе Онѣгина.

Въ „скукѣ“ Печорина, въ его „разочарованіи“, какъ мы попытались показать, отразились сложныя переживанія и настроенія многихъ героевъ французскаго романтизма [2]). Печоринъ какъ бы замыкаетъ собой ихъ вереницу, и вскорѣ на смѣну „загадочнымъ натурамъ“ являются у насъ скромные герои реалистической бытовой литературы. Тѣмъ не менѣе, какъ въ западно-европейскихъ литературахъ мы най-

---

[1]) Объ условіяхъ юности, напр., (р. 340), о пресыщеніи духовномъ—(р. 161) и пр.

[2]) Конечно, эти переживанія соотвѣтствовали и личнымъ переживаніямъ самого поэта, получая ту индивидуальную окраску, выясненіе которой должно послужить темой спеціальной работы.

демъ осложненное отраженіе многихъ чертъ Рене, Октава, Обермана [1]) въ герояхъ Гюисманса, Пьера Лоти, Д'Аннунціо, такъ и въ русской литературѣ сѣмена Печоринскаго самоанализа дали богатые всходы. Отъ Печорина ведутъ свое литературное происхожденіе герои „Записокъ изъ подполья", „Дневника лишняго человѣка", а черезъ нихъ и „лишніе люди" Чехова.

С. Родзевичъ.

---

[1]) Ср. Canat. Du sentiment de la solitude morale chez les parnassiens et les romantiques. („Le type de l'Homme Supérieur pénètre tout le XIX s., avec des noms differents" p. 42).

Обученіе грамотѣ и воинской экзерциціи въ Старой Малороссіи въ концѣ XVIII-го вѣка.

(По дѣлу архива Харьковскаго Ист.-Фил. Общ. Черниговскій отдѣлъ № 2413).

Вопросъ о народномъ образованіи въ Старой Малороссіи весьма мало изслѣдованъ въ нашей исторической литературѣ. Кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ статей, трактующихъ этотъ вопросъ [1]), мы ничего крупнаго не имѣемъ. Такой пробѣлъ въ столь важномъ и интересномъ вопросѣ, какъ вопросъ о народной школѣ, объясняется

[1]) Такими статьями являются:

Лазаревскій. „Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в." „Основа" за 1862 г. кн. 5.

Его же. „Къ свѣдѣніямъ о старой Малороссійской школѣ" въ „Кіевск. Старинѣ" за 1896 г., т. LIII.

Сухомлиновъ. „Училища и народное образованіе въ Черниговской губерніи". Ж. М. Н. П. за 1864 г., ч. CXXI.

Павловскій. „Приходскія школы въ Старой Малороссіи". „Кіевск. Старина" за 1904 г., кн. I.

Свящ. Богуславскій. „Краткій историч. очеркъ церк.-прих. школы". „Черн. Губ. Вѣд." за 1889 г. № 20.

отсутствіемъ или, можетъ быть, неизвѣстностью по этому вопросу матеріаловъ. Неизвѣстность матеріаловъ по народному образованію въ Малороссіи во второй половинѣ XVIII вѣка настолько полная, что такой знатокъ и любитель Малорусской старины, какъ покойный историкъ Лазаревскій, пришелъ къ заключенію, что школы въ Малороссіи въ концѣ XVIII вѣка исчезли [1]); того же мнѣнія держится и современный изслѣдователь малорусской старины г. Павловскій [2]). Такое недоразумѣніе я и счелъ своимъ долгомъ разъяснить въ этой статьѣ, познакомившись въ Харьковскомъ архивѣ съ дѣломъ объ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ и воинской экзерциціи. Разработку имѣющагося въ этомъ дѣлѣ матеріала я предлагаю вниманію интересующихся вопросомъ о народномъ образованіи въ Старой Малороссіи.

Лебедевъ. „Мандрованные дьяки въ Слободской Украйнѣ“ въ Харьковск. Календарѣ за 1885 г.

Автобіографія Турчановскаго въ „Кіевск. Стар.“ за 1885 г., февраль.

П. Ефименко. „Къ исторіи народн. образов. въ Черниг. губ.“ Черниг. Губ. Вѣдом. за 1882 г. № 40.

Крыжановскій. Сочиненія т. I и III.

Филаретъ. „Историко-Статистич. описаніе Харьк. губерніи“.

Данилевскій. „Харьковскія народныя школы 1732—1845 г.“

Маленькая замѣтка Н. П. „Опытъ обязательнаго обученія казацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку въ 1762 году“. „Кіевск. Стар.“ за 1906 г., кн. I.

Архіеп. Филаретъ. „О старинныхъ школахъ, богадѣльн. и братствахъ“. „Черниг. Епарх. Извѣст.“ 1862 г., сент.

Другія сочиненія общаго характера: Демкова „Исторія русской педагогіи“, Каптерева „Исторія русской педагогіи“, Григорьева „Историческій очеркъ русской школы“, и многія другія основаны въ своихъ сужденіяхъ о Малорусской школѣ на вышеприведенныхъ статьяхъ и матеріалахъ.

[1]) Лазаревскій. Основа за 1862 г., кн. 5, стр. 88.

[2]) Павловскій. Кіевск. Стар. за 1904 г. кн. 1, стр. 12.

Матеріаломъ для этой статьи послужило—„Дѣло по ордеру Его Сіятельства (Румянцева) о обученія полку Черниговскаго казачихъ дѣтей русской грамоти и воинской экзерциціи вшедшое 1767 года, въ немъ листовъ перенумерованныхъ 518“. Это дѣло хранится въ архивѣ Харьковского Историко-Филологическаго Общества въ Черниговскомъ отдѣленіи подъ № 2413.

Дѣло это возникло по слѣдующему ордеру Румянцева къ Черниговскому полковнику Милорадовичу:

„Ваше высокоблагородіе сего октября отъ 8-го дня присланнымъ ко мнѣ репортомъ требуете резолюціи: продолжать ли обученіе козаческимъ дѣтямъ въ силѣ моего ордера происходящее, или тому обучать однихъ толко тѣхъ козаковъ, которые по выбору симъ написаны будутъ къ службѣ безъ перемѣнно другими, какъ до сего было, но какъ недоволно дать толко симъ выбраннымъ къ настоящей службѣ надобные науки, не приготовляя другихъ къ тому, чтобъ оны такъже въ случаѣ надобности могли способними употреблены были къ дѣлу, то ваше высокоблагородіе сами признать можете сколко небезполезно и еще нужно, чтобъ сихъ козачихъ дѣтей, которымъ уже преподается наука грамотѣ и эксерциція, не оставить въ невѣжествѣ, но доставлять съ наилучшимъ тщаніемъ потребнія для нихъ знанія, что и исполнять Вамъ предлагаю. Румянцевъ 1767 года октября 24.“ [1])

Согласно этому ордеру Черниговская полковая канцелярія издала слѣдующее распоряженіе.

1767 году октября 29 дня.

„По слушанію сего ордера въ полковой Черниговской канцеляріи опредѣлено во всѣ полку Черниговского сотнѣ къ сотникамъ послать ордеры, дабы они сами, не полагаясь

[1]) Харьк. Арх. дѣло № 2413.

ни на кого, а въ случаѣ ихъ куда либо откамандированія сотенние присудствующіе старшини имѣли прилѣжное надсмотрѣніе, чтобъ вновъ вибранныхъ въ виборную службу козаковъ и ихъ вспомогателей дѣти обучаемы били способніе грамоти, а прочие воинской экзерциіи, такимъ точно порядкомъ, какимъ прежде сего посланнимъ отъ полковой Чернѣговскои канцеляріи въ силѣ его високографского сиятельсва повелѣнія о томъ ордерами предложено, неотмѣнно подъ опасеніемъ за неисполненіе ордеровъ неминуемого отвѣта и поступленія по силѣ законовъ; сколко же именно чіихъ козачихъ дѣтей обучатимется грамоти, а особливо по экзерциіи, о томъ именіе вѣдомости при репортѣ по третямъ года прислано бъ въ полковую Чернѣговскую канцелярію неупустительно конечно; для отрепортованія о томъ къ его высокографскому Сіятельству. Полковникъ Петръ Милорадавичъ.“ [1])

Въ силу этого приказанія полковой черниговской канцеляріи и были посылаемы изъ сотенныхъ канцелярій вѣдомости за слѣдующіе годы: 1768, 1769, 1770, 1771 и 1775.

Вѣдомости же за предыдущіе годы были посланы Румянцеву, какъ видно изъ слѣдующаго интересного черновика рапорта Милорадовича, написаннаго еще до полученія ордера Румянцева.

„Ордеромъ вашего высографского сіятельства, прошлого 1765 году мая 14 дня полученомъ по репорту Лубенского полковника Господина Кулябки, приказано в обученіи малолѣтнихъ козацкихъ дѣтей не толко грамоте но и воинской экзерциіи следовать его примѣру и ожидать за то отъ вишнего правителства, которому ваше высокографское сиятелство, усмотря мои в томъ успехи, рекомендацѣй . . . . (не разборчиво) не аставите похвали и награжденія. Въ силу кото-

[1]) Ibidem.

рого вашего високографского сіятелства ордера с того времени и нинѣ в сотняхъ полку семъ: козачие дѣти грамоти и воинской экзерциціи (какъ присилаемами зъ тѣхъ сотенъ въ полковую канцелярію ведомости показуется) с надлежащимъ порядкомъ обучаются, о коихъ обучающихся козачихъ дѣтяхъ и вашему высок. гр. сіят. предъ симъ отъ мене представлено, и нинѣ сколко онихъ въ какой сотнѣ особо грамоти и особо экзерциціи обучается, о томъ сочиняемыя вѣдомости при семъ з присланими отъ сотень черниговского полку ведомости полковие Вашему высокогр. сіят. представляются . . . . . (черновикъ) 1767 года октября 8. [1])

Изъ этого рапорта ясно видно, какъ относилась Малороссійская старшина къ дѣлу просвѣщенія народа: она ожидала отъ этого „рекомендацій, похвалы и награжденій".

Изъ этого же рапорта, а также изъ многочисленныхъ рапортовъ сотенныхъ правленій видно, что первый указъ Румянцева объ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ и экзерциціи послѣдовалъ въ 1765 году 14 мая; слѣдовательно, должны были быть и вѣдомости за это время, но ихъ въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ, есть только слѣдующая вѣдомость, приложѐнная при этомъ же рапортѣ Милорадовича отъ 8 октября 1767 года. Неизвѣстно, за какое время эта вѣдомость, по всей вѣроятности или за текущій 1767 годъ, или же за предыдущій 1766 годъ.

„Ведомость учиненая въ полков. Черниг. Канцелярію з присланихъ от сотенъ полку Черн. ведомостей о обучающихся в онихъ сотняхъ козачихъ дѣтяхъ грамоти и экзерциціи, сколко онихъ в какой сотнѣ чего обучается о томъ значит по сему.

---

[1]) Ibidem.

Показаніе сотень	Число обучающихся козачихъ дѣтей.	
	Грамоти	Экзерциіи
в Полковой	8	изучились всѣ
в Бѣлоуской	29	26
в Вибелской	29	30
въ Слабинской	13	не обучаются
в Ройской	24	62
в любецкой	10	не показано
въ Седневской	49	57
въ Городницкой . . .	33	103
въ Березинской . . .	40	38
в Столинской	17	не показано
„ Менской.	30	не показано
„ Синявской.	25	63
„ Кіевской	39	119
„ Сосницкой.	65	20
в Понорницкой . . .	45	не показано
„ Волинской.	13	33
И того всехъ. . .	459	551

А протчихъ сотенъ в сей ведомости въ обучаемихъ козачихъ дѣтей экзерциіи не показано, за неприсилкою от онихъ сотенъ о техъ обучающихся экзерциіи козачихъ дѣтехъ ведомостей, которыхъ вскорѣ . . . . . указами заготовить канц. предложено“ [1]).

(Годъ не обозначенъ).

Такимъ образомъ, обученіе козацкихъ дѣтей грамотѣ было обязательно. Но началось оно не при Румянцевѣ, а при Разумовскомъ, какъ это видно изъ указа Кіевской Духовной Консисторіи, отъ 17 декабря 1762 г., духовенству Ро-

[1]) Ibidem.

менской протопопіи, вслѣдствіе жалобы полковника Кулябки на священниковъ Лубенскаго полка, которые учителей-дьячковъ „во всѣ свои привати, поиздки и посилки употребляютъ, работая оными, какъ бы своими поданими безпрестанно, и тѣмъ въ обученіи козачихъ дѣтей причиняютъ не малую остановку и помѣшательство“, и что учениковъ „вибрано и нынѣ вибирается до трехъ тысячъ,—книжнаго чтенія и писанія, по учрежденію его господина полковника и по высокой Его сіятельства графа“.... [1]) Разумовскаго.

Такимъ образомъ Румянцевъ въ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ былъ не иниціаторомъ, а продолжателемъ Разумовскаго, но продолжателемъ усерднымъ и сознательнымъ, цѣлью обученія козацкихъ дѣтей онъ ставилъ ихъ развитіе и лучшую подготовку къ козачьей службѣ.

II.

Обзоръ вѣдомостей.

Вѣдомости объ обученіи козацкихъ дѣтей грамотѣ и воинской экзерциціи отличаются большимъ разнообразіемъ, какъ по числу ихъ, такъ и по содержанію; каждая сотня составляла ихъ по своему образцу, такъ какъ, очевидно, общей формы но было дано. Вѣдомости были присланы отъ слѣдующихъ сотенъ.

Отъ Синявской сотни за 1768 годъ—25 февраля, 27 апрѣля и 30 августа; за 1769 годъ—30 апрѣля, 21 сентября и 31 декабря; за 1770 г.—30 апрѣля, 31 августа и 31 декабря.

---

[1]) Н. П. „Опытъ обязательнаго обученія козацкихъ дѣтей грамотѣ въ Лубенскомъ полку въ 1762 г.“, „Кіевская старина“ за 1906 г., кн. I.

Онъ Седневской сотни: за 1768 г.—29 февраля, 28 іюля; за 1769 г.—2 января, 30 апрѣля, 31 августа и 30 ноября, за 1770 г.—30 августа и 31 декабря; за 1775 г. 30 апрѣля.

Отъ Полковой сотни: за 1768 г. 29 февраля, 28 марта, 9 іюля, 1 сентября и 30 ноября; за 1769 г.—4 апрѣля, іюня (дня не указано), октября (дня не указано); за 1770 г. генварь (дня не указано).

Отъ Кисилевской сотни: за 1768 г.—28 февраля и 30 апрѣля, другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Отъ Столинской сотни: за 1768 г.—29 февраля, 30 апрѣля, 30 марта, 31 декабря; за 1769 г.—31 декабря; за 1770 г.—30 апрѣля, 31 августа и 31 декабря; за 1775 г.—30 апрѣля.

Отъ Волынской сотни: за 1768 г.—28 апрѣля, 30 авгбста, 28 декабря; за 1769 г.—30 апрѣля, 31 августа, 22 декабря; зк 1770 г.—30 апрѣля, 41 августа, 30 декабря.

Отъ Сосницкой сотни: за 1768 г.—февраль, 31 марта, апрѣль, 30 мая, 30 іюня, 31 іюля, 30 авгуата, 30 сентября, 31 декабря; за 1769 г.—30 марта, 30 іюня; за 1770 годъ 31 марта (въ вѣдомости сказано „за треть декабрскую“ т. е. за прошлый годъ), 30 іюня и 31 августа.

Отъ Менской сотни: за 1768 г. 1 марта, 1 мая, 1 іюня, 1 іюля, 1 августа, 1 сентября, 1 октября, 1 ноября, 1 декабря; ла 1769 г.—1 января, 1 марта, 31 марта, 30 апрѣля. 81 мая, 30 іюня; за 1771 г. 1 января.

Отъ Березинской сотни: за 1768 г. 29 февраля, 8 мая, 5 сентября, 18 декабря; за 1769 г. 31 мая, 27 августа, 17 декабря; за 1770 г.—26 марта, 22 августа, 16 декабря.

Отъ Любецкой сотни: за 1768 г.—1 марта, 28 марта, 31 августа, 31 декабря; за 1769 г.—30 апрѣля, сентябрь, 31 декабря; за 1770 г.—1 мая и 31 августа.

Отъ Выбельской сотни: за 1768 годъ 2 марта, другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Отъ Слабинской сотни: за 1769 г.—2 марта, 2 мая, 2 сентября, другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Отъ Бѣлоусской сотни: за 1768 годъ—29 февраля, 10 августа, другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Отъ Понорницкой сотни: за 1768 г.—3 марта, 17 сентября; за 1769 г. 20 сентября; за 1770 г.—21 мая, сентябрь, За 1771 г. 31 генваря.

Отъ Городницкой сотни: за 1768 г.—12 мая, 30 августа, 29 декабря; за 1769 г.—30 апрѣля, 5 іюня, 30 августа, 31 декабря; за 1770 г.—19 япрѣля и 30 апрѣля.

Такимъ образомъ, число вѣдомостей отъ различныхъ сотенъ не было одинаковымъ, большинство посылало ихъ по третямъ, какъ и требовалось Черниговской полковой канцеляріей, но нѣкоторыя сотенныя правленія, какъ Сосницкое и Менское, посылали вѣдомости ежемѣсячно, большей частью точно копируя одну съ другой, хотя, съ другой стороны, въ теченіе одного мѣсяца и не могло произойти какихъ-либо замѣтныхъ перемѣнъ.

Отъ многихъ сотенъ нѣтъ всѣхъ вѣдомостей по третямъ, а у нѣкоторыхъ, какъ у Бѣлоусской, Слабинской, Выбельской, Киселевской, всего по 2—3 вѣдомости.

Такое отсутствіе вѣдомостей, повидимому, не можетъ служить указаніемъ на отсутствіе обученія въ данное время въ этихъ сотняхъ, а, вѣроятно, или онѣ не были почему-либо присланы, или же и были присланы, но не попали въ это дѣло. Такъ, Слабинское сотенное правленіе въ рапортѣ 1768 г. 3 марта пишетъ: „оніе козачіе дѣти грамоты и воинской экзерциціи на такомъ основаніи, какъ вотправленной прошедшаго февраля 5 дня ведомости показано обучаются“, но этой февральской вѣдомости въ дѣлѣ нѣтъ. Съ другими вѣдомостями могло случиться то же. Отсутствіе вѣдомостей отъ Роиской сотни остается сомнительнымъ. Предположить, что въ ней не было обученія козачихъ дѣтей за время 1768—

1770 гг.. врядъ ли возможно, такъ какъ это было бы явнымъ неисполненіемъ ордера Румянцева, а Румянцевъ былъ весьма строгъ и требователенъ въ исполненіи своихъ приказаній, тѣмъ болѣе, что въ первой вѣдомости, вѣроятно, за 1767 г., въ Роиской сотнѣ показано 24 ученика обучающихся грамотѣ и 62—экзерциіи. Скорѣе нужно предположить, что вѣдомости оть этой большой сотни, имѣвшей, по „Обозрѣнію Румянцевской описи“ Лазаревскаго 41 селеніе, не попали почему-либо въ число вѣдомостей этого дѣла. Отсутствіе же указаній вѣдомостей на обученіе козачьихъ дѣтей, въ громадномъ большинствѣ селеній полка, показываетъ, безъ сомнѣнія, что въ нихъ обученія не было, такъ какъ сотенная старшина старалась, вѣроятно, скорѣе преувеличить, а не уменьшить число обучающихся дѣтей, изъ желанія угодить своему полковому начальству, которое, какъ видно, изъ рапорта Милорадовича, ждало отъ поощренія народному просвѣщенію себѣ награды.

Теперь разсмотримъ данныя вѣдомостей.

III.

Число учениковъ, обучавшихся грамотѣ и воинской экзерциіи.

Наиболѣе важными и полными данными вѣдомостей являются данныя о числѣ учениковъ, обучающихся грамотѣ и воинской экзерциіи. Эти данныя намъ кажутся вполнѣ достовѣренными, потому что въ вѣдомостяхъ точно указывается имя, отчество и фамилія каждаго ученика, поэтому врядъ ли эти ученики могли быть выдуманы. Большое сомнѣніе вызываетъ только двѣ вѣдомости Столинской и Седневской сотенъ за 1775 г. Въ Столинской вѣдомости показано обу-

чающихся грамотѣ 5 чел., изъ нихъ 3 были и въ 1768 году, при чемъ возрастъ двумъ изъ нихъ показанъ такъ: въ 1769 г. одному было 10 лѣтъ, по вѣдомости 1775 г. показано 13 л., другому въ 1769 г. было 10, по вѣдомости 1775 г. тоже 13.

Экзерциціи обучаются 31 чел., изъ нихъ 17 были въ 1769 г., при чемъ возрастъ ихъ показанъ тоже неправильно.

Возрастъ														
по вѣд. 1769 г. . .	12	10	10	10	10	10	11	12	13	11	14	12	12
										13	12	12	14
„ „ 1775 г. . .	17	14	15	16	16	14	18	16	17	17	18	17	18
										18	17	16	18
И того разница													
за 6 лѣтъ	5.	4.	5.	6.	6.	4.	7.	4.	4.	6.	4.	5.	6.
										5.	5.	4.	4.

Только въ пяти случаяхъ возрастъ показанъ правильно. Хотя нужно отмѣтить, что возрастъ учениковъ вообще въ вѣдомостяхъ показанъ удивительно неправильно, о чемъ будетъ сказано подробно при разсмотрѣніи вообще возраста учениковъ. Но одно присутствіе учениковъ въ теченіе 8 лѣтъ въ школѣ вызываетъ нѣкоторое сомнѣніе, поэтому данныхъ этихъ двухъ вѣдомостей я не буду принимать во вниманіе при послѣдующихъ выводахъ [1]).

[1]) Нужно предположить, что эти вѣдомости были составлены наспѣхъ, такъ какъ окончилась первая турецкая война и Румянцевъ возвратился въ Малороссію: къ его пріѣзду, повидимому, сотен. правленія и поспѣшили приготовить вѣдомости, которыя, можетъ быть, они прекратили посылать.

Число обучающихся грамотѣ показано во всѣхъ вѣдомостяхъ, число же обучающихся экзерциціи указано не вездѣ, особенно, начиная съ 1769 года; причиной этого сотенныя канцеляріи выставляютъ недостатокъ въ учителяхъ экзерциціи, такъ какъ прежніе учителя ушли на войну, а новыхъ не имѣется.

Объ этомъ доноситъ Березинское сотенное правленіе оъ рапортѣ отъ 27 августа 1769 года. Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ слѣдующій указъ полковой канцеряріи.

На основаніи донесенія сотен. Берез. правл. о неимѣніи учителей воинской экзерциціи Черниг. пол. канцелярія приказываетъ: „велѣть, ежели нинѣ в наличности козаковъ нетъ таковихъ, которие экзерциціи ведать не могутъ, то по одному человѣку с куреней сискавъ в сотенное правленіе, самимъ присудствующимъ изъ козаковъ обучить той экзерциціи, чтобъ и они козаки могли всехъ способнихъ козачихъ дѣтей обучать и темъ указомъ повелѣнное исполненіе не оставлять и сотенному березинскому правленію учинить по сему указу 1770 г., октября 14 дн. Полковой писарь Бакуринскій".

Ту же причину выставляетъ и Любецкое сотенное правленіе—„за раскомандированіемъ виборныхъ козаковъ обучаться (экзерциціи) приостановились, яко козаки подпомошники обучать экзерциціи не умѣютъ".

Пріостановка обученія въ Менской сотнѣ объясняется слѣдующимъ доношеніемъ.

8 апрѣля 1768 г. Сотникъ Менской Сахновскій доноситъ, что онъ представить вѣдомости объ обученіи козачьихъ дѣтей не можетъ, т. к. еще не происходило назначенія выборныхъ козаковъ и ихъ спомогателей; на это доношеніе послѣдовало слѣд. опредѣленіе Черн. полк. Милорадовича: „1768 года апрѣля 14 д. по докладѣ опредѣлено къ нему сотнику Менскому Сахновскому . . . . . Послать ордеръ; велѣть когда асауломъ полковимъ Господиномъ Сахновскимъ в

сотнѣ Менской всѣ козаки к виборной службѣ і к нимъ спомогатели будутъ вибраны, тѣхъ виборнихъ козаковъ и ихъ спомогателей дѣтей опредѣлить ко обученію грамоти і воинской экзерциіи и прилѣжное смотреніе имѣть ему самому, не полагаясь ни какого, а въ отлучку его сотника сотеной присудствующей старшинѣ, чтобъ тѣхъ всѣхъ виборнихъ в службу козаковъ и ихъ спомогателей дѣти обучаемы способніе грамоти, а прочіе воинской экзерциіи по силѣ прежде посланного к нему ордера немедлено и об онихъ присилать по третямъ года при репортахъ вѣдомосты. Полковникъ Милорадовичъ".

На вѣдомости Бѣлоусской сотни имѣется слѣдующая приписка:

„Сіе всѣ, за опредѣленіемъ ихъ къ набраннимъ вновь въ виборніе козаки братьямъ и родственникамъ ихъ, воинской экзерциіи обучатся приостановились и не обучаются".

Такимъ образомъ полковая канцелярія внимательно слѣдила за обученіемъ козачьихъ дѣтей и, въ случаѣ пріостановки, требовала немедленнаго его возобновленія. При опредѣленіи количества учащихся громотѣ и воинской экзерциіи мы не будемъ приводить числовыхъ данныхъ по всѣмъ вѣдомостямъ, такъ какъ періодъ времени—три года, настолько не великъ, что рѣзкихъ перемѣнъ въ составѣ учащихся не могло произойти, поэтому вѣдомости большей частью повторяютъ предыдущія данныя, прибавляя или убавляя небольшое число прибывшихъ, или выбывшихъ. Мы опредѣлимъ только данныя первой вѣдомости и послѣдней, чтобы увидѣть разницу въ числѣ учениковъ за три года. А затѣмъ укажемъ, какое число учениковъ выбыло за эти три года и вновь поступило, чтобы опредѣлить быстроту смѣны учащихся.

Сотня Синявская.

Количество учениковъ, обучавшися грамотѣ по вѣдомости 1768 г. 25 февраля:

Въ м. Синявкѣ	8	учениковъ,
„ с. Волосковцахъ	2	„
„ с. Низковкѣ	6	„
И того въ сотнѣ	16	учениковъ.

Измѣненія въ количествѣ учениковъ по вѣдомостямъ 1768, 1769 и 1770 г.г. произошли слѣдующія:

Новыхъ учениковъ прибыло . .	7.
Изъ прежнихъ выбыло	4.

Всего учениковъ, въ сотнѣ по послѣдней вѣдомости 1770 г. 31-го дек.—19.

Количество учениковъ, обучавшихся экзерциіи по вѣдомости 1768 года 25 февраля:

Въ м. Синявкѣ	24
„ с. Волосковцахъ	30
„ с. Низковкѣ	8
И того . .	62.

Измѣненія въ количествѣ учениковъ по послѣдующимъ вѣдомостямъ 1768, 69 и 70 г.г. произошли слѣдующія:

Прибыло учениковъ	53
Выбыло „	58.

Всего учениковъ по послѣдней вѣдомости 1770 г. 31 декабря осталось 57.

Сотня Седневская.

Количество учениковъ, обучавшихся по вѣд. 1768 г. 29 февр.—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ с. Макшинѣ	4	28
„ с. Дирчинѣ	—	2
„ д. Конотопѣ	—	5
„ с. Смячѣ	3	1
„ с. Руднѣ	3	12
„ с. Петровой слободѣ.	—	2
„ д. Камкѣ	—	4
„ с. Хотуничахъ . . .	3	3
„ д. Чернышахъ . . .	2	8
„ д. Боркахъ	—	5
„ с. Боромакахъ . . .	2	—
„ с. Клочковѣ	2	22
„ с. Сахновкѣ	5	9
И того:	24.	101.

По вѣдомостямъ 1768, 69, 70 г.г. обучавшихся—

	грамотѣ:	экзерциціи:
учениковъ выбыло . . .	13	75
„ прибыло . .	6	4
И того:	7.	71.

И того по вѣд. 1770 г. 31 декабря:
грамотѣ обучается . . . 17
экзерциціи „ . . . 30.

По вѣдомости же 1775 г. 30 апрѣля
грамотѣ учится . . . . 8 чел.
экзерциціи „ . . . . 21 чел.

При чемъ ученики все тѣ же.

Сотня полковая.

Первыя двѣ вѣдомости отъ 1768 г. 29 февр. и 1768 г. 28 марта показываютъ количество учащихся только въ двухъ селеніяхъ, всего 3 ученика; поэтому въ основу при опредѣленіи количества учениковъ лучше взять вѣдомость 1768 г. 9 іюля; въ этой вѣдомости указано больше селеній, а также указаны и обучающіеся экзерциціи.

Количество учениковъ по вѣд. 1768 г. іюля, обучающихся—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ с. Яновкѣ	2	—
„ с. Красномъ	2	6
„ с. Лукашевкѣ . . .	1	3
„ д. Скоренцѣ	2	4
„ д. Слободкѣ	—	7
„ с. Колочевкѣ . . .	5	2
И того. .	12.	22.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ 1768, 69, и 70 г.г. учениковъ выбыло 3, учившихся грамотѣ (тѣ, что показаны въ первыхъ двухъ вѣдомостяхъ).

Измѣненій въ количествѣ учениковъ по остальнымъ вѣдомостямъ, какъ обучающихся грамотѣ, такъ и экзерциціи не произошло никакихъ.

Киселевская сотня.

По вѣдомости 1768 г. 28 дн. количество, обучающихся—

	грамотѣ:	экзерциціи (по вѣд. 1768 г. 30 апрѣля):
Въ с. Киселевкѣ . . .	10	
„ м. Александровкѣ. .	15	35
„ д. Верхолѣсьѣ . . .	4	
„ с. Чепелевѣ	2	
И того . . .	31.	35.

По слѣдующей вѣдомости обучающіеся грамотѣ указаны тѣ же, и экзерциціи 35 чел., другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Столинская сотня.

	Количество обучающихся—	
	грамотѣ (по вѣд. 1768 г. 29 февраля):	экзерциціи (по вѣд. 1768 г. 30 марта):
Въ с. Стольномъ	7	22
„ с. Блиставѣ	4	20
„ с. Степановкѣ	6	19
И того	17.	61.

По послѣднимъ вѣдомостямъ 1768, 69 и 70 г.г. въ количествѣ обучающихся грамотѣ никакихъ измѣненій не произошло.

Изъ обучающихся экзерциіи:

выбыло . . . 11
прибыло . . . 1.

Осталось по послѣдней вѣд. 1770 г. 31 декабря 51 чел.

Грамотѣ обучается 5 учениковъ, изъ нихъ 3 были и въ 1768 г., а 2 новыхъ.

Экзерциіи обучается 31 чел., изъ нихъ 17 были и по прежнимъ вѣдомостямъ, а 14 новыхъ.

Волынская сотня.

Количество обучающихся по вѣдомости 1768 года 28 апрѣля—

	грамотѣ:	экзерциіи:
Въ с. Волинки	5	9
„ с. Ольшаномъ . . .	4	9
„ с. Чорнотичахъ . . .	3	5
И того. . . .	12.	23.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ обучающихся грамотѣ учениковъ прибыло 8, выбыло 8. Осталось по послѣдней вѣдомости 12.

Обучающихся экзерциіи прибыло 46, выбыло 11. Осталось, по послѣдней вѣдомости 1770 г. 30 декабря, 58.

Сотня Сосницкая.

Количество учениковъ, обучающихся по вѣд. 1768 г. февраль—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ м. Сосницѣ (въ 4 куреняхъ) .	13	2
„ с. Лавахъ	4	8
„ с. Кирѣевкѣ	8	6
„ с. Кудровкѣ	3	—
„ с. Конятинѣ	4	—
„ с. Змѣтневѣ	7	11
„ Купчичѣ	1	—
„ Спасскомъ	3	—
„ Ляшковичахъ. . . .	—	2
И того. . . .	43.	29.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ въ составѣ и количествѣ учениковъ произошли слѣдующія измѣненія.

	Обучающихся— грамотѣ:	экзерциціи:
Учениковъ выбыло . . .	18	2
„ прибыло . . .	7	—
И того	—12.	—2.

По послѣдней вѣдомости 1770 г. 31 августа обучались грамотѣ 31, экзерциціи не показано.

Сотня Менская.

	Количество учениковъ обучающихся—		
	грамотѣ (по вѣд. 1768 г. 1 марта):		экзерциціи (по вѣд. 1771 г. 1 января):
Въ м. Менѣ	11		33
„ с. Даниловкѣ	2		8
„ с. Величковкѣ . . .	3		6
„ с. Бабѣ	2		20
„ с. Дяговѣ	5		6
„ с. Феськовкѣ	2		4
„ с. Бондаровкѣ [1]). . .	—		2
„ с. Куковичи	2	по вѣд. 1771 г. 1 января.	13
„ с. Пинѣ.	3		8
„ с. Домашлинѣ . . .	2		6
И того	32.		106.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ въ составѣ и количествѣ учениковъ произошли слѣдующія измѣненія.

Изъ обучающихся грамотѣ выбыло учениковъ 10
прибыло „ 57

И того . . 27.

Обучающихся экзерциціи по предыдущимъ вѣдомостямъ не было показано, а только по послѣдней 1771 г. 1 января [1]).

[1]) Послѣднія 4 селенія въ предыдущихъ вѣдомостяхъ совсѣмъ не показаны, а только въ послѣдней 1771 г. 1 января.

Сотня Березинская.

Количество учениковъ по вѣд. 1768 года 29 февр. обучающихся—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ м. Березномъ	30	12
„ с. Локнистомъ	2	0
„ с. Городищы	7	16
И того	39.	37.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ въ составѣ учениковъ произошли слѣдующія перемѣны.

Учениковъ обучающихся—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Прибыло	39	36
Выбыло	19	17
И того	+20.	+19.

По послѣдней вѣдомости учениковъ обучающихся:

грамотѣ . . . 59.
экзерциціи . . 56.

Любецкая сотня.

По вѣдомости 1768 г. 1 марта указано только общее количество учениковъ, обучающихся грамотѣ: 20 человѣкъ, экзерциціи совсѣмъ не указано, а указано въ вѣд. 1768 г. 31 августа: 21 чел.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ число учениковъ обучающихся грамотѣ уменьшилось на 3, а экзерциіи тоже уменьшилось на 10.

По послѣдней вѣдом. 1770 г. 31 августа грамотѣ обучается 18 челов., а экзерциіи не обучаются за неимѣніемъ учителей.

Вибельская сотня.

По этой сотнѣ имѣется только одна вѣдомость за 1768 г. 2 марта.

Количество учениковъ обучающихся—

	грамотѣ:	экзерциіи:
Въ с. Вибляхъ	7	8
„ д. Пескахъ	3	2
„ с. Онисовѣ	1	—
„ с. Боклановѣ-Муравейкѣ	1	3
„ с. Грибовкѣ	2	3
„ с. Орловкѣ	9	9
„ с. Великой-Муравейкѣ .	2	5
„ с. Горбовѣ	4	—
И того.	29.	30.

Слабинская сотня.

По вѣдом. 1768 г. 2 мая обучается:

грамотѣ . . . . . 13 чел.
экзерциіи . . . . 28 чел.

Вѣдомостей за 1769 г. и 70 г. нѣтъ.

Бѣлоусская сотня.

По вѣдом. 1768 г. 29 февр. обучается—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ с. Евтуховомъ-Бѣлоусѣ.	3	—
„ д. Киселевкѣ	1	1
„ д. Товстолѣсьѣ	7	2
„ с. Брусиловѣ	7	2
„ с. Хмельницѣ	3	2
„ с. Юровкѣ	4	—
„ с. Руднѣ	2	—
„ с. Мохнатинѣ	3	3
„ с. Бобровицѣ	—	4
„ д. Черторѣйкѣ	—	2
И того. . .	30.	16.

Имѣется еще только одна вѣдомость за 1768 г. 10 августа, по ней грамотѣ обучается 30 ч., а экзерциціи 13 ч. Другихъ вѣдомостей нѣтъ.

Сотня Понорницкая.

Первыя вѣдомости за 1768 г. очень краткія, поэтому въ основу для опредѣленія количества учащихся лучше взять вѣдомость 1769 г. 20 сент., болѣе подробную. По ней обучается—

	грамотѣ:	экзерциціи:
Въ с. Оболонѣ	2	1
„ с. Городыщѣ. . . .	6	—
„ д. Гавриловкѣ . . .	1	2
„ д. Савинкахъ . . .	—	4
„ с. Вишенкахъ . . .	1	1
„ с. Разлетахъ . . .	1	2
„ с. Радычевѣ. . . .	—	2
„ с. Мызинѣ	2	—
„ с. Покошичахъ . . .	9	—
„ с. Ивиковѣ	—	3
„ с. Шаболтасовкѣ . .	3	—
„ с. Авдѣевкѣ	3	—
„ с. Хлопанякахъ . .	6	—
И того. . .	34.	15.

По другимъ вѣдомостямъ въ составѣ учениковъ произошли слѣдующія перемѣны:

	грамотѣ:	экзерциціи:
прибыло	2	1
выбыло	18	14
И того. . .	16.	13.

По послѣдней вѣд. 1771 г. 31 янв. грамотѣ обучается 18, экзерциціи 2.

Сотня Городницкая.

По вѣдомости 1768 г. 12 мая обучается—

	громотѣ:	экзерциіи:
Въ м. Городнѣ	8	7
„ с. Хриновкѣ	4	3
„ с. Дубровномъ . . .	—	2
„ с. Спичинѣ	—	8
„ с. Листвинѣ . : . .	1	5
„ с. Тупичевѣ	—	4
„ с. Вихвостовѣ . . .	5	5
„ с. Куликовкѣ . . .	—	9
„ с. Ивановкѣ	—	11
„ с. Бабичахъ	5	—
„ с. Мощонкахъ . . .	1	4
„ д. Овтуничахъ . . .	3	5
„ с. Хотиновкѣ . . .	2	5
И того. . .	29.	67.

По послѣдующимъ вѣдомостямъ учениковъ:

	грамотѣ	экзерциіи
выбыло	17	51
прибыло	6	1
И того. . .	11.	50.

По послѣд. вѣдомости 1770 г. 30 апрѣля обучается:

грамотѣ . . . . . 18.
экзерциціи . . . . . 17.

Всѣ эти данныя по отдѣльнымъ вѣдомостямъ можно свести въ слѣдующую таблицу:

Названіе сотенъ.	число учениковъ, обучавшихся грамотѣ.		число учениковъ, обучавшихся экзерц.		сколько учениковъ, обучавшихся грамотѣ,		сколько учениковъ, обучавшихся экзерциціи,	
	по первой вѣдомости	по послѣдней вѣдомости	по первой вѣдомости	по послѣдней вѣдомости	прибыло	выбыло	прибыло	выбыло
Синявская	16	19	62	57	7	4	53	58
Сѣдневская	24	17	101	30	6	13	4	75
Полковая	12	9	22	22	—	3	—	—
Столинская	17	17	61	51	—	—	1	11
Киселевская	31	—	35	—	—	—	—	—
Волынская	12	12	23	58	8	8	46	11
Сосницкая	43	31	29	—	7	19	—	2
Менская	25	32	—	106	37	10	—	—
Березинская	39	59	37	56	39	19	36	17
Любецкая	20	18	21	—	—	3	—	10
Выбельская	29	—	30	—	—	—	—	—
Слабинская	14	—	28	—	—	—	—	—
Бѣлоуская	30	—	16	—	—	—	—	—
Понорницкая	34	18	15	2	2	18	1	14
Городницкая	29	18	67	17	6	17	1	51
И того:	375.	250.	547.	399.	112.	114.	142.	249.

Разсматривая теперь полученныя статистическія данныя, мы видимъ, что если взять общее число учениковъ по первой вѣдомости и по послѣдней, то разница получится довольно большая, такъ какъ число учениковъ, обучавшихся грамотѣ, уменьшится на 125, а обучавшихся экзерциціи на 148. Но въ виду того, что отсутствіе вѣдомостей за 1770 г. въ сотняхъ Киселевской, Выбельской, Слабинской, Бѣлоусской, въ показаніи учениковъ, обучавшихся грамотѣ и экзерциціи, и въ показаніи учениковъ, обучавшихся экзерциціи, въ сотняхъ Сосницкой и Любецкой, не можетъ еще служить доказательствомъ, что учениковъ тамъ совсѣмъ не было, а отсутствіе вѣдомостей могло быть по другимъ причинамъ, то правильнѣе будетъ, для сравненія числа учениковъ по первой и послѣдней вѣдомостямъ, взять только тѣ сотни, которыя имѣютъ ту и другую вѣдомости.

Такъ для опредѣленія обучающихся грамотѣ возьмемъ сотни: Синявскую, Седневскую, Полковую, Столинскую, Волынскую, Сосницкую, Менскую, Березинскую, Любецкую, Понорницкую и Городницкую. Въ нихъ число учениковъ, обучающихся грамотѣ по первой вѣдомости будетъ равняться 266, по послѣдней 246, т. е. уменьшилось на 20 учениковъ.

Для опредѣленія обучающихся экзерциціи возьмемъ сотни: Синявскую, Седневскую, Полковую, Столинскую, Волынскую, Березинскую, Понорницкую и Городницкую. Въ нихъ число обучающихся экзерциціи по первымъ вѣдомостямъ будетъ равняться 408, а по послѣднимъ 293, т. е. уменьшилось на 115 учениковъ. Такимъ образомъ, количество учениковъ, обучающихся грамотѣ, уменьшилось гораздо меньше, чѣмъ обучающихся экзерциціи.

Разсматривая далѣе количество учениковъ, прибывшихъ и выбывшихъ, мы видимъ, что измѣненія въ составѣ учени-

ковъ, обучающихся грамотѣ, прибывшихъ 112, выбывшихъ 114, весьма незначительны.

Разница же въ количествѣ учениковъ, обучающихся экзерциціи, между прибывшими—142 и выбывшими — 249, весьма значительна—107.

Такимъ образомъ, если судить о состояніи обученія козачьихъ дѣтей по измѣненію ихъ въ количествѣ за три года, 1768—1770, то можно констатировать, что обученіе дѣтей грамотѣ, если не прогрессировало, то не упало. Обученіе же экзерциціи явно клонилось къ упадку. Очевидно, обученіе грамотѣ соотвѣтствовало потребностямъ и желаніямъ козаковъ, обученіе же экзерциціи считалось обременительнымъ и ненужнымъ, чѣмъ и можно объяснить желаніе сотенныхъ правленій увернуться отъ него подъ всякими предлогами.

IV.

Обученіе грамотѣ.

Школами, гдѣ обучались дѣти, были приходскія школы при церквахъ; на это есть точныя указанія во всѣхъ вѣдомостяхъ, за исключеніемъ вѣдомостей Седневскаго и Любецкаго сотенныхъ правленій, но и тамъ, безъ сомнѣнія, были тѣ же приходскія школы, только вѣдомости эти вообще отличаются краткостью, поэтому объ этомъ, какъ общеизвѣстномъ фактѣ, въ нихъ не упомянуто. Но кромѣ этихъ школъ, бывшихъ во всѣхъ сотняхъ, были еще и другія.

Такъ, въ вѣдомости Волынской сотни отъ 1770 г. 31 августа сказано: „оніе дѣти обучаются при сотенномъ волинскомъ правленіи“; въ другой же вѣдомости 1770 г. 30 декабря сказано о тѣхъ же дѣтяхъ, что они учатся „подъ присмотромъ дячка“ при церкви. Слѣдовательно, при сотен-

ной канцеляріи дѣти обучались временно, такъ какъ до этого ихъ обучали дьячки.

Объ обученіи дѣтей при сотенныхъ канцеляріяхъ имѣются указанія и въ другихъ вѣдомостяхъ; такъ, при Сосницкой сотенной канцеляріи находится 2 мальчика въ обученіи письму; въ вѣдомости 1768 г. 2 сентября Слабинской сотни сказано, что дѣти „при Слабинской канцеляріи въ обученіи письменныхъ дѣлъ обретаются“: это тѣ самые дѣти, которыя были раньше и послѣ этого въ обученіи у дьячковъ.

При Бѣлоусскомъ сотенномъ правленіи находится въ обученіи „писать на бумагѣ“ 2 ученика 14 и 15 лѣтъ. При Понорницкомъ сотенномъ правленіи находится въ обученіи письму шесть мальчиковъ, они же потомъ учатся у дьячковъ. При Городницкомъ сотенномъ правленіи обучается письму два мальчика.

Такимъ образомъ, сотенныя правленія были тоже школами, но исключительно письма; вѣроятно, они показывали мальчикамъ особые какіе-либо пріемы въ области канцелярскаго письмоводства, такъ какъ эти же мальчики учились письму и у дьячковъ. Этимъ можно объяснить временный характеръ обученія дѣтей при сотенныхъ канцеляріяхъ.

Есть еще слѣдующія единичныя указанія на мѣста обученія дѣтей. Въ Березинской сотнѣ: одинъ мальчикъ учится „въ Менѣ при канцеляріи земскаго суда“, другой— „у инспектора бородушнаго Григорія Приклонского“. Два сына Куреннаго атамана учатся „въ домѣ отца своего“. Въ Бѣлоусской сотнѣ два учатся „въ Чернѣговѣ Латинскаго языка“.

Такимъ образомъ, школами, гдѣ обучались козачія дѣти были церковно-приходскія школы главнымъ образомъ. Такихъ приходскихъ школъ въ 78 селеніяхъ, указанныхъ въ вѣдомостяхъ, было 89. Въ каждомъ изъ этихъ се-

леній было по одной школѣ и только въ слѣдующихъ сотенныхъ мѣстечкахъ по цѣскольку: въ Городнѣ 3, въ Березномъ 4, въ Менѣ 3, въ Синявкѣ 2, въ Сосницѣ 4.

Въ слѣдующей таблицѣ мы сгруппируемъ приходскія школы и селенія, имѣвшія ихъ, по сотнямъ, а также и число селеній, по сотнямъ Черниговскаго полка, по „Обозрѣнію Румянцевской описи“ Лазаревскаго.

Названіе сотенъ Черниговскаго полка.	Число селеній по „Обозрѣнію Рум. оп.“ Лазаревскаго.	Число селеній, имѣющихъ приходскія школы.	% отношенія селеній, имѣющихъ школы, къ числу селеній по „Описи“.	Число приходскихъ школъ.
Полковая	12	5	41,6%	5
Бѣлоусская . . .	47	8	17,0%	8
Выбельская . . .	15	8	53,3%	8
Слабинская. . . .	17	число селеній и школъ въ вѣдомостяхъ не указаны.		
Любецкая	116			
Роисская.	41	въ вѣдомостяхъ 1768-70 г.г. нѣтъ.		
Городницкая . . .	55	8	14,5%	10
Седневская	33	8	24,2%	8
Березинская . . .	10	3	30,0%	6
Столинская	4	3	75,0%	3
Менская	27	6	22,2%	8
Синявская	5	3	60,0%	4
Киселевская . . .	33	4	12,1%	4
Сосницкая	15	8	53,3%	11
Волынская	8	4	50,0%	4
Понорницкая . . .	Въ „Обозрѣніи“ нѣтъ.	10	—	10
И того. . . .	438.	78.	—	89.

Теперь, если взять общее число селеній, имѣющихъ приходскія школы,—78 по отношенію ко всему количеству селеній полка—438, то они составятъ 17,8%. Но, такъ какъ въ сотняхъ Слабинской, Любецкой и Роисской число селеній не показано въ вѣдомостяхъ, а Понорницкой сотни нѣтъ въ „Обозрѣніи Румянцевской Описи", то для сравненія правильнѣе взять число селеній безъ этихъ сотенъ; тогда общее число селеній полка будетъ 264, а число селеній, имѣвшихъ школы, будетъ 68, что составитъ 29,5%, т. е. почти треть селеній.

Такимъ образомъ количество селеній, имѣвшихъ приходскія школы, гдѣ обучались козачія дѣти, было довольно значительно для того времени.

Что касается состава учителей въ приходскихъ школахъ, то учителями были исключительно дьяки. Единственное только исключеніе представляетъ мѣстечко Березное, гдѣ въ одномъ приходѣ два ученика учатся „грамоткѣ у пономаря", и въ другомъ приходѣ—пять учениковъ учатся (4 часословцу и 1 грамоткѣ) „у Якова Гриценка школьника" [1]). Въ остальныхъ школахъ учителя только дьяки.

Чему обучались дѣти въ школахъ и въ какомъ возрастѣ, не во всѣхъ вѣдомостяхъ, къ сожалѣнію, указано. Но по тѣмъ немногочисленнымъ даннымъ, которыя имѣются, можно свести учащихся въ слѣдующія группы по предметамъ обученія и по возрасту.

---

[1]) „Школьникъ" это, очевидно, старшій ученикъ, помогавшій дьячку въ обученіи дѣтей. Смотр. объ этомъ: Павловскій „Кіевск. Стар." за 1904 г. кн. I, стр. 6; Крыжановскій, Сочиненія т. 1, стр. 398; Данилевскій. „Народныя школы". стр. 290.

Чему учились.	Сколько учениковъ.	Замѣчанія.
Букварю [1])	4	
Грамоткѣ	61	Изъ нихъ 31 вновь поступившихъ.
Часословцу	66	Изъ нихъ только о двухъ сказано какого гласу. 4 ученика вновь поступившихъ.
Псалтиру	122	Объ 11 сказано, какой „кафтизмѣ:“ 3—второй, 2—шестой, 1—седьмой, 2—десятой, 1—четырнадцатой, 2—пятнадцатой. Изъ вновь поступившихъ 6 человѣкъ.
Октоиху	7	
Писать на таблицѣ .	7	203
Писать на бумагѣ .	19	
Писать	177	

Такимъ образомъ, самое большое количество учениковъ училось писать, затѣмъ псалтири, потомъ часословцу, грамоткѣ, и меньше всего октоиху и букварю. При чемъ, какъ видно, изъ немногочисленныхъ случаевъ, когда вѣдомости обозначали, обученіе письму имѣло двѣ ступени, первая, вѣроятно, „писать на таблицѣ“, вторая „на бумагѣ“. Въ какомъ порядкѣ учились другимъ предметамъ, можно судить по возрасту учащихся, но нужно замѣтить, что возрастъ учащихся опредѣляется далеко не во всѣхъ вѣдомостяхъ, а

[1]) Весьма возможно, что букварь и грамотка, какъ думаетъ г. Павловскій, одно и то же, (Кіевск. Стар. за 1904 г. кн. 1, стр. 10), но въ виду того, что въ вѣдомостяхъ вообще нѣтъ никакихъ указаній на составъ и характеръ учебниковъ, я не рѣшаюсь отожествлять ихъ.

затѣмъ опредѣленіе возраста отличается въ большинствѣ сотенъ удивительной неточностью. Это видно будетъ изъ сопоставленія нѣкоторыхъ данныхъ о возрастѣ учащихся въ слѣдующихъ сотняхъ по разнымъ вѣдомостямъ.

Въ Столинской сотнѣ однихъ и тѣхъ же учениковъ лѣта:

По вѣдомости 1768 г. 29 февраля . . .	14	8	12
По вѣдомости 1768 г. 30 апрѣля . . .	13	10	11
Разница . . .	—1.	—2.	—1.

Въ Волынской сотнѣ однихъ и тѣхъ же учениковъ лѣта:

По вѣд. 1768 г. 28 дек.	12	13	13	11	14	11	12	14	14
По вѣд. 1769 г. 31 авг.	15	16	15	13	17	16	14	15	16
Разница въ теченіе 6 мѣсяцевъ	+3.	+3.	+2.	+2.	+3.	+5.	+2.	+1.	+2.

Въ Сосницкой сотнѣ однихъ и тѣхъ же учениковъ лѣта:

По вѣд. 1768 г. февр.	15	13	11		13	20	15	15	18
По вѣд. 1768 г. апр.	17	14	15	31 дек.	14	18	18	16	16
Разница . . .	+2.	+1.	+4.		+1.	—2.	+3.	+1.	—2.

Такая неточность въ опредѣленіи возраста дѣтей, на разстояніи столь небольшого времени, является совершенно непонятной. Ее можно объяснить или небрежностью сотенныхъ правленій при составленіи вѣдомостей, или же особымъ способомъ опредѣленія возраста, можетъ быть, на глазъ или путемъ опроса самихъ учениковъ, или кого-либо другого, не освѣдомленнаго объ ихъ возрастѣ.

Въ виду такой неточности вѣдомостей въ опредѣленіи возраста, данными этими нужно пользоваться не съ полнымъ довѣріемъ, а съ осторожностью. Съ этой оговоркою мы сгруппируемъ эти данныя, сколько ихъ имѣется, для опредѣленія порядка изученія различныхъ предметовъ.

Чему учились.	Сколько учениковъ, въ какомъ возрастѣ.
Букварю	2 ученика 5 лѣтъ и 2 семи лѣтъ.
Писать на таблицѣ.	1—11 л.; 4—13 л.; 1—14 л.
Писать на бумагѣ.	1—11 л.; 2—12 л.; 4—13 л.; 2—10 л.; 2—15 л.; 1—16 л.
Писать	3—9 л.; 4—10 л.; 5—11 л.; 6—12 л.; 1—13 л.; 1—14 л.; 3—15 л.; 3—16 л.; 3—17 л.; 2—18 л.
Часословцу . . .	5—7 л., 6—8 л.; 3—9 л.; 5—10 л.; 1—11 л.; 3—12 л.; 1—13 л.
Псалтири	7—7 л.; 3—8 л.; 2—9 л.; 11—10 л.; 4—11 л.; 5—12 л.; 3—13 л.; 2—14 л.; 1—15 л.; 1—18 л.
Грамоткѣ	2—6 л.; 3—7 л.; 5—8 л.; 1—10 л.

Этихъ данныхъ слишкомъ, конечно, мало, чтобъ сдѣлать на основаніи ихъ какіе-либо выводы. Но все-таки здѣсь весьма рѣзко выдѣляется слѣдующее: самые маленькіе по

возрасту—это обучающіеся букварю и грамоткѣ, отъ 5 до 10 лѣтъ, при этомъ нужно добавить, что грамоткѣ и букварю обучались обыкновенно вновь поступившіе ученики, поэтому, съ большой вѣроятностью, можно сказать, что ученіе начиналось съ букваря или съ грамотки. Далѣе видно, что обучающіеся псалтиру и часослову не имѣютъ большой разницы въ младшемъ возрастѣ, но зато есть разница въ старшемъ возрастѣ,—часослову не учатся старше 14 лѣтъ, а псалтири учатся и 18 лѣтъ, что дѣйствительно и согласуется съ извѣстной трудностью изученія псалтири сравнительно съ часословомъ [1]).

Разницы въ обученіи письму на таблицѣ и на бумагѣ не замѣтно, но зато рѣзко выдѣляется бо́льшій возрастъ обучающихся письму вообще, съ 9 лѣтъ до 18, сравнительно съ возрастомъ обучающихся чтенію—отъ 5 до 13 лѣтъ. Такимъ образомъ, можно съ большой долей вѣроятности сказать, что обучались раньше читать, а потомъ уже писать. Читать же учились, вѣроятно, съ букваря или граматки, затѣмъ переходили къ часослову, а потомъ къ псалтири. Октоиху учи́лись, какъ видно, весьма немногіе.

Установить постепенность перехода въ обученіи различнымъ предметамъ было бы, можетъ быть, правильнѣе и точнѣе посредствомъ наблюденія смѣны предметовъ въ обученіи учениковъ по вѣдомостямъ за три года; но указанія вѣдомостей въ этомъ отношеніи весьма скудны, онѣ большей частью повторяютъ тѣ же предметы, которымъ обучались ученики по первой вѣдомости. Такую повторяемость можно объяснить или дѣйствительнымъ изученіемъ одного того же предмета въ теченіе трехъ лѣтъ, что весьма возможно, или же небрежностью составлянія вѣдомостей.

---

[1]) О такой преемственности обученія говорится и у Павловскаго, Данилевскаго и Крыжановскаго, въ упомянутыхъ статьяхъ.

Въ общемъ указанія на смѣну предметовъ обученія встрѣчаются слѣдующія:

13 учениковъ перешли отъ обученія письма къ псалтири;
7 „ „ отъ „ псалтири къ письму;
5 „ „ отъ „ часословца къ псалтири;
1 „ „ отъ „ псалтири къ часословцу;
3 „ „ отъ „ граматки къ часословцу;
1 „ „ отъ „ октоиха къ псалтири;
1 „ „ отъ „ письма къ часословцу;
2 „ „ отъ письма къ псалтири и снова къ письму.

Этихъ случаевъ, конечно, не достаточно, чтобы на основаніи ихъ прійти къ какимъ-либо выводамъ. Поэтому для сужденія о порядкѣ обученія лучше пользоваться выводами первыми, основанными на подсчетѣ учениковъ, обучающихся различнымъ предметамъ, по возрасту.

Что касается состава учениковъ, то вѣдомости даютъ свѣдѣнія исключительно о дѣтяхъ выборныхъ козаковъ и ихъ спомогателей. Опредѣлить же точно, сколько было дѣтей выборныхъ козаковъ и дѣтей спомогателей, нельзя, такъ какъ вѣдомости не даютъ объ этомъ указаній; единственная только Седневская вѣдомость даетъ отдѣльныя свѣдѣнія о дѣтяхъ спомогателей. Именно—дѣтей козаковъ выборныхъ грамотѣ обучалось 21, а дѣтей „можнѣйшихъ спомогателей“ 3.

Далѣе въ обученіе грамотѣ отдавались дѣти болѣе способныя и моложе возрастомъ, „неспособнія“ же и „переросшія“ отдавались въ обученіе экзерциціи; на это есть указанія во многихъ вѣдомостяхъ и въ ордерѣ полковой канцеляріи. А въ Понорницкой сотнѣ два ученика „за непонятность опредѣлены экзерциціи“, а раньше они обучались—одинъ писать, другой псалтири.

Интересно отмѣтить слѣдующія подробности, которыя даетъ вѣдомость Понорницкой сотни о выбывшихъ ученикахъ. О семи ученикахъ въ ней сказано: „дѣйствительно обучившихся грамотѣ“. О девяти другихъ говорится—„За разными случаями устранившихся отъ обученія 9 человѣкъ, изъ нихъ 6 за болѣзнію, 1 псаломщикомъ, 1 отлучился въ церкви для ученія“. Эти свѣдѣнія очень цѣнны; онѣ, во первыхъ, указываютъ, что не всѣ оставляли обученіе грамотѣ, „дѣйствительно“ обучившись ей, а, во-вторыхъ, что козачія дѣти изъ этихъ школъ могли попасть въ псаломщики и кромѣ грамоты еще учились при церкви, вѣроятно, богослуженію, т. е. подготовлялись, можетъ быть, къ духовнымъ должностямъ.

А въ вѣдомости Сосницкой сотни объ одномъ ученикѣ 18 л. сказано: „при сотенной канцеляріи находится писцомъ“, а о другомъ: „сынъ козачки вдовы 16 л. находится при сотенной канцеляріи“; это показываетъ, что козачьи дѣти по окончаніи школы пристраивались при канцеляріяхъ писцами.

Въ вѣдомости Бѣлоусской сотни объ одномъ ученикѣ 15 лѣтъ сказано: „Сей за опредѣленіемъ его внов набранному выборному козаку, дядѣ его Аврааму Протченку, вспомогателемъ обучатся приостановился и въ домѣ находится“, а о всѣхъ обучающихся экзерциціи въ возрастѣ: 3 учен. 13 лѣтъ, 2—14 л., 1—15 л., 3—17 л. 4—18 л., сказано: „сіе всѣ, за опредѣленіемъ ихъ къ набраннимъ вновь въ виборніе козаки братьямъ и родственникамъ ихъ, воинской экзер-

иціи обучатся приостановились и не обучаются". Изъ этихъ двухъ замѣчаній видно, что въ спомогатели опредѣлялись въ весьма раннемъ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ. Такой ранній возрастъ спомогательства, отрывавшаго дѣтей отъ школы можно объяснить военнымъ временемъ; этимъ же вообще, намъ кажется, нужно объяснить и то, что количество учениковъ за разсматриваемые нами годы не увеличилось. Безъ сомнѣнія, война, потребовавшая много выборныхъ козаковъ и ихъ спомогателей, оторвала дѣтей отъ школы.

Другія вѣдомости не объясняютъ причинъ оставленія школы учениками, предположить же, что они оставляли ученіе вслѣдствіе окончанія его, трудно, такъ какъ ученіе оставлялось ими на различныхъ ступеняхъ его—на обученіи грамотки, часослова, псалтири, октоиха и письма.

Что касается времени обученія дѣтей грамотѣ, то, судя по ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ Менской и Сосницкой сотенъ и вѣдомостямъ по третямъ года: за „генварскую", „майскую" и „октябрскую", какъ говорится въ рапортахъ полковыхъ сотенныхъ правленій, называющихъ треть по имени того мѣсяца, въ который они посылали вѣдомости, т. е. считая „генварскою" третью прошлые мѣсяцы: декабрь, ноябрь, октябрь и сентябрь; „майскою"—мѣсяцы: январь, февраль, мартъ и апрѣль; и „октябрскою"—мѣсяцы: май, іюнь, іюль и августъ, можно думать, что обученіе происходило круглый годъ, но сколько разъ въ недѣлю—неизвѣстно, вѣдомости объ этомъ не даютъ никакихъ указаній.

Во всемъ выше сказанномъ мы собрали почти всѣ тѣ свѣдѣнія, какія только могутъ дать вѣдомости объ обученіи козачьихъ дѣтей грамотѣ въ приходскихъ школахъ. Теперь возникаетъ вопросъ, были ли эти школы нововведеніемъ Разумовскаго, или онѣ были въ Малороссіи давно.

Церковно-приходскія школы съ обученіемъ чтенію и пѣнію были давно извѣстны въ Малоросіи.

„Гораздо прежде конца 16 вѣка, т. е. до начала систематическаго образованія, говоритъ Крыжановскій, въ Южной Россіи видимъ при церквахъ приходскихъ, а также и при монастырскихъ *школы*, въ которыхъ дѣти прихожанъ обучаются церковному чтенію и пѣнію, обыкновенно подъ руководствомъ дьячка, въ отведенномъ для него домѣ . . . Въ концѣ 16 вѣка, когда начали появляться и утверждать за собою право гражданства въ наукѣ школы братскія, значеніе церковныхъ школъ приходскихъ не уничтожилось, а только ограничилось . . . Въ 18 вѣкѣ мы ближе знакомимся съ этими школами. Въ каждомъ приходѣ, въ домѣ дьячка ютится по нѣскольку мальчиковъ, преимущественно изъ сиротъ или же бѣднѣйшихъ прихожанъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ дьячка, они изучаютъ букварь, часословъ и псалтирь . . . сельскія школы существовавшія на югѣ Россіи до конца 18 ст., не были школами собственно народными: онѣ имѣли цѣлію не столько образованіе, . . . сколько приготовленіе церковно-служителей“ [1]).

Не можемъ сказать точно, правъ ли Крыжановскій въ своемъ предположеніи о давности происхожденія приходскихъ школъ, но, по всей вѣроятности, эти школы, столь необходимыя, для духовенства, какъ подготовительницы церковно-служителей, были издавна заведены въ Южной Руси.

Точныя свѣдѣнія объ ихъ существованіи въ Малороссіи мы находимъ въ ревизскихъ полковыхъ книгахъ 1740—78 г. г. [2]). Еще болѣе раннее свѣдѣніе о существованіи школъ и дьячковъ-учителей въ Малороссіи Лазаревскій приводитъ въ своей замѣткѣ „О Старой Малорусской школѣ“, гдѣ приводится слѣд. архивное свѣдѣніе, относящееся къ 1726 г. Дьячекъ м. Соднева, спрошенный въ 1727 г. о про-

[1]) Крыжановскій. Сочиненія т. 3, стр. 397.

[2]) Лазаревскій. Статистическ. свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVII в. „Основа“ 1862 г. кн. 5, ст. 28—89.

исхожденіи, показалъ: что онъ ходилъ „учась по школамъ чтенія и пѣнія церковнаго по прошедшій 1726 г., а въ прошедшемъ де году пришелъ онъ до гор. Седнева и сталъ жить въ школѣ св. великомученика Георгія". [1])

Такимъ образомъ, приходскія школы съ обученіемъ чтенію, пѣнію и, вѣроятно, письму были давно уже въ Малороссіи; этими, уже готовыми, школами и воспользовался Разумовскій, заставляя козаковъ обучать ихъ дѣтей грамотѣ. Создать новыя школы съ опредѣленнымъ кругомъ ученія и учителями, хотя бы и дьяками, врядъ ли могъ Разумовскій сразу. Изъ ордера Румянцева объ обученіи козачьихъ дѣтей и рапортовъ сотенныхъ правленій видно, что школа приходская съ ея кругомъ ученія была вполнѣ опредѣленной и хорошо извѣстной населенію, почему нѣкоторыя сотенныя правленія въ своихъ вѣдомостяхъ просто указываютъ сколько учится дѣтей „грамотѣ", не указывая подробно, чему именно, понимая подъ „грамотой", очевидно, нѣчто общеизвѣстное и опредѣленное.

Поэтому намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что описанныя нами школы по вѣдомостямъ съ ихъ кругомъ обученія и есть тѣ самыя школы, которыя были извѣстны въ началѣ 18 вѣка; въ нихъ Разумовскій и Румянцевъ заставляли казаковъ обучать своихъ дѣтей. Но при этихъ школахъ, безъ сомнѣнія, былъ свой кадръ учениковъ, можетъ быть, тѣхъ самыхъ „бѣднѣйшихъ" дѣтей, о которыхъ говорилъ Крыжановскій, [2]) которыхъ церковь готовила въ церковно-служители, или же другихъ дѣтей, учившихся не по принужденію свыше, а по своей волѣ. Существованіемъ этихъ школъ *въ нѣкоторыхъ только селеніяхъ*, какъ видно по ревизкимъ книгамъ, *а не вездѣ* можно объяснить, и то странное явленіе, что учились грамотѣ козачьи дѣти, по приказанію Румян-

[1]) Кіевск. Стар. 1896 г., апрѣль, стр. 9.

[2]) Собраніе сочиненій т. III, стр. 398.

цева, далеко не во всѣхъ селеніяхъ. Очевидно, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ не было школъ, козаки и не могли обучать своихъ дѣтей. Этого, конечно, Румянцевъ не могъ отъ нихъ и требовать; иначе, какъ они могли не исполнить его приказанія? Очевидно, Румянцевъ требовалъ обученія дѣтей грамотѣ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ были старыя школы, не создавая новыхъ. Въ слѣдующей таблицѣ мы приведемъ данныя о количествѣ школъ по нашимъ вѣдомостямъ и по ревизскимъ книгамъ 1748 г., приведенныхъ у Лазаревскаго.

Сотни	Число школъ по ревизск. кн. 1748 г.[1]).	Число школъ по вѣдомостямъ 1758—1670 г.г.	Сколько убавилось или прибавилось школъ.
Полковая	11	5	—6
Бѣлоусская	4	8	+4
Выбельская	4	8	+4
Слабинская	3	Не указано.	
Роисская	9	Нѣтъ въ вѣдом. этой сотни совсѣмъ.	
Любецкая	14	Не указано.	
Седневская	11	8	—3
Городницкая . . .	17	10	—7
Березинская . . .	8	6	—2
Столенская	5	3	—2
Синявская	4	4	—0
Менская	11	8	—3
Волынская	4	4	—0
Сосницкая	13	11	—2
Киселевская . . .	8	4	—4
Понорницкая . . .	18	10	—8
И того безъ Любецкой, Слабинской и Роисской сотенъ . .	118.	89.	—29.

[1]) Лазаревскій. „Статистич. свѣдѣнія объ украинскихъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в.“ „Основа“ за 1862 г., кн. 5.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что число школъ по вѣдомостямъ 1768—70 г.г. уменьшилось на 29, сравнительно съ 1748 годомъ. Такимъ образомъ, устанавливая тожество этихъ школъ, мы устанавливаемъ и безпрерывность ихъ существованія.

Мнѣнія же Лазаревскаго [1]), что „вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ украинскаго поспольства и разными перемѣнами въ быту козачьяго сословія, онѣ исчезли мало по малу“, а также Павловского [2]), что „школы эти, начиная съ конца XVIII ст., начинаютъ постепенно исчезать“, намъ кажутся ошибочными [3]). Школы эти существовали безпрерывно, по крайней мѣрѣ въ теченіе всего XVIII в., мы ихъ застаемъ въ самомъ концѣ вѣка въ томъ же состояніи, что видно изъ слѣдующаго донесенія смотрителя Нѣжинской городской школы по дѣлу Черниговской гимназіи за 1780 г.: „Дьячковскія школы я всѣ осмотрѣлъ; въ оныхъ обучаютъ, по старинному методу, славенскому букварю, часослову, псалтирю и писать. У соборнаго дьячка 30 учениковъ; у пономаря той же церкви 7, учениць 5, у Преображенскаго дьячка 8, у мѣщанина 16, у дьячихи 5, учениць 6, у Богоявленского дьячка 22, у Воздвиженскаго дьячка 11, у Старовѣрскаго майстра 6, учениць 5. Всего 121—вдвое болѣе, нежели въ офиціальномъ городскомъ училищѣ“ [4]).

Изъ этого видно, что эти школы сохранили тотъ же кругъ ученія и тѣхъ же учителей дьячковъ, и что онѣ поль-

[1]) „Основа“ 1862 г. кн. 5, стр. 88.

[2]) Кіевск. Стар. за 1904 г.

[3]) Напрасно также и сомнѣніе автора приведенной выше замѣтки „Опытъ обязат. обученія козацкихъ дѣтей“. „Къ сожалѣнію, гов. онъ, мы не имѣемъ данныхъ о благопріятныхъ результатахъ просвѣтительныхъ стремленій Лубенскаго полковника. Да едва ли и были такіе результаты?“ Кіевск. стр. за 1906 г., кн. I.

[4]) Сухомлиновъ. „Училища и народное образованіе въ Черниговск. губерніи“. Ж. М. Н. П. за 1864 г. CXXI, стр. 10.

зовались такой извѣстностью среди населенія, что ихъ предпочитали новымъ городскимъ училищамъ. Смотритель того же училища доноситъ, что „хотя взяты были дѣти отъ дьячковъ и приведены въ училище, но пробыли тамъ одинъ только день, а потомъ болѣе мѣсяца никто изъ нихъ не являлся“ [1]).

Что школы въ концѣ XVIII в. сохранились въ городахъ, въ мѣстечкахъ и селахъ, это видно также и изъ слѣдующаго донесенія Полтавскаго Губернатора, Сонцева, генералъ-губернатору Куракину.

„Изъ собранныхъ нынѣ мною о семъ донесеній значится, что хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ „школы“ и въ нихъ бывали ученики изъ разного званія людей и преподавалось имъ ученіе россійской грамоты отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ своихъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученье умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было время свободного съ мѣста на мѣсто перехода людей, т. е. до сочиненія въ 1782 г. ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ пресѣченъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе, каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость, то сами по себѣ и упразднились, и нынѣ таковыхъ училищъ въ губерніи Полтавской нѣтъ. *Обучаются же по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ дѣти дворянскіе, козачіе и другого званія начальной россійской грамотѣ, граматки, часослова и псалтирь у дьячковъ приходскихъ и другихъ частныхъ людей, собственними своими домами живущихъ за разнообразную по*

[1]) Ibidem. стр. 9.

договорамъ за плату“ [1]). То же самое доноситъ и Кременчугскій нижній земскій судъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ донесеній видно, что въ 1803 г. исчезли бродячіе дьячки и ихъ „школы“; слѣдовательно, предположеніе Лазаревского по отношенію къ такимъ школамъ будетъ правильно [2]). Но школы, существованіе которыхъ потверждается этими доношеніями, по своимъ предметамъ обученія и по составу учителей были именно тѣ самыя школы, о которыхъ идетъ рѣчь въ нашихъ вѣдомостяхъ за 1767—75 г.г., а такъ какъ эти школы встрѣчаются въ тѣхъ же сотняхъ, что по ревизіи 1748 г., то, безъ сомнѣнія, это однѣ и тѣ же школы. Весьма возможно, что дѣти прикрѣпленныхъ крестьянъ и перестали въ нихъ обучатся, но козачьи и даже дворянскія дѣти, какъ видно изъ доношеній, продолжали обучаться.

Обученіе воинской экзерциіи.

Объ обученіи козачьихъ дѣтей воинской экзерциіи въ нашей литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ указаній; очевидно, что наши вѣдомости являются единственнымъ источникомъ, дающимъ объ этомъ свѣдѣнія, источникомъ до сихъ поръ никому еще неизвѣстнымъ.

Къ сожалѣнію, вѣдомости даютъ точныя свѣдѣнія только о числѣ обучающихся экзерциіи (свѣдѣнія объ этомъ мы привели уже выше) и весьма мало о самомъ процессѣ и сущности обученія. Эти немногочисленныя данныя мы и постараемся сгруппировать.

---

[1]) Изъ Арх. Полт. Губер. Правл. № 153, 10 ноября 1803 г. № 4827, приведено у Павловского—„Кіевск. Стар.“ кн. I, стр. 32 (Курсивъ мой).

[2]) Лазаревскій opus cit.

Изъ рапортовъ сотенныхъ правленій и ордеровъ полковой канцеляріи видно, что въ обученіе воинской экзерциціи отдавались дѣти выборныхъ козаковъ и ихъ спомогателей, „неспособные“ грамотѣ и „переросшіе“ возрастомъ. Чѣмъ руководствовалась сотенная старшина при опредѣленіи степени способности дѣтей, для опредѣленія ихъ въ обученіе грамотѣ или экзерциціи, мы не знаемъ, но по вѣдомости Понорницкой сотни видно, что дѣтей „за непонятность“ къ грамотѣ, дѣйствительно, переводили въ обученіе экзерциціи. Потомъ нужно отмѣтить, что дѣти, обучающіяся грамотѣ, экзерциціи не обучались и наоборотъ, обученія тому и другому въ вѣдомостяхъ не встрѣчается. Судя по количеству учениковъ—*547*, обучающихся экзерциціи, сравнительно съ числомъ учениковъ, обучающихся грамотѣ—*375*, по вѣдомостямъ 1768 г., мы должны были бы прійти къ печальному заключенію о способностяхъ малороссійскихъ дѣтей, попавшихъ „за неспособность“ въ такомъ количествѣ въ обученіе экзерциціи. Намъ кажется, что врядъ ли при опредѣленіи дѣтей къ обученію экзерциціи руководилась сотенная старшина одной только степенью способности дѣтей, а если руководилась, то врядъ ли съ извѣстной точностью въ столь трудномъ вопросѣ. Вѣроятно, здѣсь играли роль другія соображенія,—можетъ быть, меньшее количество времени, потребное для обученія экзерциціи, такъ какъ обученіе это происходило, какъ видно изъ вѣдомостей Березинской, Киселевской сотенъ, „въ воскресніе и праздничніе дни“, а обученіе грамотѣ, какъ видно изъ ежемѣсячныхъ и третныхъ вѣдомостей, происходило круглый годъ. Весьма возможно, что обученіе экзерциціи было даровое, а за обученіе грамотѣ платили [1]). Поэтому къ обученію экзерциціи

[1]) Павловскій приводитъ слѣд. данныя о платѣ за ученіе грамотѣ: „Интересны цѣны за обученіе, какія брали дьячки въ

могли опредѣляться не только неспособныя дѣти, но и менѣе состоятельныя. Что же касается возраста, то экзерциіи обучались не только „переросшіе“; возрастъ встрѣчается самый разнообразный, самый младшій 8 лѣтъ, самый старшій 23-хъ лѣтъ. При этомъ перевѣсъ все-таки на сторонѣ средняго возраста: 12—16 лѣтъ; затѣмъ больше старшаго возраста: отъ 16 до 20; моложе 10 лѣтъ встрѣчается мало. Такимъ образомъ, при опредѣленіи дѣтей въ обученіе экзерциіи не очень строго руководствовались „переросшимъ“ возрастомъ.

Объ учителяхъ экзерциіи мы имѣемъ слѣдующее указаніе въ рапортѣ Березинской сотни: „роспис~~ат~~въ онихъ козачихъ дѣтей по равному числу за присмотромъ же техъ атамановъ таможительствующихъ къ оному обученію (экзерциіи) ко всякой партіи опредѣлить ис козаковъ кои в бывшую прускую компанѣю находились въ службы в гусарскихъ полкахъ, найлутше знающихъ гусарскую экзерциію по два человѣка. И для того техъ козаковъ, кои обучать будутъ экзерциіи от всѣхъ внутреннихъ нарядовъ по полку изъ домовъ ихъ уволить, дабы оніе тѣмъ способнѣе могли порученное имъ дѣло отправлять съ успехомъ, ибо атама-

---

XVIII ст. За выучку букварю плата была отъ 50 к. до 1 р., а въ Кременчугѣ брали 2 р. За обученіе часослову отъ 1 до 2 р, а въ Кременчугѣ отъ 3 до 4 р. Изученіе псалтири цѣнилось еще дороже въ большинствѣ школъ брали 2 р., въ Переяславѣ цѣна доходила до 4 р., а въ Кременчугѣ до 5 р. Цѣна обозначалась безъ обозначенія времени, а за выучку только въ Константиновскомъ уѣздѣ плата была годовая отъ 4 до 5 р. Плата эта существовала въ 1803 г., а въ XVIII в. она была, несомнѣнно меньше“. (opus cit стр. 12). Вѣроятно, такая же плата была и у малороссійскихъ дьячковъ.

О платѣ дьячкамъ говорится и въ выше приведен. указѣ Кіевской Консисторіи: „якоже де они дьячки за таково обученіе имѣютъ получить себѣ настоящую по договору, сверхъ ручного приходу, отъ прихожанъ поставленную, заплату“. „Кіевск. Стар.“ 1906 г., кн. I.

намъ курѣннымъ техъ козачихъ дѣтей экзерциціи обучать неможно, потому они и сами экзерциціи не знаютъ". Въ другихъ сотняхъ тоже, но не вездѣ, обучаютъ экзерциціи козаки, бывшіе въ гусарской службѣ, въ нѣкоторыхъ же селахъ обучаютъ экзерциціи просто козаки. Тѣмъ не менѣе отсутствіе козаковъ, бывшихъ въ гусарской службѣ, вслѣдствіе ухода ихъ въ 1768 году на войну, дало поводъ Березинской и Менской сотнямъ совсѣмъ прекратить обученіе экзерциціи, что видно изъ выше приведенныхъ рапорта этой сотни и ордера полковой канцеляріи, приказавшей все-таки обучать дѣтей экзерциціи: „самимъ присудствующимъ изъ козаковъ обучить той экзерциціи": Въ нѣкоторыхъ другихъ сотняхъ тоже прекращаются отчеты объ обученіи экзерциціи за годы 1769—70, вѣроятно, тоже по неимѣнію учителей изъ гусаровъ. Тѣми льготами, которыя предоставлялись учителямъ экзерциціи, можно, пожалуй, объяснить и немногочисленность группъ обучающихся экзерциціи, отъ 5 до 15 чел., а, можетъ быть, и бо́льшее число учениковъ обучающихся экзерциціи, сравнительно съ числомъ учениковъ обучающихся грамотѣ. Не создавала ли сотенная старшина искусственно группы обучающихся экзерциціи, для полученія льготъ учителямъ-гусарамъ и себѣ, какъ надсмотрщикамъ за обученіемъ экзерциціи?

Что касается самой сущности обученія экзерциціи, то она опредѣляется самымъ составомъ учителей—бывшихъ гусаровъ. Очевидно, обученіе воинской экзерциціи и заключалось въ обученіи пріемамъ конной гусарской службѣ, столь необходимымъ для коннаго козачьяго войска, и вообще пріемовъ военной регулярной службы, которые отсутствовали у козаковъ конца XVIII в., уже хорошо забывшихъ военный духъ своихъ предковъ.

Что касается того, можно ли назвать это обученіе экзерциціи по группамъ „школой", то врядъ ли это воз-

можно. Обученіе это не было ни регулярнымъ, ни строго опредѣленнымъ, оно носило временный, случайный характеръ, оно было „потѣшнымъ“ дѣломъ XVIII вѣка, столь расцвѣтшимъ у насъ въ настоящее время.

Число селеній, въ которыхъ дѣти обучались воинской экзерциціи, сравнительно съ общимъ количествомъ селеній по „Обозрѣнію Румянцевской описи“ Лазаревскаго, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ.

Названіе сотенъ Черниговск. полка.	Число селеній по „Обозрѣнію Румянц. описи“ Лазаревскаго.	Число селеній, имѣвшихъ обученіе козачьихъ дѣтей экзерциціи по вѣдомостямъ 1768—1771 г.г.	
Полковая	12	5	41,6%
Бѣлоусская	47	7	14,8%
Выбельская	15	6	40,0%
Слабинская	17	Селенія въ вѣдом. не указаны.	
Любецкая	116	Селенія въ вѣдом. не указаны.	
Роиская	41	Совсѣмъ нѣтъ отъ нея вѣдом.	
Городницкая . . .	55	12	21,8
Седневская	33	13	39,3%
Березинская . . .	10	3	30,0%
Столинская	4	3	75,0%
Менская	27	10	37,0%
Синявская	5	2	60,0%
Киселевская . . .	33	5	12,1%
Сосницкая	15	5	33,3%
Волынская	8	4	50,0%
Понорницкая . . .	У Лазаревскаго нѣтъ.	7	
И только въ 12 сотняхъ безъ Слабинской, Любецкой, Роиской и Понорницкой	264.	75.	28,4%.

Что же касается вопроса о томъ, было ли обученіе экзерциціи раньше въ Малороссіи, то намъ кажется, что врядъ ли. Это было, по всей вѣроятности, дѣломъ Румянцева, любившаго военное дѣло и желавшаго обученіемъ козачьихъ дѣтей военной экзерциціи поднять ихъ военный духъ и дать имъ лучшую подготовку къ ихъ военной конной службѣ, отъ которой они уже начали отвыкать за сохой, на своемъ тучномъ черноземѣ. Но приписывать введеніе обученія экзерциціи Румянцеву категорически мы не рѣшаемся, хотя все-таки думаемъ, что оно было, во всякомъ случаѣ, не раньше 1763 года, такъ какъ учителя гусары, бывшіе въ Прусской компаніи, могли появиться только съ этого года.

Въ заключеніе нужно сказать, что дѣти, обучавшіяся, какъ грамотѣ, такъ и воинской экзерциціи, находились подъ присмотромъ куренныхъ атамановъ и вообще сотенной старшины, что видно изъ прилагаемыхъ при семъ рапорта Березинской сотни и вѣдомости Синявской сотни.

Г. Максимовичъ.

Нѣжинъ.
1912 г., 26 сентября.

Въ Полковую Черниговскую Канцелярію Зъ Сотенного Березинскаго правленія.

Рапортъ.

Ордеромъ изъ полковой Чернѣговской канцеляріи, въ силѣ полученного в оной полковой канцеляріи отъ его Сіятелства (титулъ) Румянцева ордера, въ сотенномъ Березинскомъ правленіи прошлого 1765 году, іюня 4 д. полученнымъ, велено, дабы отъ сотенного Березинского Правленія, что принадлежитъ до тѣхъ козачихъ дѣтей (кои к обученію грамоти читать и писать способни), то в сотнѣ Березинской, в находячіесь куренѣ в смотрѣніе атамановъ росписанію число козачихъ дѣтей по приходамъ к обученію грамоти, и находячимся при церквахъ школахъ дячковъ, и сколко числомъ именами тѣ козачіе дѣти будутъ, при какихъ атаманахъ и которой церкви школахъ и дячкамъ опредѣлены, и чего обучатся писать или читать будутъ, о томъ при рапортѣ в полковую Черниговскую канцелярію прислать обстоятелную ведомость чрезъ нарочного; и за всемъ темъ, дабы оное обученіе происходило со всякимъ успехомъ, о томъ самимъ старшинамъ прилѣжно наблюдать, а исполученія того ордера впредь присилать ежемѣсячніе в полковую Черниговскую Канцелярію з ведомостми репорти, рав-

нимъ же, образомъ кои в онихъ изъ ученяхъ суть козачіе дѣти, и обучены грамоти писать и читать неспособніе и лѣтами переросłые, и онихъ обучать воинской экзерциціи в воскресеніе и праздничніе дни, росписавъ онихъ козачихъ дѣтей по равному числу, за присмотромъ же техъ атамановъ тамо жителствующихъ. Къ оному обученію ко всякой партіи опредѣлить ис козаковъ, кои в бывшую прускую компанѣю находились въ служби в гусарскихъ полкахъ, найлутше знающихъ гусарскую экзерцицію, по два человѣка, и для того техъ козаковъ, кои обучать будутъ эксерциціи от всѣхъ внутреннихъ нарядовъ по полку изъ домовъ ихъ уволить, дабы оніе тѣмъ способнѣе могли порученное имъ дѣло отправлять съ успѣхомъ, ибо атаманамъ курѣннымъ техъ козачихъ дѣтей экзерциціи обучать неможно, потому что они и сами экзерциціи не знаютъ. Чего всего сотенной старшинѣ нелѣностно наблюдать и о томъ, съ именними ведостми съ показаніемъ по коликому числу козачихъ дѣтей и хто они именами, и при какихъ атаманахъ, и хто с козаковъ знающихъ экзерциціи к обученію опредѣлени будутъ, прислать въ полковую Чернѣговскую канцелярію ежемѣсячніе рапорти, для отрепортованія о всемъ вышеписанномъ къ Его сіятельству. Во исполненіе котораго полковой Чернѣговской канцеляріи ордера, от сотеннаго Березинскаго правленія ведомость повелѣннымъ порядкомъ, какъ обучающихся писма и экзерциціи, такожъ о опредѣленныхъ къ обученію козачихъ дѣтей, под чіимъ оніе присмотромъ сочинены, которыя предъ симъ въ полковую чернѣговскую канцелярію при репортѣ отправлены.

(Дальше идетъ вѣдомость).

1768 г.
8 апрѣля.

(точно такой же рапортъ и вѣдомость были посланы и въ февралѣ).

Вѣд. 1768 г., 25 февр:

Вѣдомость въ полковую Чернѣговскую канцелярію от сотнѣ Синявской, каковыхъ казаковъ дѣти к находячимся при церквахъ школахъ дячкамъ и сколко числомъ, и именами, при какихъ атаманахъ, къ которой церкви в школи, въ дячка опредѣлени, и чего обучаются—писать или читать, о томъ значитъ подьсимъ 1768 году февраля 25 дня.

Въ мѣстечку Синявки при церкви Троецкой въ школѣ подъ присмотромъ курѣного атамана Іосифа Ювженка в дячка Алксѣя Гречановского.

Ивана Кобеляка Яковъ писать.
Умершаго Ивана Федоровича Никита Псалтиръ.
Якова Охромѣя Борисъ Чесословецъ.
Ивана Ященка Тимухъ Псалтиръ.
Ивана Ювженка Василь Псалтиръ.
Умершаго Никити Орищенка Прокопъ Псалтиръ.

При церкви Покровскои в школѣ под присмотромъ куреного атамана Николая Крота, въ дячка Степана Тернавского.

Григорія Демидка Павелъ писать.
Умерш. Степана Зимудри Мыхайло Псалтиръ.

Въ Селѣ Волосковцахъ при церкви Успенской, в школѣ, подъ присмотромъ куреннихъ атамановъ Василя Богуна и Ивана Васячка, в дяка Данили Кардашевича.

Андрея Сокола Иванъ Часословецъ.
Андрея Детяненка Григорій псалтиръ.

Кіевскій списокъ поэмы Лермонтова „Демонъ."

Во второмъ томѣ Академическаго изданія сочиненій Лермонтова помѣщенъ длинный рядъ варьянтовъ окончательной редакціи „Демона", которые встрѣчаются въ различныхъ изданіяхъ и спискахъ поэмы [1]). Въ настоящій моментъ, понятно, затруднительно сказать, къ какому времени относится возникновеніе тѣхъ или иныхъ варьянтовъ, равно какъ невозможно утверждать, принадлежатъ ли нѣкоторые изъ нихъ самому поэту или нѣтъ; однако, это обстоятельство, разумѣется, не уничтожаетъ необходимости собрать ихъ въ возможно большей полнотѣ.

Но Академическому изданію не могли быть извѣстны всѣ существующіе списки поэмы, и намъ, между прочимъ пришлось ознакомиться съ не обслѣдованнымъ до сихъ поръ спискомъ „Демона", представляющимъ рядъ любопытныхъ отличій отъ текста, который признанъ Академическимъ изданіемъ за окончательный. Данная рукопись находится въ библіотекѣ Имп. Университета Св. Владимира и зарегистрована С. И. Масловымъ въ его описаніи этой

[1]) Стрн. 486—503 второго тома назв. изданія.

библіотеки [1]). Исполнена она довольно безграмотно. Мы здѣсь читаемъ не только: „грешною“ [2]), „резвый“ [3]), но встрѣчаемъ и ошибочное измѣненіе количества слоговъ: „И подъ лозой виноградной“ [4]), „Лишь только Божіе проклятіе“ [5]); можно наблюдать и пропускъ словъ: „Отецъ пощади меня“ [6]). Однако, всѣ эти ошибки выдѣлить совершенно легко, такъ что изслѣдованію онѣ нисколько не мѣшаютъ. Съ другой стороны, отмѣченная безграмотность показываетъ, что встрѣчающіеся въ рукописи серьезные варьянты, разумѣется, зависятъ не отъ писца, а восходятъ къ тому оригиналу, съ котораго была сдѣлана настоящая копія.

Въ общемъ эта послѣдняя ближе всего къ тексту окончательной редакціи Академическаго изданія, но въ частностяхъ она представляетъ рядъ отступленій, которыя можно раздѣлить на двѣ группы. Первую изъ нихъ составляютъ мѣста, отсутствующія въ Акад. изданіи, но имѣющіяся въ другихъ изданіяхъ и спискахъ [7]). Другая-же является совер-

---

[1]) С. И. Масловъ, „Описаніе рукописей библіотеки Имп. Университета Св. Владимира“, стрн. 19: „79 (Филол. Семинар. *Владимир.* 1659). *М. Лермонтовъ.* „Демонъ. Духъ изгна(н)ья“. 4⁰. 19 лл. Списокъ 1856 г.“ На послѣдней стрн. списка указано, что онъ исполненъ какимъ-то писаремъ Владим... (неразборчиво) 10 октября 1856 г.

[2]) Л. 1.

[3]) Л. 4.

[4]) Л. 6, срв. стрн. 361, стрн. 355 второго тома.

[5]) Л. 11 об.; срв. стрн. 370 стрн. 683.

[6]) Л. 7; пропущено слово „мой“; срв. II т., стр. 362, стрн. 413.

[7]) Считаемъ нужнымъ указать, какія именно особенности другихъ списковъ встрѣчаются и въ данномъ. Не приводя самыхъ строкъ мы будемъ ставить лишь нумерацію ихъ, если Академ. изданіе приводитъ только одинъ варьянтъ данной строки; если же Академическое изданіе указываетъ на нѣсколько варьянтовъ того или иного стиха, то мы второй цифрой, заключенной въ скобки, обозначимъ, какой по счету варьянтъ встрѣчается у насъ: 16; 17; 18; 19; 23(1); 24(1); 41 (стрн. II-го тома 487); 42; 43; 57; 67; 75; 140 (139-ая стрк.: „Ни разу жаркою порой“,

шенно новой и до сихъ поръ еще неизвѣстной. Именно послѣднюю группу варьянтовъ Кіевскаго списка мы и помѣщаемъ въ настоящей замѣткѣ.

вм. „....порою“, должна быть, при условіи соблюденія рифмы, и въ изданіяхъ, имѣющихъ варьянтъ 140, но Академическое изданіе этого не отмѣчаетъ; срв. также стрн. 355); 155(2); 187; 197(1); 213—214; 228; 243; 246; 247—248; 249(2); 258; 278 (въ началѣ строки прибавлено, по ошибкѣ, „и“); 286; 309; 386; 406(1); 407; 408; 427; 428; 446; 472; 489—490; 524; 571; 572; 582; 593; 597; 617; 630 (въ варьянтахъ приведенъ иной видъ строкъ 629—635, сравнительно съ текстомъ, принятымъ Академическимъ изданіемъ; изъ нихъ только стрк. 3 встрѣчается у насъ, соотвѣтствуя 630 строкѣ текста Академическаго изданія); 637; 639; 654; 671; 672; 681; 700; послѣ стрк. 729 слѣдуетъ 6 стиховъ, обозначенныхъ въ варьянтахъ: „послѣ 712—729“ (стрн. 496); 730—731; 745(2); 757(1); послѣ стрк. 754 слѣдуютъ стихи, обозначенные въ варьянтахъ: „послѣ 643“ (стрн. 495—496) со слѣдующими особенностями: добавлена начальная строка

Ктобъ не былъ ты,

по ошибкѣ написано: „Онъ занятъ небомъ и землей“, вм.: „...не землей“, и пропущена послѣдняя строка; 762; 763(2); 773 (по ошибкѣ пропущено начальное „и“); 785; 787; 788(1); 822; 839(2); 843; 848; 880; 891(2); 901; 919 (2; по ошибкѣ, вм.: „думы“,—„души“); 929; послѣ стрк. 938 слѣдуетъ вставка, указанная въ варьянтахъ, со слѣдующими особенностями: вм. 4 стрк. варьянта, читаемъ:

Улыбка страшная застыла,

а вм. 12 стрк. варьянта,—

Какъ знать? Для свѣта навсегда;

дальнѣйшее распредѣленіе строкъ, какъ въ спискахъ Берл., Бор., Бѣл., Чртк. 947—949, 955—976; 977—978(2); 983 (по ошибкѣ пропущено „и“); 988, 999; 1003(2); 1007; послѣ 1007 вставка до словъ „за душу грѣшницы младой“, какъ въ спискахъ Каллаша и Краевскаго со слѣд. особенностями: вм. 2 стрк.,—

Тамару съ пѣньемъ положили,

вм. 3 стрк.,—

Вдругъ тучи гору обложили

вм. 4 стрк.,—

И разразилася мятель;

1025; 1079; 1100; 1104(2); 1111. Добавимъ, что такого рода разногласія, какъ „желанный“ (л. 6 об.) вм. „желанной“ (стрк. 376; въ обоихъ случаяхъ имен. пад. ед. ч. мужс. р.), мы не отмѣчали въ настоящей статьѣ.

Академическое изданіе.	Кіевскій списокъ.
40. И Терекъ, прыгая какъ львица...	И Терекъ, бѣш(е)ный какъ львица (л. 1 об.) [1])...
78. Стозвучный говоръ голосовъ...	Созвучный говоръ голосовъ (л. 2) [2])...
104. Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ...	Глядитъ съ утеса мрачный домъ (л. 2 об.)...
129. Но лучъ луны, по влагѣ зыбкой...	И лучъ луны во влагѣ зыбкой (л. 2 об.)...
195. Онъ самъ, властитель Синодала...	Онъ самъ, владѣтель Синодала (л. 4)...
219. Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ...	Тутъ съ давнихъ поръ почіетъ въ Богѣ (л. 4)...
221. Убитый мстительной рукой...	Сраженный мстительной рукой (л. 4)...
229. Обычай прадѣдовъ своихъ...	Обычай праотцевъ своихъ (л. 4)...
271. Храпитъ и рвется будто къ брани...	Храпитъ и бьется будто въ брани (л. 5)...
374. И этотъ голосъ, чудно новый...	И этотъ голосъ чудный(,) новый (л. 6 об.)...
382. Къ ея склонился изголовью...	Къ ея склонялся изголовью [3]) (л. 6 об.)...

[1]) Въ рукописи:

И передъ нимъ живой картины
Каркы иныя разцвѣли (л. 1 об.);

„каркы“, разумѣется, вм. „красы“. Но случайна ли эта перестановка эпитетовъ, встрѣчающихся въ Акад. изданіи:

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли (стрк. 62—63)?

[2]) Не случайный-ли пропускъ буквы „т“ въ первомъ словѣ?

[3]) Не случайно-ли?

403. Мы схоронили подъ горой...	Мы схоронили подъ землею (л. 7)...
405. Неотразимою мечтой...	Неотразимою мечтою [1]) (л. 7)...
417. Предъ Нимъ тоску мою пролью...	Передъ Нимъ тоскуу свою пролью (л. 7)...
423. Ее родные отвезли...	Ее родные отвели [2]) (л. 7)...
458. При блескѣ утренней авроры...	При свѣтѣ утренней авроры (л. 7 об)...
465. Въ торжественный и мирный часъ...	Въ торжественный и мрачный часъ [3]) (л. 8)...
474. И между нихъ, прорѣзавъ тучи...	И между тѣмъ прорѣзавъ тучи (л. 8)...
482. И все ей въ немъ предлогъ къ мученью...	(отсутствуетъ).
485. Прохлада землю обойметъ...	Прохлада землю обовьетъ (л. 8)...
491. И мыслитъ онъ: „то горный духъ...	И мыслитъ онъ: „то гордый духъ (л. 8) [4])...
501. Не даромъ сны ее ласкали...	(отсутствуетъ).
528. Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ...	Безъ вѣтра листъ во тьмѣ трепещетъ (л. 9)...
533. Чангуры стройное бряцанье...	Гитары стройное бряцанье (л. 9)...
541. Вновь повидаться захотѣлъ...	Здѣсь повидаться захотѣлъ (л. 9)...
544. Чтобъ усладить его мученье...	Чтобъ усладить его мученья (л. 9)...
545. Тоску любви, ея волненье...	Тоску любви, ея волненья (л. 9)...

[1]) Въ рукописи по ошибкѣ: „неотразимой“.

[2]) Въ рукописи: „отвѣли“.

[3]) Не ошибка-ли?

[4]) Не ошибка-ли?

567. Стоитъ съ блистательнымъ челомъ...	Стоялъ съ блистательнымъ челомъ (л. 9 об.) [1])...
588. Явился ты, защитникъ, поздно...	Явился ты заступникъ позд-(н)о (л. 9 об.)...
602. Но молви, кто ты?... Отвѣчай!...	Но ктожъ ты? Кто ты? Отвѣчай! (л. 10)
604. Ты въ полуночной тишинѣ...	Ты здѣсь въ полночной тишинѣ (л. 10)...
627. О! только выслушай, молю...	О только выслушай меня (л. 10 об.)...
628. Я рабъ твой, я тебя люблю...	Я рабъ твой, я люблю тебя (л. 10 об.)...
660. Всѣмъ упоеньемъ, всею властью...	Всѣмъ упованьемъ, всею властью (л. 10)...
665. Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира...	Въ пустынѣ вѣчнаго эѳира (л. 11)...
682. И все на свѣтѣ презирать...	Все безпощадно презирать (л. 11 об.)...
697. И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами...	И въ страхѣ я взмахнулъ крылами (л. 11 об.) [2])...
705. Плыветъ, не зная назначенья...	Плыветъ(,) не знаетъ назначенья (л. 11 об.)...
706. Такъ ранней утренней порой...	Какъ ранней утренней порой (л. 11 об.)...
708. Въ лазурной вышинѣ чернѣя...	Въ лазурной высотѣ чернѣя (л. 11 об.)...
732. Одѣтый молньей и туманомъ...	Одѣтый мглою и туманомъ (л. 12)...
738. Что повѣсть тягостныхъ лишеній...	Что повѣсть мелочныхъ лишеній (л. 12)...

[1]) Не случайно-ли?

[2]) Не ошибка-ли?

746. Простить онъ можетъ, хоть осудитъ...	Простить онъ можетъ, хотя судитъ [1]) (л. 12 об.)...
770. Ты видишь жалкія мечты...	Ты будишь [2]) грѣшныя [3]) мечты (л. 13)...
771. Невольный страхъ въ душѣ ласкаешь...	Невольно ихъ въ душѣ ласкаешь (л. 13)...
790. Клянуся небомъ я и адомъ...	Клянуся раемъ я и адомъ (л. 13)...
809. Пусть доцвѣтаетъ безъ меня...	Пусть доживаетъ безъ меня (л. 13 об.)...
812. Избравъ тебя моей святыней...	Избравъ тебя своей святыней (л. 13 об.)...
827. Гдѣ страсти мелкой только жить...	Гдѣ страстью мелкой только жить (л. 14)...
844. Боязней и надеждъ безплодныхъ...	Боязней и надеждъ не злобныхъ (л. 14)...
852. Тебя иное ждетъ страданье...	Тебя иныя ждутъ страданья (л. 14 об.)...
857—860. Въ замѣнъ открою я тебѣ. Толпу духовъ моихъ служебныхъ Я приведу къ твоимъ стопамъ; Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ...	Въ замѣнъ котораго тебѣ Толпу духовъ моихъ служебныхъ Я приведу къ твоимъ ногамъ Прислужницъ чудныхъ и волшебныхъ (л. 14 об.)...
862—3. И для тебя съ звѣзды восточной Сорву вѣнецъ я золотой.	И для тебя звѣзды восточной Сниму вѣнецъ я золотой (л. 14 об.).
865. Его усыплю той росой.	Его осыплю той росой (л. 14 об.).

[1]) Не ошибка-ли?

[2]) Въ рукописи: „будешь“.

[3]) Въ рукописи: „грешныя“.

872. Чертоги пышные построю...	Чертоги свѣтлыя построю (л. 14 об.)...
877. Люби меня!...	Лишь только ты люби меня (л. 14 об.)...
881. Соблазна полными рѣчами...	Восторга жаркими словами (л. 15)...
909. Проникло въ сердце старика...	Проникло въ душу старика (л. 15 об.)...
911. И смолкло все; издалека...	И тихо все: издалека (л. 15 об.)...
914—915. Да съ темнымъ берегомъ уныло Шепталась горная рѣка.	Да съ пышнымъ берегомъ уныло Шепталась темная рѣка (л. 15 об.).
920. Крестить дрожащими перстами...	Крестилъ дрожащими перстами [1]) (л. 15 об.)...
922. И молча, скорыми шагами...	И, молча, мѣрными шагами (л. 15 об.)...
945. И, сжаты мертвою рукою...	И сжаты смертною рукою (л. 16 об.)...
1005. Послѣдній сонъ не возмутится...	Послѣдній сонъ не нарушится (л. 17)...
1053. Цѣной жестокой искупила...	Жестокой жизнью искупила (л. 18)...
1071. О нихъ еще преданья полны...	(отсутствуетъ).
1077. И голосовъ нестройный гулъ...	Но голосовъ нестройный гулъ (л. 18 об.)...
1081. Блеститъ и пѣнится рѣка...	Блеститъ пѣнистая рѣка (л. 18 об.)...

Б. В. Нейманъ.

[1]) Вѣроятнѣе всего, ошибка: срв. настоящее время въ стрк. 923: „Обычный продолжаетъ путь“.

Изъ школьныхъ традицій стараго времени.

Въ настоящее время у меня находится рукописный сборникъ стихотвореній нач. XIX ст., принадлежавшій ранѣе д. члену О-ва Нестора Лѣтописца Павлу Родіоновичу Тимошку, которому онъ достался изъ вещей покойнаго Н. В. Холявко, студента Кіевскаго Университета.

Съ внѣшней стороны сборникъ представляетъ изъ себя тетрадь изъ 33 листовъ (и двухъ дефектныхъ) in 8, въ бумажномъ переплетѣ съ кожанымъ корешкомъ. Въ началѣ рукописи—2 дефектныхъ листа, между л.л. 10 и 11 недостаетъ одного или нѣсколькихъ листовъ, какъ недостаетъ нѣсколькихъ листовъ и въ концѣ рукописи.

По содержанію рукопись представляетъ изъ себя сборникъ выписанныхъ изъ разныхъ источниковъ стихотвореній свѣтскаго и духовнаго содержанія конца XVIII и нач. XIX ст.[1]).

---

[1]) Вотъ перечень стихотвореній, входящихъ въ составъ сборника: 1) „Взоръ на протекшія лѣта“; 2) „Плачъ супруги“; 3) „Въ день именинъ своей любовницы“; 4) „Весна“; 5) „Цѣль жизни“; 6) „Пѣснь на побѣду французовъ“, съ припиской „Сочинилъ Захарій Рожановскій“; 7) „Костровъ Суворову“; 8) „Пѣснь побѣдителей французовъ“; 9) „Кладбище“ стих. Карамзина; 10) „На кончину Ольги Павловны Великой Княжны“ стих. Державина (составитель сборника могъ выписать это стих. изъ

Съ большою вѣроятностью можно допустить, что рукопись написана въ Малороссіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ пробивающіяся въ сборникѣ черты языка его составителя [замѣна и—ы: пришлы (л. 10 об., невыныхъ (л. 14), убывала (л. 14), послѣдный (л. 15 об.), стыхъ (л. 18 об., 32 об.), стыхотворство (л. 32 об.), благовоннымы (л. 15 об.), мылими (л. 21 об.), сыхъ (л. 21 об.), въ тышинѣ (л. 32): отвердѣніе р: буры (л. 6), звѣры (л. 6), незрымый (л. 8 об.), зрышъ (л. 8 об), зрымъ (л. 30 об.), узрыте (л. 21 об.), горкихъ (л. 12); 3 л. ед. ч.: дасть (л. 12 об.), воспарить (л. 20 об.), заставить (л. 22); 3 л. мн. ч.—шипять (л. 5 об.) и др.], такъ и слѣдующее мѣсто въ „Памятникѣ на кончину В. Г. Рубана: л. 15.

V-ой ч. журнала „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ за 1795 г. (стр. 198), гдѣ оно первоначально было помѣщено; *Неустроевъ*, Истор. розыск. о русскихъ повременныхъ изд. и сб. за 1703—1802 г.г. Спб. 1874. стр. 764; Сочиненія *Державина*, 2-е акад. изд. т. I., стр. 457—460); 11) „Пѣснь Божеству на тотъ случай сочиненная, какъ безумецъ Дюмонъ сказалъ въ Франціи: нѣтъ Бога!“ стих. Карамзина (это стих. могло быть выписано изъ 2-й кн. сборника „Аглая“ за 1795 г., стр. 61; *Неустроевъ*, стр. 786.); 12) „Къ цвѣточку“; 13) „Красота и уборъ“; 14) продолженіе стих., начало котораго въ ркп. вырвано: „На суши на водахъ сребристыхъ“.. 15) „Щастіе благодѣтельства“ съ припиской: „Сочинилъ сіи стихи Императоръ Александръ“; 16) „Ода на сосженіе въ Орлѣ фейверка въ день Высочайшей коронаціи Государя Императора Павла I. (стих. подъ такимъ заглавіемъ, принадлежащее А. Клушину, было помѣщено во 2-й ч. „*Аонидъ*“, 1797 г., стр. 217; Неустроевъ, стр. 805. 17) „Соловей“ стих. М. Магницкаго („*Аониды*“, 2-я ч., 1797 г., стр. 68; Неустроевъ, стр. 804): 18) „Надпись къ портрету“, „Надгробная надпись Павлу I-ому“, „Къ портрету Павла I-го“, „Къ крѣпости Павла I-го“; 19) „Загадка“, 20) „Бонапарте. Эхо“, 21) „Памятникъ на кончину Россійскаго пѣснопѣвца коллежскаго совѣтника Василія Григорьевича Рубана“; 22) „Епитафія царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ“; 23) „Надгробная надпись Суворову“; 24) „Императрицѣ II-ой Екатеринѣ на пріѣздъ въ Черниговъ“; 25) Акростихъ (Викторъ); 25) „Къ портрету М. В. Ломоносова“. 27) Стих. на темы религіозныхъ пѣснопѣній: „Иже Херувимы“, „Нынѣ

„Коль, Рубанъ, ты блаженъ, наслѣдивъ рай небесный.
Твоя отчизна здѣсь, ты, въ сей странѣ родясь
И самыхъ первыхъ дней ученіемъ плѣняясь,
Въ градъ Кіевъ поспѣшилъ—и тамъ къ своей отрадѣ
Трудился бодрственно ученья въ Вертоградѣ“.

В. Г. Рубанъ родился въ Малороссіи, обучался одно время въ Кіевской Академіи, между прочимъ, извѣстенъ былъ трудами и по исторіи Малороссіи, чѣмъ и объясняется то чувство искренней симпатіи къ нему, которое пробивается мѣстами въ офиціальномъ „Памятникѣ“. Тотъ же „Памятникъ“ отъ учениковъ старшихъ классовъ, младшихъ классовъ и учителя, надгробные стихи, говоренные надъ студентомъ философіи Трофимомъ Доброшевымъ, стихотворенія на темы богослужебныхъ молитвъ, эпитафія и стихи на кончину преосвященнаго Анастасія, стихи Рождеству Христову—все это заставляетъ предполагать, что сборникъ нашъ есть нѣчто въ родѣ альбома воспитанника одной изъ южныхъ духовныхъ семинарій (а можетъ быть—и Кіевской Академіи).

Стихотворенія, списанныя составителемъ сборника, относятся ко времени между 1793—1814 годами, такъ что датой составленія сборника можно считать десятые годы XIX ст.; это подтверждается еще и тѣмъ, что составитель съ усер-

---

отпущаеши“, „Се женихъ грядетъ“, „Вскую мя отринулъ еси“, „Восторгъ пріявшаго Мессію Старца“; 28) „Приношеніе памяти друга его И. И. К.“ съ припиской С(очинилъ) Глинка; 29) „Надгробные стихи, говоренные надъ с. философіи Трофимомъ Доброшевымъ“; 30) „Пѣснь на смерть свѣтлѣйшаго князя Голенищева Кутузова Смоленскаго“; 31) „Рондо на побѣду надъ французами“; 32) „Эпитафія Преосвященному Анастасію“ и „Стихи на кончину Анастасія Преосвященнаго“; 33) „Ключъ“ ода Державина; Сочин. *Державина,* I, стр 47—49, *Неустроевъ,* стр 246 и 347); 34) „Стыхи Рождеству Христову“.

діемъ выписывалъ въ свою тетрадку стихотворенія, касающіяся войны съ французами (Пѣснь на побѣду французовъ, Пѣснь побѣдителей французовъ, Бонапарте, Пѣснь на смерть Кутузова). Источниками, откуда составитель черпалъ содержаніе своего „альбома“ могли быть непосредственно или посредственно современные сборники періодической литературы, напр. „Пріятное и полезное препровожденіе времени“, „Аониды“ Карамзина, откуда имѣется въ нашемъ сборникѣ нѣсколько выписокъ, можетъ быть, такіе же „альбомы“ другихъ воспитанниковъ, кое-что, напримѣръ, „Стыхи Рождеству Христову“, могъ онъ занести въ свою тетрадку по памяти.

Интересенъ нашъ сборникъ прежде всего своимъ разнообразнымъ составомъ. Помимо стихотвореній школьно-религіознаго направленія, наличность которыхъ въ сборникѣ объясняется положеніемъ составителя, въ сборникѣ имѣются и сентиментальныя стихотворенія—„Плачъ супруги“, „Кладбище“, „Щастіе благодѣтельства“, и стихотворенія анакреонтическія—„Къ цвѣточку“, торжественныя оды, прославляющія героевъ—„Суворову“... „На смерть князя Голенищева-Кутузова“, оды „на случай“—„Ода на сожженіе въ Орлѣ фейверка въ день высочайшей коронаціи Государя Императора Павла I-го“, „Императрицѣ II-ой Екатеринѣ на пріѣздъ въ Черниговъ“, наконецъ, стихотворенія съ народнымъ оттѣнкомъ воинскаго характера—„Пѣснь на побѣду французовъ“, „Пѣснь побѣдителей французовъ“, „Рондо на побѣду надъ французами“. Такимъ образомъ, сборникъ интересенъ, какъ суммарный показатель тѣхъ вліяній, подъ которыми находился средній читатель нач. XIX в.

Среди этихъ вліяній характерны пережитки школьныхъ традицій, которые живы были въ школахъ нач. XIX в. и многіе изъ которыхъ удержались и въ болѣе позднее время. По школьной традиціи всѣ событія, такъ или иначе

затрогивающія школу, сопровождались стихами, сочиняемыми то учителями словесныхъ наукъ, то учениками. Такъ почтили въ довольно стройныхъ стихахъ, можетъ быть, выправленныхъ или сочиненныхъ самимъ учителемъ, кончину Рубана— ученики старшихъ и младшихъ классовъ и самъ учитель— въ стихахъ латинскихъ, опять таки, по школьной традиціи. Въ болѣе простыхъ стихахъ выражены чувства, навѣянныя кончиной преосвященнаго Анастасія. Въ началѣ XIX ст.— 7 дек. 1806 г.—умеръ Анастасій Братановскій, архіепископъ Астраханскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ ораторовъ и писателей XVIII в. Родился арх. Анастасій въ Малороссіи, обучался въ Переяславской семинаріи, подъ конецъ жизни, хоть и дѣйствовалъ преимущественно на сѣверѣ россіи, заслужилъ всероссійскую извѣстность [1]). Можетъ быть, наше стихотвореніе относится именно къ нему. Въ стихотвореніи имѣются указанія на проповѣдническую и писательскую дѣятельность преосвященнаго Анастасія:

Л. 30: ...„Такихъ качествъ былъ Анастасій,
Другъ человѣковъ, другъ Христовъ,
Блюститель мира и согласій,
Защитникъ сирихъ и покровъ.
Восторгъ вливалъ въ сердца свя-
щенный,
Когда въ одеждѣ облеченный
Къ престолу Божью приступалъ,
И имѣя свише вдохновенье,
Въ народъ вперялъ благоговѣнье,
Въ безстрашныхъ Божій страхъ вселялъ“...

---

[1]) *С. А. Венгеровъ* „Критико-біогр. Словарь р. писателей и ученыхъ“, т. I, Спб. 1889; стр. 529;

Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина гр.-рос. церкви“, т. I, Изд. 2; Спб. 1827, стр. 35.

Л. 30 об. ...„И духъ его и сердца чувство
Не зрѣлъ кто въ бесѣдахъ [1]) съ нимъ?
Не то жъ ли вкрадчиво [2]) искусство
И въ письменахъ его мы зримъ?
Когда же ихъ одно лишь чтенье
Рождаетъ живо впечатлѣнье,
Представь, какъ самъ онъ просвѣщалъ,
Не громъ и молнію пущаетъ,—
Умомъ умы, сердца плѣняетъ,
Отъ славы въ славу возрасталъ.

Не только память знаменитыхъ людей, но и память умершаго товарища полагалось по традиціи почтить приличествующимъ стихотвореніемъ; памятникомъ этого рода въ нашемъ сборникѣ являются „Надгробные стихи, говоренные надъ студентомъ философіи Трофимомъ Доброшевымъ“.

Въ заключеніе приводимъ тексты:

1. Памятникъ на кончину В. Г. Рубана.

2. Надгробные стихи, говоренные надъ с. философіи Т. Доброшевымъ.

3. Стыхи Рождеству Христову.

---

[1]) Въ ркп. „въ безсѣдахъ“;

[2]) Въ ркп. „вкрадчивъ“.

I.

Л. 15. Памятникъ на кончину Россійскаго пѣснопѣвца Коллежскаго Совѣтника Василія Григоріевича Рубана. 1795 года Сентяб. 24-го.

Отъ учениковъ низшихъ классовъ.

Усопшаго пѣвца со прахомъ прахъ смѣсился,
Но духъ его въ странахъ превыспренныхъ вселился,
Отъ долу мислію взлетѣлъ превыше звѣздъ,
Плѣняясь красотой священныхъ горныхъ мѣстъ.
Мы слышимъ Ангеловъ, поющихъ сладки пѣсни.
Коль, Рубанъ ты блаженъ, наслѣдивъ рай небесный.
Твоя отчизна здѣсь, ты, въ сей странѣ родясь
И самыхъ первыхъ дней ученіемъ плѣняясь,
Въ градъ Кіевъ поспѣшилъ—и тамъ къ своей отрадѣ
Трудился бодрственно ученья въ Вертоградѣ.
Но маніемъ судьби отъ Днѣпрскихъ береговъ
Воззванный такъ, какъ бы на пиръ, во градъ Петровъ,
За цѣль всегдашную взялъ спасительны науки,
Ты всѣмъ Парнаскіе въ честь собиралъ цвѣты,

Л. 15 об. За то въ признательной любви у всѣхъ былъ ты.
Послѣдный въ томъ твой трудъ, что Бецкаго хвалилъ,
Превознося, покрилъ ты и себя вѣнками,
Трудился ты для всѣхъ, трудился и для насъ,—
Достойный за труды воспримешь въ небѣ часъ(?) [1])

[1]) Въ рукописи „масъ“.

Отъ учениковъ высшихъ классовъ.

Оставивъ тѣсные усердія союзы,
Тому сплетаютъ пѣснь бѣлградски(?) юны музы,
На лирѣ громкой кто пѣлъ славныя дѣла,
Забава коего Поэзія была.
О Рубанъ! пѣнія ты нашего предметомъ,
Достоинъ ты всегда хваленія предъ свѣтомъ,
Парнаски пѣсни пѣть имѣлъ ты свише даръ,
Имѣлъ ты острый умъ, имѣлъ и сердца жаръ
И въ маломъ ты великъ своими былъ стихами,
Какъ благовоннымы всѣхъ услаждалъ цвѣтами,
Палладу Росскую достойно прославлялъ

Л. 16. И всѣмъ подвижникамъ похвалъ вѣнци сплеталъ.
Всю жизнь ты съ сонми Музъ усердно подвизался,
Въ трудахъ на пятьдесятъ седьмомъ году скончался;
Предъ смертью былъ ты всѣмъ спасительный примѣръ,
Да знаетъ вѣчность всякъ отчаянный невѣръ.
Коль вѣрнымъ радостно, что въ жизни пѣлъ ты Бога,
Въ часъ смертныхъ цѣну зря и душъ и ихъ чертоги,
Отрадный для души ты начерталъ завѣтъ,
Рай для нея избравъ въ единственный предметъ.
Почто мы силимся похвальныя плесть пѣсни?
Хотя имѣемъ мы къ тебѣ сердца нелестны,
Но пѣснью слабъ нашъ духъ и умъ еще незрѣлъ,
Хвалу ты и безъ насъ правдиву пріобрѣлъ.
Мы памятникъ тебѣ лишь сей сооружаемъ
И къ Вишнему свои молитвы возсилаемъ:
О Боже! награди трудъ усопшаго пѣвца
И удостой его нетлѣннаго вѣнца.

Отъ учителя.

Hisce iacet Ruban vates humanumque Deique
Terra levis coelumque benignum fit precor illi.

II.

Л. 20. Надгробные стихи, говоренные надъ студентомъ философіи Трофимомъ Доброшевымъ.

Л. 20 об. Увы! се другъ Музъ спитъ въ плачевномъ гробѣ семъ—
Но гдѣ жъ проснется онъ? Тамъ, тамъ въ мѣстахъ небесныхъ.
А здѣсь зачѣмъ [1]) ахъ! нѣтъ диханія ужъ въ немъ,
Нѣтъ нѣжной живости на сыхъ устахъ прелестныхъ.
Какъ въ майскій день цвѣтокъ, въ святилищѣ наукъ
При всей своей красѣ онъ нѣжно развивался,
Но ахъ! не избѣжалъ жестокой смерти рукъ
И съ свѣтомъ, съ мылими въ минуту распрощался.
Увы! рыдайте всѣ, сотрудники, друзья!
Уже не узрыте его вы съ вами вѣчно.
Нѣтъ, нѣтъ утѣшьтеся—блаженна есть стезя,
По коей онъ течетъ. Желаемъ всѣ сердечно,
Да воспарить душа его въ эѳирной край,

---

[1]) Въ рукописи: „за чемъ“?

Туда, гдѣ праведнихъ всѣхъ души обитаютъ,
Гдѣ водворяется утѣхъ небесныхъ рай,
Гдѣ херувимовъ тьми безсмертіемъ сіяютъ.

Л. 21. Прости любимецъ Музъ! пары скорѣе въ вѣчность,
Оставивъ бренный свой составъ здѣсь въ персти лѣтъ.
Ахъ! скоро времени крилата скоротечность
И всѣхъ заставить насъ вслѣдъ за тобой летѣть

1811 года.
Сент. 21-го дня.

III.

Л. 32 об. Стыхи Рождеству Христову.

Взыграйте музы купно съ лики,
Разлейтесь мисли по странамъ (?),
Приспѣлъ тотъ часъ, и ины вѣки,
Кои являютъ радость намъ.

Л. 33. Востокъ блеститъ и югъ сіяетъ,
Въ странѣ Европи знакъ даетъ,
Дѣвица Сына въ міръ раждаетъ,—
Въ томъ всякъ изъ насъ сколь радостно поетъ.
Въ сердцахъ простерлись наши вѣтви,
Кои и нынѣ онъ разнеслъ,
Рожденной отъ Пречистой Дѣвы
Погибшій родъ отъ Ада спасъ.

Тожъ.

Въ восторгъ мой духъ приходитъ,
Гдѣ Ангельскій ликъ пѣснь поетъ,
Гдѣ шумъ великій въ миръ снисходитъ,
Кои смертныхъ къ радости зоветъ.
Ступите жъ вы отъ слезъ печали—
Теперъ вамъ съ нами мѣста нѣтъ,
До тѣхъ вы поръ нашъ духъ терзали,
Пока родился Богъ во свѣтъ.
Сей радостью мой духъ пилаетъ,—

Л. 33 об. Пожить вамъ здѣсь множайшій вѣкъ,
Пока десницей увѣнчаетъ
Рожденный Богъ и человѣкъ.

Тожъ.

Въ сей день Христосъ рожденный
Велику радость намъ открылъ.
О родъ, для насъ благословенный,
Съ небесъ который ты дарилъ,
Живите жъ вы столѣтни годы—
Съ усердіемъ желаю вамъ,
Да сохранитъ во вѣчны роды,
Въ блаженствѣ вѣкъ процвѣлъ сынамъ,
Что нашъ Христосъ родился—
И нынѣ вѣрный рай всѣмъ отворился.
Да даруетъ онъ вамъ блаженство

Щастливо нынѣ всѣмъ въ свѣтѣ [1]) жить,
И да введетъ въ свое блаженство,
Гдѣ немерцающій сіяетъ свѣтъ.

А. В. Багрій.

---

[1]) Въ рукописи: „всѣтѣ“.

Къ вопросу о переводахъ изъ „Великаго Зерцала“ въ Юго-Западной Руси.

Очень характернымъ фактомъ для исторіи юго-западной литературы является крайне слабое распространеніе переводовъ на „простую мову“ такого популярнаго сборника нравоучительныхъ разсказовъ и повѣстей, какимъ было „Великое Зерцало“ [1]).

Не менѣе показательно также очень незначительное обращеніе въ Малороссіи и Бѣлоруссіи великорусскихъ пе-

---

[1]) Намъ извѣстно сравнительно незначительное количество такихъ переводовъ. Кромѣ двухъ сборниковъ разсказовъ изъ „Великаго Зерцала“ (о нихъ рѣчь ниже), мы можемъ указать на слѣдующіе. Въ сборникѣ № 98 XVII в. Виленской Публичной Библіотеки находится около 60-ти повѣстей изъ „Великаго Зерцала“. (Ср. Ф. Добрянскій. Описаніе рукописей Виленской Публичной Библіотеки. Вильна 1882, стр. 234—241). Въ рукописи б-ки Нѣжинскаго Историко-филологическаго Института № 142 (XVII—XVIII в.)—29 такихъ повѣстей. (М. Н. Сперанскій. Рукописное собраніе б-ки Историко-филологическаго Института кн. Безбородко въ г. Нѣжинѣ. Пріобрѣтенія 1901—1905 г.г. Нѣжинъ 1905). Въ рукописи конца XVII в., принадлежащей Церковно-Археологическому Музею въ Кіевѣ (№ 0. 4. 86), находится 4 „приклада“ изъ „В. З.“

реводовъ этого памятника, одинъ изъ которыхъ сдѣланъ былъ, какъ извѣстно, въ Москвѣ въ 1677 г. [1]). Въ то время какъ въ каждомъ значительномъ книгохранилищѣ центральной Россіи находится по нѣскольку его списковъ [2]), въ биб-

---

(Н. И. Петровъ. Описаніе рукописей Ц.-Археологическаго Музея при Кіев. Дух. Акад. К., 1875, стр. 85). Содержаніе ихъ изложено въ статьѣ Н. И. Петрова „Вліяніе западно-европейской литературы на древнерусскую". Труды Кіев. Дух. Акад.; 1872 г.; іюнь, стр. 498—500. Въ рукописи XVIII в. № 1660 Кіево-Михайловскаго монастыря находимъ 2 разсказа изъ „В. З.". (Н. И. Петровъ. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ вып. II. Москва, 1896, стр. 229.). Свѣдѣнія о двухъ другихъ разсказахъ такого же характера, помѣщенныхъ въ рукописи XVII—XVIII в., недавно поступившей въ Кіевскій Ц.-Археол. Музей, находимъ въ статьѣ Н. И. Петрова „Український збірник XVII—XVIII ст." (Записки Українського Наукового Товариства в Київі, кн. II, 1908 г., стр. 112.). Въ статьѣ д-ра И. Франка „Карпато-руське письменство XVII—XVII в." упоминается о нѣсколькихъ повѣстяхъ изъ „В. З.", находящихся въ Сокольской рукописи XVIII в. (Записки Наукового Товариства им. Шевченка, 1900 г., т. XXXVIII, стр. 117—118, 120—121.) Наконецъ, въ рукописи Могилевской Духовной Семинаріи № $A\frac{2108}{18}$ (XVII в.) мы нашли еще 2 повѣсти изъ „В. З.", переведенныя на простую мову: „Слово о сповѣди" (л. 411) и „Слово о милости" (л. 413.).

Въ самое послѣднее время Ю. А. Яворскимъ въ Перемышльской капитульной библіотекѣ найдена рукопись XVIII в, заключающая въ себѣ очень солидное количество „прикладовъ" изъ „В. З.", именно 273. О существованіи этой рукописи, поступившей въ библіотеку лишь въ 1911 г., мы узнали во время печатанія нашей статьи. (О ней см. Ю. А. Яворскій. Отчетъ о научной командировкѣ въ Галичину лѣтомъ 1912 г., Спб. 1913 г. Отд. оттискъ изъ „Отчета о дѣятельности Имп. Акад. Наукъ по отд. рус. яз. и словесн. за 1912 г.", стр. 4—5).

[1]) Ср. Владиміровъ. „Великое Зерцало". (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.) Москва, 1884. Введеніе, стр. V.

[2]) Ср. А. Н. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1858 г., стр. 198.

ліотекахъ южной и западной Россіи они сравнительно рѣдки. Послѣднее обстоятельство объясняется, скорѣе всего, самымъ характеромъ сборника, матеріалъ котораго долженъ былъ служить по преимуществу иллюстраціей къ тѣмъ положеніямъ, которыя выставляли проповѣдники; что же касается до южно и западно-русскихъ проповѣдниковъ, то послѣдніе, будучи, въ большинствѣ, знакомы съ польскимъ языкомъ, свободно могли читать сборникъ въ оригиналѣ и не нуждались, такимъ образомъ, въ переводѣ его на „русскую мову“. Быть можетъ, объясненіе этого факта нужно искать также въ большихъ размѣрахъ „Великаго Зерцала“, благодаря которымъ переводъ всего сборника былъ бы очень затруднителенъ; при сравнительной же равноцѣнности матеріала всѣ преимущества были на сторонѣ не отдѣльныхъ статей, хотя бы и переведенныхъ на тогдашній общеупотребительный литературный языкъ, а на сторонѣ полнаго польскаго текста, пониманіе котораго къ тому же не могло представлять особыхъ трудностей и для рядового мѣстнаго читателя. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что „переводъ“ съ польскаго на „простую мову“ часто ограничивался почти лишь простой замѣной латинскихъ буквъ буквами славянскими, такъ что словарный матеріалъ и синтактическій строй рѣчи такихъ переводовъ въ массѣ оставались польскими [1]).

---

[1]) Характерными образцами такихъ переводовъ являются: Евангеліе В. Негалевскаго 1581 г. (рукопись Кіево-Михайловскаго монастыря № 421 (1636), о которомъ см. книгу А. А. Назаревскаго „Языкъ Евангелія В. Негалевскаго 1581 г.“. К., 1911, и житія святыхъ, переведенныя изъ книги П. Скарги „Żywoty Świętych“ на „простую мову“ (въ рукописныхъ собраніяхъ Кіева, Львова и многихъ другихъ городовъ). Такимъ же характеромъ перевода, какъ увидимъ ниже, отличаются и послужившіе предметомъ этой статьи переводы изъ „Великаго Зерцала“.

Необходимость самостоятельнаго перевода „Зерцала“ отчасти устранялась также существованіемъ великорусскихъ его переводовъ, проникшихъ въ юго-западную Русь и получившихъ здѣсь нѣкоторое распространеніе, о чемъ свидѣтельствуютъ списки великорусской редакціи переводовъ, написанные южно-русской скорописью [1]). Какъ бы то ни было, степень популярности „Великаго Зерцала“ среди широкаго круга читателей юго-западной Руси, нужно думать, не была такъ значительна, какъ въ Руси Московской [2]).

Если теперь принять въ расчетъ скудость нашихъ свѣдѣній относительно степени распространенія въ юго-западной Руси „Великаго Зерцала“, то станетъ ясной цѣнность всякаго указанія, способнаго объяснить намъ судьбу этого памятника на интересующей насъ территоріи. Въ виду этого намъ кажется умѣстнымъ дать свѣдѣнія относительно ряда статей, переведенныхъ изъ „Великаго Зерцала“ на „простую мову“, которыя мы встрѣтили въ рукописяхъ Кіево-Софійскаго собора № 129 (по описанію Н. И. Петрова,

---

[1]) Ср. рукопись XVIII в. Кіево-Печерской Лавры № 373 (126), рукоп. того же вѣка Кіево-Михайловскаго монастыря № 495 (1660) и рукопись библ. Нѣжинскаго Историко-филолог. Института № 118 (XVII в.). (Сперанскій. Описаніе..., вып. II, стр. 28).

[2]) Впрочемъ, нѣкоторые юго-западно-русскіе писатели, какъ, напримѣръ, І. Галятовскій, А. Радивиловскій, въ своихъ проповѣдяхъ дѣлали довольно много заимствованій изъ „Великаго Зерцала“. Ср. Владиміровъ. Op. cit., стр. 32—35. Подробнѣе у М. Н. Марковскаго. „Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII в.“ Кіевъ, 1894, стр. 108—110, и С. Ф. Шевченка: „Къ исторіи „Великаго Зерцала“ въ юго-западной Руси. „Великое Зерцало“ и соч. Іоанникія Галятовскаго“. (Рус. Фил. Вѣстн. 1909 г., № 3—4, стр. 214—230). Быть можетъ, черезъ посредство этихъ же писателей проникли въ народъ разсказы, сходные съ прикладами „Великаго Зерцала“. Ср. указ. ст. С. Ф. Шевченка, стр. 212—214.

вып. III, стр. 92—№ 278) (на 563 л. in F⁰) [1]) и Московской Синодальной Библіотеки № 729 (на 410 л., in 4⁰).

Судя по филигранямъ на бумагѣ [2]) и принимая въ расчетъ данныя почерка, не расходящіяся въ общемъ съ показаніями водяныхъ знаковъ, необходимо рукопись Софійскаго собора отнести къ серединѣ XVII в., точнѣе къ концу 40-хъ или началу 50-хъ годовъ XVII в. [3]); рукопись же Московской Синодальной Библіотеки датирована 1654 г. Такимъ образомъ, обѣ эти рукописи относятся ко времени, предшествовавшему на 20 слишкомъ лѣтъ появленію московскаго перевода памятника 1677 г. Оба перевода восходятъ, конечно, къ польскому оригиналу (сличеніе параллельныхъ текстовъ см. далѣе).

Обратимся къ составу обѣихъ рукописей.

Въ рукописи Кіево-Софійскаго собора № 129 [4]) большую часть ея занимаютъ переводы изъ книги П. Скарги

---

[1]) Н. И. Петровъ при описаніи рукописи № 129 ничего не говоритъ о заключающихся въ ней переводахъ изъ „Великаго Зерцала“.

[2]) Большая часть филиграней рукописи № 129 не находитъ себѣ соотвѣтствія ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ палеографическихъ атласовъ. Однако, 2 филиграни совпадаютъ съ филигранями, помѣщенными въ атласѣ Тромонина (Тромонинъ. Изъясненіе знаковъ, видимыхъ на писчей бумагѣ. Москва, 1844) и датированными—одна (№ 536) 1644 г., а другая (№ 845)—1649 г.

[3]) Н. И. Петровъ относитъ эту рукопись, какъ кажется, безъ достаточнаго основанія, ко второй половинѣ XVII в. Ср. Описаніе рукописныхъ собраній г. Кіева, в. III, стр. 92.

[4]) На листѣ, приклеенномъ къ переплету книги, помѣщена слѣдующая запись: „**Сиꙗ книга, глаголемаꙗ животи свѧтыхъ ѿцевъ, раба Божого Михаила Мехеровича, писана м҃ца маꙗ рꙋкою раба Божего Стефана**“. На слѣдующемъ листѣ читаемъ: „**Извищаєсꙗ сн҃ писанїємъ, ижъ ѿказалє҃ (?) сего писанїꙗ имєнє҃ Гриꙋко Клєвикѡ҃да**“. Въ концѣ книги приписка: „**Конє҃ ст҃ы҃ житию и подвигѡ҃, списаны҃ на шє҃ мц҃є**“.

„Żywoty Świętych“, изъ Пролога (изъ послѣдняго переведенъ рядъ житій святыхъ и статей нравоучительнаго характера) и изъ „Paterikon“-а Сильвестра Коссова (Кіевъ, 1635 г.). Вперемежку съ этимъ матеріаломъ помѣщенъ переводъ 67-ми разсказовъ изъ „Великаго Зерцала“. Приводимъ заглавіе и начало каждаго разсказа.

Л. 30 об. **Ст҃го Мокїѧ, прагнꙋчи вол҃ны бы҃ ѿ свѣта, афектъ ѿцевски́ ꙁвитѧжи҃, ꙁ послꙋшенѧ хотѣ҃ сѧ ꙋтопи҃.** Нач.: **Ѡц҃ъ Моки́, прагнꙋчи волни́ бы҃ ѿ свѣта, та҃ до҃го во дни и в ночи ꙋ двере́ монасты҃ских трива҃...** (Wiel. Źw., 6, 6) [1]).

Л. 32. **Иж҃ ѡди҃ старе҃ грѣхо҃ неꙋ҃ты҃ тѧжко бы҃ кꙋшоны́ и коли се нерострoпному сповѣда҃, мало не ѿчаѧ҃.** Нач.: **Бы҃ ѡди҃ ꙁакони҃къ въ поволаю свое҃ пилны́...** (W. Ź., 1703, 2085).

Л. 38 об. **Иж҃ сѧ дїаво҃ хотѣлъ сповѣдати, же е҃ велми помоꙋна люде҃ сповѣдь.** Нач.: **Сщ҃ионнокъ нѣѧки́, коли в велики́ по҃ в церкви свое́ седѣлъ и ѡвечо҃ свои҃ споведи слꙋха҃...** (W. Ź., 1710, 2094).

Л. 45 об. **Хто бы ꙁанедба҃ споведи, жадныи ꙋчи҃ки добрыи ѿ ѡсꙋженнѧ выбави҃ не могꙋ҃ его.** Нач.: **Пише Іѡанъ Іѡнию҃, ижъ бы҃ нѣкотори́ чл҃вкъ справе҃ливы́ и ꙋтивы́ велми...** (W. Ź., 1720, 2104).

Л. 46. **Дрꙋги́ прикладъ ѡ споведи томꙋ҃ е҃ подобны́.** Нач.: **Парафиѧне ст҃го Иларнѧ принесли до це҃кви ꙋме҃лого...** (W. Ź., 1731, 2115).

---

[1]) Первая цифра обозначаетъ § статьи по изданію „Źwercidła“ 1621 г., вторая—по изданію 1633 г.

Л. 50 об. **Ѡ младе҃ци, котори́ длꙗ неꙋчтивости родичо҃ и грѣхꙋ вшетечного ѡ ꙁлую сме҃ть пришо҃.** Нач.: **Въ Любку мѣсте была ѡдна ꙋчтиваꙗ бѣлаꙗ голова. Таꙗ ѡдны҃ разо҃ мѣла тре҃ сыно҃...** (W. Ź., 1510, 1610).

Л. 52 об. **Ѡ нѣкоторо҃ богачу, которого проважено до пекла, а ꙋбогую вдовꙋ ꙋмираючую пр҃таꙗ б҃ца тѣшила.** Нач.: **бы҃ ѡди҃ сщ҃нкъ богаты́ и славны́, але не мнѣ́ грѣхо҃, ꙗкъ и бога҃ствъ по҃ни́...** (W. Ź., 120, 121).

Л. 54. **И҃ два с҃тые мꙋжеве Хр҃та Гд҃а в́ ѡсобѣ трꙋдоватого нашли.** Нач.: **Читае҃ в животѣ с҃тго Євфимиꙗна, и҃ днꙗ ѡдного ꙁ́ игуменѡ҃ свои҃...** (W. Ź., 143, 144).

Л: 77 об. **Ѡ с҃то҃ Пиѡрꙋ, котори́, ꙁамрꙋживши ѡчи, сестрѣ своє́ ꙋказа҃лсꙗ.** Нач.: **Бы҃ ѡди҃ пусты҃ни҃ на́ мꙗ Пиѡ҃ ꙁ стари҃ ѡны҃ ѿце҃...** (W. Ź., 2, 2).

Л. 91 об. **Ѡ сщ҃нку, котори́ непоеднавшисꙗ ꙁ бли҃нимъ, поцелова҃е ꙁвыча́ное Исусово ꙋтрати҃.** Нач.: **Коли сщ҃нкъ ѡди҃ поко́, котори́ ꙁа царꙗ небе҃но҃ нароженє҃ на ꙁе҃ли небе҃ные горожане ѡбывателе҃ ꙁемли ꙁвѣстовали...** (W. Ź., 171, 173).

Л. 93. **Ѡ невѣсте, котораꙗ ꙁа грехи плакала и до споведи ити не хотѣла.** Нач.: **Была нѣкотораꙗ бѣлаꙗ голова, котораꙗ вси грѣхи на споведи выꙁнала, ѡди҃ то҃ко ꙁатаила...** (W. Ź., 1727, 2111).

Л. 99 об. **Ꙗкъ пр҃чтаꙗ дв҃ца бг҃рдица Їанисию ꙋпалꙋю ѿ бѣсовскои хитрости и сме҃ти вы҃вала.** Нач.: **Бы҃ манасты҃ пане҃ски́ в ꙁе҃ли варазко́. То́ непокоꙗми вое҃ными, ꙁ кгру҃ту ꙁопсованы́...** (W. Ź., 652, 637).

Л. 105 об. **Ѡ нѣкоторо҃ сн҃ѵ недбаюю҃ ѡ роднꙋ҃, ꙗкъ его Гд҃ь Б҃гъ скаралъ.** Нач.: **Бы҃ ѵлѣкъ в Романѣи богаты҃ вѣми, але стану простого...** (W. Ż., 1489, 1590).

Л. 107. **Бѣсъ хотꙗи сп҃ка зѣсти, але прєзъ споꙋ҃ ѡного згинꙋлъ.** Нач.: **Бы҃ нѣкоторы҃ сп҃къ велми набо҃ны҃ и для своєи побожности многи҃ бы҃ милы҃...** (W. Ż., 306, 310).

Л. 109. Заглавія въ переводѣ нѣтъ. Заглавіе въ польскомъ оригиналѣ: „Jako ieden szatarz, rzeczy klasztorne nie sprawiedliwie trzymaiąc, straszliwie od szatanow do piekła był zaprowadzon. Нач.: **Чл҃вкъ ѡдн҃ бы҃ богаты҃ в реѵи зѣныи але в дховныи велми ѵбогі҃** (W. Ż., 319, 333).

Л. 110 об. **Ѡ мц҃тнво҃ Серапіѡнѣ с Трѣцы.** Нач.: **Велми радъ Їѡаннъ сты҃ мц҃тны҃ патрнр(р)ха Алеѯандрѣскі҃ сты҃ ѡцевъ вспомнн҃а...** (W. Ż., 475, 470).

Л. 113 об. **Ꙗкъ є҃ѵ҃ мо҃ю имени Гда Исуса дитя вы҃вано з моци бѣсовскои.** Нач.: **На Шленску нѣкоторі҃ шлахтнъ ѵбилъ го҃ную калацѣю, або ѵту...** (W. Ż., 503, 496).

Л. 231. **Ѡ Євлавію зако҃нику, которі҃ за вины бра҃нїи мно(го) страда҃ ѡ собо҃ны҃, а пото҃ нз манастыра вы҃на҃ бы҃.** Нач.: **Бы҃ нѣкоторі҃ в монастыри зако҃ні҃ имене҃ Євлавій, на҃зы҃ цнотою покорн ѡздоблены...** (W. Ż., 1854, 2231).

Л. 232 об. **Ꙗкъ бѣсъ з бѣса насмѣва҃, и҃ ѵтраты ѡднои дн҃и жалова҃, и ѡ тестаме҃тко҃.** Нач.: **Коли ѡдн҃ ѡц҃ъ нѣкоторі҃ а набѵитель велікі҃, вздвши ѡказію, велми сѵрове проті҃ злости лнхваро҃ на казани мовилъ...** (W. Ż., 1812, 2175).

Л. 260 об. **Ѡ ѡдно҃ мнсѣ.** Нач.: **Мнѝ нѣкоторн҃ стары҃ пустынникъ, в нравѣ поступаюѵи, нзъ его сло҃ и поступковъ многоѵи бѣдовало...** (W. Ż., 1505, 1605).

Л. 269 об. **Ѡ нѣкоторо҃ мѣстѣ, в которо҃ ѵѵнки милосердные были ѕгасли, и ѕгнило.** Нач.: **Въ ѡколиѵи помо҃ско҃ ѕаѵное мѣсто было...** (W. Ż., 831, 820).

Л. 270 об. **Якъ милосердна достѣпила дѣвка, ѻ҃ца и матку ѕабивши.** Нач.: **Ѡдна дѣвка, в молоды҃ лѣта҃ будуѵи, ѕлосливою радою ѻ҃цовскою вдалася** (W. Ż., 805, 795).

Л. 274. **Ѡ ѕападе҆ю монастыра ѵерне҆нкого ѡ сткупство.** Нач.: **В Виданѣ вы҃шо҃ бы҃ монасты҃ нѣкнѝ, в которо҃ около дв҃ѵ со҃ бѣлы҃ голо҃ ѵе҆нницъ мешкало...** (W. Ż., 1791, 2157).

Л. 275. **Молитвою ѡдного гора се перенесла, ц҃а҃ татаскнѝ наверилася до вѣри Хр҃товы.** Нач.: **Лѣта ѿ нароже҆нна Хр҃та Б҃га нашего сѣ҃ Калнсу҃, ц҃а҃ татаскнѝ, хотѣлъ выгубѝ вси хр҃тиѧны...** (W. Ż., 1850, 2227).

Л. 286. **Ѡ нѣкое҆ вѣ҃можи, которн҃, ѡпустивши поро҃но҃ ѵ свѣцкую, ста҃ глупы҃.** Нач.: **Нѣкоторн҃ жолне҆ богаты, роскошны҃ и ѵѵоны҃, мыслиѵи ѡ ма҃ности свѣцко҃...** (W. Ż., 1781, 2146).

Л. 287. **Якъ свѣтъ, ако мн҃, ты҃, которне емѵ служа҃, на вѣчное выгна҃е и го҃кости выжене҆.** Нач.: **Рекъ ѡ то Ва҃лаа҃ сты҃: слыша҃ есмн, же е҃ ѡдно мѣсто велнкое...** (W. Ż., 1778, 2143).

Л. 288 об. **Рожно͡ персо͡ Трóцн сто͡н ѹздо͡ ствє͡жона была прот҃н єрєтнко͡.** Нач.: **Рокѹ ф҃г вцаласѧ га҆ка и спо͡ межи правовѣрны҃ѧ диаконо͡, а пото͡ єрєтнкѝ ѡ вѣрє...** (W. Ź., 1816, 2179).

Л. 289 об. **Н҃ѫ Фла҃вна҃ѧ Патрна҃ха Антиѡхи҃ ѡ сто͡ Трóцн пода҆ до спѣва҃ѧ.** Нач.: **Во А҃нтиѡхии давно нєзгоды были в выз҃на҃ю своє҃ ѡ вѣрє...** (W. Ź., 1819, 2181).

Л. 291. **Прикладъ ѡ ѡдно́ невѣстє, которая сє кохала на сє҃ свѣтє и҃ зкы҃нємъ ѕбирє.** Нач.: **Бы҃ нѣкоторн҃ єромона҃, которн҃ за ма҃кѹ свою ѕставнѹное слѹжє҃є мѣва҆ и велнкнє покѹты, поклоны и мл҃твы за нен ѹнинл...** (W. Ź., 1773, 2138).

Л. 293. **Ѡ статєѹности и ѡ мѫжествѣ.** Нач.: **Статєѹно͡с, ако мѫ҃ности є҃ѧ цнота, которая працы, болести и клопоты и нныи живота того нєбєзпєѹє҃ства ...пріймѹютъ...** (Общее разсужденіе, безъ обозначенія въ оригиналѣ цифрой, стр. 1208, 1052).

Л. 294. **Ѡ статє҃ности и мѫжествѣ Ѳафины и Сєкѹ҃ды пане҃.** Нач.: **Колн А҃хела҆ сѫ҆ѧ, тра҃ Ѳафѝ и Седѕнды** (sic!) **сестри па҃ны ѡ҃ ѹнстѡ͡тн панє҃ско҆ ѡ҃вести ѕсилова҆...** (W. Ź., 1747, 2121).

Л. 314. **Повѣсть сто͡го Макарна ѡ ҆во͡ мниха҃, которнє нагле напавали бы҆ло.** Нач.: **Пришо͡ нѣколи преподобны҃ Макарѝ ѡны҃ Єгнпе҃ски҃ ѕ скнтѹ на горѣ Нитрню...** (W. Ź., 833, 822).

Л. 314 об. **Прикладъ ѡ богатѹ нѣкото͡ро͡, которѝ бы҃ ви҆дѣны҃ в мѹка҃.** Нач.: **Пнше преподобны҃ Петръ Клюнатскѝ**

ѧхнмандрѝ, ѝ мнѝ ѡдѝ колн конѧ, дша єго была до двере́ пекѣны́ проважена... (W. Ż., 1497, 1597).

Л. 331. Якъ ангелѡ̀ веселкуѝся ꙁ навѣненнѧ грѣшны́ Павѣ̀ просты́ вндѣлъ. Нач.: Стон памятн Павѣ̀ пр҃оты́, вуйкъ А҃тонна велнкого, братнн рѐ такую поведа̀... (W. Ż., 37, 37).

Л. 333 об. Якъ пр҃тан Бц҃а ѡдного млодѣца выбавнла ѿ покусы. Нач.: Жолнѣ̀ нѣкоторн́ молоды́ мешка̀ прн ѡно̀ ꙁацно̀ панє, вродлнвы́ бы́ на тѣлє, але далеко слнунѣшн́ бы́ цнотою... (W. Ż., 24, 24).

Л. 334. об. Якъ ангелн перехожого брата вмнраюуого тѣша̀, повѣсть надобнан. Нач.: Повѣда̀ ѡдѝ старе́, ѝ недалеко ѿ него мешкалн два бра҃а, ѡдѝ прнходе́, дрвгн́ тамошнн́... (W. Ż., 38, 38).

Л. 412. Прнкла̀ ѡ добра̀ несправѣлнвє набыты́. Нач.: Людвѝ, староста Тврнгу, велнкн́ тнра̀ бы́, людъ собѣ ꙁлецоны́ неслушнымн пода̀камн вгнскова̀... (W. Ż., 321, 325).

Л. 413 об. Прнкладъ другн́ ѡ добра̀ несправедлнвє набытыхъ. Нач.: Бы́ ѡднн̀ ꙁацны́ млоденецъ, хотн́ бы́ ввесь свѣтовы́, ѡднакъ прєунто́ двцн радъ слажылъ... (W. Ż., 319, 323).

Л. 430. Нжъ для ꙁахованых внстостн нѣкоторнє бѣлые головы въ рѣкѣ бѣгли Їнндє́. Нач.: Колн бврено Леѡдвмъ мѣсто, насна рѣуь нка была горлнвость в набожны́ бѣлы́ голова̀ в ꙁаховаю внстостн... (W. Ż., 1143, 1218).

Л. 431. Ꙗкъ а҃гелъ пре҃ сем дне ѡ҃номꙋ слꙋжи҃ хоромꙋ. Нач.: Часꙋ ѡ҃ного старецъ нѣкотори, са҃ единъ ме҃каючи в кельи, ꙁахоралъ... (W. Ź., 35, 35).

Л. 432. Ꙗкъ кри҃ды и ꙁелживости с҃ты Агаѳо҃ а҃хима҃дри҃ ꙁнес҃, але на҃виско҃ еретики҃ ве҃ми се ꙁбриди҃. Нач.: Ѡдинъ ꙁ велики҃ ѿцо҃, старе҃ на имꙗ Агаѳонъ, велми славны в цнотѣ покори и терпливости... (W. Ź., 455, 450).

Л. 433. Ѡ стра҃ливо по҃стѣ тре҃ вшете҃ны҃ пꙗницъ. Нач.: То што теперъ повѣмъ, (мови҃ авто҃) што сꙗ тыми недавными часы стало... (W. Ź., 1052, 1120).

Л. 513 об. Ꙗкъ мꙋкъ пекелны҃ доꙁнавши, Еверꙋва҃ дивне покꙋтꙋе҃. Нач.: Ѳеѡдори҃, Траектонски епкопъ, мѣлъ слꙋгꙋ ѡ҃ного ї҃мене҃ Еверꙋваха досы҃ пи҃ного, которы на ро҃ны҃ мѣстца҃ добрами его шафовалъ... (W. Ź., 1183, 1258).

Л. 515 об. Ꙗ҃ оди҃ страшливы҃ способо҃ ѿ пиꙗнства бы҃ ѿведенъ. Нач.: Бы҃ ѡди҃ сꙋ҃ꙗ пиꙗница велми ꙁлосливы, котори мѣлъ жонꙋ велми набо҃нꙋю... (W. Ź., 1169, 1243).

Л. 521. Прикла҃ ѡ мл҃сти и ста҃кꙋ в станѣ малженскомъ. Нач.: Ца҃ вандаски Гꙋнери҃ Либерата доктора ꙁа҃ного ꙁ женою и ꙁ дѣтми каꙁа҃ вынꙋди҃ на выгна҃е... (W. Ź., 13, 13).

Л. 521 об. Дрꙋги прикла҃, ꙗко царица врита҃скаꙗ не лекаласꙗ небе҃пеꙋе҃ства сме҃ти, абы мꙋжа сме҃телне ꙁраненого ꙁлеꙋи҃ могла. Нач.: Коли Робе҃тъ, врита҃ски ца҃, маючи потребꙋ ꙁ Сирꙗны, ѿнеслъ ранꙋ великꙋю ѿ меча ꙗдо҃ напоеного... (W. Ź., 14, 14).

Л. 521 об. Третн прнклⷭ ѡ ѻ҃нѡ ѡрауу в неѡпо҃скѡ пⷭствѣ, которы дла млости ку жонѣ свое доброво҃не в неволю см подⷭ. Нач.: Ѻрⷭ ѡдⷩ, колн нⷭ морⷮ рою справовⷭ, жона его што ѡподⷭ робнла... (W. Ź., 16, 16).

Л. 522 об. Ꙗко анге пыхою уведеного Лнфарта свнопаса, ѕказавшн ему гробы ѕмелы, до ѕпаметⷭа прнве. Нач.: Бы ѡдⷩ мнⷩ нмене Лнфⷭдъ, улъ досы поко҃ны н тнхн. Того бы ѕрⷭ свⷩне монастырскне пастн... (W. Ź., 45, 45).

Л. 523. Ꙗко ⷩгескам но҃дра смродо҃ греховы нⷭ всѣ стевы см крыдⷩ. Нач.: Чнтае, нⷩ анге в постатн улуе шо҃ с пѕстⷩнко҃ нѣкоторы... (W. Ź., 48, 48).

Л. 524 об. Ꙗко апостата навернены, колн см квапⷩ бы епⷩкопо҃, ꙁ лнце помановы ї ѡкѣшоны. Нач.: Бы нѣкоторы ѵ ѻ҃нѡ монастырѣ простⷭ до назкъ уекавы, то е҃ ѡхоун, гадаюун ꙁ мнихамн, назунсм унтатн... (W. Ź., 56, 56).

Л. 525. Нⷬ апостатн на сⷬ Бжⷩ ставленомъ, або ꙁа грехн платⷩ, або до пекла нтн роскаꙁано. Нач.: В Врнтаннн бы ѡдⷩ свщенⷩнⷩ богаты н вшетены, тⷬко ꙁахоравшн, боⷬ. нню смⷮтн ꙁнаты, габⷩ уенецкⷩ на себе взⷬ... (W. Ź., 58, 58).

Л. 525 об. Ꙗко апостатою се ставшн, пѕстⷩнⷩ прⷮ бѣса вⷮнулсм на пѕцѕ. Нач.: Члъ нѣкоторы в Ꙗзнн богаты н ꙁане ѕрожены, маюун жонѕ н сна маленкого... ꙁаходⷩ на пѕцѕ... (W. Ź., 59, 59).

Л. 532 об. Прнклⷭ, ꙗко прагнуун бы дмаконо҃ тⷬкую мѕкѕ тⷮпълъ н брⷩнⷩ мⷭтвъ жадⷭ. Нач.: Мнⷩ ѡдⷩ, добре в

ꙁаконн жнвѡ̀ сво́ провадмуи, покꙋ̑ и гѡ̀косте́ живота того пре̑ смѣ̑ть вшѡ̀... (W. Ź., 372, 366).

Л. 533 об. Н҃ ѡдна мл҃тва мко єстъ важна ꙁа живые ї вмѣ̑лые. Нач.: Нѣкоторы́ єпс҃ко̑ набожны́ видѣ̑ во снѣ младе̑ца, рыбы ловмуѡ̀ ꙁ студни вдою ꙁолотою... (W. Ź., 394, 389).

Л. 533 об. Ѡ лю̑вн прнкладъ, або мнлостн блнжнего. Нач.: Велнкн́ зна̑ мл҃стн кꙋ блн҃нему показа̑ Авраа̑м, колн пн̑не просн̑ Г҃да... (W. Ź., безъ обозначенія цифрой, стр. 391, 380).

Л. 534. Мнлѡ̑ю те̑ ꙁапалены́ Сн̑ктвлнк себе самого ꙁа дмакона выда̑ на смѣ̑ть, але пре̑ крєстнтелм Іѡн̑на ꙁахов҃н̑ бы̑. Нач.: Лонкгобо̑дове дмакона нѣкоторого по́малн, н вмꙁа́наго в вмꙁе́ю мѣлн, хотмун его ꙁамордовати... (W. Ź., 790, 779).

Л, 535. Прнкла̑ до ты̑, которые доходы цє̑ковные ма̑не травмть. Нач.: Во нсторнн авртн̑ско́ єстъ то ѡпнсано, н҃ бы̑ одн҃ уєнецъ, которы́ ходн̑ по ро̑ны̑ монастыре̑ н цє̑ква̑... (W. Ź., 91, 92).

Л. 541 Ѡбра̑ Г҃дь нш҃ъ І҃с Х҃с нерꙋкотворе́ны҃ дрꙋгн҃ собѣ подобны҃ ꙋнннлъ на е҆вабннцѣ. Нач.: Ꙁа Тнвнрнм цесара, преде цесара Маврнкнм, днвное ї праве не ꙁвыча́ное чꙋдо се прнтрафнло... (W. Ź., 1049, 1117).

Л. 542 об. Мко прест҃ам Бц҃а панамара ꙁдрадою бѣсовскою ꙁ лнце̑ по́маного н вмꙁе́м даного ꙁ вмꙁе́нм н ꙁлон славы днвне выбавнла. Нач.: Былн два монастырн не далеко ѡ̑ себе, ѡдн҃ мꙋ̑скн́, а другн́ белоголовскн́... (W. Ź., 690, 675).

Л. 544. **Ꙗко прⷭстаꙗ Бц҃а Дв҃а Марꙗ набо҃нꙋю до҃кꙋ пастꙋха ꙁмирающꙋю наведила.** Нач.: **Пасты҃ wдⷩ҇, в селѣ мешкающи, мⷭ҇ дѣвⷩ҇нкꙋ ꙁстыдливꙋю, котораꙗ ѿцꙋ в пасⷭ҇ю была помагала. Тⷭ҇же в полю была цⷭ҇ковъ...** (W. Ź., 688. 673).

Л. 545 об. **Ꙗкъ прⷭ҇стаꙗ Дв҃а невстыдливого младенца, которы҃ часто до нен молитвъ униⷩ҇, прⷭ҇ роскошꙋю потравꙋ, на плюгаво҃ мисѣ поданꙋю, направила.** Нач.: **Нѣкоторы҃ вⷭ҇ми неповстагливого живота младенⷭ҇ Владычицъ нашꙋ Бц҃ородицъ часто выфалⷩ҇ не переставⷩ҇...** (W. Ź., 28, 28).

Л, 546. **Ѡ хвалѣ нбⷭ҇нон, которꙋю wдниⷴ҇ ꙁмирающи видⷭ҇ и многⷩ҇ wповедⷩ҇.** Нач.: **Ꙁахорⷩ҇ wдⷩ҇ сщ҃енникъ и ꙁмⷭ҇лъ, которы҃ ꙁже бы҃ л҃: лѣтъ пережⷩ҇ в ꙁаконѣ...** (W. Ź., 197, 209).

Л. 560. **Слово ѡ любⷭ҇ѣ а мⷭ҇сти до блнжнего.** Нач.: **Пришли нѣкоторые люди до ⷗мона преподобнаго пустⷩ҇ножителꙗ...** (W. Ź., 793, 782).

Л. 560 об. **То ⷭ҇ѥ҇ любⷭ҇ѣ і мⷭ҇сти братⷭ҇ском ꙁаховⷩ҇е вⷭ҇лꙋгъ наꙁки сⷭ҇го Іѡа҃на Євⷩ҇гелисты, которы҃ коли мешкⷩ҇ а҃ до ѡстатⷭ҇нон старости ѥ҃ Єфесѣ...** (W. Ź., 799, 788).

Л. 560 об. **Милующи сꙗ братꙗ гроновꙗ**[1]) (sic!) **ненарꙋшеное по всⷭ҇ пꙋщи собѣ взаⷭ҇ посылали.** Нач.: **Часъ ѡ҃ного, коли сⷭ҇тому Макарню бⷣ҇ нѣкоторы҃ гроновꙗ**[1]) **принеслъ...** (W. Ź., 794, 783).

---

[1]) Въ оригиналѣ *grono wina.*

Л. 560 об. **Длꙗ милости бли҃него Па҃во с҃ты, ꙁанедбавши вла҃нои своеи потребы, ве҃блюда дрꙋгомꙋ наꙁыч҃и.** Нач.: **Мꙋ҃ Бж҃и с҃ты Па҃во ꙁ Китꙋ ꙋч҃ника своего до Єгипту посыла҃, абы емꙋ ве҃блюда наиꙗвши приве҃...** (W. Ź., 795, 784).

Л. 561. **Милꙋючи бли҃него, бра҃, вѣка ѿ свои҃ кошиковъ ѿвꙗꙁавши, дрꙋгомꙋ потребꙋючомꙋ посла҃.** Нач.: **Братъ ѡди҃, поробивши кошики и вѣка и҃ приправи҃вши, ꙋслыша҃, и҃ недалеко ѿ него мешкаючи мни҃ мови҃...** (W. Ź., 796, 785).

Что касается рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 729,[1]) то, помимо 42 разсказовъ изъ „Великаго Зерцала“, написанныхъ скорописью и помѣщенныхъ на 41 л. въ концѣ книги (л. 369—409), она заключаетъ въ себѣ слѣдующій матеріалъ: отрывокъ изъ Хмельницкой лѣтописи (л. 1—4; ср. Лѣтопись Самовидца, изд. Кіевской Археографической Комиссіи. К., 1878 г.), копію съ печатнаго изданія виршъ Памвы Берынды на Рождество Христово, Обрѣзаніе, Богоявленіе и т. д. (л. 5—26), переводъ отрывковъ изъ „Rocznych dziejów kościelnych“ П. Скарги, представляющихъ собой сокращеніе извѣстнаго труда Баронія „Annales ecclesiastici“ (л. 51—354), два слова Іоанна Златоустаго и нѣсколько проповѣдей на малорусскомъ языкѣ. Часть книги написана южно-русской скорописью, въ которой можно различить два почерка, часть полууставомъ (одинъ почеркъ). Судя по тому, что одинаковыя филиграни встрѣчаются на листахъ, написанныхъ различными почерками, части книги возникли, приблизительно, одновременно, и потому дату 1554, выставленную на первомъ листѣ рукописи, необходимо отнести ко всему сборнику.

---

[1]) На л. 5-омъ этой рукописи слѣдующая запись: „**Книга спра҃щика їерея Никифора Сѵмеонова**.“

Приводимъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, перечень статей изъ „Великаго Зерцала“, находящихся въ этой рукописи.

Л. 269. **Подобны сꙋ҃ мл҃тнїцы стыхъ рокоши, и которые тыи мирныї**[1]) **добра на инъшїи вѣчные прекладаю.** Нач.: **Чл҃вѣкови, который мѣ тро прїꙗтелей и с ты двꙋ седечне милова и ꙋпрїиме и шанова, ажъ до съмети ѡ ни печалꙋючи и в небепечества вдаючи, третего за занищо собѣ мѣлъ...** (W. Ź., 1403, 1522).

Л. 370 об. **(Д)итѧ в пꙗти летехъ и звыло было злоречити, до пекла порваное е.** Нач.: **Ачъ колвекъ ѡ всѣхъ дѣтка малы ѡкрещеныхъ и в тои невинности ꙋмираючи ижъ входѧ до цртва нбного вѣрити потреба...** (W. Ź., 1005, 1113).

Л. 371 об. **Христиꙗни жидови фашиве присꙗглъ, за що возъ его притокъ, але его стыи Николае въкресилъ.** Нач.: **Читае в животѣ стого Николы, и чл҃вкъ нѣкоторый позычи певнои сꙋмы пѣнꙗзей ꙋ жида, а немаючи ишого рꙋкоймы, пре ѡбразо стого Николаѧ присꙗгъ, же мѣл ꙗ наипрꙋшеи тыи гроши ѿдати...** (W. Ź., 1420, 1536).

Л. 372. **Пышный ченецъ за справою шатаскою, которы сѧ в поста аггл҃ъскую переменꙗ, ѡшꙋканый былъ.** Нач.: **Нѣкоторы ченецъ ишо на пꙋщꙋ, где пре много лѣтъ межи иншою братиею живꙋчи, немалый поступо в житїи при ѡстро житию ꙋчини, але и заты до такого вехꙋ пыхи въступи, ижъ сѧ диꙗволꙋ да звети...** (W. Ź., 1425, 1541).

---

[1]) Въ польскомъ подлинникѣ *marne*.

Л. 373. **Пышного, хочай чи҃то҃ мѣ҃, дияво҃ ся его не боя҃.** Нач.: **Бѣсноватого дияволомъ для выбавеа҃ до монатыра едного приятелѣ прїпровадили, которого выше҃ игуме҃ взяши з собо҃ чернъца великои добродѣтели млодеца, ѡ которо҃ вѣдалъ, же, бы҃ непокаляны на тѣли...** (W. Ź., 1426, 1542).

Л. 373 об. **Пышъный пустени҃ е҃ потоленый, а поконы и съкрушены** [1]) **до цр҃тва нб҃ного взятый есть.** Нач.: **Былъ нѣякій че҃нецъ в манатырѣ едно҃, ба҃зо ст҃обливый. Часу едного, кгды мови҃ ѡ речахъ до себе неналежачи҃, ре҃лъ ему игуме҃ сурове: иди и мо҃чи...** (W. Ź., 1428; во второмъ изд. это разсказа нѣтъ).

Л. 375. **А свѣ҃ ты҃, котории ему служа҃, если ѡпа҃ръно҃тю своею собѣ не порадя҃, на вѣчное выгнанъе и мизерѣю выпхнетъ.** Нач.: **Есть мѣсто едно великое, которое такого звычаю были мещане, такїи звычаи мѣли, ижъ собѣ за крулю чужозе҃ца бирали...** (W. Ź., 1778, 2143).

Л. 276. **Якъ ся боятн суду Бж҃ого му҃ры коро҃ научилъ.** Нач.: **Написано ѡ е҃номъ королю, который рѣдко або нигды ся не смѣялъ. Ве҃можи его просили брата его, абы ся причины смутку кроле҃ского довѣдавъ, чому ся не смѣялъ, але завше смутный бы҃...** (W. Ź., 1628. 2028).

Л. 377. **Слово Бж҃ие, хочай запомятоное, през которую дш҃у переходи҃, чистъшую справуе҃.** Нач.: **Еди҃ закони҃ ре҃лъ до**

---

[1]) Здѣсь не переведено находящееся въ польскомъ оригиналѣ слово *liotr*.

стѧца: ѡто, ѿче, ѹ҃то пытаю старшнхъ ѿцовъ, жебы мн какое ѕпомнѣ҆ дла ѕбавѣ҆нѧ дш҃ѣ моен дали. Н ѡнн цо колвѣкъ мн повѣдаю҃, не ѕаховаю в памѧтн... (W. Ź., 1609, 2011).

Л, 377 об. Слова Бж҃ого слꙋхаюн, Монсей Мꙋрнн днѣънеса навернꙋлъ, нѕъ ѡкрꙋтного лїѡтра стѧса тнхнмъ слꙋгою хвы҃мъ. Нач.: Нѣкоторы҆ нменемъ Монсей, родо҃ Мꙋр҃н, невѡ҆нїко҃ былъ ѥдного дворанна, которого дла велнкон прѣвротностн, ѕлодѣйствъ н ро҃бо҃ѡ҃ покнну҆ пн҃ъ его... (W. Ź., 1610, 2012).

Л. 378 об. До тогожъ кгды роѕбойнникове прн҆шлн до келїн его, повѧѕалъ ї до цѣ҆ркви прнне҆, а ѡнн ся навернꙋлн. Нач.: Часу ѥдного до ке҆н его прн҆шлн ро҃бойнникн, не вѣдаюн, кто та҃ мѣ҃калъ, а было н҃ ѵотырн... (W. Ź., 1611, 2015).

Л. 378 об. Слово҃ Бж҃нн҃, которымъ ꙋч҆ ст҃ый Антонїй, в Па҃мѣ проповѣда҆, геретнкн гордѣлн, а рыбы в҆ вода҆ ѕ велнкою хо҃ю прїнмовалн. Нач.: Хотнун показатн І҃с Х҃с, нкая была ст҃обливо҃ ст҃ого Антонїа, слꙋгѣ своего вѣрного, ѕъ нкнмъ набожѣ҆ствомъ мѣла быти слꙋха҆ нроповѣдь н ѕдоровая наꙋка его... (W. Ź., 1612, 2018).

Л. 380 об. Слова Бж҃ого рада слꙋхаюн, ѥдна дѣвка жолнѣра, который ен хотѣлъ панѣ҆ства ѕбавнти, молнтвою ѵтопнла н ѕа҆ мѧ҃твою ему жнво҃ ѵпроснла. Нач.: Была ѥдна дѣвка, которая до слꙋха҆ слова Бж҃ого велнкое набожѣ҆ство мѣла н такъ ходнла ѕ мѣстъца на мѣстце, абы слова Бж҃ого слꙋхала... (W. Ź., 1615, 2019).

Л. 381. Слова Бж҃ого не хотꙗчи слꙋхати ꙁлосливый чл҃вкъ, распꙗтие Хв҃о видѣно было, ижъ ꙁатꙋлꙗло ꙋши, кгды сѧ ꙁа нимъ по см҃рти моленѡ. Нач.: Бы҃ еди҃н селꙗни҃н, который нигды не хотѣ҃ слꙋха҃ти слова Бж҃ого. То҃ кгды ꙋмер҃ъ и до цер҃квѣ бы҃ принесе҃н, св҃щеникъ и инъшїи слꙋги цер҃ковные, кгды ему погребъ ѿправовали и про҃бы ꙁа него чинили, ѡбра҃ распꙗтиѧ Хв҃а нꙗ҃ ꙁатꙋлꙗти ꙋха... (W. Ź., 1616, 2020).

Л. 381. Слова Бж҃ого слꙋхаючии и нечинꙗчи тꙗ҃шей бꙋдꙋ҃ сꙋжены. Нач.: Читае҃ и҃ кгды часꙋ е҃ного каꙁнодѣꙗ нѣꙗкїй барꙁо ꙁаволаный мѣ҃ мѣти каꙁанье, того днꙗ ба҃ꙁо ꙁахорѣ҃, а лю҃ великїй ꙁошо҃сѧ до монастыра, игꙋменъ барꙁо бы҃ ꙁафрасованый... (W, Ź., 1617, 2021).

Л. 383. Ꙋмираючїй жолнѣръ барꙁѡ жаловалъ, ижъ вѣрнѣи доча҃номꙋ п҃нꙋ, нижъ Гд҃ꙋ Бг҃ꙋ на томъ свѣти слꙋжилъ. Нач.: Жолнѣръ единъ до҃гїй ча҃ едномꙋ ве҃можномꙋ сенаторови слꙋжилъ, длꙗ того бы҃ емꙋ ба҃ꙁо милый. То҃ на ѡстатокъ в тꙗ҃кꙋ хоробꙋ впа҃, в которои и ꙋме҃лъ... (W. Ź., 1216, 1430).

Л. 284. Богачъ нѣкоторый, ꙗкъ сꙗ тꙋтъ в роскоша҃ распꙋщалъ, такъ видѣный былъ в мꙋкахъ дрꙋченый. Нач.: Читае҃ и҃ че҃нецъ еди҃н, кгды коналъ, дш҃а его была до дверей пеке҃ныхъ проважона, котораꙗ, кгды та҃ такъ раꙁличныи мꙋки видѣла, невымовне нꙗла дрыжати и собою трывожити... (W. Ź., 1497, 1597).

Л. 385. Родичомъ ꙁлорѣча҃ сн҃ове в пеклѣ, ижъ ѡ҃нихъ ꙁлое выхова҃е вꙁꙗли, або блг҃вꙗтъ в нб҃и, если доброе. Нач.: Бы҃ нѣкоторый ст҃ый чл҃вкъ, который прагну҃ вѣдѣти мꙋки потопленныхъ и хвалꙋ иꙁбавле҃ны҃. Провади҃ его агг҃лъ до пекла.

Межи ишими розлиными мѹками видилъ ѿца з сномъ... (W. Ź., 1488, 1589).

Л. 386. Родичѡ не ѿдаючи взаемности, страшливымъ виденямъ и скаранемъ жабы ѡкрѹтнои скаранъ бы. Нач.: Былъ чл҃вкъ в Норманѣи богатый барзо, але станѹ простого, мѣ сна едного, в которо сѧ барзо кохал и рокошне его ховал. Шлѧхтицъ един мовилъ до того чл҃вка: маю цѹдную панѧку и ротропнѹю, пре которую, ели сѧ тобѣ подобае, потомство твое бѹде вывышоное... (W. Ź., 1489, 1590).

Л. 387. Родичѣ не таксѧ маютъ ѡбнажати маетности, жебы зы Иѡаномъ Конаѯою ненъдзѹ тръпѣти мѣли. Нач.: Кгды нѣѧкїй Иѡанъ Конаѯа бы баръзо богатый, а не мѣлъ тылко двѣ цоцы и выдал ихъ за ѹцтивыи люде; же то зѧтѣ своѣ барзѡ миловал, же все, що мѣ в золотѣ и въ срѣбри, на ѡстато и маетность и всю ѿдал... (W. Ź., 1490, 1591).

Л. 387. Ѡспалотю ѡбтѧжоныи братиѧ, кгды добрые речи мовлено на поро(ж)ние менїли стали баразо чѹйными. Нач.: Повѣдал игумен Касиѧнъ ѡ нѣкоторо старцу пѹтылнику, ижъ просил Гда Бга, жебы емѹ далъ, абы нигды, кгды речи добрыи мовълено, не дрѣмал, але ели ѡбмови и речи порожнїи, жебы его зарас сонъ порвалъ... (W. Ź., 1124, 1189),

Л. 389 об. Послѹшный Иѡанъ на росказанье своего игѹмена страшливѹю на вейзренью лвицѹ привѣлъ. Нач.: Стыи старцеве повѣдали ѡ ѹчнкѹ їгѹмена Павла на имѧ Їѡанѣ, иж великую мѣ покорѹ и цноту послушенства, же хотѧ ему баразо трудные речи рокаѕѹвано, нигды сѧ старшому непротивлѧлъ, а ни мнѣй не шералъ... (W. Ź., 989, 1060).

Л. 390. **Невѣстюю поста на себе дияво взя, абы еппа, который до стого Андрея набожны бы, до грѣху привести моглъ, але за вспоможеньемъ парона своего, которы ся ув особѣ пелкгрима указалъ, выбавленый естъ.** Нач.: **Еппъ нѣякій, побожный животъ провядячи, Андрея с межи иншими и на инъшіе стыи увоцтивости мѣлъ, такъ ижъ уво всѣхъ справа своихъ завше то титулъ придава...** (W. Ź., 987, 1058).

Л. 393. **Неучитостю будучи кушоный, менжие старе всѣ пальцѣ руки своей собѣ ѡпалилъ и невѣсту, покусы причину, умерлую въскрсил.** Нач.: **Бы един путельник въ глубоку барзо пущи египетскои. То бы барзо славный, бо са тылко на тамъ-то мѣсцу мешкал...** (W. Ź., 983; въ изд. 1633 г. этого разсказа нѣтъ).

Л. 394. **Ѡ покусѣ и погоршенею иншихъ.** Нач.: **Брат нѣкоторый питал старца, мовячи, если ся трафит чловѣкови впасти в покусу, що ся мает дѣяти з тыми, которыи ся з него згордятъ...** (W. Ź., 1269, 1327).

Л. 394 об. (Заглавія въ русскомъ переводѣ нѣтъ. По-польски оно читается такъ: „Czyniąc pokutę, zamknieni bracia za niepowśćiągliwość, ieden stał się chudy, a drugi tłusty z roznego uważania“). Нач.: **Два брата з законнико, будучи габани ѡ дха неучитого, для неучитости поняли собѣ жоны. Потомъ реклъ единъ до другого: що ж емо зыкали, жемо аггльски ста ѡпутили...** (W. Ź., 1270, 1328).

Л. 392. **Навороченее звлачаючи, ковал пекло видѣлъ ѿверзътое.** Нач.: **Бы един брат з черцовъ, которого для выступ-**

ковъ его ѵастокро кратна ста̀шнѝ строфовали и до полѣпшѣа ѵпомнивали... (W. Ż., 906, 895).

Л. 396. Наверилъ сѧ трѹбѣнъ, або полковникъ, покорою двѡ Макарнѣ, Нач.: Бы̀ ѣдн̀ Макарїй, который ѣ скитѣ напершей монатыѝ ѕаложѝ. Або вѣмъ тое мѣ̀це далеко ѡлеглое ѡ̀ Нѣрнѝ, маюѵи дороги день и нѡ̀... (W. Ż., 905, 894).

Л. 396 об. Страѝти Хр̀ы такъ маємо вважати, а нѫъ нѣмашъ жадного цвичења дховного Гдѕ Бга прнемнѣйшого, како жебысмо страсти его не ѕапомивали. Нач.: Читаємо в книгахъ, которын ѕовѹ̀ спекѹлѹ̀ хнмоне сава̀тнѡнесъ, нѫъ нѣкоторый ѕакопънн̀ набожный ставн̀не Гда Бга просѝ, жебы ємѹ ѡкъмквѝ, якаа послуга бо̀ше бы ємѹ была прнѣна... (W. Ż., 739, 751).

Л. 397. Ѡ страсти Хр̀он и вкѡнн̀. Нач.: Нѣкоторый шлакатѝ, ѕъ Аглнн ѣдѹи до ѕѣлѣ сто̀н, мѣлъ товарыша сарацена, ѡ̀ которого вывѣдвѣа̀ся дн̀ныхъ реѵей. А ѣхали прѐ ѣдн̀ барѕо пѣкный гай... (W. Ż., 740, 752).

Л. 397 об. Потаѣные ѕлостн долго таены быти не могѹтъ. Нач.: Єдн̀ хрн̀тнанн̀ прнлѹѵѝся жндови ѕа товарыша в дорозѣ. Хрн̀тнанн̀ дла пенезей хотѣ̀ ѕабити жида; рѣ̀лъ ємѹ жѝ: не ѵнни того грѣхѵ... (W. Ż., 754, 768).

Л. 398. Прнказанье ѡ мати протн̀ блнжнемѹ ѕаховѹюѵи, потопленын ѕара̀ до нѣа ѡ̀ агла̀ проваджены̀ бы̀ до нѣа. Нач.: Панъ нѣкоторый ка̀ в богаства̀ доѵа̀ны̀, та̀ и в злота̀ ѡкфитова̀; ена̀ жонѵ мѣ̀ ка̀ѕо набо̀ѵю, на которон ѵпомина̀а ѕакѡнникн мѣ̀ ѵв ѵытнво̀тн... (W. Ż., 801, 790).

Л. 400 об. (З)ъ ꙗкою статеⷱ҇ностю цесаⷬ҇скїе декрета противъ христиꙗнъ при ѡбецности всѣхъ подрапалъ. Нач.: Єдеⷭ҇ мѣсто в Мезопотамїи вѣрные маⷮ҇ ѡбывателѣ, Ѳомы стⷭ҇ого апⷭ҇ла мощ́ми ѹславеⷩ҇ное и ѡшлꙗхченое... (W. Ź., 729, 716).

Л. 401 об. Нерꙗⷣ҇ною млⷭ҇тю быⷧ҇ кушоный Аммоⷩ҇, иⷤ҇ едного днꙗ хлѣбоⷨ҇ сꙗ насытиⷧ҇. Нач.: Кгды игуменъ Ам́монъ мешкалъ на пущи, прїишоⷧ҇ до него браⷮ҇ нѣкоторый а реⷦ҇лъ: ѿче, чумѹ сꙗ поⷣ҇ таⷦ҇ ѡкрѹⷮ҇ныиⷨ҇ ѹпалеⷩ҇емъ дрѹчиⷨ҇... (W. Ź., 781, 770).

Л. 402. Милоⷭ҇тю нерꙗⷣ҇ною упаⷧ҇ едиⷩ҇ старецъ, ижъ сꙗ сполеⷱ҇ности з невѣстою не ѹвароваⷧ҇. Нач.: Стареⷱ҇ нѣкоторый в глѹбокои пущы мешкаⷧ҇; мѣлъ нѣкоторѹю повинънѹю, котораꙗ по много лѣтъ хотѣла его видѣти, и таⷦ҇ справою дїꙗвоⷧ҇скою сталосꙗ, же егѡ найшла... (W. Ź., 782, 771).

Л. 402 об. В грѣⷯ҇ неучⷭ҇тый впаⷧ҇ старецъ непослушный и з дитꙗтемъ сꙗ до манастырꙗ веⷬ҇нуⷧ҇. Нач.: Старсⷱ҇ нѣкоторый кгды впаⷧ҇ в́ хоробу, служили ему братиꙗ. А видꙗчи, же працѹ мѣли ѡколо него, реклъ: поидѹ до Єгипту, жебыⷨ҇ тую працѹ ѡблеⷬ҇чилъ братїи... (W. Ź., 783, 772).

Л. 403. Вшетеⷱ҇ный свꙗщениⷦ҇ лаⷭ҇ку, которѹю при слѹжбѣ Бж҃ои звыклъ мѣвати, ѹтратилъ. Нач.: Панъ единъ мѣлъ свщ҃нка диⷭ҇ствеⷩ҇ника и баⷬ҇зо стⷭ҇обливого. Тоⷮ҇ кгды каждого днꙗ ѿправовалъ, аггⷭ҇лъ Бж҃їи веⷣ҇лугъ звычаю приходиⷧ҇... (W. Ź., 937, 1016).

Л. 403 об. Покусѹ до неучⷭ҇тости хотꙗчи звѣтꙗжити, едиⷩ҇ набоⷤ҇ный маⷩ҇тиею своею смеⷬ҇дꙗчое тѣло ѹмерлои невѣсты

ꙁбираючи, до носа прикладалъ. Нач.: Бы҃ єдинъ чер҆нецъ прꙋ҃кїй и ѡхо҃ный до спра҃ Бж҃їихъ. Тому неприꙗте҃ дш҃евный вкину҃ мы҃ли ѡ нѣкоторои єму ꙁнаємои невѣсты пе҃кности и ве҃це єго оныи мы҃ли трапили... (W. Ź., 938, 1017).

Л. 404. Покусу теле҃нꙋю молоды҆ черне҃ послушенство҃, посто҃ и працею ꙁвѣтꙗжилъ. Нач.: Чл҃вкъ нѣкоторый прїишо҃ до мона҃тырѧ ꙁ҆ сыномъ мале҃кимъ, абы бы҃ че҃нъцемъ то҃ сн҃ъ... (W, Ź., 939, 1018).

Л. 405. Єди҃ ꙁапрѣ҃сѧ Х҃а, и диꙗволъ єго ѡпуталъ и наглою смр҃тью ꙁгинулъ, а дѣвка, жебы не была ꙁелжонаѧ,ѿ аг҃гла є҃ ꙁахована. Нач.: Кгды Декїй ца҃ до мѣста Троада прїишо҃, постлвълено пре҃ него тро҃: Андреѧ, Павла и Нихомаха. Каꙁано ꙁавѣсити и мꙋчити, длꙗ того же сѧ хри҃тиꙗнами выꙁнавали... (W. Ź., 940, 1019).

Л. 405 об. Сꙋдꙗчи ст҃ы҆ Иѡанъ ꙋпорне чер҆нца, который ꙁ бѣлою головою ходи҃, и҃ в то҃ ꙁблꙋди҃, ѿ Гд҃а Бг҃а бы҃ строфованый. Нач.: Велице ꙁавше цти҃ ст҃ый Іѡанъ мл҃тивый не ты҃ко самыи чернъцѣ, але и чинъ ихъ. К тому и тое мѣлъ, и҃ ска҃ги бꙋ҃ фа҃шивши, бꙋ҃ пра҃дивши, проти҃ кому в чинꙋ ꙁако҃номъ не прїймова҃... (W. Ź., 1071, 1113).

Л. 407 об. Ꙗлъмꙋжна ꙁ несправе҃ливого ꙁебраньѧ ꙋчиненъная, а ни грѣховъ ѡ҃пꙋщеньѧ, а ни ла҃ки ꙁаслꙋгує҃ ꙋ Гд҃а Бг҃а. Нач.: Чл҃вкъ єдинъ ведле свѣта ꙁацный бꙋдꙋчи, в небе҃пече҃ствѣ ꙁдоро҃ѧ посла҃ м҃ червоны҃ ꙁолоты҃ до єдиного ст҃ого єпп҃а, просѧчи ꙋси҃не, абы ꙁа причиною єго Гд҃ь Бг҃ъ ємꙋ ꙁдоро҃е продо҃жи҃... (W. Ź., 479, 474).

Какъ легко видѣть изъ двухъ приведенныхъ нами перечней разсказовъ, заимствованныхъ изъ „Великаго Зерцала“, общими въ обѣихъ рукописяхъ являются всего лишь 3 разсказа [1]), остальные же по содержанію не совпадаютъ.

Къ какому же польскому изданію „Źwierciadła“ восходятъ наши переводы? Въ XVII в. извѣстны пока три изданія „Wielkiego Źwierciadła“: два краковскихъ 1621 [2]) и 1633 [3]) г.г. и одно калишское 1690—91 г.г. [4]). Самымъ полнымъ изъ нихъ является изданіе 1621 г., заключающее въ себѣ 1951 прикладъ. Изданіе 1633 г., несмотря на то, что кажется наиболѣе полнымъ, т. к. оно оканчивается разсказомъ, обозначеннымъ номеромъ 2309-мъ, на самомъ дѣлѣ нѣсколько короче изданія 1621 г. Дѣло въ томъ, что въ изданіи 1633 г. въ двухъ мѣстахъ существуетъ большой перерывъ въ счетѣ цифръ, обозначающихъ количество статей сборника; такъ, вслѣдъ за цифрой 909 слѣдуетъ цифра 1000 и т. д., а вслѣдъ за 1681 идетъ 1982 и т. д. Такимъ образомъ, дѣйствительное количество статей „Wielkiego Źwierciadła“ изд. 1633 г. получится въ результатѣ раскрытія слѣдующей формулы: $2309 - [(1000 - 909) + (1982 - 1681)] = 1917$, т. е. въ этомъ изданіи разсказовъ на 34 меньше сравнительно съ изданіемъ 1621 г.

Текстъ въ обоихъ изданіяхъ почти совершенно сходенъ; только въ очень немногихъ мѣстахъ въ изданіи 1633 г. наблюдается перестановка словъ сравнительно съ порядкомъ ихъ въ изданіи 1621 г. Что касается изданія 1690—91 г.г.,

---

[1]) §§ 1489—1590, 1497—1597, 1778—2143.

[2]) Имѣется въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры подъ № XV. 3/17.

[3]) Въ библіотекѣ Лавры (подъ предыдущимъ номеромъ) и Кіево-Софійскаго Собора, №№ 547 и 548 (два экземпляра).

[4]) Въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора, № 549.

то оно значительно сокращено сравнительно съ обоими предыдущими (счета разсказовъ здѣсь нѣтъ) и представляетъ собой выборку статей изъ изданія 1633 г.

При рѣшеніи вопроса объ оригиналѣ нашихъ переводовъ изданіе 1690—91 г.г. устраняется какъ въ виду хронологическаго его несоотвѣтствія нашимъ рукописямъ, такъ и въ виду того, что не всѣ приклады, находящіеся въ обѣихъ рукописяхъ, входятъ въ составъ этого изданія „Źwierciadła“. Остаются, такимъ образомъ, изданія 1621 и 1633 г.г.

Обратимся сначала къ переводу, помѣщенному въ рукописи Кіево-Софійскаго Собора. Всѣ разсказы, находящіеся въ этой рукописи, имѣютъ себѣ соотвѣтствіе въ обоихъ изданіяхъ; но нѣкоторые мелкіе текстуальные варіанты указаннаго выше характера, находящіеся въ этихъ двухъ изданіяхъ, заставляютъ насъ возводить этотъ переводъ къ оригиналу въ изданіи 1621 г.

Приведемъ параллели.

На л. 93 рук. К.-Соф. Соб. № 129 читаемъ:	Этому соотвѣтствуетъ въ изд. „W. Ź.“ 1621 г., § 1727:
„Была нѣкотораꙗ бѣлаꙗ голова, котораꙗ вси грѣхи на споведи вызнала“...	„Była niektora białogłowa, ktora gdy wszystkie grzechy na spowiedzi wyznała“...

„Въ изданіи „W. Ź.“ 1633 г., § 2111, читаемъ: „Białogłowa niektora, gdy grzechy wszystkie na spowiedzi wyznała“...

Далѣе:

Рук., л. 107:	Изд. 1621 г., § 306:
„Бы҃ нѣкотори́ сщ҃никъ велми набо҃жны́“...	„Był niektory kapłan, bardzo nabożny“...

Изд. 1633 г., § 310: „Niektory kapłan był bardzo nabożny“...

Рук., л. 260 об.:	Изд. 1621 г., § 1505:
„...Изъ его сло҃в и поступковъ“...	„...Z iego słow i postępkow“...

Изд. 1633 г., § 1605: „...Z iego postępkow i słow“...

Рук., л. 542 об.:	Изд. 1621 г., § 675:
„...Не далеко ѿ себе“...	„...nie daleko od siebie“...

Изд. 1633 г., § 690: „...nie daleko siebie“...

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, для того чтобы видѣть въ изданіи „Wielkiego Źwerciadła“ 1621 г. оригиналъ, къ которому восходятъ разсказы, помѣщенные въ рукописи К.-Софійскаго Собора № 129.

Что касается статей изъ „Великаго Зерцала“, находящихся въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки № 729, то зависимость ихъ отъ оригинала 1621 г. еще очевиднѣе, т. к. въ этой рукописи мы находимъ два разсказа изъ „Зерцала“ (№№ 983 и 1428), вошедшіе въ изданіе этого памятника 1621 г. и отсутствующіе въ изданіи 1633 г. Впрочемъ, приведемъ параллели, наглядно иллюстрирующіе только-что сказанное:

На л. 372 рук. Моск. Синод. Библ. № 729 читаемъ:	Соотвѣтсвующее мѣсто въ изд. „W, Ź.“ 1621 г., № 1425:
„...але и҃ ꙁатꙑ҃ до такого вер҃ꙋ пыхи въступи҃л“...	„...ale też zatym do takiego wierzchu pychy wstąpił“...

Въ изд. „W. Ź.“ 1633 г., § 1541, читаемъ: „...ale też zatym do takiey gory pychy wstąpił“...

Далѣе:

Рук., л. 377:	Изд. 1621 г., § 1609:
„Єдн҃ ꙁакон҃ник҃ рєк҃лъ до ста҃ца: ѡто ѿчє ча҃то пытаю старшихъ ѿцовъ, жєбы ми ꙗкоє ѹпо҃нєє҃ длꙗ ꙁбавє҃нꙗ дш҃ѣ моєи дали“...	„Jeden zakonnik rzekł do starca: oto, oycze, często pytam starszych oycow, żeby mi iakie upomnenie dla zbawienia dusze moiey dali“.

Изд. 1633 г., § 2011: „Zakonnik ieden rzekł do starca: oycze, oto często pytam starszych oycow, żeby mi upomnienie iakie dali dla zbawienia dusze moiey“...

Рук., л. 377 об.	Изд. 1621 г., § 1610.
„Нѣкоторы́ имєнємъ Моисєй, родо҃ мѹрн҃, нєво҃нико҃ былъ єдиного дворꙗнина“...	„Niektory imeniem Moyzesz, rodem Murzyn, niewolnikiem był iednego dworzanina“...

Изд. 1633 г., § 2012: „Moyzesz, rodem Murzyn, niewolnikiem był iednego dworzanina“...

Итакъ, переводы, находящіеся въ обѣихъ рукописяхъ, восходятъ къ оригиналу въ изданіи 1621 г. [1]).

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что П. В. Владимировъ, пользуясь въ своемъ изслѣдованіи о „Великомъ Зерцалѣ“ лишь изданіемъ 1633 г. „Źwierciadła“, возводитъ всѣ великорусскіе его списки къ этому, только-что названному, изданію польскаго оригинала, не ставя даже вопроса о возмож-

Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ непосредственными переводами съ оригинала или лишь съ копіей перевода, рѣшить трудно, хотя буквальная почти, какъ увидимъ сейчасъ, передача польскаго текста говоритъ скорѣе за непосредственный въ обоихъ случаяхъ переводъ съ оригинала.

Для образца перевода приводимъ параллельныя мѣста одной статьи изъ обѣихъ рукописей en regard съ польскимъ текстомъ.

Рукоп. К.-Софійск. Соб. № 129, л. 105 об.	„W. Ź.“, § 1489, изд. 1621 г.	Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 729, л. 386.
Ѡ нѣкоторо҃ сн҃у недбаючо҃ ѡ родичах҃, ꙗкъ его Гд҃ь Бг҃ъ скаралъ.	Rodzicom nie oddaiąc słuszney wzaemności, straszliwym widzeniem y rozkazaniem żaby okrutney poprawił się.	**Родичо҃ не ѿдаючи взаемности, страшливы҃ виденꙗмъ и скаранемъ жабы ѡкрутнои скара҃ бы҃.**
Бы҃ чл҃вкъ в Номанѣи богаты҃ ве҃ми, але стану простого. Мѣлъ сн҃а ѡ҃ного, в которо҃ се велъми кохал҃ и роскошне его хо-	Był człowiek w Normaniey bogaty, ale stanu prostego, miał syna iednego, w ktorym się bardzo kochał y roskosznie	**Былъ чл҃вкъ в Норманѣи богатый барзо, але станꙋ простого. Мѣ҃ сн҃а едного, в которо҃ сѧ барзо кохал҃ и ро҃кошне его хо-**

ной зависимости хотя бы нѣкоторыхъ великорусскихъ списковъ памятника отъ изданія „Źwierciadła“ 1621 г. Пользованіе этимъ послѣднимъ изданіемъ, быть можетъ, дало бы возможность Владимирову болѣе категорически отмѣтить существованіе на великорусской почвѣ, по крайней мѣрѣ, *двухъ* независимыхъ другъ отъ друга переводовъ „Великаго Зерцала“.

ва҃. Шлꙗхтичъ ѡдинъ мови҃ до того чл҃вка: маю доукꙋ ꙋродивую и ростропную, пре҃ которꙋю, если сꙗ тобѣ подобае҃, потомъство твое може бы҃ вывы҃шоно; тую да҃ сн҃ви твоему ꙁа жону, ѡ҃днакъ такимъ способо҃, жебысь ты сынови своему всю мае҃но҃ твою пусти҃, а сы҃ тобѣ и ма҃цѣ, поки живи бꙋдете, го́не бꙋде҃ додава҃ всего, бо су҃ припадки роꙁмантыи, в которы҃ сы҃ тво́ де҃жачи тыю мае҃но҃, моглъ бы҃ дидѣцтва пострада҃. То коли ѡте҃ ꙋслыша҃, еще сꙗ роꙁмышлꙗ҃, але приꙗтели его, то все довѣда҃ши, примусили его, хотꙗ҃ боꙗꙁливого, же всю мае҃ность своеи ꙋступи҃. По веселю сы҃ и жена его

go chował. Szlachćic ieden mowił do tego człowieka: mam cokrę urodziwą y rostropną, przez ktorą, ieslić się podoba, potomstwo twoie może bydź wywysszone, tę dam synowi twemu za żonę; iednak takim sposobem, żebys ty synowi wszytkę maietność twoię puścił, a syn tobie y matce, poki żyć będziecie, hoynie będźie dodawał wszytkiego. Abowiem, są przypadki rozmaite, w ktorych syn twoy, trzymaiąc tę maietność, mogłby dziedzictwa postradać. To gdy ociec usłyszał, ieszcze się rozmyślał, ale przyiaćiele, dowiedziawszy się tego, przymuśili go,

ва҃. Шлꙗ҃хтицъ еди҃ мовилъ до того чл҃вка: маю цꙋ҃днꙋю панꙗ҃ку и ро҃тропную, пре҃ которую, е҃ли сѧ тѡбѣ подобае҃, пото҃ство твое бꙋде҃ вывышоное. Тую дамъ сн҃ови твоему ꙁа жону, една҃ такимъ способомъ, жебы҃ ты вши҃ку мае҃ность твою сн҃ови пу҃ти҃, а сн҃ъ тобѣ и ма҃цѣ, поки жити бꙋдете, гойне бꙋде҃ додава҃ всего. Абове҃ су҃ припа҃ки роꙁмантыи, в которыхъ трымаючи сн҃ъ твой маетно҃, мо҃г бы дѣдицъства пострадати. Тое кгды ѿцъ ꙋслыша҃, еще сѧ ро҃мышлꙗлъ, але приꙗтелѣ, довѣдавшисѫ того, примꙋсили, хотꙗ҃ и боꙗꙁливого, же всеи мае҃ности своеи ꙋступи҃. По ве-

рокꙋ першого чтили родичи, потребъ всꙗкихъ гóне додавали, але второго мнѣ́, третего невстыдливе, нижъ пристоꙗло, четвертого з допущенꙗ жоны сынъ родичомъ своимъ домочокъ маленки́ предъ домомъ поставилъ и скупе имъ потребъ давалъ. Зносилъ теды то тамъ стари́ ѡтечъ з жоною згрибѣлою немалы́ недостатокъ и заледвѣ смѣлъ вóти до дому сн҃а своего, але пречъ кого иншого вказовалъ по то, бечъ чого бытъ не моглъ. Днꙗ ѡдного трафилосꙗ, ижъ матка, напротивко домку своего ѡбачивши гусъ на рожнѣ в дому сыновскомъ, рекла мужеви своему: ꙗ, бѣлаꙗ голова, могу се на-

choćiaże boiaźliwego, że wszytkiey maietności swoiey ustąpił. Po weselu syn y żona iego roku pierwszego czćił rodźice, potrzeb wszelakich hoynie dodawali, ale wtorego mniey, trzećiego niewstydliwiey, niż przystało. Czwartego roku, z podusczenia żony, syn rodźicom swoim domeczek maluczki przed domem swoim postawił y skąpo im potrzeb dawał. Znośił tedy tam stary oćiec z żoną zgrzybiałą niemały niedostatek y zaledwie śmiał wniśdź do domu syna swego, ale przez kogo inszego wskazował po to, bez czego bydź nie mogł. Dnia iednego trafiło się, iż matka

селью теды сн҃ъ и жона его року пéршого шановали родичѣ и потребъ всѣхъ гойне додавали, але другого року мéншей и пóдлей шановали, третего рокꙋ и горшé ꙋже и неꙋстыдливей, нижъ пристоꙗло и еще барзѣй пóдлѣй и недъбалѣй. Четвертого року с подущенꙗ жоны сн҃ъ родичомъ своимъ домочокъ маленкїй передъ домомъ своимъ поставилъ и скꙋпо имъ потребъ давалъ. И зносилъ теды тръпꙗчи тое тамъ старый ѿцъ и жоною згрибѣлою всѣ недостатки и заледве смѣлъ ꙋвыйти до домꙋ сн҃а своего, але пречъ кого иншого вскаꙁовалъ по тое, бечъ чого быти не моглъ. Днꙗ единого трафилосꙗ, ижъ

малѣ ѡбы́тн; ты нди до домꙋ сына твоего, а принамнѣ рā накѡ́мн голѡ́вꙋю дш̃ѵ твою ꙁ тон гꙋсн, которꙗю єсмн видѣла до пеꙋенна ꙁготованꙋю. То ѵслышавшн, старе́, ѡпнраюнсѧ посошко́, до домꙋ сыновского спѣшнє нш̃о́; але скоро єго сынъ ѡбаун́, ꙁ рожно́ гꙋ́ пѡ́бавшн, схова́, а вышѣ́шн протн́ко ѿцꙋ, пыта́, ꙋого бы хотѣлъ. Ѡте́, видꙗун, што сѧ стало, нн ꙋого нє рекъ н вѣ́нꙋ́сѧ до домꙋ. Сынъ роскаꙁа́ кꙋха́цѣ, жебы гꙋ́кꙋ ꙁновꙋ до ѡгня приткнула. Ѡна хотѣла взꙗти, а ѡно на пе́сн́ гꙋскн ѡнон вѣ́мн страшлнвая жаба прнпнѵла. Ѡбаунѣшн, ꙁакрнуала. Па́ naprzeciwko domku swego uyźrzawszy gęś na rożnie w domu synowskim, rzekła mężowi swemu: Ja, białogłowa, mogę się na male obeyśdź, ty idź do domu syna twego a przynamniey raz nakarm łąknącą duszę twoię z tey gąstki, ktorąm widziała do pieczenia zgotowaną. To usłyszawszy, starzec, wspieraiąc się kosturkiem, do domu synowskiego bieżał. Lecz skoro go syn obaczył, z rożnem gęś porwawszy, skrył y, wyszedszy przeciw oycu, pytał, czegoby chciał. Ociec, widząc co się stało, nic nie rzekł y wrocił się do domu. Syn roskazał kucharce, żeby gамка́, напротн́ко ѵꙁрѣ́шн птаха на рожне́ в домѣ сн̃овско́, рекла мѫжевн своемꙋ: А, бѣлая голова, могꙋ сѧ на маломъ ѡбынтн; ты нди до сн̃а своего, а прнна́нѣй ра́ наѣжсѧ того птаха, которогомъ видѣла до ѥдзе́н зготова́ного. Тоє ѵслыша́шн, старе́, въспнраюнсѧ костꙋ́комъ, до домꙋ сн̃овского нш̃о́, ле́ скоро єго сн̃ъ ѡбаун́, ꙁ ро́номъ пора́вшн птаха, скры́ н, выйш̃о́ протн́ ѿцѵ, пыта́ єго, ꙋого бы хотѣлъ. Ѿцъ, видꙗун, цо сѧ стало, нн ꙋого нє ре́лъ н верну́сѧ до домѵ. Сн̃ъ ро́каꙁа́ кѵха́цы, жебы птаха ꙁновꙋ до ѡгня прн́ кнѵла. Ѡна хоуе́ взꙗти, алн́ на перъ-

молоды́ прибежи҃ и кгва҃то҃ скину҃ жабу ѹсилуе҃. А ѡна, ѡпустиⷡши гуску, скочила ему ѹ тва҃ и такъ се в неи вщепила, же жа҃ною мѣрою а ни радою могла бы҃ скинена а ни ѡто҃вана. Але такъ пре҃ много лѣтъ зло҃ его Гдь Бгъ пре҃ тое кара҃. А было то на́вы҃шого здѹмениꙗ чудо, и҃ кгды речи ѡнои страшливои где колвекъ сꙗ хто ткнулъ, ꙗкъ бы его в се҃це ѹдарилъ. Такъ то́ чл҃вкъ кара҃не те҃пѣлъ. Зфрасованы́ теды невымо҃не и скрѹшоны́ шо҃ до еп҃па своего и ꙗкъ з на́бо҃ши҃ жале҃ сповѣда҃сꙗ. За покутѹ взꙗлъ, жебы по вси҃ граница҃ Не҃манѣи и фра҃цѹзко́ земли з

stkę znowu do ognia przytknęła. Ona chce wziąć, alić na piersiach gąstki oney bardzo straszliwa się żaba przypięła; uyźrzawszy, zawołała. Pan młody przybieży, gwałtem zrzućić żabę uśiłuie. A ona, opuściwszy gąstkę, skoczyła mu w twarz y tak się w nię wpięła, że żadną radą ani sposobem nie mogła bydź strącona ani oderwana, ale tak, przez wiele lat, złość iego Pan Bog przez to karał. A był to naywysszego zdumienia cud, iż gdy rzeczy oney straszliwey gdziekolwiek się kto tknął, iakoby go w serce uderzył, tak ten człowiek obrażenie cierpił. Strapiony

сꙗхъ птаха ѡного ба҃зо страшливаꙗ сꙗ жаба припꙗла. Ѹзрѣвши, кухаⷬка заволала. Пн҃ъ молодый прибѣглъ, кгва҃то҃ жабу с ка҃ки скинути ѹсилуетъ, а ѡна, ѡпустиⷡши ѡного птаха, в́скочила ему на тва҃ и та҃сꙗ в него впила, же жадною радою а́ ни мѣрою не мо҃ла быти стрѹчена. Але та҃ пре҃ много лѣтъ зло҃ его Гдь Бгъ кара҃. А бы҃ то найвыйшого здѹме҃ꙗ чу҃, и҃ кгды речи ѡно́ страшливой где ко҃векъ сꙗ хто доткну҃, ꙗко бы его в се҃це ѹдари҃. Та҃ то҃ чл҃вкъ ѡбраженьꙗ тръпѣ҃. Страпленый теды, невымо́не скрѹшоный, ишо҃ до еп҃па своего и ꙗ҃ з найбо҃шимъ жалемъ и҃

ѿкритою тва҃ю ходилъ, а҃ бы всюды ѡповѣда҃ што и длꙗ чого сꙗ ему то придало, абы з того прикла҃ брали сп҃ве чтити родичи и ѹчилисꙗ, ꙗкъ небе҃печна и шко҃лива рѣчъ е҃ ве҃ за ветъ ничого не ѿдава҃ за такие працы, которы҃ родидичи ѡколо дѣте́ подымую҃. То́ по долго́ покутѣ а за нѣкоторыхъ люде́ ст҃ы҃ мл҃твами, бы҃ ѹздоровленъ и ѡное спро҃ное привѣде҃не незначно згинуло, з чого Б҃гу честь и слава нн҃ѣ и завжды и на вѣки.

tedy niewymownie y skruszony, szedł do biskupa swego y iako z nawiększym żalem spowiadał się. Za pokutę wziął, żeby po wszystkich granicach Normaniey y Francuskiey ziemi z odkrytą twarzą chodził, a żeby wszedźie opowiadał, co y dla czego to się iemu przydał, aby ztąd przykład brali synowie czćić rodźice y uczyli się, iako niebezpeczna i szkodliwa rzecz iest wet za wet nie oddawać za takie prace, ktore rodźicy około dźieći podeymuią. Ten po dłygiey pokucie za niektorych ludźi świętych modlitwami był uzdrowion, y ono sprosne widzidło zaraz zniknęło.

сукрѹхою (sic!) сповѣда҃сꙗ, а покуту такую взꙗ҃, жебы по всѣхъ гранїца҃ Нерманѣи и франъцѹзкой землѣ изо ѿкрытою тварїю ходи҃, а жебы всюды ѡповѣда҃, що и длꙗ чого сꙗ ему тое придало, абы ѿту҃ прикла҃ брали сп҃ове ц҃тити родѣчѣ и ѹчилисꙗ, ꙗко небезпе҃наꙗ и шко҃ливаꙗ ре҃ е҃ ветъ за ве҃ не ѿдавати за такую працѹ, которую родичѣ ѡколо дѣтей подыймую҃. То҃ по долгой покутѣ за нѣкоторы҃ людей ст҃ыхъ мл҃твами бы҃ ѹздоро҃ленъный, ї ѡное спро҃ное видзе҃е зара҃ з него само зникнѹло.

Ограничимся указаннымъ примѣромъ.

Мелкія текстуальныя различія въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ рукописей говорятъ намъ объ отсутствіи зависимости одного перевода отъ другого.

Что касается манеры перевода, то этотъ послѣдній выполненъ, какъ это ясно изъ приведенныхъ образцовъ, большею частью, почти буквально. Больше отступленій отъ буквальности въ переводѣ разсказовъ, находящихся въ рукописи Кіево-Софійскаго Собора № 129, меньше ихъ среди разсказовъ, встрѣчающихся въ сборникѣ Московской Синодальной Библіотеки № 729.

Остановимся сначала на интересующемъ насъ матеріалѣ первой рукописи.

Здѣсь отступленіе отъ буквальнаго воспроизведенія оригинала наблюдается прежде всего въ передачѣ заглавій разсказовъ. Такъ, напр., вмѣсто находящагося въ польскомъ текстѣ заглавія: „W zbytnim ubierze kochaiąc się niewiasta iako straszliwie synowi się pokazala y iako sprawiedliwie potępiona była“—въ переводѣ читаемъ: „**Прикладъ ѡ ѡдно́ невѣсте, котораꙗ се кохала на се҃ свѣте в҆ ꙁбытнемъ ꙋбире**“ и т. п., въ томъ же родѣ. Затѣмъ въ переводѣ всегда опускается указаніе на источникъ, къ которому восходитъ тотъ или иной разсказъ, указаніе, сопровождающее въ польскомъ текстѣ каждый прикладъ. Только при одной повѣсти: „**Ѡ ꙁападе҃ю монастыра черни҃каго ѡ ст҃окупство**“ указывается, вслѣдъ за оригиналомъ, источникъ статьи—посланіе Кирилла Александрійскаго. При упоминаніи монастырей опускается, обыкновенно, указаніе на орденъ, которому монастырь принадлежалъ. Такъ, напр., на л. 542 об. вм. словъ, находящихся въ оригиналѣ: „Były dwa klastory zakonu Bernata“ въ рукописи читаемъ просто: „**были два монастыри**“. Вмѣсто „habit zakonu Dominika św.“—„**габи҃ че҃нецки҆**“. Иногда,

наконецъ, опускаются указанія на годъ того или иного событія, о которомъ идетъ рѣчь. Прибавкой, сравнительно съ оригиналомъ, въ большей части разсказовъ этой рукописи является славословіе св. Тройцѣ, помѣщаемое въ концѣ статей.

Помимо такихъ мелкихъ отступленій отъ оригинала наблюдаются кое-гдѣ и другія, болѣе существенныя. Отмѣтимъ прежде всего лишніе, сравнительно съ польскимъ текстомъ, отрывки назидательнаго характера, прибавленные къ концу разсказовъ въ двухъ мѣстахъ. На л. 270 об. разсматриваемой нами рукописи къ статьѣ, въ которой рѣчь идетъ о томъ, что одна дѣвушка заслужила милосердіе, несмотря на то что убила своихъ родителей, присоединены слѣдующія строки: „**То҃ ту҃ прикла҃ положили҃мо на то, абы ка҃ды́ грѣшны́ не роспача҃ собѣ въ непребрано҃ милосе҃дню Бж҃омъ, котори́ не хоче҃ сме҃ти грѣшному, але ожидае҃ его наве҃ненꙗ. Тому ж че҃т, слава и покло҃ нн҃ѣ и ꙁа҃жды и на вѣки вѣко҃. Аминь.**“ Къ разсказу на л 521, гдѣ рѣчь идетъ о мужѣ, отправившемся добровольно въ рабство вслѣдъ за женой, добавлено: „**Та҃ Гдь Бг҃ъ ѡны҃ плати҃, которыи шлюбъ и вѣрꙋ в ма҃женствѣ свое҃ ꙁаховаю҃, тому же слава**“. и т. д. Кое-гдѣ въ переводъ введены новыя подробности по сравненію съ польскимъ текстомъ. Такъ, въ повѣсти о милостивомъ Серапіонѣ (л. 410 об.) добавленъ разсказъ о томъ, какъ этотъ святой обратилъ въ христіанство группу фокусниковъ, которымъ онъ былъ проданъ одной вдовой, какъ онъ побѣдилъ въ себѣ чувство голода и какъ провелъ остатокъ своихъ дней въ постѣ и молитвѣ. Подробности эти заимствованы, вѣроятно, изъ Скитскаго Патерика. Къ разсказу о мученіяхъ Руфины и Секунды (л. 294) добавлено нѣсколько строкъ, сообщающихъ о смерти мученицъ. Эта подробность могла быть заимствована изъ помѣ-

щеннаго въ той же рукописи (л. 439 об.) болѣе распространеннаго разсказа объ ихъ мученіяхъ и смерти, заимствованнаго изъ Скарги [1]). Далѣе, на л. 560 об. этой рукописи читаемъ слѣдующее заглавіе помѣщенной здѣсь статьи: „Дла милости блнжнего Пвво сты, зане бавшін влнон своєн потребы, вблюда дрогомь назыи“, за которымъ слѣдуетъ такое начало разсказа: „Мы Бжи сти Пвво:“. Въ польскомъ оригиналѣ имени святого не встрѣчаемъ; въ обоихъ случаяхъ написано просто „niektory starzec“. Очевидно, указанная подробность въ переводѣ восходитъ на Синайскому Патерику („Лугъ духовный“) [2]). Наконецъ, въ одномъ случаѣ наблюдаемъ въ этой рукописи значительное сокращеніе польскаго разсказа при переводѣ. Такъ, подъ § 1819 (изд. 1621 г. „W. Ź.“) помѣщенъ въ польскомъ оригиналѣ прикладъ, носящій слѣдующее заглавіе: „Rożni byli przedtym dawno Katholicy od Aryanow przez „Gloria Patri,“ Chwała Oycu y Synowi y Duchowi Św.“ Въ немъ идетъ рѣчь о спорѣ между аріанами и праворѣрными католиками по вопросу о восхваленіи св. Тройцы, спорѣ, въ которомъ восторжествовали послѣдніе въ лицѣ своего патріарха Флавіана; онъ предложилъ такую формулу словословія, въ которой воздавалась одинаковая честь всѣмъ лицамъ св. Тройцы. Вслѣдъ за этимъ въ польскомъ текстѣ идутъ слѣдующія строки: „Co widząc, Leoncyus heretyk zakazać tym nie śmiał, ktorzy wiedle podania Niceńskiey wiary tradycyey Pana Boga chwalili sedycyey abo rozruchu się obawiaiąc. A mowił: snieg ten, ktory się rospłynie, wnet błota naczyni, daiąc znać, iako heretyk, iż ta rożność w wychwalaniu Boga u pospolstwa za czasem

[1]) „Żywoty Świętych“. СПБ., 1862, т. II, стр. 33.

[2]) Былъ напечатанъ въ Кіевѣ въ типографіи Спиридона Соболя въ 1628 г. Ср. И. Каратаевъ. Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. т. I, СПБ., 1883, стр. 395.

może przyśdź do sedycyey. A ci, ktorzy byli z iego strony, z pospolitym człowiekiem nie mieli nigdy przyśdź do sgody“. Что касается нашего перевода, то въ немъ приведенныя строки опущены, быть можетъ, по той причинѣ, что онѣ не совсѣмъ были вразумительны для тогдашняго читателя. Соотвѣтственно съ этимъ, въ рукописи статья имѣетъ слѣдующее заглавіе: „**Н҃ж Флавіѧ҃ патрнѧ҃ха Антиѡхи́ ѡ ст҃о́ Тро́ци пода҃ до спѣва҃ѧ**“.

Таковы важнѣйшія отступленія отъ оригинала въ переводѣ статей, заключающихся въ рукописи Кіево-Софійскаго Собора.

Что касается разсказовъ, встрѣчающихся въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки, то въ нихъ, какъ указано было выше, отступленій отъ польскаго текста еще меньше. Важнѣйшія изъ нихъ сводятся къ опущенію указазаній на источники и къ исключенію собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ оригиналѣ, какъ это мы видимъ изъ слѣдующихъ примѣровъ:

„W. Ź.“ изд. 1621 г., § 1425:	Рук. Моск. Синод. библ. № 729. л. 372:
„Niektory człowiek na imię Walens szedł na puszczą“...	„**Нѣкоторы ч҃ѥнецъ ишѐ на пущу**“...

„W. Ź.“, § 1428:	Рук., л. 373:
„Pisze wielebny Wilhelm, Biskup Lugduński, iż był niejaki Mnich“...	„**Былъ нѣѩкїй ч҃ѥнецъ**“...

„W. Ź.“, § 1420:

„Potym rzekł Barłaam: słyszałem, że iest iedno miasto wielkie, ktorego miesczanie zdawna taki zwyczay maią, iż sobie za krola cudzoźiemca biorą“...

Рук., л. 375:

„Єсть мѣсто єдно велиликоє, котороє такого ꙁвыꙋаю были мѣщанє, такїй ꙁвыꙋай мѣли, ижъ собѣ ꙁа крꙋлꙗ ꙋѱоꙁе҃ца бирали“...

„W. Ź.“, § 1497:

„Pisze przewielebny Piotr opat Kluniaceński, iż Mnich ieden“...

Рук., л. 384:

„Читає҃, и҃ж ꙋе҃нецъ єди҃н“...

Въ заключеніе отмѣтимъ, что установить принципъ, которымъ руководствовались наши переводчики при выборѣ статей изъ „Wielkiego Źwierciadła,“ довольно трудно, т. к. приклады брались изъ самыхъ разнообразныхъ рубрикъ, на которыя, какъ извѣстно, подраздѣленъ польскій оригиналъ.

Н. К. Гудзій.

Юзефъ Дунаевскій,

помѣщикъ сквирскаго уѣзда 2-й четверти XIX ст.

Во всей многовѣковой исторіи той части Украины, которая входитъ въ составъ нынѣшняго Юго-Западнаго края, не было болѣе печальной эпохи, какъ послѣднее тридцатилѣтіе существованія крѣпостного права. Съ одной стороны, это было время суроваго Николаевскаго режима, съ безпощадностью истреблявшаго здѣсь слѣды польскаго мятежа 1830—31 г.г. и всякаго вольномыслія и настойчиво провозглашавшаго господство въ этомъ краѣ „исконныхъ русскихъ началъ“ православія и русской народности, а съ другой—это была эпоха самаго крайняго безправія и приниженнаго положенія милліоновъ коренного русскаго (малорусскаго) православнаго населенія, порабощеннаго ничтожному по численности классу дворянъ-землевладѣльцевъ, представителей того именно племени, противъ котораго правительство вело открытую борьбу. Эта крестьянская масса питала непримиримую наслѣдственную вражду къ своимъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владѣльцамъ и открыто заявила ее во время мятежа 1831 года, когда многіе крестьяне, по приглашенію властей, зорко слѣдили за

дѣйствіями мятежныхъ пановъ, хватали ихъ и передавали въ руки начальства, руководимые, кромѣ чувства мщенія, надеждами, что они „никогда уже не подпадутъ подъ власть бунтовщиковъ“, какъ обѣщалось въ оффиціальныхъ воззваніяхъ, читанныхъ народу съ церковныхъ амвоновъ. Но эти обѣщанія не были исполнены; паны остались попрежнему панами; если же имѣнія нѣкоторыхъ и подверглись конфискаціи, то были переданы ихъ же родственникамъ или перешли въ арендное содержаніе той же польской шляхты. Но съ тѣхъ поръ поляки-рабовладѣльцы навсегда затаили злобу и ненависть къ „вѣроломнымъ хлопамъ“ и, пользуясь неограниченнымъ помѣщичьимъ всевластіемъ и держа въ своихъ рукахъ судъ и полицію, систематически стали угнетать крестьянъ, а при малѣйшей попыткѣ послѣднихъ къ протесту, хотя бы въ формѣ законныхъ жалобъ начальству, кричали о бунтѣ. А начальство въ такихъ случаяхъ готово было употребить самыя энергичныя мѣры, чтобы подавить чувство недовольства среди крестьянъ и „внушить имъ повиновеніе законнымъ владѣльцамъ“, ибо правительство Николая I ничего такъ ревниво не оберегало, какъ неприкосновенность института крѣпостного права, признавая его одной изъ коренныхъ основъ государственнаго порядка. Это противоестественное сочетаніе противорѣчивыхъ руководящихъ началъ политики на каждомъ шагу создавало самыя дикія, невозможныя положенія, изъ которыхъ не всегда умѣлъ находить выходъ даже такой несомнѣнно умный и убѣжденный государственный человѣкъ, какимъ былъ тогдашній всемогущій властитель края, Д. Г. Бибиковъ.

Объ этой мрачной эпохѣ живы и теперь еще изустныя преданія, но среди современниковъ ея не нашлось талантливыхъ мемуаристовъ, а имъ было бы что разсказать потомству. Правда, въ польской литературѣ можно найти нѣ-

сколько мемуаровъ изъ этой эпохи, относящихся къ Юго-Западному краѣ, но въ нихъ напрасно стали бы мы искать полнаго и безпристрастнаго изображенія уродливыхъ явленій тогдашней общественной жизни: тамъ исключительно рисуется великопанская или вообще шляхетская среда и притомъ въ невѣрномъ, сильно идеализованномъ освѣщеніи; даже крестьяне тамъ обычно изображаются въ видѣ кроткихъ, простодушныхъ простачковъ, безмѣрно преданныхъ своимъ господамъ и осчастливленныхъ великими ихъ милостями. Къ счастью, для исторіи не потеряны письменные источники, въ которыхъ явленія тогдашней общественной жизни запечатлѣны съ точностью чисто протокольною и съ безпристрастіемъ, превосходящимъ разсказъ лѣтописца: мы имѣемъ въ виду безчисленныя груды судебныхъ и административныхъ дѣлъ, какими заполнены старые архивы разныхъ присутственныхъ дѣлъ. По разнымъ причинамъ, рѣдкіе изслѣдователи пользовались этими пыльными фоліантами, сложенными обыкновенно въ сырыхъ подвалахъ и точно обреченными на съѣденіе мышамъ и крысамъ; но кому приходилось прочитывать ихъ хотя бы изъ простого любопытства, тотъ согласится съ нами, что несмотря на тяжелый канцелярскій языкъ и утомительное многоглаголаніе старинаго дѣлопроизводства, рѣдкая повѣсть въ состояніи такъ овладѣть вниманіемъ читателя, какъ эти пыльныя, выцвѣтшія страницы, потому что въ нихъ слышится дыханіе давно прошедшей жизни гораздо ощутительнѣе, чѣмъ въ вымыслѣ художника.

Для подтвержденія и иллюстраціи сказаннаго достаточно пересказать содержаніе любого изъ такихъ фоліантовъ, тысячами гніющихъ въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ нашего края. Надъ выборомъ задумываться отнюдь не приходится: любое судебное или административное дѣло 1830—40-хъ годовъ способно возбудить захватывающій ин-

тересъ, разъ оно касается быта крестьянъ или помѣщиковъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ; а такихъ дѣлъ, которыя такъ или иначе не задѣвали бы этого сюжета, было меньшинство, ибо институтъ рабства насквозь пропитывалъ и отравлялъ тогда всѣ правовыя, экономическія и общественныя отношенія въ краѣ. Въ канцелярскихъ реестрахъ разныхъ присутствій изъ года въ годъ фигурировала спеціальная серія дѣлъ „объ угнетеніи крестьянъ помѣщиками“, „о жестокомъ обращеніи владѣльцевъ съ крестьянами“, сводныя годичныя вѣдомости о скоропостижныхъ смертяхъ и самоубійствахъ крестьянъ послѣ тяжкихъ наказаній со стороны помѣщиковъ и ихъ управителей, о преждевременныхъ родахъ вслѣдствіе наказаній беременныхъ крестьянокъ и т. под. Въ тѣхъ же реестрахъ часто мелькаютъ и такіе заголовки: „О растлѣніи помѣщикомъ N шести крестьянскихъ дѣвочекъ“, „О развратномъ поведеніи владѣльца N съ крестьянскими дѣвками“ и т. под. Мы намѣренно оставляемъ въ сторонѣ подобныя дѣла, чтобы читатель не подумалъ, будто мы какія-то исключительныя злодѣянія выдаемъ за типичныя явленія тогдашней жизни. Скажемъ лишь на основаніи непосредственнаго знакомства съ этими дѣлами, что поэтъ Шевченко, лично пережившій и отчасти на себѣ испытавшій всѣ ужасы тогдашняго крѣпостного права въ нашемъ краѣ, вполнѣ справедливо охарактеризовалъ ихъ въ этихъ вдохновенно-негодующихъ строкахъ:

Якби росказать
Про якого-небудь одного магната
Історію-правду, то перелякать
Саме пекло можна, а Данта старого
Полупанкомъ нашимъ можна здивувать.

Вотъ объ одномъ изъ такихъ „полупанковъ“ мы и намѣрены разсказать все, что нашли въ дѣлѣ, сохранив-

шемся въ архивѣ Кіев. губ. правленія. Мы остановили свой выборъ на этомъ именно дѣлѣ, какъ болѣе другихъ типичномъ. Въ немъ выступаетъ съ своими злодѣяніями не какой-либо шальной магнатъ, злоупотребляющій своимъ вліятельнымъ общественнымъ положеніемъ, а самый заурядный шляхтичъ средней руки и достатка, и это обстоятельсто еще ярче обрисовываетъ весь ужасъ той мрачной эпохи, когда ничтожный „полупанокъ“ въ теченіе долгихъ лѣтъ могъ безпрепятственно чинить надъ своими крестьянами самыя вопіющія насилія и беззаконія, а всемогущая въ другихъ отношеніяхъ власть, при всемъ видимомъ желаніи, оказывалась безсильной обуздать его произволъ.

Въ первой четверти XIX столѣтія въ с. Чубинцахъ, сквирскаго у., жилъ помѣщикъ Михаилъ Дунаевскій [1]), владѣвшій довольно значительнымъ состояніемъ; ему принадлежало около 300 ревизскихъ душъ крестьянъ, вмѣстѣ съ винокуреннымъ заводомъ, крупчатой мельницей и др. угодьями. Старшіе сыновья его Іосифъ и Владиславъ служили въ военной службѣ, а дочь Ѳекла и малолѣтній сынъ Игнатій жили дома. Въ 1824 году Михаилъ Дунаевскій умеръ, оставивъ имѣніе въ пожизненномъ владѣніи своей жены и поручивъ ей въ опеку дочь и малолѣтняго сына.

---

[1]) Генеологическія свѣдѣнія объ украинской линіи Дунаевскихъ весьма скудны. Ихъ предкомъ былъ шляхтичъ Янъ Дунаевскій, выходецъ изъ Галичины, въ концѣ XVII ст. Въ XVIII ст. его потомки изрѣдка выдвигались на скромные, впрочемъ, уряды: Карлъ былъ ловчимъ Летичевскимъ, Теодоръ – подсудкомъ гродскимъ Житомирскимъ. Въ актахъ 1789 г. впервые упоминается Михаилъ Дунаевскій, владѣлецъ с. Чубинецъ.

Вдова немедленно вызвала своего любимца, старшаго сына Іосифа и убѣдила его выйти въ отставку и помогать ей въ управленіи имѣніемъ. Молодой прапорщикъ не изъ сыновней любви согласился принести эту жертву: съ безсердечіемъ типичнаго эгоиста онъ разсчиталъ, что ему нетрудно будетъ забрать въ руки слабохарактерную, слѣпо обожавшую его мать и со временемъ сдѣлаться единственнымъ обладателемъ отцовскаго достоянія. Мать любила безпечную, веселую жизнь и втайнѣ предавалась пьянству; сынокъ тоже пріобрѣлъ въ полку вкусъ къ попойкамъ и бражничанью,—и вотъ въ Чубинцахъ потекла безпутная жизнь: постоянные гости, карты, псовая охота и ночныя оргіи. Отставной прапорщикъ окружилъ себя безшабашными прожигателями жизни, организовалъ изъ своихъ крестьянъ нѣчто въ родѣ козацкаго отряда и предавался необузданному буйству, насиліямъ и разврату. Его дикая, деспотическая натура рѣшительно не знала удержу, и не было той мерзости, предъ которой остановился бы этотъ жестокій и распутный человѣкъ; тутъ было и засѣканіе людей до смерти, и растлѣніе малолѣтнихъ, и даже мужеложство. Но, предаваясь всѣмъ излишествамъ, панъ Юзефъ не упускалъ изъ виду и той конечной цѣли, ради которой онъ бросилъ службу и поселился при матери. Пріѣхалъ какъ-то на побывку домой его братъ, капитанъ Владиславъ, еще большій кутила, чѣмъ онъ, быстро втянулся въ пьянственную жизнь, пристрастился къ картамъ, проигралъ Юзефу значительную сумму и уѣхалъ, оставивъ брату кучу векселей, подписанныхъ въ пьяномъ видѣ. Скоро послѣ того онъ проигралъ въ карты казенныя деньги и обратился къ брату за помощью. Юзефъ выручилъ брата изъ бѣды, но заставилъ его подписать документъ, значеніе котораго легкомысленному Владиславу было не вполнѣ ясно во время подписи; впослѣдствіи же оказалось, что это было формальное его

отреченіе отъ правъ наслѣдства въ пользу старшаго брата. Разобравъ, наконецъ, какого онъ далъ маху, капитанъ едва не убилъ брата-предателя, разссорился съ матерью и пересталъ давать о себѣ вѣсти родной семьѣ.

Сдѣлавшись такимъ образомъ обладателемъ двухъ третей отцовскаго наслѣдія, все еще формально остававшагося въ пожизненномъ владѣніи матери, но фактически находившагося въ безконтрольномъ его управленіи, панъ Юзефъ сталъ подумывать о томъ, какъ ему отдѣлаться отъ другого сонаслѣдника, младшаго брата Игнатія, оставшагося послѣ смерти отца малолѣтнимъ. Это былъ болѣзненный мальчикъ, совершенно заброшенный матерью. Когда онъ настолько подросъ, что пора было позаботиться объ его образованіи, Юзефъ сталъ убѣждать мать, что Игнатій лишенъ всякихъ способностей, едвали не идіотъ, и что ему не нужно давать никакого образованія. Глупая и почти всегда пьяная мать повѣрила любимцу и, благодаря его внушеніямъ, мало-по-малу до такой степени не взлюбила младшаго сына, что не выносила его присутствія. Несчастный мальчикъ, и безъ того выросшій на попеченіи дворни, теперь былъ окончательно удаленъ изъ дома и водворенъ въ одномъ изъ флигелей, гдѣ помѣщалась псарня старшаго брата. Его ничему не учили, скоро перестали даже заботиться о его платьѣ, бѣльѣ, обуви, и бѣдный мальчикъ, по внѣшнему виду почти не отличавшійся отъ уличнаго оборвыша, цѣлые дни проводилъ на конюшнѣ, въ обществѣ дворни. Здѣсь почти ежедневно приходилось ему бывать свидѣтелемъ ужасныхъ истязаній, какимъ подвергались несчастныя жертвы барскаго произвола. Нервный и отъ природы добрый Игнатій не могъ спокойно видѣть этихъ жестокостей: едва приводили приговореннаго въ конюшню для сѣченія, мальчикъ блѣднѣлъ, волновался, съ плачемъ убѣгалъ на сѣновалъ и съ головой зарывался въ сѣно, чтобы не слышать воплей

истязуемаго. Эта жалостливость ребенка вызывала среди крестьянъ всеобщее къ нему сочувствіе. Всѣ искренно жалѣли сироту-панича, и между дворовыми находились добрые люди, которые, бывало, и обмоютъ его, и обошьютъ, и приласкаютъ, и накормятъ, но все это тайно, украдкой, чтобъ не дошло до ушей барыни и пана Юзефа.

Самымъ преданнымъ другомъ и покровителемъ несчастнаго Игнатія былъ лакей его старшаго брата Ефимъ Маслюкъ. Онъ болѣе другихъ заботился о томъ, чтобы Игнатій не ходилъ босымъ и голымъ, не оставался голоднымъ, охранялъ его отъ всего дурного и съ материнскою нѣжностью ходилъ за нимъ во время его болѣзней. Мальчикъ искренно былъ привязанъ къ своему покровителю и эту привязанность сохранилъ на всю жизнь; въ свою очередь панъ Юзефъ, раньше расположенный къ Ефиму, именно изъ-за этихъ отношеній къ Игнатію сталъ все болѣе охладѣвать къ нему и впослѣдствіи, какъ ниже увидимъ, сдѣлался лютымъ его гонителемъ.

У малолѣтняго Игнатія была еще покровительница, которую онъ впослѣдствіи величалъ „добрымъ геніемъ“, „ангеломъ хранителемъ“: это была старшая сестра Ѳекла. Еще при жизни отца она получила приличное воспитаніе, обладала прекраснымъ характеромъ, была очень начитана и считалась завидной невѣстой; но когда умеръ отецъ, а мать подпала вліянію любимца сына и распилась до того, что потеряла образъ Божій, положеніе дѣвушки оказалось очень печальнымъ. Изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, чтобы не умалять наслѣдства выдачей сестрѣ приданаго, Юзефъ систематически отбивалъ у нея женіховъ, а когда въ Чубинцахъ завелось безконечное пьянство и разныя безпутства, репутація семьи пала такъ низко, что порядочные женихи и сами перестали сюда навѣдываться. Скоро Юзефъ такъ поставилъ себя въ домѣ, что сестра не смѣла пикнуть передъ

нимъ и должна была въ немъ заискивать, чтобы имѣть самое необходимое. Она никуда не выѣзжала, почти ни съ кѣмъ не видѣлась, пьянственной компаніи брата брезгливо убѣгала и жила отшельницей. Въ домѣ такъ и смотрѣли на нее, какъ на будущую монахиню, ибо Юзефъ открыто внушалъ матери, что сестра Ѳекла, съ ея некрасивой наружностью и будто бы дурнымъ характеромъ, не можетъ разсчитывать на замужество, а должна думать о монастырѣ. Ѳекла, повидимому, примирилась съ этой мыслью; ее больше озабочивала печальная будущность младшаго брата, оставленнаго на произволъ судьбы. Сколько разъ она со слезами умоляла и мать, и Юзефа подумать о несчастномъ мальчикѣ и позаботиться о его воспитаніи! Но ея и слушать не хотѣли и требовали, чтобы она не мѣшалась не въ свое дѣло. Тогда она рѣшила самой заняться образованіемъ Игнатія, но, конечно, тайкомъ отъ матери и старшаго брата. Лишь только, бывало, Юзефъ уѣдетъ на охоту или въ гости къ сосѣдямъ, Ефимъ украдкой приведетъ къ ней мальчика, а самъ остается на сторожѣ. На первыхъ порахъ ученіе шло туго: неопытная учительница надрывается и плачетъ, а ученику плохо дается грамота; но потомъ дѣло наладилось. Зато, когда, бывало, сестра съ плачемъ убѣждаетъ его, чтобы онъ отставалъ отъ дурныхъ привычекъ, что ему слѣдуетъ быть честнымъ, добрымъ, достойнымъ званія дворянина, мальчикъ и самъ расплачется и, растроганный, начнетъ божиться и клясться, что будетъ такимъ, какимъ она внушаетъ ему быть.

Такъ шло ученіе нѣсколько лѣтъ; грамота была давно усвоена, и никто изъ дворовыхъ не донесъ Юзефу объ этихъ тайныхъ урокахъ. Но однажды Юзефъ неожиданно вошелъ въ комнату сестры и засталъ Игнатія за писаньемъ. Гнѣву его не было предѣловъ. Онъ изорвалъ книги и тетради, поносилъ сестру позорной бранью и хотѣлъ отправить маль-

чика на конюшню для порки. На другой день онъ объявилъ, что самъ станетъ заниматься обученіемъ брата и при томъ по „ланкастерской методѣ“, какъ учили у нихъ въ полку кантонистовъ. И точно, время отъ времени онъ призывалъ Игнатія и начиналъ урокъ; но его метода оказалась не „ланкастерской“, а скорѣе „аракчеевской“: учитель кричалъ и топалъ ногами; перепуганный ученикъ, конечно, путался и отвѣчалъ невпопадъ. За этимъ слѣдовали заушенія, розги, плети, мореніе голодомъ и даже сажаніе на цѣлый день (а иногда и ночь) въ ножныя колодки. Такъ какъ Игнатій былъ уже грамотенъ, а большему, по мнѣнію Юзефа, учить его не слѣдовало, то онъ занялся внѣшней его выправкой, чтобы привить ему „шляхетскія манеры“. Это была систематическая травля несчастнаго мальчика. Гдѣ бы ни завидѣлъ его пьяный Юзефъ, тотчасъ раздается грозная команда: „Что глядишь волкомъ? Не такъ ходишь! не такъ стоишь!“ а затѣмъ—жестокіе побои, обрываніе ушей и нерѣдко порка на конюшнѣ. Рѣдкій день проходилъ безъ истязаній. Всѣ видѣли, что Юзефъ рѣшился извести со свѣта брата, но никто не осмѣливался вступиться за него. Замѣтивъ, что кучера изъ жалости небольно сѣкутъ мальчика, онъ самъ бралъ въ руки розги, и ужъ тогда не было пощады ни ему, ни жалостливому кучеру. Иногда и мать привлекалась къ участію въ истязаніяхъ. Однажды Юзефъ нашелъ въ карманахъ Игнатія табакъ и вареный картофель. Онъ за ухо притащилъ его къ матери, которая въ то время сидѣла на крыльцѣ и принимала отъ ткачей холстъ, примѣряя его на деревянный аршинъ. Юзефъ своимъ притворнымъ негодованіемъ по поводу якобы полной испорченности мальчика сумѣлъ такъ озлобить мать, что она стала бить Игнатія дубовымъ аршиномъ по головѣ, затѣмъ въ дикомъ изступленіи схватила его за горло и душила до тѣхъ поръ, пока у него изо рта не пошла кровавая пѣна и онъ замертво

упалъ на землю. Около двухъ часовъ дворовые отливали его водою и съ трудомъ привели въ чувство, но знаки отъ побоевъ (слѣды раскроенной кожи на черепѣ) остались навсегда „дражайшею памятью материнской ласки“ [1]).

Послѣ этого мальчикъ опасно занемогъ. Его оставили безъ призрѣнія, но сестра Ѳекла и лакей Ефимъ секретно пригласили уѣзднаго врача Сѣрочинскаго, и тотъ, подъ видомъ случайнаго визита, пріѣхалъ въ Чубинцы и, на зло матери и старшему брату, сталъ лѣчить больного. Когда кризисъ миновалъ и врачъ сталъ надѣяться на выздоровленіе Игнатія, злобный Юзефъ, въ видахъ его гибели, прибѣгнулъ къ слѣдующему психическому воздѣйствію: по его приказанію, въ комнату больного явились плотники съ досками и стали снимать съ него мѣрку на гробъ, а чтобы онъ не остался въ невѣденіи, зачѣмъ это дѣлается, одинъ другому долженъ былъ говорить: „бери мірку довшу, бо його смерть вытягне“, а въ это время другіе служители внесли саванъ и принадлежности костюма и по приказу говорили: „оце ж вам, паниченьку, на смерть справили“. Но и это безчеловѣчное воздѣйствіе не достигло цѣли: больной не испугался смерти, ибо видѣлъ въ ней желанное избавленіе отъ безконечныхъ страданій мученической жизни, и въ короткое время оправился. Юзефъ бѣсился отъ злобы и принялся за прежнія истязанія, а когда сестра въ слезахъ валялась у его ногъ, моля о состраданіи къ слабому, не вполнѣ еще оправившемуся брату, доставалось и ей.

Такъ продолжалось до осени 1833 года, когда Юзефъ, за что-то разсердившись, посадилъ Игнатія въ ножную колодку на всю ночь, а на утро грозилъ выпороть на конюшнѣ. Страшась жестокаго наказанія, узникъ какъ-то высвободилъ свои ноги изъ колодки и въ ноябрьскую ночь, босой,

---

[1]) Выраженіе изъ одной жалобы Игнатія Дунаевскаго.

въ изорванномъ байковомъ сюртукѣ, убѣжалъ въ г. Сквиру, за 15 верстъ. Встрѣтилъ его въ такомъ видѣ на сквирской плотинѣ знакомый адвокатъ Болсуновскій, отвелъ въ канцелярію дворянской опеки и представилъ въ присутствіе со словами: „предъ вами помѣщикъ, владѣлецъ 80-ти ревизскихъ душъ крестьянъ!“ Разумѣется, Игнатія разспросили обо всемъ, и онъ разсказалъ грустную повѣсть своей страдальческой жизни и просилъ какъ милости, чтобы его посадили лучше въ тюрьму за побѣгъ, но не возвращали къ матери и брату. Члены дворянской опеки не впервые, конечно, слышали о томъ, что происходитъ въ семьѣ Дунаевскихъ, но они пылали благороднымъ негодованіемъ, слушая разсказъ Игнатія, и обѣщали ему самую энергичную защиту и покровительство. И точно, имъ такъ нетрудно было исполнить свое обѣщаніе! Въ то время дворянская опека была очень вліятельнымъ учрежденіемъ, и если, бывало, администрація захочетъ обуздать помѣщика, черезчуръ угнетавшаго крестьянъ, то опека очень энергично выступала на помощь собрату. Но въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, эта энергія почему-то совсѣмъ не проявлялась. Такъ было и теперь. Предводитель наобѣщалъ Игнатію и назначеніе опекуна, и преданіе Юзефа суду дворянства, а ограничился лишь тѣмъ, что послалъ Юзефу частное письмо, не имѣвшее, конечно, никакихъ послѣдствій. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что Игнатія не водворили въ родительскій домъ, а позволили остаться въ Сквирѣ, на попеченіи Болсуновскаго, у котораго онъ и жилъ изъ милости въ теченіе полутора года, до смерти матери, послѣдовавшей въ 1835 году.

Черезъ годъ Игнатію исполнилось 18 лѣтъ—срокъ гражданскаго совершеннолѣтія по Литовскому Статуту, и Юзефъ долженъ былъ выдѣлить ему законную часть отцовскаго достоянія. Въ Чубинцахъ за рѣчкой, оказалась небольшая экономическая усадьба; въ ней и поселился Игнатій вмѣстѣ съ

сестрой Ѳеклой. Послѣ всего, что перенесли они въ родительскомъ домѣ, этотъ скромный уголъ казался имъ раемъ. Да и Юзефъ теперь сталъ какъ-бы другимъ человѣкомъ: примирился съ братомъ и сталъ оказывать ему знаки самой нѣжной любви и попеченія. Не было дня, чтобы онъ не навѣстилъ брата и сестру или не звалъ ихъ къ себѣ. Простодушный Игнатій прямо расцвѣлъ въ непривычной для него атмосферѣ ласки и благоволенія, забылъ старыя обиды и съ полнымъ довѣріемъ стремился туда, гдѣ его ждалъ родственный привѣтъ брата и молодой невѣстки Октавіи, изъ дома Рыхлинскихъ; но менѣе довѣрчивая Ѳекла скоро разглядѣла, что подъ личиною нѣжной любви Юзефъ таилъ лукавые замыслы. Оказалось, что онъ втягивалъ брата въ картежную игру и на выигранныя суммы бралъ съ него заемныя письма; дарилъ ему разныя малоцѣнныя вещи, но подсовывалъ для подписи векселя; словомъ, употреблялъ тотъ же предательскій пріемъ, при помощи котораго ему удалось обобрать другого брата, Владислава.

Не легко было Ѳеклѣ раскрыть очарованному Игнатію глаза на истинный характеръ отношеній къ нему брата и невѣстки, но въ концѣ концовъ, уступая внушеніямъ сестры, Игнатій далъ зарокъ никогда не играть съ Юзефомъ въ карты и какъ можно рѣже бывать въ его домѣ. Убѣдившись въ томъ, что его корыстные замыслы разгаданы, Юзефъ сразу охладѣлъ къ нѣжно любимому брату и сестрѣ, а когда они приняли къ себѣ стараго своего слугу и благожелателя Ефима Маслюка и сдѣлали его чѣмъ-то въ родѣ управляющаго, онъ воспылалъ ко всѣмъ троимъ неутолимою ненавистью и сталъ на каждомъ шагу причинять имъ несносныя обиды и огорченія.

Надо знать, что съ Ефимомъ Маслюкомъ у Юзефа Дунаевскаго были давніе счеты. Ефимъ былъ сверстникомъ Юзефа и, въ званіи крѣпостного его лакея, бывалъ неволь-

нымъ участникомъ многихъ мерзостей, творимыхъ его бариномъ; но его честная натура скоро стала возмущаться этими безпутствами, и когда онъ однажды, на исповѣди, разсказалъ священнику объ этихъ мерзостяхъ и о своемъ невольномъ въ нихъ участіи [1]), а священникъ на время отлучилъ его, какъ недостойнаго, отъ св. причастія, то Ефимъ отъ глубины души возненавидѣлъ своего распутнаго и бездушнаго властителя и, какъ мы видѣли, всѣмъ сердцемъ привязался къ невинной жертвѣ его корыстныхъ замысловъ, гонимому имъ Игнатію. Тутъ подоспѣлъ польскій мятежъ 1831 года. Мы не знаемъ, принималъ ли въ немъ какое-либо участіе Юзефъ Дунаевскій, но когда вслѣдъ за тѣмъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ были учреждены особыя комиссіи для разслѣдованія о мятежникахъ, то Ефимъ Маслюкъ отправился въ Сквиру и донесъ на своего помѣщика, будто онъ участвовалъ въ мятежѣ. Весьма возможно, что онъ руководствовался въ этомъ случаѣ лишь чувствомъ злобы и желаніемъ погубить ненавистнаго барина, такъ какъ видѣлъ, что слѣдственныя комиссіи, по крайней мѣрѣ въ началѣ своихъ дѣйствій, нерѣдко по доносамъ крестьянъ арестовывали помѣщиковъ и дѣлали постановленія о конфискаціи ихъ имѣній. Какъ бы ни было, но разсчеты Ефима оказались ошибочными: Юзефъ благополучно раздѣлался съ слѣдственной комиссіей и готовился посвойски расквитаться съ доносителемъ. Ефимъ хорошо зналъ нравъ своего барина и, не дожидаясь этой расплаты, бѣжалъ. Гдѣ онъ пропадалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—неизвѣстно. Юзефъ увѣрялъ всѣхъ, что Маслюкъ вступилъ въ шайку Кармелюка, разбойничавшаго въ то время въ сосѣднихъ уѣздахъ подольской губ.; но если бы это была правда, то послѣдній, конечно, не

[1]) Между прочимъ, Ефимъ жаловался, что помѣщикъ насильно мужеложствовалъ съ нимъ не только per anum, но и per os.

преминулъ бы явиться мстителемъ за тѣ жестокія и безсмысленныя преслѣдованія, какимъ Дунаевскій подвергъ многочисленныхъ родственниковъ бѣжавшаго Ефима, своихъ крѣпостныхъ: онъ безжалостно разорялъ и раздроблялъ ихъ семьи, мужчинъ сдавалъ въ рекруты, а женщинъ враздробь продавалъ или раздаривалъ своимъ экономамъ—шляхтичамъ. Эти преслѣдованія еще болѣе усилились послѣ того, когда въ одну ненастную ночь кто-то выстрѣлилъ изъ сада въ окно спальни Юзефа и пуля едва не задѣла его головы. Пока подняли тревогу, злоумышленника и слѣдъ простылъ; но Юзефъ сохранилъ твердое убѣжденіе, что это былъ не кто иной, какъ Ефимъ Маслюкъ. Когда въ ноябрѣ 1836 года братья Дунаевскіе дѣлились имѣніемъ и крестьянами, Игнатій употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы Ефимъ, числившійся тогда въ бѣгахъ, былъ записанъ въ его часть, а панъ Юзефъ, послѣ долгихъ отказовъ, согласился на это лишь послѣ, того, какъ ему, въ обмѣнъ за одного Ефима, уступлено было цѣлое семейство и, кромѣ того, дано обязательство, что Ефимъ, въ случаѣ возвращенія изъ бѣговъ, не останется ни въ какомъ случаѣ на жительствѣ въ Чубинцахъ. Черезъ мѣсяцъ Ефимъ вернулся и, послѣ подачи дополнительной о немъ сказки, записанъ былъ въ число крестьянъ Игнатія Дунаевскаго, а въ началѣ 1837 года послѣдній выдалъ Ефиму отпускную и сдѣлалъ его управляющимъ своего имѣнія.

Теперь понятна та злоба, какую Юзефъ Дунаевскій питалъ къ Ефиму Маслюку. Едва послѣдній вернулся въ Чубинцы, какъ онъ потребовалъ отъ властей его удаленія, обвиняя его въ принадлежности къ шайкѣ Кармелюка, въ покушеніи на убійство, въ проживательствѣ по подложному паспорту и т. под. Въ свою очередь Маслюкъ въ подаваемыхъ имъ на имя кіевскаго губернатора и генералъ-губернатора жалобахъ, обвинялъ своего бывшаго владѣльца въ

томъ, что онъ ограбилъ его имущество и въ томъ числѣ деньги, пожертвованныя имъ въ мѣстную приходскую церковь, незаконно распродалъ и раздарилъ его племянницъ, вообще угнеталъ всячески своихъ крестьянъ, насиловалъ малолѣтнихъ и творилъ другія беззаконія.

Пока сквирскій уѣздный судъ собирался произвести дознаніе по этимъ обоюднымъ обвиненіямъ, Юзефъ Дунаевскій учинилъ новый вопіющій проступокъ: засѣкъ до смерти своего крестьянина Андрея Маслюка, родственника Ефима, и произвелъ эту кровавую экзекуцію въ страстной четвергъ, въ то именно время, когда въ церкви отправляли „страсти Господни“. Евфимъ не преминулъ донести объ этомъ губернатору—и въ сквирскомъ уѣздномъ судѣ было заведено новое дѣло.

Съ этого времени началась открытая война между большимъ и малымъ дворами въ Чубинцахъ. Подобно Волховскому мосту въ древнемъ Новгородѣ, главной ареной ея служила плотина на рѣчкѣ Раставицѣ, раздѣлявшей владѣнія враждовавшихъ братьевъ. Черезъ эту плотину шла старовѣчная дорога, которою безпрепятственно пользовались не только мѣстные жители, но и посторонніе. Теперь Юзефъ Дунаевскій устроилъ на ней родъ заставы и строго воспретилъ крестьянамъ Игнатія Дунаевскаго переходить ее и перегонять свой скотъ. Сколько свиней и телятъ было перестрѣляно за нарушеніе этого сумасброднаго распоряженія! Даже гусямъ и уткамъ не дозволялось переплывать на рѣчкѣ демаркаціонную линію, отдѣляющую владѣнія обоихъ помѣщиковъ. Въ страстные и пасхальные дни (1837 г.) крестьянамъ Игнатія приходилось силой пробивать себѣ путь черезъ заповѣдную плотину или объѣзжать окольными дорогами, чтобы попасть въ церковь, стоявшую на части Юзефа. Въ началѣ мая Игнатій Дунаевскій съ сестрой и бывшими у него въ тотъ день гостями проѣхалъ по этой плотинѣ на

свою пасѣку. Узналъ объ этомъ Юзефъ и, разсчитывая, что братъ вернется поздно, приказалъ передъ наступленіемъ сумерокъ сорвать нѣсколько досокъ на мосту. Нашелся, однако, добрый человѣкъ, во время предупредившій Игнатія объ угрожавшей ему опасности, а Юзефъ перепоролъ десятокъ крестьянъ, чтобы доискаться, кто именно разстроилъ его замыселъ. Тогда и Игнатій поставилъ на своемъ концѣ плотины караулъ изъ двѣнадцати человѣкъ крестьянъ; но явившійся сюда во главѣ отряда изъ сорока человѣкъ Юзефъ приказалъ перевязать этихъ караульныхъ и запереть ихъ въ одной избѣ впредь до дальнѣйшихъ его распоряженій, а самъ, въ сопровожденіи свиты изъ дворовыхъ и шляхтичей верхомъ на коняхъ, въѣхалъ во дворъ брата и, „посвиставши въ какую-то дудочку съ неизвѣстнымъ намѣреніемъ", уѣхалъ домой. Въ то время Игнатій не разумѣлъ зловѣщаго значенія этой игры въ дудочку, но впослѣдствіи она всякій разъ повергала его въ трепетъ, такъ какъ онъ зналъ, что послѣ этой прелюдіи надо было ожидать какой-нибудь каверзы со стороны брата.

Между тѣмъ Юзефъ, вернувшись домой, призвалъ своего крестьянина Петра Вошука, состоявшаго въ должности сотскаго, и объявилъ, что если онъ сегодня же не подкараулитъ и не приведетъ къ нему Ефима Маслюка, отправившагося въ Фастовъ на ярмарку, то ему, сотскому, будетъ очень худо. Сотскій незадолго предъ тѣмъ былъ высѣченъ за неумѣлое исполненіе такого же приказанія и, боясь повторенія порки, не посмѣлъ ослушаться барскаго приказа. Взявъ съ собою человѣкъ пятнадцать крестьянъ, онъ засѣлъ съ ними въ мельницѣ и сталъ поджидать возвращенія Маслюка. Тотъ нарочно, изъ предосторожности, выѣхалъ поздно изъ Фастова, съ такимъ разсчетомъ, чтобы вернуться домой около полуночи, и даже оставилъ подводу въ ближайшей корчмѣ. Едва онъ взошелъ на плотину, какъ вы-

бѣжавшіе изъ засады набросились на него и стали вязать. Маслюкъ поднялъ крикъ: „Ратуйте хто въ Бога віруэ!“ Крикъ этотъ былъ услышанъ въ усадьбѣ Игнатія Дунаевскаго, который схватился съ постели и въ одномъ халатѣ, въ сопровожденіи гостившаго у него шляхтича Бардовскаго и двухъ дворовыхъ людей, побѣжалъ спасать своего вѣрнаго слугу; но его самого схватили вмѣстѣ съ спутниками и потащили на дворъ Юзефа, при чемъ въ пылу схватки крестьяне изорвали на немъ халатъ и бѣлье и почти безчувственнаго положили къ ногамъ своего пана, уже усѣвшагося на крыльцѣ творить судъ и расправу надъ Маслюкомъ. Юзефъ вылилъ на голову брата два кувшина воды и приведя его такимъ образомъ въ чувство, сталъ поносить его, называлъ разбойникомъ, будто бы напавшимъ на его домъ, и т. под. Игнатій терпѣливо сносилъ эти оскорбленія и только молилъ отпустить Ефима. О томъ же просилъ Юзефа и шляхтичъ Бардовскій, родственникъ Дунаевскихъ, но тотъ грубо оборвалъ его и крикнулъ крестьянамъ: „А давайте сюди Маслюка!“ Увидѣвъ послѣдняго, онъ бросился къ нему съ кулаками, билъ его по лицу, рвалъ волосы на головѣ, затѣмъ приказалъ повалить на землю, сорвать съ него платье и собственноручно началъ истязать его ременною плетью, пока не усталъ, а потомъ полилъ водкою окровавленныя части тѣла и снова приказалъ двумъ человѣкамъ сѣчь его розгами, пока не замѣтилъ, что истязуемый впалъ въ безчувственное состояніе. Тогда Юзефъ оставшеюся водкою попотчевалъ крестьянъ и приказалъ имъ расходиться, такъ какъ уже разсвѣло и пора была собираться имъ на „панщину“, а Маслюка велѣлъ забить въ ручныя и ножныя колодки и приставить къ нему караульныхъ.

Счастливый случай избавилъ Ефима отъ дальнѣйшихъ истязаній. Въ тотъ самый день прибылъ въ Чубинцы засѣдатель сквирскаго земскаго суда, Крымскій, вмѣстѣ

съ уѣзднымъ стряпчимъ и лѣкаремъ для производства слѣдствія по дѣлу объ умершемъ отъ истязаній Юзефа крестьянинѣ Андреѣ Маслюкѣ, о чемъ донесъ губернатору Ефимъ. Ихъ прибытіемъ воспользовался Игнатій Дунаевскій и потребовалъ, чтобы противозаконно лишенный свободы и подвергнутый безчеловѣчному истязанію его управляющій Евфимъ Маслюкъ былъ освобожденъ и освидѣтельствованъ лѣкаремъ, что и было немедленно исполнено. Въ составленномъ при этомъ лѣкаремъ Сорочинскимъ актѣ осмотра отмѣчено, что „задняя часть тѣла Маслюка какъ-бы устлана двоякаго рода знаками: узенькими и широкими, въ четверть дюйма, простирающими до брюха и такъ тѣсно одни съ другими соединенными, что вычислить, сколько ему дано ударовъ, невозможно; удобно было только замѣтить по пульсу, происшедшей тошнотѣ и начинающейся рвотѣ, что ему, Маслюку, начала образоваться болѣзнь, извѣстная подъ именемъ воспаленія кишекъ," вслѣдствіе чего онъ былъ немедленно *отправленъ въ сквирскую городскую больницу*, гдѣ и пролежалъ около шести мѣсяцевъ. Что же касается Андрея Маслюка, умершаго три недѣли спустя послѣ жестокой порки, учиненной ему въ страстной четвергъ того же 1837 года, то о причинѣ его смерти лѣкарь далъ такое заключеніе, что Маслюкъ умеръ „отъ воспаленія желудка, перешедшаго въ антоновъ огонь, каковое воспаленіе отъ наказанія произойти не могло, ибо онъ послѣ того былъ здоровъ и занимался работами".

Началась обычная въ то время слѣдственная волокита. Отъ обвиняемаго требовали письменныхъ объясненій; по временамъ пріѣзжали въ Чубинцы для „дополнительныхъ "разслѣдованій то земскій засѣдатель, то становой приставъ, то цѣлыя комиссіи, подолгу гостили и пировали поперемѣнно у истца или у отвѣтчика; бумажная переписка росла и множилась, а самое дѣло нимало не двигалось впередъ. Панъ

Юзефъ забылъ и думать о томъ, что онъ состоитъ подъ слѣдствіемъ: отъ него то и дѣло отбирались подписки „за поручительствомъ благонадежныхъ сосѣднихъ помѣщиковъ“ въ томъ, что онъ будетъ „воздерживаться отъ малѣйшаго самоуправства и насильственныхъ поступковъ“, а онъ попрежнему злобно преслѣдовалъ брата и сестру, истязалъ своихъ и чужихъ крестьянъ, дававшихъ при слѣдствіяхъ неблагопріятныя для него показанія, и гналъ со свѣта всѣхъ родственниковъ Ефима; а когда послѣдній вышелъ изъ больницы, Юзефъ открыто приказалъ своимъ подданнымъ бить его до смерти, гдѣ поймаютъ, и жестоко наказывалъ за неисполненіе этого безумнаго распоряженія. Проѣзжая однажды мимо мельницы и увидѣвъ, что плотина на участкѣ его брата лучше исправлена, чѣмъ его собственная, Юзефъ приказалъ разломать мостъ на участкѣ брата; а когда ему сказали, что мостъ былъ построенъ подъ наблюденіемъ Евфима Маслюка, то онъ велѣлъ немедленно выпороть плетьми своего мельника—почему-де онъ не билъ Ефима, когда тотъ приходилъ наблюдать за работой. Неудивительно, что обозленный мельникъ, при первой же встрѣчѣ съ Маслюкомъ, безъ всякаго повода избилъ его, а заступившагося за него Игнатія Дунаевскаго схватилъ за грудь и нанесъ ему оскорбленіе. Было очевидно, что Юзефъ рѣшилъ, во чтобы то ни стало, выжить изъ села и Маслюка и брата съ сестрою и всѣми средствами старался отравить имъ пребываніе въ Чубинцахъ.

Весною 1838 г. онъ устроилъ сестрѣ публичный скандалъ. Былъ второй день Пасхи. Такъ какъ въ Чубинцахъ не было костела, то католики собирались для богослуженія въ существовавшую здѣсь при старой панской усадьбѣ каплицу, въ которой изрѣдка служилъ безприходный уніатскій священникъ Сироцинскій. Обѣдня уже началась, когда подъѣхала панна Ѳекла въ сопровожденіи горничной. Едва она

подошла къ дверямъ каплицы, какъ ей загородилъ дорогу слуга Юзефа и громко объявилъ, что онъ получилъ приказъ отъ своего пана не пускать ее въ каплицу; съ этими словами онъ вошелъ внутрь каплицы и заперъ за собою дверь. Бѣдная дѣвушка, сгорая отъ стыда, не знала, что и дѣлать. Тѣснившаяся вокругъ толпа шляхтичей громко порицала поступокъ брата, не позволившаго родной сестрѣ помолиться въ такой великій праздникъ. Тутъ подошелъ прапорщикъ квартировавшаго въ сосѣднихъ селахъ полтавскаго пѣхотнаго полка Балицкій. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ громко стучать въ дверь каплицы, и когда ему отперли, онъ ввелъ съ собою и панну Ѳеклу. Увидѣвъ ее въ каплицѣ подъ руку съ офицеромъ, Юзефъ громко крикнулъ священнику, чтобы тотъ прекратилъ службу, такъ какъ-де въ этой каплицѣ, въ виду ея ветхости, не дозволено отправлять богослуженіе. Священникъ тотчасъ прервалъ обѣдню и разоблачился, хотя наканунѣ онъ здѣсь же безпрепятственно совершилъ литургію. Присутствовавшіе съ недоумѣніемъ оставили храмъ, дивяся бывшему, а Ѳекла подала въ судъ на брата жалобу за оскорбленіе.

Спустя три мѣсяца ей пришлось подать и вторую жалобу. Когда она отправилась однажды въ поле присмотрѣть за рабочими, при выѣздѣ изъ села встрѣтилъ ее братъ Юзефъ съ „козаками“ и какимъ-то шляхтичемъ и началъ ее бранить самыми позорными словами, приказывалъ „козакамъ“ тащить ее съ повозки, требовалъ, чтобы она убралась изъ Чубинецъ и грозилъ, что если въ теченіе недѣли она не выѣдетъ изъ села, то онъ засѣчетъ ее до смерти.

Проступки Юзефа все умножались, а правосудіе и не думало торопиться. Игнатій Дунаевскій, его сестра и Маслюкъ то и дѣло посылали жалобы губернатору и даже генералъ-губернатору о томъ, что земскій и уѣздные суды затягиваютъ слѣдствіе и не оказываютъ имъ законной защиты отъ пре-

слѣдованій Юзефа, который въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ оставаясь безнаказаннымъ, „торжествуетъ и безпрерывныя дѣлаетъ имъ утѣсненія“. Губернаторъ всякій разъ передавалъ эти жалобы въ губ. правленіе съ строжайшимъ предписаніемъ ускорить ходъ слѣдствія и „положить рѣшительный конецъ сему дѣлу въ самоскорѣйшемъ времени“. Губ. Правленіе посылало такого содержанія строгіе указы сквирскому уѣздному суду. Послѣдній отписывался, что земскій судъ и полиція обнаруживаютъ, „противозаконную медлительность“ въ производствѣ слѣдствія, а земскій судъ сваливалъ вину на уѣздный судъ, что онъ-де постоянно возвращаетъ ему дѣла для какихъ-то дополнительныхъ „доизслѣдованій“. Словомъ сказать, повторялась сказка о лебедѣ, щукѣ и ракѣ, а колесница правосудія не двигалась съ мѣста. При этомъ надо имѣть въ виду по истинѣ ужасающую медлительность переписки того времени: на всякій указъ изъ губерніи уѣздные органы никакъ не ранѣе мѣсяца рапортовали только „о полученіи указа“, а чтобы добиться отъ нихъ исполнительныхъ рапортовъ, нужно было посылать имъ не менѣе трехъ напоминаній, для которыхъ имѣлись готовые печатные бланки.

Поощряемый безнаказанностью, Юзефъ Дунаевскій наконецъ позабылся до того, что сталъ дерзко обращаться съ чинами полиціи и однажды выгналъ изъ села земскаго засѣдателя Трохимовича, пріѣхавшаго въ Чубинцы для возстановленія самовольно закрытаго Юзефомъ, на зло брату, проѣзда и для дознанія о высѣченномъ и забитомъ въ колодку арендаторѣ мельницъ, брянскомъ мѣщанинѣ Наумовѣ, подвергшемся этимъ истязаніямъ за то, что далъ показаніе не въ пользу Юзефа. Тогда сквирскій исправникъ Яготинскій, совмѣсто съ земскимъ судомъ, вступилъ въ кіевское губ. правленіе (въ ноябрѣ 1840 г.) съ такимъ представленіемъ: „Понеже нынѣшнее состояніе помѣщика Іосифа

Дунаевскаго подъ судомъ и слѣдствіемъ ничуть не укрощаетъ зловредныхъ и противозаконныхъ дѣйствій его, напротивъ того онъ, будучи покровительствуемъ членами уѣзднаго суда, дерзаетъ сопротивляться распоряженіямъ земской полиціи и подвергаетъ истязаніямъ показывающихъ противъ него свидѣтелей, то посему земскій судъ не можетъ рѣшиться приступить къ дополненію слѣдствія прежде удаленія Дунаевскаго изъ имѣнія, дабы спрошенныя лица не могли подвергнуться отъ него истязанію, что навѣрно послужитъ къ затменію истины"; поэтому земскій судъ предлагалъ „отправить Дунаевскаго къ сквирскому городничему для содержанія въ городской тюрьмѣ до окончанія, слѣдствія".

Узнавъ объ этомъ представленіи, всполошился, наконецъ, и панъ Юзефъ. Въ обширной жалобѣ, посланной губернатору Фундуклею, онъ съ особенною силою выдвинулъ мотивъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ смутить губернскую власть и удержать ее отъ аппробаціи мѣры, предложенной земскимъ судомъ, именно: онъ постарался представить дѣло въ такомъ видѣ, что Маслюкъ подущаетъ его крестьянъ къ неповиновенію и бунтамъ, а Игнатій и Ѳекла Дунаевскіе оказываютъ ему противозаконное покровительство и защиту; поэтому писалъ, онъ, „если меня удалятъ изъ имѣнія, тогда Маслюкъ можетъ внушить крестьянамъ, что, согласно его похвалкамъ, я удаленъ отъ управленія имѣніемъ и мнѣ оные (крестьяне) болѣе принадлежать не будутъ, а съ поводу того наклонитъ ихъ до бунта и фальшивыхъ показаній"; вмѣстѣ съ тѣмъ Юзефъ просилъ, чтобы исправникъ Яготинскій, „яко преданный противной сторонѣ", былъ „устраненъ отъ дѣла" и чтобы слѣдствіе поручено было „благонадежному губернскому чиновнику". Губ. правленіе лишь отчасти удовлетворило просьбу Юзефа; въ январѣ 1841 г. оно постановило: производство слѣдствія по-

ручить губернаторскому чиновнику особыхъ порученій А. Царьеву, а „въ отвращеніе того, дабы І. Дунаевскій личнымъ присутствіемъ въ имѣніи не могъ производить чрезъ непозволительныя средства помѣшательства при слѣдствіи въ открытіи истины, вытребовать его въ г. Сквиру и отдать подъ надзоръ полиціи впредь до окончанія объ немъ слѣдственныхъ дѣлъ".

По поводу этого постановленія раздались новыя ламентаціи со стороны Юзефа. Въ прошеніи на имя Фундуклея онъ писалъ: „этимъ распоряженіемъ не только что обвиняюсь я въ публикѣ, какъ преступникъ, но отягощаюся, будучи лишенъ на продолжительное время отъ хозяйственнаго распоряженія и бдительнаго на все вниманія, спокойные же и послушные крестьяне мои могутъ поколебать повиновеніе, а въ особенности по наущенію Маслюка, поощреннаго симъ болѣе къ успѣху отклонить отъ повиновенія родню свою", поэтому Юзефъ просилъ не удалять его изъ имѣнія и тѣмъ „не лишать средствъ оправдаться противъ гонителей", тѣмъ болѣе—прибавлялъ онъ—что „жена моя должна на дняхъ разрѣшиться отъ бремени". Къ удивленію, губ. правленіе признало эти соображенія „уважительными" и постановило: „препроводить просьбу Дунаевскаго чиновнику Царьеву и предписать ему, дабы онъ при самомъ началѣ производства слѣдствія сообразилъ изложенныя въ немъ обстоятельства, и если просьба эта найдена будетъ справедливою, въ такомъ случаѣ не преграждать просителю находиться въ имѣніи при производствѣ изслѣдованія, дабы чрезъ то дать ему всѣ дозволенныя закономъ средства къ оправданію; а сквирскому земскому суду вмѣнить въ обязанность строгое наблюденіе, чтобы крестьяне Дунаевскаго не выходили изъ должнаго повиновенія владѣльцу и крестьянинъ Ефимъ Маслюкъ не могъ дѣлать подстрекательствъ ихъ къ несправедливымъ показаніямъ".

Прибывъ въ Сквиру (въ мартѣ 1841 г.), чиновникъ Царьевъ не засталъ обвиняемаго Дунаевскаго въ Чубинцахъ; по слухамъ, онъ уѣхалъ въ м. Брусиловъ, радомысльскаго у., „для излѣченія отъ одержащей якобы его болѣзни". Ознакомившись съ порученными ему дѣлами о проступкахъ Дунаевскаго, слѣдователь нашелъ, что они „заключаютъ въ себѣ многіе предметы, какъ-то: личныя обиды, буйство, самоуправіе, блудъ, насильствованія малолѣтнихъ крестьянокъ, смертоубійство, мужеложство и ослушность противъ полицейской власти"; поэтому, въ виду обширности слѣдствія, важности преступленій „и въ пресѣченіе повода къ зазрѣнію на одного слѣдователя", Царьевъ просилъ прикомандировать къ нему въ помощь одного или двухъ полицейскихъ чиновниковъ изъ другого уѣзда. Губ. Правленіе прикомандировало для этого махновскаго уѣзднаго предводителя Мазаракія и старшаго засѣдателя липовецкаго земскаго суда Костыря; при этомъ слѣдственной комиссіи вмѣнено было въ обязанность, при производствѣ слѣдствія, принять въ соображеніе только что объявленный тогда всемилостивѣйшій манифестъ отъ 16 апр. 1841 г., по коему прощены нѣкоторые уголовные проступки. По донесенію слѣдственной комиссіи, изъ многочисленныхъ дѣлъ о Дунаевскомъ лишь одно, именно—объ угрозахъ его лишить жизни Маслюка могло быть прекращено за силою манифеста, а всѣ прочія должны быть изслѣдованы. Впрочемъ, Ю. Дунаевскій, вернувшись въ Чубинцы, тотчасъ постарался пополнить реестръ этихъ дѣлъ: онъ подвергъ истязаніямъ нѣсколькихъ крестьянъ, при чемъ одинъ былъ изувѣченъ, и нанесъ побои діакону села Чубинецъ Архиповичу,—все это за дачу свидѣтельскихъ показаній не въ его пользу. Тогда чиновникъ Царьевъ, пользуясь предоставленнымъ ему полномочіемъ, сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи Юзефа въ Сквиру. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, добылъ отъ уѣзднаго лѣ-

каря Отто и вольнопрактикующаго врача Людовика Вимута медицинское свидѣтельство, что онъ „подверженъ хроническому затвердѣнію печени и излишнему скопленію желчи и значительному раздраженію въ нервной системѣ съ разслабленіемъ всего организма“; къ тому же и жена его все еще не разрѣшилась отъ бремени. Слѣдователи усомнились въ дѣйствительности недуговъ обвиняемаго и подвергли его освидѣтельствованію чрезъ штабъ-лѣкаря одного изъ квартировавшихъ въ уѣздѣ полковъ, который нашелъ, что мнимая болѣзнь Дунаевскаго нисколько не препятствуетъ его выѣзду въ Сквиру. Но Юзефъ все упорствовалъ. Слѣдователи не рѣшались примѣнить къ нему мѣру насилія и послали (25 іюня) такой рапортъ губ. правленію: „Такъ какъ пребываніе Дунаевскаго въ своемъ имѣніи препятствуетъ обнаруженію истины, которой крестьяне до удаленія его никакъ не рѣшаются отрыть изъ боязни, имѣя въ виду свѣжіе примѣры, что онъ присяжныхъ свидѣтелей за открытіе истины подвергалъ жестокому наказанію, то слѣдственная комиссія имѣетъ честь испрашивать разрѣшенія, какъ должно поступить съ Ю. Дунаевскимъ въ виду его уклоненія отъ выѣзда въ г. Сквиру; ибо насильно высылать его мы не рѣшаемся, хотя удаленіе его необходимо для достиженія истины; упорство же его въ невыѣздѣ, при изъявленіи его соперникомъ и братомъ Игнатіемъ добровольнаго согласія удалиться изъ имѣнія на время слѣдствія, явно доказываетъ виновность его, которую онъ желаетъ покрыть своимъ присутствіемъ въ имѣніи и вліяніемъ на крестьянъ-свидѣтелей“. Впрочемъ, этотъ рапортъ подписали лишь Царьевъ и Костырь, а третій членъ слѣдственной комиссіи, махновскій предводитель Мазаракій подалъ особое заявленіе въ такомъ смыслѣ, что „хотя онъ самъ убѣждается въ законопротивныхъ и жестокихъ поступкахъ помѣщика Іосифа Дунаевскаго, но будучи предводителемъ дворянства и

представляя себя по настоящему дѣлу депутатомъ со стороны онаго, дабы не дать о себѣ невыгоднаго у дворянства мнѣнія, онъ не можетъ настаивать вмѣстѣ съ другими членами слѣдственной комиссіи на удаленіи Дунаевскаго изъ имѣнія".

Узнавъ объ этомъ рапортѣ, Юзефъ послалъ разомъ два прошенія—одно въ губ. правленіе, а другое губернатору. „Угнетенъ до крайности—плакался онъ—преслѣдованіями г. чиновника Царьева, явственно усиливающагося привести въ исполненіе свое намѣреніе взять меня въ Сквиру для содержанія подъ арестомъ. Таковыя явственныя его преслѣдованія вторгнули меня въ сильнѣйшую болѣзнь; беременная жена отъ испуга опасно занемогла, а освѣдомленные о вышеписанномъ крестьяне вышли изъ должнаго повиновенія, отъ чего я испытываю въ настоящее жатвенное время чувствительную остановку въ уборкѣ хлѣба, грозящую значительнымъ ущербомъ и невозможностью уплатить въ сроки слѣдуемыя въ казну деньги съ заложеннаго въ Приказѣ имѣнія моего". Далѣе жалобщикъ объявлялъ „зазрѣніе" на Царьева, что онъ-де „состоитъ въ тѣсной дружбѣ съ противниками моими Игнатіемъ и Ѳеклою Дунаевскими, которые доставляютъ ему въ Сквиру съѣстные припасы", разъѣзжаетъ съ ихъ повѣреннымъ Глинскимъ въ коляскѣ по городу, ведетъ слѣдствіе „съ явнымъ пристрастіемъ" въ пользу противной стороны, дѣйствуя противозаконно и самовольно, вопреки мнѣніямъ другихъ слѣдователей, и вообще „усиливается на обиду меня, человѣка заслуженнаго въ отечествѣ, чиновника, удостоеннаго довѣріемъ начальства и помѣщиковъ всей губерніи [1]), вѣрноподаннаго моему царю и мирнаго хлѣбопашца"; поэтому Дунаевскій просилъ: а) не

[1]) Намекъ на занимаемую имъ въ то время должность депутата кіевскаго дворянскаго собранія.

удалять его изъ имѣнія; б) устранить Царьева отъ слѣдствія и на его мѣсто командировать другого чиновника, „удостоеннаго довѣріемъ начальства“; в) „предписать кому слѣдуетъ о внушеніи крестьянамъ должнаго мнѣ повиновенія, поколебленнаго по причинѣ гонителей моихъ“, и г) „немедленно взять безпомѣстнаго (sic) Ефима Маслюка, впредь до рѣшенія дѣла, въ тюремное заключеніе и не принимать отъ него впредь никакихъ на меня доносовъ“.

Когда эти кляузныя жалобы были изъ Кіева присланы въ слѣдственную комиссію для дачи по нимъ заключенія, то ея члены Мазаракій и Костыра не усомнились признать ихъ „явною клеветою, выдуманною по прежнимъ примѣрамъ съ умысломъ для новой проволочки дѣла и затменія истины“, почему комиссія предписала земскому засѣдателю: „взять І. Дунаевскаго силою полицейской власти и доставить подъ своимъ надзоромъ въ г. Сквиру, въ вѣдѣніе городской полиціи“. Когда засѣдатель явился съ этимъ предписаніемъ въ Чубинцы, то Дунаевскій сталъ клятвенно увѣрять его, что онъ самъ, добровольно, на другой день явится въ Сквиру. И точно, на другой день Юзефъ выѣхалъ съ женою изъ имѣнія, но не въ Сквиру, а куда-то въ другое мѣсто. Лишь спустя недѣлю выяснилось, что онъ уѣхалъ въ махновскій у. въ с. Вольнополь, къ своему родственнику, отставному адвокату Гомолинскому. Слѣдственная комиссія признала этотъ побѣгъ Дунаевскаго „новымъ противодѣйствіемъ и ослушностью распоряженіямъ начальства“ и донесла объ этомъ губ. правленію, а въ махновскій земскій судъ прислала требованіе о высылкѣ бѣглеца въ Сквиру, сама же занялась окончаніемъ слѣдствія.

Спустя недѣлю Царьевъ донесъ губ. правленію, что всѣ дѣла объ І. Дунаевскомъ окончены и сданы въ сквирскій уѣздный судъ, при чемъ на слѣдствіи не только подтвердились всѣ жалобы Игнатія и Ѳеклы Дунаевскихъ и

Ефима Маслюка, но раскрыты и доказаны и многія другія преступленія І. Дунаевскаго, какъ-то: жестокое обращеніе съ крестьянами, наказаніе присяжныхъ свидѣтелей за открытіе истины, „изнасилованіе малолѣтнихъ дѣвчонокъ, мужеложство, прелюбодѣяніе съ замужними крестьянками“ и проч. Уѣзжая изъ Сквиры, Царьевъ далъ предписаніе земскому суду учредить „самоближайшій строгій полицейскій надзоръ за всѣми дѣйствіями помѣщика І. Дунаевскаго въ видахъ пресѣченія новыхъ его насилій и буйствъ съ враждующими лицами и отклоненія жестокостей его съ своими крестьянами, въ особенности съ тѣми, кои открытіемъ при слѣдствіи истины подверглись его негодованію“.

Между тѣмъ Дунаевскій, продолжая оставаться у своего родственника и не желая ѣхать въ Сквиру подъ надзоръ полиціи, обратился къ махновскому предводителю Мазаракію съ просьбою ходатайствовать предъ губернаторомъ объ отмѣнѣ надзора и о дозволеніи возвратиться ему въ имѣніе. Когда эта просьба и ходатайство предводителя были переданы, по обычаю, на заключеніе губ. правленія, тамъ вдругъ повѣяло другимъ вѣтромъ: губ. правленіе нашло, что слѣдственная комиссія позабыла примѣнить къ Дунаевскому всемилостивѣйшій манифестъ отъ 16 апрѣля 1841 года, и потому предписало сквирскому земскому суду „не стѣснять Дунаевскаго предположеннымъ до изданія манифеста арестованіемъ“, крестьянамъ же его „внушить должное повиновеніе владѣльцу“,

Дунаевскій понялъ, что на его улицѣ праздникъ, и вернувшись въ имѣніе, немедленно учинилъ жестокую расправу съ крестьянами, показывавшими при слѣдствіи не въ его пользу, въ чемъ усерднымъ помощникомъ ему былъ его повѣренный, шляхтичъ Львовичъ: однихъ забивалъ въ колодки, другихъ поролъ на конюшнѣ, третьихъ связанными отсылалъ въ земскій судъ, какъ бунтовщиковъ, „для

внушенія должнаго повиновенія владѣльцу", а остальныхъ морилъ безпрерывно барщиною. Въ особенности жестоко преслѣдовалъ онъ тѣхъ изъ своихъ крестьянъ, которые состояли въ родствѣ съ Ефимомъ Маслюкомъ. Братъ послѣдняго, Зиновій Маслюкъ, прожилъ въ своей усадьбѣ 15 лѣтъ, хорошо обстроился, завелъ садъ,—Юзефъ безъ всякаго основанія переселилъ его въ полуразвалившуюся хату безъ огорода и построекъ, а его усадьбу отдалъ другому. Зиновій выдалъ замужъ двухъ дочерей, а Юзефъ умышленно сдалъ его зятьевъ въ рекруты, и такъ какъ, по закону, „рекрутки" освобождались отъ барщины, то онъ прогналъ ихъ изъ своей части села, и онѣ нашли пріютъ у своего дяди Ефима, что опять приводило въ бѣшенство Юзефа. Одну изъ рекрутокъ онъ настигъ какъ-то на мельницѣ, избилъ ее безъ всякаго повода, а встрѣтивъ затѣмъ на улицѣ ея мать, сказалъ ей: „Оце твоя дочка била мене у млині, за те я тебе вибью",—и тутъ же избилъ ее до крови. Доставалось и крестьянамъ Игнатія Дунаевскаго: послѣдній жаловался, что его крестьянку Овсійчукову, сына ея Якова и еще двухъ мальчиковъ Юзефъ водилъ по лѣсу цѣлый день на веревкѣ. Въ то же время Юзефъ съ небывалою жестокостью возобновилъ враждебныя дѣйствія по отношенію къ брату Игнатію и сестрѣ Ѳеклѣ, явно домогаясь выжить ихъ изъ имѣнія, а ихъ управляющаго Ефима Маслюка положительно травилъ, какъ звѣря, устраивая противъ него засады и похваляясь извести его со свѣта. Однажды Юзефъ, бродя по селу, началъ свистать въ свою дудочку. Заслышавъ этотъ зловѣщій сигналъ и „опасаясь худыхъ послѣдствій", Игнатій Дунаевскій тотчасъ отправился въ сосѣднее мѣстечко Поволочь къ становому приставу и, встрѣтивъ его на пути, настойчиво сталъ просить ѣхать съ нимъ въ Чубинцы, такъ какъ Юзефъ „подалъ уже извѣстный знакъ къ каковомусь произшествію". И точно, предчувствіе его не обмануло. При-

бывъ въ Чубинцы, приставъ увидѣлъ тамъ дикую сцену: на берегу рѣчки Раставицы человѣкъ десять крестьянъ, по командѣ присутствовавшаго здѣсь же Юзефа, били связаннаго Ефима Маслюка и, зацѣпивъ веревкою за шею, тащили его въ воду. Приставу пришлось употребить энергичныя усилія, чтобы прекратить эти истязанія и, при помощи собранныхъ Игнатіемъ крестьянъ, перевязать истязателей. Ефима долго отливали водой, пока привели въ чувство, и затѣмъ отвезли въ городскую больницу. Съ тѣхъ поръ онъ началъ страдать припадками падучей болѣзни.

Разумѣется, на Юзефа подавались жалобы, и губернское начальство приказывало мѣстной полиціи производить по нимъ „строжайшія“ разслѣдованія; но тогдашняя уѣздная полиція была совершенно неспособна къ слѣдовательскимъ функціямъ, такъ какъ въ большинствѣ своего личнаго состава состояла изъ людей невѣжественныхъ, лѣнивыхъ и продажныхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, аттестовалъ губернскій чиновникъ Царьевъ тогдашняго сквирскаго исправника въ рапортѣ губернатору Фундуклею отъ 16 іюня 1841 года: „Земскій исправникъ Яготинскій, отлучаясь безпрерывно въ уѣздъ безъ всякой надобности, якобы по службѣ, гоститъ у помѣщиковъ по нѣскольку недѣль, совершенно не занимаясь службою, и объ отлучкахъ своихъ не только не доноситъ губернскому начальству, но даже ни письменно, ни словесно не извѣщаетъ земскій судъ, въ которомъ онъ предсѣдательствуетъ, чрезъ что дѣла по земскому суду, даже экстренныя и происшественныя, остаются безъ исполненія, потому что канцелярія, имѣя приказаніе исправника ничего безъ него не дѣлать и даже не распечатывать поступающихъ бумагъ, остается въ бездѣйствіи“. Послѣ этого рапорта Яготинскій былъ смѣненъ, но не лучшимъ оказался и заступившій его мѣсто майоръ Шкарадѣй: онъ находился въ полномъ подчиненіи у своей супруги, которая собственно и пра-

вила уѣздомъ. Эта энергичная дама скоро свела тѣсную дружбу съ Юзефомъ Дунаевскимъ и его женой, которые для нея устраивали балы и осыпали ее подарками, а въ благодарность за это она усердно защищала Юзефа и приказывала полицейскимъ чиновникамъ вести слѣдственныя дѣла такъ, какъ ему было выгодно. Когда Игнатій Дунаевскій обратился однажды къ исправнику съ личною просьбою унять Юзефа объ безчинствъ и насилій, то исправничиха не дала мужу и рта открыть и напала на просителя (по его словамъ) „съ крикомъ и шумомъ и со всею непристойностью для благородной дамы“:

— „Чего вы пристаете къ мужу? Я достовѣрно знаю, что всѣ ваши жалобы на брата суть несправедливыя, что вы съ вашею безпутною сестрою дѣлаете ему непріятности, и потому знайте, что въ своихъ просьбахъ не получите отъ моего мужа никакого уводлетворенія; напротивъ, вашего брата я во всемъ защищать не перестану“.

Не удивительно, что, имѣя такую вліятельную и энергичную заступницу, Юзефъ не зналъ удержу въ преслѣдованіяхъ сестры и брата и довелъ послѣдняго до такого отчаянія, что одно изъ прошеній на имя губернатора (въ іюнѣ 1843 г.) онъ закончилъ такими словами: „Вседостойнѣйшій начальникъ! Отпусти мнѣ дерзновеніе мое, ибо несчастіе и отчаяніе мое есть столь ужаснымъ, что коль скоро не получу законной защиты отъ неистовствъ моего брата, покровительствуемаго своими друзьями—предводителемъ дворянства и земскимъ исправникомъ, то заставленъ буду бросить домъ и имѣніе и съ горестною жалостью на правосудіе скитаться по міру“.

Но если у Юзефа нашлись вліятельные защитники въ уѣздѣ, то въ губерніи онъ имѣлъ опаснаго противника въ лицѣ губернаторскаго чиновника Царьева, производившаго о немъ слѣдствіе. Еще въ 1841 г., представляя губернатору

отчетъ объ этомъ слѣдствіи, Царьевъ заключилъ его слѣдующимъ предложеніемъ: „Удостовѣрясь лично о неистовствахъ Іосифа Дунаевскаго, какимъ подвергаются имъ теперь тѣ изъ крестьянъ, которые при слѣдствіи открыли пагубную для него истину, я съ своей стороны нахожу необходимымъ для водворенія спокойствія между владѣльцами и ихъ крестьянами въ с. Чубинцахъ, имѣніе Іосифа Дунаевскаго подвергнуть опекунскому управленію съ воспрещеніемъ ему распоряжаться крестьянами, какъ обнаруженному виновнымъ въ жестокомъ съ ними обращеніи". Къ такому же заключенію пришелъ (въ 1842 г.) и сквирскій земскій судъ послѣ обнаруженія новыхъ случаевъ истязанія І. Дунаевскимъ крестьянъ, показавшихъ на слѣдствіяхъ не въ его пользу. Запрошенное губернаторомъ Фундуклеемъ кіевское губ. правленіе дало крайне уклончивый отвѣтъ по вопросу о примѣненіи къ І. Дунаевскому рекомендуемой сквирскимъ земскимъ судомъ мѣры; выписавъ соотвѣтствующія статьи свода законовъ, оно представило лишь такое заключеніе, что „разрѣшеніе подобныхъ случаевъ, какъ взятіе дворянскихъ имѣній въ опеку, зависитъ отъ главныхъ начальниковъ, по положеніямъ о томъ дворянскихъ сословій, или по собственному усмотрѣнію". Генералъ-губернаторъ Бибиковъ предпочелъ первый способъ дѣйствія и предписалъ губ. правленію составить подробный экстрактъ изъ всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ о жестокомъ обращеніи І. Дунаевскаго съ своими крестьянами и передать его на разсмотрѣніе кіевскому дворянскому собранію для сужденія о взятіи имѣнія Дунаевскаго въ опеку. Но дворянское депутатское собраніе не удовлетворилось экстрактомъ и потребовало доставить ему всѣ подлинныя дѣла о Дунаевскомъ, что и было исполнено.

Въ январѣ 1843 г. обычный съѣздъ дворянъ на кіевскіе „Контракты" былъ особенно многолюденъ. Дѣло І. Ду-

наевскаго было извѣстно дворянству цѣлой губерніи, и предстоящій судъ надъ нимъ глубоко волновалъ все шляхетское сословіе. На лицо были всѣ повѣтовые маршалки и депутаты въ главѣ съ губ. маршаломъ. Цѣлый рядъ публичныхъ засѣданій депутатскаго собранія былъ посвященъ разсмотрѣнію дѣла Дунаевскаго, при чемъ весь слѣдственный матеріалъ подвергся строгому критическому анализу. Въ заключеніе, 30 января, депутатское собраніе составило слѣдующее единогласное постановленіе: „Всѣ извѣты о жестокомъ обращеніи Іосифа Дунаевскаго съ крестьянами не имѣютъ основательныхъ доказательствъ, ибо наказаніе владѣльцемъ крестьянина за его проступки отъ 5-ти до 15-ти, а также хотя бы и до 20-ти розокъ, не можетъ быть почитаемо жестокостью, тѣмъ болѣе, что и наблюденіе нравственностей и добропорядочностей крестьянъ, по силѣ 595 ст. XV тома Свода законовъ, лежитъ на непремѣнной обязанности самихъ владѣльцевъ, кои, по узаконенію 596 ст. того же тома, для удержанія крѣпостныхъ людей въ повиновеніи и добромъ порядкѣ имѣютъ право употреблять должныя средства исправленія и наказанія по своему усмотрѣнію; то за симъ не находя достаточныхъ доводовъ для обвиненія Іосифа Дунаевскаго въ жестокомъ обращеніи съ его крестьянами, не имѣется и причинъ ко взятію имѣнія его въ опеку. Но за всѣмъ тѣмъ, обращаясь къ источнику сего предмета, видно, что все сіе дѣло, а также жалобы крестьянъ и безпорядки между ними, происходятъ единственно отъ взаимныхъ негодованій самихъ господъ помѣщиковъ Игнатія и Іосифа Дунаевскихъ, которые, враждуя одинъ на другого, не совѣстятся даже дѣлать постыдные и несправедливые одинъ на другого доносы, подвергая имя и званіе свое посрамленію, до такой степени забываясь, что изъ нихъ Іосифъ не воздержался даже и сестру свою дѣвицу Ѳеклу позоритъ публичнымъ ругательствомъ; между братьями же въ подроб-

ностяхъ сего дѣла заключается сцена, недостойная даже повторенія. А какъ таковые поступки обоихъ ихъ Дунаевскихъ не могутъ быть терпимы въ благородномъ сословіи дворянъ, то объ исключеніи ихъ обоихъ изъ дворянскихъ собраній, сообразно 95 ст. IX тома Свода законовъ, предоставить обстоятельство сіе дворянству Кіевской губерніи при собраніи онаго на слѣдующихъ выборахъ. А дабы помѣщики Іосифъ и Игнатій Дунаевскіе воздержались впредь отъ подобныхъ другъ на друга жалобъ, наносящихъ укоризну цѣлому сословію, обовязать ихъ въ томъ подписками, поставивъ въ обязанность мѣстному г. уѣздному предводителю дворянства имѣть за поступками ихъ съ крестьянами неослабное наблюденіе съ надлежащимъ внушеніемъ законныхъ постановленій".

Получивъ копію этого страннаго на современный взглядъ, но вполнѣ логичнаго съ точки зрѣнія тогдашнихъ шляхетскихъ понятій постановленія, Бибиковъ, находившійся въ то время въ Петербургѣ, просилъ кіевскаго губернатора сообщить ему свое заключеніе по означенному постановленію, принявъ въ соображеніе всѣ производимыя о Дунаевскомъ слѣдственныя дѣла, а тотъ поручилъ сдѣлать это кіевскому губ. правленію.

Больше полугода это правленіе ломало голову надъ рѣшеніемъ мудреной задачи. По черновымъ бумагамъ видно, что первоначально былъ составленъ такой проектъ „постановленія": такъ какъ І. Дунаевскій по слѣдствію „найденъ виновнымъ въ буйствѣ, насиліи, грабежѣ, ослушаніи властямъ и жестокомъ обращеніи съ крестянами, съ поводу чего губ. правленіе, согласно, съ представленіемъ сквирскаго земскаго суда, предположило имѣніе его взять въ опеку", дворянское же депутатское собраніе, осудивъ вообще поведеніе Дунаевскаго, какъ непристойное дворянскому званію, „надлежащаго опредѣленія относительно взятія въ опеку

его имѣнія не сдѣлало, то посему губ. правленіе полагаетъ оставить въ силѣ прежнее свое предположеніе, т. е. подвергнуть имѣніе Дунаевскаго опекѣ". Но прежде чѣмъ это постановленіе было формально принято и подписано, въ губ. правленіе поступило одно частное дѣло по обвиненію І. Дунаевскаго и его повѣреннаго, шляхтича Львовича, въ истязаніи крестянъ, дававшихъ при слѣдствіи показанія не въ пользу помѣщика. Сквирскій земскій судъ, производившій слѣдствіе по этому дѣлу, призналъ обвиненіе доказаннымъ и требовалъ арестованія Дунаевскаго и Львовича, въ видахъ огражденія крестьянъ отъ дальнѣйшихъ истязаній; уѣздный же сквирскій судъ (въ составъ котораго входили депутаты отъ дворянства) отвергъ фактъ истязаній и оправдалъ обоихъ обвиняемыхъ. Въ зависимости ли отъ этого частнаго случая, или отъ другихъ причинъ, взглядъ губ. правленія на дѣло І. Дунаевскаго радикально измѣнился, и оно, взамѣнъ первоначально составленнаго, отправило губернатору такого рода заключеніе: такъ какъ-де дворянское депутатское собраніе, по разсмотрѣніи всѣхъ производящихся о помѣщикѣ І. Дунаевскомъ дѣлъ, не находитъ достаточныхъ основаній къ обвиненію его въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, а за тѣмъ и къ взятію его имѣнія въ опекунское управленіе; усматривая же корень всѣхъ означенныхъ дѣлъ въ семейной враждѣ братьевъ Дунаевскихъ, побуждающей ихъ къ ябедамъ и доносамъ другъ на друга, непристойнымъ ихъ званію, депутатское собраніе предположило подвергнуть ихъ поступки суду дворянства всей губерніи, при будущихъ выборахъ, на предметъ исключенія ихъ обоимъ изъ дворянскаго сословія, а до того—обовязать ихъ подписками воздержаться отъ непристойныхъ кляузъ, мѣстному же предводителю „имѣть за поступками ихъ съ крестьянами неослабное наблюденіе; да и уѣздный сквирскій судъ призналъ І. Дунаевскаго невиновнымъ въ

угнетеніи крестьянъ,—„то посему и губ. правленіе полагаетъ: а) впредь до заключенія дворянства Кіевской губерніи при будущихъ выборахъ, имѣніе І. Дунаевскаго оставить въ его владѣніи; б) предписать сквирскому земскому исправнику немедленно обовязать обоихъ Дунаевскихъ подписками, опредѣленными заключеніемъ дворянскаго собранія, и таковыя представить губ. правленію, и в) отъ лица начальника губерніи отнестись къ сквирскому уѣздному предводителю дворянства о неослабномъ на предбудущее время наблюденіи за поступками ихъ, Дунаевскихъ, съ крестьянами". Такимъ образомъ губ. правленіе рѣшительно стало на точку зрѣнія дворянскаго депут. собранія и въ своемъ „заключеніи" буквально повторило его постановленіе. Основной мотивъ дѣла—жестокое обращеніе съ крестьянами искусно затушеванъ, а выдвинутъ на первый планъ другой мотивъ, подсказанный дворянскимъ собраніемъ—семейный раздоръ между братьями Дунаевскими, причемъ оба они въ одинаковой мѣрѣ подверглись полицейскому надзору и въ отношеніи „поступковъ ихъ съ крестьянами", хотя Игнатій не подалъ къ тому никакого повода.

Можно лишь удивляться тому, какъ губернаторъ и въ особенности генералъ-губернаторъ Бибиковъ молчаливымъ согласіемъ одобрили это постановленіе. Очевидно, и они находили нужнымъ считаться до извѣстной мѣры съ настроеніемъ мѣстнаго дворянства. А Юзефъ Дунаевскій понялъ это такъ, что подъ могущественной защитой членовъ своего сословія онъ неуязвимъ, и ему нечего церемониться съ хлопами. Весною того же 1844 г. онъ учинилъ такой „буйственный поступокъ": увидѣвъ, что на берегу рѣчки былъ разостланъ для выбѣлки чей-то холстъ и узнавъ, что это былъ холстъ его брата Игнатія, Юзефъ подозвалъ случайно находившагося здѣсь своего крестьянина Зиновія Маслюка (брата Ефима) и приказалъ ему собрать этотъ холстъ и

бросить въ рѣку. Зиновій, дряхлый старикъ, не посмѣлъ ослушаться пана и началъ было собирать куски холста, но тутъ сбѣжались крестьянки Игнатія, вырвали изъ рукъ Зиновія холстъ и унесли къ своему пану. За такое непроворное исполненіе панскаго приказа хилый старецъ немедленно подвергнутъ былъ жестокой карѣ: Юзефъ билъ его по щекамъ, топталъ ногами, рвалъ ему бороду, самъ отвелъ его на конюшню, велѣлъ высѣчь, билъ чубукомъ по чему попало и приказалъ запереть въ чуланъ, а навѣщая его тамъ, издѣвался надъ нимъ разными способами и довелъ его до того, что бѣдный старецъ, не видя конца своимъ мученіямъ, покушался на самоубійство. Узнавъ объ этомъ происшествіи, земскій судъ командировалъ уѣзднаго штабъ-лѣкаря Ягнентковскаго для освидѣтельствованія избитаго. Лѣкарь донесъ, что Зиновій Маслюкъ—восьмидесятилѣтній старикъ, издавна одержимый падучею болѣзнью, всѣ тѣло его покрыто рубцами и другими знаками перенесенныхъ имъ побоевъ, и онъ жалуется на головную боль и съ трудомъ держится на ногахъ. Желая облегчить его страданія, лѣкарь прописалъ больному какія-то наружныя средства, но Зиновій заявилъ, что ему некогда лѣчиться, такъ какъ помѣщикъ ежедневно гонитъ его „на панщину“. Уѣзжая, лѣкарь велѣлъ сотскому передать Дунаевскому, что онъ проситъ его хотя бы на время, до излѣченія, не употреблять больного старика въ работу; но навѣстивъ вторично своего паціента, онъ убѣдился, что его просьба оставлена безъ вниманія: больного погнали на работу, а такъ какъ онъ не могъ ее исполнить, то помѣщикъ потребовалъ его къ себѣ и собственноручно до крови избилъ его. Убѣдившись, что „при столь жестокомъ обращеніи помѣщика Іосифа Дунаевскаго съ крестьяниномъ Зиновіемъ Маслюкомъ всѣ преподаваемыя ему медицинскія пособія были бы тщетны“, штабъ-лѣкарь донесъ обо всемъ земскому суду и просилъ его рас-

поряженія о помѣщеніи больного въ сквирскую окружную лѣчебницу, что и было исполнено.

Не успѣлъ земскій судъ обслѣдовать это дѣло, какъ получилъ отъ крестьянъ Юзефа Дунаевскаго новую жалобу. Женилъ онъ своего крестьянина Конончука на своей прежней „любовницѣ“ Маріи, которую послѣ брака отнялъ отъ мужа и „сопровождаетъ-де съ нею прелюбодѣяніе“. У Конончука была мать Пелагея, семидесятилѣтняя старуха, которой негдѣ было жить, какъ при сынѣ и невѣсткѣ; но Дунаевскій не позволялъ ей проживать здѣсь, „дабы тѣмъ скрыть постыдную связь съ оною Маріею“, какъ поясняли жалобщики. Въ одинъ апрѣльскій вечеръ онъ зашелъ въ усадьбу Конончуковыхъ и вызвалъ на свиданіе Марію. Та вышла къ нему на огородъ съ ребенкомъ на рукахъ. Это не понравилось почему-то пану, и онъ спросилъ ее, почему не оставила ребенка въ хатѣ.

— Та тамъ же нікому глядіти його, бо мати старі, не здужают“, объяснила Марія.

— А, так стара відьма й доси мешкае з вами? вспылилъ Дунаевскій.—Ну, я ж ії навчу, як слухати мого приказу!

И вернувшись домой, онъ немедленно послалъ за Пелагеей. Когда ее привели, Юзефъ звѣрски набросился на бѣдную старуху, билъ ее кулаками, топталъ ногами, рвалъ волосы на головѣ и, вдоволь натѣшившись, вытолкалъ ее въ шею изъ передней. Послѣ этой расправы старуха слегла и была такъ слаба, что родные пригласили священника напутствовать ее къ смерти. Самъ Дунаевскій опасался, какъ бы она не умерла, и велѣлъ ставить пьявки за ушами, такъ какъ лице ея настолько распухло отъ побоевъ, что не видно было и глазъ. На шестой день больную свидѣтельствовалъ, по предписанію земскаго суда, сквирскій городской врачъ Мацонъ, нашелъ ее въ опасномъ болѣзненномъ состояніи и отправилъ въ окружную лѣчебницу.

Когда объ этихъ двухъ случаяхъ было донесено губернскому начальству, губернаторъ Фундуклей призналъ, что пора уже примѣнить къ буйному шляхтичу болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ отобраніе подписокъ о воздержаніи отъ жестокаго обращенія съ крестьянами. Въ началѣ іюня онъ писалъ въ рапортѣ генералъ-губернатору по этому дѣлу: „Не находя уже средствъ къ воздержанію Іосифа Дунаевскаго отъ безпрерывно возобновляемыхъ имъ буйственныхъ поступковъ и въ отвращеніе могущаго возникнуть отъ дерзости его несчастнаго случая, вслѣдствіе коего могли-бы возродиться неблагопріятныя послѣдствія для губернскаго начальства за непринятіе благовременно предохранительныхъ мѣръ, я предписалъ сквирскому земскому суду тотчасъ доставить Іосифа Дунаевскаго въ г. Сквиру и отдать подъ строжайшій надзоръ полиціи впредь до окончанія всѣхъ объ немъ дѣлъ, а о новыхъ его поступкахъ надъ крестьянами Зиновіемъ Маслюкомъ и Пелагеей Кононучуковой произвести временнымъ отдѣленіемъ строжайшее изслѣдованіе и таковое доставить мнѣ для возобновленія дворянскому собранію предложенія. До того же времени, дабы имѣніе Дунаевскаго не приходило въ разореніе отъ притѣснительныхъ распоряженій его, тѣмъ болѣе, что на ономъ числится долгъ Приказу обществ. призрѣнія, проценты по которому Дунаевскимъ неисправно уплачиваются и Приказъ ходатайствуетъ о взятіи имѣнія въ опеку, я предлагаю губ. правленію сдѣлать распоряженіе немедленно о приведеніи этой мѣры въ исполненіе“.

Губ. правленіе такъ и сдѣлало: послало указъ дворянской опекѣ немедленно составить опись имѣнію Дунаевскаго и передать это имѣніе въ опекунское управленіе благонадежному лицу, выручаемые же доходы отсылать полностію въ Приказъ на пополненіе долга. А въ Чубинцы прибыло „временное отдѣленіе“ во главѣ съ губернаторскимъ

чиновникомъ особыхъ порученій Шіяновымъ и приступило къ производству слѣдствія. Жалобы о жестокой расправѣ Дунаевскаго съ Маслюнцемъ и Кононучуковой вполнѣ подтвердились. Любопытны объясненія самого Дунаевскаго по послѣднему обвиненію. Утверждая, будто онъ не наносилъ никакихъ побоевъ старухѣ Кононучуковой, Дунаевскій увѣрялъ, что эта женщина и ея родныя злобствуютъ на него за то, что когда-то онъ жаловался на нее земскому суду „за разные противозаконные поступки, а наиболѣе за возмущеніе его крестьянъ", и судъ подвергъ ее наказанію розгами, но это ее не исправило, и она „какъ и прежде занимается какими-то выдуманными ею ворожбами, въ которыя увѣровавъ Θекла Дунаевская и Ефимъ Маслюкъ требуютъ ея совѣта, для коего она ежедневно ихъ посѣщаетъ, наиболѣе по ночамъ". Откуда же взялись на Пелагеѣ знаки тяжкихъ побоевъ?—„Статься можетъ, объяснялъ находчивый Юзефъ, что таковые она получила при хожденіи ея ночами въ домъ Θеклы Дунаевской ворожить, или же, напившись тамъ горѣлки допьяна, поцарапалась сама, слѣдуя домой въ безчувствіи".

При дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія „временное отдѣленіе" раскрыло, между прочимъ, и такой „буйственный поступокъ" Юзефа Дунаевскаго. Года за три до этого въ с. Чубинцахъ появился какой-то захожій еврей Юкель, по ремеслу портной, и поселился въ хатѣ крестьянина Кузьмы Осійчука за плату 4 руб. въ годъ. Скоро онъ заручился особымъ благоволеніемъ со стороны помѣщика и съ тѣхъ поръ сталъ нагло обращаться съ квартирными хозяевами, травилъ своимъ скотомъ ихъ огородъ, вступалъ въ драку съ хозяйкой и безпрестанно оговаривалъ ее передъ Дунаевскимъ, а тотъ, не входя въ разбирательство ихъ взаимныхъ претензій, нерѣдко отправлялъ Евдокію Осійчукову на конюшню для наказанія розгами. Однажды подобная

ссора Евдокіи съ Юкелемъ случилась въ то время, когда она говѣла и, выисповѣдавшись, вернулась вечеромъ изъ церкви домой. Наутро она отправилась въ церковь, готовясь ко причастію, а еврей побѣжалъ съ жалобой на панскій дворъ. Среди обѣдни въ церковь вошли присланные паномъ кучера, силой вытащили оттуда Евдокію, привели въ экономическій дворъ, отстегали ременной плетью и, по наказу пана, снова отвели ее въ церковь, чтобы она успѣла причаститься, не теряя рабочихъ дней на вторичное говѣніе. Когда рапортъ объ этомъ происшествіи былъ доставленъ губернатору Фундуклею, онъ, видимо возмущенный такимъ грубымъ издѣвательствомъ иновѣрнаго помѣщика надъ религіознымъ чувствомъ крестьянъ, написалъ такую резолюцію: „Предписать земскому суду употребить всѣ мѣры къ полному обнаруженію этого обстоятельства, а становой приставъ долженъ былъ знать, что еврей живетъ вмѣстѣ съ христіанами и имѣетъ такое вліяніе на помѣщика". Черезъ недѣлю исправникъ рапортовалъ, что еврей Юкель уже удаленъ изъ Чубинецъ, а о томъ, „точно ли крестьянка Осійчукова съ церкви была вытащена и когда именно наказана, передъ пріобщеніемъ св. таинъ, или послѣ онаго, производится строжайшее разслѣдованіе".

А Юзефу Дунаевскому скоро наскучило невольное пребываніе въ Сквирѣ подъ полицейскимъ надзоромъ. Спустя недѣлю послѣ его водворенія тамъ, отъ сквирскаго предводителя дворянства Хоецкаго послѣдовало слѣдующее представленіе на имя губернатора: „Вступило ко мнѣ прошеніе отъ помѣщика, отставного корнета россійской службы Іосифа Дунаевскаго, которымъ проситъ защиты отъ меня, какъ предводителя. Не излишнимъ считаю пояснить вашему превосходительству, что сколько мнѣ извѣстно о происходящихъ съ разныхъ постороннихъ лицъ интригахъ, то онѣ суть поводомъ распри между семействомъ Дунаевскихъ, изъ

чего возникаютъ разнородныя дѣла, которыя въ самомъ существѣ не суть серіозныя, какъ представляются, и если бы всѣ ихъ заведенныя дѣла, возникшія съ личнаго по большей части негодованія, могли быть производимы дворянскимъ чиновникомъ, заслуживающимъ по своему достоинству общаго уваженія, тогда ваше прев-ство настояще изволили бы удостовѣриться о истинѣ происходящаго между этою фамиліею. Теперь же мнѣ болѣе не остается, какъ только просить особы вашей о смягченіи участи помѣщика предводимаго мною уѣзда и представить вашему прев-ству къ начальническому правосудію его прошеніе въ подлинникѣ".

А въ этомъ прошеніи Юзефъ тянулъ старую пѣсню: „Отъ давнихъ временъ бывъ преслѣдованъ сестрою моею Ѳеклою и крестьяниномъ Ефимомъ Маслюнцемъ, возмущающимъ крестьянъ моихъ и состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ оной сестры, бытность коего въ услугахъ оной сестры моей наводитъ оскорбительные оговоры для цѣлаго нашего семейства, а чрезъ тѣхъ лицъ и братъ мой Игнатій по слабому понятію привлеченъ и наговоренъ негодованію ко мнѣ", и что эти лица будто-бы подговариваютъ и наущаютъ его крестьянъ взводить на него небывалые поступки.

На этотъ разъ Фундуклей оставилъ безъ вниманія іеремiяду Дунаевскаго, равно и ходатайство предводителя; но черезъ полтора мѣсяца (25 іюня, 1844 г.) къ нему поступило слезное прошеніе жены Юзефа, Октавіи Дунаевской. Въ немъ она силилась разжалобить губернатора такою жалостною антитезою, что въ то время, какъ ея мужъ, „ложными доносами обмаранный, безвинно страдаетъ подъ арестомъ въ г. Сквирѣ, збалованый мужикъ Ефимъ Маслюнецъ покровительствомъ Ѳеклы Дунаевской не былъ подверженъ никакому наказанію и, не бывъ обуздаемый за толико чинимыя имъ проказы, какъ прежде возмущалъ крестьянъ,

подговаривая ихъ на разныя беззаконные поступки, дабы тѣмъ обезславить мужа моего передъ начальствомъ, тѣмъ паче нынѣ, оставаясь на свободѣ и видя мужа моего подъ арестомъ, вновь дерзнулся всѣми силами возмущать крестьянъ и отводить ихъ отъ должнаго повиновенія, внушая имъ, что въ скорости они будутъ свободными"; поэтому она просила: „арестъ надъ мужемъ моимъ прекратить, имѣніе его отъ опеки освободить, для прекращенія буйныхъ поступковъ Ефима Маслюнца до времени разрѣшенія всѣхъ дѣлъ предать тюремному заключенію, а сквирскому земскому суду предписать, дабы крестьянамъ мужа моего должное повиновеніе внушить". Прошеніе это, поддержанное ходатайствомъ предводителя Хоецкаго о выдачѣ ему Дунаевскаго на поруки, видимо поколебало рѣшимость Фундуклея, и онъ того же 25 іюля передалъ письмо Хоецкаго въ губ. правленіе на заключеніе; но, вѣроятно, на словахъ онъ обнадежилъ Хоецкаго, что его ходатайство будетъ удовлетворено, потому что не далѣе какъ 30-го іюля получилъ отъ сквирскаго городничаго слѣдующій рапортъ: „Находившійся въ г. Сквирѣ подъ полицейскимъ присмотромъ помѣщикъ с. Чубинецъ І. Дунаевскій, въ слѣдствіе полученнаго мною отношенія уѣзднаго предводителя Хоецкаго, основаннаго на предписаніи вашего прев-ства, 27-го сего іюля освобожденъ изъ такового присмотра и отправился въ имѣніе свое с. Чубинцы". Одновременно съ этимъ и земскій исправникъ донесъ, что, согласно предписанію губернатора, вольноотпущенный человѣкъ Ефимъ Маслюнецъ, въ виду обнаруженнаго участія его въ семейной распрѣ Дунаевскихъ и большого вліянія на крестьянъ, на время слѣдственнаго производства удаленъ изъ с. Чубинецъ „и дабы не могъ имѣть тайныхъ сношеній и переговоровъ съ крестьянами, переданъ приставу 3-го стана для содержанія подъ строгимъ присмотромъ въ становой квартирѣ".

Такъ снова колесо тогдашней административной машины сдѣлало неожиданный поворотъ и вернуло дѣло къ прежнему положенію, когда (какъ выразился въ одномъ прошеніи Игнатій Дунаевскій) „обидящій торжествовалъ и веселился, а обидимый проливалъ слезы".

О. Левицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).